

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

829

Аристов, Н. *И*А. 9/47/11 164

МОСКОВСКІЯ СМУТЫ

ВЪ ПРАВЛЕНІЕ

ЦАРЕВНЫ СОФІИ АЛЕКСѢЕВНЫ.

СОЧИНЕНІЕ

Н. Аристова.

besty B

133 50 3 457

ВАРШАВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ВАРШАВСКАГО УЧЕБНАГО ОБРУТА.

1871.

DK125
A7

(Изъ Варшавскихъ Университетскихъ Извѣстій).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Не завидна была судьба русской царевны Софіи Алексѣевны въ жизни, не почтило ее достойной памятью и потомство; доселѣ господствующее мнѣніе въ исторіи составлено о ней не совсѣмъ лестное. Всѣ мы съ дѣтства читали въ учебникахъ, что эта женщина надѣлена была блестящими дарованіями; но ихъ затмѣвало непоумѣрное властолюбіе; она домогалась извести брата своего Петра, чтобы овладѣть самой царствомъ,—и еслибы удались ея злые замыслы, она навѣрно лишила бы Россію одного изъ величайшихъ дѣятелей историческихъ, выдвинувшихъ наше отечество изъ мрака къ свѣту. Во многихъ изслѣдованіяхъ оуждается вся ея правительственная дѣятельность, и всѣ смуты конца XVII стол. приписываются ея кознямъ. Но при глубокомъ изученіи правленія Софіи, старинный взглядъ на личность царевны и ея общественную дѣятельность оказывается не совсѣмъ точнымъ и вѣрнымъ. Правда, трудно сомнѣваться въ общепринятомъ издавна и теперь ходячемъ мнѣніи, при той громадной массѣ свидѣтельствъ, какая пущена въ оборотъ особенно въ XVIII стол.; но я попробую сначала провѣрить достоинство и направление этихъ историческихъ данныхъ, и затѣмъ постараюсь опредѣлить истинный смыслъ московскихъ волненій и смутъ въ правленіе Софіи. Что же касается до возстановленія характера царевны и ея дѣятельности въ настоящемъ свѣтѣ, а равно изображенія внутренней жизни Россіи въ концѣ XVII в., то этотъ предметъ мною уже изслѣдованъ и составляетъ содержаніе особаго сочиненія, которое скоро явится въ печати.

ОБЗОРЪ СОЧИНЕНІЙ,

касающихся правленія царевны Софіи Алексѣвны.

Когда Софія была въ силѣ и заправляла всѣмъ русскимъ государствомъ, ея враги молчали или порицали ее втихомолку; а друзья и приверженцы хвалили и прославляли свойства и заслуги царевны передъ отечествомъ. Изъ числа ея сторонниковъ въ этомъ отношеніи самое видное мѣсто занимаетъ монахъ *Сильвестръ Медвѣдевъ*. Какъ въ высшей степени даровитый и образованный человекъ, онъ любилъ собирать различныя сочиненія и въ его библиотекѣ находилось болѣе 600 томовъ разныхъ сочиненій, отчасти польскихъ и латинскихъ. Онъ вступалъ въ сношенія съ людьми просвѣщенными, знакомъ былъ со всей почти славяно-русской библиографіей и любилъ самъ заниматься сочиненіями. Родившись около г. Курска, онъ, по близкимъ сношеніямъ съ юго-западной Россіей, познакомился съ ея ученостью и заимствовалъ черты направленія ея жизни и воззрѣній; этому содѣйствовалъ и учитель его Симеонъ Полоцкій. Знаніе латинскаго и польскаго языковъ, глубокая начитанность, дѣльные сочиненія и, вдобавокъ, сильный характеръ справедливо доставили ему громкую славу (*Обзоръ архіеп. Филарета 246—8*).

Царь Θεодоръ Алексѣевичъ посѣщалъ Медвѣдева, когда онъ былъ строителемъ Заиконоспасскаго монастыря, переписывался съ нимъ собственноручно и смотрѣлъ на его мудрость съ глубокимъ уваженіемъ ¹⁾.

Послѣ Симеона Полоцкаго, онъ сталъ главнымъ духовнымъ лицомъ, при дворѣ Софіи и оставался вѣрнымъ стремленіямъ своего учителя, хотя не имѣлъ ловкости придворной царскаго духовника и наставника иезуитскихъ югозападныхъ школъ,—дѣйствовалъ рѣзко и энергично. И вотъ, этотъ-то человекъ, гонимый патріархомъ, обреченъ былъ раздѣлить судьбу сторонниковъ Софіи и сложить свою голову за приверженность къ царевнѣ и за искреннія похвалы въ честь ея.

По обычаю времени и по образцу своего учителя, Медвѣдевъ превозносилъ въ стихахъ Софію. Вмѣстѣ съ Шакловитымъ, (*оба-уроженцы с. Новоспасскаго около г. Курска*), онъ старался возвысить личность царицы,—и съ этою цѣлью они устроили похвальную рацею, которую говорили царицѣ братья Перекрестовы, послѣ 1-го крымскаго похода, а сочинялъ учитель Богдановскій. По ихъ же старанію, Богдановскій "записалъ въ похвалу Софіи книжку о ея добродѣтеляхъ, какъ она „бунтъ утишила, и монастыри строить, и къ людямъ милостива, и премудра.“ За тѣмъ напечатанъ былъ ея портретъ и надъ нимъ „изліяніе седми даровъ Св. Духа,“ а подпись составлялъ отецъ Сильвестръ. Шакловитый всѣ листы носилъ къ Медвѣдеву, который ихъ, вѣроятно, проэктировалъ.

Забываясь, чтобы слава о царицѣ и за моремъ въ чужихъ краяхъ была великая, Шакловитый образчикъ портрета послалъ въ Голландію къ амстердамскому бургомистру Николаю Витзену, черезъ дьяка Андрея Виніуса, съ просьбою—снять съ него копію и написать полное наименование (*титულъ*) царицы, вмѣстѣ съ виршами на нѣмецкомъ и латинскомъ языкахъ; стихи были сочинены С. Медвѣдевымъ. Виніусъ исполнилъ порученіе и послалъ за границу образцовый листъ. Витзенъ скоро выслалъ до сотни печатныхъ портретовъ Софіи Алексѣевны ²⁾).

Но не вирши и похвалы Медвѣдева важны для насъ, а его замѣчательныя записки о правленіи Софіи. Какъ человекъ образованный по своему времени и какъ очевидецъ происшествій, С. Медвѣдевъ изложилъ рассказъ о нихъ въ высшей степени добросовѣстно и безпристрастно. Какъ точный библиографъ, Медвѣдевъ собиралъ акты и неудивительно, что въ его запискахъ они служили основаніемъ для правдиваго рассказа: онъ не рѣдко включалъ ихъ въ текстъ цѣликомъ. Записки Медвѣдева передаютъ все отчетливо и точно; потому что ему вполне были извѣстны событія, какъ современнику, видѣвшему всю картину разгорѣвшагося бунта, а какъ лицу, близкому къ правительству, ему доступны были многіе акты, переписанные имъ буквально ³⁾). Кромѣ того, изложеніе и языкъ его записокъ обличаютъ въ немъ человека дѣльнаго и умнаго, который искусно распоряжался матеріалами. Что же касается до сочувствія и неприязни къ разнымъ лицамъ, которыя выражены въ запискахъ Медвѣдева, то это дѣлаетъ честь автору въ пору схоластическихъ общихъ мѣстъ; слѣдовательно, онъ былъ личностію развитою, съ собственнымъ взглядомъ и убѣжденіемъ. А съ другой стороны, его пристрастіе къ Софіи слишкомъ преувеличено приверженцами Петра. Медвѣдевъ, какъ монахъ, не пускаетъ изъ виду моральной стороны обстоятельствъ, хотя говоритъ о дѣлѣ вовсе не съ точки зрѣнія аскетической, но по взгляду дѣльнаго и гуманнаго человека, для котораго всѣ люди равны и дорога

одна правда. Чѣмъ болѣе изучаешь записки Медвѣдева, тѣмъ сильнѣе увѣряешься въ полной ихъ достовѣрности и находишь въ нихъ громадныя достоинства. Когда другіе писатели, враждебные царевнѣ Софіи, стараются найти причины I-го стрѣльческаго бунта въ тайныхъ интригахъ, Медвѣдевъ справедливо указываетъ ихъ въ тогдашнемъ положеніи дѣлъ: стрѣльцы взялись за оружіе, вслѣдствіе вопіющихъ злоупотребленій со стороны начальниковъ, ссылавшихъ правдивыхъ челобитчиковъ и притѣснявшихъ своихъ подчиненныхъ взятками и налогами. Поэтому онъ не ругаетъ стрѣльцовъ, какъ другіе, въ родѣ Матвѣева,—кровопійцами и исчадіями сатаны, но называетъ ихъ невѣждами и злыми, когда они выходили изъ предѣловъ, предписываемыхъ нравственностью, разсудкомъ и приличіями (*Зап. Сахарова 15—16*); онъ пишетъ о замѣчательно честномъ обѣщаніи стрѣльцовъ—никого не грабить, которое они сдержали рыцарски. Но онъ не скрываетъ ихъ недостатковъ, что они не удовольствовались государевымъ указомъ, руководились силетнями, бражничали и „возсвирѣгли тако, яко никому же дающе съ собою глаголати.“ Медвѣдевъ вовсе не относится къ стрѣльцамъ ни съ похвалою, какъ соучастникъ бунта, ни съ злобою, какъ врагъ ихъ; но слѣдить за ходомъ дѣла безпристрастно, старается выяснитъ причины бунта и отзывается о многихъ убитыхъ, какъ о людяхъ дѣльныхъ, принесшихъ пользу государству. Онъ пишетъ, что А. С. Матвѣевъ „бѣ человекъ остръ въ разумѣ, и гражданскимъ дѣламъ искусенъ зѣло;“ Г. Г. Ромодановскій, „искусенъ въ воинскомъ дѣлѣ и сильный мужъ;“ Ларіонъ Ивановъ, думный дякъ, „мужъ въ дѣлахъ гражданскихъ и посольскихъ былъ разуменъ.“ Медвѣдевъ о Нарышкиныхъ говорить съ большимъ участіемъ и соболѣзнованіемъ, когда могъ бы удобно избѣгать симпатическаго выраженія своего взгляда, если бы чувство было не искренно. Замѣчательнѣе всего, что онъ о патриархѣ выражается съ глубокимъ уваженіемъ: „Святѣйшій патриархъ съ верху, между множества стрѣльцовъ, едва пройде въ соборную церковь. Невѣжди же зѣло ему въ церкви досаждали всякими словесы, чesого было имъ и мысли не довелось.“ (*Зап. Сахар. 13—14*). Но самъ патриархъ съ своими приверженцами старались всѣми силами выставить на позоръ замѣчательную личность Медвѣдева, писали о немъ съ ненавистью и съ презрѣніемъ, когда привлекли его къ суду и онъ раскаялся; они злорадно относились, когда онъ унижался и слезно просилъ милости ¹⁾).

Многія лица воскуряли еиміамъ Петру, Ломоносовъ восхвалялъ Елисавету, Державинъ—Екатерину II въ широкихъ размѣрахъ, и имъ никто не ставитъ въ упрекъ ихъ воспѣваній, а Медвѣдева всѣ обвиняютъ, что онъ былъ пристрастнымъ къ Софіи. Одна вѣжливость къ лицу правительственному заставляла современнаго писателя быть осторожнымъ въ

выраженіяхъ, каково бы это лицо ни было; если же это лицо дѣйствительно даровитое и заслуживающее похвалы, то и въ вину Медвѣдеву нельзя ставить подобной слабости, положимъ. Но онъ правъ въ томъ отношеніи, что дѣйствительно, благодаря энергіи Софіи и ея распорядительности, 1-й стрѣлецкій бунтъ улегся скоро. Описывая его, авторъ прибавляетъ: „тогда бо по истинѣ видѣти бысть ослабѣніе рукъ у всѣхъ людей, яко нѣсть помогающаго и къ полезному укрѣпляющаго, мало бы не всѣ приказныя судилища опустѣша безлюдствомъ.“ (*Зап. Сахар. 16—21—24*). Въ эту-то странную пору явилась на сцену энергическая царица. И слѣдов. его слова не слишкомъ преувеличены, когда онъ говоритъ: „Въ древніи роды чудодѣйствуя жены мудрыя благоволятъ Господь послати въ пособіе правленія царства князя Петра Ал., въ юныхъ его лѣтѣхъ воздвиже сестру его, царевну Софію Ал. Ей же данъ чудный смыслъ и сужденіе неусыпнымъ сердца своего окомъ, непрестанно творяще къ российскому народу велій трудъ.“ (*У Туманск VI, 82*). Подобные отзывы мы постоянно встрѣчаемъ о Софіи и у писателей, враждебныхъ ей.

Короче: каждое почти показаніе Медвѣдева въ настоящее время можно считать несомнѣннымъ постъ обнаруженія нѣкоторыхъ официальныхъ русскихъ актовъ, которые согласны и съ сказаніями современниковъ—иностранцевъ, особенно съ донесеніемъ датскаго резидента, вѣроятно—Розенбуша ³).

Донесеніе датскаго резидента Розенбуша отъ 19 мая 1682 г. подтверждается официальными русскими документами и представляетъ драгоценный памятникъ для изображенія 1-го стрѣлецкаго бунта. Онъ не только былъ очевидцемъ событій, но и самъ едва спасся отъ смерти. Розенбушъ находитъ причины волненій въ положеніи дѣлъ тогдашняго времени, какъ и Медвѣдевъ, а не въ интригахъ Софіи ⁴). Другіе безпристрастные современники, писавшіе о правленіи Софіи, также не обвиняютъ ее въ интригахъ и козняхъ противъ Петра В. Стоитъ прочесть *Дневникъ Патрика Гордона*, чтобы увѣриться въ этомъ ⁵).

Иностранцы же наблюдатели и изслѣдователи русской жизни, хотя бы самые добросовѣстные, не могли избѣжать ошибокъ и промаховъ: одни руководствовались прежними подозрительными записками, выдаваемыми за свидѣтельства очевидцевъ и заносили въ свои дневники ложныя свидѣтельства предшественниковъ. Таковы свѣдѣнія, сообщаемыя *Кемпферомъ* и *Аврелемъ*, которые, между дѣльными замѣтками, помѣстили много невѣрнаго; но и они не знали ничего объ интригахъ Софіи. Другіе руководились національными стремленіями ⁶).

Записки Медвѣдева и донесеніе Розенбуша, какъ основательныя и добросовѣстныя, должны бы, казалось, отрезвительно подѣйствовать на

грядущее воколѣніе и внушить мысль, что причина 1-го бунта лежала въ общественномъ неустройствѣ разныхъ классовъ общества. Но страсти человѣческія искали своего оправданія въ интригахъ частныхъ лицъ и въ мелкихъ событіяхъ.

Сторонники Петра на словахъ часто льстили царевнѣ, когда у ней была въ рукахъ власть, зорко смотрѣли, чья сторона возьметъ, чтобы примкнуть къ сильному. Даже дѣльныя и образованныя лица поставлены были въ необходимость хвалить Петра непремѣнно вмѣстѣ съ Іоанномъ и Софіей. Мы имѣемъ интересный образчикъ подобнаго восхваленія въ статьѣ Игнатія, новоспасскаго архимандрита и впослѣдствіи митрополита тобольскаго, который написалъ „Свидѣтельство ко образу неизреченныя Софіи премудрости слова божія о россійскомъ благословенномъ царствіи“. Въ статьѣ своей онъ предлагаетъ вопросъ: „По чему образъ Софіи премудрости слова божія извѣствуетъ свидѣтельство о московскомъ россійскомъ царствіи?“ И за тѣмъ даетъ отвѣтъ: „По всему: царство московское—царство божіе и божіихъ угодниковъ благочестивыхъ государей нашихъ царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича и благочестивой сестры ихъ в. государыни и в. княжны Софіи Алексѣевной всея великія, малыя и бѣлыя Россіи самодержцевъ“ (*Подробности въ примѣч. 9*).

Въ грамотѣ своей въ Москву въ 1686 г. *патріархъ іерусалимскій Досифей* называетъ Софію: „обрацемъ добродѣтелей, отеческаго благородія пребываніемъ; царской державы строительницею, апостольской вѣры защитницею и поборницею“. „Тишайшая православнѣйшая, пишеть онъ, Богомъ вѣнчанная, защитница христіанскаго народа, милостію божіею царевна, великая княжна московская, госпожа Софія Алексѣевна, самодержица всея великія, малыя и бѣлыя Россіи, многихъ государствъ восточныхъ, западныхъ и сѣверныхъ отчична, дѣдична, наслѣдница и обладательница, дщерь о Христѣ Іисусѣ возлюбленная отъ глубины сердца, возжелаемая“. Въ томъ же родѣ писалъ къ ней патріархъ цареградскій Діонисій въ 1686 г.: „рѣдко самого благого мужа украшаютъ четыре главныя добродѣтели: теплая вѣра, разумъ, мудрость, цѣломудріе, ты обладаешь имъ всѣми. Теплую вѣру дѣлами показуешь, разумъ явила въ истязаніи приснопамятномъ (*въ преніи съ раскольниками*), мудростію ты предсѣдательствуешь и именованъ, и самимъ дѣломъ, какъ вторая Марѳа, а дѣвство сохраняешь, по примѣру пяти цѣломудренныхъ дѣвъ, съ ними же вгрядешь въ радость жениха“ (*Рус. Сл. 1852, XII, 421—2*).

Когда же пали вѣрные сподвижники Софіи, то оставшіеся друзья приуждены были бѣжать или скрывать старую приверженность къ ней, боясь

грозной опалы; осыпанные милостями Софіи, надутые гордыней и блиставшіе счастьемъ отъ ея благосклонности, измѣнили ей, заплатили черной неблагодарностью и увлеклись подачками ея враговъ. При деспотизмѣ Петра, не осталось ни одного изъ сторонниковъ царицы, который бы даже тайно втихомолку составилъ правдивый разсказъ объ этой замѣчательной женщинѣ. Дьякъ Андрей Виніусъ, который помогать, чтобы слава о царицѣ была великая и за моремъ, и способствовать напечатанію въ Голландіи ея портрета, — съ наденіемъ Софіи чуть не проклиналъ себя за то, что былъ посредникомъ между Шаковитымъ и Витзенемъ и невольнымъ виновникомъ распространенія ея славы. Съ чувствомъ глубокаго сожалѣнія онъ объяснялъ на слѣдствіи (1690 г. 5 нояб.), что послалъ во 195 г. листъ“, опасаясь в. государей указу, а отъ Федыки какова зла, отказать ему не смѣлъ, а потому де его Федыкину приказу тотъ образцовой листъ послалъ за море.“ Раскаяніе было полное и переходъ на сторону сильной партіи быстрый, какъ дѣлали всѣ иностранцы, начиная съ Гордона и вліятельныхъ лицъ, въ родѣ гетмана Мазепы; всѣ стали отрекаться отъ самыхъ невинныхъ отношеній къ ней пріятельныхъ. Когда партія Петра забрала въ руки всю власть, она усердно заботилась объ уничтоженіи всѣхъ прежнихъ сочиненій и другихъ знаковъ, выражавшихъ силу и власть Софіи, какъ то: ея портрета, монеты и т. под. Волей-неволей все дворянство должно было примкнуть къ партіи Нарышкиныхъ; являлись недовольные въ родѣ князя Козловскаго, который не хотѣлъ сидѣть за обѣдомъ съ Львомъ Кириловичемъ; но до энергическаго обнаруженія приверженности было далеко. Злобныя выходки прежнихъ сторонниковъ Софіи, Соковнина и Цыклера, обманутыхъ надеждой на счастье, ожидавшихъ возвышенія за измѣну царицѣ, ни къ чему не привели и только повредили ей, усиливъ подозрительность царя къ сестрѣ. Во время розыска по дѣлу Цыклера, въ первый разъ Ив. М. Милославскій явился главнымъ виновникомъ мятежа, какъ обвинялъ его этотъ полковникъ. Софія тоже, по его словамъ, подзывала его когда-то къ своему окну и подговаривала на убійство царя Петра. И хотя эти показанія весьма сомнительны, они возбуждали еще болѣе злобы и ненависти въ царѣ и его приближенныхъ къ друзьямъ Софіи. Правда, народный голосъ, въ лицѣ стрѣльцовъ, стоялъ еще за нее: они говорили о Софіи съ уваженіемъ и звали ее опять на тронъ; но постѣ ужасной картины стрѣльчихихъ казней 1698 г. все замолкло: ни одинъ звукъ, ни одно слово измѣнчиваго дворянства не раздались въ ея пользу. И не удивительно. При единодержавіи Петра, всѣ приверженцы прежней правительницы, въ виду грозной опалы, должны были молчать или тянуть въ одинъ тонъ подъ управленіемъ суроваго капельмейстера. Онъ заставлялъ пи-

сать такую исторію при своей жизни, какая ему понравится, и не любилъ, когда говорили о темныхъ сторонахъ его царствованія.

Извѣстно, какого шума надѣлали заграничныя *Записки Корба*, которыя теперь во многихъ отношеніяхъ считаются правдивыми и добросовѣстными, а Петръ признавалъ содержаніе ихъ клеветой и требовалъ сожженія. Корбъ писалъ свои записки во время послѣдняго стрѣлецкаго погрома, слѣдовательно, когда уже не оставалось приверженцевъ Софіи или они боялись высказываться, и все, что онъ слышалъ, говорило не въ ея пользу. Впрочемъ, какъ правдивый писатель, онъ дѣлаетъ постоянно оговорки, что слышалъ отъ другихъ, или какая ходитъ общая молва, и эти слухи весьма интересны. По словамъ Корба, Петръ заточилъ свою сестру въ монастырь за многократные заговоры и злоумышленія противъ его жизни. Эти коварныя замыслы Софіи начались очень рано. На похоронахъ царя Θεодора, при угощеніи стрѣльцовъ, царица подлила отраву въ вино и сказала, что это сдѣлали бояре, которые извели ея брата Θεодора; одинъ стрѣлецъ попробовалъ этого вина, но тутъ же упалъ мертвымъ. Это обстоятельство произвело страшный бунтъ; стрѣльцы возбудили 60,000 челоувѣкъ изъ народа къ мятежу; но нѣмцы взяли верхъ и, благодаря имъ, царь Петръ спасся отъ гибели. Въ началѣ бунта 1688 г. женевецъ Лефортъ, при возмущеніи Софіи, спасъ царя, явившись въ Троицкую лавру съ горстью солдатъ; съ тѣхъ поръ государь осыпалъ его безпрерывными почестями. „*Обицля молва*, по словамъ Корба, обвиняетъ царицу и въ томъ, что она была зачинщицею послѣднихъ смутъ. “ Не смотря на крѣпкую стражу, царица ухитрилась передать письмо стрѣльцамъ въ хлѣбѣ, который относилъ имъ нищая старуха, надѣясь на богатое вознагражденіе. Софія призвала ихъ двинуться на монастырь, перебить караульныхъ и начать кровопролитную борьбу; но хлѣбъ былъ перехваченъ. „Царица Софія, о которой говорятъ, что она, въ теченіи 14 лѣтъ, покушалась на жизнь своего брата, не разъ была виновницею возмущенія въ царствѣ. Ея козни и заговоры были обнаружены и принудили наконецъ брата ея и государя обезпечить свою собственную безопасность: онъ счелъ это тѣмъ болѣе нужнымъ, что послѣднія смуты удостовѣрили его въ томъ, что въ Московіи ничто не будетъ прочно, доколѣ Софія пользуется свободою. Поэтому она была заключена въ Новодевичій монастырь подъ строгимъ надзоромъ царскихъ воиновъ; но, не смотря на принятые противъ нея мѣры предосторожности, честолюбивая царица обманула бдительность столькихъ глазъ: она обѣщала вновь возмущившимся стрѣльцамъ быть ихъ предводительницею, входила съ ними въ сношенія, посылала имъ совѣты, какъ дѣйствовать, указывала на обольщенія, которыми можно достигнуть успѣха. Царь самъ допрашивалъ ее касательно этихъ посяга-

тельство; неизвестно еще, что она отвѣчала, но то вѣрно, что царь оплакивалъ тогда какъ ее, такъ и свою судьбу. *Нѣкоторые уверяютъ*, что царь хотѣлъ казнить ее, оправдывая свое намѣреніе словами: „примѣръ Маріи Шотландской, идущей изъ темницы подъ мечъ палача, по приказанію сестры Елизаветы, королевы англійской, указываетъ, что и я долженъ подвергнуть Софію моему царскому правосудію.“ Тѣмъ не менѣе, и въ этотъ разъ братъ простилъ преступную сестру, только въ наказаніе сослалъ ее въ дальнѣйшій монастырь „¹⁾“. Очевидно, Корбъ записалъ все, что слышалъ въ Россіи отъ высшихъ лицъ, которыя производили слѣдствіе надъ приверженцами Софіи. Съ общаго голоса враговъ Голицына, онъ обвиняетъ этого вельможу въ измѣнѣ, какъ и И. А. Желябужскій, будто оберегатель погубилъ тысячи народа, погнавъ полки по горячей степи за взятки, которыя ему дали Татары. „Поворотилъ свои полки назадъ и гналъ ихъ черезъ мѣста, охваченныя уже дымомъ. Многія тысячи погибли ужасною смертію, задушеныя убійственнымъ чадомъ. Скоро открыли виновника толикаго урона: золото, найденное въ значительномъ количествѣ въ казнѣ Голицына, обличало злоумышленника; за тѣмъ онъ *самъ признался* въ томъ, что его побудило къ измѣнѣ. Лишенный всего своего имѣнія, князь сперва въ Сибири занимался ловлею соболей.“ Вообще Корбъ не благоволилъ къ русскимъ, считая ихъ народомъ невѣжественнымъ, который относился не лестно къ иноземцамъ, навязывавшимъ Россіи свои высокія знанія и общественные порядки. Большая часть москвитянъ, говоритъ онъ, по самой природѣ своей, имѣютъ столь варварскіе нравы, что не терпятъ благодѣяній, вносимыхъ въ ихъ отечество иностранцами ²⁾“).

Самолюбивому иностранцу простительно было ошибаться, (эти образцы и доселѣ у насъ предъ глазами): онъ смотрѣлъ на стрѣльцовъ и на партію Софіи, какъ на враговъ европейской цивилизаціи; но совѣстно позднимъ русскимъ писателямъ, которые промахи Корба выдавали за несомнѣнные факты.

Польскіе писатели тоже руководились при взглядѣ на правленіе Софіи чужими мнѣніями и писали по слуху. Они разглашали, что стрѣлецкіе бунты въ Россіи—дѣло двухъ придворныхъ партій; судили по внѣшности, не винкая во внутреннія движенія; иногда говорили вѣрно въ главномъ, но ошибались въ подробностяхъ. Вотъ сущность ихъ рассказовъ, которая заключается въ донесеніи одного неизвестнаго польскаго писателя: *Diariusz zabóuystwa tyrańskiego Senatorów moskiewskich w Stolicy, roku 1683* ³⁾). По смерти царя Алексѣя Мих. выступили двѣ партіи. Во главѣ Нарышкиныхъ стоялъ А. С. Матвѣевъ; онъ тайно дѣйствовалъ на стрѣльцовъ; во дворцѣ, среди ночи, онъ объявилъ о смерти

царя и посадить младшаго царевича Петра на царскій престолъ, доказывая, что Θεодоръ боленъ и неспособенъ къ управленію. На сторонѣ Милославскихъ стоялъ Долгорукій, опекунъ Θεодора; онъ обратился къ патриарху, вынесъ на рукахъ больнаго Θεодора и посадилъ его на тронъ. Матвѣева обвинили въ чернокнижѣ и сослали въ Верхотурье. Первая супруга царя Θεодора, Агата Грузеска (*Агавья Грушецкая*), полька родомъ, имѣла доброе вліяніе на Θεодора: подъ ея вліяніемъ, царь позволить завести въ Москвѣ школы польскія, даже обѣщаль дать право на построение католической церкви. Другая супруга Θεодора, Марья Евпраксимовна (*Марья Матвѣевна Апраксина*), настаивала на томъ, чтобы царь возвратилъ Артамона изъ ссылки. По смерти Θεодора, Софія, противъ обычая страны, по которому должна оставаться въ теремѣ, участвовала при погребеніи царя. Петръ съ матерью удалился изъ церкви прежде окончанія обряда и этимъ возбудилъ неудовольствіе народа и духовенства. Царевна Софія и ея сестры жаловались на Петра и его родственниковъ за неуваженіе къ своему брату. Мать Петра отвѣчала, что Петръ еще мальчикъ, что онъ не могъ вынести столь продолжительный обрядъ, утомился и поэтому долженъ былъ выйдти изъ церкви. „Оставьте въ покоѣ умершаго, — сказалъ при этомъ Иванъ Нарышкинъ, — нашъ царь не мертвъ, а живъ.“ Петръ хотѣлъ посѣтить смущенныхъ его поступкомъ царевенъ, своихъ сестеръ, но онѣ отказали ему. Между тѣмъ Софія, идя домой съ погребенія, сильно жаловалась народу на оскорбленіе, сдѣланное царемъ Петромъ и Артамономъ; она говорила къ народу: „Ужели вы не видите, что нашъ братъ царь отравленъ злыми людьми? Сжальтесь надъ нами, у насъ похитили родителей и братьевъ. Вы видите, какъ обошли другаго брата нашего Іоанна и не выбрали его въ цари. Если мы вредны для васъ и для бояръ, то пошлите насъ въ страны иныхъ государей, въ страны христіанскія.“ Этой рѣчью Софія народъ былъ сильно смущенъ; а между Софіей и Натальей разгорѣлась жестокая вражда; царевна совѣтуется съ Милославскими и Хованскимъ, послѣдній дѣйствуетъ на стрѣльцовъ. Софія скрыла Іоанна въ своей комнатѣ и распустила молву, что царь Іоаннъ удушенъ Иваномъ Нарышкинымъ; оттого и возгорѣлся стрѣлецкій бунтъ. Хованскій домогался участія въ правленіи; но чины и бояре поручили заправлять дѣлами Софіи и просили, чтобы она не возвращалась въ Москву. Хованскій силою принудилъ вдову канцлера Ларіона, убитаго стрѣльцами Іасе, (*вдову думнаго дьяка Иванова*), выйти за себя замужъ, и черезъ двѣ недѣли у нея родился сынъ. Хованскій на совѣтъ предлагалъ вельможамъ, чтобы они выбрали его въ правители до совершеннолѣтія царей. Софію онъ думалъ выдать за мужъ за своего сына, обѣщая, что онъ такимъ образомъ удержитъ московское государство въ невозмутимомъ спокойствіи, спасеть его отъ сосѣ-

дѣй-враговъ и проч. Всѣ воспротивились предложеніямъ Хованскаго; когда поняла его намѣреніе царевна, она стала придумывать, какъ бы отдѣлаться отъ него. Черезъ нѣсколько времени, Софія позволила сыну Хованскаго войти къ себѣ; онъ былъ очень молодъ и казался ей негоднымъ къ браку; посмотрѣвъ на него, она засмѣялась и сказала, „что онъ больше способенъ быть ея лакеемъ, чѣмъ ея мужемъ“ (12).

Производство иностранныхъ записокъ, мемуаровъ и разныхъ писемъ особенно сильно было во время путешествія Петра В. по Европѣ и вслѣдъ за тѣмъ. Писатели старались поскорѣе отыскать разныя свѣдѣнія о Россіи и сообщить для удовлетворенія возбужденнаго тогда любопытства европейцевъ. И вотъ нахватачныя разныя свѣдѣнія изъ десятихъ рукъ приводились въ порядокъ разными аферистами и выдавались за наблюденія и свидѣтельства очевидцевъ. При такомъ состояніи и настроеніи общей любознательности, предположенія частныхъ лицъ являлись фактами. Главная мысль, которая руководила перомъ всѣхъ иностранцевъ, это — удивленіе къ энергическому царю Петру, который старался познакомить свой варварскій народъ съ европейской цивилизаціей, самъ пріѣхалъ учиться всему доброму и училъ подданныхъ. Пріятно быть народомъ—учителемъ другихъ народовъ, цивилизаторомъ варваровъ. Поэтому, незная прежней Россіи, европейцы увидѣли себя спасителями русскихъ отъ невѣжества и дикости, уничтожая все хорошее въ древнемъ. Началось рожденіе Россіи только съ Алексѣя Михайловича.

Саксонецъ Шлейзингъ, какъ пишетъ самъ, жилъ въ Москвѣ около двухъ лѣтъ (съ 22 апр. 1684), хотя вовсе не видалъ Россіи; о царевнѣ Софіи говорилъ мало, прибавивъ, что она *tanzet nach dem Clöster*. Дальновидные писатели чуть не считаютъ этого выраженія пророчественнымъ; но дѣло объясняется просто: Шлейзингъ издалъ свою компиляцію уже въ 1688 г., когда шаткое положеніе Софіи обнаружилось (13). Такого же свойства и компиляція *Крѣля*, изданная въ 1699 г. подъ именемъ англичанина *Бове* (Bouvet); онъ никогда не бывалъ въ Россіи и высказывалъ нахватачныя чужія мнѣнія (14). Онъ пишетъ, что царь Теодоръ назначилъ настѣдникомъ, передъ смертью, младшаго своего брата Петра, почитая Іоанна неспособнымъ къ правленію. Но Софія, будучи честолюбива, употребила всѣ свои происки для возложенія короны на своего брата Іоанна, или, паче сказать, на себя. „Къ лучшему достиженію сего намѣренія, она старалась распространить слухи, будто покойный царь Теодоръ Алексѣевичъ, братъ ея, оноемъ былъ ядомъ отъ своихъ лекарей, по наущенію знатныхъ бояръ, имена коихъ нарочно были объявлены, яко виновниковъ и споспѣшествователей толь ужаснаго преступленія. Зналъ, что болѣе всего она можетъ утвердить свои пользы привлеченіемъ на свою сторону стрѣльцовъ, велѣла также разгласить, будто при дворѣ принято

было намѣреніе намѣщать яду въ ту водку, которую хотѣли имъ поднести на царскихъ похоронахъ.“ (*Изъ Корба?*) Стрѣльцы пришли въ бѣшенство, перерубили лекарей царскихъ и бояръ, которые означены были царевной, яко противные ей пользамъ, и возвели на престолъ Іоанна (стр. 6—7). „Царевна, честолюбіе которой не удовольствовалося возшествіемъ на престолъ брата ея Іоанна, вступила въ заговоръ со стрѣлецкимъ начальникомъ Щегловитымъ, объявивъ ему, что братъ ея служилъ токмо предлогомъ въ возложенію короны на ея главу, что она желаетъ выйти за него замужъ и царствовать съ нимъ вмѣстѣ, если онъ соединитъ съ нею свои силы и старанія, что не трудно успѣть въ семъ намѣреніи, п. ч. російская имперія есть несносное бремя для двухъ малолѣтнихъ отроковъ. Онъ не въ состояніи былъ противиться сильнымъ ея обольщеніямъ; и они употребляли всѣ мѣры къ произведенію въ дѣйство сего предпріятія, которое долженствовало начаться смертію обоихъ царей, и кое бы непременно удалось по ихъ желанію, если бы заговоръ ихъ не былъ заблаговременно открытъ царемъ. Цари удалились въ Троицкой монастырь, Лефортъ оказалъ отчужденные знаки храбрости и вѣрности.“ Стрѣлецкій голова заманенъ былъ въ засаду подъ Троицкій монастырь, гдѣ онъ и другіе начальники бунта захвачены и наказаны были смертію. Царевна ушла въ монастырь (стр. 8). Оставалась одна недовольная партія между боярами, которые побуждаемы будучи происками царевны Софіи, нашли средство, не смотря на ея заключеніе, имѣть съ нею переписку о исполненіи своихъ умысловъ противъ особы государя. „Потеря любимыхъ стрѣльцовъ произвела непримиримую ненависть къ царю, и они вступили въ заговоръ противъ его жизни. Они склонили 4-хъ капитановъ 1-го стрѣleckаго полка и рѣшились зажечь ночью дома и на пожарѣ убить царя во время замѣшательства.“ Затѣмъ намѣренны были, какъ послѣ сами признались, присоединить къ своей партіи Донскихъ казаковъ, освободить изъ заключенія царевну Софію, возвратитъ изъ Сибири кн. В. В. Голицына и вручить имъ правленіе, а они должны были привести имъ стрѣльцовъ въ прежнее ихъ состояніе. Но небу угодно было тронуть сердца двухъ изъ четырехъ капитановъ, которые были сообщниками въ семъ заговорѣ. Одинъ именовался Лариономъ Елизаровымъ, а другой Григоріемъ Волеріе. Грызомые совѣстью о такомъ ужасномъ дѣлѣ, чистосердечно признались царю. О заговорѣ Цыклера царь узналъ 1 февраля 1697 г., обѣдая въ домѣ Лефорта. Онъ казался мало былъ тронутъ симъ ужаснымъ извѣстіемъ и, безъ всякой перемѣны въ лицѣ, всталъ изъ за стола и провождаетъ будучи малымъ числомъ надежнѣйшихъ людей, поѣхалъ прямо въ домъ главнаго злоумышленника, который называется Иванъ Сиглеръ и возведенъ былъ царемъ на степень статскаго совѣтника. Его величество, пришедъ въ домъ сего злодѣя, при-

казалъ прочимъ остаться за воротами; самъ же взялъ токмо съ тремя особами; и подъ тѣмъ предлогомъ, что имѣеть нужду въ его совѣтахъ по нѣкоторымъ важнымъ дѣламъ, приказалъ за собою слѣдовать. Лишь только онъ вышелъ на улицу, взять былъ подъ караулъ и отведенъ въ темницу.“ Тоже было и съ пятью его сообщниками. „Какъ изъ признанія нѣкоторыхъ злоумышленниковъ оказалось, что Иванъ Милославскій былъ главнымъ зачинщикомъ бунта, случившагося въ 1682 г., то тѣло его вырыто изъ могилы и найдено цѣло и невредимо, (хотя оно лежало въ землѣ около 12 лѣтъ); поставлены были висѣлицы и на нихъ повѣшены разныя части его трупa, растерзанныя въ одну минуту разъяренными народомъ.“ (стр. 36-39).

По всей вѣроятности, не былъ также въ Россіи и третій иностранннй писатель *Нёвилль*, хотя онъ и говоритъ, что жилъ въ Москвѣ около пяти мѣсяцевъ, (съ конца іюля до половины декабря 1689 г.), въ качествѣ польскаго гонца. При множествѣ любопытныхъ подробностей, у Нёвилля разсѣяно громадное количество разсказовъ самыхъ невѣроятныхъ и выдумокъ, ни на чемъ не основанныхъ. Вдобавокъ, онъ смотрѣлъ на русскихъ, какъ на дикарей, и изображалъ ихъ съ явнымъ недоброжелательствомъ и пристрастіемъ. Онъ говоритъ: „Москвитяне, собственно говоря, сущіе варвары, недовѣрчивые, лживые, жестокіе, развратные, обжорливые, корыстолюбивые, неопрятные, ниящіе и трусы.“ Съ ихъ грубостью нѣмцы ничего немогутъ сдѣлать. Личность царевны Софіи Нёвилль изображаетъ самыми мрачными чертами и заподозриваетъ въ неискренности и притворствѣ каждое ея дѣйствіе. Софія была весьма безобразна собою, необыкновенно толста, съ головою огромною, какъ кадушка; на лицѣ у нея волосы, на ногахъ наросты, и ей по крайней мѣрѣ 40 лѣтъ; но какъ не красива она собою, такъ напротивъ, хорошъ и проникателенъ умъ ея, и хотя она никогда не читала Макиавелли, но по природѣ знаетъ его правила и особенно то, что можно все предпринять и не считать самого убійства преступленіемъ, если этимъ пріобрѣтаетъ власть. „Эта принцеса съ честолюбіемъ и жаждою властолюбія, нетерпѣливая, пылкая, увлекающаяся, съ твердостью и храбростью соединяла умъ обширный и предпріимчивый.“ Въ вину Софіи поставлено было даже участіе къ больному брату; Нёвилль слышалъ, какъ Софія ходила за царемъ Θεодоромъ при смерти, и объясняетъ это заискиваніемъ и другими задними дѣлями царевны. . . . „Она оставалась у братниго одра. Всѣ заботы о немъ приняла на себя, безъ ея вѣдома никто къ нему не приближался, она подавала ему лекарства и утѣшала его. Эта умная царевна хорошо разсчитала, какъ и чѣмъ можно пріобрѣсть любовь, дружбу и признательность Θεодора. Въ самомъ дѣлѣ, она не только снискала любовь брата, но возбудила къ себѣ уваженіе со стороны вельможъ. Умѣя обойтись съ каждымъ, она привязала къ себѣ ихъ, удивляла

своимъ умомъ, своими свѣдѣніями, льстила ихъ самолюбію; привязала и народъ простой своимъ благочестіемъ и щедростью. Тѣ и другіе были преданы Софіи, любили и уважали ее и досадовали, что обычай запрещаетъ ей показываться въ обществѣ. Честолюбивая царевна не замедлила выполнить какъ ихъ, такъ и свое задушевное желаніе: она оставила монастырь. "По словамъ Нѣвилы, правленіе Софіи „ободрило и другихъ принцессъ царской крови оставить свои монастыри, въ которыхъ онѣ обыкновенно живутъ, и перейти въ царскій дворецъ, гдѣ находилась Софія“¹⁵⁾. Изложеніе событій, касающихся стрѣлецкихъ бунтовъ, спутано до послѣдней крайности. Нѣвилъ заставилъ бунтовать стрѣльцовъ до избранія Петра, потому что Софія подстрекала Хованскаго, и тутъ же выбрали Петра; потомъ она опять возбудила бунтъ вмѣстѣ съ Хованскимъ и тогда выбрали Іоанна; третій бунтъ былъ по смерти Хованскаго. До какой степени невѣроятны рассказы Нѣвилы, видно изъ его повѣствованій объ отношеніяхъ Софіи къ Голицыну. Сначала Софія совѣтовалась съ Голицынымъ, нельзя ли отдѣлаться отъ Петра сильными средствами; но миролюбивый министръ, не желая кровопролитія, уговорилъ царевну женить Іоанна, чтобы имѣть отъ него наслѣдниковъ. Какъ усердный католикъ, Нѣвилъ думалъ о соединеніи церкви восточной и западной, и потому пустилъ свои мечты въ ходъ, будто В. В. Голицынъ и Софія хотѣли соединить русскую церковь съ римскою, а папой сдѣлать С. Медвѣдева изъ своихъ честолюбивыхъ видовъ. Когда у Іоанна родится сынъ, думаютъ будто бы Голицынъ, царь Петръ естественно лишится всѣхъ своихъ приверженцевъ. Царевна сочетается въ то время бракомъ съ Голицынымъ, а дабы еще болѣе придать прочности дѣлу, въ патріархи изберутъ Сильверста, инока греческой религіи, но *по рожденію поляка*, который немедленно предложитъ посольство въ Римъ для соединенія латинской церкви съ греческой, что если бы совершилось, доставило бы царевичу всеобщее уваженіе. Царевна весьма охотно одобрила всѣ сіи предложенія и предоставила Голицыну и исполнять ихъ. Ей и въ мысль не приходило, что у Голицына были свои дальнѣйшіе замыслы, а именно, что присоединивъ москвитянъ къ римской церкви и надѣясь пережить Софію, не сомнѣвался, что папа назначитъ его законнаго сына наслѣдникомъ, вмѣсто тѣхъ дѣтей, которыхъ онъ могъ прижить съ царевною. (Relation стр. 55—60). Но послѣ крымскихъ походовъ. Софія сильно раскаявалась, что поступила опрометчиво по совѣту своего любимца: гордая и смѣлая царевна старалась удержаться на прежней степенн величія и—(трудно было ожидать отъ женщины!)—отважилась на кровавую развязку вопроса, старалась приблизить къ себѣ войско денежными наградами, вмѣсто старинной раздачи кафтановъ. Голицынъ убѣжденъ былъ ея доводами, чтобы дѣйствовать энер-

гически; но думалъ предварительно отправить сына своего въ Польшу въ качествѣ посла, съ большею частью своихъ сокровищъ. Нетерпѣливая же царевна не хотѣла даромъ терять ни одной минуты и выбрала исполнителемъ злодѣйскаго кровопролитія Ѡ. Шакловитаго. Этотъ окольный собралъ въ Кремль 600 стрѣльцовъ отчаянныхъ подъ командой Рязанова и поѣхалъ въ Преображенское съ цѣлю убить царя, но пока отдавалъ приказанія, сердца нѣкоторыхъ затрепетали и они поскакали за городъ извѣстить царя объ опасности. Онъ уже крѣпко спалъ въ своей постели. Тотчасъ онъ послалъ за своими дядьями, братьями своей матери, и наскоро совѣтывался съ ними, что ему дѣлать. Рѣшили послать въ городъ и достовѣрно узнать о ходѣ событій. Одинъ изъ царскихъ дядьевъ и князь Б. Голицынъ поѣхали съ порученіемъ: на дорогѣ встрѣтили они Шакловитаго, ѣхавшаго со стрѣльцами, скрылись отъ нихъ и постѣжили спасать царя. Петръ едва имѣлъ время сѣсть въ коляску съ матерью, супругою, сестрою и сопровождаемый немногими вѣрными служителями, поскакалъ въ Троицкій монастырь; жена Петра Марфія „тавъ испугалась, бывши принуждена слѣдовать за супругомъ своимъ въ его ночномъ побѣгѣ, почти полунагая, дабы спастись отъ смерти, (это неизбежно и случилось бы, еслибъ не предостерегъ младшій Голицынъ), что выкинула черезъ нѣсколько дней послѣ того. Однакожъ (?) родила она сына въ прошедшемъ февралѣ мѣсяцѣ и рожденіе сего царевича навсегда уничтожило всѣ притязанія царевны Софіи.“ Голицынъ успѣлъ бы бѣжать въ Польшу, но Софія не пускала его до времени, когда уже не могъ онъ уѣхать. „Онъ надѣялся, что король польскій окажетъ ему свое покровительство, если онъ пообѣщаетъ ему снарядить на свой счетъ нѣсколько войска въ его владѣніяхъ, съ конми можно было напасть на казаковъ и татаръ, дополняя силою, чего не исполнить хитрая политика.“ У Голицына нашли великія богатства: 100,000 червонцевъ въ сундукѣ, зарытомъ въ погребѣ—добыча изъ имѣнія гетмана Самойловича, и 400 сосудовъ (wessels) серебряныхъ, по 40 фунтовъ каждый. Жена Голицына и невѣстка его сосланы вмѣстѣ съ нимъ и съ сыномъ, и имъ было позволено взять съ собою всѣмъ четверымъ только 30 рублей. Что же касается до Шакловитаго, то онъ, привезенный въ Троицкій монастырь, въ темницѣ изложилъ на бумагѣ всѣ подробности заговора и во всемъ сознался. Петръ приказалъ сказать Софіи, чтобы она удалилась изъ дворца въ монастырь, который построила она въ Москвѣ. Она отказалась повиноваться и хотѣла уѣхать въ Польшу, но начальникъ стрѣльцовъ, по указу Петра, препроводилъ ее въ монастырь.— Сужденія Нѣвиля о крымскихъ походахъ, не смотря на многія интересныя подробности, слишкомъ преувеличены и недостовѣрны. Крымскіе походы, по его словамъ, не только не принесли пользы и славы московскому государ-

ству; но, напротивъ, причинили величайшій вредъ. Въ 1686 г. съ 1-го марта по 1-е мая во всю зиму соединились войска и составляли ополченіе изъ 300,000 пѣхоты и 100,000 конницы. Въ 1687 г. положено вступить въ Крымъ. Настояли и избрали полководцемъ большинствомъ голосовъ Голицына и съ намѣреніемъ погубить его, хотя по внѣшности оказывали ему почетъ, придавая титулъ генералиссимуса. Враги очень хорошо понимали, какъ трудно вторженіе въ Крымъ, и въ отсутствіе его надѣялись ослабить его великую власть. „Я слышала отъ нѣмецкаго офицера, что обозъ москвитянъ состоялъ изъ мильона лошадей; слухъ покажется невѣроятнымъ, но можетъ быть достовѣрнымъ, когда польская армія въ 24,000 человекъ, посланная въ 1686 г. къ Черному морю, вела за собой около 45,000 телѣгъ.“ Голицынъ, для отстраненія отъ себя при дворѣ нареканія о маломъ успѣхѣ похода, рѣшился свалить всю вину неудачи на гетмана Ивана Самойловича. Всѣ рассказы о крымскихъ походахъ слышала Невиль отъ польскихъ пословъ, бывшихъ въ Россіи со времени царя Θεодора.

Шлейзингъ, Крѣль и Невиль, вѣроятно, наслушались иностранцевъ, бывшихъ въ заграничныхъ путешествіяхъ съ Петромъ В. и на скорую руку излагали свои сомнительныя данныя, разбавляя воднистыми сказаніями другихъ лицъ. Въ этомъ отношеніи мы найдемъ сходство между указанными писателями; но Невиль имѣетъ то преимущество, что, кажется, слышала нѣкоторые рассказы отъ людей болѣе достовѣрныхъ и близкихъ къ Петру, чѣмъ Шлейзингъ и Крѣль. Эти сочиненія стоятъ разсмотрѣнія потому, что они имѣли громадное вліяніе не только на мнѣнія европейцевъ о правленіи Софіи, но и на воззрѣнія русскихъ писателей до послѣдняго времени, какъ увидимъ ниже.

Когда иностранцы изображали Россію въ правленіе царевны Софіи въкривъ и вкось по предзанятымъ мнѣніямъ и одностороннимъ слухамъ,—русскіе стали совершенно на сторонѣ Петра и, послѣ окончательнаго уничтоженія партіи Софіи, началась литература восхваленной молодого царя. Пророчества Кирилла Бѣлозерскаго, Симеона Полоцкаго и святителя Дмитрія Ростовскаго о рожденіи Петра В., по словамъ Крекшина, истолкованы въ 1690 г. Игнатіемъ, архимандритомъ новоспаскимъ, который находилъ указаніе на это обстоятельство даже въ апокалипсисѣ. (*Ист. Петра В. Устрялова I, пр. 5*). Приведенное свидѣтельство Крекшина весьма важно: нельзя ли изъ него сдѣлать выводъ, что Игнатій, который такъ хитро объяснял образъ Софіи премудрости божіей и восхвалялъ царевну, положилъ начало сказанію „О зачатіи и рожденіи Петра В.“ Какъ бы то ни было, а онъ, тотчасъ по сверженіи Софіи, примкнулъ къ сторонѣ Петра и посвященъ въ 1698 г. въ митрополиты тобольскіе ¹⁶⁾. Такимъ поряд-

комъ литература восхваленій Петра и униженія противной партіи началась со времени паденія царевны.

Несмотря на всю осторожность, съ которой писалъ свои записки *Ив. Аф. Желябужскій*, (родился 1638 г.), не смотря на то, что онъ не щадитъ Лефорта и Украинцева,—и тотъ, какъ видно по тону, стоялъ уже не на сторонѣ Софін; онъ обвинялъ ея приверженцевъ въ явной измѣнѣ отечеству и Петру: по его словамъ, были вѣдомый воръ Медвѣдевъ, вѣдомый воръ Шакловитый. . . Желябужскій повторяетъ мнѣніе своихъ современниковъ, будто В. В. Голицинъ раздѣлялъ пополамъ русской казны 200,000 руб. съ польскими послами при заключеніи вѣчнаго мира, а за отступление отъ Перекопа взялъ съ Татаръ двѣ бочки золота. Этотъ ненавистный толкъ переданъ авторомъ съ голоса враговъ сильнаго временщика, желавшихъ очернить всю его дѣятельность, по ложному доносу казака Глистина ¹⁾.

По смерти Софін, еще болѣе усилилось злобное сужденіе о ея жизни и дѣянїяхъ. Чтобы вѣрнѣе утопить своего врага, стоило указать Петру на него, какъ на собесѣдника Милославскаго и Цыклера—и врагъ подвергался суду или пыткамъ. Такъ было въ теченіе всего царствованія Петрова. Злоба къ Милославскимъ, внушенная царю съ дѣтства, особенно обнаружилась во время такъ называемаго бунта Цыклера 1698 г. Тутъ онъ увѣрился и въ участіи Софін въ заговорѣ и вырылъ трупъ Милославскаго и велѣлъ отвезти его на свиньяхъ въ Преображенское и дить кровь казенныхъ стрѣльцовъ въ его гробъ, чтобы онъ захлебнулся ею, такъ, какъ искалъ пролитія царской крови. Поэтому нельзя было ни слова писать въ пользу Софін, и опасность грозила за каждое слово, выражавшее сочувствіе къ Цыклеру и Милославскимъ. Въ подметномъ письмѣ 1710 г. писано: „Умилосердися государь, какъ Богъ надъ своимъ царствомъ, побереги своего здоровья и не погуби сиротъ своихъ до конца; если ты не изволишь такова еретика сыскать Венедикта Данилова, воистину собесѣдникъ Цыклеру и Соковнину и Федькѣ Пушкину, и вору, еретикъ Петру Лопухину, который и мать твою государыню нашу извелъ. . .“ Въ Сибирскомъ приказѣ Даниловъ сказалъ: Соковнина-де и Цыклера и Федьку Пушкина онъ зналъ, а въ домѣхъ ихъ не бывалъ и случая никакого съ нимъ не бывало, а Петра Лопухина зналъ же и въ домѣ его бывалъ для того, что взросъ онъ въ домѣ Лопухина, а умыслу его никакого не зналъ. (*Расколъ дѣла XVIII ст. Есипова. II, 120*).

Съ цѣлью прославленія Петра В. и его дѣятельности на пользу отечества, считали нужнымъ подкупать иностранныхъ писателей, чтобы они расхваливали новые порядки, заводимые въ Россіи на манеръ иностранныхъ. Этой недестной спеціальностью отличался въ началѣ XVIII в. баронъ

Гюйсенъ, который занималъ за границей голодныхъ журналистовъ для прославленія нашего отечества. Царевнѣ Софіи не могло быть отъ этого лучше. Въ своемъ „Журналѣ Государя Петра I-го,“ *Гюйсенъ* (Гизенъ) рассказываетъ, что стрѣльцы въ 1698 г. хотѣли сперва ограбить нѣмецкую слободу, сжечь ее и побить всѣхъ иностранцевъ; потомъ взять и ограбить Москву и перебить или сослать всѣхъ бояръ, переимѣнить чиновъ, разослать письма, что царь умеръ въ чужихъ краяхъ. Тогда дали бы они правленіе царевнѣ Софіи, пока Алексѣй Петровичъ достигнетъ возраста; Голицына хотѣли сдѣлать первымъ министромъ, возвративъ изъ ссылки. Также узнали цѣли, которыхъ достигала царевна Софія. Хотя съ 1690 г. она посажена была въ монастырь и стерегли ее крѣпко за интриги съ В. Голицынымъ противъ интересовъ его величества ея брата, однакожъ умѣла она найти способъ, какъ переписываться съ бунтовщиками, а то чрезъ средство одной старой бабы, просящей милостыню, которая ходила въ монастырь хлѣба просить. Подкупила она ее богатою милостыней, а послѣ сего прельщенія давала ей совѣтъ, какъ поступать въ тайныхъ дѣлахъ, которые царевна ей пріобщила. Часто давала она ей хлѣбы, въ которые запекала письма и велѣла ихъ относить въ стрѣлецкіе таборы; отколь та баба отвѣтъ приносила такимъ же ухищреніемъ, о чемъ караульщики дознаться не могли. Этотъ слухъ Гюйсенъ, очевидно, заимствовалъ изъ Дневника Корба, а не изъ русскихъ источниковъ. Подобныя переливанья разныхъ свѣдѣній о Россіи изъ книжки въ книжку были весьма ходячими въ то время за границей ¹⁶⁾.

Такимъ образомъ, исторію Петра стали писать съ предубѣжденіемъ противъ Софіи и Милославскихъ, и исторія эта должна была сдѣлаться панегирикомъ Петру. *Манкиевъ* говоритъ (1715 г.) въ предисловіи къ своему сочиненію: „Ядро Россійской Исторіи,“ что „имѣлъ на сей трудъ повелѣніе, а особливо чтобъ описать славныя его царскаго величества дѣла и надъ неприятелями побѣды его великолѣпіе.“ Очень понятно, что современнику Петра и при томъ лицу, имъ покровительственному, не могло иначе представляться правленіе Софіи, какъ враждебнымъ и достойнымъ всякаго порицанія. По этому Манкиевъ вѣрится показаніямъ сторонниковъ Петра, которые производили слѣдствіе пристрастно надъ приверженцами правительницы и пишетъ: „Когда всѣ Петру цѣловали крестъ, стрѣльцы, которые отъ Ивана Милославскаго и его совѣтниковъ научены, креста царю Петру цѣловать не хотѣли.“ (*Одинъ полкъ!*) Значитъ, „смятеніе и бунтъ (15 Мая 1682 г.) отъ стрѣльцовъ возбудила царевна, чрезъ заводчиковъ — Ив. Милославскаго, Ф. Шакловитаго и Ив. Цыклера, досадовая за то, что меньшаго брата мимо большаго на престолъ посадили.“ Много бояръ побито, которые сторонѣ Софіи были противны или подозри-

тельны. Шакловитый умышлять на здоровье Петра и его матери, вмѣстѣ съ полковникомъ Рязановымъ, его свойственникомъ. Софія пошла въ монастырь съ начала не пострижена; но „не имѣя больше къ содержанію царскаго престола надежды, послѣ какъ стрѣльцы переказаны стали, постриглася въ Новодѣвичій монастырь“¹⁹⁾.

Можетъ быть, благодаря предисловію Манкіева, въ которомъ онъ говоритъ о „бурныхъ низверженіяхъ и стремглавыхъ паденіяхъ нечестивыхъ“, жизнь Софіи и ея приверженцевъ подверглась, хотя и осторожнымъ, порицаніямъ на театрѣ. Изображеніе замысловъ ихъ противъ Петра составило начальную драму съ сюжетомъ изъ русской жизни, хотя еще прикрытую кучей стараго хлама изъ древне-іудейскаго міра. Мекленбургскій посланникъ Веберъ, долго жившій въ Россіи, пишетъ, что въ 1717 г. игралъ различныя пьесы у сестры Петра В. Натальи Алексѣевны, которая и сама сочиняла трагедіи и комедіи. Между прочимъ, онъ видѣлъ на сценѣ пьесу, гдѣ была изображена неудачность возстаній и всегда несчастный конецъ ихъ. Въ этой пьесѣ было выведено на сцену одно изъ послѣднихъ стрѣleckихъ возмущеній. (Das veränderte Russland I, 226 — 7). П. П. Пекарскій нашелъ драматическое сочиненіе временъ Петра съ подобнымъ содержаниемъ; оно называется „Стефанотокось.“ Подъ этимъ названіемъ разумѣется Петръ В., и содержаніе пьесы, очевидно, направлено противъ Софіи; она представлена злобной Іезавелью, которая „лютія убиты искаше“ его, чтобы лишитъ „родительска престола.“ Ея клеветы, или „коварныя человицы“, изображаются исполненными хитрыхъ пронырствъ, которые „злосознанныхъ зломышленій“ бѣсовскимъ гордымъ вѣтромъ надмѣнны возносятся, „но исчезаютъ, подобно мыльнымъ пузырямъ, какъ скоро подымутся на высоту. Содержаніе свое сама пьеса передаетъ такъ: „Вѣрность, болѣзнуя, что Стефанотокось родительскаго неповиннѣ Завистію и Злобою лишень престола, жалуется на оныхъ враговъ, и хотя Надежда обѣщала Вѣрности, что Стефанотокось не лишится своего наследнаго престола, обаче отъ Злобы и Зависти гонима Вѣрность, Лукавствомъ же прельщена, помысли соединитися съ врагомъ: но Совѣстію изобличена и Надеждою водима, приходитъ къ позорищу, на немъ же, како Аманъ на іудейскій родъ навѣтуя, погибе, и видѣвше, ищетъ Стефанотокоса, чтобъ возвести его на родительскій престоль и обрѣвши Стефанотокоса, моленіемъ убѣждаетъ пріяти престоль; Злобу же и Зависть плѣнивше, Стефанотокоса славно возводитъ на престоль.“ Передъ тѣмъ Отечество убѣждаетъ его принять тронъ и говорить:

Быть еще въ живыхъ ему весьма мнится трудно:
„Врази бо безсовѣстно гонятъ и, безстыдно

„Родительску часть ему отъявъ, замышляютъ
 „Чести лишити, и то уже дѣломъ сполняютъ...
 „На родительскомъ еще не садеть престолѣ
 „Стефанотоевъ, то ему купно съ нами долѣ
 „Предъ врагами придется лежать намъ плененнымъ,
 „И въ дальнія мѣста быти заточеннымъ.“

(*Наука и Литер. П. Пекарскаго I, 422—7*).

Такъ мало по малу вносило предубѣжденіе противъ приверженцевъ Софіи и сообщалось на театрѣ, въ поэзи и въ исторіи. Европейскіе писатели того времени, разспрашивая приверженцевъ Петра, которые находились въ его свѣтѣ за границей, какъ свидѣтелей минувшаго, невольно и сами становились на ихъ точку зрѣнія при взглядѣ на правленіе Софіи. Незнание русскаго языка ставило ихъ въ обыкновенную зависимость отъ взглядовъ иноземныхъ сподвижниковъ Петра, а иностранцы, жившіе въ Россіи, не обиженные лично царемъ, превозносили его до небесъ, какъ своего покровителя и защитника, подъ властью котораго имъ было жить привольнѣе, чѣмъ въ правленіе Софіи. Приведенная нами пьеса, „Стефанотокосъ“ уже выясняетъ это воззрѣніе въ пользу иностранцевъ—приверженцевъ Петра и гоненій со стороны поборниковъ Софіи. *Лукаство*, уговаривая *Вѣрность* измѣнить Стефанотокосу, объясняетъ ей невыгоды приверженности къ нему и къ его партіи, между прочимъ тѣмъ, что „милость ихъ и сила славою и честію дивною почтила“ иноземцевъ:

Иже иностранные придоша къ нимъ нищи,
 Достоинствъ не имуще, ни дневныя нищи,
 Уже обильно живутъ въ богатствѣ и славѣ,
 Что дивящися видятъ всѣ народы явѣ.

Но и изъ иностранцевъ были писатели, которые относились къ событіямъ конца XVII в. болѣе безпристрастно, чѣмъ компиляторы, вовсе не видѣвшіе Россіи. Эти лица, убравшіяся въ свое отечество по личнымъ неудовольствіямъ и не имѣвшія повода льстить Петру В., относятся къ правленію царевны Софіи вовсе не враждебно. Начиная съ ея наружности и кончая политической ея дѣятельностью, они находятъ много дѣльнаго и прекраснаго.

Такъ, капитанъ *Джонъ Перри*, который былъ на службѣ въ Россіи, подвергся царскому гнѣву за свой безпокойный нравъ, уѣхалъ въ Англію (1714 г.) и черезъ два года напечаталъ сочиненіе о состояніи Россіи. Оно написано пристрастно и наполнено мелочными жалобами автора на несправедливыя притѣсненія его царемъ и Апраксинимъ; но гдѣ обстоятельства излагаются постороннія, не касающіяся личности Перри, тамъ онъ

излагаетъ болѣе безпристрастно. Это можно сказать о правленіи Софіи ²⁰).

Таково же почти сочиненіе датчанина *Страленберга*, который писалъ во враждебномъ духѣ и изобразилъ Петра иррациыми чертами; къ правительству отъ него послѣдствовало нѣсколько благосклонныхъ. Страленбергъ вѣтъ въ плѣнъ подъ Полтавою и 13 лѣтъ жилъ въ Сибири. Въ 1724 г. предлагалъ чрезъ Татищева, бывшаго въ Стокгольмѣ, посвятить описаніе Сибири Петру; но, не получивъ отвѣта, написалъ записки, представляя Петра съ двухъ сторонъ, какъ думали о немъ приверженцы и враги Татищевъ, вѣроятно, ему помогавъ въ составленіи книги ²¹).

Швейцарцы и Нѣмцы о наружности Софіи говорятъ, какъ о безобразной и уродливой, никогда не видавши ее; напротивъ, капитанъ Перри и Страленбергъ, жившіе въ Россіи, отзываются о ней съ похвалою, какъ о красивой, умной и дѣльной женщинѣ ²²). Такъ перепутаны отзывы о Софіи иностраннмихъ писателей и часто совершенно противоположны.

Еще болѣе достойны вниманія записки мекленбургскаго посланника *Вебера*, который жилъ въ Москвѣ съ 1714 до половины 1720 г., и изложилъ обстоятельно и безпристрастно все, что удалось ему увидѣть и узнать: хотя очень мало находится у него извѣстій о времени Софіи, но гдѣ онъ касается ея, эти свѣдѣнія дороги. Веберъ, между прочимъ, пишетъ о царевнѣ: *Sie hat noch funffzehn Jahr in diesem Kloster gelebet, und der Czar fällete einsmahls bey Erinnerung ihrer das Urtheil, dass sie ohne ihre Regiersucht eine an Leibes- und Gemüths-Gaben vollkommene Prinzessin würde gewesen seyn* ²³).

Въ концѣ жизни Петра В., обстоятельства всѣ сложились въ его пользу, и дѣйствительно, нельзя было не удивляться его замѣчательно-сильной дѣятельности, направленной къ возвышенію своего народа. Поэтому, при поднесеніи Петру титула *Императора*, отъ лица народа, канцлеръ Головкинъ говорилъ ему: „Твоимъ единымъ руководеніемъ мы изъ тьмы ничтожества и невѣдѣнія вступили на театръ славы и присоединились къ образованнымъ государствамъ.“ (*П. С. З. VI, № 3840*). Подъ вліяніемъ подобной мысли о величій Петра, всякое дѣйствіе его становилось въ глазахъ его приверженцевъ грандіознымъ и величественнымъ: Петръ убилъ древнюю невѣжественную Русь, переказнилъ тысячи стрѣльцовъ, уничтожилъ своихъ враговъ, не щадилъ противниковъ цивилизаціи изъ своихъ близкихъ, заперъ въ монастырь первую свою жену и двухъ сестеръ, довелъ до гроба сына и т. под. Все это старались возвеличить, придумывая разныя оправданія. Какъ свѣтскіе, такъ и духовные приверженцы и фавориты Петра В. въ своихъ историческихъ запискахъ, желая восхвалить государя, искажали факты, или по невѣжеству, или по увлеченію, и унижали правленіе Софіи.

Чтвая „Исторію императора Петра В.“ *Феофана Прокоповича (М. 1788 г.)* удивляешься, какъ этотъ образованный и дѣльный человѣкъ, жившій близко ко времени событій, могъ перепутать до такой степени и хронологію, и настоящій ходъ дѣла. При чтеніи его исторіи, не находишь обычной энергіи и пронизательности автора, — отличительныхъ свойствъ его сочиненій. Поэтому можно думать, что исторія Петра составлена кѣмъ — либо другимъ по порученію Ф. Прокоповича, или имъ набросана на скорую руку и не обработана окончательно. Между прочимъ, онъ сообщаетъ, будто на другой день бунта 1682 г. стрѣльцы убили Ивана Нарышкина, а на 4-й уже вручили правленіе Софіи, „видомъ позорнымъ, будто для малыхъ глѣть царевыхъ, самую же вещь утѣсня власть его, и только имя ему царское оставляя“ (стр. 11). Но Прокоповичъ не обвиняетъ царевны въ бунтѣ 1698 г., что дѣлаетъ ему большую честь; бунтовщиковъ тогда было, по его показанію, 3000 человѣкъ и всѣ казнены, исключая малолѣтнихъ (стр. 14).

Такимъ образомъ, исторію правленія Софіи стали писать лица, которые желали польстить Петру и возвеличить его чрезъ униженіе дѣлъ царевны. Мало этого: подобная мысль сдѣлалась задачей самаго правительства, какъ при жизни Петра, такъ и по смерти его. Сенатъ опредѣлилъ 5-го мая 1725 г., по указу государыни — сочинить „Исторію о Петрѣ В.“ барону Шафирову (*II. С. Закон. VII, № 470—4721*), очевидно, для прославленія покойника. И вотъ Шафировъ сталъ посылать отписки разнымъ учрежденіямъ, какія извѣстія нужно имѣть для *Исторіи*. Программа дана такого рода: „1) какъ содержанъ царь Петръ Ал., яко царевичъ съ царицею матерью своею по смерти царя Алексѣя Михайловича? 2) какою болѣзнію болѣзновалъ царь Феодоръ Алексѣевичъ предъ смертью и задолго ль былъ болѣнъ до кончины? и по смерти его, какъ избраніе царя Петра Алексѣевича воспослѣдовало и что чинилось по избраніи мая по 15-е число, когда главный бунтъ начался? 3) что во время трехдневнаго бунта ихъ величествамъ отъ бунтовщиковъ учинилось? 4) какія внутреннія интриги въ томъ и отъ кого были? 5) какимъ образомъ Хованскій казнень и съ какаго случая? 6) какія интриги и главные умыслы на Его Величество до казни Шакловитаго и отъ него были, и какъ оныя и отъ кого открылись и какимъ образомъ та перемѣна учинилась и царевна въ монастырь сослана? и проч. (*Ист. Петра В. Устрялова I, стр. 324*). Очевидно, собирателямъ матеріаловъ даются темы для восхваленія; исторія ставится въ опредѣленные рамки и подъ извѣстнымъ угломъ зрѣнія. О народѣ, какъ создателѣ своей исторіи и силы, не было ни слова. Когда убѣждены были, что по иностранному образцу все можно вылѣпить изъ народа, какъ было при Петрѣ, то и причины стрѣлецкихъ бунтовъ относили къ дѣйствіямъ одной или нѣсколькихъ личностей. Начптавшись иностранныхъ исторій, самолю-

бывшій писатель хотѣлъ блеснуть знаніемъ иноземнымъ и свою исторію гнуть на чужой возвышенный ладъ. Поэтому, какъ внѣшняя, такъ и внутренняя сторона исторіи пошли на иностранный манеръ и явились подражательными, факты сообщались безъ всякой критики. Къ тому же приимѣнялись личія воззрѣнія на минувшее въ питомцахъ Петра, симпатія къ новизнѣ и презрѣніе всего древне-русскаго.

Съ такой точки зрѣнія написаны записки о правленіи Софіи врагъ ея и Милославскихъ, приверженецъ Петра и Нарышкиныхъ, графъ Андрей Матвѣевъ. Онъ родился въ 1666 г.и десяти лѣтъ сосланъ былъ въ Пустозерскъ вмѣстѣ съ отцомъ своимъ Артамономъ Сергѣевичемъ, гдѣ и пробылъ 6 лѣтъ; а на 16-мъ году былъ очевидцемъ 1-го стрѣлцаго бунта, страшной гибели отца, и едва самъ спасся отъ смерти. Сынъ образованнаго друга царя, матери шотландки, Матвѣевъ по тогдашнему времени былъ чрезвычайно ученъ: зналъ по латини, любилъ читать и переводить съ латинскаго и польскаго языковъ. Понятно, что онъ смотрѣлъ на стрѣлцкія возмущенія, какъ на страшное злодѣяніе, которое лишило жизни и имущества его отца: какъ причины ссылки своей, такъ и 1-го стрѣлцаго бунта искалъ въ тайныхъ интригахъ враждебныхъ лицъ—въ партіи Милославскихъ. Поэтому онъ съ такой злобой и ненавистью относится къ Ив. Мих. Милославскому и такъ пристрастно судить о Софіи. Съ другой стороны, онъ принадлежалъ къ дѣятелямъ и приверженцамъ реформъ Петра В., былъ полномочнымъ министромъ при австрійскомъ дворѣ и въ Голландіи. Во всѣхъ дѣйствіяхъ царевны Софіи видѣлъ одинъ вредъ и помѣху новымъ реформамъ.—Матвѣева удивляло во Франціи ласковое обхожденіе женщинъ съ мужчинами и предупредительность „со всякимъ сладкимъ и человѣколюбнымъ приѣмствомъ.“ (*Соврем. 1856 г. № 6*). Слѣдовательно, русская женщина до — петровская, не бывавшая на ассамблеяхъ, должна была возбуждать въ немъ презрѣніе, особенно Софія, которая, по его воззрѣнію, была виновницей всѣхъ послѣднихъ смуть и золъ въ Россіи. Далѣе, во время 1-го стрѣлцаго бунта, Матвѣеву не было и 16-ти лѣтъ, и писалъ онъ свои записки спустя долгое время отъ событія, едва ли не по смерти Петра, какъ самъ говоритъ, „по навичной памяти,“ когда свѣжесть впечатлѣній утратилась, современный интересъ поблѣднѣлъ, авторъ смотрѣлъ издали на минувшее, уже задернутое туманомъ, въ которомъ ступшевались подробности. Онъ усиливается раскрывать причины и слѣдствія событій и ищетъ ихъ совсѣмъ не тамъ, гдѣ слѣдуетъ, или желаетъ поучать своимъ разсказомъ читателей. Поэтому онъ вдается въ отступленія и старается высказать свое новое современное образованіе, блеснуть искусственнымъ способомъ изложенія и риторическимъ витій-

ствомъ. Медвѣдевъ все черпалъ изъ актовъ, а Матвѣевъ писалъ по памяти и многое путалъ, или вносилъ позднія преданія, явившіяся подъ вліяніемъ дѣятельности Петровой. Отсюда недостоверность, ошибки и промахи встрѣчаются въ его запискахъ на каждомъ шагѣ, и имъ невозможно довѣрять безъ другихъ, болѣе надежныхъ, данныхъ. Обстоятельства жизни Матвѣева сложились такъ, что онъ съ дѣтства явился страдальцемъ отъ противной партіи, былъ крайне озлобленъ на Милославскихъ и излилъ всю свою желчь на нихъ въ своихъ запискахъ. Онъ старался отомстить умершимъ врагамъ своимъ за смерть родителя. Его записки, какъ челоуѣка высоко поставленнаго, какъ свидѣтеля происшествій, принимались многими на вѣру, тѣмъ болѣе, что и Петръ во всю жизнь благоволилъ къ нему. Съ легкой руки Матвѣева, явилось множество обвиненій Софіи въ бунтахъ и во всѣхъ беспорядкахъ правленія. Это уже не слухи, пущенные въ ходъ иностранцами, которые нахватывали ихъ изъ десятыхъ рукъ; это—показаніе очевидца, едва не сдѣлавшагося жертвою стрѣleckаго бунта. Пока еще вліяніе иностранцевъ при Петрѣ не побѣдило силы русскаго элемента въ высшемъ кругу,—ихъ компиляціи не имѣли большаго значенія въ русской исторической литературѣ и возрѣніяхъ, тѣмъ болѣе, что негѣности иностранныхъ сказаній для поколѣнія, бывшаго свидѣтелемъ правленія Софіи, были очевидны. Главное униженіе и жестокій ударъ царевнѣ Софіи нанесъ Матвѣевъ. Хотя онъ высказываетъ общее желаніе распространить знаніе исторіи въ назиданіе потомства и проситъ извиненія въ своихъ ошибкахъ; но тайная мысль, которая руководила его перомъ, это—прославленіе своего отца и всѣхъ приверженцевъ Петра ²¹). Съ юности привязанный къ Петру В. по отношенію къ Нарышкинымъ, Матвѣевъ представлялъ его необыкновеннымъ лицомъ даже въ членахъ: съ дѣтства Петръ исполненъ былъ величія и все совершенно преобразовалъ не по младенческимъ лѣтамъ; онъ, какъ левъ по когтямъ, обѣщаль надежды неложныя; какъ Геркулесъ, онъ въ колыбели перервалъ приползшую къ нему змѣю, и внушалъ врагамъ страхъ; стрѣльцы трепетали, ждали мести, когда онъ былъ въ малыхъ лѣтахъ. Матвѣевъ имѣлъ особыя причины относиться съ глубокимъ уваженіемъ къ Натальѣ Кириловнѣ; она, по смерти отца его, своего благодѣтеля, приняла подъ свое покровительство. Онъ слышался, вѣроятно, жалобъ вдовы—царицы, какъ Софія ее притѣсняла и пашамотрѣлся на ея житіе, повидному, презрѣнное, удаленное отъ двора, и потому горько сѣтуетъ на униженіе матери Петра, на своевольства и властолюбіе Софіи. О царевнѣ—правительницѣ онъ не могъ иначе и судить, какъ съ ненавистью, считая ее виновницей всѣхъ бѣдъ, которыя постигли его лично и его отца. По словамъ Матвѣева, она была женщина „великаго ума и самыхъ нѣжныхъ проницательствъ, больше мужеска ума исполненна

дѣва.“ Хотя Софія знала Іоанна, какъ совершенно неспособнаго, она добивалась возвысить его во 1) потому, чтобы по линіи его упрочить державу въ Россіи; 2) чтобы его возвысить достоинства, хотя не на первую степень, а самой управлять, какъ Пульхеріи при юномъ Θεодосіи. „Наипаче же то раченіе онаго властолюбиваго ея права неумышленно возбуждало, чтобы подъ именемъ брата государствовать и скипетромъ самодержавно править;“ 3) чтобы не возвысилась Наталья Кириловна, которой родственники „коварными сплетнями, наносными лжамъ и невинными клеветами отъ злодѣйственныхъ и ненавистныхъ къ дому ихъ царскому, тогда бывшихъ временщиковъ, во всякомъ гоненіи и униженіи были, . . . И чтобы при царствованіи Петра и Наталіи „не произошло тогда скорѣе и царевнамъ къ истинному имъ отъ стороны царской отщепенію достойное возмездіе.“ По этому стрѣлецкія сходбища въ тайную дверь царевны принесли интриги, точно голубица масличную вѣтвь въ Ноевъ ковчегъ. „Неутомимая жажда властолюбія немедленно нудила“ Софію къ совершенію намѣренія, т. е. къ возбужденію стрѣлецкаго возмущенія (*У Сахар. 12*). Полки стрѣлцкіе „великимъ общаіемъ награжденія впредъ многой годовой денежной дачи и повышенія чиновъ прельстилися,“ и пошли на смуту. Софія вышла нарочно во время бунта, когда убивали Ів. Нарышкина, и взяла икону притворно, чтобы оправдать себя передъ народомъ, что она невиновна въ его убійствѣ, а напротивъ желала спасти его отъ смерти. Матвѣевъ обвинялъ Софію и за сестеръ, будто она дала имъ просторъ жизни крайней: „во всѣхъ произволахъ ихъ и во всякомъ избыткѣ нерушимо всегда соблюдала.“ Всѣ враги Софіи говорятъ, что ея намѣренія таились въ глубинѣ сердца, вельми скрытно, какъ тлилася искра, что ея замыслы въ великомъ и глубокомъ секретѣ ея кабинета хранились; а между тѣмъ, они какъ будто сами присутствовали при ея секретныхъ совѣщаніяхъ съ друзьями и описывали ихъ подробно. Матвѣевъ говоритъ тоже и прибавляетъ: „Оное секретное дѣйствіе чрезъ дивныя и вельми хитрыя отъ двора ея царевнина политическія манеры и интриги или пронырство и чрезъ злокачественныхъ ея фаворитовъ или временщиковъ тайно дѣйствіе происходило.“ (*У Сахар. 9*). Милославскій совѣтовалъ побить, бояръ, вѣрно содержащихъ сторону царскую, подъ самыми составными и затѣйными на нихъ вымыслами.“ Матвѣеву все было извѣстно, какъ Милославскій строилъ свои ковы, въ какомъ порядкѣ и т. п. (*стр. 13—14*); между тѣмъ, самъ же онъ говоритъ, что у Милославскаго все было шито и крыто, и узвано уже послѣ объ его участіи, а тогда онъ прикинулся нездоровымъ и никого не принималъ. Такой хитрый, осторожный и умный политикъ, какимъ рисуетъ его Матвѣевъ, не допустилъ бы подслушивать его тайныя и опасныя совѣщанія съ своими друзьями, а на мертваго удобно клеветать. Всѣхъ при-

верженцевъ царевны, Матвѣевъ крестилъ самыми ненавистными именами и площадными ругательствами, которыя, вѣроятно, слышалъ въ дѣтствѣ отъ непріязненныхъ къ нимъ лицъ, молодыхъ Нарышкиныхъ и компаніи, или выдумывалъ самъ въ юности и сообщалъ сверстникамъ. Милославскій — „лютый супостатъ“, *подорванный*, жидовскій Гамаліонъ, московскій Кромвель, скорпионъ, который готовъ съ охотнымъ тщаніемъ изливать ядъ. Безъ омерзенія нельзя читать изъявленія радости и насмѣшекъ Матвѣева, при описаніи отвратительнаго позора надъ трупомъ Милославскаго, когда гробъ его везли въ Преображенское на чуждскихъ свиньяхъ. Ив. А. Хованскій—*тараруй*, безумный трусъ. Братья Толстые—*шарпенки*, полные мрачнаго зла и процыства и т. п. Стрѣльцы, это—злочестивые, клятвенные воры, клятвопреступники, враги божиі, лютые и послѣдніе всеижайшіе рабы (*у Сахар. 29*); стрѣльчихи—мерзскія пьяницы (*стр. 32*); такъ какъ они разбогатѣли отъ торговъ, то и сдѣлались самовольными и властными, навязли безпорядковъ (*стр. 9*). Стрѣльцовъ, которыхъ Петръ замѣнилъ регулярнымъ войскомъ, онъ представляетъ нестройной и безобразной массой, необузданными когортами и турецкими янычарами. Матвѣевъ нарочно отобралъ самыя поносныя слова для ихъ изображенія. Эта „безстыдная и злосмертная чернь“, послѣдняя каналія, наученная Ив. Милославскимъ, требовала выдачи бояръ; стрѣльцовъ руководило *жестокое варварство, озорническая наглость* и безстыдство. Эти кровопійцы и святокрадцы, отчаянныя бестіи, агарянски дерзнули съ звѣрской яростью на Ивана Нарышкина, безчеловѣчно разсѣкли и ругательски кинули; а онъ явился новымъ пророкомъ Захаріею (*стр. 24*). Какъ у Денисова страдальцы соловецкіе всѣ умирали мученической кончиной; такъ и у Матвѣева, его современника, всѣ убитые стрѣльцами, явились въ родѣ исповѣдниковъ христовыхъ. Матвѣевъ весь разговоръ направляетъ къ тому, чтобы показать высокое значеніе своего отца, будто стрѣльцы ждали его пріѣзда, а потому не начинали бунта,—обманывали его, когда подносили ему хлѣбъ—соль, имя его было первымъ въ спискѣ лицъ, назначенныхъ къ убійству и т. п. Съ пріѣзда А. С. Матвѣева, съ 10-го мая стрѣльцы по ночамъ стали уже собираться не съ палками, какъ прежде, а съ ружьями и злобно начали грозить. Во время бунта 15-го мая Матвѣевъ сошелъ внизъ съ крыльца убѣждать стрѣльцовъ, чтобы они успокоились, не волновались, и совсѣмъ уговорилъ—бы, если-бъ М. Долгорукій не разозлилъ ихъ своими выговорами; тогда началась кровавая расправа. Матвѣевъ, конечно, зналъ о злоупотребленіяхъ властей, но не вѣрить этому или скрываетъ нарочно. Разговоръ Матвѣева отличается натянутымъ многословіемъ и искусственнымъ способомъ изложенія. Онъ пишетъ, напримеръ: „Изъ бунтоваго мартира зѣло ужасная бомба на крови царскаго

дома обрушилась и своимъ зыкомъ громогласиѣ древняго Ювишеваго (*Зевсова*) грому возгремѣло эхо.“ Размазанный високопарный языкъ его иногда трудно читать отъ вставочныхъ риторическихъ украшеній: онъ врагъ простоты и прямоты и другъ изворотовъ и хитросплетеннаго украшеннаго стиля. Онъ любитъ щегольнуть своими знаніями по исторіи и миѳологіи, вспоминаетъ кстати и не кстати о Каинѣ и Авелѣ, Кромвелѣ, Ахитофелѣ и проч. Онъ часто пересыпаетъ модными словами: *метаморфозъ, аммуникація, композиція, аліяція, конфидентъ*, и т. п.

По смерти Петра В., иностранные журналисты и компиляторы, не зная русскаго языка и не понимая положенія Россіи, а тѣмъ болѣе ея минувшей судьбы, продолжали свою нехитрую работу надъ исторіей дѣтства Петра: они брали старинныя ходячія мнѣнія, — и скудные матеріалы дополняли своими предположеніями и выдумками, и выдавали въ свѣтъ цѣлые томы. *Рабенеръ* написалъ, въ годъ смерти Петра, исторію его жизни; хотя онъ ничего не зналъ ни о Петрѣ, ни о Россіи, тѣмъ не менѣе заслужилъ кредитъ у иностранцевъ, такъ что на него ссылались, какъ на авторитетъ и въ нынѣшнемъ стол. Такое же почтеніе приобрѣла компиляція посредственнаго французскаго писателя *Руссе* (*Russet*), который издалъ свои мемуары подъ именемъ русскаго барона *Ив. Ив. Нестесурано* ²⁵⁾. Общая ходячая мысль о вредѣ правленія Софіи — возмутительницѣ высказывалась въ западной Европѣ, какъ непреложная истина. *Фонтенелъ*, членъ парижской академіи, говорилъ въ 1725 г., послучаю кончины Петра, что стрѣльцы возбуждены были царевною Софіею, которая рассчитывала имѣть больше власти при Іоаннѣ, забунтовали и стали за послѣдняго.

По смерти Петра II, высшія лица вовсе не думали о минувшихъ судьбахъ Россіи, а соображали болѣе о выгодахъ и прочности своего личнаго положенія; писали преимущественно иностранцы и исключительно о дикости и о невѣжествѣ русскаго народа, и то мимоходомъ, какъ будто дѣлали подачку нищему. Слѣдовательно, не могло быть дѣльной и трезвой рѣчи о русской исторической жизни. Кромѣ низкихъ отзывовъ иностранцевъ о Россіи за это время, мы ничего не встрѣчаемъ. Появились впрочемъ за границей по прежнему сочиненія о Петрѣ, сплоченныя изъ клочковъ раннихъ писателей. Аббатъ Антоній *Катифоръ* напечаталъ свою компиляцію о жизни Петра на итальянскомъ языкѣ и составилъ ее изъ сочиненій Перри, Вебера, Руссе и проч. Онъ бралъ изъ указанныхъ источниковъ свѣдѣнія безъ всякой критики, и потому его сочиненіе представляетъ самую пеструю смѣсь невѣроятныхъ разказовъ, тѣмъ болѣе, что онъ писалъ съ предубѣжденіемъ противъ Россіи. Катифоръ говоритъ въ предисловіи, что Петръ В. былъ императоръ хотя варварскій, но досточудный, ибо онъ преобразилъ дикихъ звѣрей и неученыхъ, и далѣе — въ томъ же родѣ. Въ

половинѣ XVIII в. иностранное вліяніе уже успѣло пустить глубокіе корни въ нашеѣ отечествѣ; поэтому и компиляція аббата переведена была на русскій языкъ, выдержала нѣсколько изданій и заслужила большую похвалу переводчика²⁶). Онъ въ предисловіи пишетъ: что эта исторія „превосходитъ прочія исторіи, прежде его на разныхъ диалектахъ пространтѣйше написанныя, ибо не токмо наблюдаетъ онъ чинъ, требуемой историкомъ, но и обогащенъ краснорѣчіемъ, краткостью и ясностью, еже источаютъ сладость несказанную, почему она и принята за лучшую предъ другими и удостоена много похвалъ.“ Вслѣдствіе этого издана въ Венеціи и Медіолапѣ (*Рул. каз. 20*). Несмотря на такой лестный отзывъ, исторія Катифора оказывается исполненною нелѣпостей, которыя выдумывали о Софіи иностранцы: что ни рассказъ, то явная ложь или ошибка. Аббатъ повторяетъ такого рода мнѣнія своихъ руководителей: царь Θεодоръ женился на Заборовской (*стр. 33*); онъ противъ обычая всѣхъ монархій и „противъ всякаго чаянія всего двора, объявилъ приемникомъ царскаго престола меншаго своего брата Петра.“ Но гордая царица Софія имѣла „хитрый умъ и престолай“, и хотѣла быть самовластной въ государствѣ. Когда она „изображала въ мудрости своей такоево намѣреніе,— некто другой гордой мучился и трудился самъ одинъ здѣлать ему тожь, не имѣя никакаго согласія на оное съ царицею;“ онъ „пропустилъ слухъ, будто бы царь Θεодоръ умре отъ отравы,“ допустилъ войска до свирѣпости. „Между 24 часовъ явились въ Москвѣ полны улицы мертвыхъ телъ, разворены и господскіе дома, разграблены и купеческіе лавки и приведены въ страхъ неповинныя, какъ и повинныя“ (*стр. 24*); къ царицѣ въ ужасѣ прибѣгли многіе подъ покровъ, не исключая патріарха, — и она вышла изъ дворца къ бунтующимъ и успокоила мятежь однимъ своимъ появленіемъ. Тогда стрѣльцы побѣжали и огласили Петра самодержавнымъ государемъ. Софія, согласившись съ Хованскимъ, снова взбунтовала стрѣльцовъ и возвела на тронъ Іоанна и сама сдѣлалась правительницею; но Хованскій опять возмутилъ стрѣльцовъ, и они убили канцлера Долгорукаго (*стр. 35*). Петру дана была смертная отравы, но противоядіе спасло ему жизнь; отъ оной отравы „мѣшался многократно необыкновеннымъ образомъ взоръ и лице его“ (*стр. 36*). Софія дала притворное согласіе Хованскому, что женить его сына на царицѣ Екатеринѣ, а потомъ велѣла отрубить ему голову (*стр. 37*). По возвращеніи Голицына изъ 1-го крымскаго похода, Софія жаловалась, что терпѣла отъ Натальи Кириловны и бояръ ихъ, а чтобы не превозмогла ихъ сторона современемъ, „столь ослепилася гордостію,“ что „дерзнула предложить любезному своему Голицыну озломъ и богомерзскомъ своемъ намереніи, о лишеніи жизни братьевъ своихъ, дабы ей досталася царская корона.“ Голицынъ ужаснулся, но притворился,

что принять всякое намѣреніе Софіи, хотя похулилъ сильнѣйшее средство, и предложилъ женить Іоанна. Если дескать родится отъ него сынъ, то отъ Петра тогда отстануть единомышленники, и онъ легко склонится къ принятію монашескаго житія. Когда Іоаннъ взялъ бы власть, „тогда не трудно бы объявить имъ о прелюбодействе царицномъ и доказать незаконными детьми и недостойными царской короны, почему бы и до разводу дошло супружество и разведенную царицу, постригши въ монастырь, женить на другой супруге Іоанна, о которой ужъ подлинно вѣдать, что родить детей не будетъ, и тако бы *натуральнымъ образомъ* дошла до главы ея царевнины корона. Наконецъ, чтобы имѣть и духовенство при сторонѣ своей, изрядно бы было, чтобы возвесть на патріаршей престолъ архимандрита Силвестра.“ (*Катицф. ркп. 41 об.*) „Послѣ 2-го крымскаго похода, пронѣлся такой слухъ, якобы крымскій ханъ подкупилъ Голицына немалую суммою червонныхъ, и выступилъ онъ Голицынъ въ то самое время, когда уже городъ при последней опасности и здаче находился... *Говорятъ некоторые, (Нѣвилъ)* якобы имель онъ (*Голицынъ*) намерение ее обмануть, а імянно жениться на ней, какъ сама она желала, возвесть на царскій престолъ сыновей своихъ, которыхъ онъ имель отъ первой жены, а оставить техъ детей, которые бы отъ нея родилися.“ Когда Софія „сплетала на здравие государя Петра страшной умыселъ,“ онъ находился въ Преображенскомъ. „Призвала она царевна къ себѣ вернаго *Щегловитова Гладкаго*, командира стрѣлцаго и приказала, ему убить пристойнымъ образомъ чрезъ обманъ, не только Петра, но і мать его, і супругу и большее число із сродниковъ и любезныхъ ево. Щегловитой принялъ такой безчестной приказъ со усердиемъ, побѣжалъ яко разбойникъ на квартиры стрелецкіе, и избравъ изъ нихъ до 600 человекъ наипродерзостиѣйшихъ, объявилъ имъ важной указъ, по которому надобно было имъ въ ту ночь исполнить, обещая имъ въ награждение имѣніе всехъ техъ, кого они погубили. И хотя симъ образомъ непотребныя прескверныя сердца возбуждены были къ принятію всякаго богомерзкаго злодѣйства, однако между оныхъ ссыскались двое, что вострепетали обмочить руки въ кровь своего государя. Сего ради отлучилися они тайно отъ прочихъ, побежали на скоре въ Преображенской, гдѣ тогда находился великій Петръ.“ Онъ не вдругъ повѣрилъ, чтобы сестра его имѣла такое богопротивное намѣреніе, отправилъ въ Москву своего дядю и Бориса Голицына; но они „доехали до половины дороги и увидели іадали Щегловитого, едущаго с великою скоростію съ немалымъ числомъ стрелцовъ, и убили бы они этихъ двоихъ, если бы они не ушли другой ближайшей дорогой.“ „Голицынъ совѣтывалъ Софіи уехать и збираться вместе с нимъ въ Польше, но она ответствовала ему говоря, что ежели оставить намъ такимъ трусливымъ образомъ предприятіе, то все тоже какъ бы

и объявить вину.“ Мы владѣемъ Иоанномъ и можемъ все сдѣлать именемъ его; стрѣльцы у него подѣ властію и пр.

Болѣе правдоподобія заключаетъ въ себѣ сочиненіе англичанина *Мотлея*, который собралъ изъ официальныхъ печатныхъ документовъ свѣдѣнія о Петрѣ. Компиляторъ *Мовильонъ*, французъ, передѣлалъ сочиненіе Мотлея, дополнилъ заимствованиями изъ дневника Корба, просоединилъ плохіе рисунки медалей и выдалъ за свой трудъ ²¹⁾. Всѣ эти иностранныя сочиненія, которыя не стоятъ серьезнаго изученія, служили однако руководствомъ для послѣдующихъ писателей иноземныхъ и русскихъ въ теченіе всего XVIII в.

Оставшіеся сподвижники Петра I-го и участники его преобразованій, обязанные своимъ возвышеніемъ его милостямъ, превозносили до небесъ энергическаго императора, привязаны къ нему были до глубины души, особенно старики, пережившіе кровавую эпоху Бирона. Въ ихъ глазахъ Петръ возросъ до идеала царей, и отчасти справедливо, былъ отцомъ отечества; а Софія съ своими приверженцами явилась поборницей старины, мѣшавшая великимъ начинаніямъ генія, отсталая и злобная старая дѣва, врагъ образованія, виновница всѣхъ возмущеній и т. п. По этому *В. Н. Татищевъ* (1686—1750 г.), историкъ Петра В., назвалъ записки Медвѣдева пристрастными на томъ только основаніи, что онъ держитъ сторону Софіи. Для него Петръ В. былъ благодѣтелемъ — и пишетъ онъ исторію въ благодарность за милости, какія тотъ ему оказывалъ ²²⁾. Такимъ образомъ, ожидать безпристрастія тутъ трудно: жившій вскорѣ послѣ событія, Татищевъ ошибается, называя Медвѣдева монахомъ Чудова монастыря, тогда какъ онъ былъ настоятелемъ Заиконоспасскимъ; онъ не былъ также участникомъ 1-го бунта, какъ думалъ историкъ, и потому равнодушіе его къ Милославскому понятно; этимъ нельзя объяснять и его похвалы Софіи. Какъ даровитый ученикъ Полоцкаго, Медвѣдевъ могъ знать лично образованную и умную царевну, обворожень былъ ея тактомъ, дѣятельностью и энергіей во время смятенія, когда, по его словамъ, у всѣхъ отвалились руки. Это и заставило его хвалить Софію, да притомъ пользу ея правленія и умъ не отрицаютъ даже многіе враги ея. Какъ же ему, стороннику царевны, не хвалить ея даровъ и не восхищаться ея добродѣтелями? Слѣдовательно, приверженцы Петра, писавшіе о времени его юности, иначе и не могли отзываться о Софіи, какъ о лицѣ *заворонномъ третемъ* между царями, по выраженію Петра, что царевна не только приносила вредъ государству, но и задерживала его дальнѣйшее развитіе своими честолюбивыми притязаніями и смутами.

Они старались отыскать въ ея жизни только недостатки и смотрѣли на ея правленіе исключительно съ отрицательной стороны.

Въ царствованіе Елисаветы, еще болѣе упрочилось это направленіе: тогда никто не сомнѣвался, что безъ Петра В. Россія обречена была на гибель и все лучшее для народа русскаго сдѣлано имъ. Увѣренность въ этой мысли руководила перомъ стихотворцевъ, проповѣдниковъ, администраторовъ и историковъ,—всѣ съ шумомъ стремились къ прославленію перваго императора Россіи. Послѣ Татищева, о научной разработкѣ исторіи не могло быть и помину, когда вся исторія времени Елисаветы сводилась къ одной дѣли—громкому восхваленію. Попытка Ломоносова по части исторической не удалась, а другаго дѣльнаго историка не явилось. По словамъ Ломоносова, сгужившаго отголоскомъ русскаго общества, Елисавета—пстинная наслѣдница дѣлъ Петра, отца своего: онъ положить начало науки, Елисавета ее утвердила ²⁹). Петръ даровать Россіи „новое рожденіе,“ Елисавета—воспитала Россію! Петръ сталъ идеаломъ монарховъ и всѣ недруги явились ничтожествомъ, людьми змѣннаго порожденія, врагами всякаго добра и просвѣщенія. Петръ сдѣлать все отлично, а его предшественники блуждали во тьмѣ невѣжества и старины. Такой мрачный взглядъ долженъ былъ особенно преслѣдовать все время правленія его сестры. Ломоносовъ говорить, что всѣ стрѣлецкіе бунты, по наущенію сестры Петра, на здравіе его устремлялись. Въ своемъ похвальномъ словѣ онъ излагаетъ значеніе дѣяній Петра и прибавляетъ:—„Изъ сего моего почти тѣнь одну Петровыхъ славныхъ дѣлъ, показующаго слова видѣть можно, коль они велики! Но что сказать о страшныхъ и опасныхъ препятствіяхъ, бывшихъ на пути исполненнаго его теченія? Больше похвалу его возвысили! . . . Коль многими окруженъ былъ непріятелями извнѣ. . . Извнутри стрѣльцы, раскольники, козаки, разбойники. Въ домѣ отъ самыхъ ближайшихъ отъ своей крови злодѣйства, ненависть, предательства на дражайшую жизнь его пріуготовлялись.„ Ломоносовъ влагаетъ въ уста Петру оправданіе въ жестокости, что онъ переказилъ стрѣльцовъ: „Не отягощаетъ его казнь стрѣлцкая. Представьте себѣ и помыслите, что ему ревность къ правдѣ, что сожалѣніе о подданныхъ, что своя опасность въ сердцѣ говорила: пролита неповинная кровь по домамъ и улицамъ московскимъ, плачутъ вдовы, рыдаютъ сироты“ и проч. И все это принудило его къ строгости. Съ этой точки зрѣнія старались оправдать всѣ жестокости Петра. Если гениальный Ломоносовъ черезчуръ возвеличилъ благодѣянія Петра и унизилъ значеніе дѣяній царевны, то что должны были говорить лица полубразованныя? Чѣмъ сильнѣе превозносили Петра, тѣмъ строже судили Софію и закидали грязью, когда Петръ возросъ до полубога. Вознесшійся на неприступную высоту, императоръ возбудилъ въ мелочныхъ

душахъ подобострастное поклоненіе, и по ихъ изображеніямъ онъ является совершенно мнѣологическимъ существомъ. Чтобы превознести его сильнѣе, въ чемъ онъ никогда не нуждался, при Елисаветѣ или изъ корыстныхъ видовъ, или вовсе невинно писали разныя чудесныя сказанія о его жизни,—и униженіемъ Софіи, нелѣпыми сказками о ея широкихъ и злобныхъ замислахъ и страшныхъ заговорахъ, хотѣли достигнуть своей цѣли. Царевна явилась ехидной женщиной, желавшей всевозможными средствами отдѣлаться отъ Петра и тѣмъ прекратить развитіе цивилизаціи въ Россіи; она стояла за старинное невѣжество и застои, опиралась на копы старовѣровъ—стрѣльцовъ; никто не признавалъ, что она была самая прогрессивная женщина. Софія пала—и судъ божій совершился надъ ней; лежачаго легко бить и осипнать презрѣніемъ и злобными клеветами: но судъ исторіи оправдаетъ ее отъ ложныхъ обвиненій и сниметъ съ ея памяти тяжелую ложь и клевету. Дѣло шло далеко не такими кривыми изворотами и происками, какъ рассказываютъ недобросовѣстно приверженцы Петра.

Изъ нихъ особеннымъ ласкѣствомъ отличился дворянинъ *П. Н. Крекшинъ* (1684—1768), который началъ собирать матеріалы для исторіи Петра В. едвали не при его жизни и трудился лѣтъ 20 надъ этой работой. Первую часть своего сочиненія (съ 1672 по 1706 г.) онъ поднесъ Елисаветѣ Петровнѣ въ самую благоприятную пору, когда русскіе возмущены были правленіемъ нѣмцевъ и съ чувствомъ глубокой любви смотрѣли на царствованіе Петра В. Подъ вліяніемъ этого воззрѣнія, начинаетъ писать Крекшинъ: „Авъ рабъ благочестиваго императора, мнѣи всѣхъ, милость того на себѣ имѣхъ, и дѣлъ блаженныхъ его нѣкоихъ самовидецъ быхъ; того ради *по долгу рабства* и любви долженъ блаженныя дѣла его прославлять, а не образомъ исторіи писать дерзаю. Не буде то въ дерзновеіе моему худоумію, яко недостонія отрѣшнати и ремень сапога его, и не имамъ толкаго разума. Но собрахъ яко малѣйшія крупичи отъ великія трагезы, или яко почерпнухъ единъ водовосецъ отъ великаго моря, или отъ всемірнаго дожда вапли, падшія на главу мою; тако и отъ дѣлъ сего великаго государя, елико могъ собрать и что видѣхъ и воспоминахъ, то и написахъ.“ Ясно, что авторъ пишетъ похвальное слово Петру, который родился по пророчеству Симеона Полоцкаго, и какъ только зачался во утробѣ, предсказывалъ уже одинъ блаженный юродивый; въ десять лѣтъ онъ явился мудрымъ философомъ и удивлялъ всѣхъ своею храбростію. Онъ не то, что чаловѣкъ обыкновенный и жилъ спокойно: на него съ дѣтства остряли тысячи ножей, заговоры слѣдовали за мятежами, родная сестра съ своими приближенными едва не убили его; но десница Господа провела его цѣла и невредима сквозь всѣ опасности, а другія онъ побѣ-

диль и растоптать ногами; враговъ своихъ казнилъ и они отправились въ адъ. „И тогда даде начало славы, начало побѣдъ, начало блаженствъ. . . Все, что видимъ цвѣтущее и славимое въ Россіи, восклицаетъ Крекшинъ, все сіе заботы, труды и дѣла Петра В. ! . . Отче нашъ, Петръ В., ты насъ отъ небытія въ бытіе привелъ! . . . Капли пота трудовъ твоихъ было наше мѣро благовонное, благоухавъ славу Россіи въ концахъ всего міра, уврачева болѣзни всяя Россіи“³⁰⁾. При такомъ взглядѣ все старинное было никуда негодио и противная партія ничтожна, ненавидима Богомъ по своимъ лукавымъ помысламъ и дѣламъ тьмы; хитрая и коварная Софія съ своими клеветами ратовала за невѣжество. Крекшинъ сочинялъ цѣлые разговоры, какъ она спорила съ патриархомъ, что царствовать долженъ Іоаннъ; онъ влагаеть въ уста Натальи Кириловнѣ, въ видѣ причитанья, стихотворный плачь, сочиненный Полоцкимъ по случаю смерти царя Алексѣя; онъ заставилъ говорить Петра рѣчь на соборѣ противъ раскольниковъ, тогда какъ онъ и не присутствовалъ на немъ. Всѣ извѣстія уже преувеличенны Матвѣевымъ, подъ перомъ Крекшина явились еще болѣе фантастическими; онъ придумывалъ имъ объясненія по своему соображенію, наприм. онъ пишетъ: „Милославскій съ Хованскимъ возимѣли вражду, и Хованскій стрѣльцовъ о убіеніи Милославскаго просилъ; стрѣльцы искали случая его убить“. Какъ у Матвѣева, такъ и у Крекшина прибавка жалованья стрѣльцамъ, правожъ денегъ на полковникахъ и каждое распоряженіе Софіи перетолкованы въ дурную сторону. Крекшинъ смѣшалъ два разныхъ случая и передалъ въ своихъ запискахъ, будто стрѣльцы, надѣвъ петли на шею, пошли съ топорами и плахами въ Троицкую Лавру въ числѣ 2,700 человекъ, и тутъ Наталья Кириловна отличилась своею кротостью и умоляла царей простить преступныхъ. Вездѣ мать Петра онъ рисуетъ идеаломъ женщины, которая исполнена была всевозможными добродѣтелями, а Софію—злой и пронирливой дѣвой. По словамъ автора, царь Θεодоръ настоялъ, чтобы наслѣдникомъ его былъ Петръ, хотя Языковъ и совѣтовалъ ему оставить пріемникомъ Іоанна. Вообще по запискамъ Крекшина надобно изучать не время правленія Софіи, а взглядъ на нее и мнѣнія современниковъ императрицы Елисаветы и приверженцевъ Петра. Это—тоже, что похвальныя слова Ломоносова. Еще Татищевъ назвалъ Крекшина „новгородскимъ баснословцемъ,“ а Устряловъ дѣлаеть приговоръ еще болѣе строгій: „Невѣжество въ событіяхъ, суевѣріе, вымысли встрѣчаются на каждой страницѣ: онъ слагалъ предсказанія, выдумывалъ рѣчи, изобрѣталъ факты. Трудно вообразить, чтобы можно было такъ безсовѣстно обманывать современниковъ и потомство, какъ обманывалъ Крекшинъ, съ клятвою увѣряя людей простодушныхъ, наприм. Голикова, что все рассказываемое имъ сущая правда,

вопреки свидѣтельствамъ неоспоримымъ. Все его сочиненіе есть ничто иное, какъ цѣнь выдумокъ, перемѣшанныхъ съ немногими сказаніями историческими.“ (*Ист. Петра В. I, XLII*).

Иностранцы, сослуживцы Петра, тоже не превосходили правдивостью и дѣльными соображеніями русскихъ писателей. Привязанный къ царю, *Александръ Гордонъ* слѣдилъ за всѣми сочиненіями о Петрѣ и досадовалъ, что большая часть разсказовъ ложны; тогда онъ рѣшился въ глубокой старости, самъ написать исторію монарха но и его записки ничѣмъ не отличаются отъ обыкновенной компилляціи ³¹).

Писатели усиливались вознестись до облаковъ Петра, чтобы возвыситься самимъ; поэтому выдумывали всевозможныя тиранніи и смуты, крамолы и заговоры на его жизнь, чтобы показать во всемъ блескѣ его величіе, какъ онъ прошелъ сквозь огонь и воду, и уничтожилъ всѣ злыя замыслы родной своей сестры и т. п. Они вѣрили всякому разсказу и анекдоту. Такого характера анекдоты *Якова Штелина*, который съ 1735 г. былъ въ Петербургѣ придворнымъ устройтеlemъ спектаклей, иллюминацій, составителемъ одъ на торжественные случаи, *профессоромъ аллегорій*. Онъ сообщаетъ въ своихъ анекдотахъ самыя невѣроятныя преданія и чистыя небывлицы; онъ передалъ разсказъ, послужившій темой для романистовъ и живописцевъ, будто во время 1-го стрѣлцаго возмущенія въ алтарѣ въ Троицкой Сергіевой Лаврѣ двое бросились на Петра съ сверкающимъ ножомъ и одинъ совсѣмъ—было его зарѣзать. Во время заговора Циклера и Соконина, отважный царь самъ явился въ домъ послѣдняго и съ неустрашимостью вошелъ въ комнату, долго сидѣлъ, потомъ ударилъ кулакомъ косяки и велѣлъ связать злоумышленниковъ. Штелинъ сообщилъ, какъ стрѣльцы подкопались подъ монастырь Новодѣвичій и хотѣли освободить Софію,—какъ въ лѣтнемъ дворцѣ раскольникъ покушался на жизнь Петра,—какъ злодѣй два раза пытался выстрѣлить въ соннаго монарха, но пистолетъ осѣклся и проч. и проч. Припадки, которымъ подверженъ былъ Петръ, Штелинъ и его современники приписывали или страху, испытанному имъ въ Троицкой Лаврѣ, или кознямъ властолюбивой царевны Софіи, которая тайно приказала отравить его ядомъ ³²).

Я не обратилъ бы вниманія на анекдотическую сторону, если бы она въ свою очередь не имѣла вліянія на взгляды писателей о правленіи царевны Софіи. Анекдоты, сообщенныя Штелинымъ, заносились въ историческія повѣствованія до послѣдняго времени и даже безъ всякой критики. Когда въ глазахъ участниковъ преобразованій Петра В. каждое иностранное сочиненіе о величіи его считалось священнымъ, тогда и заграничныя выдумки имѣли большое значеніе, принимались охотно на вѣру и разсказывались русскими вельможами, какъ событія очевидцевъ. Писатели, которымъ они хвастливо пере-

давали, иногда отъ своего лица, какъ свидѣтели событій,—вѣрили ихъ разсказамъ, и не рѣдко выдумка какого-либо иностранца являлась въ русскомъ покровѣ. Этимъ путемъ можно объяснить, почему вымыселъ, сообщенный компиляторомъ Крѣлемъ, передается у Штелина какъ доморощенный анекдотъ о заговорѣ Цыклера и Соковнина. (См. выше). Послѣ разсказовъ, представленныхъ Штелинымъ, который основать ихъ на словахъ очевидцевъ и знаменитыхъ участниковъ происшествій, каковы, наприм. канцлеръ А. Петр. Бестужевъ, Ив. Ю. Трубецкой, внучка Матвѣева, М. А. Румянцева—Задунайская,—никто не осмѣливался противорѣчить его показаніямъ. Поэтому писатели, касающіеся исторіи времени Софіи, ссылаясь на анекдоты Штелина, не сомнѣваются въ коварныхъ замыслахъ царевны.

Такимъ образомъ, по естественному теченію исторической жизни, Софія въ царствованіе Елисаветы не могла имѣть достойнаго историка, который взглянулъ бы безпристрастно на ея жизнь и дѣянія. Но послѣ такихъ шумныхъ восхваленій Петра В., какъ Ломоносова: „Онъ богъ твой, богъ твой, о Россія!“ — или какъ воззванія Крекшина: „Отче нашъ, Петръ В.!“ — дѣльные люди стали глубже вникать въ ходъ минувшихъ судебъ Россіи; а раскольники выражали ненависть къ такимъ святотатственнымъ похваламъ и сильно нападали на Петра.

Когда въ исторіи не видѣли движущей силы идеи, то всякое явленіе объясняли личными интригами, привязанностями и т. п. При Елисаветѣ раскольничій бунтъ конца XVII в. считали дѣломъ Никиты Пустосвята, стрѣлцкій—приписали честолюбивымъ стремленіямъ Софіи. При униженіи народа въ XVIII стол., естественно было думать, что одна личность ловкаго правителя можетъ двигать по произволу и народомъ, и войскомъ; къ тому же заключенію приводила и мысль о государственныхъ переворотахъ Россіи послѣ Петра В. Такъ смотрѣли и на Софію, будто она, при посредствѣ своей хитрости и изворотливости, двигала стрѣлцовъ по произволу и разставляла, какъ шашки. Въ тоже время иностранные писатели мѣряли правленіе Софіи по образцу царствованія Людовика XIV и приписали царевнѣ всѣ интриги французскаго двора. Такое воззрѣніе ярче всего выступаетъ у *Вольтера*.

Не смотря на громадное количество матеріаловъ, сообщенныхъ изъ Россіи Вольтеру, онъ написалъ исторію Петра безъ всякой критики, вѣрилъ на слово и Нѣвилу и Матвѣеву. „Царевна Софія, пишетъ онъ, ума столь же превосходнаго и замѣчательнаго, сколько опаснаго... Она возмѣла намѣреніе стать во главѣ имперіи; она хотѣла въ послѣдніе годы жизни царя Теодора возобновить роль, которую играла нѣкогда Пульхерія съ императоромъ Θεодосіемъ, своимъ братомъ. Правительница имѣла много ума, со-

чиняла стихи на родномъ языкѣ, писала и говорила хорошо; съ прекрасною наружностью соединяла много талантовъ, но всѣ они помрачены были громаднымъ ея честолюбіемъ“. ³¹⁾ Въ томъ же смыслѣ впослѣдствіи сообщилъ свой отзывъ о царевнѣ Н. М. Карамзинъ, какъ увидимъ ниже. Какъ поэтъ и искатель сильныхъ страстей, Вольтеръ взглянулъ на Софію совершенно фальшиво, точно на какую-нибудь средневѣковую итальянку, хотя и самъ чувствовалъ, что исторію Петра долженъ писать русскій. Тѣмъ не менѣе, отзывъ его о правленіи царевны, какъ замѣчательнаго писателя и руководителя своего вѣка, многіе читатели и писатели приняли за чистую монету, — и его исторія содѣйствовала распространенію ложныхъ мнѣній о событіяхъ Россіи конца XVII стол.

Исторія Петра В., Вольтера возбудила ревность въ его покорномъ слугѣ *А. Сумароковъ* (1718—1777 г.), — и онъ захотѣлъ также быть историкомъ Петра. Онъ началъ со стрѣлецкихъ бунтовъ, но не окончилъ о нихъ разсказа. Вѣрный пріемамъ фернейскаго философа, русскій Пиндаръ влагалъ въ уста историческихъ лицъ свои идеи и понятія вѣка; повторяя сказанія Матвѣева и Крекшина, онъ дополнялъ ихъ своими вымыслами и фантастическими картинами, разбавляя водянистыми фразами иностранцевъ. Разсуждая объ участіи въ бунтѣ И. М. Милославскаго, онъ сочинилъ совершенную сказку. Вотъ его слова: „Всякое въ народѣ огорченіе, налоги, насилия, драки по улицамъ, замедленія въ выдачѣ стрѣльцамъ жалованья, въ праздничные дни работы, — все то Нарышкинымъ приписывалось. И не только стрѣльцы, но жены и дѣти ихъ часто онимъ бояриномъ Милославскимъ были призываемы; а сіи безразсудные люди оплакивали съ нимъ и съ его сообщниками прежнее свое и Милославскихъ состояніе: всякое новое худо чувствительнае, нежели минувшее. Иногда оной Милославской повязывалъ себѣ голову платкомъ по женски и садился на крыльцахъ, будто онъ боярыня какая, и будто отъ Нарышкиныхъ бита, приводя стрѣльцовъ ко сожалѣнію. Сказывалъ онъ иногда, что отъ скорой ѣзды молодыхъ господъ Нарышкиныхъ тотъ-то и тотъ-то раздавленъ, и что кровь на нихъ вопіеть на небо и ко иконѣ Знаменія Богоматери, отъ которыхъ иконы получалъ онъ всей черни знаменія паденію ихъ Нарышкиныхъ... Все то было имъ вымышляемо, что хитрости человѣческой при подлой душѣ свойственно.“ А чернь, „сія мерзкая, пьяная и ядовитая гадина, недостойная имени человѣческаго,“ всему вѣрила и забунтовала. Стрѣльцы московскіе общенароднаго избранія (*Петра*) не признали. Повторяя ошибки своихъ предшественниковъ, Сумароковъ желалъ возвеличить свою родословную и сочинилъ нарочно небывалое событіе, будто одинъ изъ его предковъ, комнатный стольникъ, Ив. Богд. сынъ Сумароковъ спасъ царя Алексѣя Мих. на охотѣ отъ

медвѣдя, а Софія давала ему 1000 дворовъ, лишь бы онъ подтвердилъ доносъ на Нарышкиныхъ въ покушеніи на жизнь царя Θεодора ³⁴). Этотъ разсказъ характеризуетъ не одну личность Сумарокова, но также рисуетъ вообще дворянскіе воззрѣнія времянь Екатерины II.

Много нелѣпостей сообщилъ Сумароковъ въ своемъ описаніи стрѣльцевыхъ бунтовъ, такъ что даже *Еминь* (1769 г.), отличавшійся своей риторикой, сомнѣвался въ нѣкоторыхъ положеніяхъ писателя, имъ уважаемаго, находилъ ошибки и противорѣчія. Онъ не вѣрилъ, будто Мирославскій наряжался боярыней для возбужденія бунта: „Сіе описаніе мнѣ кажется быть сумнительнымъ, какъ потому, что Мирославскій по описанію Никона и прочихъ, въ то время будучи царскій сродственникъ и хитрецъ, столько былъ знатенъ, что всѣ начальники стрѣлцкіе знали его въ лицо; такъ по причинѣ той, что онъ тогда имѣлъ около 50 лѣтъ, какъ то современные его писатели свидѣтельствуютъ, имѣлъ усы и бороду, которые признаки, кажется, довольно мужчипу отъ женщины отличить могутъ. Наши же тогдашніа боярыни не крыли лица своего подъ покрывало такъ, какъ дѣлаютъ азіатскія женщины. Почему такая Мирославскаго хитрость была неразумна и бесполезна.“ *Еминь* опровергаетъ также мнѣніе Сумарокова, будто бунты производила чернь, а болре въ нихъ никогда не участвовали, и добавляетъ: „Если бы я не опасался утратить великой ко мнѣ любви автора, то сказать бы могъ, что въ семъ его описаніи больше видно ненависти въ отечеству и пристрастія къ дворянству, нежели историческаго согласія“ ³⁵).

Одна крайняя, односторонняя мысль всегда носить въ себѣ много ложнаго, преувеличеннаго и поневолѣ возбуждаетъ противъ себя опроверженіе въ другихъ умахъ, которые, отъ излишней энергіи для ея уничтоженія, иногда сами впадаютъ въ крайность противоположную. Такое явленіе мы замѣчаемъ и въ исторіи восхваленія Петра и униженія Софін, превознесенія иностранной цивилизаціи и отрицанія русской. По смерти дочери Петра В., императрицы Елисаветы, не оставалось особенныхъ побудительныхъ причинъ враждебно относиться къ царевнѣ Софін и вообще къ русской старинной жизни.

Еще Бецкій (въ 1764—67 г.) указывалъ односторонность въ реформахъ Петра В. и говорилъ, что образованіе въ исключительныхъ видахъ пользы оказалось несостоятельнымъ, и одно вышнее усвоеніе формъ цивилизаціи не спасло Россію отъ невѣжества. Отрицаніе всего хорошаго въ древней Россіи вызывало на дѣятельность защитниковъ старины; въ описаніи стрѣлцкаго бунта, Сумароковъ безцеремонно разсуждаетъ: „Бредятъ люди, проповѣдывающіе то, что мы до времени Петра В. варвары или чаче скоты были; предки наши были не хуже насъ; а послѣдній царь Тео-

доръ въ нашей древности достойный былъ братъ Петру В. И не было друга Россіянамъ превращенія, какъ вопятъ новомодныя невѣжки, слышавшыя отъ чужестранныхъ, которымъ они сами о себѣ такую полость натолковали, кромѣ сея, что сіи сумасбродныя толкователи превращены стали; ибо они изъ человѣковъ немалодрежныхъ, дѣйствительно, въ наупудренную превратилися скотину“²⁰).

Черезчуръ фантастическія повѣсти, созданія въ половинѣ XVIII в., о правленіи царевны Софіи, принесли отрицательную пользу: писатели болѣе умные стали относиться къ нимъ критически и очищать истину отъ ложныхъ сказаній. Прочное начало этому трезвому направленію положилъ *Миллеръ* (1705—1783). Въ своихъ „Ежемесячныхъ Сочиненіяхъ“ (1775—84 г.), онъ помѣстилъ много статей по русекой исторіи, въ которыхъ старался выяснить настоящій взглядъ на минувшую судьбу нашего отечества. Затѣмъ, когда Вольтеръ прислалъ въ 1761 г. И. И. Шувалову 1-й томъ исторіи Петра В., то Миллеръ сдѣлалъ на него критическія замѣчанія, которыми разозлилъ самолюбиваго оракула XVIII в., и писалъ по этому поводу: „Г. Вольтеръ не любитъ входить въ розысканія; по немъ лучше разрубить узелъ, чѣмъ развязать его. Всѣ согласны, что Вольтерова исторія Петра В. не удовлетворила всеобщему ожиданію. Ея недостатки замѣчены были еще до ея появленія въ свѣтъ по тѣмъ образчикамъ, которые авторъ прислалъ въ Петербургъ въ рукописи. Замѣтки мои были отосланы къ автору. На ихъ-то основаніи, въ предисловіи къ 2-му тому онъ исправилъ нѣкоторые промахи, сдѣланные въ 1-мъ томѣ; другія ошибки онъ извинилъ; наговорилъ мнѣ грубостей; особенно постарался онъ не коснуться тѣхъ замѣчаній, которыя бы заставили его покраснѣть.“ (*Современ. 1854, № 10, въ статьѣ о Мюллерѣ, стр. 134—5. 145—6*). Когда оказалась неудовлетворительной исторія Вольтера, императрица Екатерина II поручила Миллеру написать исторію малолѣтства Петра В. Онъ счелъ необходимымъ прежде изучить царствованіе Θεодора Ал., и тутъ относится къ дѣлу критически, опровергая извѣстіе, будто А. С. Матвѣевъ хотѣлъ отстранить Θεодора и возвести на престолъ Петра, за что и былъ посланъ въ ссылку.

Какъ писатель въ высшей степени осторожный и добросовѣстный, Миллеръ не обвиняетъ прямо Софію въ зажигательствѣ бунтовъ ея времени; но выражаетъ эту мысль довольно осторожно: „Если царевна Софія въ самомъ бунтѣ (1-мъ стрѣльцкомъ) главнѣйшее участіе имѣла, то употребленною при утишеніи онаго щедротою, легко могла она стрѣльцовъ склонить и на все прочее, чего ей ни похотѣлось. По честолюбію же ея и никакова сумнѣнія остаться не можетъ, чтобъ все потомъ происшедшее ея внушеніемъ и производствомъ не сдѣлалось.“ Но онъ все-таки относитъ

ся съ большимъ уваженіемъ къ дѣятельности правительницы и отдасть справедливость ея заслугамъ на пользу отечества: „Царевна Софія, сверхъ всякой мѣры честолюбивая, и никого себѣ разумомъ и мудростію не предпочитающая, хотѣла подъ именемъ брата своего государствовать. Правда, что проникательный имѣла разумъ и къ правленію дѣлгъ была весьма радѣтельна. Правленіе ея было для народа правдивое, государству полезное, и по всей Европѣ славное, паче потому, что имѣла при себѣ боярина князя В. В. Голицина, коего искусство въ дѣлахъ у иностранныхъ писателей ему имя великаго доставило.“ Но Софія не имѣла права царствовать. Миллеръ удивляется, какъ царевна при своемъ честолюбіи не изъявила желанія короноваться вмѣстѣ съ царями, когда это зависѣло отъ ея воли и никто бы въ этомъ не смѣлъ ей воспрепятствовать. Разбирая мнѣнія разныхъ писателей о правленіи Софіи, онъ говоритъ: „Прежде всего опровергнуть должно неосновательное мнѣніе нѣкоторыхъ писателей, якобы наборъ потѣшныхъ начался съ 1683 г., и царевна Софія Ал. будто отпустила царицу Наталію Кириловну съ сыномъ малолѣтнимъ жить, гдѣ изволить. Черезъ то будто сама поводъ подала молодому царю къ наборанію потѣшныхъ, уповая, что будучи въ совершенной вольности съ равнолѣтними себѣ всякаго роду молодыми людьми, удалится отъ просвѣщенія разума, въ нравахъ повредится, впадетъ во всенародное презрѣніе и къ правленію государства учинится неспособенъ“ . . . Но 1) царица могла жить и ѣздить, гдѣ угодно, не спросясь Софіи; 2) Софія знала, какъ строго наблюдала царица за сыномъ и не могла имѣть такого умысла, какой ей безразсудно приписываютъ; 3) въ Розрядныхъ книгахъ набораніе потѣшныхъ въ Преображенскомъ относится къ 1687 г.; 4) не Софія, а Лефортъ совѣтовалъ набирать потѣшныхъ, и царевна не опасалась ихъ и не принимала противъ нихъ никакихъ средствъ ³⁷⁾.

Съ легкой руки Миллера, мало по малу искоренялась изъ русской исторіи рабская прежняя довѣренность къ каждому иностранному мнѣнію о старинной исторической жизни. Какъ честный нѣмецъ, онъ сталъ на прочную почву, не заинтересованный преимуществами французской жизни и не имѣя особеннаго повода восхвалять бытъ нашихъ предковъ: онъ научно началъ разбирать факты и достигъ важныхъ результатовъ. Съ этой стороны, онъ много содѣйствовалъ развитію прямого воззрѣнія на старинную жизнь нашихъ предковъ и въ Россіи и за границей. Его мнѣнія дали опору тѣмъ русскимъ людямъ, которые стали отыскивать и въ допетровской Россіи добрыя черты жизни, въ противоположность воззрѣніямъ французовъ и ихъ подражателей.

При страшной распущенности мысли и нравовъ высшаго общества времени Екатерины II, увлекшагося до послѣдней крайности обычаями

иностранный жизни, начался поворотъ въ воззрѣнiяхъ на бытъ нашихъ предковъ, явилось сочувствiе простотѣ и степенности ихъ образа жизни. Мы видимъ цѣлый рядъ сочиненiй, направленныхъ къ этой мысли, въ опроверженiе нелѣпныхъ французскихъ мнѣнiй на минувшiя судьбы Россiи. Такъ противъ аббата *Шанна* издано сочиненiе въ 1771 г. *L'Antidote*, которое приписываютъ императрицѣ Екатеринѣ II. Здѣсь, между прочимъ, дѣянiя царевны Софiи выставляются въ настоящемъ свѣтѣ, какъ и у Миллера. „Надо отдать справедливость Софiи, сказано тамъ, она управляла государствомъ съ такимъ благоразумiемъ и умомъ, которое только можно бы желать и отъ того времени и отъ той страны, гдѣ она царствовала именами двухъ своихъ братьевъ.“²⁸) Н. Ив. Новиковъ вооружался также противъ увлекающихся иностранной модой и „молодыхъ кощюновъ, ненавидящихъ свое отечество; они и самыя добродѣтели предковъ нашихъ пересмѣхаютъ и презируютъ.“ Онъ старался знакомить читателей Библюеки съ минувшими судьбами Россiи, съ цѣлью—выставить великость духа предковъ, разъясняя истинное значенiе событiй. (*Древн. рос. Вивлюв. Спб. 1773, ч. I, предисл.*).

Романтическая исторiя временъ Софiи, исполненная драматизма, возбуждала фантазiю писателей и невольно заставляла дополнять картину произвольными чертами и красками. Съ одной стороны, энергическая правительница обширнаго государства, которую заперли въ монастырь, съ другой—бунтующiе стрѣльцы, замыслы честолюбивыхъ царедворцевъ, возмущенiя противъ господствующей церкви и т. п.,—все это поневолѣ увлекало писателя и сообщало ложное воззрѣнiе и давало фальшивый тонъ разнымъ сочиненiямъ иностранцевъ, незнакомыхъ съ русской жизнью. Не зная первой отличительной черты характера русскаго народа—приверженности къ царю,—они искажали истинный смыслъ стрѣльческихъ возстанiй и считали ихъ направленными противъ царей, тогда какъ стрѣльцы шли на ихъ защиту. Поэтому и бунтъ Хованскаго подъ перомъ ихъ является такимъ грандиознымъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ никакого бунта не бывало. Софiя, выдвинувшаяся на первый планъ въ управленiи Россiей силою обстоятельствъ, приковала вниманiе писателей, которые считали ее главной пружиной всѣхъ волненiй, двигательницей интригъ и виновницей страшныхъ событiй. Не осталось ни одного факта, который бы не перетолковали въ XVIII в. въ невыгодную сторону для царевны; она держалась политики эхидства, не читая Макиавелли; она не задумывалась ни передъ какими средствами для достиженiя своихъ цѣлей и играла религiей. Чтобы самой обладать властью, она подумывала уничтожить обоихъ братьевъ,—Петра хотѣла отравить, а Иоанна запереть въ монастырь; Голицыны замыслили перехитрить и саму правительницу, чтобы захватить власть въ свои

руки. Сложилась цѣлая цѣпь придворныхъ интригъ, и изъ всей этой путаницы и смѣси фактовъ съ вымыслами составился длинный историческій романъ, въ которомъ изъ настоящей исторіи были одни названія, а всѣ подробности принадлежать фантазіи писателей.

Такую исторію Петра В. написалъ венеціанскій типографчикъ *Теодози*. Не смотря на критическія замѣтки Миллера и сочиненія добросовѣстныхъ, которыя были у него подъ руками, онъ предпочиталъ трезвымъ взглядамъ фантастическія повѣсти и наполнилъ свое сочиненіе множествомъ ошибокъ ³⁹). Онъ заимствовалъ свѣдѣнія изъ разныхъ писателей цѣликомъ безъ разбора и только „иногда бралъ вольность вѣскольго дѣлать въ нихъ премѣны.“ Повѣстно, что онъ долженъ былъ повторять промахи и нелѣпные рассказы своихъ предшественниковъ, считая нашихъ предковъ дикарями, а преобразователя—необыкновеннымъ даже при сопѣтахъ матернихъ. Стрѣлецкій бунтъ вспыхнулъ по наущенію Милославскаго; Софія объявила медива фонъ-Гадена убійцею царя Теодора и научила стрѣльцовъ наконецъ убить Ив. Нарышкина. „Правда, что и сама царица Софія съ прочими царевнами за Нарышкина въ томъ случаѣ равнымъ же образомъ просила; но она дѣлала то подъ видомъ, чтобъ не подать причины къ подозрѣнію на себя; и такъ промба ея служила токмо покрываломъ того, что она съ другой стороны поощрала оныхъ разбойниковъ къ умерщвленію тогожъ Нарышкина.“ Когда Софія отеряла В. В. Голицыну свои замыслы—лишить жизни Петра, министръ ужаснулся и посовѣтовалъ ей женить Іоанна, чтобъ управлять именемъ его сына, который родится у него; а Петру дать волю жить въ веселой компаніи, чтобъ сдѣлать его неспособнымъ къ правленію государствомъ. Наконецъ царица „сочинила противъ дражайшія жизни Петра мерзостнѣйшее предательство,“ и поручила Шакловитому убить его. Послѣ неудачи приверженца Софіи, кн. В. Голицына, „кой нетрудно могъ изъ того предвидѣть свое несчастье, совѣтовалъ ей бѣжать съ нимъ въ Польшу.“ Но она отвѣчала, что пока царь Иванъ живъ, мы его именемъ можемъ дѣлать, что хотимъ.—Эти и другія свѣдѣнія Теодози заимствовалъ у Корба, Вольтера, Страденберга и т. п.; а подробности описанія сверженія Софіи и заговора Шакловитаго у него совершенно сходны съ изложеніемъ Катифора. Такимъ образомъ, Теодози не сообщилъ ничего новаго и повторилъ старую исторію предубѣждений и промаховъ въ сужденіи о правленіи Софіи ⁴⁰).

Исторія Теодози, явившаяся послѣ пробужденія анализа и критики, не убѣдила русскихъ писателей въ непреложности ея показаній, какъ исторія Катифора въ свое время,—и М. М. Щербатовъ сдѣлалъ къ ней много дѣльныхъ замѣчаній при изданіи 1774 г. Щербатовъ опровергаетъ

ошибки, которыя выдавались за истину многими писателями XVIII в., напр: будто царь Θεодоръ, не смотря на право первородства, объявилъ Петра наслѣдникомъ престола; будто Хованскій былъ явнымъ бунтовщикомъ; Щербатовъ замѣтилъ, что Θεодози невѣрно приписать обстоятельства во время бунта Салтыкову, тогда какъ они были съ Долгорукимъ; но на какомъ основаніи онъ считалъ В. В. Голицына приверженцемъ ереси Аввакумовой, совершенно неизвѣстно (*на стр. 151*). Высказанныя сомнѣнія на счетъ варварства нашихъ предковъ и величія преобразованій иностранныхъ нашли строгаго судью въ Щербатовѣ; по этому поводу онъ написалъ „О порокахъ и самовластіи Петра В.“ и „О поврежденіи нравовъ въ Россіи.“ Хотя взглядъ его на правленіе Софіи во многомъ ошибоченъ, но можно отдать ему честь за то, что онъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ содѣйствовалъ открытію исторической истины ¹⁾).

Тоже замѣчательное явленіе происходило и въ иностранной литературѣ: французскій писатель *Левекъ*, который былъ въ Петербургѣ (1773—80 г.) учителемъ кадетъ, издалъ 8 томовъ русской исторіи ²⁾. Онъ держался воззрѣній русскихъ писателей, которые думали о Петрѣ не совсемъ благопріятно и доказывали, что преобразованіи его привели къ обезьянству. Левекъ пишетъ, что Петръ В., желая образовать народъ свой, только подражалъ другимъ народамъ, и если бы онъ не усиливался учить русскихъ, они сами выучились бы и безъ него. За то о царевнѣ Софіи французскій историкъ составилъ самое высокое мнѣніе и доказывалъ, что писатели представили ея характеръ въ ложномъ свѣтѣ; царевна имѣла великія дарованія и заслуги, и напрасно взвалили на нее множество обвиненій. Онъ сомнѣвался даже, будто Софія злоумышляла на жизнь Петра (IV, 103). Вотъ какими чертами рисуетъ Левекъ личность царевны: „Дѣятельная, предпріимчивая, она соединила съ граціею и прелестями тѣлесной красоты умъ, способный къ совершенію великихъ дѣлъ, и честолюбіе, которое преодолевало всѣ препятствія къ предположенной цѣли. Она управляла государственными дѣлами съ замѣчательной мудростію, и лица, знакомыя съ дѣлами политическими, восхваляютъ ея управленіе. Она не только одарена была способностями правительственными, но любила литературу, которая почти неизвѣстна была въ Россіи, и сама занималась ею“ (IV, 166. 184—9).

Еще прямѣе и рѣзче Левека высказывалъ тѣ же мысли около 1785 г. англичанинъ *Коксъ* и старался оправдать Софію отъ взводимыхъ на нее тяжелыхъ обвиненій. Онъ говоритъ, что прежніе писатели весьма пристрастно относились къ Петру и во многомъ оклеветали царевну Софію. Его дѣльная критика стоитъ особеннаго вниманія, хотя онъ и руководился изслѣдованіями Миллера и Щербатова. На свидѣльства А. Л. Гордона онъ

смотреть как на пристрастных и особенно не благоволить къ запискамъ Нёвила, утверждая, что онъ вовсе не былъ въ Россіи. „Каждый видитъ, кто хоть сколько нибудь свѣдущъ въ русской исторіи, съ перваго взгляда его грубыя противорѣчія и нелѣпыя сказки. Личность царевны Софіи онъ изображаетъ болѣе гнусно, чѣмъ рисуютъ Тиберія или Цезаря Борджіа“; онъ представилъ рядъ коварствъ, происходившихъ между Софіей и Голицынымъ: царевна желала видѣти за него замужъ и соединить греческую церковь съ римской, а Петра хотѣла спровадить въ монастырь или умертвить, если не удастся первое; дѣтей Іоанна объявить незаконными, и себя и своихъ наслѣдниковъ возвести на престолъ. И всѣ эти химерныя замыслы не могли осуществиться, потому что кн. Голицынъ имѣлъ намѣренія болѣе блестящія; онъ надѣялся посредствомъ соединенія русской церкви съ римско-католической заслужить похвалу папы; единственного своего законнаго сына возвести на тронъ, вмѣсто того ребенка, который долженъ былъ родиться отъ Софіи, а жена его еще была жива.—Эти глупыя сказки опровергають сами себя, и писатель не заслуживаетъ никакого довѣрія. Точно также Коксъ не терпитъ Вольтера за то, что онъ болѣе другихъ писателей содѣйствовалъ распространенію непріязненныхъ извѣстій о Софіи; онъ осуждаетъ Вольтера за легкомысліе, что онъ основывался на словахъ Нёвила и на свидѣтельствахъ временъ Елисаветы, когда естественно вѣрили всѣмъ сплетнямъ враговъ Софіи и вооружены были противъ нея. Къ сожалѣнію, Коксъ введенъ былъ самъ въ заблужденіе Сумароковымъ, которому онъ придалъ больше значенія, чѣмъ сколько бы слѣдовало ¹³⁾. Но во всякомъ случаѣ онъ старается оправдать имя царевны отъ несправедливыхъ обвиненій и, опираясь на изслѣдованія Миллера и Щербатова, разбиваетъ мнѣнія, бывшія ходячими и несомнѣнными до кончины императрицы Елисаветы: 1) царь Θεодоръ не назначалъ наслѣдникомъ Петра, 2) Петръ избранъ партией Нарышкиныхъ, а вовсе не по желанію народа, 3) Софія не раздувала стрѣлцаго бунта, который былъ случайнымъ,—она только воспользовалась благоприятными обстоятельствами, чтобы возвести на престолъ Іоанна, 4) причины бунта крылись еще въ царствованіе Алексѣя Михайловича въ придворныхъ интригахъ и злоупотребленіяхъ административныхъ лицъ, 5) десятилѣтній Петръ не могъ представлять идеала царя, а мать его, какъ неопытное созданіе, была нелюбима народомъ, 6) поэтому выбрали правительницей Софію, личность благородную, тѣмъ болѣе, что это отвѣчало цѣлямъ возвысившейся партіи Милославскихъ, 7) при тѣлесной красотѣ и ласковомъ обращеніи, Софія обнаружила много дѣятельности и ума въ управленіи государствомъ, „и питала обширныя предположенія для улучшенія государства,“ 8) В. Голицынъ, который извѣстенъ былъ подъ именемъ *сели-*

каго, справедливо прославился, какъ весьма умный министр и образованный политикъ, 9) враги Софіи не постыдились разсѣять клевету, будто она имѣла планъ—убить обоихъ царей-братьевъ, завладѣть царствомъ и выйти замужъ за Голицына, который развелся бы съ своей супругой, 10) силетни, разсѣивши Вольтеромъ, будто Софія старалась поощрять Петра во всѣхъ видахъ распутства, чтобы его сдѣлать неспособнымъ къ правленію, основательно опровергнуты Миллеромъ, 11) „злоба, съ которой враги Софіи распускали о ней выдумки, нигдѣ такъ ясно не отражается, какъ въ низкихъ клеветахъ, будто неукротимая ярость и запальчивость Петра были слѣдствіемъ поднесеннаго ему царевной яда“, 12) изображеніе Софіи на монетахъ и царскій титулъ въ грамотахъ—, „обстоятельства, которыя естественно возбудили подозрѣніе непріязненной фамилии и послужили вѣдшимъ предлогомъ—навязать ей властолюбивыя цѣли,“ 13) мы не имѣемъ никакихъ основательныхъ данныхъ, чтобы Софія затѣвала заговоръ на жизнь Петра: можетъ быть, вся исторія злонамѣреннаго ея убійства выдумана Борисомъ Голицынымъ и ея врагами. „Если бы дѣйствительно замышляла это царевна, то у нея много было случаевъ улизнуть изъ Россіи; она не стала бы безумно распространяться въ объясненіяхъ съ Петромъ и доказывать свою невинность, еслибы въ самомъ дѣлѣ такъ многочисленны были улики, какъ заявляютъ ея враги. Однимъ словомъ: борьба между Петромъ и Софіей, это—битва между двумя соперниками, изъ которыхъ никому не хотѣлось уступить и одинъ неминуемо долженъ былъ получить перевѣсъ. Побѣдитель естественно имѣлъ на своей сторонѣ право и справедливость, а побѣжденная партія оказалась виновной и на нее можно было взваливать какія угодно обвиненія въ преступленіяхъ и злодѣяствахъ.“ 14) Говорятъ, что безпокойный духъ Софіи не укрощался и въ уединеніи монастырскомъ, она затѣвала новыя волненія и мятежи; но самыя свирѣпыя пытки и мученія не вынудили ни у одного изъ мятежниковъ показаній, что Софія была виновницей послѣдняго стрѣлцаго бунта. Въ заключеніе Коксъ выражаетъ мысль, что царевна заслужила глубокое уваженіе потомства за покровительство ученымъ и поощреніе изящныхъ искусствъ: когда правоучительные низкіе фарсы были единственными драматическими представленіями при дворѣ, царевна, обладающая большимъ вкусомъ, перевела на русскій языкъ комедію Мольера „Врачъ поневолѣ“ (Le Médecin malgré lui), и сама играла въ ней роль. „И это было въ то время, когда ковали противъ ея правленія бурныя крамолы, и когда ея важныя дѣянія были вполне замѣчательны.“ (стр. 289. 296—298. 300—303. 307).

Русскіе писатели также продолжали упорно относиться критически въ историческимъ сочиненіямъ иностраннымъ о Россіи и опровергать ихъ недѣльности. Такъ Болтинъ въ 1788 г. написалъ „Примѣчанія на исторію

Леклера“ и между прочимъ, согласно съ Миллеромъ уничтожаетъ обвиненіе, взводимое на Софію, будто она дала Петру въ собесѣдники людей, способныхъ вовлечь его въ распутство и пьянство и будто Новодѣвичій монастырь построила сама царевна ¹¹).

Въ 1790 г. французскій эмигрантъ Сенака де Мельянъ сдѣлалъ предложеніе русскому правительству написать исторію Россіи XVIII в. Екатерина II по этому поводу въ письмѣ къ Мордвинову высказала утвердившіяся уже современныя требованія отъ исторіи: она заявила, чтобы французъ писалъ безъ предубѣжденія противъ нашихъ предковъ и не рисовалъ однѣ темныя стороны, а сравнивалъ ходъ дѣла съ другими государствами. Она писала, что иностранцы привыкли говорить, будто „Россія до Петра I-го не имѣла ни законовъ, ни устройства, между тѣмъ какъ существовало совсѣмъ тому противное. . . Исторія или записки рос. исторіи, предпринимаемыя по моему согласію и утверженію, не могутъ имѣть другаго вида и цѣли, какъ прославленіе государства и дабы служить потомству предметомъ соревнованій и зеркаломъ: всякое другое, менѣе блистательное направленіе, было бы вредно.“ Княгиня Дашкова думала на этотъ счетъ еще болѣе: она приписывала предвзвѣдкамъ и невѣжеству иностранцевъ созданіе низкаго мнѣнія о старинной Россіи; восхваляя Петра, они хвалили самихъ себя, потому что онъ вызвалъ въ Россію множество иностранцевъ и съ ихъ помощію совершилъ свое „мнимое твореніе“ ¹²).

Тѣхъ же идей держался неизвѣстный писатель, который около 1792 г. оставилъ записки подъ заглавіемъ: „Мысли о Россіи въ чужихъ краяхъ“ (*Вѣстн. Евр.* 1807 г. №№ 1 и 2). Эти мысли изложены съ цѣлью-доказать, что русскій народъ до Петра В. былъ лучше, чѣмъ въ XVIII в., что старинная Россія достойна полнаго сочувствія. По его словамъ, „иностранцы, изумленные великими подвигами Петра I, думали, что нашли героя, достойнаго пера ихъ, и сдѣлались поэтами, писавъ исторію Россіи. Они не хотѣли знать, что дѣлалось до Петра, и въ невѣжествѣ своемъ возвѣстили, что русскіе были варвары, что самъ Петръ не получилъ никакого воспитанія. Переписчики ихъ кричатъ за нимъ, что Петръ В. сотворилъ народъ и страну свою, и такъ сказать сотворилъ самаго себя, какъ будто для славы великаго монарха нужны нелѣпыя выдумки и невѣжество, непростительное въ историкахъ“ (№ 1, стр. 22). Авторъ оправдываетъ царевну, что она возвела на престолъ Іоанна, но обвиняетъ ее за излишнее честолюбіе, будто она хотѣла восторжествовать посредствомъ мятежныхъ стрѣльцовъ. (№ 2, стр. 116—120).

Н. М. Карамзинъ сначала крайне смотрѣлъ на реформы Петра В. и превозносилъ его до небесъ, въ противоположность исторіи Левека, но въ послѣдствіи, при большемъ изученіи старинной жизни, измѣнилъ

свое воззрѣніе. Во время путешествія по Европѣ, онъ въ 1790 г. познакомился съ Левекомъ, авторомъ русской исторіи, которая, по его мнѣнію, „хотя имѣеть много недостатковъ, однакожь лучше всѣхъ другихъ... Россія не мать ему; не наша кровь течеть въ его жилахъ; можетъ ли онъ говорить о русскихъ съ такимъ чувствомъ, какъ русской? Всего же болѣе не люблю его за то, что онъ унижаетъ Петра В... Путь образованія или просвѣщенія одинъ для народовъ; всѣ они идутъ имъ вслѣдъ другъ за другомъ. Иностранцы были умнѣе русскихъ; и такъ надлежало отъ нихъ заимствовать, учиться, пользоваться ихъ опытами, благоразумно ли искать, что сыскано?“ (*Пис. рус. путеш. Спб. 1848, II, 511—516*). Но въ 1811 г. Карамзинъ сознавался, что реформы и присвоеніе обычаевъ европейскихъ происходили въ старое время умнѣе и лучше, чѣмъ при Петрѣ: „сіе измѣненіе дѣлалось постепенно, тихо, едва замѣтно, какъ естественное возрастаніе безъ порывовъ и насилія.“ Но явился Петръ. „Въ его дѣтскія лѣта самовольство вельможъ, наглость стрѣльцовъ и властолюбіе Софіи напомнили Россіи несчастныя времена смуть боярскихъ; но великій мужъ созрѣлъ уже въ юности и мощною рукою, схвативъ кормило государства, онъ, сквозь бурю и волны, устремился къ своей цѣли; достигъ и все переимѣнилось.“ Но съ этой крутой переимѣной, внесено было много невыгоднаго для Россіи (*О старой и новой Рос.*). Приговоръ Карамзина о царицѣ Софіи, который былъ ходячимъ въ началѣ XIX в., ничѣмъ не отличается отъ мнѣній Вольтера и нѣкоторыхъ другихъ писателей временъ Екатерины II. Въ своей статьѣ—„Пантеонъ русскихъ авторовъ,“ онъ говоритъ: „Здѣсь не мѣсто описывать характеръ Софіи, которая есть одна изъ величайшихъ женщинъ, произведенныхъ Россіею. Скажемъ только, что она по уму и свойствамъ души своей достойна была называться сестрою Петра В.; но ослѣпленная властолюбіемъ, хотѣла одна повелѣвать, одна царствовать, и наложила на историка печальный долгъ быть ея обвинителемъ. Софія занималась литературой, писала трагедіи и сама играла ихъ въ кругу приближенныхъ. Мы читали въ рукописи одну изъ ея драмъ и думаемъ, что царица могла бы сравняться съ лучшими писательницами всѣхъ временъ, еслибы просвѣщенный вкусъ управлялъ ея воображеніемъ“ (*Сочин. Карамзина 1820, VII, 293*).

Не смотря однако на критическіе взгляды, выраженные въ сочиненіяхъ временъ Екатерины II-й, старыя ошибки временъ Елисаветы потворялись писателями конца XVIII и начала XIX в. ⁴⁶⁾ Изъ числа ихъ особенно замѣчательно, по отсутствію научныхъ соображеній, сочиненіе Голикова (1735—1801): „Дѣянія Петра В.“ Оно представляетъ складочное мѣсто самыхъ нелѣпыхъ мнѣній о характерѣ и правленіи Софіи. Авторъ съ дѣтскимъ

простодушiемъ заносилъ въ свою многотомную хронику все, что только встрѣчалъ у предшествовавшихъ писателей, и высказалъ въ предисловіи: „Я человекъ неученой и совсѣмъ не историкъ, но только собиратель во едино дѣлъ Петровыхъ и благодарный повѣствователь онихъ. „И какъ нарочно, выборъ его падалъ на самыя недостоверныя и враждебныя царевнѣ сказанія: для него поэтическая страница Ломоносова или Сумарокова, и выдумки Крекшина, анекдоты Штелина, фантастическіе рассказы Катифора и Θεодози, нахватаемые изъ иностранныхъ компіляцій,—все это служило обильнымъ матеріаломъ, на ряду съ изслѣдованіями Миллера и Щербатова ¹⁾. Голиковъ, по его же выраженію, „не знающій никакихъ критическихъ правилъ,“ многихъ бумагъ, писанныхъ Петромъ, не могъ разобрать; рѣдкій документъ не напечаталъ безъ ошибокъ, болѣе или менѣе грубыхъ; иныя же отнесъ не къ тому году, когда они состоялись (*Ист. Петра В. Устрлова I, XLVII*). Предположивъ себѣ дѣль—возвеличить Петра В., онъ старается оправдать всѣ его недостатки, напр. учрежденіе Преображенскаго приказа, казнь дѣльныхъ тысячъ стрѣльцовъ и т. п. (*Дьянія 1837 г. I, 25, 27*). вмѣстѣ съ Ломоносовымъ онъ восклицаетъ: „превратилъ герой вредъ въ пользу, лѣность въ прилежаніе, разорителей въ защитниковъ!“ (*стр. 34*). Напротивъ, стрѣльцы и всѣ сторонники Софіи были люди низкіе и ничтожныя, изверги, которые устремлялись „на дражайшую жизнь государеву и на опроверженіе вводимаго имъ просвѣщенія“ (*стр. 27*). Царевна, „при красотѣ и стройности тѣла, обогащена была неменьшими и душевными дарованіями: имѣла разумъ острый и пронизательный, духъ вознесенный и неустрашимый; была цѣломудренна и снисходительна и въ дѣлахъ неумоима... По несчастію была одного мнѣнія съ тѣми политиками, кои всѣ способы почитаютъ дозволенными къ полученію высочайшей власти“ (*стр. 11 65, 155*). Софія хотѣла: 1, истребить главныя подпоры царя Петра, 2, возвести на престолъ Іоанна и его именемъ управлять самодержавно, 3, Петра лишить престола отнятіемъ жизни и 4, у ней было на умѣ отдѣлаться и отъ Іоанна. Исполненіе сего ужаснаго плана поручила Ів. Милославскому, у котораго было много сообщниковъ; а проклятаго умышленія начало сдѣлалъ Сумбуловъ. (*Затѣмъ слѣдуетъ анекдотъ изъ Штелина*). Царевна постаралась поселить въ молодомъ государѣ любовь къ вину и женщинамъ; Голицынъ хотѣлъ жениться на Софіи, а сына своего отослать въ Польшу съ имуществомъ; Шаховитный съ 600 стрѣльцовъ прискакалъ въ Преображенское съ цѣлью убить Петра, но онъ уже былъ предупрежденъ — и уѣхалъ. Голицынъ совѣтывалъ Софіи не мѣшкая въ Польшу. И послѣ заточенія въ монастырь, царевна старалась завладѣть властью и свергнуть Петра; она возбуждала въ 1697 г. стрѣльцовъ, которымъ относила письма въ хлѣбѣ

нищая, и эти изверги подкопались подъ Новодѣвичій монастырь и уже вывели Софію въ подземный ходъ и т. п. (*Доп. къ Дьян. V, 231—3*). Однимъ словомъ: Голиковъ вѣрилъ повѣстямъ každого писателя и повторялъ даже тѣ сказки, нелѣпость которыхъ давно была доказана.

Въ началѣ XIX стол., въ иностранной исторической литературѣ мы не встрѣчаемъ дѣльныхъ сочиненій о времени правленія царицы Софіи; а видимъ только выборки изъ разныхъ прежнихъ писателей. Въ 1803 г. составилъ сочиненіе о жизни Петра В. *Гилемъ* почти исключительно по иноземнымъ источникамъ и даже не пользовался записками Голикова, хотя сочиненіе его доселѣ уважаютъ въ Германіи люди, не понимающіе старинной жизни Россіи ¹⁶). Съ такимъ же безотчетнымъ довѣріемъ къ Вольтеру, Штелину и другимъ писалъ въ 1814 г. голландскій историкъ *Схелтема* о путешествіи Петра за границей ¹⁷). Нѣсколько лучше предыдущихъ исторія *Бергмана* о Петрѣ В. (1832 г.); но и она не отличается критикою и основана на сочиненіи Голикова и иностранныхъ компиляціяхъ. Бергманъ опровергаетъ показаніе Матвѣева, будто Милославскій погубилъ своего друга Хованскаго; утверждаетъ, что Софія не имѣла ни малѣйшаго вліянія на развитіе нравственности Петра, хотя вѣритъ Корбу и Голикову, будто Петръ хотѣлъ казнить царицу, только спасъ ее Лефортъ ¹⁸). Подъ вліяніемъ идей XVIII в. написалъ *Сенюръ* въ 1829 г. легкія историческія картины, выбирая преимущественно рѣзкія и поразительныя; онъ пересыпалъ ихъ блестящими остроуміемъ, освѣщалъ философскими произвольными соображеніями, не обращая вниманія на факты; поэтому вымыслы прежнихъ писателей онъ считалъ основательными данными ¹⁹). Обыкновенной компиляціей служатъ также записки о Петрѣ В. англичанина *Вилліамса*; въ нихъ особенно интересно то, что авторъ признаетъ Лефорта учителемъ нравственности Петра и этотъ женевецъ будто бы отвлекалъ молодого царя отъ разврата, который замышляла привить къ нему Софія ²⁰). Въ подобномъ же духѣ написалъ свою компиляцію *Пеллець* въ 1848 г. ²¹).

Русскіе писатели начала XIX стол. держались воззрѣній Карамзина на правленіе царицы Софіи, не всегда вѣрили Голикову, а стали относиться критически къ его сказаніямъ. Особенно посчастливилось В. В. Голицыну, дѣятельность котораго на пользу Россіи оцѣнили по достоинству. Въ 1816 г. А. Маликовскій поднесъ императору Александру Павловичу свой трудъ въ рукописи: „*Биографическія свѣдѣнія управлявшихъ въ Россіи иностранными дѣлами министровъ*.“ Въ биографіи В. Голицына авторъ показываетъ заслуги этого образованнаго вельможи, какія онъ совершилъ на пользу Россіи ²¹). Воззрѣнія на личность и дѣянія царицы Софіи также замѣтно начинаютъ очищаться; въ сужденіяхъ о ней является болѣе

справедливости и безпристрастїи. Образцомъ подобнаго сочиненїя служить „Царствованїе Θεодора Ал. и исторїя 1-го стрѣлецкаго бунта“ В. Берга, Спб. 1834. Основывая свои выводы на самыхъ дѣльныхъ запискахъ Медвѣдева и Розенбуша, авторъ пришелъ къ заключенїю, что бунтъ стрѣлецкїй возникъ вовсе не по влїянїю Софіи, а совершенно по другимъ причинамъ. Онъ сознается, „что дѣйствїя царевны были не первоначальною, а второ-степенною причиною бунта. Причина сія, поддерживаемая обстоятельствами, и въ особенноти неблагоразумїемъ новыхъ совѣтчиковъ юнаго монарха (Петра), возстановила противъ него сначала недовольныхъ гражданъ (?), а потомъ и стрѣльцовъ“ (стр. 26—7). „Главными причинами бунта были: страхъ и недовѣрчивость стрѣльцовъ къ безпристрастїю и справедливости властей: Графъ А. А. Матвѣевъ говоритъ, что стрѣльцы бунтовали отъ того, что были богаты. Какое ложное понятїе о чувствахъ и сердцѣ чело-вѣка! Стрѣльцы были служащіе граждане, а не солдаты. Каждый изъ нихъ дорожилъ имуществомъ, родствомъ и семействомъ своимъ. Страхъ лишиться этого подвигнулъ ихъ къ бунту, а бунтъ произвелъ такіа послѣдствїя, о коихъ стрѣльцы прежде и не помышляли“ (стр. 29). „Истинныя причины сего бунта суть: неблагоразумныя мѣры новаго правительства, удаленїе отъ должностей тѣхъ, кто при покойномъ царѣ правилъ государствомъ и неограниченное желанїе возвысить родъ Нарышкиныхъ, унизи прежнихъ бояръ“ (стр. 30). Берхъ путается только въ одномъ: ему кажется, что бунтъ былъ боярскїй, тогда какъ онъ направленъ былъ, со стороны низшихъ классовъ народа, противъ боярской администраціи ⁵⁵).

Но рядомъ съ здравыми воззрѣнїями на минувшую жизнь Россїи уживалось поэтическое направленїе, покоившееся на причудливыхъ свазанїяхъ XVIII в. Въ 1830 г. на основанїи анекдотовъ Штелина и рывказовъ Голикова, И. И. Лажечниковъ издалъ свой романъ „Послѣднїй Новикъ;“ это произведенїе даровитаго автора имѣло влїянїе на взглядъ русскаго общества и даже на воззрѣнїя историковъ правленїя царевны Софіи. По крайней-мѣрѣ, такъ можно заключать читая „Исторїю соцадствїя въ Россїи (1682—89г.), составленную по вѣрнымъ источникамъ“ (Спб. 1837). Незвѣстный писатель этой брошюры говоритъ, какъ-будто подъ впечатлѣнїемъ изображенїй Лажечникова: „Все это семилѣтїе и на царя заносится сѣкира злодѣя, надъ вѣнчанною главою его блещетъ лезвіе меча; одна минута—онъ пораженъ, но Богъ хранитъ избранника. — Царственный домъ, бояре, народъ, вся Русь смутилась и вездѣ видны слѣды стремленїя къ власти и почестямъ; одинъ домогается престола, другой—боярства и знатности, послѣднїй простолюдинъ мечтаетъ о чести и богатствѣ. Все врамольтвуетъ и бунтуетъ и—одинъ великій противится всѣмъ ухищренїямъ злобы и коварства.“ (Предисл. IV—V). „Ктожь былъ начальникомъ

смуту въ Россіи? Кто, дерзкій, могъ посягать на священную жизнь царя? — Какъ ни грустно отвѣчать, но должно! Главою всѣхъ смуть была Софія Ал.“ Но далѣе авторъ, вѣроятно, одумался, при возбужденномъ критической сомнѣніи на счетъ такого рѣзкаго отвѣта, и не рѣшился прямо обвинять царевну въ злодѣяніяхъ, какія давно ей приписывали. Поэтому онъ добавилъ уклончиво: „въ предлагаемой исторіи мы не станемъ ни совершенно оправдывать Софію, ни рѣшительно обвинять“ (*Предисл. IX и X*). Въ этой брошюрѣ разсказъ о бунтѣ Шакловитаго изложенъ по извѣстіямъ Голикова (*стр. 73*); авторъ убѣжденъ, что Шакловитый тоже былъ зачинщикомъ и 1-го стрѣльческаго бунта, а Лефортъ и Гордонъ сопровождали Петра къ Троицѣ въ ночь на 8 августа 1689 г. (*стр. 17. 76*). Подобныхъ промаховъ въ „Исторіи Соцарствія“ найдется довольно.

Еще больше можно отыскать ихъ въ одностороннемъ сочиненіи Долгорукова 1840 г. „Сказаніе о родѣ князей Долгоруковыхъ.“ Опуская жъ виду мелочи, мы выдвинемъ на первый планъ самую крупную несправедливость автора, именно: его ложное сужденіе о внутреннемъ управленіи Россіи при царевнѣ Софіи. Онъ воображаетъ, будто „во время семилѣтней борьбы (1682—89 г.), которая завязалась между Нарышкиными и Милославскими, а продолжалась между Петромъ и Софіею, законы пришли въ упадокъ, и внутреннее разстройство достигло до такой степени, что по словамъ современниковъ, бояре, у коихъ дѣла были въ разстройствѣ, молили царя отпустить ихъ на воеводство, хотя на годъ! (*Какъ будто прежде не бывало подобныхъ явленій!*). Легко себѣ представить всѣ ужасныя послѣдствія такого образа улучшенія денежныхъ обстоятельствъ боярскихъ—и что изъ этого выходило? Подати и налоги были отяготительны, но доходы казны были незначущи“ (*стр. 62*).

Напротивъ, *И. М. Сахаровъ* въ примѣчаніяхъ къ изданнымъ имъ „Запискамъ русскихъ людей“ (*Спб. 1841 г.*) отдаетъ должную справедливость уму и стремленіямъ къ образованію Софіи, равно какъ выставилъ великія заслуги В. Голицына во внѣшней политикѣ и по дѣламъ внутренняго управленія. Обвиненія Шлейзинга и Рабенера онъ подвергаетъ сомнѣнію, хотя во многомъ вѣритъ Невилію; извѣстіе Желябуужскаго, будто Голицынъ раздѣлилъ золото съ польскими послами, онъ считаетъ справедливо молвой современниковъ. Вѣря на слово запискамъ Матвѣева, Сахаровъ обвиняетъ Медвѣдова въ пристрастіи къ Софіи и въ тоже время недоумѣваетъ, отчего онъ такъ равнодушенъ къ Милославскому и Хованскому. Признавъ за истину, что Софія не раздувала 1-го стрѣльческаго бунта и никогда не думала прибѣгать къ помощи Хованскаго для достиженія своихъ цѣлей, мы легко объяснимъ недоразумѣнія автора. Тогда не трудно будетъ разрѣшить вопросъ, почему Толстые, которыхъ такъ нагло

удивляетъ Матвѣевъ, пользовались уваженіемъ Петра; извѣстно, что начальники 15-го мая предводительствовали стрѣльцами изъ страха, какъ вѣроятно, поступилъ и Толстой, а вовсе не по указанію Софіи или Милославскаго. Неудивительно послѣ этого недоразумѣніе Сахарова, что „Медвѣдевъ рѣшительно скрываетъ дѣйствія Хованскаго: у него стрѣльцы сами являются дѣйствующими лицами.“ Онъ опровергаетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ Крекинина и Голикова, но считаетъ несомнѣннымъ ложное поканіе Матвѣева, будто стрѣльцы убили М. А. Черкаскаго, когда онъ сталъ защищать его отца. Но не смотря на многія частныя поправки въ исторіи царевны Софіи, Сахаровъ считаетъ ее и Милославскаго главными орудіями всѣхъ ужасныхъ дѣйствій того времени ³⁴). Предубѣжденіе противъ царевны въ сороковыхъ годахъ было еще такъ сильно, что писателю трудно было отдѣлаться отъ возрѣній, освященныхъ неразборчивой стариной.

Въ томъ же тонѣ писалъ о правленіи царевны Софіи *Н. А. Полевой*: къ частностямъ онъ относился критически, а главное возрѣніе у него осталось карамзинское. По его словамъ, Софія превосходила своихъ сестеръ умомъ и образованностью; прекрасная собой и любившая заниматься литературой, она омрачила себя необузданнымъ властолюбіемъ. За то Полевой взглянувъ на многіе источники для исторіи конца XVII стол. критически и нерѣдко опредѣляетъ ихъ достоинство очень метко. Онъ удивляется, напримѣръ, нѣкоторымъ достойнымъ русскимъ писателямъ, какъ они могли руководиться пустыми разглагольствіями и явными выдумками Шамля, который едва ли былъ въ Москвѣ. Считая по ошибкѣ и, вѣроятно, со словъ Татищева, Медвѣдева участникомъ 1-го стрѣлецкаго бунта, Полевой отдаетъ справедливость дѣльнымъ запискамъ отца Сильвестра; напротивъ о Матвѣевѣ выражается такъ: „свидѣтель гибели отца не могъ отнестись безпристрастно къ событіямъ, писалъ съ явнымъ нерасположеніемъ къ Софіи и осмѣлялъ бранью Милославскаго и его сообщниковъ, и не открылъ причины бунта, вѣроятно, съ умысломъ.“ Но вообще искусственное теоретическое возрѣніе на правленіе Софіи, увлеченіе поэтической стороною исторіи и высокопарный тонъ мѣшали Полевому судить о дѣлѣ болѣе прямо и вѣрно ³⁵).

Извѣстно, что въ русской литературѣ еще съ конца XVIII в. проглядывались слѣды борьбы между приверженцами преобразованій Россіи Петромъ В. на иностранный образецъ и противниками преобладанія иноземцами, въ ущербъ русской національности. Столкновенія этихъ возрѣній необходимо приводили враждебныя стороны къ изученію древняго быта и имѣли вліяніе на разъясненіе вопроса о правленіи Софіи. Люди, увлекавшіеся европейской образованностью, до забвенія своихъ наредникъ

особенностей, превозносили Петра, как виновника просвѣщенія народнаго и не хотѣли признать ничего хорошаго въ старинной Россіи. Напротивъ писатели, крѣпко стоявшіе за національную самобытность, положили прочное начало для изученія добрыхъ порядковъ, какіе находились у нашихъ предковъ, и старались отыскать историческое значеніе дѣятельности Софіи и ея правительства. Эта ходячая мысль, высказываемая въ исторической литературѣ сороковыхъ годовъ, выражалась и въ воззніи Женщина, сочувствующая несчастью, незаслуженному царевной, впадаетъ ей въ уста слѣдующія размышленія, представляя ее уже инокиней Сусанной:

„Сподвижники, заступники, родные—
 Все скошено, все сгибло веругъ меня,
 Могилами мой мрачный путь засѣянь;
 И если оглянусь я за собой
 И вопрошать хочу воспоминанья,
 Лишь кости мнѣ и прахъ отвѣтъ дадутъ. . .
 Для родины торжествовать хотѣлось!
 Я видѣла всю слабость, всѣ ошибки
 Соперницы, сообщниковъ ея;
 Я видѣла, какимъ стремленьемъ ложнымъ,
 Они должны Россію повести. . .
 О, еслибъ я теперь была всевластна,
 Нашъ православный край не былъ бы брошенъ
 Въ объятія невѣрныхъ чужестранцевъ!
 Какъ съ свата горь бѣгущіе снѣга,
 Въ слѣпомъ и необузданномъ стремленьи,
 Мы бѣ не текли во слѣдъ другимъ народамъ,—
 Мы, юные, за дряхлыми, стараясь
 Ихъ старческій недугъ себѣ привить! . . .
 Мой край родной! Ты крѣпкій, мощный дубъ,
 Твои корни лежатъ въ снѣгу глубоко, въ
 А наковку вѣтвистую твою
 Въ теплицу заточивъ, хотятъ на ней
 Собрать и цвѣтъ и плодъ маслины южной! . . . ⁵⁶⁾).

Въ 1856 г. напечаталъ *П. Щербальскій* въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ рядъ статей о правленіи царевны Софіи; написанныя бойко и живо, онѣ произвели въ свое время сильное впечатлѣніе на читающую публику. Замѣчательно, что авторъ колеблется произнести строгій и рѣшительный приговоръ надъ Софіей и ея приверженцами и сомнѣвается въ показаніяхъ ея противниковъ, хотя скорѣе склоняется къ обвиненію, чѣмъ къ оправданію. Онъ думаетъ, что Софія и Голицынъ стрѣльцкому мятежу были не

чужды; но и о сношеніяхъ царевны съ раскольниками и Хованскимъ дѣлаеть заключеніе робкое и уклончивое. „Когда царевна вступила въ сношенія съ стрѣльцкимъ войскомъ, она должна была неизбѣжно встрѣтиться съ расколомъ. Вступила ли она въ союзъ съ нимъ? Это еще одинъ изъ тѣхъ пунктовъ, на которые не существуетъ неотразимыхъ доказательствъ; но многія соображенія заставляютъ насъ отвѣчать на это утвердительно... Есть поводъ думать, что такіа сношенія и дѣйствительно существовали между Софіей и главными лицами раскола.“ Затѣмъ Щебальскій указываетъ на преданіе раскольниковъ, о которомъ упоминалъ Іоанновъ, будто въ Выгорѣцкихъ скитахъ существуютъ письма царевны,—и на разсчитанное внезапное возвышеніе Хованскихъ, людей старыхъ обычаевъ, чтобы польстить раскольникамъ. „Но союзъ съ раскольниками, присоединяетъ онъ замѣчаніе, едва не сдѣлался ей болѣе опаснымъ, чѣмъ подобный же союзъ со стрѣльцами; она раздула пожаръ, и пламя стало грозить ей самой“ (*Рус. Вѣстн.* 1856, ст. II, стр. 386—7). Щебальскій видѣлъ ясно, что ядовитыя обвиненія, наброшенные на память Софіи и Голицына, не находятъ фактическихъ основаній, и ему не хотѣлось вѣрить на слово многочисленнымъ врагамъ ихъ; о покушеніи царевны на братоубійство, авторъ не далъ прямого сужденія и сказалъ: „Не смѣемъ отвергать этого почти всеобщаго свидѣтельства, не имѣя на то основательныхъ доказательствъ, но не рѣшаемся и признать безусловно преступленія, далеко не утвержденнаго внимательнымъ изслѣдованіемъ“ (*IV*, 63). По отзыву Щебальскаго, правленіе Софіи, какъ внутреннее, такъ и внѣшнее дѣлаеть честь умной царевнѣ и ея первому министру В. Голицыну, о которомъ онъ имѣеть высокое мнѣніе, и крымскіе походы признаетъ полезными для Россіи, особенно прославляетъ тогдашнее правительство за вѣротерпимость и за славный вѣчный миръ съ Польшей 1686 г., „Что царевна была душою тогдашняго правительства, въ этомъ не оставляютъ сомнѣнія единогласныя свидѣтельства современниковъ. А какъ эти современники выставляютъ впередъ правительницу чаще для порицанія, чѣмъ для похвалы, то свидѣтельства ихъ не неподозрительны, некому было прославлять ее, всѣ друзья ея погибли... Какъ историческое лицо, Голицынъ имѣлъ странную и несчастную судьбу: онъ является предъ судомъ потомства безъ друзей, безъ кліентовъ, безъ заступниковъ: всѣхъ ихъ умчала и разметала буря, низвергнувшая царевну. Мѣста Софіи и ея любимца заступили люди, нерасположенные къ прежнему порядку дѣлъ, можетъ быть и имѣвшіе причины быть имъ недовольными; явились новые дѣлатели, совершены были новые усгѣшныя громкіе подвиги, и недавняя старина была забыта; а кто и помнилъ, тотъ, поддѣлываясь подъ новый духъ времени, старался ее забывать, или вспоминая, чтобы пустить про нее клевету:

таковъ былъ, напр. Желябужскій, нашедшій средство сказать ядовитое слово про Голицына, подписывающаго договоръ, которымъ возвращались отечеству области Сѣверская и Смоленская, Кіевъ и Запорожье“ (III, 562—69, IV, 60—63). Въ прогрессивномъ стремленіи правительства Софіи, авторъ видитъ прямую связь съ блистательными дѣяніями Петра, который нашелъ у своихъ предшественниковъ начатки нововведеній (IV, 69—71). Такимъ образомъ, не смотря на довѣріе Шлейзингу и Крекшину, не смотря на частныя промахи, Щебальскій содѣйствовалъ разъясненію принятаго взгляда на правленіе царевны Софіи и высказалъ много дѣльныхъ замѣчаній о значеніи ея правительственныхъ стремленій и распоряженій, хотя не могъ окончательно побѣдить закоренѣлыя предрасудки“).

Болѣе жестко отнесся къ правленію царевны Софіи *Н. Г. Устряловъ* (*Ист. Петра В. Спб. 1858, т. I*). Черезчуръ довѣряя компиляціямъ Невилля и Шлепзинга, а также запискамъ гр. Матвѣева, онъ представлялъ Софію русской Пульхеріей, бойкой на словахъ, вкрадчивой, съ смиреннымъ благочестіемъ на лицѣ, съ неукротимыми страстями въ сердцѣ. Уходя царевны за больнымъ Теодоромъ у него изображенъ по Невиллю. На погребеніи царя Теодора, „народъ съ умиленіемъ смотрѣлъ на благочестивую любовь сестры, вовсе не подозрѣвая, что въ эти священныя минуты, предъ алтаремъ Всевышняго она, быть можетъ, не столько молилась объ упокоеніи души брата, сколько обдумывала планъ, какимъ бы образомъ вырвать кормило правленія изъ рукъ ненавистной мачихи“ (I, 24—28). Царевна и Милославскій согласились въ кровавомъ бунтѣ истребить фамлію Нарышкиныхъ и ея приверженцевъ, составили списокъ обреченныхъ на убійство и условились въ планѣ дѣйствій. Преувеличивая участіе царевны и Милославскаго въ заговорѣ, Устряловъ самъ себя противорѣчитъ, выставляя истинныя причины возмущенія: 1, притѣсненія стрѣльцовъ начальными людьми (*стр. 23—4*) и 2, поспѣшность Нарышкиныхъ, съ которою они захватили власть и почести. Все это произвело всеобщій ропотъ и стрѣльцы готовы были взяться за оружіе по первому знаку (*стр. 29—30*). Почтенный академикъ чувствовалъ противорѣчія между показаніями гр. Матвѣева и ходомъ событій и старался примирить ихъ на самыхъ шаткихъ основаніяхъ. „Довѣренность Петра къ Толстымъ могла бы дать поводъ къ сомнѣнію въ сираведливости извѣстій Матвѣева, даже къ подозрѣнію, не оклеветалъ ли ихъ историкъ, по личной враждѣ, еслибы участіе гр. Петра Андреевича въ замыслахъ Милославскаго не было дѣломъ въ свое время *всему свѣту извѣстнымъ*, и очень памятнымъ самому Петру.“ За тѣмъ въ доказательство приводится анекдотъ гр. Н. Ив. Панина (*I, пр. 46, стр. 274, Зап. Порошина, стр. 20*). И въ то же время авторъ прибавляетъ, что Матвѣевъ дѣйствительно не скрывалъ своей ненависти къ Толстымъ.

„Кромѣ Матвѣева, самъ Петръ засвидѣтельствовалъ внослѣдствіи, при открытіи заговора Цыклера и Соковнина, что Ив. М. Милославскій былъ главнымъ виновникомъ мятежа стрѣльцаго“ (I, пр. 45). Основаніе ничтожное, когда Петръ и Матвѣевъ были предубѣждены съ дѣтства противъ него и достаточно было двухъ словъ, хотяби невѣрныхъ, чтобы онъ признанъ былъ главою бунта. И послѣ подобныхъ разсужденій, Устряловъ дѣлаетъ общій смѣлый выводъ, будто всѣ убитые во время 1-го мятежа стрѣльцаго были „несчастными жертвами Софінна властолюбія,“ будто она же заразила мятежнымъ духомъ вѣрное дотолѣ войско (I, 96, 99). Распаливъ страсти, царевна увидѣла опасный мятежъ раскольниковъ; Ив. Хованскій „замыслилъ при содѣйствіи стрѣльцовъ захватить всю власть въ свои руки.“ Онъ приводилъ въ трепеть саму правительницу, говоритъ авторъ въ одномъ мѣстѣ, а въ другомъ замѣчаетъ, что царевна *притворилась однакожь устрашенною*; хотя она не вѣрила извѣту, который вымыслилъ на Хованскаго Милославскій, по все таки отрубилъ ему голову (I, 77, 81). Повѣривъ въ одномъ Матвѣеву, Устряловъ по необходимости держался его взглядовъ и въ другихъ отношеніяхъ. По его словамъ, Л. К. Нарышкинъ и Б. А. Голицынъ, два незабавенные мужа, „громко порицали незаконное господство Софін... и не спускали глазъ съ царственнаго отрока, догадываясь, что злодѣи точатъ на него ножъ, какъ нѣкогда на св. царевича Димитрія“ (II, 34). Авторъ имѣлъ подъ руками слѣдственное дѣло о бунтѣ Шакловитаго и могъ бы судить безпристрастно, но онъ во всемъ обвиняетъ партію, приверженную къ Софін, будто она стремилась, посредствомъ хитрости и обмана, убить Петра, а правительница прикидывалась испуганною при вскрытіи каждаго поджетаго письма (II, 37—39). Обвиняя Софію и друзей ея въ преступныхъ стремленіяхъ, Устряловъ не находитъ ничего замѣчательнаго и во внутреннемъ управленіи царевны и говоритъ по этому поводу: „Дѣла и событія того времени далеко не соответствуютъ столь высокому понятію о талантахъ Софін и ея совѣтниковъ въ искусствѣ государственнаго управленія. Въ актахъ, изданныхъ въ семилѣтнее господство ея, мы не находимъ ничего замѣчательнаго, ни для общественнаго благоустройства, ни для развитія промышленныхъ силъ народа, или для его образованія“ (I, 99). Но Н. Г. Устряловъ сдѣлалъ большую заслугу для разработки исторіи правленія царевны тѣмъ, что обнаружилъ нѣкоторые акты, недоступные частнымъ лицамъ, — выяснилъ много вопросовъ, такъ, что повтореніе прежнихъ негѣностей сдѣлалось невозможнымъ. Онъ первый сообщилъ много свѣдѣній и писемъ изъ слѣдственнаго дѣла о Шакловитомъ, но видимо держалъ сторону судей и дѣлалъ строгіе приговоры подсудимымъ⁶⁰⁾;

Исторія Устрялова помогла С. М. Соловьеву еще ближе подвинуться къ истинѣ и болѣе безпристрастно судить о правленіи Софіи (*Ист. Россіи т. XIII и XIV*), хотя онъ и во многомъ обвиняетъ ее. Почтенный профессоръ уже не раздѣляетъ мнѣнія своего предшественника, будто стрѣльцы въ 1682 г. убивали только лицъ, указанныхъ Софіей: они руководились собственными соображеніями и чувствами. Онъ говоритъ по этому поводу: „Нѣтъ никакой нужды предполагать непременно, чтобы Софія и Милославскій съ товарищами не хотѣли успокоиться, пока Ив. Нарышкинъ былъ въ живыхъ, что они до такой степени были озлоблены выходящими изъ него молодымъ человѣкомъ, выдававшимся впередъ изъ всей фамиліи, но не могшаго быть опаснымъ по личнымъ достоинствамъ. Для нихъ одна половина была сдѣлана — Матвѣевъ убитъ; оставалось сдѣлать другую, отнять правленіе у мачихи, что легко было теперь сдѣлать при помощи стрѣльцовъ, полковластныхъ господъ въ Москвѣ... Другое дѣло стрѣльцы: они пришли во дворецъ по вѣсти о царевубійствѣ... Другихъ били или по ошибкѣ, или въ пылу гнѣва, или за свои старыя обиды, но Нарышкинъ былъ обвиненъ въ измѣнѣ, въ посягательствѣ на жизнь царевича“ (*XIII, 350—352*). Кажется, Соловьевъ слишкомъ довѣрчиво относится къ мемуарамъ гр. Матвѣева и строго обвиняетъ Милославскаго, и потому изображаетъ Артамона Сергѣевича трогательными красками, будто его только ждали заговорщики, что онъ одинъ могъ дать силу правительству ненавистой для царевны мачихи и т. под. (*XIII, 337. 345—6*). Соловьевъ отдаетъ справедливость Голицыну и не считаетъ крымскихъ его походовъ безполезными; по его воззрѣнію, дѣйствія правительницы имѣютъ значеніе для развитія Россіи. Что же касается до бунта Шакловитаго, то онъ обрисованъ у автора близко къ истинѣ, именно: это была попытка худороднаго человѣка удержаться на занимаемой имъ высотѣ, утвердивъ Софію на тронѣ. Шакловитый замышлялъ убить Петра, пробовалъ привести въ движеніе стрѣльцовъ разными способами, но напрасно. Въ „Исторіи Россіи съ древѣйшихъ временъ“ мы находимъ также мысль объ участіи царевны въ грозномъ движеніи стрѣльцовъ къ Москвѣ 1698 г., но безъ всякаго основанія встрѣчаемъ въ видѣ доказательства давнишній анекдотъ, рассказанный будто бы самовидцемъ Трубецкимъ Штелину. Авторъ почему—то считаетъ себя не въ правѣ отвергнуть эту молву, которая гласитъ, что стрѣльцы хотѣли освободить Софію изъ Новодѣвичья монастыря, подкопались подъ ея келью и уже вывели бывшую правительницу въ подземный ходъ ⁶¹).

Такъ мало по малу изъ мемуаровъ русская исторія формировалась въ научную систему и снимала клевету за клеветой съ памяти замѣчательной правительницы Россіи, очищая критикой массу враждебныхъ по-

казаній протівной партіи, или свидѣтельства, насѣянныя въ исторической литературѣ невѣжествомъ, самолюбіемъ и шарлатанствомъ. Устряловъ, прослѣдивъ разныя историческія записки прежнихъ временъ о Петрѣ В., совершенно справедливо даетъ о нихъ самый рѣзкій отзывъ: онъ нашелъ въ нихъ „безчисленныя ошибки, выдумки, пропуски, исключенія, неполноты, излишнія прикрасы, преувеличенія, невѣрные взгляды, ложныя умствованія“ (*Ист. Петра В. I, LXXXVII*).

Все э о приводитъ къ неопровержимому заключенію, что при изученіи исторіи правленія Софіи, нельзя довѣрять прежнимъ многочисленнымъ и враждебнымъ царевнѣ сочиненіямъ и невозможно принимать на вѣру ни одного изъ ихъ показаній, если оно не подтверждается официальными документами, или самими подробностями тогдашнихъ событій. Напротивъ, пять — шесть дѣльныхъ записокъ, которыя рассказываютъ благоприятно о дѣяніяхъ правительницы, заслуживаютъ похвалы и довѣрія: ихъ безпристрастіе годъ отъ году оправдывается и вновь обнаруженными документами, и развитіемъ отечественной науки.

МОСКОВСКІЯ СМУТЫ

во время правленія царицы Софіи.

Какъ русскіе, такъ и иностранные писатели старались отыскать причины волненій, открывшихся въ Москвѣ въ концѣ XVII стол., въ интригахъ частныхъ лицъ и во внѣшнихъ обстоятельствахъ; но начала этихъ смуть лежали глубже, скрываясь въ направленіи исторической жизни русскаго народа, и тѣсно связаны были съ ходомъ развитія силы московскаго государства. Внѣшнія событія служили только покровомъ и выраженіемъ желаній народныхъ и проявленіемъ государственныхъ стремленій, а лица правительственныя и частныя классы общества лишь способствовали ихъ движенію въ извѣстномъ видѣ.

Создавая силу московскаго государства, русскій народъ и церковью строго ограждали права и могущество центральной власти, въ ущербъ развитію мѣстной самостоятельности и частной свободы. Въ царствованіе Іоанна IV, народъ еще пользовался остатками прежнихъ своихъ правъ, и само правительство волей—неволей обращалось къ нему съ поддержкой, какъ живучимъ началомъ. Внутренніе враги, которыми тогда считались бояре, подверглись страшнымъ преслѣдованіямъ царя Грознаго, нещадившаго и высшихъ лицъ изъ духовенства. По смерти его, бояре снова подняли головы, взяли власть надъ народомъ и окончательно прикрѣпили его къ землѣ, въ царствованіе Бориса Годунова; а въ смутное время тяготѣли къ польско-литовскимъ порядкамъ и желали даже возвести на русскій престолъ польскаго королевича Владислава. Потомъ одностороннія ихъ стремленія сказались въ выборѣ царя, боярина Василя Шуйскаго, помимо воли земскихъ людей. Народъ, съ своимъ духовенствомъ, возсталъ противъ этихъ исключительныхъ распоряженій, выгналъ чужеземцевъ, уничтожилъ всѣ частныя стремленія боярскія, козацкія и

т. п., и выбралъ всю землю излюбленнаго царя Михаила Теодоровича. Духовенство служило его ближайшей опорой; церковная власть попала въ руки царскаго отца, патріарха Филарета Никитича, и окончательно освятила внѣшнюю государственную силу, стоя съ ней рядомъ и считая ересью каждое свободное выраженіе народныхъ воззрѣній и симпатій. Съ того времени, московская власть подчинила неподвижнымъ законамъ личныя стремленія къ самостоятельности и своими формальными указами связала развитіе живыхъ силъ и народнаго быта. Народъ еще сдерживался и терпѣлъ, хотя не обидился его ожиданіямъ относительно льготъ и правъ, на которыя онъ могъ разсчитывать, принося въ жертву лучшія свои силы и отвѣщаясь отъ правительства земскаго. Но во время малолѣтства Алексѣя Михайловича, когда царь, по старинному выраженію, „глядѣлъ изо рта у бояръ“, народъ возсталъ противъ лицъ, злоупотреблявшихъ своею властью,—и въ бунтахъ сталъ обнаруживать свои стремленія. Раскольники явились отрицателями господствующей церкви, особенно преслѣдуя патріарха Никона, который наслѣдовалъ власть церковную, вознесенную на высоту отцемъ царя Михаила; забывъ о желаніяхъ народа и низшаго духовенства, онъ заявилъ притязанія руководить царемъ и ограничить свѣтскую власть. Гордые его замыслы стерты были властью царя и бояръ, осуждены низшимъ духовенствомъ и народомъ, какъ несогласіе съ духомъ старинныхъ русскихъ церковныхъ преданій.

Недовольство, обнаружившееся въ разныхъ слояхъ русскаго народа, сильно возрасло въ концѣ продолжительнаго царствованія Алексѣя Михайловича. Люди, искавшіе утраченной свободы, отверженныя господствующей церковью и недовольные усиленіемъ боярства, дружно соединились подъ знаменемъ Стеньки Разина и пошли добиваться, *во имя царя-самозванца*, своихъ народныхъ правъ и значенія общественнаго. Затѣмъ открылся Соловецкій бунтъ раскольниковъ, которые оказали сопротивленіе и распоряженіямъ церкви, и убѣжденіямъ свѣтскаго правительства. Но всѣ эти возстанія и открытыя возмущенія оказались несостоятельными, когда сила государства совершенно упрочилась. Снаряжая московскую власть, преимущественно по необходимости, для внѣшнихъ цѣлей, для отпора вражескихъ нападений,—народъ, конечно, не мечталъ, до какихъ размѣровъ, поглощающихъ и внутреннюю самостоятельную жизнь, дойдетъ въ лицѣ Петра В. эта могучая сила, которой онъ далъ по русскому обычаю прочную закладку. Онъ не могъ заранѣе думать, чтобы эта власть, созданная имъ и сослужившая блистательную службу на поприщѣ военномъ и дипломатическомъ, забыла искреннюю поддержку массы народа и пошла противъ жизненныхъ его стремленій, опираясь исключительно на бояръ, высшее духовенство и подъячество. Къ сожалѣнію, и русское пра-

вительство XVII стол. не могло спокойно отдаться занятіям по улучшенію внутренняго быта, когда происходила постоянная тяжелая борьба съ врагами, которая истощала плоды народныхъ трудовъ. Поднимая въ тоже время значеніе центрального правительства, ви́шняя борьба привела къ внутренней. Народъ встрянулся отстаивать земскія начала, но было уже поздно; частныя замвленія недовольства существующимъ порядкомъ дѣлъ и нерѣдко законныя требованія разныхъ классовъ общества, сильныя слуги правительства удобно могли быть, при каждомъ ихъ возникновеніи, какъ незаконныя, направленныя къ ограниченію царской власти; а духовенство за подобныя выходы грозило страшнымъ судомъ.

Такимъ образомъ, дѣло народа было проиграно: бунтъ Разина усмиренъ, не смотря на одностороннюю козацкую поддержку; Никонъ умеръ на пути изъ заточенія; раскольники осуждены соборомъ и преданы гражданскимъ казнямъ. Внутренняя народная жизнь угасала, подавляемая развивающеюся центральной силой.

Во ви́шнихъ побужденіяхъ къ смутамъ, въ московскомъ государствѣ также не было недостатка, и потому на нихъ останавливали особенное вниманіе писатели и придавали имъ преувеличенное значеніе, считая ихъ первымъ источникомъ безпорядковъ. Извѣстно, что въ концѣ царствованія Алексѣя Михайловича начались при московскомъ дворѣ интриги и неудовольствія между самими приближенными лицами къ государю и его родственниками по двумъ супругамъ, между Милославскими и Нарышкиными. Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ, женивъ царя, по смерти Маріи Ильиничны Милославской, на Натальѣ Кириловнѣ Нарышкиной, приобрѣлъ громадную силу; царскій тесть, незнатный дворянинъ Кирилль Пелухтовичъ и его родня, заняли высокія мѣста при дворѣ, награждены помѣстьями и осыпаны наградами. Прежніе властительные люди, изъ рода Милославскихъ и ихъ приближенныхъ, теряли свое давнишнее значеніе и даже разосланы были въ дальнія области на воеводства, въ родѣ почетной ссылки. Внезапное возвышеніе вскружило голову Нарышкинымъ, и они уже мечтали возвести на престолъ малолѣтняго Петра, рожденнаго отъ Натальи Кириловны, помимо старшихъ братьевъ—Феодора и Иоанна, сыновей Маріи Ильиничны ⁶²⁾.

Торжество Нарышкиныхъ было, однако, непродолжительно: когда вступилъ на престолъ царь Феодоръ, Милославскіе опять съ своими сторонниками получили силу государственную и заняли важныя должности; а изъ Нарышкиныхъ никто не былъ награжденъ и значеніе ихъ уничтожилось. Милославскіе злились на Матвѣева за свое прежнее униженіе и удаленіе отъ двора въ предшествующее царствованіе, а близкій къ царю Феодору бояринъ Хитрово думалъ, что по милости Матвѣева, стали извѣстны его

грѣшныи корыстолюбѣи⁶³⁾. Тогда твердая опора Нарышкиннхъ—Матвѣевъ осужденъ былъ за разныя злоупотребленія по службѣ, обвиненъ въ чародѣйствѣ и посягательствѣ на жизнь царя—и сосланъ сначала въ Лаишевъ, потомъ въ Пустозерскъ, какъ тяжкій государственный преступникъ⁶⁴⁾.

Приближенными царя Θεодора стали Хитрово, Языковъ и Лихачевъ; они женили его на Агафѣ Грушецкой, которая была польскаго происхожденія; можетъ быть, на этотъ бракъ имѣлъ вліяніе царскій наставникъ Сямеонъ Полоцкій. Въ это время усилилось подражаніе польскимъ обычаямъ при дворѣ и въ кругу высшхъ бояръ, которые и ранѣе имѣли стремленіе къ нимъ⁶⁵⁾. За эти нововведенія недовольная партія Нарышкиннхъ порицала царя и сравнивала его съ самозванцемъ Отрепьевымъ; но своими выходками накликала на себя бѣду: неосторожныхъ обвинили въ покушеніи на жизнь царя, какъ и Матвѣева, и выслали изъ Москвы. Этой опалѣ подверглись два брата вдовы—царицы Натальи Кириловны, Иванъ и Афанасій⁶⁶⁾. Грушецкая скоро скончалась, а царь Θεодоръ женился вторично на Марѣ Матвѣевнѣ Апраксиной, которая выхлопотала облегченіе участи Матвѣева, какъ его крестница,—и его перевели изъ Мезени въ Лухъ. Царь Θεодоръ не долго жилъ съ молодой супругой: слабый здоровьемъ, онъ скончался 27 апрѣля 1682 г., пробывъ на царствѣ 6 лѣтъ и 2 мѣсяца. Это обстоятельство дало новый оборотъ придворнымъ дѣламъ и отразилось на положеніи двухъ боярскихъ партій.

Но не одна личная вражда и не одно раздраженное самолюбіе царедворцевъ заставляли бояръ раздѣлиться на два лагеря: тутъ были болѣе глубокія побужденія къ ссорамъ и лежали въ различіи воззрѣній на государственную жизнь Россіи, въ неодинаковой привязанности къ порядкамъ и обычаямъ родины. Если приверженцы Петра стояли горой за А. С. Матвѣева и выставляли его высокую государственную дѣятельность, то сторонники Θεодора противопоставили ему такого же образованнаго и замѣчательнаго по заслугамъ вельможу—В. В. Голицына. Каждый изъ этихъ сильныхъ представителей двухъ боярскихъ сторонъ имѣлъ свои убѣжденія и неодинаковое направленіе, по силѣ которыхъ старался дѣйствовать на поприщѣ государственномъ. В. В. Голицынъ видѣлъ, какой громадный вредъ происходитъ по службѣ отъ развитія сѣбси родовитаго боярства и какъ страдало военное устройство, и предложилъ уничтожить царю Θεодору *мѣстничество* (II. С. Зах. II, 905). Поступая въ высшей степени безкорыстно, Голицынъ этой переменной способствовалъ разъединенію бояръ: большая часть изъ нихъ, не желавшая разстаться съ старинными привилегіями, примкнула къ сторонѣ Матвѣева и Нарышкиннхъ; а меньшинство, которое одобряло уничтоженіе мѣстническихъ сче-

товъ, держалось В. Голицына и Милославскихъ. Сбивъ спѣсь боярскую, бывши виновникомъ уничтоженія вѣшнихъ отличій и преимуществъ нерѣдко и бездарныхъ людей,—Голицынъ сталъ во враждебное отношеніе къ высшему родовитому дворянству и опирался преимущественно на людей низшаго класса, даровитыхъ и дѣльцовъ. По всей вѣроятности, по мысли Голицына, царь Θεодоръ вызвалъ въ Москву *двойниковъ*, т. е. выборныхъ представителей, по два изъ каждаго города и уѣзда, для разсужденій о экономическихъ нуждахъ и для уравненія податей и сборовъ населенія всей Россіи. Это важное преобразование, затѣянное партіей Милославскихъ въ пользу народа, не могло нравиться ихъ врагамъ,—и мы видимъ дѣйствительно, какъ только попала власть въ руки Нарышкиныхъ, они тотчасъ распустили ненавистныхъ двойниковъ ⁶¹). Слѣдовательно, партія Милославскихъ состояла изъ людей худородныхъ; а Матвѣевъ и Наталья Кириловна имѣли на своей сторонѣ почти все высшее дворянство ⁶²).

Такимъ образомъ, въ царствованіе Θεодора Алексѣевича, знаменіе времени сказалось во всемъ: государство усилилось и вспомнило о народѣ; при дворѣ московскомъ хотѣли завести чиновначія по образцу разложившейся византійской имперіи; стали вводить польскіе обычаи; уничтожили преимущества дворянства; вызвали въ Москву народныхъ представителей. Во всемъ этомъ обнаружались пробы—направить односторонній государственный механизмъ на всѣ лады; обращаются за поддержкой и къ началамъ народнымъ и иностраннымъ, западно-европейскимъ и византійскимъ, но попытки оказываются неудачными. Государство, окрѣпшее издавна, не могло поднять рукъ для собственнаго ослабленія; дворянство, служа ему орудіемъ, не въ силахъ было отказаться отъ своихъ выгодъ и сословныхъ взглядовъ. Самъ В. Голицынъ, уничтожавшій дворянскія права, не имѣлъ ни силы, ни настойчивости продолжать преобразования въ народномъ духѣ, не смотря на свою силу: принадлежа плотью и кровью къ вельможамъ Россіи, онъ не имѣлъ сильныхъ побужденій и охоты продолжать съ дворянами борьбу, которая такъ крайне ведена была царемъ Грознымъ.

Русскій народъ въ своихъ стремленіяхъ постоянно встрѣчалъ препятствія и проигрывалъ, при господствѣ другой силы. Злоупотребленія лицъ власть имущихъ доходили до большихъ размѣровъ; бояре стояли другъ за друга и старались скрывать слѣды безпорядковъ и грѣховъ своихъ собратій. Народъ понималъ, что добрый царь Θεодоръ не зналъ о многихъ сторонахъ ихъ темныхъ дѣяній, да и не могъ внимательно слѣдить за теченіемъ государственнаго управленія, по своей природной слабости и болязненному состоянію. Подавать жалобы на бояръ приходилось тѣмъ же боярамъ. Недовольство народа по об-

частямъ возрастало и выразилось во множествѣ мелкихъ возстаній противъ воеводъ, въ усиленіи бѣгства и разбоевъ и умноженіи раскольниковъ. Стрѣльцы, привязанные къ народной жизни, пребывая большею частью въ Москвѣ, яснѣе областныхъ жителей видѣли силу бояръ и неправду начальныхъ людей; испытывая сами тягость установившихся безпорядковъ, они сначала ропотомъ хотѣли образумить разнуздавшихся властей и рѣшились принести жалобу сообща царю на полковника Богдана Пыжова. Зимю 1682 г. стрѣльцы били челомъ со слезами, что начальникъ вычиталъ у нихъ половину денежнаго жалованья; царь велѣлъ сдѣлать розыскъ думному дьяку стрѣлецкаго приказа, Ив. Языкову, который лучшихъ челобитчиковъ несправедливо приказалъ бить кнутомъ и разослать въ ссылки. Такой пристрастный и возмутительный приговоръ произвелъ страшное впечатлѣніе не на одинъ полкъ, а на всѣ стрѣлецкіе прикази, тѣмъ болѣе, что послѣ этого случая полковники, поощренные поддержкой Языкова, еще сильнѣе прежняго стали отягощать налогами и работами своихъ подчиненныхъ⁴⁹⁾.

Особеннымъ немилосердіемъ и корыстолюбіемъ отличался полковникъ Семень Грибоѣдовъ, который заставлялъ стрѣльцовъ даже въ паску 1682 г. строить себѣ загородный домъ и возить матеріалы. На этомъ-то дворѣ они рѣшили подать царю Феодору челобитную на своего полковника; въ просьбѣ описаны подробно его прятѣсенія и взяточничество, которыя доходили до громаднхъ размѣровъ. Изъ официального акта мы узнаемъ, что Грибоѣдовъ „стрѣльцамъ налоги, и обиды и всякіе тѣсноты чинилъ, и прѣметывался къ нимъ для взятокъ своихъ и для работъ, билъ ихъ жестокими бои, и для своихъ же взятокъ по наговорамъ пятисотныхъ и приставовъ, изъ нихъ стрѣльцовъ билъ батоги ругательствомъ, взявъ въ руку батога по 2 и по 3 и по 4. И изъ нихъ стрѣлецкихъ земляхъ, которые имъ отведены подъ дворы, и на выморочныхъ мѣстѣхъ построилъ загородные огороды, и всякіе овощные сѣмена на тѣ огороды покупать имъ велѣлъ на сборные деньги, и для строенія и работы на тѣ свои загородные огороды женъ ихъ и дѣтей посылалъ работать въ неволю, и въ деревню свою прудовъ копати, и плотить и мельницъ дѣлать, и тѣсъ чистить и сѣно косить, и дровъ сѣчь, и къ Москвѣ на ихъ стрѣлецкихъ подводахъ возить заставлялъ, и для тѣхъ своихъ работъ велѣлъ имъ покупать лошадей неволю, бить батоги. И кафтаны цвѣтные съ золотыми нашивками, и шапки бархатные и сапоги желтые, неволю жъ дѣлать имъ велѣлъ; а изъ государскаго жалованья вычиталъ у нихъ многіе денги и хлѣбъ и тѣми сборными и остаточными денгами и хлѣбомъ корыстовался. И съ стѣнныхъ, и съ прибывшихъ карауловъ и изъ недѣльныхъ, и въ слободахъ сѣѣзжихъ избъ, ихъ стрѣльцовъ въ спускъ по 30 и по 40 и по 50 человекъ и болши спускалъ, а за те

ималъ съ человѣка по 4 и по 5 алт. и по 2 гривны и болши, а съ недѣль вникъ по 10 алт. и по 4 гривны и по полтинѣ, и тѣми денгами корыстовался.“ Бралъ деньги и продавалъ запасы, которме назначались караульямъ стрѣльцамъ. „И на дворовое свое строеніе дѣлъ и всякіе запасы пошупати имъ велѣлъ на сборные денги, и тѣмъ чинилъ имъ тѣсноты и разоренія; и на дворъ къ себѣ, сверхъ деищниковъ, ималъ на караулъ многихъ стрѣльцовъ, и тѣхъ стрѣльцовъ заставлявалъ всякую работу работать и отходы чистить.“ Когда ѣхалъ на службу, то съ стрѣльцовъ, остававшихся въ Москвѣ, „ималъ великія взятки съ боемъ, и изъ нихъ многихъ оставлявалъ на Москвѣ на своемъ дворѣ на караулѣхъ и для работы,“ а въ походахъ чинилъ стрѣльцамъ всякія тягости и на ихъ подводахъ возилъ свои запасы. (*А. Арх. Эксп. IV, № 254*).

Не смотря на такія злоупотребленія, начальные люди хотѣли оправдать Грибоѣдова и обвинить стрѣльцовъ въ бунтѣ. Датскій резидентъ, бывшій тогда въ Москвѣ, рассказываетъ, что выборный отъ полка стрѣлецъ подалъ челобитную Языкову, вторнй велѣлъ ему придти на другой день за рѣшеніемъ дѣла. Хитрый царедворецъ донесъ Долгорукому, начальнику приказа, что подавшій жалобу стрѣлецъ былъ пьянъ и велъ себя неприлично; Долгорукій распорядился, чтобы высѣкли кнутомъ стрѣльца передъ полкомъ, въ примѣръ другимъ. На слѣдующій день выборный пришелъ узнать о судьбѣ своего челобитья; Языковъ отвѣтилъ ему, что по указу государя, бунтовщиковъ приказано бить кнутомъ, и тотчасъ послалъ дьяка исполнить повелѣніе. Привели стрѣльца въ полкъ палачъ и два приказныхъ служителя; когда сняли съ него платье и прочитали приговоръ, выборный закричалъ своимъ товарищамъ: „я по согласію съ вами старался подать челобитную; зачѣмъ же вы позволяете ругаться надо мной?“ Стрѣльцы бросились на палача и на приказныхъ, избившихъ и освободили своего собрата; испуганный дьякъ сѣлъ на лошадь и ускакалъ, рассказавъ обовсемъ думному дьяку Языкову. Озлобленные стрѣльцы стали подбивать товарищей изъ другихъ полковъ, чтобы они такъ же поступали противъ своихъ ненавистныхъ начальниковъ. Но всей вѣроятности, они на другой день апрѣля 24, били челомъ царю на Грибоѣдова и хотѣли — было забунтовать; а ловкій Языковъ, „глубокій дворскихъ обхожденій проникатель,“ чтобы вывернуться и не допустить народъ до возмущенія, велѣлъ посадить Грибоѣдова въ тюрьму на одинъ день и освободилъ его. Царь указалъ виновнаго полковника послать на Тотьму въ ссылку, отнять его вотчины и 25 апрѣля назначилъ на его мѣсто другаго. Эта попытка стрѣльцовъ — облегчить свою судьбу, ясно показала имъ, что отъ бояръ можно ожидать мести, наказанія и ссылки за открытіе ихъ беззаконныхъ поступковъ ⁷⁰⁾.

Такъ до 1682 г., ни къ чему не привели стремленія народа свалить съ плечъ гнетущую силу московскаго государства, которая своимъ развитіемъ пугала разные классы общества и тяготѣла надъ ихъ свободнымъ движеніемъ, мѣшая достиженію частнаго и личнаго блага. Всякое ничтожное заявленіе о народныхъ правахъ и нуждахъ считалось уже дѣломъ незаконнымъ и преслѣдовалось наказаніемъ; всякое упорное стремленіе — отстоять свою самостоятельность, посредствомъ прямаго и законнаго протеста или спора, считалось уже бунтомъ и страшнымъ посягательствомъ на власть государственную. Такъ убиты были по частямъ всѣ заявленія и требованія народа, который не могъ вести отчаянную борьбу, для полнаго возстановленія своей жизненной силы; потому что достигнуть ему своихъ цѣлей было невозможно, не причинивъ вреда началу государственному, котораго онъ не смѣлъ коснуться.

Смотря съ этой точки зрѣнія на смуты времени правленія царевны Софїи, мы замѣчаемъ въ нихъ связь съ прежними волненіями; они также являются попытками разныхъ классовъ общества — отстоять свои воззрѣнія и права противъ наплыва несродныхъ направленій, вливавшихся въ русскую жизнь. Борьба ведется на всѣхъ почти ступеняхъ русскаго общества. Высшее дворянство усиливается удержаться на прежней высотѣ, отстоять старинныя права и силу отъ нововведеній, которыя касались ихъ невыгодно; но подчиняясь неволью худороднымъ распорядителямъ, противодѣйствуетъ имъ на каждомъ шагу. Одна часть бояръ примыкаетъ ко двору царя Петра и дѣйствуетъ его именемъ, а другая держитъ сторону Іоанна и распоряжается его властью: борьба окончилась далеко не въ пользу народа. Стрѣльцы, какъ представители народныхъ стремленій, становятся защитниками молодыхъ и неопытныхъ царей, противъ заносчивости правителей и злоупотребленій бояръ. Взвѣсивъ однако распоряжаться общественнымъ нарядомъ въ Москвѣ, стрѣльцы увидали свою несостоятельность, въ отдѣльности отъ земства, и окончательно растерялись, когда правительство грозно заявило, что они измѣнники государства, и стало копить противъ нихъ силы всей русской земли. Въмѣсто дерзкихъ и широкихъ замысловъ, явилось раскаяніе въ прежней виновности и полное подчиненіе господствующему порядку. Холопы стремятся отдѣлаться отъ крѣпостной зависимости, когда стрѣльцы передрали крѣпостные акты въ приказахъ; но несмѣлая ихъ попытка кончилась худо для нихъ и они остались надолго въ прежнемъ состояніи. Возставая противъ духовной власти, которая поддерживала государственную силу до крайности, шла противъ развитія духа и жизни народа, раскольники сдѣлали попытку мирнымъ путемъ ввести въ область религіозную начала старинныя. Оуждая неподвижныя формы, незатрогивавшія самостоятельнаго развитія, она тре-

бывали открытаго спора съ духовенствомъ; но послѣ неудачи и строгихъ узаконеній о преслѣдованіи старообръзовъ, дѣлали попытки къ возстаніямъ, не касаясь однако разрушенія началъ государственныхъ. Возстанія раскольниковъ носятъ характеръ оборонительный, а не наступательный: часто не желая продавать святни своихъ убѣжденій, они предпочитали отдаться гибели и саможигательству. Затѣмъ обнаруживается борьба между православнымъ грековосточнымъ направлениемъ и латинскимъ римско-католическимъ; рядомъ съ нею, въ области образованія, идутъ споры велико-русскихъ ученыхъ съ южно-русскими, поддерживаемые боярскими партіями. Русский народъ возвышаетъ свой голосъ противъ наплыва иностранцевъ, становившихся въ ряды защитниковъ внѣшнихъ властей и не имѣвшихъ побужденій поддерживать истинное благо народа. Но силы отдѣльныхъ классовъ общества, какъ разбитыхъ членовъ, не выдерживаютъ борьбы; всѣ эти открытыя завлеченія и бунты являются послѣдней попыткой къ возвышенію самобытности народной, послѣдней вспышкой старинной силы земства. Чашка вѣсовъ давно уже опускалась по мѣрѣ увеличенія тяжести, или преобладанія власти государственной; а народная жизненная искра должна была сохраняться въ грудѣ пепла. Государство, призывавъ на помощь силу иностранцевъ съ ихъ новыми средствами, для собственныхъ цѣлей и для огражденія себя, восторжествовало надъ всѣми требованіями земства и частными волненіями. Ограждая власть государственную, стрѣльцы дѣлаютъ энергическую попытку принести правительству живыя силы изъ народа, создать власть избранную и грозно двигаются къ Москвѣ 1697 г., съ цѣлью—истребить нѣмцевъ и бояръ, какъ незаконныхъ правителей и поработителей массы, и возстановить правленіе по своему желанію. Послѣ страшной казни стрѣльцовъ, послѣднихъ работорговцевъ за старинныя права, народъ отданъ былъ въ полное распоряженіе бояръ и иноземцевъ; государство закрѣпило за собой его силы и дѣятельность, окончательно придавило народный духъ и его самостоятельное проявленіе. Внѣшняя сила Россіи разрослась до громаднхъ размѣровъ, подчинила своимъ распорядамъ бытъ народа и на всѣ его стремленія къ свѣту и жизни наложила свою тяжелую опеку; самыя думы и возрѣнія народа стремилась направить къ казенной цѣли. Тогда провозглашенъ былъ *императоромъ* Петръ I-й.

Вотъ въ главныхъ чертахъ какой историческій смыслъ слѣдуетъ придавать московскимъ смутамъ, которыми такъ богато время правленія царевны Софіи.

По смерти царя Θεодора, наличные интересы и стремления разных классов общества обнаружались съ особенной силой и настойчивостью. Между боярами и высшимъ духовенствомъ, рѣшался важный вопросъ: кому царствовать и, слѣдовательно, какой боярской партіи взять въ руки власть—десятилѣтнему ли Петру и родовитымъ приверженцамъ Нарышкиныхъ, или старшему, но слабому его брату Іоанну, и невысокимъ по происхожденію сторонникамъ В. Голицына и Милославскихъ? Стрѣльцы тоже ожидали новаго порядка дѣлъ, стануть ли продолжаться злоупотребленія начальныхъ людей при перемѣнѣ правительства, и не приметъ ли оно сторону подавленнаго народа. Раскольники также мечтали, что новый православный царь возстановитъ старую вѣру, которая господствовала у нашихъ предковъ.

I.

Партія Нарышкиныхъ, ожидая смерти царя Θεодора, заранѣе приготовилась возвести на престолъ Петра, помимо Іоанна; приверженцы младшаго царевича опасались серьезныхъ столкновений съ противниками и поѣхали во дворецъ на выборы, пододѣвъ подъ платье панцири. Но эта предосторожность оказалась излишнею: не зная, что Петра заранѣе опредѣлено избрать царемъ, и патриархъ на это согласенъ, — Милославскіе надѣялись, что Іоаннъ по праву старшинства долженъ царствовать и много не заботились о будущемъ. А вышло совсѣмъ иначе. Патриархъ съ царедворцами 27 апрѣля 1682 г. нарекли на царство Петра, помимо всенароднаго избранія. Это обстоятельство показалось очень страннымъ нѣкоторымъ изъ бояръ и стрѣльцовъ, которые въ тотъ же день воспротивились этому избранію. Такъ дворянинъ М. И. Сумбуловъ на собраніи въ Кремлѣ кричалъ съ своими единомышленниками, что право наслѣдства принадлежитъ неотъемлемо старшему царевичу ⁷¹). Но особенно драгоцѣнно извѣстіе, внесенное въ записную разрядную книгу Петра, что царемъ его нарекли 27 апр. въ 13-мъ часу, слѣдоват. въ часъ кончины Θεодора, какъ означено у Медвѣдева (*стр. 2*); значитъ, мысль объ интригахъ Милославскихъ падаетъ на Нарышкиныхъ. Далѣе въ разрядѣ означено, что цѣлый полкъ стрѣльцовъ не хотѣлъ присягать новоизбранному царю: „Тогожь числа учинились сильны и креста не цѣловали стрѣльцы Александра приказа Карандѣева, — и в. государь указалъ къ нимъ послать уговаривать окольничего князя К. О. Щербатаго, да думнаго дьяка Емельяна Украинцева. И ихъ уговорили и они крестъ в. государю цѣловали.“ (*Ист. Рос. Соловьева XIV, въ прилож. 26*). Затѣмъ дѣла всѣ уладились и полетѣли гонцы по областямъ Россіи приводить къ присягѣ войско и народъ; на трехъ печатяхъ покойнаго царя велѣно вырѣзать титулъ Петра и печатать всѣ дѣла государственныя ⁷²).

Нарышкины праздновали побѣду и торжествовали вполне; накипѣвшая злоба ихъ къ Милославскимъ обнаружилась тотчасъ и самымъ нагляднымъ образомъ. Наталья Кириловна привела Петра на погребеніе царя Феодора 28 апр.; поцѣловали они тѣло умершаго и тотчасъ удалились изъ церкви, не дождавшись конца обряда. Подобное невниманіе бросилось въ глаза народу и сильно раздражило Милославскихъ; а царица Софія, говорятъ, рыдала на похоронахъ и жаловалась народу, какъ извели покойнаго царя Феодора и не выбрали на тронъ Іоанна враждебныя лица. Тетки царей, Анна и Татьяна Михайловны, передали свое негодованіе Натальѣ Кириловнѣ черезъ монахинь; царица оправдывалась, что Петръ не могъ по своимъ лѣтамъ вынести продолжительной службы на голодный желудокъ; а только что вернувшійся изъ ссылки ея братъ Иванъ сказалъ: „кто умеръ, тотъ пускай и лежитъ, а царь не умираетъ и живетъ“¹³). Такія заносчивыя выходки молодаго человѣка еще болѣе должны были раздражать Милославскихъ. Но правительство Нарышкиныхъ не обращало вниманія на толки и пересуды противной партіи, радо было благопріятному исходу дѣла и, въ порывѣ торжества отъ приобрѣтенія громадной власти, начало осыпать наградами всю свою родню, не взирая на юныя лѣта и на порядокъ возвышенія заслуженныхъ лицъ, укоренившійся въ Московскомъ государствѣ. Въ день кончины Феодора, пожалованы въ спальники шесть человѣкъ изъ фамиліи Нарышкиныхъ; потомъ любимцы покойнаго царя И. М. Языковъ и Лихачевы лишены мѣстъ, которыя достались Нарышкинымъ: 23-лѣтній Иванъ Кириловичъ получилъ высокое званіе боярина и оружейничаго, Аѳанасій — комнатнаго стольника, Кириль Алексѣевичъ — кравчаго¹⁴). Такая щедрая и неслыханная награда людей молодыхъ и неопытныхъ, раздача чиновъ и должностей, безъ всякихъ заслугъ, изумила бояръ и возмутила стрѣльцовъ, которые должны были повиноваться юному и надменному начальнику артиллеріи, Ивану Нарышкину, только возвратившемуся изъ ссылки. Это непомѣрное возвышеніе властей самихъ себя, сразу внушило недовѣріе къ новому правительству, возбудило опасенія и не обѣщало ничего хорошаго въ будущемъ.

Стрѣльцы, озлобленные несправедливыми распоряженіями начальниковъ по дѣлу Пыжова и Грибоѣдова, еще за два дня до кончины царя Феодора, согласились добиться управы уже на 9 своихъ полковниковъ, которые ихъ притѣсняли, и рѣшились взыскать съ нихъ прежде высчитанныя деньги изъ стрѣлцаго жалованья. Провозглашеніе царемъ Петра и новыя распоряженія Нарышкиныхъ приводили ихъ къ грустнымъ соображеніямъ: „Аще тако при Феодорѣ Ал., иже имѣ лѣты довольны и разумъ совершенъ, и бѣ милосердъ, како Иванъ Языковъ и ишіи бояре и приказ-

ные люди (*творяху*) неправду и всякое насиліе, — ово ради издодозданія, ово ради начальникомъ челоувѣкоугодін, хотяще отъ нихъ хвалими быти, паче же чуждыми бѣдныхъ людей пожитками ихъ набогатити припушаше, — что же нынѣ, при семъ царѣ Петрѣ Ал., иже младъ сынъ и російскаго царствія на управленіе недоволенъ, — тѣмъ бояре и правители имуть въ семъ царствіи творити? — Вѣмы яко не лучшее намъ воскозуть сотворити, но наипаче потщатся во всемъ на насъ велпчайшее ярмо неволи возложити, зане не имѣя надъ собою довольнаго, ради царскихъ юныхъ лѣтъ, правителя и отъ ихъ неправды воздержателя.“ (*У Сахарова, зап. Медвѣдова 6—7*). Разуждая подобнымъ образомъ, стрѣльцы рѣшились жаловаться царю, и 29 апр. пришли толпой въ Кремль, подавали заручныя челобитья; обвиняли 9 полковниковъ, что они притѣсняютъ подчиненныхъ, недодаютъ имъ жалованье, принуждаютъ на себя работать, и добивались позволенія взыскать съ нихъ деньги для удовлетворенія стрѣльцовъ. Они кричали: „выдайте полковниковъ на правезь, или взыщите вымученныя съ насъ деньги, иначе мы сами промыслимъ, перебьемъ ихъ и разграбимъ животы и дома!“ При этомъ грозилась, что доберутся и до другихъ измѣнниковъ и называли тутъ же имена высшихъ царедворцевъ, говоря, что обманы ихъ не долго остается терпѣть царскому величеству. Эти волненія произвели глубокое впечатлѣніе при дворѣ; гордое и надутое, но вмѣстѣ съ тѣмъ неопытное и трусливое правительство Нарышкиныхъ, вмѣсто законнаго наказанія взяточниковъ полковниковъ, рѣшилось выдать ихъ головами, на самовластную расправу и тиранство стрѣльцамъ. Патріархъ испугался, какъ бы стрѣльцы злыхъ враговъ своихъ „возвирѣвѣвши напрасной смерти не предали, и оттого не пришли въ народное смущеніе,“ — послалъ въ полки духовныхъ лицъ — уговаривать, чтобы стрѣльцы положились на распоряженіе государя и не брали насильно для расправы полковниковъ. Стрѣльцы успокоились обѣщаніями, что виновныхъ полковниковъ отдадутъ подъ судъ, взыщутъ съ нихъ деньги и на мѣсто ихъ назначутъ другихъ начальниковъ, которыми они останутся довольны. Стрѣльцы согласились съ условіемъ, чтобы полковниковъ били кнотомъ и батогами, пока они внесутъ надлежащую сумму. Съ 1-го мая начался правезь: стрѣльцкихъ начальниковъ наказывали два служителя на площади передъ суднымъ приказомъ, и били до тѣхъ поръ, пока стрѣльцы не закричатъ: *доволюмо!* Жестокимъ въ обращеніи полковникамъ доставалось сильнѣе. Они внесли 2000 р. для первоначальной уплаты украденныхъ стрѣльцкихъ денегъ, и отпущены на свободу; а не внесшихъ деньги ежедневно держали на правезѣхъ и били часа по два палками по икрамъ, въ теченіе осьми дней; заплативъ деньги, они удалились изъ Москвы. Довольные стрѣльцы благодарили цари за добрую и справедливую расправу¹³⁾.

Такимъ образомъ, правительство Нарышкиныхъ допустило стрѣльцовъ до своевольства, позволило имъ ругаться надъ своими начальниками и поощрило ихъ самоуправство. Естественно, что притѣсняемые стрѣльцы почувствовали свою силу, когда заправляли наказаніемъ враговъ своихъ, обличенныхъ властью, и изъ подчиненныхъ становились распорядителями. Давъ большую волю имъ, трудно было ожидать, чтобы впослѣдствіи можно было дѣйствовать убѣжденіями и строгими мѣрами. Вернувшійся изъ ссылки опытный правитель, Матвѣевъ, сразу понял, какой непоправимый промахъ допустило новое правительство, и думалъ, что ошибка не доведетъ до добра, а до неистовой злобы и мятежа. „Государскимъ праведнымъ указомъ стрѣльцы не удовольствовались, и досада не точю не утихла, и отъ того часа напаче нача огонь гнѣвный горѣти на начальниковъ и на иныхъ временщиковъ, и всякими вымысли горѣти до пламя свирѣпства въ возшеіе“ (*Млѣдведевъ, стр. 10*). Слѣдовательно, неумѣлое правительство и недобросовѣстные его слуги, собственными руками положили основаніе дальнѣйшимъ волненіямъ.

Между стрѣльцами происходилъ дѣлежъ денегъ, взыскиваемыхъ съ полковниковъ, и недавняя удача возбудила много толковъ, касающихся новаго правительства. Имъ казалось, что избраніе Петра велось неправильно; они не вѣрили, будто самъ старшій царевичъ Іоаннъ отказался отъ престола по слабости зрѣнія, и что его сторонники менѣе Нарышкиныхъ способны къ управленію. Стрѣльцы почти не сомнѣвались, что воцареніе одного Петра было дѣломъ партіи измѣнниковъ отечеству, подъ которыми разумѣли Наталью Кириловну, ея отца, братьевъ и А. С. Матвѣева. Мысль объ измѣнѣ Нарышкиныхъ передавалась всѣмъ полкамъ; объ этомъ предметѣ стрѣльцы не только не стѣснялись говорить открыто, но заранѣе грозилась—свернуть имъ шею. Въ подтвержденіе своихъ мнѣній, они указывали, какъ молодые Иванъ и Аѳанасій Нарышкины, эти *ковъи бароды*, слышномъ быстро возведены въ высшія достоинства. Неудовольствіе и ропотъ постоянно сопровождали подобныя разсужденія о властителяхъ, и служили предвѣстіемъ недобраго.

Молва смѣнялась одна другой, грозиле и грозиле для Нарышкиныхъ; враждебныя для нихъ слухи росли не по днямъ, а по часамъ; разувѣрившись сразу въ ихъ добросовѣстности, стрѣльцы разсказывали, будто Ів. Нарышкинъ и высшіе правители рѣшили въ совѣтѣ произвести жестокою расправу съ стрѣльцами, которые жаловались на своихъ полковниковъ, „въ своихъ обидахъ, насильствахъ и немилосердыхъ мученіяхъ“; главныхъ зачинщиковъ приговорили поголовно казнить, а большее количество стрѣльцовъ отправить въ ссылку въ отдаленные города. Ропотъ усиливался со всѣхъ сторонъ, стали появляться слухи, будто На-

рышкины во дворцѣ забрали все въ руки, и царей считаютъ за ничто. Стрѣльцы открыто разсуждали на улицахъ, что Ив. Нарышкинъ дергалъ за бороды многихъ знатныхъ вельможъ, и разсказывали съ ужасомъ, будто онъ, облекшись въ царскую одежду и вѣнецъ, сѣлъ на тронъ и сказалъ: „ни къ кому не пристанетъ такъ корона, какъ ко мнѣ“. Когда царица Марѳа Матвѣевна и царица Софія застали Нарышкина въ этомъ видѣ и начали бранить его, въ присутствіи царевича Іоанна, то онъ взбѣсился, соскочилъ съ царскаго престола, кинулся на царевича, схватилъ его за горло и чуть не задушилъ. Царевны громко закричали, прибѣжали служители и не дали исполнить ему злое намѣреніе. „Какъ смѣетъ мальчишка потѣшаться государскимъ вѣнцомъ и хвастаться въ царскихъ чертогахъ, на святомъ изстаринномъ мѣстѣ! Надо оборонить царей: не дадимъ хозяйничать измѣнникамъ!“ Въ минуту неудовольствія и ненависти всякій слухъ, всякая сплетня имѣють значеніе. Молва въ подобное время, неизбежное созданіе разгоряченной фантазіи, составляетъ громадную силу, потому что создается цѣлымъ обществомъ, на томъ уровнѣ понятій и направленія возрѣній, которыми надѣлены въ извѣстное время возбужденныя лица, и на основаніи тѣхъ недавнихъ событій, которыя произвели гнѣвъ. Въ разгаръ кипѣнія страстей, въ шумѣ волнующихся разнообразныхъ толковъ, некогда подумать основательно объ обстоятельствахъ и о ходѣ дѣла: тутъ каждый мимолежный слухъ, соответствующій общему настроенію духа и желанію, имѣетъ неотразимую силу доказательства, и часто чѣмъ нелѣпѣе, чѣмъ фантастичнѣе, тѣмъ удобнѣе и скорѣе принимается на вѣру. Примѣровъ множество, особенно въ исторіи русскихъ самозванцевъ, въ стрѣлецкихъ мятежахъ и въ бунтѣ астраханскомъ.

Когда стрѣльцы зимой проиграли свое дѣло и не достигли желанія мирнымъ путемъ, они перешли къ угрозамъ; усмиряя бунтъ коломенскій (*Котошигина стр. 81*), служа вѣрой и правдой царю и отечеству, стрѣльцы вздумали ограничить власть недобросовѣстныхъ начальниковъ. Увидавъ слабость и уступчивость ихъ въ позорной смѣнѣ полковниковъ, они почувствовали себя силой, способной возстановлять законные порядки въ государствѣ, отданномъ царю—ребенку, и искоренять злоупотребленія властей. Они стали собираться толпами, бояръ и князей Долгоруковыхъ ставили ни во что, смѣялись надъ ними и грозили имъ; а мелкихъ своихъ начальниковъ не стали ни уважать, ни слушаться. По словамъ Матвѣева, стрѣльцы отгоняли ихъ отъ сѣзжихъ избъ, бросали въ нихъ камнями, палками, бранили непристойными словами, а кто хотѣлъ возстановить порядокъ строгостью, бросали съ каланчи (*Матвѣев стр. 10 и 14*). Стрѣльцы, о которыхъ прошла недобрая слава, явились самими честными защитниками правительства, въ виду боярскихъ смуть,

хотѣли предупредить кровавыя проишествія, произволь Нарышкиныхъ, которые въ самолюбивомъ восторгѣ, вдругъ стали помыкать старыми учреждениями, правами и обычаями.—Съ этой точки зрѣнія, въ стрѣлецкихъ бунтахъ есть смыслъ глубокой: у насъ всѣ волненія направлялись въ защиту законнаго государя отъ притязанія бояръ, которые злоупотребляли всегда довѣріемъ царя. Всѣ эти обвиненія бояръ въ желаніи извести государя, въ стремленіи овладѣть государствомъ, помимо законныхъ царей, служили только предлогомъ къ казни или ссылке лицъ ненавистныхъ. Сколько ни говорили противъ государей, особенно противъ Петра, но до дѣла было далеко. Русская исторія этимъ особенно замѣчательна: низшій классъ народа всегда шелъ на защиту царя подъ знаменами самозванцевъ, въ бунтѣ Разина и стрѣлецкихъ мятежахъ и т. п. Боярамъ никогда не было расчета злоумышлять противъ государей, отъ которыхъ они вполнѣ зависѣли: они знали, что тотъ или другой царь, все равно одинаково будетъ держаться московскихъ началъ въ отношеніи къ дворянству, и слѣдовательно скорѣе нужно было добиваться отъ него милостей и заслуживать личнаго значенія. Вооружаться же противъ власти, не смѣли бояре потому, что народъ не потерпѣлъ бы злой выходки къ ограниченію силы государства, въ ущербъ земства и къ возвышенію дворянства, какъ видимъ въ 1-мъ стрѣльцкомъ бунтѣ. Слѣдовательно, не Софію нужно обвинять въ первомъ послабленіи стрѣльцамъ, въ льстивомъ заискивающимъ удовлетвореніи ихъ желаніямъ, а Нарышкиныхъ. Стрѣльцы, при первомъ требованіи управы на полковниковъ, уже имѣли въ виду непріязненныхъ себѣ лицъ по собственному чувству, а не по навѣту Софіи и Милославскихъ. Тоже явленіе повторилось и во время 1-го стрѣлецкаго бунта. Трудно было Софіи обращаться къ стрѣльцамъ, уже присягнувшимъ Петру, съ ходатайствомъ за права Іоанна. Самимъ стрѣльцамъ скорѣе и легче всего пришло это въ голову, потому что цѣлый полкъ не хотѣлъ еще присягать младшему царевичу въ самый день избранія. Когда же Нарышкины захотѣли забрать въ руки всю власть и силу, то возбудили къ себѣ страшную ненависть стрѣльцовъ, которые уже нѣсколько дней грозились добраться до нихъ. Чаша горечи переполнилась одной каплей и мятежный духъ разлился по Москвѣ.

Мая 15 по рукамъ стрѣльцовъ уже ходилъ списокъ лицъ, обреченныхъ на жертву. Въ стрѣлецкихъ слободахъ пронеслась вѣсть, что Ів. Нарышкинъ задушилъ царевича Іоанна: „къ ружью, къ ружью!“ закричали стрѣльцы, и направились громадной толпой въ Кремль, съ барабаннымъ боемъ, распустивъ знамена, съ оружіемъ въ рукахъ, мушкетами, бердышами и копьями. Нѣкоторые изъ нихъ бросились на колокольни и стали бить въ набатъ. Очевидецъ проишествій изображаетъ это движеніе такими чертами: нѣсколько при-

везли и пушекъ, „якобы на гнѣбого непріятеля иностраннаго. Идоша же зѣло бодро и свирѣпствомъ ярящеса, *яко зѣри неукротимыя*. И тако страшно было видѣти тогда поущеніе гнѣва Божія, яко вси людіе видѣша во страсть трепетахуса, что имать быти? Ибо и воздухъ въ оное время премѣнися тихости, и воздвижеса буря вѣтрена велія, и облаки мрачные народу вящшій страхъ дѣяше.“ При своемъ грозномъ походѣ, они кричали: „яко идутъ выводить измѣнниковъ и неправдотворцевъ и губителей царскаго роду.“ Изъ его словъ видно, что они шли защищать не одного Іоанна, о которомъ слышали, что его задушили Нарышкины; но и Петра отъ измѣнниковъ боярь. „Стрѣльцы же страше у Краснаго крыльца сказывали, будто нѣкоторые бояре учинились измѣнниками и хотять царскій родъ извести, и будто царевича Іоанна умертвили, а надъ царемъ Петромъ злое свое умышленіе хотять учинити, и лишити его царства, и они, будто услыша то, собрався пришли того сыскати, что они служатъ в. государямъ вѣрно.“ (*Медвѣдевъ 11*). Бояре, которые находились еще въ приказахъ, услышавъ о движеніи стрѣльцовъ, хотѣли запретъ Кремль, но было уже поздно: стрѣльцы стали хозяевами и заперли ворота сами; они окружили со всѣхъ сторонъ царскій дворець, чтобы не ушли ненавистныя для нихъ лица. Нѣкоторые стрѣляли въ боярскихъ лошадей, перебили имъ ноги, переломали кареты и умертвили нѣсколько холоповъ; очевидно, они руководствовались не посторонними указаниями, а личной злобой. До какой степени были слабы духомъ бояре, прирожденные воины и воеводы, показываетъ ихъ постыдное поведеніе въ эту пору: нечистая совѣсть однимъ шепнуда спастись бѣгствомъ, другимъ подсказала скрыться въ потаенныя мѣста. Вышелъ Ив. А. Хованской и спросилъ о причинѣ необычнаго прихода стрѣльцовъ къ дворцу; они отвѣчали, что бояре учинились измѣнниками и хотять извести царскій родъ и требовали, чтобы показали имъ царевича Іоанна. Патриархъ и царица вывели обонихъ царевичей на Красное крыльцо; тогда стрѣльцы закричали: „Вотъ нашъ царь; смерть всѣмъ измѣнникамъ! Выдайте намъ сперва Нарышкиннихъ; это зло надо вырвать съ корнемъ; а царица Наталья Кириловна пускай идетъ въ монастырь. Царей нашихъ Петра Ал. и Іоанна Ал. мы станемъ защищать и отстаивать собственной кровью!“ ⁷⁶).

Изъ разрядной записки ясно видно, что во время бунта 15 мая 1682 г. А. С. Матвѣевъ вовсе не уговаривалъ стрѣльцовъ, и не убѣждалъ ихъ успокоиться, какъ пишетъ сынъ его, а посланы были съ этой цѣлью М. А. Черкасской, Ив. А. Хованской, П. В. Шереметевъ большой, и В. В. Голицынъ; на Черкасскомъ въ это время стрѣльцы изодрали платье. Когда патриархъ пошелъ—было убѣждать мятежниковъ, они закричали: „не

потребуемъ никакихъ и ни отъ кого совѣтовъ! Время уже, кто надобенъ намъ разбирати“. И бросились мимо патріарха по дѣстницѣ, и вбѣжали въ царскіе хоромы; схвативъ тамъ А. С. Матвѣева, кинули съ Краснаго крыльца на копыя. Говорятъ, въ это время начальникъ стрѣльческаго приказа, князь Мих. Юр. Долгорукій, который обязанъ былъ не допускать стрѣльцовъ до смуты рянѣе, вдругъ вздумалъ показать свою власть и силу, когда уже стрѣльцы пришли на расправу: начальникъ закричалъ съ бранью и угрозами и приказаньемъ убираться тотчасъ изъ Кремля. У раздраженныхъ стрѣльцовъ закипѣло на сердцѣ, что такой ничтожный человекъ начинаетъ обижать ихъ, когда они пришли добиваться правды. Они вломились на крыльцо и сбросили на копыя презрѣннаго начальника, который вздумалъ показать себя (*Матвѣевъ и Розенбушъ*). Забывъ должное уваженіе къ царямъ, царицамъ и царевнамъ, они бѣжали по всѣмъ комнатамъ, черезъ церковь; нашли Аѳанас. Кир. Нарышкина у Спаса подъ престоломъ во дворцѣ, и вытащивъ за волосы, сбросили съ крыльца на копыя и бердыши. Въ царскихъ покояхъ они все перерыли; искали въ монастыряхъ, церквахъ и совали копыями подъ престолы, особенно добивались до Ив. Нарышкина. Между прочимъ, во дворцѣ они постоянно кричали: „долгой жизни царямъ нашимъ Ивану Ал. и Петру Ал., и смерть всѣмъ измѣнникамъ“. Злоба стрѣльцовъ, накипѣвшая противъ нѣкоторыхъ бояръ и начальныхъ людей, выразилась въ крайней степени: такъ, считая Гр. Гр. Ромодановскаго виновникомъ неудачи чигиринскаго похода, и помня его жестокия притѣсненія, они схватили, „ведуще его за власы, и браду зѣло ругательно терзаху, и по лицу бивше, и противъ ряду на дорогѣ, поднявъ вверхъ на копыяхъ и опустивъ на землю, всего изрубили“. Но сына его Андрея освободили за долгій плѣнъ у Татаръ. Розыскивая Ивана Нарышкина, стрѣльцы въ суматохѣ наткнулись въ сѣняхъ Грановитой палаты на молодого Салтыкова и закричали: вотъ Иванъ Кириловчъ!—и схватили его; а онъ такъ перепугался, что ни слова не могъ вымолвить, и былъ сброшенъ сверху стрѣльцами и вытасченъ на площадь. Когда стрѣльцы увидѣли свою ошибку, то приказали товарищамъ отнести трупъ юноши къ отцу, который по нездоровью не былъ во дворцѣ. Когда они принесли его въ домъ, то отецъ сказалъ, что это божья воля, и угостилъ ихъ водкой и пивомъ. Это обстоятельство замѣчательно: стрѣльцы хорошо не знали лицъ, которыхъ преслѣдовали, и изъ этого можно бы вывести заключеніе, что списокъ обреченныхъ на убійство составленъ не ими самими; но стрѣльцамъ дѣйствительно трудно было узнать въ попыхахъ ихъ враговъ, да вдобавокъ это была новая партія Нарышкиныхъ, которыхъ стрѣльцы не знали до смерти Феодора Ал., и при томъ Нарышкины вернулись только изъ

ссылки; стрѣльцы знали хорошо тѣхъ лицъ, съ которыми приходилось часто сталкиваться. Главный начальникъ стрѣлецкаго приказа Ю. Ал. Долгорукій, имя котораго стояло первымъ въ спискѣ, убитъ былъ 15 мая позже всѣхъ, и выброшенъ на улицу. Въ этотъ страшный день лишили жизни 9 человекъ боярскихъ людей у аптекарской лѣстницы. Злоба стрѣльцовъ выразилась насмѣшливымъ образомъ надъ прежней силой убитыхъ людей; они тащили ихъ трупы и кричали: „вотъ бояринъ А. С. Матвѣевъ! вотъ бояринъ Ромадановскій. Вотъ думный ѣдетъ, дайте дорогу!“ За тѣмъ бросали у Лобнаго мѣста, разсѣкали на мелкіе куски со всѣмъ съ костями, такъ что не оставалось и слѣда человѣческаго подобія. Толпа стрѣльцовъ бросилась въ судный и холодій привазы, и „письма всякихъ дѣлъ передрали, и общались *установити правду, а людямъ боярскимъ волю дать*, чтобъ на нихъ стрѣльцовъ съ боярскихъ дворовъ не встали, препоны имъ въ томъ ихъ зломъ умысленіи не учинили.“ Настала ночь. Половина стрѣльцовъ осталась въ Кремлѣ; поставили крѣпкій караулъ у городскихъ воротъ: иные по сосѣднимъ домамъ пустились искать оставшихся не убитыми по означенному списку. Особенно ревностно цѣлую ночь они искали доктора Данила Гадена, родомъ еврея, который былъ лютеранской вѣры и перешелъ въ православную; онъ состоялъ медикомъ при царѣ Θεодорѣ и они думали, что лекаръ отравилъ его. Сосѣди подвергались большимъ безпокойствамъ отъ этихъ поисковъ, но Гадена нигдѣ не нашли. Дома Данила и его товарища Яна Гутменша находились вблизи одинъ отъ другаго; домъ послѣдняго строго обыскали, но не нашедши Гадена оставили хозяина въ покоѣ. Когда стрѣльцы по полуночи опять пришли, Гутменшъ, думая, что хотятъ его взять, сильно перепугался, залѣзъ на чердакъ и приткнулся; стрѣльцы же отыскали его и увлекли съ собой вмѣсто Данила, и приставали къ нему, чтобы онъ указалъ, гдѣ находится его другъ, а въ противномъ случаѣ грозили подвергнуть его казни. Гутменша и жену Данила, которую также взяли, отдали подъ караулъ стрѣльцамъ, и такъ какъ докторъ Гаденъ не былъ найденъ, то они и должны были лишиться жизни.

Утромъ 16 мая, стрѣльцы опять пришли съ оружіемъ въ Кремль, оставивъ у воротъ стражу. Дерзкіе изъ нихъ насильно врываются въ тайныя комнаты дворца, отыскивали Нарышкина, но нигдѣ не нашли. Послѣ того долженъ былъ пострадать думный дякъ Аверкій Ст. Кириловъ; считая его виновникомъ тяжелыхъ налоговъ на соль и на съѣстные припасы, стрѣльцы сбросили его съ верху, съ ругательствомъ изрубили и выволокли изъ Кремля. Въ 2 часа дня, привели сына Данилова, стольника Михаила, юношу 22 лѣтъ; они схватили его переодѣтымъ на улицѣ; когда на вопросъ стрѣльцовъ, гдѣ скрывается его отецъ, онъ отозвался невѣдніемъ,

то его сбросили съверху и убили. Взяли Гутменша и закричали: „такъ какъ не найденъ докторъ Гаденъ, то пусть за него отвѣчаетъ товарищъ, потому что онъ помогать ему дѣлать лекарство и вмѣстѣ съ нимъ злоумышлялъ на жизнь царя;“ какъ онъ ни оправдывался, его сбросили съ крыльца; точно также они хотѣли поступить и съ женою Данила, но за нее заступилась царица Марѳа и спасла отъ смерти. Въ это время раздался крикъ, что одинъ изъ Нарышкиныхъ пойманъ; оказалось, что это былъ красивый юноша, двоюродный братъ царицы, Василій Филимоновъ, котораго тотчасъ умертвили. Такъ пишетъ Розенбушъ. Среди дня были убиты нѣкоторые изъ подъячихъ, и брошены на площадь. Цѣлый день и всю ночь стрѣльцы усердно розыскивали главныхъ измѣнниковъ—Ив. Нарышкина и доктора Данила; не разъ цѣлыми толпами они приходили къ патриарху, грозили ему оружіемъ, чтобы онъ выдалъ скрывшихся у него злыхъ людей, но всѣ тщательные поиски никого не открыли.

Съ особенной яростью стрѣльцы собрались утромъ 17 мая передъ дворцомъ и требовали выдачи Кирила Полуехтовича и Ив. Нарышкиныхъ, да доктора Данила. По усиленной просьбѣ царицы Натальи, мятежники согласились пощадить жизнь отца ея съ условіемъ, чтобы онъ постригся въ монахи и отправился въ Бѣлозерскій монастырь; а три ея младшіе брата (14, 11 и 6 лѣтъ), скрытые царицей, должны были отправиться въ ссылку по одиночкѣ въ отдаленные города. Утромъ же пришло извѣстіе изъ Нѣмецкой слободы, что доктора Данила схватили въ прошлую ночь въ одеждѣ нищаго; онъ двое сутокъ скрывался въ Марьиной рождѣ и былъ задержанъ, когда пробирался въ Нѣмецкую слободу къ своимъ знакомымъ—попросить поѣсть, потому что былъ очень голоденъ. Это произвело большую радость между стрѣльцами, которые цѣлою толпою отправились въ Нѣмецкую слободу, связали его и привели въ Кремль въ томъ же платьѣ, съ сумкой на боку, и въ лаптяхъ; въ такомъ видѣ представили его въ царскіе хоромы. Царевна Софія и обѣ царицы, увидя Гадена, умоляли стрѣльцовъ—не лишать жизни доктора, находя его невиннымъ въ смерти царя, потому что всѣ лекарства онъ отвѣдывалъ прежде самъ, потомъ приглашалъ ихъ попробовать, а послѣ подавалъ покойному. Но это не убѣдило стрѣльцовъ въ невинности Данила и не могло смягчить сердца ихъ. Они закричали: „докторъ волшебникъ, въ его домѣ найдены сушеные раки и змѣи, и своими чарами онъ ухитрился извести царя: потому и долженъ умереть!“ Потомъ начали съ ожесточеніемъ кричать: „Мы знаемъ, что Ив. Кир. Нарышкинъ спрятанъ у васъ; выдайте намъ его, мы будемъ довольны и кончимъ всѣ убійства, оставимъ въ покоѣ даже и тѣхъ лицъ, которыя еще означены въ нашемъ спискѣ. Уйдемъ и отдадимъ ихъ на волю государя, чтобы онъ велѣлъ палачу на-

казать измѣнниковъ. Мы не станемъ касаться болѣе никого и все придетъ въ порядокъ, только Данилъ и Ив. Нарышкинъ, непременно должны пожертвовать жизнью. Мы знаемъ, что Иванъ Кириловичъ скрывается у васъ, выдайте намъ его добромъ, или мы примемся сами искать его сильнѣе, тогда пожалуй кончится и хуже. Мы не лишили жизни стараго Нарышкина и его трехъ младшихъ сыновей, но Ив. Нарышкина требуемъ, чтобы онъ погибъ отъ нашихъ рукъ.“ „Видѣвше же ихъ народное упорство,“ Наталья Кириловна принуждена была выдать имъ брата Ивана. Когда она вывела его, то еще разъ вмѣстѣ съ Марею Матвѣевной, царевной Софіей и патриархомъ слезно просила за брата, котораго доселѣ скрывала. Обѣ царицы и царевны упали на колѣни и просили у стрѣльцовъ ему пощады; а Нарышкину дали держать икону Божіей Матери; но все это не помогло. Одинъ изъ дерзкихъ стрѣльцовъ, вскочилъ въ средину ихъ, схватилъ Ивана за длинные волосы и насильно вырвалъ его изъ рукъ; вмѣстѣ съ нимъ потащили Данила и привели въ застѣнокъ константиновской башни. Нарышкина подвергли страшнымъ пыткамъ; потомъ натаго повели на Красную площадь, поставивъ его между изрубленными тѣлами, подняли на копьяхъ вверхъ и отсѣкли голову, руки и ноги; голову воткнули на пику. Данила въ застѣнкѣ пытали крѣпко, били въ три кнута и огнемъ жгли; вслѣдствіе такого мученія, онъ наговорилъ на себя небывалыя преступленія. Тотчасъ вывели его на площадь и убили какъ другихъ, но съ болѣшимъ еще ожесточеніемъ: разрубили его на мелкіе куски, а внутренности разбросали по улицѣ. Во время этой рѣзни, стрѣльцы издали приказъ,—кто только окажется виновнымъ въ воровствѣ или въ грабежѣ, тотъ будетъ наказанъ смертью. Слѣдчачковъ нашлось до 40 чело-
вѣкъ изъ бѣдныхъ гражданъ и стрѣльцовъ, которыхъ поймали въ ничтожной кражѣ, и тотчасъ лишили ихъ жизни. Въ заключеніе всѣхъ страшныхъ сценъ, стрѣльцы благодарили царя, выражали свое довольство и желали здоровья царицамъ и царевнамъ, кричали, что они готовы сдѣлать своей головы для ихъ защиты ⁷¹⁾.

Когда прирожденные воины бросились бѣжать изъ Москвы, и „мало не всѣ приказныя судилища опустѣла безлюдствомъ,“ смѣло выступила на сцену дѣйствицаревна Софія Алексѣевна. Уже 16 мая она пыталась образумить стрѣльцовъ и говорила строго, „чтобы они, помня крестное цѣлованье, такъ къ нимъ въ домъ ихъ государевъ не приходили съ невѣжествомъ.“ Датскій резидентъ былъ свидѣтелемъ распоряженій Софіи и Хованскаго во время бунта. Мая 17 Софія начала уже распоряжаться управленіемъ и роздала главныя должности приближеннымъ къ ней лицамъ; 26 мая возведенъ былъ на престолъ Іоаннъ; а 29 Софія провозглашена правительницей ⁷²⁾.

Условія происшествій сложились такъ запутанно и вызвали 1-й стрѣльцкій бунтъ, который направленъ былъ противъ бояръ, считавшихся измѣнниками государства. Но враги Софіи обвиняють ее въ зажигательствѣ волненія въ преслѣдованіи партіи Нарышкиныхъ; ей и Милославскимъ приписываютъ главное руководство и распорядительность стрѣльцкими движеніями, не подозрѣвая множества противорѣчій въ ходѣ событій. Стрѣльцы убили Г. Г. Ромодановскаго, имя котораго стояло вторымъ въ ирривовомъ спискѣ; а между тѣмъ онъ вовсе не былъ приверженцемъ Нарышкиныхъ. Если разобрать обстоятельно дѣло, то ясно окажется, что стрѣльцы по собственнымъ воззрѣніямъ и побужденіямъ взяли за оружіе и особенно преслѣдовали Ив. Нарышкина. Этотъ заносчивый юноша ничуть не казался страшнымъ для Милославскихъ, чтобы такъ упорно хлопотать о его смерти. (См. выше стр. 55). Стрѣльцы считали его измѣнникомъ, и среди разгара страстей, трудно было не придти къ мысли, что для успокоенія мятежныхъ стрѣльцовъ и для спасенія другихъ бояръ и царскаго семейства, необходимо выдать всѣхъ Нарышкиныхъ и даже саму Наталью Кириловну выгнать изъ дворца. Не напрасно Яковъ Никит. Одоевскій говорилъ Нарышкину: „Тебѣ, Иванъ, отсюда скорѣе идти надобно, нежели намъ веѣмъ за одного тебя здѣсь порубленными бытъ“ (*Матвѣевъ* 30). Ив. А. Хованскій въ тоже время обращался къ стрѣльцамъ и спрашивалъ ихъ: „Любо ли вамъ, чтобы царица Наталья не оставалась во дворѣ?“ Любо, отвѣчали они. Въ убійствѣ Нарышкиныхъ и другихъ лицъ, напрасно хотѣтъ обвинять царевну Софію и отыскать ея тайное содѣйствіе мятежу: обстоятельства дѣла совершенно устраняють эту враждебную ей догадку. Если по интригамъ Софіи былъ составленъ списокъ лицъ, обреченныхъ на жертву, то зачѣмъ поваѣть въ него Гаданъ, и почему стрѣльцы не послушали ни Софіи, ни Марѣи Матвѣевны, просившихъ за него? Зачѣмъ понадобилось царевнѣ истреблять такихъ ничтожныхъ лицъ, какъ вавовы подъячіе и стрѣльцкіе полковники? Чѣмъ объяснить, что стрѣльцы не злились на Софію, если за деньги шла на бунтъ и убійства,—и вдругъ черезъ 3 мѣсяца называемы были ворами и измѣнниками, и наказываемы за то же? Почему послѣ наказанія, недовольства, стѣсненій, стрѣльцы опять обращались къ Софіи, чтобы она была снова правительницей?

Разрѣшеніе этихъ вопросовъ зависитъ отъ того несомнѣннаго обстоятельства, что Софія не подговаривала стрѣльцовъ о возведеніи на престолъ Іоанна; дѣло обошлось безъ ея интриги, и безъ ея предварительныхъ обѣщаній наградъ. Стрѣльцы ненавидѣли Нарышкиныхъ за ихъ безпредѣльное честолюбіе и непомѣрное возвышеніе, какъ людей, выгнанныхъ изъ грязи, которые вдругъ стали повелителями народа; Матвѣева

не терпѣли они за покровительство взяточникамъ и иноземцамъ, за презрѣніе къ старинѣ народной. Слѣдовательно, Софія ничѣмъ не была обязана стрѣльцамъ, которые сами ранѣе склонялись на сторону Милославскихъ, дѣйствовавшихъ болѣе благо разумно и осмотрительно. Челобитная, въ которой стрѣльцы объясняютъ причины умерщвленія разныхъ лицъ, носятъ на себѣ печать правды. Охраняя силу государства, они по своимъ убѣжденіямъ сдѣлали доброе дѣло, и *побитыя* свои считали „за домъ Пречистой Богородицы и за царское пресвѣтлое величество и за неистовство къ в. государямъ и къ стрѣльцамъ, отъ великихъ налоговъ и обидъ, и отъ неправды.“ Они объясняли дѣло такъ: 1) *Долгорукиахъ* убили „за многія ихъ неправды и за похвальные слова; безъ указу в. государей, они многихъ нашу братью безвинно бивъ кнутомъ и посылали въ ссылку въ дальніе города.“ (*Эти слова подтверждаютъ показаніе Медвѣдева, что сослали стрѣльцовъ, которые жаловались на Пыжова*). 2) *Долгоруковъ* стрѣльцамъ учинилъ изъ казны „денежную и хлѣбную недодачу, все въ переводъ.“ 3) *Ларіона Иванова* убили, „что онъ приличенъ былъ Долгоруковымъ, хотѣлъ обвѣснть стрѣльцами безвинно, весь земляной городъ вмѣсто зубцовъ убѣлаго города, да у него же взяты гадины змѣинымъ подобіемъ.“ 4) *Гр. Ромодановскаго* убили „за измѣну и нерадѣніе, что онъ Чигиринъ турскимъ и крымскимъ людямъ отдалъ съ казной и служилыми людьми, сослался съ ними — людьми и письмами.“ 5) *Ивана Языкова* „убили за то, что онъ, ставаясь съ прежними нашими полковники, налоги намъ великіе чинилъ, и взятки великія ималъ, и прежнимъ полковникамъ на нашу братью наговаривалъ, чтобы они полковники нашу братью били кнутомъ и батоги до смерти.“ (*Опять подтверждается сказаніе Медвѣдева о жалобахъ стрѣльцовъ, которыхъ били за правду, по милости Языкова*). 6) *Матвѣева, Дохтурова, Ив. Гутъ* меньшаго и сына его *Данилова* побили, что они злое отравное зелье составляли, и Данилъ въ томъ съ пытки винился. 7) *Ивана и Аванасія Нарышкинахъ* убили потому, что они „примѣняли къ себѣ порфиру и мыслили всякое зло на царя Іоанна, а прежде мыслили всякое зло на царя Θεодора, и за такое ихъ злое умышленіе были сосланы въ ссылку.“ 8) *Андрея Дохтурова и Гр. Грюшкина* за то побили, что они „будучи на государскихъ службахъ, ругаясь, нашу братью били кнутомъ и батоги безъ государскаго указу до смерти.“ 9) *Думнаго дьяка Вас. Ларивонова* убили, что онъ зналъ про гадины отравныя на государское величество, въ народъ не объявлялъ. 10) *Думнаго дьяка Аверкія Кирилова* убили, что онъ „со всякихъ чиновъ людей великія взятки ималъ, и налогу всякую и неправду чинилъ.“ 10) *Боярина П. М. Салтыкова* и сына его *Федора Петровича*, „умысла воровски, они Юрья Долгоруково съ товарищи подмѣнили, вмѣсто Ив. На-

рышкина, хотя его отъ зломышленныхъ дѣлъ и отъ смерти свободить, велѣли его Федора съ крыльца бросить.“ И мы просимъ, „чтобы за наши многія службишки и за вѣрность пожаловали, указали на Красной площади учинить столбъ и тѣхъ побитыхъ злодѣевъ и *мятежесъ*, кто за что побиты, на томъ столбѣ имяны подписать, чтобъ впредь иныя, помня крестное цѣлованіе, чинили правду.“ (*А. Эжп. IV, № 255, с. 358—359. Челобитная 6 іюня 1682 г.*)

Стрѣльцы, конечно, не могли быть до такой крайней степени безсовѣстными, чтобы постыдно обвинять людей ни за что, ни про что. Разужбется, они вѣрили волшебству, и въ ихъ глазахъ оно служило сильнымъ доказательствомъ враждебнаго, злаго настроенія человѣка, когда само правительство вѣрило въ силу чародѣйства, судило за него Матвѣева, Голлицына и Безобразова, и пытало множество колдуновъ. Современники подтверждаютъ истину показаній стрѣльцовъ. Ужасъ впечатлѣнія стрѣлцакаго бунта Медвѣдевъ выражаетъ такъ: „Како же пойду памятію въ созрѣніе онаго дня, бывшаго тогда страшнаго и полнаго ужаса! Кого призову въ день той зрѣти оныя бѣды?“ Потомъ далѣе, обращаясь къ неправдамъ современниковъ, которые навели этотъ страхъ своими злыми дѣлами, говорить: „Кто въ злодѣяннн въ своемъ лежа, противися правдѣ законной и христіанскому жителству, что творя противно, и уцѣломудрится, преставъ отъ зла, восхоцетъ благому подражати житію? *Прійди и виждь разумно, кто убивается, и отъ кого и за что?*“ Слѣдовательно, Медвѣденъ считаетъ стрѣльцовъ до нѣкоторой степени правыми, что они преслѣдовали людей, заслужившихъ достойную казнь за свои беззаконія. „Тѣмъ же услышите сія вси языцы, внушите вси живущи по вселенной. Елицы же нынѣ есте, и елицы будете, присмотритесь измѣненію отъ Вышняго десницы, и отмѣнности въ людяхъ, и колу житія сего непостояннаго, кое нынѣ въ высоту возвышается и паки тоежъ внизъ съ горы опускается страшнымъ и ужаснымъ опущеніемъ.“ (*У Сахарова 10*). Кромѣ общей морали, въ этихъ словахъ слышится умный совѣтъ русскимъ царедворцамъ, дѣлать все по правдѣ и не подвергаться измѣненію колеса счастья.

Что же нужно было стрѣльцамъ, когда они рѣшились взяться за оружіе? Личныхъ расчетовъ на выгоды нельзя допустить, потому что они заклялись напередъ — не касаться ничего имущества. Честное поведеніе стрѣльцовъ засвидѣтельствовано Медвѣдевымъ, Розенбумемъ и официальной запиской; они заранѣе рѣшили не грабить ничьихъ пожитковъ въ домахъ побитыхъ лицъ, а преступниковъ этого правила, хватали и казнили за кражу вещей на самую ничтожную сумму¹⁰⁾. Слѣдовательно, стрѣльцы имѣли въ виду не интересъ поживы, а цѣль болѣе

высокую: они двинулись съ оружіемъ въ рукахъ выводить измѣнниковъ народа, враговъ государства; заклявшись не касаться имущества друзейъ подѣ страхомъ смерти, — они хотѣли показать свою честность, сравнительно съ недобросовѣстными начальниками, которые присвоили ихъ достойныя награды за службу, пользовались незаконной своей властью, отнимали плоды ихъ трудовъ и работъ. Дѣло этимъ не ограничивалось и замыслы ихъ разрослись шире: они хотѣли освободить изъ-подъ власти боярской рабовъ и холоповъ, зная по опыту ихъ судьбу, потому что многіе изъ стрѣльцовъ сами прежде были крѣпостными. Права, за которыя они стояли, и недостатки общества и государства, которые они преслѣдовали — очень ясны. Слуги, защищавшіе своихъ господъ во время бунта, возбуждали сильную ненависть стрѣльцовъ и погибали отъ ихъ руки вмѣстѣ съ своими повелителями; они уничтожили крѣпостные акты и хотѣли отпустить холоповъ на свободу, „*объявляя уставити правду, и людямъ боярскимъ волю дать*“⁴⁰⁾. Но этотъ порывъ горячности скоро прошелъ при спокойномъ разсужденіи: стрѣльцы увидѣли, какой громадный шагъ они сдѣлали, и исполнить имъ будетъ задуманный пересмотръ не подѣ силу. Они поставили себя въ прямое противорѣчіе, потому что, поддерживая силу государства, которое прикрѣпило крестьянъ, нарушали его права. Извѣстно, какъ многіе воспользовались смутой и принудили бояръ дать имъ отпускныя, какъ холопы показывали мѣста сирѣзлившихся господъ своихъ; они рады были благоприятному обстоятельству и нисколько не противодѣйствовали злобѣ стрѣльцовъ, а старались помогать имъ сначала⁴¹⁾.

Стрѣлецкіе бунты имѣли такое же направленіе и возбуждены были одной причиной, какъ и бунты въ царствованіе Алексѣя Михайловича: тогда тоже провозглашена была свобода боярскимъ людямъ, но отъ слова до дѣла было очень далеко. Крѣпостное право вытекало прямо изъ развитія силы московскаго государства, а чтобы сломить ея учрежденія нужно было побороть и уничтожить эту силу. Стрѣльцы скоро однако одумались: если Разинъ, за котораго стояла половина земства, не могъ осилить этой могучей власти, то стрѣльцамъ и подавно нельзя разсчитывать на коренное измѣненіе системы московскихъ учреждений. И вотъ, когда холопы стали собираться для разсужденій о своихъ интересахъ, и 26 мая подали царю челобитную о свободѣ, стрѣльцы поставлены были въ ложное положеніе: поддерживая царей, они не могли уже *уставити правду*, по своему обѣщанію, для крѣпостныхъ людей. Правительство распорядилось, чтобы стрѣльцы ловили обманниковъ-холоповъ, и они повиновались безпрекословно. Чувствуя за собой вину, стрѣльцы опасались нападенія крѣпостныхъ людей; ненависть ко-

торихъ они сильно къ себѣ возбудили, и дѣйствительно холопы овладѣлись, что они дѣла не довели до конца. И потомъ стрѣльцы оправдывались передъ правительствомъ, что у нихъ нѣтъ общихъ стремленій съ боярскими людьми. „А что нынѣ боярѣ, и окольныхъ, и думныхъ людей и всего государства домовъ боярскіе люди къ нимъ приобщаются въ совѣтъ, чтобы имъ быть изъ домовъ свободнымъ, а у нихъ съ ними съ боярскими людьми, ни съ кѣмъ приобщенія никакого и думы нѣтъ“ (*Медвѣдевъ 35*). Стрѣльцы не думали сопротивляться господствующему порядку дѣлъ и правителямъ государства, и только хотѣли выставить наружу злоупотребленія властью и наказать за нихъ, хотѣли укрѣпить силу царей и доказать имъ свою службу, сдѣлаться ихъ надежной опорой. Послѣ бунта удача возгордила ихъ; они не придавали значенія высшимъ начальникамъ, шли и бражничали сильнѣе прежняго и навели страхъ на всю Москву. При такой сильной распущенности, трудно было сладить со стрѣльцами. Нужно отдать честь Софіи, что она, по своему характеру и дѣльному взгляду, умѣла ловко и крѣпко взять дѣло правленія, когда было „ослабленіе рукъ у всѣхъ людей.“ Царевнѣ приходилось поправлять ошибки Нарышкиныхъ, и она исправила ихъ блистательно и вмѣстѣ съ тѣмъ весьма хитро: сначала, когда разнуздались стрѣльцы по милости Нарышкиныхъ, и приобрѣли силу — волю, нельзя было ихъ сразу забрать въ руки. И вотъ Софія снисходитъ на всѣ ихъ просьбы, старается замазать старыя проточины и успокоить бунтующихъ. Но потомъ ловко извернулась и забрала ихъ въ руки: при помощи Шакловитаго поставила ихъ въ струму и разослала изъ Москвы, по крайней мѣрѣ, третью долю стрѣльцовъ, особенно безпкойныхъ. Для враговъ Софіи достаточно было того, что она, для успокоенія мятежа, на каждого стрѣльца и Бутырскаго солдата пожаловала, по 10 руб. на человѣка, когда увидѣла, что ея ежедневныя убѣжденія и увѣщанія, „мудрыя и благоувѣтливыя словеса,“ остаются тщетными. Хованскаго примѣшать къ бунту, какъ главнаго сторонника Софіи и зажигателя, тоже было легко, потому что онъ потакалъ стрѣльцамъ, и по его милости, они стали разыскивать стараго не доданнаго имъ жалованья многое множество ⁴³). Софіи исполняла всѣ требованія стрѣльцовъ, раздавала награды и угощала ихъ во дворцѣ, надѣясь прекратить дальнѣйшія смуты и загладить грѣхи прежнихъ начальниковъ, какъ женщина, довольная пособіемъ стрѣльцовъ въ избраніи на царство Іоанна. На этомъ создали цѣлую стройную систему коварныхъ дѣйствій царевны, и обвинили ее въ предварительныхъ сношеніяхъ со стрѣльцами, чрезъ которыхъ она достигала преступныхъ цѣлей. (*См. Зап. Тум. VI, 117—119*).

Злоба Натальи Кириловны закипѣла, когда вдругъ правительницей явилась Софія. „А, такъ вотъ кто былъ причиной, что Матѣева, моихъ

братьевъ, родственниковъ, однихъ перерѣзали, другихъ разослали въ ссылку, а отца насильно постригли. Это дѣло Милославскихъ, которые князили бунтъ.“ И вся партія Нарышкиныхъ вполнѣ вѣрила, что мятежъ созрѣлъ по проискамъ Софіи. Объясненіе кровавой расправы самое простое и удобное для современниковъ, заинтересованныхъ въ дѣлѣ. Имъ трудно было удержаться въ границахъ умѣренности, когда послѣ казней власть ускользнула изъ рукъ, а лица ихъ враждебнаго лагеря стали распорядиться государствомъ. Злоба и вражда возбудили слепоту и породили клеветы; Милославскіе, въ глазахъ противниковъ, представились страшными злодѣями — истребителями рода Нарышкиныхъ и похитителями законной власти Петра. Историки повѣрили этимъ мифамъ. Разсуждая о частныхъ дѣйствующихъ лицахъ въ стрѣльцкихъ возмущеніяхъ и постороннихъ побужденіяхъ къ волненію, они забываютъ объ общемъ настроеніи мысли дѣйствующихъ лицъ и о ихъ взаимныхъ интересахъ, которые толкаютъ ихъ къ движенію, и однообразныхъ стремленіяхъ и уровнѣ понятій. Такими лицами нельзя шутить и располагать по произволу, какъ вздумается, въ пользу интересовъ постороннихъ честолюбцевъ. Царевна Софія и всѣ дальновидные политики никакъ не могли предполагать, чтобы разгорѣлся такъ страшно бунтъ отъ стрѣльцовъ, потому что прежде они сами усмиряли волненія. Слишкомъ много нужно легкомыслія, чтобы быть увѣреннымъ достигнуть цѣли черезъ толпу людей, у которыхъ были своеобразныя цѣли и стремленія, свой взглядъ на вещи, а знать все это тонко и основательно, чтобы воспользоваться, едвали могла Софія, не смотря на ту пронизательность, которую ей приписываютъ. Враги Софіи перетолковали въ худую сторону каждое ея слово и дѣйствіе, которыя будто бы двигали стрѣльцами; но откуда въ нихъ вдругъ явились такая широкая надежда и своекорыстный расчетъ на царевну, которая имъ была вовсе неизвѣстна и ничѣмъ себя ранѣе не заявила въ жизни теремной. Тупы же были стрѣльцы, если въ своихъ кровавыхъ расправахъ слушались каждаго женскаго слова, всякихъ внушеній со стороны другихъ лицъ, а вѣдь ихъ было въ Москвѣ болѣе 14,000 человекъ⁸¹⁾. Стрѣльцовъ обыкновенно представляютъ необузданными когортами, янычарами, преторіанцами и пьяными дикарями; но въ 1-мъ бунтѣ мы не видимъ ничего подобнаго. Сначала они вынуждены были къ недовольству и волненіямъ притѣсненіями своихъ полковниковъ и злоупотребленіями начальныхъ людей, громадными претензіями Нарышкиныхъ, забравшихъ власть при 10-ти лѣтнемъ царѣ. Враждебныя партіи ничего не обѣщали добраго, и вотъ стрѣльцы хотѣли уставить нарядъ въ государство, и достигли его, хотя не щадили враговъ своихъ. Можетъ быть, зачатки семибоярщины и бирюковщины не могли возрасти и заглохли съ этимъ

мятежомъ. Но какъ бы то ни было, а бунтъ состоялся вовсе не по интригамъ и искательству Софіи. Во время волненій, стрѣльцы познакомились съ энергіей, умными рѣчами и дѣльными распоряженіями царевны и желали, чтобы она была правительницей, а не Наталья Кирилловна изъ ненавистной фамиліи Нарышкиныхъ. Софія не думала заранѣе обезпечить себя, хотя и могла, царскимъ вѣнцомъ; это для проникательной и умной женщины непростительно и опрометчиво, если она такъ жадно добивалась власти. Но она ранѣе не думала и не заботилась объ этомъ, потому что не имѣла опредѣленныхъ замысловъ и рада была, что возвели на тронъ Іоанна. Поощренные царевной, стрѣльцы не струсили бы во время мятежа Хованскаго и едва ли позволили бы казнить и сослать многихъ изъ своихъ товарищей за бунтъ. Разобиженные строгими мѣрами, они сразу бы вывели коварные замыслы на свѣжую воду — и не миновать бы ей участи Кирила Полуехтовича, значительно ранѣе той поры, когда партія Петра приготовила ей конецъ жизни въ стѣнахъ монастырскихъ. Трудно было бы правительству Софіи справиться со стрѣльцами, если бы они дѣйствительно начали мятежъ по ея вліянію и наученію ея клеветовъ. Невозможно бы ей тогда говорить о стрѣльцахъ въ сентябрѣ, какъ о ворахъ и измѣнникахъ, и грозить имъ силами Россіи.

Единственной уликой, падающей на царевну, остается подсылка ею въ слободы стрѣлецкія своей постельницы, козачки Θεодоры Родимицы. Говорять, эта вѣрная женщина раздавала стрѣльцамъ деньги и общала льготы отъ имени Софіи, уговаривала возвести на престолъ Іоанна, въ чемъ скоро и успѣла. Но здѣсь является сильное противорѣчіе: стрѣльцы дѣйствовали именами обоихъ царей во все время бунта, слѣдовательно Іоанна считали уже царемъ значительно ранѣе подсылки и помимо всякихъ тайныхъ подговоровъ: о словахъ Родимицы стрѣльцы докладывали царевнамъ 25 мая, когда уже формально нареченъ былъ на царство Іоаннъ (23 мая). Подсылала ли дѣйствительно Θεодору царевна, или она сама высказывала стрѣльцамъ, что царевичъ Іоаннъ болѣзнуетъ о царствѣ — это еще одинъ изъ тѣхъ вопросовъ, на которые не найдемъ положительнаго отвѣта, если заподозримъ въ преувеличеніи свидѣтельства гр. Матвѣева *). Допустимъ, что и въ самомъ дѣлѣ, по вліянію царевны ходила постельница къ стрѣльцамъ, но это еще далеко не доказываетъ, будто мятежниками руководили Софія и Милославскій. Другое дѣло воспользоваться случаемъ для достиженія цѣли, а совсѣмъ иное — дѣйствовать злодѣйскимъ способомъ, устранять отъ трона ненавистныхъ лицъ, подъ личиной доброжелательства, приводить въ бѣшенство толпу и хладнокровно руководить ее отъ убійства къ убійству. Нѣтъ сомнѣнія, что Софія желала возведенія на престолъ Іоанна и была весьма довольна, когда это

совершилось; но двигать по произволу стрѣльцами была не въ состояніи. Самымъ неопровержимымъ доказательствомъ, что стрѣльцы дѣйствовали не по внушенію Софін, служитъ то, что они въ самую критическую минуту ее бросили, а впоследствии опять вспомнили объ ней, когда царь не оправдалъ ихъ ожиданій, и иноземцы болѣе и болѣе брали перевѣсъ надъ русскими.

Своимъ бунтомъ стрѣльцы сразу поставили себя въ исключительное положеніе, впали въ противорѣчіе почувались между земствомъ и государствомъ, между крѣпостными людьми и боярами. Они нигдѣ не могли найти себѣ опоры, потому что государство считало ихъ дѣйствія воровскими; отъ боярскихъ людей они сами отказались и вооружили противъ себя дворянство, которое всегда было слугою правительства. При хладнокровномъ обсужденіи прошлаго, они поняли свое щекотливое положеніе — и боязнь овладѣла ими: они ожидали мести со стороны бояръ и служилыхъ людей. Къ тому же носились зловѣщія слухи, будто бояре уже собираются и совѣтуются между собою рубить стрѣльцовъ; чтобы предупредить ихъ нападеніе, они идутъ къ царямъ и просятъ выдачи всѣхъ бояръ, потому что они хотятъ перевести всѣхъ стрѣльцовъ и замучить ихъ разными смертями. Слухи оказались ложными и пущены были по Москвѣ лицами изъ разныхъ расчетовъ ⁸⁶⁾. Подговоры на смуту показываютъ, до какой степени нужно быть осторожнымъ и не легко вѣрить показаніямъ частныхъ лицъ во время смятенія. Но Московскіе бояре еще не страшны казаться стрѣльцамъ и съ ними можно поправиться, грозна какъ туча земская сила Россіи, которая можетъ двинуться въ Москву, признавъ дѣйствія стрѣльцовъ воровскими и мятежными. Совершенно справедливо говорить по этому поводу С. М. Соловьевъ: „Стрѣльцы надѣлали неистовствъ, напавши въ распахъ во дворецъ, воспользовавшись робостію придворныхъ служилыхъ людей, овладѣли Москвою, благодаря тому, что были вооруженные среди невооруженныхъ; но Москва не Россія, не вся земля, и что, если вся земля объявитъ себя противъ стрѣльцовъ, что, если многочисленные полки служилыхъ людей — помѣщиковъ соберутся подъ Москву очищать ее отъ стрѣльцовъ, какъ нѣкогда очистили отъ поляковъ? Мирное народонаселеніе Москвы трусило стрѣльцовъ, а стрѣльцы сами страшно трусили, трусили Россіи и обратились къ сочиненному ими и потому благосклонному къ нимъ правительству, съ просьбою защитить ихъ отъ Россіи, оправдать ихъ въ ея глазахъ, объявить, что они 15, 16 и 17 мая сдѣлали хорошее дѣло.“ (*Ист. Россіи XIII, стр. 354 — 355*). Слѣдовательно, нужно навязать правительству свой взглядъ на недавнее событіе, разъяснить причины, побужденія и цѣли мятежа, какъ они стремились возстановить порядокъ, ограничить власть

бояръ и унять начальниковъ отъ грабежа и злыхъ дѣлъ. И вотъ стрѣльцы обращаются къ царямъ съ челобитьемъ, чтобы они оправдали ихъ передъ взоромъ всей Россіи, дали жалованную грамоту и поставили памятникъ въ доказательство ихъ праваго дѣла и заслуги. Въ Китаѣ городѣ на Красной площади просятъ они — поставить столбъ и подписать вины убитыхъ, „чтобы никто никакими поносными словами, и бунтовщиками и измѣнниками насъ не называлибъ, а кто назоветъ, про то розыскавъ вправду, и указъ учинить безъ всякія пощадн, и безъ именнаго указу и безъ подлиннаго розыска насъ холопей и всякихъ чиновъ людей, никого бы въ ссылки напрасно не ссылали и безвинно кнудомъ и батоги не били и не казнили, потому что мы служимъ искони вѣка в. государемъ со всякою вѣрностію и безъ всякой измѣны . . . И грабительства нашего и никакого злаго умышленія на вашъ государской домъ, и на снѣгилить, и на всѣ чины московскаго государства, — думы нѣтъ и не бывало; (а что кто нинѣ всякаго не служилаго чину грабительство чинилъ, и такимъ было потому же наказанье); а и впредь общаемся служить и радѣть в. государемъ со всякою вѣрностію.“ (*А. Эксп. IV, № 255 стр. 360*). Правительство Софіи, вынужденное обстоятельствами, позволило стрѣльцамъ поставить столбъ и на немъ написать на желѣзныхъ листахъ, кто изъ бояръ за какое преступленіе убитъ былъ; дало имъ печатную грамоту, чтобы ихъ никто не смѣлъ называть ворами и бунтовщиками. Такимъ образомъ, мятежъ представленъ былъ по формѣ дѣломъ добрымъ, вѣрной службой царямъ. Все это въ глазахъ приверженцевъ Нарышкиныхъ еще сильнѣе увидило Софію; они называли столбъ сооруженнымъ „по вавилонскому примѣру,“ а вины убитыхъ — „фальшивыми лжесвидѣтельствами“ и горько сѣтовали, что шена ихъ близкихъ выставлены на всенародное поруганіе (*Матвеев 34—35*). Совершивъ эту официальную очистку совѣсти, „стрѣльцы всюду къ государямъ приступали смѣло и дерзостно, будто великіе люди съ палатными совѣтниками мѣшались, и ставили всѣхъ чиновъ ни во что.“ (*Медведев 41*). Правительство, повидимому, стояло на сторонѣ стрѣльцовъ, рѣшилось идти совершенно по пути представителей земства, и можно было ожидать поворота въ направленіи администраціи самостоятельнаго, независимаго отъ предачій московскаго государства. Но это колебаніе было виѣшнее, вынужденное обстоятельствами. Дѣло въ томъ, что стрѣльцы, взявъ на себя дѣло народа безъ его позволенія и спроса, заявивъ силу, когда онъ уже отличался покорностью виѣшней власти, очутились сами безпомощными. Земство не зашевелилось на ихъ призывъ и полумѣры ихъ не привели ни къ чему, а только доставили личныя выгоды стрѣльцамъ. Вступивъ разъ въ заколдованный кругъ и держась принятаго исключительнаго направленія, стрѣльцы не пристали

никуда и неминуемо привели себя на край гибели. Напрасно нѣкоторые писатели хотятъ обвинить Софію къ распущенности стрѣльцовъ, въ опрометчивомъ позволеніи воздвигнуть имъ столпъ, въ пожалованіи грамоты за бунтъ, какъ за заслугу. Всѣ эти мѣры будто содѣйствовали развитію дерзости, которая обнаружилась въ 1697 г.; безъ этого „впослѣдствіи не было бы надобности лишать жизни 6000 стрѣльцовъ и употреблять противъ нихъ невѣроятныя жестокости.“ (*Ист. Царст. Феодора, Берси 31—32*). Въ льготахъ, данныхъ стрѣльцамъ во время разгара ихъ грозныхъ требованій, когда „не многіе дни были безъ стрѣльбы, а во всѣхъ слободахъ стрѣляли изъ ружья,“—строго осуждать распоряженія Софіи весьма трудно и едва ли энергическія мѣры могли привести къ желанной цѣли. Стрѣльцы были вооруженной силой и обнаружили слишкомъ много буйной дерзости, чтобы власть могла скоро сладить съ ними; а съ другой стороны, у самаго правительства не было надежной поддержки въ отдѣльныхъ классахъ общества—ни въ дворянствѣ, ни въ московскихъ многочисленныхъ холопахъ, ни въ раскольникахъ. Напротивъ, оно само нуждалось пока въ силѣ стрѣльцовъ для усмиренія движенія послѣднихъ. Когда же оно ушло изъ Москвы и почувствовало подъ собой крѣпкую опору въ земскихъ и служилыхъ силахъ, тогда заговорило другимъ языкомъ съ стрѣльцами и доказало, что давнишнія преданія Москвы оно и не думало измѣнять; если дѣлало уступки мятежнымъ стрѣльцамъ, то единственно съ цѣлью ихъ усмиренія и восстановленія порядка. Оказалось совершенно неожиданное явленіе: Софія, награждая льготами и лаская стрѣльцовъ, когда было нужно въ іюнь, уже успѣла уничтожить ихъ привлегіи въ сентябрѣ; она прямо назвала измѣной государству, воровствомъ и мятежемъ то, что стрѣльцы, по своему возрѣнію, считали торжественно заслугой и прекраснымъ дѣломъ. Что же касается до уничтоженія войска стрѣлецкаго, то оно должно было произойти неминуемо, какъ остатокъ энергической силы земства,—и правленіе Софіи до нѣкоторой степени содѣйствовало этому, вовсе не своими поощреніями или удовлетвореніемъ желаній стрѣльцовъ, а мѣрами тонкой политики и подчасъ сильными средствами ⁸¹). Но послѣдній роковой ударъ, который жестоко стеръ съ лица земли стрѣлецкое войско, нанесло окончательное развитіе власти московскаго государства при Петрѣ В., для котораго не нужна была ни одна отрасль земской силы.

II.

Усмиреніе соловецкаго возстанія силою оружія и казни упорныхъ и главныхъ защитниковъ почитаемою обители, доставили временное торжество высшему правительству и духовенству; а вопросъ о расколѣ далеко не былъ рѣшенъ. Мало этого: послѣ проигрыша дѣла ревнителами старины на Бѣломъ морѣ явились цѣлыя тысячи новыхъ ихъ послѣдователей на сѣверѣ и во внутреннихъ областяхъ Россіи. Взятіе войсками Соловецкаго монастыря произвело разрывъ съ государствомъ старовѣровъ; духовную и свѣтскую власти они стали считать противузаконными, на томъ основаніи, что пользуются въ свободѣ совѣсти католическими преданіями: вмѣсто меча духовнаго, берутся за оружіе желѣзное; дѣло религіи отдають во власть государственную, или сами прибѣгаютъ къ матеріальнымъ средствамъ для убѣжденія и къ казнямъ градскимъ. Ратуя противъ строгихъ преслѣдованій своихъ собратій за свободу совѣсти, раскольники стали вооружаться противъ властей духовныхъ и свѣтскихъ и дошли до открытыхъ возмущеній. Какъ стрѣлцкіе смуты служили продолженіемъ бунта Разина, хотя одностороннимъ и частнымъ, такъ и мятежъ раскольниковъ дополняетъ и продолжаетъ собою соловецкое возмущеніе. Связь между ними самая тѣсная: въ бунтѣ Разина участниками были раскольники, а бунтъ соловецкій подогрѣвали бѣжавшіе изъ шайки знаменитаго мятежника; точно также въ движеніи раскольниковъ принимали большое участіе стрѣльцы. Причины, возбудившія всѣ эти смуты, одинаковы ⁸⁶⁾. Въ тѣхъ и другихъ сказались одни идеи, отличіе заключается въ разныхъ сферахъ, къ которымъ принадлежатъ эти идеи: стрѣльцы дѣйствовали въ области свѣтской администраціи, а раскольники касались порядковъ церковныхъ.

Московская государственная власть, въ своемъ постепенномъ развитіи, сначала касалась высшихъ сферъ—правителей областныхъ и князей, высшаго духовенства и монастырей. Потомъ мало по малу стала вѣдаться во всѣ отрасли жизни и всасывалась въ низшіе слои народа: по данному толчку, по силѣ господствующаго начала, каждый властитель, духовный и свѣтскій, становился служителемъ централизиціи, дѣйствовалъ въ ея духѣ и самъ представлялъ изъ себя въ миниатюрѣ силу, подобную по характеру московскому царю, и распространялъ ее на своихъ ближайшихъ подчиненныхъ низшаго разряда. Такимъ образомъ, въ XVII в. централизиціа коснулась и низшихъ слоевъ народа, низшаго духовенства: помѣщикъ и староста поповскій, подъячій и чиновный бояринъ были уже властями съ голосомъ, а подчиненные должны были повиноваться молча. Всѣ старинныя права земства, права выборнаго духовенства уничтожа-

лись представителями высшей власти. Борьба была неминуема и борьба на жизнь и смерть; но сила оставалась на сторонѣ власти, слѣдовательно результатомъ борьбы должно быть окончательное закрѣпощеніе и лишеніе правъ низшихъ классовъ народа.

Духовная власть строилась на образецъ свѣтскій, особенно со времени патріарха Филарета Никитича; Никонъ, имѣя такого предшественника, который былъ отцемъ царя и имѣлъ придворный штатъ и царскіе почести, думалъ дѣйствовать въ томъ же духѣ. Повертывая все круто, но свойству своего характера, онъ и въ сферѣ религіозной вздумалъ дѣйствовать деспотически, силою своего авторитета; священниковъ позволялъ себѣ наказывать плетью, хотѣлъ имѣть главный голосъ и въ дѣлахъ государственныхъ,—и вообще напоминать дѣйствіями своими характеръ папской власти. На религіозное образованіе народа въ то время не обращали вниманія и презирали всѣ его искреннія желанія—разъяснять недоразумѣнія въ духовной жизни. Послѣ казни соловецкихъ мятежниковъ, раскольники сильно ожесточились на высшее духовенство и власть свѣтскую; нѣкоторыя секты отвергли молитву за царя. Взятіе обители они объясняли по своему: когда царь Алексѣй Мих. разболѣлся, думались ему чудотворцы соловецкіе и просили *ослабить* обитель; онъ сказалъ объ этомъ патріарху.

Патріархъ же всероссійскій Іоакимъ
Крѣпчайшій явился ко прошеніямъ симъ.
Не толико пекійся о царствѣмъ здравіи,
Елико о соловецкія киновиі взятіи,
Не тако о немощи монарха боляше,
Яко киновъ разорей хотяше.
Увѣща онаго милости небреща,
Желая чудотворцевъ поти испровреща.

Когда увеличались скорби и недуги царя, онъ опять послалъ къ патріарху, умолялъ о прощеніи обители соловецкой и заявилъ жить по отеческимъ законамъ.

Патріархъ ожесточился паче камене,
Не смотряше царевы болѣзни пламене.
Увѣри царя милость къ отцемъ отложить,
Хотя мѣсто святое кровію облити.
Царь елико патріарху покоряшеся:
Толико лютейше болѣзнь умножашеся.
И толико болѣзни зѣльное терпяше;
Едва, едва и отдыхати можаше.

Видя тогда государь своего пастыря,
 Недавающа цѣлительнаго пластыря,
 Но здравію его содѣвающа спону;
 Отъ нея же утлачается путь къ смертному гробу.

(*Раск. дѣла. Есип. II, 34*).

Признавая тирамиами архіереевъ, раскольники жаловались царямъ, что новые учителя вѣры слишкомъ низко смотрятъ на народъ и не удостоиваютъ его простыхъ задушевныхъ разговоровъ, а относятся ко всему свысока: „А нынѣшніе, наконецъ послѣдняго вѣка, новыя вѣры проповѣдницы зѣло горды и не милосердны и отнюдь нетерпѣливы; аще и едино слово явится имъ о вѣрѣ неудобно, и за то мучать и смерти предати хотять.“ (*Ист. Петра В. Устрялова, I, стр. 285—6*).

Въ царствованіе Алексѣя Мих., Россія сдѣлалась притономъ иностранцевъ, которыхъ стали предпочитать русскимъ; при царѣ Θεодорѣ и въ правленіе Софіи, эти приливы усилились и льготы имъ увеличивались. Раскольники особенно не терпѣли иноземцевъ и смотрѣли на нихъ подозрительно: они ненавидѣли тѣхъ учителей, которые прибывали изъ юго-западной Россіи, наипаче идеями польской учености; они не любили также и греческаго духовенства, которому совѣтывали пріѣзжать въ Россію не за соболями сибирскими, а за тѣмъ, чтобы поучиться истинной вѣрѣ. Старовѣры не сомнѣвались, что „ни въ коемъ государствѣ уже православныя вѣры не обрѣтаются.“ Въ своей челобитной они прямо указываютъ на недостатокъ русскаго духовенства, на слѣды вліянія западной церкви: „новой вѣры учителя, бывший патріархъ Никоиъ, да Іоакимъ патріархъ со всѣмъ своимъ соборомъ насъ, православныхъ христіанъ, не пріемлющихъ ихъ латинско-римскаго поваго и самосмышленнаго преданія и не знаменующихся въ три перста, по ихъ суемудренному мудрованію, проклятію предають.“ Архіереи благословляютъ народъ обѣими руками по римски, троеніе *аллилуія* есть ересь латинская; истинный крестъ оставили и возлюбили крѣзь латинской. „Да въ московскомъ государствѣ новыя учителя греческими книгами православную нашу христіанскую вѣру истребили до толика, яко и слѣдъ православія не обрѣтается и учатъ насъ новой вѣрѣ, яко Мѣрдву и Черемису, аки отнюдь не вѣдающихъ Бога, истинныя православныя вѣры.“ (*Ист. Петра В. Устрялова, I, примѣч. 60*). Если мы припомнимъ борьбу южно-русскихъ ученыхъ съ великорусскими за понятія и обычаи католицизма, то не станемъ обвинять раскольниковъ въ ихъ невѣжествѣ. Когда являлся наплывъ людей съ езуитскими цѣлями и идеями, тогда и русскіе увлекались ими какъ модными; С. Медвѣдевъ ясно держалъ сторону католическихъ обычаевъ и защищать ихъ въ своей книгѣ: „Манна хлѣба животнаго.“ Бездушная схоластика южно-русскихъ

ученыхъ только способна была убивать религіозное чувство, хотя имѣла значеніе въ образованіи высшихъ классовъ народа.

Боярамъ, которыхъ такъ много выѣхало изъ Литвы и Польши, нравились польскіе обычаи и порядки, вводимые при Алексѣѣ Мих. и Теодорѣ Ал. Но на эту легкомысленную мѣну обычаевъ и правовъ съ грустью смотрѣли коренные русскіе изъ низшихъ классовъ народа: они помнили смуту самозванцевъ, и польскую поддержку ихъ, и интриги дворянъ противъ земскихъ людей, помнили долговременныя притязанія поляковъ и бояръ при царяхъ Михаилѣ и Алексѣѣ и потому не могли быть равнодушны къ иноземному вліянію и особенно къ польскому. Политическое чутье народа нельзя назвать невѣжествомъ, когда дѣйствительно односторонніе интересы бояръ доставили Россіи много вреда и повели ея администрацію и политику по ложной дорогѣ, убивъ дѣятельность и преданія народныя. Стряпчій изъ дворцовыхъ волостей Юрьевца Повольскаго, Терентій Васильевъ Копытовъ, сосланъ былъ изъ Москвы въ Нерчинскъ при Теодорѣ Ал. по царственному дѣлу, „но приказу бояръ, безъ царскаго указа.“ Но въпротиву Копытовъ, зараженный въ Юрьевцѣ расколомъ отъ Аввакума, за него и былъ сосланъ. Тотъ же Копытовъ говорилъ, что „на Москвѣ вся воля боярская, что бояре хотятъ, то и дѣлаютъ.“ (*Руск. дѣла Есипова, I, 590—591*). Это замѣчательное народное мнѣніе о боярскомъ произволѣ служило причиной многихъ бунтовъ въ Россіи.

Всѣ эти побужденія заставляли стрѣльцовъ и раскольниковъ питать надежду, не переѣбится ли направленіе жизни русскаго народа съ переѣбной царей, не будетъ ли лучше миллионамъ труженниковъ, не произойдетъ ли поворотъ въ воззрѣніяхъ и обычаяхъ религіозныхъ и бытовыхъ. Временная удача стрѣльцовъ, послѣ энергическаго и кроваваго преслѣдованія злоупотребленій боярскихъ, утверждала и раскольниковъ въ ихъ расчетахъ на поворотъ отъ новизны къ началамъ старинной жизни, отъ исключительнаго преобладанія немногихъ высшихъ лицъ къ развитію воззрѣній народа.

Держась крѣпко начала духовнаго въ дѣлахъ вѣры, вынуждаемые на открытую борьбу строгостями, раскольники поступили весьма послѣдовательно: они не пошли отстаивать свободу совѣсти съ оружіемъ въ рукахъ, а рѣшились добиться ея путемъ борьбы рациональной посредствомъ челобитной и торжественнаго спора на соборѣ съ господствующимъ духовенствомъ. Это задушевное желаніе проявилось въ нихъ тотчасъ послѣ майской смуты; уже черезъ три дня въ Титовомъ полку стали думать думу, какъ бы устроить торжественный вызовъ духовнымъ властямъ, „взыскать старую вѣру, въ которой русскіе чудотворцы, великіе князи и благовѣрные цари Богу угодили, и потребовать отъ патріарха и властей

отвѣта, для чего они, власти, священныя книги, печати до Никона, при первыхъ благочестивыхъ патріархахъ, возненавидѣли вѣру старую, истинную, отвергли и возлюбили новую латино-римскую?“ (*Ист. Петра В. Устрялова, I, стр. 54*). Они бродили по улицамъ и по площадямъ Москвы, проповѣдывали, „будто вся церковь осквернена;“ собирались толпами на Красной площади *невозбранно*, совѣтывались, какъ бы имъ утвердить старую вѣру, никто не осмѣливался возражать или противорѣчить изъ страха. Очевидецъ тогдашнихъ событій восклицаетъ: „Кто же убо ону нужду страхъ и трепетъ во оно время бышу въ Москвѣ повѣствовать подобну возможесть? или кій языкъ возлаголетъ, яко вси, велице и малне, богатые и убогіе, отъ таковаго страха, что имать быти, не доумѣхуса? И возбраняющій имъ въ таковомъ зломъ и богомерзкомъ начинаніи никто же страха ради тогда обрѣташеса.“ (*Медвѣдевъ 18—19*). Еще 23 іюня раскольники били челомъ патріарху, — зачѣмъ онъ ревнителей отеческихъ догматовъ проклинаетъ, и въ ссмылку ссылаетъ, „зачѣмъ Соловецкій монастырь велѣлъ вырубить и монаховъ перемучить,“ — и при томъ хвастливо прибавлял: „а мы всякія затѣи и ереси въ ихъ новыхъ книгахъ въ конецъ обличимъ.“

Особенно заботило раскольниковъ ожидаемое коронованіе царей; Никита Пустосвятъ спрашивалъ кн. Ив. А. Хованскаго: „Какъ будутъ вѣнчать царей—въ истинной ли православной вѣрѣ, или въ ихъ латино-римской?“ Хованскій увѣрялъ, что будутъ вѣнчаться по старому. „Хорошо бы, чтобы патріархъ и литургію служилъ по старому на семи просвирахъ, и крестъ бы на просвирахъ былъ истинный, а не крыжъ.“ Чтобы отдѣлаться, Хованскій отвѣчалъ: „вы велите напечь просвиры съ старымъ крестомъ: я самъ отнесу ихъ патріарху и велю служить по старому, а ты,

574
 Никита, ступай домой.“ Желаніе освятить царей въ раскольникахъ ма сильно имѣло большое значеніе; тогда на ихъ сторонѣ стояли единовѣрные, ихъ несокрушимая опора, и они рассчитывали не вводить проповѣдниковъ старины отъ огня, меча и оземствования утвердить вѣру престонародную во всей русской землѣ. Но ожи-
 лъ не оправдались: Никита заказалъ испечь просфоры съ старин-
 тью, а не съ изображеніемъ крыжа латинскаго, нѣкоей искусной
 , чтобы совершалъ на нихъ литургію патріархъ въ день корона-
 юня понесъ онъ ихъ въ Успенскій соборъ и съ досадой долженъ
 обратиться, потому что не могъ пробраться къ церкви сквозь тѣс-
 ны народа. „Простите, отци святіи, никони мѣрами народъ не
 гъ до соборной церкви, и я просвиры назадъ принесъ!“ — оправды-
 вь грустью Никита, и роздалъ просвиры вѣрнымъ благословеніямъ
 в отчаянію раскольниковъ, вѣнчаніе царей совершилось по ново-
 исправленному требнику и не предвѣщало имъ ничего добраго °°).

Стрѣльцы обѣщали ревнителямъ древняго благочестія свою поддержку и увѣрили, что рады стоять за православную вѣру и смотрѣть правду и добавляли: „а по старому не дадимъ жечь и мучить.“ Взявъ на себя великую задачу утвержденія старой вѣры и написавъ челобитную отъ имени *всѣхъ православныхъ христіанъ*, раскольники могли бы, при спокойномъ обещаніи дѣла, напередъ догадаться, что ихъ затѣя—партія, а не народа и всего земства, и потому должна кончиться не удачно. Самые стрѣльцы, на которыхъ они уповали, какъ на силу, способную уставить нарядъ въ государствѣ, а слѣдовательно имѣть вліяніе на судьбы вѣры въ Россіи,—отказались приложить свои руки къ челобитной, опасаясь неудачнаго исхода задуманной борьбы. Большая часть стрѣльцовъ отнеслась къ этому предпріятію или равнодушно или несочувственно; между ними завязались споры, поднялись несогласія и волненія по вопросу о старой вѣрѣ. Очевидно, что отношеніе стрѣльцовъ къ раскольникамъ походило на ихъ попытку—освободить боярскихъ людей: отъ поддержки стремленій холоповъ они отказались охотрѣзъ; тоже безучастіе должны были встрѣтить при неудачѣ и ревнители отеческихъ преданій. Забравъ сгоряча себѣ въ руки силу, стрѣльцы скоро разочаровались въ своемъ успѣхѣ; они ясно увидѣли, что сами не имѣютъ твердой опоры, не въ состояніи быть ни законодателями, ни правителями безъ власти государственной и церковной и силы земской. Но религіозное увлеченіе слишкомъ было сильно въ старовѣрахъ, ослѣпило ихъ очи, такъ что они ни на минуту не сомнѣвались въ близкомъ и полномъ своемъ успѣхѣ.

Весь ходъ дѣла доказываетъ, какъ естественно сложился мятель раскольниковъ 5 іюля и какъ, слѣдовательно, негѣпы слухи, пущенные въ ходъ разными писателями, будто царица Софія возмущила приверженцевъ старины изъ своихъ честолюбивыхъ замысловъ и цѣлей. Протоіерей Іоанновъ-Журавлевъ, обратившійся изъ раскольниковъ, передать молву, будто царица переписывалась съ раскольниками, покровительствуя имъ: между ними есть преданіе, что въ Выгорѣцкихъ скитахъ хранятся письма царицы. (*Историч. изв. о раскол. Сиб. 1799, стр. 115*). Это заявленіе служило большимъ соблазномъ для историковъ правленія Софіи, и они не сомнѣвались въ ея сношеніяхъ съ Денисовыми или князьями Мышецкими. Щербальскій даже мечталъ, что письма царицы сдѣлаются извѣстными и воскликнуть въ порывѣ увлеченія: „Какимъ важнымъ приобрѣтеніемъ для исторіи было бы открытіе этихъ писемъ!“ . . . Но всматриваясь пристальнѣе въ ходъ событій, мы замѣчаемъ послѣдовательность въ дѣйствіяхъ царицы относительно раскольниковъ: она приказала казнить главныхъ зачинщиковъ мятежа, позволила издать суровые законы на счетъ старовѣровъ и приказывала преслѣдовать ихъ военными командами.

Все это отбивает всякую охоту верить въ тайныя сношенія правительницы съ сектантами, силу которыхъ она едва ли могла знать ранѣе мятежа Никиты Пустосвята. Слѣдовательно, она не могла рассчитывать на ихъ опору, да и расчетъ былъ бы совершенно безцѣльный, когда она не нуждалась въ опорѣ и забрала уже силу въ свои руки. Мало этого: раскольники ненавидѣли царевну за страшныя преслѣдованія ихъ единомышленниковъ и говорили про нее неистовыя слова, присовокупляя: „Роды ихъ царскіе пошли неистовые.“ Воспитанница нижегородскихъ скитовъ, старица Варсонофія показывала на слѣдствіи: „Про царевну Софью Ал. говорила потому, что о томъ слышала въ разговорахъ отъ учителя своего, отъ раскольника, отъ старца выборнаго Никона Софонтьева скиту,“ который обратился въ православную вѣру и въ 1722 г. архіепископомъ Питиримомъ опредѣленъ въ монастырь; но потомъ старица созналась, что Никона напрасно покланяла, а про Софью слышала отъ нищей (*Раскол. дѣла XVIII ст., II, 40. 46. 50*). Изъ этого ясно видно, что движеніе раскольниковъ, какъ и стрѣлецкій 1-й бунтъ, развились помимо всякихъ политическихъ расчетовъ царевны.

Нѣтъ нужды излагать подробно весь ходъ соборнаго состязанія, такъ какъ обстоятельство это общеизвѣстное; для моей цѣли достаточно обратить вниманіе только на нѣкоторыя характерическія черты ⁹⁰). Въ среду 5-го іюля рано утромъ двинулись толпы раскольниковъ въ Кремль и расположились у Архангельскаго собора, поставивъ налон и образа съ зажженными свѣчами. „И сѣде Никита съ товарищами на подмостахъ выше людей, весь народъ проклятому своему упорству и отъ церкви отлученію учиша... И каковъ тогда бѣ пренетъ и ужасъ, кійждо можетъ отъ дѣла уразумѣти“ (*Медведевъ 20*). Патріархъ съ духовенствомъ, не надѣясь болѣе остаться въ живыхъ, служили молебенъ и слезно плакали; посланныхъ увѣщателей православныхъ старообрядцы не слушали и не давали имъ прохода. Раскольники добивались, чтобы соборное преніе непременно происходило на площади передъ народомъ, который, по своему сомнѣнію и душевному мятежу желаетъ узнать, какая вѣра лучше — старая или новая. Но царевна настояла, чтобы преніе о вѣрѣ происходило въ Грановитой палатѣ и въ присутствіи царской фамилии; она съ увлеченіемъ говорила: „если отъ народа властимъ и не быти живымъ, то буди воля Божія! Обаче не оставлю святаго церкви и тоя пастыря, пойду тамо.“ Увидѣвъ такую рѣшимость Софіи, пошли вмѣстѣ съ ней царица Наталья Кириловна и царевны Татьяна Михайловна и Марья Алексѣевна. Какъ ни увѣряли раскольники, что преніе о вѣрѣ дѣло не женское и должно происходить въ присутствіи царей, какъ ни отговаривали Софію напуганные

бояре — не ходитъ на соборъ, чтобы не повторилась исторія стрѣлцкой смуты; — но она осталась непоколебимой и велѣла пустить раскольниковъ въ Грановитую палату, когда уже всѣ представители православія заняли свои мѣста. Съ шумомъ погѣзли раскольники въ палату съ своими принадлежностями, въ нетерпѣнн — сразу покочить съ ненавистными *новшествами*.

Спокойнаго разсужденія о вѣрѣ на соборѣ не могло быть, и результатъ спора было трудно ожидать, когда съ одной стороны самоувѣренность раскольниковъ въ правотѣ дѣла доходила до крайности и ненависть къ православію до дерзости; а съ другой у православныхъ представителей церкви „страхъ смертный здравый разумъ поколебалъ.“ На вопросъ патріарха: за чѣмъ пришли раскольники? Никита отвѣчалъ: „Мы пришли къ царямъ государямъ побить челою о исправленіи православной вѣры, чтобы дали намъ свое праведное разсмотрѣніе съ вами, новыми законодавцами, и чтобы церкви божіи были въ мирѣ и соединеніи“⁹¹). Патріархъ замѣтилъ, что книги исправлены съ греческими и харатейными русскими списками по грамматикѣ; а вы грамматическаго разума не коснулись. — „Мы пришли не о граматикѣ съ тобою говорить, а о церковныхъ догматахъ,“ отвѣчалъ представитель раскольниковъ Никита, и когда холмогорскій архіепископъ Аѳанасій сталъ возражать вмѣсто патріарха, онъ бросился на него съ поднятою рукою и закричалъ: „Что ты, нога, выше головы ставишься? Я не съ тобою говорю, а съ патріархомъ!“ Выборные стрѣльцы установили порядокъ, отстранивъ Никиту отъ Аѳанасія; Софія вскочила съ своего мѣста и сказала, что Никита бьетъ архіерея на нашихъ глазахъ, и если бы насъ не было, тогда и подавно убилъ бы его. Но раскольники оправдывались: „Нѣтъ, государиня, онъ не билъ, только рукою отвелъ.“ Затѣмъ произошелъ споръ между Никитой и царевной, которая уверяла его въ прѣмнемъ обращеніи изъ раскола въ православіе. „Не запираюсь, сказалъ онъ, поднесъ я повинную за мечемъ да за срубомъ; а на мою челобитную, поданную на соборѣ, никто изъ архіереевъ не далъ отвѣта; въ Желѣ Правленія и пятой доли нѣтъ отвѣтовъ противъ моихъ возраженій. „Когда стали читать челобитную, въ которой выражалась мысль, что душу царя Алексѣя поколебали чернецъ Арсеній грекъ и патріархъ Никонъ, тогда Софія со слезами на глазахъ стала говорить о хулахъ старовѣровъ на счетъ неправославія ея отца и брата; она вскочила съ своего мѣста, жаловалась, что такъ дерзко называютъ ея родныхъ еретиками, и грозила, что все царское семейство удалится изъ Москвы. Обращаясь преимущественно къ выборнымъ стрѣльцамъ, царевна продолжала: „Видите, како они придоша злобно, и како пришедъ, крикъ и вопль сотворяютъ въ нашей полатѣ передъ нами, како ни въ чемъ насъ не слушаютъ! Егда и вы, вѣрные слуги и оборонители св. православной

вѣры, съ ними раскольниками во единомыслии на злобу пребываете; вы, присно во дворѣ нашемъ стоящіе вѣрные, почто такимъ невѣжамъ попускаете? Аще ли тако намъ въ порабощеніи быти, то въ тому уже благочестивымъ царямъ и намъ здѣ жити не можно: нмамы итти отсюда во грады инныя, и о такомъ непослушаніи и разореніи народу всему возвѣщати“ (*Медведь. 28*). Эта угроза стрѣльцамъ и раскольникамъ, которые задумали дѣйствовать самостоятельно, помимо бояръ и земскихъ людей, оказалась самой страшной. Стрѣлцкіе выборные обѣщались положить свои головы и за православную вѣру, и за царскій домъ и добавили: „а еже великимъ государямъ и вамъ государынямъ итти изъ царствующаго града сего, никакого же то буди.“ Затѣмъ Софія и всѣ православные рѣшились молчать до конца чтенія челобитной, потому что она написана „неправедно, воровски и досадительно“ (*Медведь. 28—29*). Недоразумѣніе, между враждебными сторонами на соборѣ было значительное: раскольники не могли взять въ толкъ, да и не хотѣли знать убѣжденій высшаго духовенства; а представители православія не понимали требованій приверженцевъ старины, и когда послѣдніе, въ доказательство истинны двуперстнаго крестнаго знаменія, подняли руки свои вверхъ, „весергаша на многъ часъ: *сице, сице, тако, тако!* въ палатѣ сущи людѣ слезъ исполнишася, и что имать быти отъ такова дерзновенія, недоумѣвахуся.“ Споры на соборѣ не привели ни къ чему: православные считали себя побѣдителями; а раскольники вышли изъ Грановитой палаты и торжественно хвалились: „Мы всѣхъ архіереевъ препрѣхомъ и посрамихомъ!“ Съ радости они отслужили благодарственный молебенъ; но торжество ихъ было непродолжительно.

Царевна Софія убѣдила выборныхъ отъ всѣхъ полковъ стрѣльцовъ принять сторону православія, не промѣнять государства на шестерыхъ чернецовъ и не давать въ поруганіе патриарха и всего освященнаго собора. Угощенія и убѣжденія правительницы возымѣли силу, — и тѣже стрѣльцы, которые обѣщались прекратить строгія преслѣдованія раскольниковъ, выдали правительству на казнь и на заточеніе главныхъ виновцовъ раскола. Они примесли заручныя челобитныя съ обязательствомъ — не отставать старой вѣры; раскольниковъ стали преслѣдовать и кричали: „Вы, бунтовщики, возмутили всѣмъ царствомъ!“ Никитѣ отсѣкли голову на Красной площади; мятежныхъ чернецовъ разослали подъ крѣпкій началь на смиреніе; простые раскольники разбѣжались и по Москвѣ „ходити явао престали.“

Такимъ образомъ вызовъ старовѣрами патриарха и представителей духовенства на состязаніе, просьба ихъ у царей о назначеніи собора для пренія о вѣрѣ, какъ превышеніе власти церкви и упорство противъ воли

государей, представились бунтомъ, направленнымъ къ разрушенію господствующаго порядка дѣль, тогда какъ бунта никакого не было. Самостоятельное движеніе мысли народной, которая не хотѣла подчиниться руководству, уже считалось дѣломъ противозаконнымъ, оскорбленіемъ авторитета церкви. Отсюда тотъ страхъ, та боязнь духовныхъ и свѣтскихъ властей, которыя выразились во время движенія ревнителей старины. вмѣсто спокойнаго обсужденія воззрѣній и заявленій раскольниковъ и опроверженія челобитной, подавнн на соборѣ, Никитѣ отсѣкли голову и стали страшно преслѣдовать его приверженцевъ. Сила государства выдвинулась на первый планъ, вмѣсто церковной власти; она обнажила матеріальный мечъ, вмѣсто меча духовнаго; убѣжденія и терпимость, заповѣданныя Христомъ, замѣнились казнями, ссылками и преслѣдованіями. Поэтому усилилось въ раскольникахъ открытое сопротивление руководству церкви, и въ тоже время они явились отрицателями авторитета царской власти. Какъ осада соловецкая привела къ отверженію молитвы за царя, такъ послѣ бунта и преслѣдованій раскольниковъ, провозгласили его антихристомъ. Правленіе Софіи для раскольниковъ было самымъ тяжелымъ временемъ: ихъ указано было преслѣдовать вооруженной силой, ловить и жечь и казнить смертью. Въ отчаяніи одни толпами уходили за рубежь; другіе предавались саможигательству; а во многихъ мѣстностяхъ старовѣры вступали въ открытый бой съ посылаемыми противъ нихъ военными командами.

Бунтъ раскольниковъ имѣеть то значеніе, что партія ревнителей старины добивалась перевѣса чисто національнаго, боролась противъ наплыва католическихъ идей и взглядовъ западно-русскихъ ученыхъ, въ родѣ Полоцкаго. Она желала преслѣдовать злоупотребленія, закравшіяся въ духовенство; но вдавшись въ крайность, не могла понравиться всему народу. Раскольники, считая себя представителями стремленій и желаній всего земства, сильно ошибались, и народъ не двинулся на ихъ защиту, когда правительство начало ихъ преслѣдовать страшными казнями. Въ правленіе Софіи была послѣдняя открытая борьба народныхъ воззрѣній и стремленій съ правительственными и церковными; но борьба оказалась неравной: государство московское, побѣдивъ силу бояръ и частныя областныя притязанія при Грозномъ, подчинивъ церковную власть въ лицѣ Никона и уничтоживъ козацкія стремленія, до такой степени уже окрѣпло, что могло помѣряться ловкостью и могуществомъ съ земствомъ. Бояре сдѣлались слугами, духовные — молебниками и поддержкой государства. Такимъ образомъ, стремленія рѣшать быстро вѣками подготовленные вопросы не привели ни къ чему; а только очистили широкое поле для полновѣсной дѣятельности императорской власти, которая окончательно добила всякое проявленіе воли и думы народной.

Если миллионы народа должны были замолчать и затаять свои воззрения предъ грозными распоряженіями государственной власти, то печальна должна быть судьба частныхъ лицъ, хотя и съ характеромъ и обличенныхъ властью, которыя бы вздумали не въ пору поддерживать слабыхъ противъ сильныхъ. Такою горькою долю въ правленіе Софіи пришлось испытать двумъ начальникамъ стрѣлецкаго приказа, Ив. А. Хованскому и Ѡ. Л. Шакловитому съ товарищами.

Хованскій примкнулъ къ сторонѣ стрѣльцовъ и раскольниковъ; иногда искренно по своимъ убѣжденіямъ, а нерѣдко изъ-за самохвальства, онъ отстаивалъ интересы народныхъ партій и неминуемо долженъ былъ столкнуться съ видами правительства и часть жертвою своей безтактности. Во время майскаго кровопролитія, Хованскій сдѣлался случайнымъ распорядителемъ въ Москвѣ, потому что некому было взяться за дѣло, когда бояре и дворяне бросились въ разныя стороны. Онъ явился человекомъ, котораго стрѣльцы слушались и уважали за доброту характера и за привязанность къ стариннымъ русскимъ обычаямъ; поэтому его, въ числѣ другихъ, послали уговаривать стрѣльцовъ, когда они грозно подступили къ царскому дворцу. Датскій резидентъ свидѣтельствуешь, что Хованскій на другой день бунта уже популярничалъ съ стрѣльцами и спрашивалъ ихъ мнѣнія, не прогнать ли царичу Наталью Кириловну изъ дворца. По всей вѣроятности, Софія назначила раздраженнымъ стрѣльцамъ въ начальники человека ими любимаго съ цѣлью, чтобы легче ихъ усмирить, хотя врагъ Хованскихъ съ злобой говоритъ, что царица возвысила его съ сномъ „наибольше за видностную токмо особую ихъ фигуру“ (*Матвеевъ* 38). Поощряемый довѣріемъ стрѣльцовъ, Хованскій самъ занесивалъ ихъ расположенія, сочувствія и добивался ихъ приверженности. Желая угодить имъ, онъ старался сдѣлать все въ ихъ пользу и по ихъ требованію, хотя бы тутъ страдали интересы частныхъ лицъ, цѣльныхъ классовъ общества и государственной казны и заслужили названіе *батюшки* ⁹¹⁾. Хованскій распоряжался произвольно и взыскивалъ деньги съ разныхъ лицъ въ пользу стрѣльцовъ, безъ указа государей держалъ на правехъ жецъ и дѣтей умершихъ оговоренныхъ людей. Онъ былъ главнымъ вождемъ движенія старовѣровъ, поддерживалъ Никиту Пустосвята и постоянно приходилъ къ царевнѣ съ просьбами отъ имени стрѣльцовъ, которые не дѣлали ему порученій. По словамъ Медвѣдева, Софія еще передъ раскольниковымъ бунтомъ призывала выборныхъ стрѣльцовъ и разспрашивала: оказалось, что Хованскій вымышлялъ и вралъ на нихъ, желая напугать царевну стрѣльцами и раскольниками и тѣмъ доказать свою силу и значеніе ⁹²⁾. Онъ рассказывалъ, будто раскольники грозятся побить членовъ царской фамилии, если они осмѣлятся присутствовать на соборѣ; но когда не удалось

ему въ этомъ убѣдить царевну, то онъ подѣйствовалъ на бояръ, чтобы они упросили правительницу не ходить въ Грановитую палату; иначе, прибавилъ онъ: „вамъ буди извѣстно, что при нихъ и намъ быти всѣмъ побитымъ, также какъ и недавними часы нашу братью побили и дома наши разгрябать.“ (*Медвѣдевъ 22*). Онъ отъ имени народа звалъ патриарха на площадь для состязанія, а въ противномъ случаѣ, по его словамъ, народъ двинется съ оружіемъ въ рукахъ на убіеніе патриарха и всего освященнаго собора. Многихъ священниковъ, пришедшихъ на соборъ по ревности къ православію, Хованскій не только запретилъ впускать въ палату, но „и отбіеніемъ иныхъ велѣлъ отогнати.“ Такое поведеніе Хованскаго казалось подозрительнымъ правительству Софій, которое считало его главнымъ вождемъ раскольниковъ; оно не сомнѣвалось, что начальникъ стрѣльческаго приказа замышлялъ истребить высшее духовенство и патриарха (*Медвѣд. 21*). Но осторожная царевна, подбирая улики противъ него, боялась расправиться съ нимъ вдругъ рѣзко, какъ бы снова не взбунтовались его приверженцы, стрѣльцы и раскольники. Неосторожный и самолюбивый Хованскій хотѣлъ распорядиться именемъ малолѣтнихъ царей и издавать указы, какіе ему нужно было ⁹³).

Августа 16, онъ принесъ въ верхъ челобитную, чтобы стрѣльцамъ, взятымъ изъ дворцовыхъ волостей, брать съ этихъ волостей подможныя деньги по 15 руб. человѣку. Бояре воспротивились; Софій донесли, будто Хованскій послѣ того вышелъ и сказалъ стрѣльцамъ: „дѣти, вѣдайте о семъ, что уже и мнѣ вамъ добра хотищему, бояре грозятъ, и мнѣ стало дѣлать нечего, какъ хотите, такъ и промышляйте“ (*Медвѣд. 32*). Эти слова, въ духѣ неосторожнаго Хованскаго, старались перетолковать, какъ подстрекательство къ бунту. Когда стрѣльцы стали доносить Хованскому, кто съ нихъ бралъ взятки, недодавалъ въ походахъ жалованья и подможныя деньги и долги, — Хованскій безъ всякихъ справокъ велѣлъ таскать отвѣтчиковъ на правезь. Такъ изъ угожденія стрѣльцамъ безъ суда и розыску „били на правезь подполковника Аѳ. Борсукова, Матвѣя Кравкова и другихъ, взыскали съ нихъ въ пользу стрѣльцовъ многія тысячи и дома ихъ разорили; а полковника Степана Янова безъ слѣдствія пытали и выдали головою стрѣльцамъ, которые его четверговали“ (*Матв. 42—3*). Произволь и распушенность стрѣльцовъ поставили въ вину Хованскому, и въ его потворствѣ старались уловить преступныя политическія замыслы и подготовку переворота, котораго онъ хотѣлъ добиться посредствомъ вѣрннаго его начальству войска. Между тѣмъ онъ имѣлъ самое высокое мнѣніе о своемъ происхожденіи и заслугахъ: онъ считалъ себя потомкомъ литовскаго королевскаго рода Гедиминовъ; а о своихъ заслугахъ выражался такъ: „все государство стоитъ по мою кончину; а если

меня не будетъ, то не спасется никакая плоть, и стануть на Москвѣ ходить въ крови по колѣна.“

Мятежъ раскольниковъ еще сильнѣе возбудилъ господствовавшую стрѣльцкую смуту на Москвѣ; „отъ многихъ страховъ ближніе царскаго синклита люди разѣхались въ дальнія помѣстья,“ приказные бѣжали кто куда; духовенство боялось ревнителей старой вѣры; правительство едва могло ладить съ стрѣльцами и разными тревожными людьми и боялось за свою участь. Слухи и толки самыя невѣроятныя разсѣивались по Москвѣ и увеличивали боязнь жителей; стрѣльцы буйствовали противъ своихъ враговъ — бояръ и крѣпостныхъ людей, рѣдкій день проходилъ безъ ружейной стрѣльбы. Прекрасно изображаетъ это смутное время. С. Медвѣдевъ, свидѣтель происшествій; по его словамъ, „люди мелкіе служивые разсвирѣпѣвши къ смущенію,“ возбуждали мятежъ. И отъ ихъ словъ, „яко въ трости сухомъ огонь ярости гнѣвной возгорѣлася. (*Стрѣльцы*) паки возшумѣша множествомъ; паки множество слезъ проліяся у многихъ людей, паки воздыханіе, паки бѣды!... И тако все лѣто суесловія и затѣвъ было полно; истинно св. пророка Іезекіиля прореченіе въ Іерусалимѣ о хотящихъ быти бѣдствахъ, здѣ въ царствующемъ градѣ Москвѣ исполнишеса, яко же то глаголетъ: „люто да люто будетъ, и вѣсть на вѣсти все на страхъ и трепетъ благороднымъ и духовнымъ... По истинѣ нынѣ убо ужасно видѣть, какъ тогда люди въ ужасѣ ходиша и день отъ дня бѣдства, нѣи же и смерти надѣяхуся, зане непрестанно въ людяхъ быша о смущеніи народа гласы: яко въ той день, или въ той праздникъ паки имать быти смущеніе и побіеніе отъ стрѣльцовъ. Такжеже и стрѣльцамъ страхъ бѣ отъ народныхъ гласовъ, яко въ тотъ праздникъ имать быти отмщеніе отъ боярскихъ людей, егда стрѣльцы въздуть на стражи, и яко тамо, такжеже и въ домахъ имъ и женамъ ихъ и дѣтямъ порубленіе и разорѣніе содѣется, и всѣ люди отъ мала до велика въ страхѣ и ужасѣ пребывали.“ (*Медвѣд. 30, 31, 41*). При такомъ настроеніи общества, правители пугались каждой злой сплетни и боялись за безопасность самихъ царей. Вдругъ разнеслась вѣсть, будто 19 авг. во время крестнаго хода, стрѣльцы рѣшились властей, бояръ и ближнихъ людей „побити безъ остатка,“ и Хованскаго посадить на царство. Медвѣдевъ, человекъ образованный, и тотъ вѣрилъ слуху, будто Хованскій и стрѣльцы хотѣли побить и высшее духовенство и правителей государства; но милостивый Богъ разрушалъ ихъ совѣтъ: „зане увѣдавши о семъ в. государи, за кресты въ монастырь не пошли, но придоша егда же множество народа за крестами приде. Стрѣльцы же видѣвши, яко за крестами в. государи идти не изволили, и пришествія ихъ государскаго тамо не надѣялись. И той день, аще и не безъ велія сердечнаго страха, обаче благодатнымъ божиимъ промысле-

ніемъ проиде мирно.“ (*Медвѣд. 32*). „И въ московскомъ государствѣ время было лихое и шатаніе великое и въ людяхъ смута,“ говоритъ другой свидѣтель событій. Тутъ поневолѣ явится желаніе оставить поскорѣе зашатавшуюся Москву (*Желябужскій 31*).

Софія и вся царская фамилія страшно перепугались при этомъ извѣстии; они помнили недавнія событія, когда передъ ихъ глазами разыгралась кровавая драма рѣзни приближенныхъ лицъ къ царской фамиліи, когда власть ихъ была безсилна и мольбы, слезы рыданія раздавались бесполезно. Болѣе всѣхъ могла бояться Наталья Кирилловна, которая помнила хорошо гибель своихъ братьевъ отъ стрѣлцкихъ копій, какъ постригли ея отца, и ей самой совѣтывали удалиться въ монастырь: впечатлѣніе было разительное и свѣжее! Софія, какъ женщина съ большимъ практическимъ тактомъ, умѣла ловко пользоваться обстоятельствами. „Види такое непостоянство и великую смуту,“ она рѣшила привести въ исполненіе свое намѣреніе—уйти съ царями изъ Москвы и возвѣстить пароду о непослушаніи войска и разореніи государства. На соборѣ противъ раскольниковъ она уже грозила такъ поступить и напугала стрѣлцкихъ выборныхъ; теперь боязнь должна была почувствовать всѣ стрѣльцы, когда 20-го авг. вся царская фамилія неожиданно выѣхала въ с. Коломенское. Стрѣльцы испугались отъѣзда царей, какъ бы они не привели на нихъ ополченіе всей русской земли, — и 23 авг. явились въ Коломенское съ челобитной такого содержанія: „В. государямъ сказали, будто у насъ надворной пѣхоты учинилось смятеніе, на бояръ и на ближнихъ людей злой умыселъ, и будто у насъ изъ полку въ полкъ идутъ тайные пересылки, хотимъ приходить въ Кремль съ ружьемъ по прежнему. И для того они, в. государи, изволили изъ Москвы выѣхать; но у насъ во всѣхъ полкахъ такого умысла нѣтъ и впередъ не будетъ: чтобъ в. государи пожаловали, не велѣли такимъ ложнымъ словамъ повѣрить и изволили бы придти къ Москвѣ.“ (*Ист. Рос. Соловьева, XIII, 375*). Но правительство явно не вѣрило этимъ искреннимъ приглашеніямъ и думало, что тутъ скрывается обманъ и желаніе заманить царей, чтобы исполнить удачнѣе злые замыслы. Стрѣлцкимъ представителямъ дали уклончивый отвѣтъ, что „государямъ про вашъ умыселъ не вѣдомо,“ а походъ предприняли цари по прежнему обычаю. Это подѣйствовало на стрѣльцовъ успокоительно и они по прежнему мечтали, что приобрѣли большую государственную власть — устанавливать правду въ Москвѣ, а Хованскій воображалъ, что безъ него и въ самомъ дѣлѣ Москва стала бы по колѣна въ крови.

Между тѣмъ подозрѣніе въ преступныхъ замыслахъ Хованскаго еще болѣе получило опору, когда на царское требованіе присылки стрѣмяннаго полка въ с. Коломенское ко дню именинъ царя, — онъ не только

не послать его, но хотѣлъ отправить въ Кіевъ на службу по своему произволу. Этотъ полкъ считался близкимъ къ правительству и отсылка его не могла объясняться однимъ самодурствомъ начальника. Хованскій, не подозрѣвая по своему самолюбію промаховъ дѣятельности и по своей простотѣ — грозы, которая готова была разразиться надъ его головою, — продолжалъ дѣйствовать на прежній ладъ и чрезъ это прибавлялъ лишнія улики противогосударственныхъ поступковъ. Онъ явился въ с. Коломенское и началъ разсказывать Софіи при боярахъ о злобнѣхъ замыслахъ новгородскихъ дворянъ, какъ они передавали ему, что хотятъ придти скоро въ Москву, подъ предлогомъ челобитья о заслуженномъ жалованьѣ, — „и на Москвѣ сѣчь всѣхъ безъ выбора и безъ остатка.“ По своей проницательности и знанію характера Хованскаго, царица прибѣгла къ угрозѣ сказала, что противъ этого извѣта надо объявить, для вѣдома всякихъ чиновъ людямъ, на постельномъ крыльцѣ и послать грамоту; Хованскій перенугался огласки и просилъ правительницу, чтобы не объявлять о его словахъ и не навести на него бѣды. Очевидно, что Хованскій былъ черзуръ простодушень, такъ что Софія легко отгадывала, когда онъ говорилъ ложь; тѣмъ не менѣе, нельзя было ей не обращать вниманія на его выходки, при тогдашнемъ смутномъ времени, когда человѣкъ бываетъ подозрителенъ и неспокоенъ. Царица тѣмъ болѣе могла повѣрить широкимъ замысламъ боярина, что давно слѣдила за его желаніемъ самостоятельно распоряжаться отъ имени стрѣльцовъ и раскольниковъ; онъ дѣйствовалъ помимо указовъ государскихъ, гордо относился къ другимъ боярамъ и любилъ хвалиться своими заслугами и происхожденіемъ, что онъ „королевскаго рода“ (*Медвѣд. 32*).

Такимъ образомъ, уликъ въ государственной измѣнѣ противъ начальника стрѣлецкаго приказа явилось множество: 1) онъ раздавалъ многую казну стрѣльцамъ, 2) распустилъ своихъ подчиненныхъ и они приходили невѣжливо къ государямъ, 3) мучилъ и пыталъ людей безъ указа, 4) правилъ деньги безъ розыска и отвѣтчиковъ отдавалъ челобитчикамъ для правежа головою, 5) даточнымъ собралъ съ монастырей незаконно болѣе 100,000 р., 6) самовольно приказалъ для той же цѣли доправить съ дворцовыхъ волостей болѣе 10,000 р., 7) хвалился при государяхъ своими службами съ великою гордостью, 8) бояръ безчестилъ и поносилъ и грозилъ копьями, 9) ратовалъ на св. церковь съ Никитою Пустосвятомъ и воровъ Капитоновъ отъ казни оберегалъ, 10) не отпускалъ полки на Башкирцевъ, какъ было приказано, 11) ослушался указу, не пускалъ полки въ Кіевъ, а стреминной — въ с. Коломенское, 12) сентября 1-го не былъ у дѣйствія цоваго лѣта противъ наказа, 13) наговорилъ ложно, будто новгородскіе дворяне хотятъ рубить всѣхъ въ Москвѣ, 14) воеводѣ от-

пускалъ въ города по своимъ прихотямъ, а другихъ задерживать послѣ государскаго назначенія, 15) облыгала надворную пѣхоту, будто отъ нея надо ожидать великихъ бѣдъ ⁹¹⁾. Все это, взятое вмѣстѣ, послужило опорой извѣста на Хованскаго и заставляло видѣть въ немъ человѣка опаснаго для государственной и церковной власти — и Софія сдѣлала воззваніе по областямъ Россіи, чтобы шли служилые на защиту царей. Увидавъ на своей сторонѣ земскую силу, готовую и способную усмирить и унизить непослушныхъ стрѣльцовъ, она безъ кровопролитія достигла своей цѣли, ограничила вольности ихъ и успокоила всѣ волненія. Къ довершенію участи Хованскаго, въ с. Коломенскомъ сент. 2-го и въ Воздвиженскомъ сент. 16, явились подметныя письма, въ которыхъ обвинялся онъ съ своимъ сыномъ Андреемъ въ страшной измѣнѣ государственной ⁹²⁾. Доносъ выяснялъ, будто Хованскіе научали стрѣльцовъ извѣсть царскій корень, умертвить патриарха и вліятельныхъ сановниковъ, женить Андрея на одной изъ царевенъ, а остальныхъ разослать по дальнимъ монастырямъ. Онъ задумывалъ еще болѣе: возмутить посадскіихъ людей противъ воеводъ и приказныхъ, а крестьянъ противъ господъ и ихъ боярскихъ людей, чтобы во время этой смуты выбрали его царемъ, а патриархомъ — кого захочетъ народъ ⁹³⁾.

Безъ сомнѣнія, Хованскій никогда и не воображалъ о подобныхъ цѣляхъ, а только безсовѣстные дописчики могли приписать такія мечты добродушному, хотя и хвастливому вельможѣ. Но при всеобщей смутѣ, каждый доносъ приводилъ въ трепеть правительство и казался правдоподобнымъ, когда особенно располагали къ вѣроятію прежніе его многочисленные промахи по управленію стрѣлецкимъ приказомъ. Поговоривъ съ боярами, Софія дала приказаніе схватить Хованскаго съ сыномъ и отрубить имъ головы, что и было исполнено 17 сентября. До какой степени боялись раздражить стрѣльцовъ, стоявшихъ за своего любимаго начальника, можно заключить изъ той хитрой уловки, которую употребили для вызова его изъ Москвы, подъ предлогомъ совѣта о встрѣчѣ гетманскаго сына ⁹⁴⁾.

Такъ кончилъ жизнь свою человѣкъ, который хотѣлъ поддерживать силу народныхъ партій, когда она была уже сомнительна: какъ съ горы катящійся камень, по силѣ тяжести государственная власть была на пути своего движенія всѣ препятствія. Хованскій подвернулся случайно и погибъ отъ столкновенія.

Враги Софіи не сомнѣвались, что подметное письмо, которое послужило главнымъ поводомъ къ произнесенію смертнаго приговора надъ Хованскимъ, было безсовѣстною выдумкою Милославскаго, чтобы схоронить концы въ воду и скрыть, что онъ и Софія руководили движеніемъ

стрѣльцовъ въ маѣ. Гр. Матвѣевъ, врагъ Хованскаго и Милославскаго, первый придумалъ для объясненія быстрой казни, будто старинные друзья перессорились между собою; Хованскій подговорилъ стрѣльцовъ и искали случая убить Милославскаго, который и сгубилъ Хованскаго. А между тѣмъ, изъ записокъ Матвѣева видно, что Милославскій укрывался въ это время по своимъ деревнямъ и не былъ въ походѣ за царями. Такія произвольныя показанія, и притомъ человѣка неблагонадежнаго, какъ Матвѣевъ, не заслуживаютъ вѣры. Онъ относился къ Милославскому враждебно и выдумалъ, будто онъ во время стрѣлецкаго бунта жегъ себя отрубями и кирпичами; Матвѣевъ едва ли могъ знать объ этомъ; если же и была правда, то вѣроятно въ самомъ дѣлѣ Милославскій былъ боленъ; онъ по нездоровью сошелъ съ поля дѣятельности и вскорѣ послѣ того померъ ⁹⁸). Софін и Милославскому не было нужды писать извѣтъ на Хованскаго, противъ неправильныхъ дѣйствій котораго у нихъ такъ много было уликъ; кому же нужна была голова начальника стрѣлецкаго приказа? Желябужскій въ своихъ запискахъ какъ будто подозрѣваетъ въ проискахъ думнаго дьяка Ѡ. Шакловитаго: тонкими намеками онъ даетъ знать, что всѣ бумаги царей изъ похода были за его приписью и онъ распорядился дѣломъ (стр. 3, 6). Но это подозрѣнiе могло родиться уже послѣ возвышенія Шакловитаго, когда онъ занялъ мѣсто Хованскаго. Подозрѣнiе же Милославскаго въ предѣлкахъ, настолько же достовѣрно, если еще не менѣе, какъ и Бориса Голицына, или кого либо изъ членовъ партіи Нарышкинскихъ; послѣдніе злились на него, какъ на врага, который хотѣлъ выгнать изъ дворца Наталью Кириловну 16 мая и совѣтывался объ этомъ со стрѣльцами. Скорѣе всего, можно думать, что подметныя письма подбрасывать человѣкъ, который имѣлъ свои цѣли, въ родѣ Ларіона Елизарьева, доносчика на Шакловитаго и Цыклера. Какъ бы то ни было, важнѣе не поводъ къ казни, а значеніе событія и его слѣдствія.

Въ день казни Хованскаго, послана была грамота къ стрѣльцамъ съ извѣстіемъ, что за явную измѣну наказанъ смертью ихъ любимый начальникъ, — а на нихъ никакой опалы и гнѣва государей быть не можетъ и чтобы они не вѣрили никакимъ прелестнымъ и лукавымъ словамъ и письмамъ. Но не успѣла дойти по назначенію грамота, какъ приближалъ въ московскую слободу сынъ Хованскаго Иванъ, и первый принесъ вѣсть объ участи своего отца и брата; онъ сказалъ, что казнь совершилась безъ суда и слѣдствія по произволу бояръ, безъ государева указа, что бояре хотятъ двинуться на Москву, рубить надворную пѣхоту и жечь ихъ дома и пожитки. Нашлось еще нѣсколько лицъ, которые подтвердили свѣдѣнія. Стрѣльцамъ показалось несомнѣннымъ это извѣстіе; они тотчасъ встали за оружіе, рѣшились защищаться до послѣдней крайности; въ полночь

сдѣлали тревогу, поставили караулы, утромъ разграбили боевые припасы и привели въ осадное положеніе Москву. Нетерпѣливые изъ нихъ грозились истребить всѣхъ бояръ и ихъ людей, которые остались на Москвѣ; храбрые совѣтывали тотчасъ выступить въ походъ противъ бояръ; смѣлые приступали къ патріарху, чтобы онъ вызвалъ стрѣльцовъ изъ Малороссіи, и грозились убить его, если онъ держитъ руку бояръ⁹³).

Довольно было смуть на Руси по видимому изъ за пустяковъ, но при научномъ изслѣдованіи оказывается, что волненія вытекали изъ взгляда народнаго и сочувствія, или ненависти къ дѣлу, хотя общее воззрѣніе не всегда примѣнимо было къ частнымъ случаямъ. Стрѣльцы знали, что бояре относятся къ нимъ враждебно, собираются толпами къ Троицкой лаврѣ; вдругъ приходитъ вѣсть, что они казнили ихъ любимаго начальника безъ указа государей; Одоевскіе и Голыцыны хотятъ идти боемъ на надворную пѣхоту и дворы ихъ пожечь; а по дорогамъ стоитъ многое число всякихъ чиновъ людей и боярскихъ холоповъ съ ружьемъ. Этотъ случай вполне гармонировалъ съ настроеніемъ ихъ мыслей и получилъ приложение къ дѣлу: они стали защищаться противъ боярскихъ замысловъ, и — поступили логично. Не дѣйствуя такъ мирно и уклончиво Софія, въ этомъ случаѣ, съ своими приближенными, не миновать бы кровавому столкновенію, и лѣтописатели опять пожалуй провозгласили бы виновницей его царевну. Когда такимъ образомъ горячились въ Москвѣ стрѣльцы, Софія собрала уже значительную силу изъ областей и стала дѣйствовать смѣло; въ дѣлѣ своемъ воззваніи къ войску, она выразила откровенно взглядъ свой на минувшія волненія стрѣльцовъ. Оказалось, что они считали вѣрной службой и правдивыми похвальными дѣйствіями, правительство называло зломъ и бунтомъ, а ихъ самихъ — ворами и измѣнниками. Припомнивъ всѣ обстоятельства майскаго кровопролитія, оно нашло ихъ варварскими и возмутительными и напоминало, что стрѣльцы обругали всякую святую „паче бусурмановъ.“ Имъ дано было много казны и сборовъ съ монастырей, „отлучающе ихъ отъ кровопролитія и приводя ихъ ко успокоенію;“ имъ позволено было учинить столбъ, съ надписью именъ побитыхъ, „чтобы тѣмъ ихъ воровъ и измѣнниковъ отъ такого невиннаго и напраснаго кровопролитія успокоити.“ Но они не удовольствовались всѣми государскими милостями, поддерживали раскольниковъ и Хованскихъ. „И мы, в. государи, не стерпѣвши ихъ воровъ и измѣнниковъ такихъ многихъ досадъ и грубостей и невиннаго кровопролитія, дозволили изъ царствующаго града Москвы изыти, и пришла въ Саввинъ монастырь Сторожевскаго; а князь Иванъ Хованскій съ тѣми ворами и измѣнниками шибъ въ Москвѣ, и чинятъ все по злему своему намѣренію, многихъ людей наглými своими нападками разоряютъ, и въ поклеванныхъ искахъ бьютъ многихъ знатныхъ

и честныхъ людей на правезѣ, и всячески шоругаются; а у нихъ изъ домовъ людей ихъ и дворы насильно отымають, емлють себѣ безъ всякаго страха и зазора, и отъ того нынѣ наше государство разоряется; а посторонніе непріятели, которые государству нашему издавна добра не желательны, имѣють себѣ то за радость и умышляютъ государству нашему великія хитрости, и тщатся по всякому злу.“

Стрѣльцы видимо не ожидали такой грозной опасности со стороны правительства, потому что считали себя по своимъ соображеніямъ главной его опорой, но жестоко обманулись въ своихъ видахъ: передъ взоромъ разросшагося государства явились измѣнниками тысячи людей низшаго класса, которые ближе были къ народу; а бояре и начальники, которые злоупотребляли своею властью, притѣснители народа, оказались первой поддержкой трона и невинными жертвами выведенныхъ изъ терпѣнія стрѣльцовъ. Когда царица послала уговаривать стрѣльцовъ успокоиться, они сначала учинились непослушными; но по мѣрѣ прибытія войскъ къ Троицкой лаврѣ, становились тише и тише. Тогда они убѣдились, что сила всей русской земли идетъ на нихъ и не одобряетъ ихъ рѣзкихъ поступковъ, и изъ порывистаго волненія быстро перешли къ смиренному состоянію духа. Нѣкоторые еще 19 сент. просили патріарха быть посредникомъ между ними и царями и извѣстить, чтобы государи шли къ Москвѣ, а дурнаго умысла у нихъ нѣтъ; а сент. 20 пріѣзжалъ уговаривать ихъ Л. Т. Голосовъ. Когда государская грамота успокоивала стрѣльцовъ, что на нихъ нѣтъ царскаго гнѣва, и убѣждала служить вѣрно по обѣщанію и идти на службу въ Кіевъ, они не вѣрили, опасаясь, конечно, не разставлена ли имъ ловушка боярами отъ имени царей. Но 22 сент. рѣшились послѣдовать совѣту правительства — прислать выборныхъ челобитчиковъ въ Троицкую лавру; 24 они отправились съ суздальскимъ митрополитомъ Иларіономъ. Софія строго встрѣтила представителей стрѣлецкаго войска, не смотря на ихъ покорность. В. государи и царицы сидѣли на шаперти Успенской церкви и вины стрѣльцамъ пожаловали, простили, указавъ напередъ на силу собранную противъ нихъ и готовую двинуться по одному слову. Выборные 25 сент. подали сказку отъ имени всѣхъ стрѣльцовъ съ обѣщаніемъ вѣрно служить государямъ¹⁰⁰). Но правительству нужно было доказать стрѣльцамъ, что отъ его милости только зависитъ вся ихъ судьба, и стремилось уничтожить ихъ прежнія права и льготы. Оно предложило условія для полнаго прощенія стрѣльцовъ, если они не станутъ затѣвать смутеній, будутъ ловить воровъ, разсѣвающихся смутныхъ вѣсти, вѣжливо обращаться съ начальниками, возвратятъ разграбленные запасы, выдадутъ Гр. Языкова, Ив. Хованскаго и другихъ, которые распристращаютъ на смуту небывалыя слова. (*А. Эп. IV, № 263,*

окт. 28). Стрѣльцы опѣшили, когда увидѣли, что дворяне сошлись со всѣхъ сторонъ, не для защиты государей, которыхъ они являлись всегда первыми защитниками, а для утѣсненія враждебныхъ дворянству стрѣльцовъ. Испугавшись, они отказались отъ всего, что приобрѣли прежде и согласились на всѣ требованія (Окт. 1, А. Эсп. IV, № 264, 265). Увидавъ силу бояръ, трусили и ждали смерти, не рассчитывая на Софію, какъ полагаютъ писатели о ея участіи и поддержкѣ стрѣльцовъ. Ея участіе и ея снисходительность къ стрѣльцамъ были вынуждены необходимостью. Когда же она сдѣлала воззваніе къ городovýmъ служилымъ и они нахлынули толпами,—она безбоязненно стала дѣйствовать противъ стрѣльцовъ, которые съ перепугу, что не одолѣютъ призваннаго войска, стали отказываться отъ своихъ правъ въ виду силы земской, увидѣли, что и прежніе ихъ союзники — холопы боярскіе и козаки, на которыхъ они рассчитывали, не оказываютъ имъ пособія, и на нихъ надежда плохая. Стрѣльцы выдали зазорныхъ людей; Ивана Хованскаго, вмѣсто смертной казни, велѣно сослать въ Сибирь. Наконецъ 8 окт. патриархъ привелъ всю надворную пѣхоту къ присягѣ, чтобы они свято исполняли условія прощенія, предложеннаго правительствомъ, и роздалъ тетради, которыя они приняли любезно безъ всякаго прекословія. На другой день былъ благодарственный молебенъ. (А. Эсп. IV, № 267). Затѣмъ правительство пожаловало собравшихся въ Троицкую лавру, „за вѣрную и правдивую службу и усердное радѣніе.“ Особеннаго вниманія заслуживаетъ царскій милостивый указъ, сказанный боярскимъ людямъ 25 окт. за поспѣшный прѣвѣдъ ихъ съ боярами на службу государскую и за похвальное поведеніе ихъ во время стрѣлецкаго бунта, присоединяетъ: „Будучи на Москвѣ въ смутное время и ни въ полку, никакимъ смутнымъ словамъ и къ дурну не приставали, а отъ кого какіе непристойные слова слышали, и на тѣхъ извѣщали, а иные про то сказывали бояромъ своимъ... Да васъ же в. государи пожаловали на погребъ: и вы бы, видяще къ себѣ такую премногую милость, и виредъ в. государемъ служили и во всемъ радѣли и всякаго добра хотѣли со всякимъ усердіемъ, а ни на какіе злыя и смутныя слова не прельщались и ни къ какому воровству не приставали; а буде кто изъ васъ отъ кого какіе непристойные слова услышитъ, и на тѣхъ людей извѣщали вскорѣ. „Боярскимъ людямъ, прѣвѣжкимъ къ Троицѣ, позволено носить оружіе въ Москвѣ“ въ походахъ, „ходить съ саблями и съ *обуками*, и со инымъ такимъ же ружьемъ, а межъ себя и ни съ кѣмъ тѣмъ ружьемъ поединковъ не чинити и задоровъ, бы ни съ кѣмъ отъ васъ не было.“ „Да вамъ же бы нѣмцомъ и черкасомъ, и иныхъ народовъ иноземцомъ и никакимъ людемъ, никакихъ грубныхъ поносныхъ словъ не говорить и ни чѣмъ ихъ не дразнить; а буде кто изъ васъ въ томъ объ-

вится и будетъ изыманъ и тѣмъ быти въ наказаніи безъ пощады“¹⁰¹).

Къ довершенію торжества государственной власти, стрѣльцы были челомъ, чтобы разломать на Красной площади столбъ съ безчинною подписью и просили, чтобы имъ называться по прежнему стрѣльцами, а не надворной гѣхотой. Ноября 2 московскій правитель Головинъ послалъ полковника Ермилова съ стрѣльцами: столбъ сломали, бутъ выломали, свая и кирпичъ весь съ Красной площади свезли и жестяные листы сожгли того же дня. И затѣмъ прочитали имъ указъ о нечивеніи съ прѣзжими людьми задоровъ и о неназываніи никого поносными словами¹⁰²).

Дѣло со стрѣльцами было довершено; 6 ноября государи возвратились мирно въ Москву, — и всякихъ чиновъ люди со оружіемъ хождяху многое время; „установлены были на дворѣ ихъ, ради всякаго опасенія, столы, стряпчѣ, жильцы, дворяне московскіе всѣ по очереди со оружіемъ перемѣнятися сотнями.“ Въ стрѣлецкомъ приказѣ управляютъ повелѣли окольнымъ Вен. Андр. Змеову. И солдаты и стрѣльцы всѣхъ полковъ, „видя къ себѣ в. государей неизреченную милость, были челомъ, чтобы имъ повелѣли дати жалованную грамоту, дабы ихъ никто всякихъ чиновъ люди не укоряли, и въ досажденіе уничиженныхъ словесъ не говорили и не ругались.“ Государи милосердія дали во всѣ полки грамоту порознь. Никому не называть ихъ поносными словами, бунтовщиками и измѣнниками, „безъ государева имяннаго указу и подлиннаго розыска — казнить и въ ссылки напрасносылать и безвинно кнудомъ, и батоги бить не велѣли;“ когда пошлютъ ихъ на службу, женамъ и дѣтямъ годовые оклады давать едина безъ всякаго вычету. Изъ ихъ дачъ дѣлали прежде великіе вычеты на устройство боевыхъ снарядовъ, а прежде тѣ полковыя строенья были изъ казны. Государи указали: приказнымъ людямъ ни малаго не давать, на подъямъ прибавить къ прежнимъ 2 р. еще по 1 р., всякое полковое строенье дѣлать изъ казны изъ приказу, съ умершихъ на то строенье ничего не вычитать, а построенное беречь; на службы иди, „на полковниковъ и начальныхъ людей и друзей ихъ никакіе работы не работать, и мздѣли нивакого не дѣлать, а за дворы денегъ и недослуженнаго на ихъ братья на отставныхъ и послѣ ихъ на женахъ и на дѣтяхъ имать не велѣли;“ и имъ видя такую высокую милость, служить и прямиать и т. д. (*А. Эксп. IV. 271; Собр. Запис. Туманскаго VI, № 202—213*). Плохи же были стрѣльцы и не похожи на янычаръ, если, по признанію самаго правительства, ихъ начальники притѣсняли до крайности, заставляли на себя работать и хотѣли сдѣлать своими крѣпостными людьми.

Когда съ 10 декаб. управление стрѣлецкимъ приказомъ ввѣрили дѣльному и амергическому веловѣку, Ѳ. Л. Шакловитому, то онъ съумѣлъ скоро взять стрѣльцовъ въ руки. Дек. 26 толпа стрѣльцовъ изъ полку Бо-

хина настаивала, чтобы выдали имъ пятисотнаго Борисова и приказнаго пристава Кондратьева; они приходили въ приказъ съ шумомъ и невѣжествомъ; но Шакловитый велѣлъ перехватать главныхъ зачинщиковъ. Затѣмъ, когда по розыскному дѣлу велѣно было взять изъ полку Бохина стрѣльца Ивана Жаренаго, товарищи отстаивали его и кричали, что пускай хотя всѣхъ переказнятъ, но Иванку они не выдадутъ. Но присланы были два полка, взяли Жаренаго съ главными заводчиками смуты и казнили¹⁰³). Въ разрядѣ отмѣчено: смутился полкъ Бохина Павла, и государь велѣлъ у нихъ ружье обобратъ. И они приходили къ государямъ, „съ плахою въ городъ и съ топоромъ, и вину свою приносили в. государемъ, и в. государи выслали къ нимъ боярина П. М. Солтыкова, да околичаго К. О. Хлопова, да думнаго дьяка Ѳ. Шакловитаго, — и в. государи пожаловали: велѣли имъ вины отдать, а кои стрѣльцы бѣгали по слободѣ и говорили, что де пора опять заводить по старому идти въ городъ и ихъ в. государи указали казнить смертью. А въ иные мѣсяцы до году была жъ осторожность во всѣхъ полкахъ, и пушчихъ заводчиковъ казнили а иныхъ пытавъ ссылали къ ссылки.“ (*Ист. Солов. XIV, въ прилож. XLIII*). Шакловитый неутомимо и осторожно дѣйствовалъ противъ притязаній стрѣльцевъ и составлялъ самыя практическія инструкціи, какъ должны держать себя стрѣльцы въ отношеніи правительства и своихъ начальниковъ; имъ приказано не вчинать никакой смуты, не произносить возмутительныхъ словъ, не заводить круговъ по козачью, не именовать воровскихъ ясаковъ и каланчей, исполнять строго во всемъ приказанія и т. п. Слѣдоват. правительство хотѣло искоренить въ нихъ подражательное устройство козацкому управленію, къ которому прибѣгали иногда и разбойники. Такимъ обр. распущенность стрѣльцовъ, дошедшая до дерзости при Хованскомъ, была уничтожена ловкимъ и настойчивымъ начальникомъ Шакловитымъ; онъ умѣлъ ввести дисциплину, не раздражая войска и удаляя изъ Москвы постепенно подозрительныхъ лицъ. Самыя важныя распоряженія Шакловитаго, изложенныя въ 25 статьяхъ и утвержденныя царями 30 дек. 192 г., окончательно ослабили силу стрѣльцовъ (*И. С. Зак. II, № 978; Зап. Туманс. VI, 170—176. 226—255*).

Успокоивъ волненія разныхъ классовъ общества въ столицѣ, правительство принялось и за областныя проявленія смуть, руководясь преданіями московскаго государства. Прежде всего посланы были грамоты воеводамъ, чтобы они поставили крѣпкіе караулы и заставы на перевозахъ, „и въ иныхъ причинныхъ мѣstechъ,“ ловили и спрашивали накрѣпко бѣжавшихъ съ Москвы стрѣльцовъ, про ихъ товарищей и понаровищниковъ, а отписки присылали въ приказъ. „Сентября въ разныхъ числахъ бѣжали съ Москвы изъ разныхъ полковъ надворной пѣхоты многіе люди

невѣдомо для чего; а для тайнаго проходу надѣвають на себя деревенскихъ мужиковъ кафтаны сермяжные и иное такое жъ платье, чтобы ихъ не познали, а побѣгу ихъ чають на Двину въ иные тамошніе мѣста.“ Правительство заботилось, чтобы областные жители не вѣрили никакимъ распускаемымъ „прелестнымъ и смутнымъ“ словамъ и шисьмамъ; а объявляли бы ихъ и записывали извѣты въ книгу; воеводѣ предоставлялось право розыскивать накрѣпко, „и то лихое дѣло искоренять по своему рассмотрѣнію.“ Въ 1683 Марта 22 изданъ былъ указъ: „Которые люди объявились на Москвѣ и въ городѣхъ и говорили въ народѣ, на соблазнъ и на страхованіе людемъ, многія затѣйныя дѣла вмѣщая смуту: и тѣмъ людемъ вмѣсто смертныя казни чинить наказанье, бить кнутомъ и ссылатъ въ ссылку въ разные города. А въ ихъ в. государей грамотахъ про нихъ написать: буде они, будучи въ тѣхъ городѣхъ, учнутъ какія непристойныя и причинныя къ смутѣ слова говорить, или за какимъ воровствомъ ходить, или они хотя въ маломъ въ какомъ воровствѣ объявятся, и имъ учинить указъ противъ статей, каковы даны въ московскіе стрѣлцкіе полки, и каковы посланы въ города изъ Разряду“¹⁰¹⁾.

Если во внутреннихъ областяхъ Россіи бѣжавшіе стрѣльцы и другія личности распускали нелѣпые слухи и желали ловить рыбу въ мутной водѣ, то въ странахъ козацкихъ и въ окраинахъ Руси московская смута отозвалась еще сильнѣе. Поляки радовались возникновенію волненій на Москвѣ, имѣя въ виду возвратитъ себѣ Малороссію, и старались разсѣвать тамъ самыя невѣроятныя вѣсти. Еще 5-го іюня 1682 г. правительница въ грамотѣ къ гетману Самойловичу писала объ этомъ „польскомъ навѣтованіи и разныхъ непристойныхъ поголоскахъ.“ Гетманъ тоже извѣщалъ московское правительство, „что изъ Польской стороны, какъ прежь сего ничего добраго не походило противъ государства нашего царскаго величества, а особливо на Малую Россію, много паче въ нынѣшнее время является, чтобъ ни есть могли смятеніе какое въ нашей Украинѣ учинить.“ Смутныя вѣсти, доносившіяся изъ Москвы и перетолкованныя разными лицами, сильно встревожили стрѣльцовъ, стоявшихъ въ Украинѣ. Правительство московское обѣщало стрѣльцамъ пожаловать по 10-ти рублей человѣку, также какъ и въ Москвѣ, чтобы они на царскую милость были надежны и служили вѣрно. (*Собр. грам. IV. стр. 448—9*). Не смотря на это, въ Переяславѣ стрѣльцы вышли изъ повиновенія воеводы, завладѣли кабакомъ, одного изъ стрѣльцовъ назначили въ приказную избу заправлять дѣлами, вмѣсто своихъ пятисотенныхъ и десятниковъ, выбрали другихъ и послали съ 20 человѣками челобитную въ Москву. Путивльскій купецъ Бѣлиевъ распускалъ слухи въ городѣ Конотогѣ, что подъ Путивлемъ остаются тайно царскія войска и будутъ рубить старшинъ козацкихъ.

Коротояцкій боярскій сынъ Микита Егупковъ Малшинъ былъ паящикомъ за козака, возилъ государевы хлѣбныя запасы въ Черкасскъ. У него отнялись руки и правая нога, зашелъ онъ помолиться въ г. Чирю въ Чирскомъ монастырѣ и жилъ двѣ недѣли. Пришелъ туда слѣпой рыжій; платье на немъ „кожанъ лосиной“ и были съ нимъ 2 человѣка. Слепой подалъ строителю Макарію письмо и сказалъ, что несетъ грамоту царя Іоанна на Донъ, козачьему атаману, „будто его вел. государя бояре на Москвѣ не почитаютъ. Да въ тожъ число подали они же строителю Макарію письмо на кругломъ листу, а въ томъ же листу написано: бояре де хотѣли московскихъ стрѣльцовъ порубить и московскіе де стрѣльцы за то бояръ самихъ порубили, а за какія вины и кто имени бояря порублены, и въ томъ же письмѣ написаны имянно.“ (*Доп. къ А. Х., № 97, стр. 432*). Гетманъ Самойловичъ прислалъ съ своими посланцами чернецъ Саломона Ясинскаго и его дякъонскія распросныя рѣчи. Пойманъ онъ въ Нѣжинѣ и разглашалъ въ малоросійскихъ городахъ межъ малоросійскимъ народомъ „всякія непристойныя (непотребныя), плевелосѣвательныя слова,“ и въ дорогѣ у посланцовъ гетманской листъ и письма выкралъ и распросныя рѣчи свои, „а объявилъ о тѣхъ письмахъ и отдалъ ихъ гетманскимъ посланцомъ на Москвѣ въ 9-й день, а распросныхъ своихъ рѣчей не отдалъ; а въ роспросѣ тотъ чернецъ сказалъ, будто онъ тѣ письма захватилъ въ Калугѣ съ соломою, на которой спалъ тотъ посланецъ, и положилъ къ себѣ въ телѣгу отъ Калуги въ 20 верстахъ, а гетманскому посланцу не сказалъ для того, чаялъ что стрѣлецкія грамоты, п. ч. они сурручемъ запечатаны, а тѣхъ-де писемъ онъ не чель и про роспросныя рѣчи свои сказалъ, что онъ ихъ не видалъ и во всемъ заширался.“ Всѣ эти тревожныя вѣсти заставили правительство издать указъ (1683 г. нояб. 30) — не пропускать безъ проѣзжихъ грамотъ въ малоросійскіе города духовнаго и мірскаго чина людей по калужской и тульской дорогамъ (*И. С. Зак. II, № 1053*). По свидѣтельству Гордона, въ 1684 г. авг. 3 велѣно наказатъ вкнутомъ вѣстовщика, говорившаго, будто цари велѣли разорить Межигорскій и Кирилловскій монастыри за сообщеніе съ поляками и моленіе за короля.

Въ землѣ козаковъ на Дону тоже постоянно расѣвались ложныя слухи и, вѣроятно, не безъ вліянія московскихъ стрѣльцовъ. Воронежскій воевода О. А. Нармацкой показалъ: „Воронежцы (8 сент. 1683 г.) Гришка Полуниинъ съ товарищи ходили въ Черкасскъ шить мужскіе шапки; туда пришелъ чернецъ съ грамотой отъ царя Іоанна Ал. завислой печатью и попъ соборной въ кругу козакамъ чель. Былъ тутъ Евсей Бехтѣевъ Елчанинъ (г. Ельца) дворянинъ. Козаки его спрашивали, что онъ за человѣкъ и зачѣмъ на Дону? Онъ разнился въ рѣчахъ и козаки хотѣли посадить его въ воду: „знатно-де, что онъ бѣжалъ

съ Москвы за тою грамотою, которую къ нимъ въ войско старецъ принесъ, в-хотѣлъ тою грамоту у старца отбить.“ Козаки хотѣли къ Москвѣ идти, но Фролъ Минаевъ уговоривалъ и сдавалъ атаманство, что получаютъ они большое жалованье изъ Москвы берутъ и хотятъ идти на своихъ государей. Лучшие узнать, что за грамота. „И тѣ де оба письма въ монастырѣ Чиру строителъ Макарей велѣлъ честь церковному дьячку“ и чли всѣмъ старцамъ вслухъ. А тѣ два человекъ говорили: „кому бѣ-де такое письмо съ Москвы провезть, токмо не тотъ слѣпой, п. ч. де никто на него не почаятъ, „хотятъ де государя Іоанна „бояря извести, и чтобъ-де Донскіе козаки съ рѣки шли, къ Москвѣ.“ Слѣпаго и двухъ человекъ отпустили въ Черкасскъ. „И тотъ де слѣпой съ тѣми людьми по козачьимъ городкамъ тѣ письма давалъ честь. А куда они пошли съ письмами внизъ по рѣкѣ, ему не вѣдомо.“ (Доп. къ А. Х., № 97, стр. 430. 432). Государи „указали окт. 18 нищихъ Родку Иванова да Ѳедку Иванова, за ихъ великіе непристойные слова, сослать съ Москвы Родку въ Колской острожской у. въ Печенской монастырь а Ѳедку—въ Соловецкій монастырь. И бытъ имъ въ тѣхъ монастырѣхъ подъ началомъ, и смотреть за ними накрѣпко, чтобъ за ними никакого воровства не было; а буде они, будучи въ монастырѣхъ, объявятца въ какомъ воровствѣ, и о томъ Двинскаго и Холмогорскаго острога бояромъ и воеводамъ къ нимъ, вел. государемъ, писать...“ (Доп. къ А. Х., № 110). Смуту на Дону увеличивали тѣ изъ русскихъ безпокойныхъ головъ, которыхъ сослали въ Украину на поселеніе. Битые кнутомъ, лишенные рукъ, ногъ, носовъ и ушей, они перебирались изъ указанныхъ имъ для жительства городовъ на Донѣ, начинали здѣсь волновать козакъ, оспаривать царскіе указы и дѣла въ кругахъ, поддерживали своимъ кривомъ людей недовольныхъ и преступныхъ и брали такую силу надъ козачьими старшинами, что власти молчали; изъ опасенія быть убитыми.

Прежнія широкія возаціи притязанія начала XVII в., въ правленіе царевны Софїи уже значительно сѣзулились; вмѣсто стремленій къ образованію вольнаго самостоятельнаго государства, теперь дѣло ограничивалось разбойничьими набѣгами партій съ цѣлью грабежа. Разинское вліяніе уже сильно падало и сама козачья старшина склонялась на сторону московскаго правительства и недолюбливала безпокойныхъ походовъ искателей приключеній, гдѣ могли страдать интересы русскіе. Впрочемъ, и судьба этихъ отдѣльныхъ партій была незавидна и роль ихъ игры не продолжительна. Въ 1683 г. атаманъ Максимъ Скалозубъ набралъ шайку охотниковъ и двинулся съ ними на Волгу добывать зипуновъ“ у независимыхъ отъ московскаго государства калмыковъ. Однако, миновавъ калмыковъ, Скалозубъ сдѣлалъ нападеніе на Царицынъ и побилъ много государевыхъ людей. Извѣщая объ этомъ Го-

лицына, Фролъ Минаевъ не совѣтовалъ послать къ Скалозубу увѣщателей, чтобы не испортить его, какъ испортили Стеньку Разина, и чтобы не привлечь къ нему голутвенной вольницы. Скалозубъ, дѣйствительно исчезъ ¹⁰³).

Безпорядки, возникшіе по вопросу о крѣпостномъ правѣ, также остановили вниманіе правительства, которое слѣдило стерепь ихъ слѣды. Похваляя холоповъ за вѣрную службу и давая имъ *на погребъ* деньги, когда они собирались къ Троицкой лаврѣ на защиту царей, власть государственная однако вовсе не думала позаботиться объ ослабленіи крѣпостнаго права. Напротивъ, она старалась уничтожить слѣды возникшихъ стремленій къ свободѣ боярскихъ людей во время стрѣльческихъ смуть. Въ сентябрѣ 1682 г. въ бѣлгородскомъ у. въ вотчинѣ митрополита бѣлгородскаго, въ с. Новой Слободкѣ съ деревнями, крестьяне чинили между собою совѣты и въ колокола на бунтъ били, и въ круги сходились и бѣлгородскаго пристава, который посланъ былъ за ними, били и вязали, и наказную память отняли, къ митрополичью двору приходили, поселскаго старца и домовыхъ людей побить хотѣли; изъ Бѣлагограда посланы за ними начальныя люди съ стрѣльцами, и они имъ взять не дались. Пятеро крестьянъ пріѣхали въ Москву съ челобитьемъ, чтобы имъ за митрополитомъ въ крестьянствѣ не быть; ихъ здѣсь схватили и послали въ Курскъ для розыску. Оказалось, что бѣлгородецъ Федька Озеровъ, пріѣхавъ изъ Москвы, научалъ крестьянъ бить челомя о свободѣ и просилъ съ нихъ 20 руб.; онъ говорилъ: станетъ имъ всего небольшое, по гривнѣ съ двора, а нынѣ на Москвѣ время, отъ крестьянства васъ отставятъ; у него Федора въ Москвѣ, въ патриаршемъ разрядѣ дякъ дядя Анисимъ Озеровъ, ту ихъ челобитную донесетъ до в. государей и то дѣло сдѣлаетъ: Озеровъ и митрополитій крестьянинъ Трошка Чепурный болѣе другихъ принимавшій участія въ бунтѣ, повѣшены; другіе бунтовщики всего 27 человекъ биты кнутомъ на козлѣ и въ проводку нещадно отосланы къ митрополиту въ крестьянство по прежнему. (*Ист. Рос. Соловьева XIV, 80—81*). Правительство озаботилось возстановить изодранные стрѣльцами крѣпостныя акты, чтобы боярскіе люди не воспользовались волей. (*П. С. Зак. II, № 1080*). Оно издало 1683 г. февр. 13 слѣдующій указъ: „Холопы взяли у бояръ отпускныя въ смутное время за смертнымъ страхованиемъ, и съ тѣми отпускными били челомя кому во дворы, и дали на себя кабалы.“ Тѣ отпускныя и кабалы отставить; ихъ возвратить прежнимъ владѣльцамъ. „А инымъ и отпускныя изъ приказа даны въ тожъ смутное время, по приговору князь Ивана и сына его князь Андрей Хованскихъ безъ ихъ в. государей указу, по ихъ воровству. Холопей, которые учинили воровствомъ своимъ въ мятежное время свободу отъ бояръ своихъ, чинить у отдачи жестокое наказаніе предъ приказомъ холопья суда, бить кнутомъ нещадно. А у кого

холопи служили, тѣ свое жалованье возымуть на холопѣхъ. А кто далъ отпускную и не хочеть взять обратно, такихъ холопей наказывать жестоко и ссылатъ въ сибирскіе, низовые, украинные города и ужинскіе пригороды съ женами и дѣтьми на вѣчное житье. Чтобъ въ Москвѣ такихъ воровъ ни одного не было, „чтобъ впередъ такимъ ворами то было въ страхъ и большое наказаніе и не въ повадку и не въ похвальбу, и чтобъ отъ нихъ впередъ въ ихъ своевольствѣ какого дурна не было“ (И. С. Зак. II, № 992). Такое строгое распоряженіе заставляло, конечно, многихъ холоповъ спастись бѣгствомъ отъ наказанія, какъ видно изъ многихъ строгихъ постановленій, относительно бѣглыхъ. Дек. 1 велѣно у помѣщика за пріютъ каждого бѣглаго брать по 4 семейства и отдавать лицу, которому принадлежать бѣглый; а потомъ вышло постановленіе брать за каждый годъ держанія бѣглаго по 20 р. Для поимки бѣглыхъ, помѣщикамъ давали стрѣльцовъ и пушкарей. Приливъ бѣглыхъ въ Сибирь такъ былъ значителенъ, что правительство нашло необходимымъ поставить заставы и не пропускать ихъ туда. Понятно, что изъ бѣглецовъ боярскихъ людей составлялись шайки разбойниковъ, которые прежде всего мстили своимъ владѣльцамъ за крѣпостное право. Въ 1683 г. нояб. 18 стольники, стряпчие, дворяне московскіе, городовые дворяне и дѣти боярскіе разныхъ городовъ били челомъ: „Крестьяне де ихъ многіе, разоря ихъ, разбѣжались, и живутъ въ разныхъ городѣхъ, и в. государи пожаловали бѣ ихъ, велѣли для сыску и отдачи бѣглыхъ крестьянъ, въ города послать сыщиковъ.“ (И. С. Зак. II, № 972, 986. А. юр. быта I, № 51, стр. 162; А. Ист. V, № 159; И. С. Зак. II, № 997, 998, 1030). Въ августѣ повторилась таже исторія: помѣщики жаловались, что во время чигиринскаго похода, когда они были на службахъ, „и съ крестьянъ де ихъ въ то время иманы полтинныя денги, и подымаючи на дальня службы и платя всякія подати, отъ нихъ многіе крестьяне разбѣжались, видя себѣ великія нужды“ въ Сѣвскъ, Комарицкія волости, Кромы, Рылескъ, Бѣлгородъ, Курескъ, Коротоякъ, Землянескъ, Острогоежкъ, и во всѣ Бѣлгородскіе пригородки по чертѣ и за черту, на Елецъ, Воронежъ, Донковъ, Козловъ и козловскіе пригородки, въ понизовые города: въ Казань, Свияжскъ, Сибирскъ, Саратовъ, Саранскъ, Арзамасъ, Алатырь, Пензу, Ломовъ, Керенскъ и во всѣ казанскіе пригородки. „И приходи изъ бѣговъ тѣ ихъ крестьяне и люди, достальныхъ свою братью подговаривають, и дома ихъ жгутъ и крадутъ, и всякое разореніе чинять; а воеводы въ тѣхъ украинныхъ городѣхъ людямъ ихъ и крестьяномъ бѣглымъ велеть жить для своей корысти;“ а какіе помѣщики за ними ѣздили, и они на дорогѣ ихъ грабятъ и людей ихъ до смерти побивають, чтобъ они убоясь, впредь за ними не ѣздили. „Послать сыщиковъ въ эти города и выслать, буде объявятся къ Москвѣ, брать по 20 стрѣльцовъ и ко-

заковъ. (*А. Экон. IV, № 249*). Подобныхъ явленій было множество въ разныхъ областяхъ Россіи (*См. мою статью: „Разбойники и бѣглецы временъ Петра В.“ Библ. для чт. 1864 г.*)¹⁰⁶). Смуты увеличивались еще отъ ложныхъ доносовъ; въ указѣ 31 марта 1688 г. между прочимъ означено: Бьютъ челомъ въ разореннѣ и грабежѣ и просятъ прислать изъ приказу сыскныхъ дѣлъ повальнымъ большимъ обыскомъ, „и по такому ихъ челобитгью сыскивать и грамоты въ города отпускать не указали, для того въ обыскахъ окольные многіе люди сказываютъ въ тѣхъ ихъ прѣздахъ и въ разбояхъ на кого именно по явкамъ тѣхъ челобитчиковъ и людей ихъ и крестьянъ, а не сами подлинно вѣдаютъ и видѣли; а инымъ окольнымъ людямъ въ такихъ обыскахъ бываетъ душевредство и по розыску и по допросамъ лихованныхъ людей объявляются у тѣхъ челобитчиковъ съ тѣми лихованными людьми сосѣдскія ссоры, а не воровскіе прѣзды и не разбой.“ (*П. С. Зак. II, № 1294*).

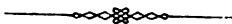
Постѣ раскольничьей московской смуты, правительство сильно вооружилось на ревнителей старины и своими строгостями возбудило тревоги и волненія по областямъ. Разбѣжавшись изъ Москвы по тѣсамъ верженскимъ, сибирскимъ, олонецкимъ и на Донъ, нѣкоторые изъ нихъ провозгласили царя антихристомъ и считали святымъ долгомъ противиться распоряженіямъ власти. Изъ показаній раскольниковъ на слѣдствіи 1719 г. ясно видно, что по ученію Феодосія Васильева и его братьевъ, „бракъ, бываемый у православныхъ, съ 1688 г. пороченъ; а крещеніе съ того же года порочно и неправославно, за премѣну вѣры и книгъ неправославныхъ; и тѣло де и кровь Христову, бываемую въ церквахъ, они вмѣняютъ за простой хлѣбъ и вино; а объ антихристѣ отцы ихъ говаривали, что де будетъ не суще чувственъ человекъ, а уже де пришелъ онъ въ міръ съ 196 г. (1688), и нынѣ въ міръ есть, а познати де его приходъ въ міръ по перемѣнѣ вѣры и книгъ...“ Церкви де православныя они святы не вмѣняютъ но порочны; а крестъ четвероконечный не сущій, но сѣнь; а сущій составляетъ отъ 3 дровъ; которые пріемлютъ таинства и хотятъ въ нынѣшній церкви, не православны вмѣняютъ. Феодосіанецъ Семенъ Ивановъ рассказывалъ: патріарховъ восточныхъ и великороссійскихъ съ 1684—5 г. „и донныѣ разумѣютъ быти неправославныхъ, тако же и отъ нихъ рукоположеніе и освященіе пріемлющихъ за премѣну вѣры и книгъ и трисоставнаго креста и за сложеніе перстовъ, неправославны же. Антихристъ пришелъ уже въ міръ и живетъ онъ духовнѣ по дѣйству въ Великороссіи въ премѣнѣ на прообрахъ креста и въ прочихъ дѣйствахъ церковныхъ таинствъ; а о царскомъ величествѣ разумѣютъ въ равенствѣ съ прочими помянутыми христіанами.“ (*Раск. дѣла Есипова I, 94—95*). Правительство и духовное и гражданское вооружилось противъ раскола сильными сред-

ствами, когда почувствовало свою силу. Притязанія раскольниковъ, напоми-
навшихъ властямъ, что они уклонились съ истиннаго пути, которымъ шель
народъ, привели ихъ къ страшному раздраженію. Сила у нихъ была въ рукахъ
и имъ захотѣлось своихъ противниковъ стереть съ лица земли. Но сила
государства, какъ виѣшняя, способна была уничтожить собственныя учреж-
денія; а народныхъ стремленій не искоренила. Она переказала стрѣлец-
кое войско и замѣнила его другимъ; а съ расколомъ не могла сладить, по-
тому что тутъ недостаточно было матеріальныхъ силъ, требовались силы
духовныя, увѣщанія, убѣжденія и т. п. Виѣшнія средства наносили вредъ
раскольникамъ, не задѣвая глубины ихъ духовныхъ потребностей: казнить
и ссылатъ для правительства было легче, чѣмъ вести систематическую
борьбу и миссію въ средѣ раскольниковъ. И вотъ сдѣлано распоряженіе
въ ноябрѣ 1682 г., чтобы архіереи по всей Россіи старались розыскивать
раскольниковъ и предавать ихъ суду. Епископы съ своей стороны разсы-
лали грамоты, чтобы строго слѣдить и записывать, кто ходитъ къ божіей
церкви; отъ нихъ „велѣно приходскимъ попомъ присылать въ судной при-
казъ росписи за руками,“ кто именно противникъ церковный, не бываетъ
у исповѣди. А если священники именныхъ списковъ давать не учнутъ,
быть отлученными вѣчно отъ священства; а раскольникамъ быть „въ
ссылкѣ по монастырямъ и въ заточеніи подъ крѣпкимъ началомъ, доколѣ
они отъ упрямства своего отстанутъ и принесутъ истинное покаяніе и
раскольниковичать престанутъ.“ (Рхп. Солов. библ. № 20, с. 329—30).

Эти виѣшнія мѣры не привели ни къ чему: раскольники продолжали
проповѣдывать, что русскіе архіереи велѣтъ служить литургію *по римски надъ
колобками* и ставятъ вмѣсто креста, *латинскіе кресты*, священники — анти-
христовы предтечи, а самъ антихристъ уже царствуетъ въ мірѣ. Царь
Алексѣй Соловецкій монастырь казнилъ за старую вѣру, за то умеръ черезъ
3 дни. Но правительство не обращало вниманія на эти зловѣщія толки
и преслѣдовало раскольниковъ съ ужасающей силой и настойчивостью. Въ
1685 г. оно издало кровавыя статьи, по которымъ раскольниковъ, какъ
враговъ церкви и государства, велѣно было розыскивать, ловить и жечь
съ ихъ жилищами. Кто перекрещивалъ другихъ, хотя бы постѣ и раскаял-
ся, подлежалъ смертной казни и проч. Раскольники двинулись цѣлыми тол-
пами за рубежъ; оставшіеся въ Россіи сожигались сотнями въ разныхъ
мѣстностяхъ. Но не одно уклончивое отношеніе раскольниковъ мы ви-
димъ къ силѣ государственной; встрѣчаемъ много случаевъ ихъ враж-
дебнаго столкновенія съ военными людьми. Войска, посланныя въ Оло-
нецкомъ краю воеводой для сыска раскольниковъ, сожгли въ лѣсахъ жи-
лища и на обратномъ пути должны были выдерживать перестрѣлку съ
толпами старовѣровъ. Но особенно замѣчательная борьба шла на Дону

и въ тамбовской губ. между царскими войсками и раскольниками; там старообрядцы подговаривали козаковъ постоять за старую вѣру и идти на московское государство, искоренить враговъ старины — патриарха, архіереевъ и бояръ. На р. Медвѣдицѣ раскольники съ козаками основали Кузьминъ городокъ и начали производить походы противъ другихъ сосѣднихъ городковъ съ цѣлью ихъ обращенія въ старую вѣру. Но московская сила дошла до того, что могла распоряжаться прежнимъ задорнымъ козачествомъ и направлять ихъ силу по своему благоусмотрѣнію. Въ августѣ 1688 г. донскіе атаманы и козаки извѣщали царей и Софію, что ихъ атаманскимъ посольщикамъ козаки верхняго Дона и запольныхъ рѣчекъ „цѣловали крестъ въ томъ, что будутъ служить царямъ вѣрно, въ соединеніи съ упомянутыми атаманами, а раскольникамъ не послаблять.“ Около того же времени козаки бились съ раскольничьими общинами около Тамбова и Козлова, смиряли общины, расселившіяся по верховьямъ донскимъ городкамъ и по запольнымъ рѣкамъ, чинили имъ наказаніе и унимали ихъ отъ раскола, а непослушныхъ казнили смертью, и розыскивали раскольниковъ около Азова. Жалуй и милостиво восхваляя козаковъ за эти подвиги грамотою отъ 14-го августа того же 1688 года, цари и царевна указали козакамъ переловить раскольниковъ на Кумѣ и Медвѣдицѣ, и жилища ихъ разорить; если же бы этого не удалось сдѣлать по дѣтнему времени, то послать туда козаковъ на зиму, для задержки направляемыхъ къ раскольникамъ хлѣбныхъ и иныхъ припасовъ ¹⁰⁷⁾.

Московское государство, не смотра на видимую уклончивость во время смуть, ловко уничтожало частныя притязанія различныхъ партій на самостоятельное развитіе и свободу дѣйствій. Порѣшивъ дѣло съ представленіями народныхъ стремленій, при своемъ колебаніи въ ту и другую сторону, правительство оставило по себѣ добрую память единственно тѣмъ, что не подавило окончательно земства, а только проложило для достиженія этой цѣли прямой путь. Стрѣльцы, козаки, раскольники, крѣпостные люди, всѣ эти разрозненные члены земства, уже теряли свою силу и значеніе; они только могли заявлять свое неудовольствіе побѣгами и разбойничествомъ; другаго болѣе положительнаго исхода не оставалось ¹⁰⁸⁾.

III.

Стремленіе къ праву въ народѣ такъ непобѣдимо и желаніе добра себѣ и другимъ до того сильно, что всѣ извороты политики и шпіонства, сплетенія интригъ и хитростей, ловкіе подкупы и виѣшнее могущество разбиваются объ эти общіе національные интересы и стремленія. Одна сила, движущая жизнью, вызываетъ другую противоположную силу къ борьбѣ, когда доходитъ до крайности, и за той только остается торжество, которая основывается на порядкѣ вещей, выработанномъ сообразно съ народнымъ характеромъ, мѣстными и временными условіями жизни національной; иначе народъ долженъ сдѣлаться безличнымъ. Если ограничиваться въ изложеніи исторіи XVII в. одной борьбой боярскихъ партій, то мы не увидимъ истиннаго двигателя жизни: одна партія свергаетъ другую; мѣсто вліятельнаго и энергическаго правителя заступаетъ дѣятель слабый; но отъ этого измѣняются только виѣшнія обстоятельства, не касаясь существа дѣла. Теченіе жизни несетъ свою глубокую идею, вырабатываетъ тѣ неумолимые законы, которыхъ не своротить съ пути никакимъ частностямъ и случайностямъ, никакимъ энергическимъ людямъ.

Борьба партій XVII в. явленіе вовсе не новое въ Россіи: она завязалась еще въ XVI стол. изъ-за началъ народныхъ, на которыхъ заждется благосостояніе массы, изъ-за правъ и вольностей, которыя стала поирать боярская партія. Народная жизнь, слагаясь естественно, полна была смуть и борьбы; но въ основѣ этой борьбы лежала глубокая идея развитія опредѣленныхъ национальныхъ началъ и формъ жизни. Служилое сословіе пошло не по этой дорогѣ, разорвало связь съ народомъ и невольно стало стремиться къ обособленію, къ перенятію формъ жизни изъ другихъ странъ. Подчинивъ себѣ низшій классъ народа, забравъ въ руки матеріальную силу, нельзя же ему было не стать выше презираемаго народа, нельзя было не увлечься сперва польскими костюмами и языкомъ западно-русскихъ ученыхъ, потомъ модой европейскихъ народовъ. Какъ по происхожденію, такъ и по своему административному положенію, большая часть бояръ не могла поладить съ народнымъ характеромъ: инстинктъ и

многія обстоятельства указывали имъ, что масса ненавидитъ ихъ, и слѣдовательно нужно искать опоры въ силѣ правительства высшаго. Движеніе жизни пошло въ сторону и завязалась борьба между высшимъ небольшимъ классомъ общества, но сильнымъ въ матеріальномъ и гражданскомъ отношеніи, и многочисленной, но бѣдной безправной массой народа. Идея этой борьбы оставалась одна и таже до позднѣйшаго времени, переходя различныя степени развитія народа, только ея внѣшнія формы принимали разнообразныя отгѣнки.

Мы видѣли, что правительство Софіи успѣло разбить разныя проявленія народныхъ стремленій, ограничило козацкія вольности и принудило выдавать бѣглыхъ съ Дона, усмирило стрѣлцкія, раскольничьи и колопскія движенія и желанія. Опираясь преимущественно на людей худородныхъ, оно неизбѣжно должно было выдержать борьбу и съ боярами, въ средѣ которыхъ давно уже разгорались ссоры и взаимная вражда. Въ сущности, эта борьба боярская велась не за принципы жизни народной, а ограничивалась цѣлью—удержать тѣ или другія дворянскія права и привилегіи. Когда же дѣло шло противъ народныхъ интересовъ, тутъ бояре соединялись въ одинаковыхъ воззрѣніяхъ и желаніяхъ, исключая, можетъ быть, немногихъ частныхъ лицъ, сочувствующихъ земскимъ началамъ жизни. Бояре XVII стол. въ своихъ стремленіяхъ не заходили такъ далеко, чтобы мечтать о перемѣнѣ или ограниченіи царской власти,—и борьба ихъ носила печать полной покорности царю; на первый планъ всегда они ставили личныя заслуги передъ трономъ. Завязавшаяся борьба между двумя партіями, Нарышкинскихъ и Милославскихъ, окончилась въ правленіе Софіи въ пользу родственниковъ ея съ материнской стороны. Послѣ стрѣлцкаго бунта, Милославскіе забрали въ руки всю власть правительственную и роздали вліятельныя должности своимъ приверженцамъ. Страхъ, навѣянный стрѣлцкими и раскольничьими волненіями, и удачная расправа съ ними царевны отбивали всякую охоту у Нарышкинскихъ вступить сразу въ открытую борьбу съ своими противниками. Но, тѣмъ не менѣе, сдавленная злоба и ненависть сильнѣе накали и начали мало по малу выражаться открыто. Друзья мѣстничества, уничтоженнаго по предложенію В. В. Голицына, не хотѣли вдругъ подчиниться новымъ правиламъ общаго отношенія бояръ. Въ средѣ дворянства обнаружилось движеніе противъ правительницы и ея приверженцевъ; стали являться смѣтени и недобренія разныхъ ея мѣръ; даже выразилось открытое неповиновеніе царю Іоанну. *Въ 1684 г. окт. 23* боярамъ Ив. Вас. Бутурлину, Алексѣю Петр. Салтыкову, окольничимъ кн. Якову Вас. Хилкову, Алексан. Савостоян. Хитрову, Матв. Петр. Измайлову, кн. Вас. Ѳеодор. Жировому-Засѣвину, стольнику кн. Борису, князь Ѳеодорову сыну Долгорукому при-

казано „съ дворовъ до своего в. государей указу не стѣзжать; а у Василья Мяснова отнять честь, думное дворянство за то, что во 193 г. окт. въ 22 числѣ, на праздниѣ Богородицы казанскія, по ихъ в. государей указу, велѣно имъ быть за в. государемъ царемъ Иоанномъ Алексѣевичемъ въ ходу, и изъ того ходу за св. иконами по городу. И для того къ нимъ на дворы посланы изъ разряду подьячїе многожды, и они въ томъ ходу за в. государемъ и по городу за иконы не были; а про В. Мяснова люди его на дворѣ сказали, что онъ съ двора своего стѣхалъ въ Новодѣвичїй монастырь, а онъ въ томъ монастырѣ не былъ.“ (II. С. 3., № 1095).

Очевидно, всѣ эти лица склонялись на сторону Нарышкиныхъ, смѣялись надъ болѣзненнымъ и хилымъ царемъ Иоанномъ и не хотѣли за нимъ слѣдовать въ ходу. Дѣло принимало видъ протеста, за который ихъ, по настоянїю Софїи, предали опалѣ отъ имени обонихъ государей. За тѣмъ 1 декабря в. государи и государыня царевна указали: стольниковъ и стряпчихъ, осеннихъ и зимнихъ походовъ, которые написаны за в. государемъ Иоанномъ, написать съ городами, т. е. городовыми дворянами за то, что въ походѣ за Хорошевымъ не объявились, опричь трехъ человекъ, Ильи Мих. Дмитріева, князь Вас. Оед. Македонскаго да Еоима Сем. Кондирева. Этихъ опальныхъ лицъ оказалось болѣе 50 ¹⁰⁹). Разжалованные дворяне, если и увлеклись общимъ движеніемъ неповиновенїя къ Иоанну, то впоследствии становились врагами партїи Софїи и приверженцами Нарышкиныхъ. Внушить уваженіе къ такому слабому государю, какъ Иоаннъ Ал., было весьма мудрено; а наказаніе за неуваженіе естественно должно было только раздражать и усиливать чувство нерасположенїя. Если бы онъ былъ одинъ, то приближенные могли бы смѣяться втихомолку и выражать притворно наружные знави уваженїя; но существовалъ исходъ изъ этого стѣснительнаго положенїя: былъ 12 лѣтнїй государь даровитый, общавшїй многое, и всѣ недовольные становились подъ его знамя. Наказанїя дворянъ правительствомъ царевны только раздражали ихъ, и всѣ обиженные переходили въ противоположный лагерь. Въ 1684 г. дек. 7 Ив. Дашковъ позволилъ себѣ даже ругаться въ царскомъ дворцѣ, и въ официальномъ актѣ, изданномъ по этому случаю мы читаемъ: „В. государи и царевна указали: Ив. меньшаго Васильева Дашкова, что онъ будучи въ верху у ихъ государскихъ хоромъ, говорилъ невѣжливыя слова, послать въ тюрьму.“ Когда пришли за нимъ, его дома не сказали; взятые въ приказъ-разрядъ его люди говорили, что онъ „съ Москвы стѣхалъ въ Кириатской монастырь къ брату своему, строителю къ Іонѣ Дашкову.“ Дек. 8 послали нарочно туда подьячаго Краснаго, а онъ Дашковъ уѣхалъ въ Москву до него и явился въ розрядѣ. И дек. 11 ему сказано указъ: ты говорилъ невѣжливыя слова въ верху, „чего и въ

простыхъ домахъ такихъ рѣчей говорить не пристойно.“ Государи указали „бить батоги нещадно и написать съ городомъ по Алексину.“ И потомъ „пожаловали, на милость положили, батоги бить не велѣли, а велѣли быть по прежнему съ городомъ по Алексину.“ (И. С. З. II. № 1098).

Изъ этого факта, равно какъ изъ другихъ случаевъ ясно видно, что правительство послѣ волненій народныхъ не думало стѣснять дворянъ и прощало ихъ за уголовныя и государственныя преступленія (Желябужс. 9). Правительство Софін чувствовало, что борьба съ боярами, которые такъ близки къ нему и заправляютъ всѣми дѣлами, какъ покорные слуги, будетъ для него тяжелѣе отрывочныхъ земскихъ смуть, которыя подавило при посредствѣ боярской же силы. Борьба съ боярами должна была неизбѣжно повести къ уничтоженію ихъ правъ и возвышенію земства, къ освобожденію крестьянъ и къ другимъ радикальнымъ реформамъ; но царевна и Голицынъ, при своей уклончивости, не могли рѣшиться на этотъ смѣлый шагъ; тогда бунты и волненія охватили бы Россію; поэтому они стали подавлять проявленія народныхъ стремленій, направленныхъ для уничтоженія силы бояръ. Необходимость приводила къ практическимъ расчетамъ—щадить своихъ приближенныхъ, которые отъ полумѣръ правительства становились настойчивѣе въ своихъ дѣйствіяхъ и заявленіяхъ.

По областямъ находились люди, которые привержены были къ той или другой партіи придворной и служили отголоскомъ болѣе открытымъ, чѣмъ московскія вѣсти. Одни разглашали грозные слухи для Софін, другіе хотѣли возбудить народъ противъ Натальи Кириловны. Распространеніе этихъ слуховъ принадлежало преимущественно сосланнымъ изъ Москвы разнымъ лицамъ; слухи бродили особенно на юго-западѣ Россіи, гдѣ возбуждено было предубѣжденіе противъ московскаго государства со стороны Польши, а также въ древнихъ вольныхъ городахъ Новгородъ и Псковъ. Весьма характеристическій случай былъ во Псковѣ 1684 г.; чернецъ Печерскаго монастыря Іоасафъ Сарапъ, „шьяница и озорникъ и всякимъ крамоламъ великой составникъ,“ хотѣлъ воспользоваться смутой стрѣльцовъ. Онъ во Псковѣ по образцу московскому „возмущать народомъ и стрѣльцовъ наговаривать на всякое дурно, чтобъ смятеніе учинить и бунтъ завести.“ Скованный, сидя за карауломъ, онъ, „заминяя свое воровство,“ сказалъ за собою государево слово; а на допросѣ показать, что въ маѣ 190 г. приходилъ къ его темницѣ стрѣлецъ Семень полку Пушечникова подъ видомъ монаха, „наложено у него чернеческое платье собою,“ и говорилъ Сарапу, „что де пришелъ онъ во Псковъ, чтобъ наговорить во Псковѣ стрѣльцовъ и козаковъ, чтобъ побить дворянъ всѣхъ и на Москвѣ побить бояръ всѣхъ на Семень день; а какъ де бояръ всѣхъ побьютъ и чернь овладѣсть, и послѣ де того побьютъ великую государыню Наталью Кирилов-

ну и царя Петра. "Все это Сарапъ разболталъ подъ пьяную руку во Псковѣ, когда въ Новгородѣ „учать бытъ совѣтъ къ бунту.“ (Доп. къ А. И. XI, № 74).

Какъ ни ничтожны подобныя заявленія, они для царедворцевъ имѣли значеніе и возбуждали горькую думу о минувшемъ въ приверженцахъ Нарышкиныхъ. Возможность новаго появленія бунта, направленнаго противъ Петра, служила для нихъ сдержки; а въ тоже время неосторожныхъ недруговъ Софіи, Шаковитый подвергалъ допросамъ и пыткамъ; нѣкоторыхъ сослали въ Сибирь. Въ 1685 г. нояб. 7, „за многое воровство и за непристойные и къ смутѣ заводные слова“ сосланъ съ Москвы на Верхотурье капитанъ стрѣлецкій Ив. Тавкуновъ въ женою Любовою; „велѣно держать его за крѣпкою сторожею, до тѣхъ мѣствъ, какъ объ немъ прислапъ будетъ указъ.“ (А. И. V, № 130).

Но этими частными ссылками нельзя было конечно вырвать съ корнемъ ненависть къ себѣ враждебныхъ лицъ: она развивалась по мѣрѣ прежнихъ боярскихъ счетовъ; а злоба противъ В. В. Голицына росла не по днямъ, а по часамъ. Самую громадную его заслугу старались очернить враги его: по поводу заключенія вѣчнаго мира съ Польшею, бояре распространили злую вѣсть, будто Оберегатель взялъ большую взятку съ польскихъ пословъ. Слухи и слухи усиливались на счетъ правительства, которое однако не слишкомъ рѣзко относилось къ своимъ непріятелямъ. У правительства видимо не хватало настойчивости въ серьезныхъ столкновеніяхъ и, осуждая за разныя вины бояръ, оно только имъ показывало силу закона и государства; а сущность дѣла оставалась таже и преступныя лица тотчасъ получали прощеніе или ничтожное наказаніе и раздражались еще сильнѣе. Подобныхъ случаевъ повторилось много въ 1686 г. Когда умный и дѣятельный временщикъ В. Голицынъ ворочалъ правительственными дѣлами, родовитые вельможи хотѣли выдвинуть противъ него счеты мѣстничества; особенно врагами его были старинные князья Долгорукіе. Однажды велѣно было имъ состоять въ рындахъ вмѣстѣ съ Голицынскими; нѣсколько лицъ изъ фамиліи Долгорукихъ скрылись, чтобы поддержать старыя права мѣстничества и вмѣстѣ съ тѣмъ не раздражить сильно правительства; но царевна велѣла унизить ихъ до степени городскихъ дворянъ, а у иныхъ отнять помѣстья и вотчины. Тогда они со слезами просили милости, оправдывались подъ разными предлогами и ихъ простыли. ¹¹⁰).

Очевидно, правительство Софіи не могло дѣйствовать такъ независимо и произвольно, какъ обыкновенно кажется: оно встрѣчало противовѣсъ постоянно со стороны приверженцевъ Петра, потому что во всѣхъ государственныхъ дѣлахъ нельзя было обойтись безъ его подписи и слѣ-

довательно безъ доклада его сторонникамъ. Партія лицъ, приближенныхъ къ Петру, становилась годъ отъ году сильнѣе и настойчивѣе въ своихъ дѣйствіяхъ.

Люди, искавшіе личныхъ выгодъ и недовольные разными отношеніями, старались воспользоваться случаемъ для униженія недруговъ своихъ и пускали въ дѣло наущничество и раздували домашній смыслъ рѣчей. Прислуга обыкновенно играла здѣсь немаловажную роль.

Когда Софія въ 1686 г. торжественно стала являться въ большіе праздники въ крестныхъ ходахъ, а Петръ рѣдко бывалъ въ нихъ, тогда злоба сильнѣе и сильнѣе накопала у враговъ ея и стали ей приписывать страшные замыслы. Сплетни и пересуды переносились изъ Кремля въ Преображенское и обратно; тайнымъ обвиненіямъ и предположеніямъ не было конца. Прислуга, въ чаяніи награды, охотно переносила вѣсти съ прибавками. Мы не знаемъ подробно всѣхъ секретныхъ замысловъ и толковъ на сторонѣ Натальи Кириловны, потому что изъ ея приверженцевъ впоследствии не былъ никто подѣ судомъ и слѣдствіемъ, не выносилъ страшныхъ пытокъ и только открыто хвалился своею приверженностью къ Петру. Но страшное дѣло Шакловитаго раскрыло даже всѣ тайныя невинныя домашнія рѣчи, направленныя противъ партіи Нарышкинскихъ; дѣло это воспуюлось и частныхъ сплетенъ. Царицны постельницы извѣщали царевну, что „въ комнатахъ ихъ говорятъ про нее непристойныя и бранныя слова и здравія ей не желаютъ, а пуще всѣхъ Л. К. Нарышкинъ и князь Борисъ.“

По заключеніи славнаго вѣчнаго мира съ Польшей, друзья Софіи задумали писать въ актахъ полный титулъ царевны наравнѣ съ государями и провозгласили ее *самодержицей*. Это обстоятельство страшно встревожило Нарышкинскихъ, и Наталья Кириловна не утерпѣла, открыто стала грозить правительницѣ силой своихъ приверженцевъ; она прямо сказала ея сестрамъ и теткамъ: „Для чего царевна стала писаться съ великими государями вмѣстѣ?—У насъ люди есть, и того дѣла не покинуть.“ (*Изъ дѣла о Шакловитомъ*). Приверженцы Петра, ругая Софію, жаловались на умаленіе власти его: столькожъ Языковъ открыто говорилъ, что имя царя Петра видимъ, а бить ему челою никто не смѣетъ. За эту неосторожность Шакловитый подвергъ его пыткѣ и выпроводилъ изъ Москвы.

Друзья Натальи Кириловны жаловались также, что Софія удалила изъ дворца царицу и стѣсняетъ ее на каждомъ шагу, хотя эти жалобы были по обыкновенію преувеличены. Неприятныя отношенія партій усиливались; Нарышкины начинали вмѣшиваться въ дѣла управленія и оспаривали распоряженія царевны. Такое натянутое положеніе дѣлъ естественно привело къ мысли правительнице и ея приверженцевъ—упрочить свою власть и силу посредствомъ торжественнаго вѣчанія на царство Софіи,

чтобы никто не смѣлъ злословить помазаницу божію. Болѣе всѣхъ хлопоталъ объ этомъ Шакловитый, произведенный царевной изъ бѣдныхъ водьячихъ въ окольнічіе.

Въ августѣ 1687 г. онъ сталъ предлагать нѣкоторымъ начальникамъ стрѣльцкимъ, чтобы они били челомъ государямъ о вѣнчаніи на царство правительницы Софіи и обѣщали написать челобитную для подачи. На сомнѣніе стрѣльцовъ—послушаетъ ли ихъ царь Петръ, Шакловитый откѣчалъ: приметъ челобитную, если вы задержите Льва Кириловича и врачаго Бориса Алексѣевича; патриарха можно переимѣнить, а бояре—*отпадишее яблоко древо*, развѣ-де востоятъ до поры до времени одинъ князь В. В. Голицынъ. Но по неурѣшительности дѣятелей и отпору со стороны неурѣзненной партіи замыслы эти не могли осуществиться¹¹⁾. Стрѣльцы не въ силахъ были снова стать распорядителями государства и всегда боялись царской власти, особенно когда опытъ имъ показалъ всю несостоятельность ихъ прежнихъ стремленій—устанавливать нарядъ въ Москвѣ. Между тѣмъ, высшіе бояре болѣе и болѣе аилились на выходки худороднаго человѣка, который отзывался о нихъ, какъ о ничтожныхъ безжизненныхъ дѣятеляхъ, какъ *о яблокахъ деревьевъ*, когда они сами себя считали *столбами* государства.

При такой постановкѣ обстоятельствъ, нужно было вести дѣло правительницѣ очень искусно, тѣмъ болѣе, что за нее стояло не высшее боярство. Существуетъ мнѣніе, будто Софія, съ цѣлью возвышенія своего любимца В. Голицына, назначила его въ крымскій походъ; но скорѣе надо согласиться съ тѣми извѣстіями, которыя говорятъ, что онъ принялъ начальство по неволѣ, потому что того требовали враждебные ему бояре. Обстоятельства крымскихъ походовъ подтверждаютъ эту мысль. Такимъ образомъ, ни сама царевна, ни любимецъ ея Голицынъ не могли сладить съ непрізнаннымъ боярскимъ лагеремъ; сила правленія была въ рукахъ не у нихъ однихъ. Это мнѣніе подтверждаютъ и письма Софіи въ Голицыну, которая не могла дожидаться возвращенія изъ похода своего возлюбленнаго, и поведеніе Голицына, который постоянно развѣдывалъ чрезъ Шакловитаго о продѣлкахъ враждебныхъ ему бояръ и говорилъ въ послѣдствіи: „друзей и недруговъ было у меня много.“ Голицыну и въ войскѣ дѣлали обиды, какъ, наприм. однажды стольники, князь Борисъ Долгорукій и Юрій Щербатый пріѣхали съ людьми своими на смотръ въ траурѣ на лошадяхъ, покрытыхъ черными попонами. Предводителъ войска не могъ съ ними ничего сдѣлать и выпрашивалъ имъ въ Москвѣ примѣрное наказаніе: „если не будетъ указа, заключалъ онъ, то *дѣлать намъ съ нами нечего: чтобъ не потакнуто было*; такъ бы разорить, чтобъ вѣча въ старцы, — и деревни непмушимъ того часу раздать; учивень бы

быть такой образец, чтобъ всё задрожало.“ Но своевольники испугались грозы, готовившейся разразиться надъ ними изъ Москвы, въ слезахъ просили у Голицына прощенья и онъ выхлопоталъ самъ же для нихъ милость государскую. Голицынъ удаленъ былъ въ Крымъ противниками, вѣроятно, съ цѣлью—поставить на его мѣсто сильнаго человѣка изъ своихъ, и во время крымскаго похода такимъ человѣкомъ явился—было, къ великому торю Голицына, князь М. А. Черкасскій. Оберегатель великія печати струсилъ и писалъ Шаковитому: „всегда намъ печаль, а радости мало, не какъ инымъ, что всегда въ радости и *въ своевольствѣ пребываютъ*.“ При такомъ положеніи, Голицынъ не могъ пересилить своихъ враговъ: онъ былъ человѣкъ мягкосердечный и уклончивый дипломатъ. Враждебныя выходки противъ него и немногочисленной партіи Софіи постоянно подкапывали его приверженцевъ и набрасывали тѣнь на него. Говорятъ, что предъ вторымъ крымскимъ походомъ найденъ былъ у воротъ Голицына гробъ съ запиской, въ которой заключалась угроза, что если и этотъ походъ будетъ неудаченъ, какъ и первый, то главнаго воеводу ожидаетъ гробъ. Соображая всё тогдашнія отношенія боярскія, можно вѣрить этому извѣстію. Около этого же времени, Ивана Бунакова обвиняли въ томъ, что онъ вынималъ слѣды Голицына, и подвергли пыткѣ. Если примемъ во вниманіе дѣло Безобразова, то по неволѣ поставимъ достовѣрнымъ и это свѣдѣніе. Такой нерѣшительный народъ, какъ приверженцы Софіи, не могли дѣйствовать съ крѣпкой энергіей, каковую имъ приписывали. Извѣстно, что В. В. Голицынъ провозгласилъ разъ въ походѣ тостъ за здоровье царевны Софіи вмѣстѣ съ царями, и то струсилъ; онъ спрашивалъ тотчасъ же, какое впечатлѣніе произвела эта выходка въ Москвѣ. И оказалось—ровно никакой, только воображеніе его соединяло съ этимъ что-то величественное и необычайное. Сила Голицына была слишкомъ ограничена, а сила партіи Нарышкиныхъ возрастала; все это ясно рисуется изъ писемъ Оберегателя печати къ Шаковитому. Большая часть этихъ краткихъ посланій говорить о той ненависти, съ какой относились къ нему бояре и вельможи, и какъ старались порочить его службу и очернить его въ Москвѣ своими письмами язъ похода. Многіе, не желая его видѣть въ царской милости, говорили: „напрасно-де стараго гетмана сняли, а новаго поставили;“ другіе распускали молву, будто онъ Шепелева за бороду таскать, а Борисова—билъ. Ѳ. Ив. Шаховской и В. Д. Мясновъ нарочно сообщали ложные слухи въ Москву, будто во всѣхъ Черкасскихъ городахъ учинилось смятеніе; другіе въ полкахъ говорили, что на Москвѣ вспыхнутъ бунтъ. Изъ писемъ Голицына видно, до какой степени онъ не любилъ бунтовщиковъ 190 г., тогда какъ онъ долженъ остаться имъ благодарнымъ за его возведеніе, если бы въ самомъ дѣлѣ по интригамъ Софіи усилилось стрѣльцкое дви-

женіе. Отвѣчая на заявленіе, что враги его злорадуются на счетъ его неудачи въ крымскомъ походѣ, Голицынъ, какъ гуманный человѣкъ, отвѣчалъ, что отечество должно быть ему благодарно, такъ какъ онъ заключилъ миръ безъ пролитія крови. Въ отсутствіе Голицына, смуты росли и росли; партія его противниковъ громко заявляла, что одинъ Петръ долженъ царствовать; враги его усиливались — и вѣсти одна другой безотраднѣе сообщались ему въ лагерь: то найдутъ подметное письмо, то пишутъ о злорадствѣ враговъ его, то патриархъ явно дѣйствуетъ противъ его распоряженій. И съ грустью онъ отвѣчаетъ: намъ веегда печаль, а врагамъ веселье. Онъ отлично зналъ бояръ, противъ которыхъ хотѣлъ было ратовать и видѣлъ ихъ силу; поэтому говорить: „А что посылалъ къ Бѣлогороцкому розыскивать про Волконскаго, и то сыскано не будетъ, все будетъ закрыто.“ (*Письмо 18 въ дѣль о Шаковитомъ*).

Духовенство, какъ и боярство, раздѣлилось на два лагеря: высшее примыкало къ сторонѣ правительства и бояръ, а низшее стало поддерживать земство и расколъ, но послѣднее должно было не рѣдко жертвовать своими головами, не достигнувъ цѣли. Какъ Никита Пустосвятъ, такъ и Хованскій имѣли одну участь, хотя одинъ былъ духовный, другой—свѣтскій дѣятель. Затѣмъ, по усмиреніи бунтовъ, когда явились два царя и образовались двѣ придворныя партіи боярскія, тогда и положеніе духовенства становилось щекотливымъ: нужно было поддерживать Софію или Наталю Кириловну, примкнуть къ родовитымъ боярамъ, или увеличить небольшой кругъ даровитыхъ дѣльцовъ, приближенныхъ къ правительницѣ. Это колебаніе въ духовенствѣ продолжалось столько же времени, сколько въ дворянствѣ, и совершенно совпадало съ нимъ. Глава духовенства, патриархъ сначала поддерживалъ сторону правительницы и допустилъ при торжественныхъ молебствіяхъ провозглашать на многолѣтнѣ имя ея вмѣстѣ съ именами обоихъ государей, прежде царицъ и старшихъ царевенъ (*Визіов. X, 137*). Но послѣ онъ сталъ горячо вступаться за Петра, когда открылось, что Софія и ея приверженцы явно дѣйствуютъ противъ него, принимая подъ свое покровительство южно-русскихъ ученыхъ и стоятъ на сторонѣ врага его С. Медвѣдева. Разумѣется, Нарышкины внушили патриарху о замыслахъ Медвѣдева, будто онъ хочетъ свергнуть патриарха и самъ стать во главѣ русскаго духовенства.

Въ правленіе Софіи, очевидно, высшее духовенство принимало сторону бояръ, отстраняясь отъ народа и по старинной силѣ и по установившемуся уваженію, имѣло вліяніе на дѣла гражданскія, котораго лишилось окончательно въ царствованіе Петра В. Вотъ какою фактъ заключается въ перепискѣ Голицына съ Шаковитымъ: „Пожалуй, отпиши: пѣтъ ли какихъ дьявольскихъ препонъ отъ тѣхъ, (т. е. отъ враговъ). Для Бога,

смотри недреманнымъ окомъ Черкаскаго и чтобъ его въ то недопустить, (т. е. на мѣсто *Стрѣшова*), хотябъ патриархомъ или царевнами (*тетками*) отбивать.“ Голицынъ писалъ, чтобъ силу патриарха употребить по его взгляду; а ему изъ Москвы отвѣчали, что патриархъ вовсе не его приверженецъ, а идетъ противъ него, и присталъ къ сторонѣ сильныхъ бояръ, побралъ изъ церкви въ с. Барамахъ сдѣланныя Голицынымъ ризы и кафтаны, и служить въ нихъ не велѣлъ: „О патриаршей дерзости подвляю, пишеть безсильный Голицынъ Шаковитому; отпиши, что порокъ на тѣхъ ризахъ? То дѣлаеть все воля; какъ бы меньше имѣлъ входъ (*на вергахъ*), тогда бъ лучше было.“ Всѣ эти отношенія бояръ между собою и связь ихъ съ духовными лицами чрезвычайно интересны и выясняютъ ходъ послѣдующихъ столкновений въ бунтѣ Шаковитаго. Самъ Петръ въ 1689 г. сталъ уже открыто заявлять о своей силѣ и правахъ: 8-го іюля онъ требовалъ отъ Софіи, чтобы она не ходила въ крестный ходъ, но царица не послушалась и пошла; молодой царь разсердился, не пошелъ за крестами и уѣхалъ изъ Москвы. Затѣмъ онъ не соглашался на раздачу награды за второй крымскій походъ, и хотя потомъ согласился, но не допустилъ Голицына съ товарищами къ рукѣ. Когда за дерзкія рѣчи Петръ велѣлъ арестовать Стрижова и Шаковитыя его не далъ, тогда онъ велѣлъ посадить подъ арестъ самого Шаковитаго, но скоро освободилъ.

Вражда двухъ боярскихъ партій повела къ ссорѣ Софіи съ Петромъ, хотя у насъ обыкновенно принято объяснять на оборотъ, будто Софія злоумышляла противъ брата, составляя заговоръ на его жизнь. Это мнѣніе, ни на чемъ не основанное, пущено въ ходъ для возвышенія геройской славы Петра, когда его считали чѣмъ-то въ родѣ сказочнаго богатыря. Раздраженные партіи старались всѣми силами дѣлать непріятности другъ другу, распускали недѣльные слухи о ихъ планахъ и злобныхъ намѣреніяхъ; пущены были въ ходъ переносы и шпіонства; молва облекала все это въ страшные образы. При такомъ напряженномъ состояніи и тревожномъ ожиданіи недобраго, достаточно было ничтожнаго случая, чтобы обѣ партіи стали въ оборонительное положеніе. Такъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, когда нѣтъ дѣйствительныхъ опредѣленно-сформировавшихся замысловъ; такъ было въ 1689 г. Подметное письмо, которое слѣдовало бы сжечь безъ всякой огласки, подало поводъ къ столкновенію враждебныхъ сторонъ и раздуло дѣло въ бунтъ. Каждая партія боялась враговъ и ожидала движенія съ противной стороны: въ Кремлѣ думали, что нападутъ изъ Преображенскаго потѣшныя конюхи; а Нарышкины ожидали прихода стрѣльцовъ изъ Кремля. Такое тяжелое подозрительное положеніе скоро должно было разрѣшиться и кончиться преобладаніемъ одной стороны. Обстоятельства

этого дѣла изложены очень близко къ истинѣ у С. М. Соловьева, и я воспользуюсь его рассказомъ. „7-го августа на верху толковали, что нашли подметное письмо: ночью придуть потѣшныя конюхи изъ Преображенскаго, чтобъ побить царя Ивана Алексѣевича и всѣхъ его сестеръ. Вечеромъ Шахловитый распоряжается, велитъ собрать въ Кремль 400 человѣкъ стрѣльцовъ съ заряженными ружьями, 300 другихъ собрать на Лубянкѣ, троицкхъ деньщиковъ своихъ посылаетъ къ Преображенскому смотрѣть, куда пойдетъ царь Петръ. Но распоряженія плохо исполняются: деньщики не идутъ къ Преображенскому на указныя мѣста, на Лубянкѣ нѣтъ сбора; сильно волнуются въ Кремлѣ Гладкій и Черный, но ихъ задоръ не сообщается другимъ: никто не знаетъ, зачѣмъ ихъ собрали — защищать или нападать; въ томъ и другомъ случаѣ будетъ ушибца, въ которой они не хотятъ участвовать. Въ это время всеобщаго тяжелаго, тревожнаго ожиданія прѣѣзжаетъ въ Кремль изъ Преображенскаго спальникъ царя Петра Плещеевъ. Гладкій, который давно уже ждетъ случая начать дѣло, бросается на Плещеева, стаскиваетъ его съ лошади, срываетъ саблю, бьетъ и ведетъ его въ верхъ къ Шахловитому... Въ этомъ поступкѣ они увидали начало дѣла и рѣшились дѣйствовать съ своей стороны: Мельновъ и Ладогинъ посланы были въ Преображенское увѣдомить царя, что на него и на его мать умышляется смертное убійство. Но не одни Мельновъ и Ладогинъ спѣшили въ Преображенское съ своимъ извѣтомъ. Вечеромъ вельможи узнали, что въ Кремль пускаютъ только самыхъ извѣстныхъ и довѣренныхъ лицъ къ правительницѣ. Это такъ встревожило людей, державшихъ сторону Петра, что они отправились немедленно въ Преображенское. Немного за полночь, когда Петръ уже спалъ крѣпкимъ сномъ, его будятъ и говорятъ: прѣѣхали изъ Москвы стрѣльцы и другіе люди съ извѣстіемъ, что множество стрѣльцовъ собрано въ Кремлѣ, хотятъ приходить въ Преображенское бунтомъ. Испуганный царь вскочилъ съ постели какъ былъ, и прямо на конюшню, сѣлъ на лошадь и въ ближній лѣсъ, куда уже ему принесли платье. Одѣвшись, поскакалъ со всѣми своими, кто только былъ готовъ, къ Троицѣ, куда прѣѣхалъ въ 6 часовъ утра въ сильной усталости, и только что успѣлъ войти въ комнату, какъ бросился на постель, и заливаясь слезами, рассказалъ о своей бѣдѣ прибѣжавшему архимандриту Викентію и просилъ у него защиты. Осьмаго же числа прѣѣхали къ Троицѣ царица Наталья Кириловна съ дочерью и невѣсткою, преданная Петру знать, потѣшныя и стрѣльцы Сухарева полка. Главнымъ распорядителемъ здѣсь явился князь Борисъ Голицынъ. Москва пришла въ ужасъ, когда 8 числа распространилась вѣсть объ отъѣздѣ царя изъ Преображенскаго. Ушибца начиналась — чѣмъ то кончится? На верху старались показывать видъ, что не обращаютъ на это происшествіе боль-

шаго вниманія. Шакловитый, узнавши объ немъ, сказалъ: „Вольно ему, взбѣсяся, бѣгать.“ (*Ист. Рос. 123—125*).

Ясно, что бунта никакого не было и Шакловитый имѣлъ поводъ сказать о Петрѣ: „вольно ему взбѣсяся бѣгать.“ Понятно, что Софія и ея приверженцы собрали въ Кремль стрѣльцовъ для защиты и сначала не придавали значенія бѣгству Петра изъ Преображенскаго къ Троицѣ; въ этомъ случаѣ напрасно г. Соловьевъ хочет набросить тѣнь на Софію, будто бы она пригворствовала, будто въверху старались показать видъ, что не обращаютъ на это происшествіе большаго вниманія. Софіи дѣйствительно не приходило въ голову, чтобы побѣгъ Петра къ Троицѣ разстроилъ ее съ братомъ и рѣшилъ ея судьбу. Что же касается до сбора стрѣльцовъ въ Кремль, то изъ всего хода дѣла о Шакловитомъ ясно видно, что ихъ призывали изъ боязни нападенія противной стороны, ждали прихода потѣшныхъ коноховъ изъ Преображенскаго. Шакловитый велитъ двумъ довѣреннымъ подъячимъ ложиться спать во дворцѣ, посылаетъ развѣдывать по дорогѣ къ Преображенскому, куда пойдетъ царь Петръ. Слѣдовательно, нападенія вовсе не было, а одна предосторожность на всякій случай, чтобы не застали въ расплохъ. Тоже мы видимъ и со стороны приверженцевъ Петра: они наблюдаютъ, что дѣлается въ Кремлѣ, зачѣмъ необычно собраны войска съ заряженными ружьями и рѣшили, что для нападенія на Преображенское. Елизарьевъ, который нашелъ подметное письмо на Лубянкѣ, вѣроятно, самъ устроилъ все это дѣло, по крайней мѣрѣ есть много поводовъ подозрѣвать его въ этомъ: онъ былъ мастеръ на доносы. Что же касается до подговора стрѣльцовъ царевной и раздачѣ имъ денегъ; то естественно должна же она была имѣть какую — либо опору, когда потѣшныя озорники грозили ей изъ Преображенскаго своими копыями. Въ видахъ предосторожности, въ ночь на 8-е августа привязали веревку къ языку набатнаго колокола въ Кремлѣ, чтобы сдѣлать тревогу, въ случаѣ внезапнаго ихъ нападенія. Въ дѣлѣ о Шакловитомъ подробно изложено, что со стороны Софіи и Шакловитаго не затѣвалось никакого бунта: послѣ угрозы Натальи Кириловны силой своихъ близкихъ, „начало быть опасеніе;“ потомъ, когда Головкинъ приво- дилъ двухъ кривуновъ, открыто заявлявшихъ, чтобы Петру „быть одному государю,“ царевна еще болѣе стала бояться противной партіи. „А въ которые времена стрѣльцы для такогоя опасенія были въ сборѣ въ городъ, а не для бунтовъ,“ говорилъ Шакловитый. Тоже видно изъ словъ Софіи, которая видимо напугана была слухомъ о приходѣ потѣшныхъ въ Кремль, съ цѣлю нападенія на ея приближенныхъ. „И какъ же в. государыня изволила отъ Казанской Богородицы идти въ Кремль и изволила имъ говорить: есть ли бы де она не опаслась, и какъ бы де прѣехали изъ

Преображенскаго, всѣхъ бы де передавали.“ (*Прилож. 23, 24, 25*)

При розыскѣ по дѣлу Шакловитаго, всѣ домашніе разговоры о долголѣтности Петра, о низкомъ происхожденіи царицы Натальи, о недалекомъ образованіи патріарха поставлены въ вину подсудимымъ лицамъ и раздуты были до государственныхъ преступленій. Поэтому показаніе Шакловитаго очень вѣрно, что намѣреніе убить царицу Наталью Кириловну ограничивалось однимъ разговоромъ и намѣреніемъ: „начались слова съ Куземкиныхъ словъ Чермнова, и *чрезъ разговоры они говоривали, чтобъ ее убить и чтобъ въ Преображенскомъ зажечь, только на мѣрѣ не стало.*“ Мысль о вѣнчаніи царевны на царство, по мнѣнію Шакловитаго, внушена иноземцами, и стрѣльцы поступились - было на это; но Голицынъ отвѣчалъ, „что тому дѣлу зѣло удивляется и насилу пришелъ въ память, что то дѣло необычайное.“ Точно также у и Голицына не было прямой цѣли — убить Наталью Кириловну: онъ въ кругу своихъ близкихъ только позволялъ себѣ выражать сожалѣніе, что стрѣльцы не уходили царицу вмѣстѣ съ братьями, во время майскаго бунта, потому что она всѣмъ мутитъ (*См. въ Приложеніи къ настоящему сочиненію, стр. 4*). Хитрый и честолюбивый Цыклеръ первый понялъ, что дѣло Петра выиграетъ и безопаснѣе держать его сторону, чѣмъ правительницы; онъ тайно вызвался пріѣхать къ Петру и сообщить ему нѣкоторыя секретныя вещи. За Цыклеромъ отправились его друзья, искать счастья на сторонѣ новой силы, въ числѣ шести стрѣльцовъ, съ своими доносами и извѣтами, и во главѣ ихъ стоялъ Ларіонъ Елизарьевъ ¹¹²). Самъ патріархъ, кажется, понималъ, какими побужденіями руководились извѣтчики, и потому, передъ слѣдственнымъ дѣломъ, намекнулъ имъ о добросовѣстности показаній, объяснивъ напередъ, что начало бунта открыто и противъ царя Петра и противъ него, патріарха Іоакима, что ищутъ головы обонхъ представителей власти — и гражданской и духовной. Этотъ мотивъ давно извѣстенъ изучающимъ исторію московскаго періода, когда личныхъ враговъ старались посадить именно на злоумышленія противъ властей. „А в. господинъ св. патріархъ говорилъ имъ съ великими слезами, что уже чинится таковой злой умыселъ на в. государей и на него в. господина, и о приношеніи про тотъ умыселъ всякихъ явностей, поучалъ ихъ отъ божественнаго писанія многими притчами, и говорилъ имъ: будетъ кто изъ нихъ в. государемъ извѣщаетъ и приносятъ истину, а не чести и не инаго ради какого прибытку, и на нихъ буди его архіерейское благословеніе; а буде кто приносить чести ради или иныхъ какихъ причинъ, или ради недружбы, — и на томъ не буди его архіерейское благословеніе.“ Стрѣльцы отвѣчали, что умысла Шакловитаго не знаютъ, царямъ служить готовы и воровъ приводить. (*Дѣло Шаклов. свит. № 8, столб. 5*).

Между тѣмъ, со стороны московскихъ жителей къ Софіи и ея окружающимъ постоянно приходили нерадостныя вѣсти: лица, недовольныя правленіемъ царевны, постоянно разглашали, что царь Петръ не вернется изъ похода и его сторона побѣдитъ скоро; Голицынъ и Шаховитый, какъ главные виновники хода дѣлъ, должны поплатиться своими головами. Пока еще на Москвѣ оставалась сила въ рукахъ царевны, она старалась чутко слѣдить за этими смѣлыми разговорами неосторожныхъ людей и привлекала ихъ къ законной отвѣтственности. И по этимъ судебнымъ дѣламъ мы узнаемъ, что авг. 18 покровской сотни тяглець Марчко Андреяновъ говоритъ непристойныя слова, будто царь Петръ изволилъ итти изъ Троицкаго монастыря въ Ярославль, въ Троицкій монастырь съ Москвы ѣдутъ бояре и боярыни съ сундуками. Авг. 19 по извѣту стрѣлецъ В. Павловъ сказалъ, что въ Троицкій монастырь онъ посланъ по наряду съ полковникомъ Цыклеромъ и посланъ къ Москвѣ съ письмами. И Ларка Елизарьевъ... отъ Ив. Цыклера и отъ себя наказывалъ, чтобъ пятисотные Андрей Кондратьевъ... Стрижевъ побывали въ Троицкомъ монастырѣ, не опасаясь ничего, а отъ в. де государя на нихъ гнѣву никакого не будетъ! Видно, что Елизарьевъ человекъ ловкій. — Потомъ стрѣльцовъ 7 человекъ извѣщали на Троицкаго попа Хрисанеа: былъ онъ 31 авг. у пятисотнаго Микиты съ попомъ Иустиномъ и спрашивалъ: „все ли де у нихъ здорово? И онъ де сказалъ, что у нихъ все далъ Богъ здорово, и попь де Хрисанеъ говорилъ: напрасно де они стали за холопа Голицына, онъ де такой же, каковы и они, ровень де онъ съ ними и таковъ, слово въ слово, что и они. Да онъ еще говорилъ про в. государыню... Софію Ал. непристойныя слова... Попъ Устинъ молви, яко они напрасно стоятъ за вора Голицына, вышелъ вонъ; а Хрисанеъ Оберегателя бравя матерны говорилъ, что де имъ за такого вора напрасно и стоять.“ Непристойныя слова про царевну многіе слышали. Авг. 27 человекъ Нарышкина Ив. Степановъ говорилъ у стрѣльца полку Капустина, Ив. Сметаны: въ Преображенъе прибѣгаль къ царю Петру Ал. стрѣлецъ стремяннаго полку и в. государю извѣщаль, что съ Москвы идутъ изъ всѣхъ полковъ стрѣльцы съ ружьемъ, а хотятъ такъ же учинить, что надъ царевичемъ Дмитреемъ Ив. „И в. государь изволилъ взять съ конюшни Льва Кириловича лошадь и итти въ Троицкой монастырь, а съ нимъ только успѣли уѣхать постельничій Г. Иван. Головкинъ, да карло, да тотъ извѣтчикъ. Прибѣгли ночью къ Льву Кириловичу и онъ наскоро уѣхаль. Да онъ же де Ивашко говорилъ: дай де только нашей братѣ боярскимъ людямъ собратца, будутъ де они и сами стрѣльцовъ за ноги волочить; Оберегатель... былъ подъ Крымомъ, а ничего не сдѣлалъ, только де наполнилъ свои руки, а ихъ братья боярскихъ людей тысячу другую

потерялъ, да чають-ему, да окольникову головы отсѣкутъ. В. государь Петръ Ал. къ Москвѣ не будетъ, хотя и зовуть; а пойдетъ въ В. Новгородъ, и тамъ де ему будетъ царство.“ Всѣ эти толки увеличивали страхъ и опасенія правительницы, и она хотѣла достигнуть цѣли угрозами и сдѣлала распоряженіе: у бѣжавшихъ съ Москвы къ Троицѣ стрѣльцовъ, „дворы и лавки, и всякіе торговые промыслы, гдѣ за ними есть, и во дворѣхъ платье и рухлядь и всякіе заводы отписать на в. государей.“ (*Дѣло о Шакл. № 5, столб. 309—320*). Но эти угрозы оказались бесполезны: побѣги стрѣльцовъ становились чаще и чаще.

Софія поняла опасность и убѣждала стрѣльцовъ — не рѣшиться въ ея распрю съ братомъ; она послала патриарха уговаривать Петра, хотя и выражалась прежде, что онъ только мутитъ; патриархъ остался у Троицы, когда ему сообщили, что на мѣсто его хотѣли опредѣлить С. Медвѣдева. Извѣтчики не дремали и напали на Шакловитаго, самаго сильнаго и энергическаго приверженца царевны, обвиняя его въ заговорѣ на жизнь Петра. Софія сама поѣхала къ Троицѣ мириться съ братомъ, но въ селѣ Воздвиженскомъ встрѣтилъ ее Троекуровъ съ объявленіемъ, что если она пойдетъ, то съ нею нечестно будетъ поступлено; возвратившись въ Москву, она говорила, что насилу ушла изъ Воздвиженскаго, гдѣ ее чуть не застрѣлили, что Нарышкины и Лопухины добираются до нея и ея брата. Софія вышла къ стрѣльцамъ, „и приводила ихъ ко кресту, и изволила имъ говорить: есть ли де вы побѣжите въ походъ, и ихъ де животворящій крестъ не попуститъ... И говорила про св. патриарха: посягаетъ онъ на нее, в. государыню, чѣмъ бы де ему уговаривать, а онъ де самъ посягаетъ... Чуть ее посыльные люди не застрѣлили. А пріѣхали де они къ ней съ саналами и съ луки. И призоветъ де она полки и станетъ говорить сама. У царя Іоанна комнату дровамъ заклали, и хотять де князю В. Голицыну голову отрубить, а онъ де добра много сдѣлалъ: польское перемиріе учинилъ, съ Дону де выдачи не было, и его де промысломъ и съ Дону выдаютъ. И вы де насъ не покиньте!“ И дала 100 р. Гладкому и Елизарьеву. Другимъ стрѣльцамъ царевна тоже жаловалась: „Братъ де ея... в. государь Петръ Ал. прислалъ спалника, чтобъ прислать всеконечно къ очной ставкѣ приставовъ Андрюшку Кондратьева съ товарищи; и я де ихъ не пошлю для того, можно де дать очная ставка и на Москвѣ. А и давать де очной ставки имъ съ ними не для чего, тамъ де ихъ 10 человекъ, а здѣсь де 20,000. А кн. Борисъ де Голицынъ да Левъ Нарышкинъ съ братьями растащили государскую казну... Житье де наше ставится коротко, и в. государя Іоанна Ал. ставятъ ни во что, а ее де, в. государыню, называютъ тамъ дѣвкой, и будто де она, в. государыня, и не дочь в. государя, царя Алексѣя... самодержца? И радѣла де она, в. го-

сударня, обо всячинѣ, и все изъ рукъ ташать. А будетъ вамъ мы не надобны, и мы пойдемъ себѣ съ братомъ, гдѣ кельи искать. И указала она в. государня дать имъ пяти человѣкамъ 100 р.“

Между тѣмъ изъ Троицкой лавры присланъ былъ 1-го сентября, въ новый годъ, полковникъ Нечаевъ съ грамотами и требовалъ выдачи мятежниковъ — Оедьку Шакловитаго и старца С. Медвѣдева для розыска. Софія сначала погорячилась и приказала — было казнить Нечаева, но потомъ раздумала. Стрѣльцы рассказывали потомъ въ Троицкомъ монастырѣ о поведеніи Софіи въ этотъ день слѣдующее: „Велѣно имъ, стрѣльцамъ, которые присланы изъ Троицкаго походу, быть въ верхъ, и они де прислали на Красное крыльцо всѣхъ полковъ по 10 человѣкъ, и ихъ де позвали въ верхъ за переграду къ Золотой рѣшетки. И вышла де къ нимъ в. государня Софія Ал. и говорила: „Для чего де вы пріѣхали и съ какимъ указомъ? И они де ей подали указы, которые съ ними въ полки посланы. И она де, в. государня, говорила имъ: чему де вы тому вѣрите, что вамъ въ Троицкомъ монастырѣ прочитали? Тѣ де писма отъ воровъ составлены. И вы де безъ указу съ Москвы въ Троицкій монастырь не ѣздите для того: братъ де мой, в. государь Петръ Алексѣевичъ меня къ себѣ въ монастырь не допустить. И для которыхъ де людей вы присланы, и я де ихъ вамъ не отдамъ, для того *будетъ де отдать вамъ 9 человѣкъ, и они де оговорятъ и 900 человѣкъ, — чему тому вѣрить?* Довелось де прислать тѣхъ къ Москвѣ для розыску, которые ихъ оговариваютъ, — и я де васъ не отпущу, и которые пойманы и сидятъ на съѣзжихъ избахъ, не дамъ, и для того въ Троицкій монастырь пошлю боярина... Зачто де тѣхъ людей выдать, они де люди добрые и намъ холопи вѣрные и будетъ ихъ выдать и ихъ станутъ пытать: оговорятъ свою братью многихъ, хорошо бѣ доводчиковъ прислать къ Москвѣ, да не къ тому знатно то дѣло клонять, хотятъ меня извести. *Злые люди учинили между нами ссору и научили говорить объ умыслѣ противъ царя Петра Алексѣевича и другихъ. Завистію къ вѣрной службѣ и раднѣи Оеодора Шаклови. таго, назвали его заводчиками злаго умысла.* Чтобъ развѣдать обо всемъ, я сама пошла къ Троицѣ, но царь Петръ Ал. велѣлъ меня остановить *и наученію злыхъ советниковъ,* и должнѣ я была возвратиться съ великимъ страхомъ. Всѣмъ вамъ вѣдомо, какъ я въ эти семьлѣтъ правительствовала, а приняла правительство въ самое смутное время, учинила славный вѣчный миръ съ христіанскимъ сосѣднимъ государемъ, а враги креста Христова отъ оружія моего въ ужасѣ пребываютъ. Вы за ваши службы пожалованы нашимъ великимъ жалованіемъ, и милость нашу къ себѣ вѣрно помните. *Ужели послѣ того вы намъ учинитесь не*

спрости, повстривши вымыслу злых людей, которые всему христианству добра не желают и смуты заводят. Не головы Федора Шаковитого ищутъ, ищутъ головы моей, и брата моего Ивана Алексѣевича.“ (*Изъ дѣла о Шаков. № 8, столб. 35—58*). По моему мнѣнію, въ этой прекрасной рѣчи, откровенно высказанной передъ стрѣльцами и передъ народомъ, безъ всякой задней мысли, въ виду грозящаго горестнаго положенія, скрывается вся разгадка дѣла и мнимаго заговора на жизнь Петра.

Сент. 2-го Софія распорядилась „поставить прибылой караулъ въ Кремль и на Лыковъ дворъ по полку, черембяясь посуточно, а по Земляному городу во всѣхъ воротехъ, чтобъ всякихъ чиновъ людей, которые придутъ изъ походу, имать и приводить на стѣнной караулъ.“ И царица опять имѣла разговоръ съ стрѣльцами, которые присланы были изъ походу; призвавъ ихъ, она вела рѣчь, „чтобъ они по кого пришъли, не имали и съ Москвы въ Троицкій монастырь безъ указу не ѣздили, покажѣсть она изволить послать къ в. государю Петру Ал. отъ себя боярина. И какъ отъ него отвѣтъ будетъ, и она имъ о томъ скажетъ. А буде де кто чрезъ тотъ ея указъ въ Троицкій монастырь поѣдетъ, и тѣмъ женъ своихъ и дѣтей не видать.“ Но дѣла приняли грозный оборотъ для правительницы, такъ что власть ея уже не имѣла вліянія на стрѣльцовъ: они сначала выжидали, потомъ хлынули толпами по направленію къ Троицкой лаврѣ.

Доселѣ принято было смотрѣть на смуту 1689 г. глазами сторонниковъ Петра и считать только несомнѣнными ихъ показанія, основанныя на доносахъ шпіоновъ и пройдохъ, которые рады были случаю въ мутной водѣ рыбу ловить. Если же мы хотя въ половину будемъ вѣрить показаніямъ подсудимыхъ, то выведемъ заключеніе, что въ словахъ Софіи и Шаковитаго много правды, именно: партія Нарышкиныхъ обвинила правительницѣ послѣднюю борьбу и вышла совсѣмъ изъ ея подчиненія; она искала только случая ослабить враговъ своихъ, не стѣсняясь въ выборѣ средствъ. Поэтому все дѣло основано было на извѣткахъ и доносахъ, такъ что Шаковитый справедливо замѣтилъ: Ларіонъ Елизарьевъ и другіе извѣтчики, стакавшись съ Ив. Цыклеромъ, затѣяли напрасно. Если бы не подсудимымъ, а слѣдователемъ явился Шаковитый, то главные приверженцы Петра непремѣнно оказались бы государственными преступниками въ отношеніи къ царю Іоанну, и тогда они помѣнялись бы ролями съ В. Голицынымъ. Къ такому заключенію приводитъ послѣдняя служба Шаковитаго въ пользу царевны; это—его связка по всѣмъ чинамъ московскаго государства для оправданія дѣятельности Софіи, что она приняла правленіе государствомъ по челобитью народа и въ самое смутное время; а теперь Нарышкины безчестятъ ее и ея брата, царя Іоанна Алексѣевича, къ рукъ его не ходятъ, прибрали потѣшныхъ воиновъ, отъ которыхъ многимъ людямъ чинятся обиды и

насилія, а Петръ не даетъ отвѣта, когда бьютъ челомъ на нихъ; комнату царя Іоанна забросали полѣньями и изломали его вѣнецъ.

На новыя требованія выдачи Шакловитаго, Софія отвѣчала, что сама отправится къ Троицѣ вмѣстѣ съ старшимъ братомъ. Если бы Софія хитрила, чувствовала себя виноватой въ отношеніи къ Петру, она не позволила бы себѣ ѣхать къ нему и открыто говорить предъ народомъ, имѣла бы время убраться за границу; Софія всегда дѣйствовала прямо и съ стрѣльцами не церемонилась. На сторону Петра перешли всѣ иностранцы и у Троицы дѣла велись тайно и хитро, доносы сыпались одинъ за другимъ; прибывшіе иноземцы поцѣловали у царя руку и онъ самъ поднесъ каждому по чаргѣ водки. Толпа стрѣльцовъ, желая прекратить тревоги, пришла въ Кремль и требовала выдачи Шакловитаго. Окружающіе царевну уговаривали исполнить ихъ просьбу, чтобы не пришлось заплатить жизнью многимъ— и 7 сент. Шакловитый былъ выданъ. Въ монастырѣ подвергли его пыткамъ; онъ показаль, что стрѣльцовъ собирали для собственной защиты, а не для бунта, что онъ на жизнь Петра никогда не умышлялъ. Мнѣ основательнымъ кажется, что въ вѣрности показанія Шакловитаго нельзя сомнѣваться тѣмъ болѣе, что онъ откровенно упомянулъ о разговорѣ съ Чернымъ Кузьмой объ убійствѣ царицы Натальи. Филиппъ Сапоговъ объявлялъ, будто Шакловитый подговаривалъ его—бросить ручныя гранаты, когда пойдетъ Петръ, или убить, во время пожара въ Преображенскомъ. Но этому одиночному показанію можно и не вѣрять, принимая во вниманіе характеръ розыска о бунтѣ Шакловитаго и весь ходъ дѣла ¹¹²).

Прослѣдивъ все дѣло, затѣянное о Шакловитомъ и его приверженцахъ, выносишь тяжелое впечатлѣніе: серьезнаго заговора никакого тутъ не было: если что затѣвалось, то это была проба, попытка отдѣлаться отъ личныхъ враговъ—Натальи Кириловны и Льва Кириловича Нарышкиныхъ и отъ Бориса Голицына. Относительно Петра тутъ не было и рѣчи. Если принять во вниманіе всевозможныя стремленія петровской партіи поймать на всякой мелочи приверженцевъ Софіи и раздуть каждый ничтожный фактъ, каждое кабинетное интимное слово; если сообразить, что подтвержденія искомымъ даннымъ добывали страшными пытками; то можно увѣряться, что отъ болтовни до дѣла тутъ было очень далеко, и бунта совершенно нельзя было ожидать. Если Шакловитый подговаривалъ стрѣльцовъ на отчаянное дѣло, то они никогда бы на него не рѣшились: царевубійства можно ожидать было только со стороны высшихъ бояръ. Самые близкіе приверженцы Софіи съ ужасомъ выслушивали одни предположенія и намеки на страшныя кровавыя замыслы. Одинъ изъ самыхъ приближенныхъ къ царевнѣ лицъ, В. В. Голицынъ, не одобрялъ никогда крутыхъ мѣръ, даже вѣнчаніе на царство правительницы считалъ дѣломъ великимъ, а С. Мед-

вѣдѣвъ, услыхавъ о преступныхъ замыслахъ, грозилъ страшнымъ судомъ тѣмъ, кто вздумалъ бы возстать противъ царя. Разъ, извѣстный извѣтчикъ, Ларіонъ Елизарьевъ пришелъ къ Медвѣдеву и со слезами говорилъ: пришла-де на насъ бѣда великая, не знаемъ какъ быть, призываетъ насъ Ѳеодоръ Шаковитый, меня да Андрюшку Кондратьева, Алешку Стрижова, Оброську Петрова и говорилъ, что имъ тайно въ ночь побить боярина Л. К. Нарышкина, да кравчаго кн. Бориса Алексѣевича и иныхъ. Медвѣдевъ отвѣчалъ ему: „если вы такъ сдѣлаете, то пропадете и съ Ѳеодоромъ здѣсь и въ вѣчное душами; скажите ему Ѳедкѣ, что вамъ того дѣла учинить однимъ невозможно, а инымъ говорить вы о томъ не смѣете, говорилъ бы онъ самъ.“ При одномъ извѣстїи о рѣшительныхъ средствахъ упрочить свое положеніе царевубійствомъ, ужасъ оковывалъ самыхъ приближенныхъ любимцевъ Софіи, выгодное положеніе которыхъ было тѣсно связано съ ея силой; и они съ отвращеніемъ отвергали кровавый планъ. Такимъ образомъ, въ результатѣ оказывается, что серьезныхъ замысловъ совсѣмъ не было. Правительница хорошо знала и испытала, что именемъ царей и въ защиту ихъ противъ стрѣльцовъ можно собрать силы цѣлой русской земли; но противъ нихъ нельзя двинуть и шести приверженныхъ энергическихъ лицъ. Вообще, изъ слѣдственнаго дѣла о Шаковитомъ, которое я основательно изучилъ, ясно видно, что партія Петра хваталась за каждый ничтожный случай для обвиненія своихъ противниковъ. Явные нечѣпости, которыя приписывали главнымъ приверженцамъ Софіи, даютъ прекрасный случай—оцѣнить степень достовѣрности и другихъ извѣтвъ и судить о ходѣ самаго производства дѣла. Всякая сплетня, распушенная обусурманившимся козакомъ, каждый извѣтъ ловкаго схимника или пройдохи поляка—все служило для обвиненія противниковъ партїи Нарышкиныхъ. Сами слѣдователи едва ли не лучше нашего знали, что многіе извѣты или ложны или преувеличены и чуть ли нѣкоторые не ими подстроены; по крайней мѣрѣ есть такое же основаніе подозрѣвать ихъ въ заговорѣ противъ Софіи и ея друзей, на какомъ обвиняютъ ея приверженцевъ въ рѣшительныхъ замыслахъ противъ Петра. Сочли же преступникомъ Шаковитаго на слѣдствїи за то, что онъ называлъ бояръ отпадшими ябломи деревьями и говорилъ о царицѣ Натальѣ Кириловнѣ, что она въ Смоленскѣ въ лаптяхъ ходила. Очевидно, боярская партія не терпѣла этого выскочки и желала, во что бы то ни стало, стереть съ лица земли своего зазнавашагося врага.

Мнѣ нѣтъ нужды излагать подробности дѣла о Шаковитомъ и для извѣжанія этого я помѣстилъ цѣликомъ въ приложенїи отрывки изъ подлиннаго розиска, — для моей цѣли достаточно указать на громадное разногласіе между его показаніемъ и заключеніемъ судей. Шакови-

тій высказавъ, что у него не было мысли покушаться на жизнь Петра, а судьи обнародовали въ приговорѣ, что онъ сознался во всѣхъ вводимыхъ на него богопротивныхъ замыслахъ. Онъ заявлялъ, что о переѣвѣ патрiарха и объ убійствѣ царицы Натальи былъ только разговоръ и тѣмъ ограничилось дѣло, а въ приговорѣ прямо означено, что чуть-чуть не исполнено. Онъ показывалъ, что стрѣльцовъ въ Кремль вызвали изъ опасенія нападеній сторонниковъ Петра, а эти же сторонники толковали народу, что онъ собралъ вооруженныхъ стрѣльцовъ ночью съ цѣлью—убить царя Петра. Поэтому враги величали его прямо воромъ, клятвопреступникомъ и т. п. (См. въ Прилож. стр. 21—22). „Въ ночи на 8 авг. въ царствующемъ градѣ Москвѣ, не боясь Бога и страшнаго его суда прещенія, забывъ свое обѣщаніе и ихъ государскую премногую милость, претѣвися въ сосудъ діавола, якоже Іуда Христа предатель, клятвопреступникъ и измѣнникъ Оедька Шаковитой, съ такими жъ ворами и клятвопреступниками и измѣнниками, съ товарищи своими учинили въ стрѣлецкихъ многихъ полкахъ возмущеніе многолюднаго собранія съ ружьемъ тайно; а по воровскому своему злему намѣренію, тотъ воръ и клятвопреступникъ съ товарищи хотѣли придти въ с. Преображенское для алохитрственнаго своего ухищренія на ихъ государское здоровье и милостію всеяльной Троицы.“ Царь съ матерью сохранены и соблюдены. . . Клятвопреступники и измѣнники переиманы „и по розыску въ томъ своемъ воровствѣ на ихъ государское здоровье въ умыслѣ и во всенародномъ возмущеніи и въ иныхъ своихъ многихъ воровствахъ виновлись, и за то ихъ воровство и умышленіе“ Шаковитой съ товарищи казненъ смертію, а товарищамъ его языки рѣзаны и учинена торговая казнь, и сосланы въ ссылку ‘‘‘).

Поводъ къ разгулу страстей человѣческихъ былъ поданъ сильный: кто хотѣлъ забить окончательно своего недруга, кто доносомъ и извѣтомъ желалъ выволзти въ люди, а кому нужно было удовлетворить жажду користи. Мы видимъ, какъ всѣ извѣтчики выпрашиваютъ себѣ награды за вѣрную службу, пожитки и дома сосланныхъ лицъ. Время правленія Софiи было временемъ доносовъ и интригъ, когда каждая партія, каждое лицо искали своихъ цѣлей при помощи боярскихъ столкновеній придворныхъ смуть. Какъ лекарь Берювъ былъ доносителемъ на Артамона Матвѣева и на Ивана Нарышкина, такъ и Елизарьевъ утопилъ Шаковитаго и Цыклера, дѣйствуя въ пользу Петра. Нѣтъ сомнѣнія, что Шаковитинъ имѣлъ побужденія отдѣлаться отъ Нарышкинскихъ, какъ враговъ своихъ, чтобы дать просторъ дѣятельности царевны, и у него бродила мысль воспользоваться силой стрѣльцовъ. Онъ все пріобрѣлъ по милости Софiи и всего сразу могъ лишиться; онъ выгнѣзъ изъ людей незначительныхъ и ничтожныхъ въ чинѣ ошольничества, сдѣлался намѣстникомъ Вяземскимъ и заправлялъ всѣми

почти дѣлами. Ему былъ интересъ удержать Софію на тронѣ, иначе самому грозилъ первобытная судьба. Враги его добивались головы дерзкаго выскочки, управлявшаго боярствомъ и его судьбами, и преувеличили его замысли. Весьма знаменательное извѣстіе передаетъ въ своихъ запискахъ свидѣтель событій тогдашняго времени, П. Гордонъ: когда распространился слухъ сент. 8, что Шакловитаго будутъ казнить постѣ первой пытки, то многіе изъ служивыхъ людей собрались въ монастырь, по ихъ словамъ, *служи в. государю*, били челомъ, чтобъ велѣно было Шакловитаго пытать еще разъ: пусть объявитъ своихъ соумышленниковъ. Царь велѣлъ сказать имъ, что онъ показаніями Шакловитаго доволенъ, а имъ непристойно вмѣшиваться въ это дѣло. Другое извѣстіе говоритъ, будто Петръ не находилъ виновнымъ и не соглашался на казнь Шакловитаго съ товарищами; но патриархъ и царскіе приближенные настояли, чтобы они были преданы казнямъ ¹¹⁵⁾.

По дѣлу Шакловитаго привлеченъ былъ къ суду другой выскочка не боярскаго роду, но человѣкъ съ сильной душой и широкимъ образованіемъ, это—С. Медвѣдевъ, который позволялъ себѣ критически относиться къ области церковныхъ дѣлъ и къ личностямъ высшаго духовенства. Обвинивъ его въ ереси за книгу „Манна хлѣба животнаго,“ враги запутали его и по политическимъ дѣламъ. Вотъ какія вины его вычислены въ смертномъ приговорѣ 5 окт. 1689 г.: Медвѣдева казнить смертью „за воровство, и за измѣну, и за возмущеніе къ бунту,“ потому что 1) Шакловитый пріѣзжалъ къ нему и бесѣдовалъ о убійствѣ царицы Натальи Кирилловны и о коронаціи царевны Софіи Ал.; 2) къ нему приходили измѣнники стрѣльцы Оброська Петровъ, Никитка Гладкой, Алешка Стрижовъ съ товарищи и говорили о злыхъ умыслахъ, и о возмущеніи ночнаго бунта, и о побіеніи бояръ и ближнихъ людей; 3) онъ говорилъ, что сторона Петра повежетъ дней на 10, а потомъ опять сила царевны возьметъ свое; 4) говорилъ непристойныя слова про патриарха и держалъ у себя карауль; 5) бѣжалъ изъ Москвы съ измѣнниками стрѣльцами; 6) по приказу Шакловитаго раздавалъ деньги стрѣльцамъ, когда онъ ѣздилъ къ гетману. Тотъ же Филипп Сапоговъ, который сдѣлалъ извѣтъ на Шакловитаго, донесъ и на Медвѣдева, будто онъ, вмѣстѣ съ землякомъ своимъ, замыслилъ убить патриарха. Между тѣмъ по ходу дѣла видно, что Медвѣдевъ и не могъ мечтать объ этомъ, находясь въ постоянномъ страхѣ, какъ бы патриархъ не выслалъ его изъ Москвы. О взглядѣ и отношеніяхъ своихъ къ патриарху онъ высказалъ, что святитель мало ученъ и рѣчей богословскихъ не знаетъ, и прибавилъ: „а карауль у меня былъ отъ велика дни для того, чтобъ патриархъ тайно меня не сослалъ.“ Слѣдовательно, правительство Софіи уже безсильно было прямо освободить своего сторонника отъ при-

тизаній власти патріарха, когда прибѣгало къ косвеннымъ мѣрамъ, поставило у него караулъ и внушило стрѣльцамъ, чтобы они сказали, если придутъ за нимъ отъ патріарха, будто Медвѣдевъ арестованъ по дѣламъ государственнымъ. Эта хитрая уловка обнаруживаетъ слабость правительства царевны—и Медвѣдеву ничего нельзя было лучше придумать, какъ уйти изъ Москвы. Обыкновенно побѣгъ его объясняютъ сознаниемъ участія въ заговорѣ и представленіемъ страха наказанія. Но Медвѣдевъ ускользнулъ изъ Москвы, когда увидѣлъ, что врагъ его — патріархъ, авг. 19—22 перешелъ на сторону Петра и ему нельзя было ожидать добра; онъ бѣжалъ 31 августа вечеромъ, когда пріѣхалъ Нечаевъ съ рѣшительнымъ требованіемъ выдачи его, Шакловитаго и ихъ сообщниковъ, которые всѣ названы были измѣнниками. Іоакимъ узналъ въ Троицкой лаврѣ изъ извѣста Сапогова, какъ Шакловитый съ Медвѣдевымъ замыслили убить его и возвести на патріаршество простаго старца, т. е. Медвѣдева. Ненавидѣвшій Медвѣдева, какъ личнаго своего врага, за его рѣзкіе отзывы, патріархъ не сомнѣвался въ дѣйствительности замысловъ честолюбиваго настоятеля Спасскаго монастыря за иконнымъ рядомъ. Еще при царѣ Ѳеодорѣ распушенъ былъ слухъ, будто С. Полоцкій, не ладившій съ Іоакимомъ, совѣтовалъ царю поставить 4 патріарха въ Россіи, а Нивона сдѣлать папой, удаливъ Іоакима въ Новгородъ. (*Татищева Ист. Рос. I, 573*). Безъ сомнѣнія, также основательны были и нареканія на ученика и друга Симеона Полоцкаго, С. Медвѣдева, что онъ добивается всѣми мѣрами стать во главѣ русскаго духовенства, хотя бы пришлось для достиженія этой цѣли умертвить патріарха. Можетъ быть, когда—нибудь и была рѣчь у земляковъ, что хорошо бы Медвѣдеву, какъ образованному человѣку, занять мѣсто патріарха, который его преслѣдуетъ и не даетъ ему ходу; но придавать широкое значеніе такимъ словамъ могли только враждебныя ему лица, а историкъ не можетъ раздѣлять ихъ пристрастнаго взгляда ¹¹⁶).

Что же касается до обвиненія его въ возмущеніи св. церкви сочиненіемъ—„Манна,“ то онъ отвѣчалъ: книгу писалъ по приказу царевны и ее послали гетману и кievскимъ властямъ къ свидѣтельству, послана была и другая съ ней книга, писанная Лихудами, и на нее въ Кіевѣ напечатано обличительное сочиненіе, которое прислано въ Москву В. В. Голицынымъ въ 197 г. Доносъ Филипа Сапогова въ замыслахъ—вмѣстѣ съ Шакловитымъ убить патріарха, онъ призналъ ложнымъ; дали имъ очную ставку: Медвѣдевъ не сознался и Сапоговъ не доказалъ. Настоятеля монастыря разстригли и подвергли пыткамъ; когда дали 5 ударовъ, онъ повинился только въ одномъ, что говорилъ обидныя слова про патріарха: „учился мало и рѣчей богословскихъ не знаетъ.“ Эти слова противъ высшей духовной московской власти сочли вмѣстѣ и государственнымъ преступленіемъ,

и поставили въ число обвинительныхъ пунктовъ для произнесенія надъ бывшимъ подъячимъ смертнаго приговора. Но Медвѣдевъ, знавшій отлично литературу, былъ правъ, считая патріарха неучемъ, потому что Іоакимъ дѣйствительно былъ недалекій человѣкъ въ образованіи. Онъ не зналъ, напримѣръ, что такое Флорентинскій соборъ и гдѣ можно прочесть о немъ, тогда какъ во многихъ нашихъ лѣтописныхъ сборникахъ дѣло излагается весьма подробно и обстоятельно. Ясно, что патріарху не были извѣстны русскія лѣтописи.

Точно такого же характера и другія обвиненія Медвѣдева въ политическихъ замыслахъ; онъ показалъ на слѣдствіи: „Шакловитый о государскомъ здоровьи и о убійствѣ никакихъ словъ мнѣ не говаривалъ,“ только говорилъ дважды наединѣ, „какъ бы не было царицы Натальи Кирилловны, такъ бы у царевни съ царемъ Петромъ было совѣтно.“ Началась пытка, дали Медвѣдеву 15 ударовъ; онъ сознался только въ томъ, что говорилъ стрѣльцамъ: „не бойтесь, хотя-де царя Петра сторона и повезеть,—и много будетъ дней на 10, а то опять будетъ рука сильна стороны царевни.“ Такъ передавалъ ему Шакловитый, который слышалъ эти пророчественныя слова отъ юродиваго. Онъ сознался, что убѣждалъ своихъ близкихъ перетерпѣть печальное для нихъ время разлада Софій съ Петромъ, потому что надѣялся на хорошій исходъ дѣла. Слѣдователи хотѣли поймать его на одной запискѣ, въ которой означены были имена нѣкоторыхъ стрѣльцовъ; Медвѣдевъ отвѣчалъ на распросы такъ: „письмо, что написаны имена стрѣлцкіе, какъ объявилось у него Сеньки, того онъ не вѣдаетъ; а стрѣльцы де къ нему прикаживали стремяннаго Ефимьева Жукова (т. е. накаралъ), а иныхъ приказовъ, которые въ той росписи написаны, къ нему не прикаживали, а знатно де то письмо объявилось отъ тѣхъ стрѣльцовъ, которые прикаживали.“ (*Москвит. 1843, X, 387*). Самую крупную свою государственную измѣну Медвѣдевъ обнаружилъ въ пыткахъ, что онъ подписывалъ подъ портретомъ Софій титулъ „всержавѣйшей самодержицы,“ изображалъ 7 ея добродѣтелей и сложилъ въ похвалу царевни вирши. Какъ ни невинно кажется на нашъ взглядъ это занятіе пѣснопѣніемъ въ честь царственнаго лица, но оно выражало искреннюю привязанность къ царевнѣ и служило къ возвышенію ея незаконной власти, а потому и считалось посягательствомъ на порядокъ государственный.

Такимъ образомъ, обвинительные пункты ясно говорятъ сами за себя, и изъ нихъ вовсе не видно, чтобы дѣйствительно Медвѣдевъ былъ измѣнникомъ и заговорщикомъ; напротивъ, не смотря на страшныя и стязанія въ пыткахъ, онъ не нашелъ въ своей жизни ни одного преступнаго замысла. Не смотря на пристрастное слѣдствіе, никто изъ свидѣтелей не могъ доказать серьезной вины за нимъ; но голова его нужна была ко-

му-то и враги царевны обрадовались новому и самому недѣльному извѣсти. Пойманъ былъ одинъ изъ сообщниковъ Шакловитаго, А. Стржковъ, который тоже, разумеется въ пыткахъ, обвинялъ Медвѣдева въ сношеніяхъ съ колдуномъ и чародѣемъ полякомъ Силинымъ, вызваннымъ въ Москву лечить глаза царю Іоанну Алексѣевичу; обвинялъ онъ его и въ томъ, что Медвѣдевъ въ разговорѣ съ Силинымъ сообщалъ, будто Софія хочетъ выйти за мужъ за Голицина, а Медвѣдева возвести на патриаршество вмѣсто Іоакима. Медвѣдева подвергли новой страшной пыткѣ огнемъ и желѣзомъ, и потомъ казнили смертію, 11 февр. 1691 г. (*Въ Шитль Вѣры означено 12 сент. 198 г.*)

Такъ погибъ талантливый монахъ С. Медвѣдевъ, бывшій сначала мелкимъ подъячимъ, потомъ придворнымъ духовнымъ лицомъ; онъ заохотѣлъ помѣряться своими силами съ высшими церковными правителями, которые происходили изъ бояръ Савеловыхъ, Корсаковыхъ и т. п.; поэтому испыталъ одинаковую судьбу съ своимъ землякомъ Шакловитымъ, который вздумалъ тоже бороться съ высшимъ боярствомъ и смотрѣлъ на него презрительно. Страшная мечь не замедлила обрушиться на ихъ головы.

Въ правленіе Софіи, государственная власть еще считала своимъ личнымъ оскорбленіемъ, когда раздавались неуважительные отзывы о власти церковной; а сила высшаго духовенства въ свою очередь старалась оградить неприкосновенность правительства духовными средствами, наприм. страхомъ суда Божія и церковнаго наказанія. И вотъ подвернулись два лица изъ представителей партіи Софіи—Шакловитый и Медвѣдевъ; одинъ дѣйствовалъ въ области гражданской, другой—въ сферѣ церковной; они пошли наперекоръ существующему порядку вещей,—и за то лишились своихъ головъ. Не смотря на пытки, они сознались въ невинныхъ замыслахъ, которые высказывали въ пріятельскомъ небольшомъ кругу; да если бы приверженцы Софіи сознавались и въ громаднхъ преступленіяхъ, то трудно было бы вѣрить этимъ свидѣтельствамъ, вынужденнымъ пытками. Странный приѣмъ исторической критики допускается доселѣ: одни показанія на пыткахъ считаются вѣрными, а другія—ложными; если подсудимый говоритъ противъ себя, значитъ—показанія безпристрастны, а если порывается защищать себя, отвергаются, какъ невѣрныя. Но мы имѣемъ подлинныя свидѣтельства, что лица, обвинявшія себя во всевозможныхъ и небывалыхъ преступленіяхъ во время розыска, говорили на себя „не стерпя пытки;“ на пыткахъ не могли быть безпристрастны и нерѣдко лгали на себя, чтобы хоть на время прекратить мучительную боль. Защитники Петра съ ужасомъ говорятъ, какъ пытали въ Константиновскомъ застѣнкѣ Ивана Нарышкина, который будто бы стиснулъ зубы и ни слова не сказалъ, и фонъ-Гадена, который сознался во всевозможныхъ преступленіяхъ. Между тѣмъ, они принимаютъ на вѣру, что всѣ показанія

Медвѣдева, Шакловитаго и другихъ несомнѣнны и составляютъ фактъ неоспоримый.—Нужно бы положить за правило—считать ложью всѣ признанія, вынужденныя пытками. Такъ въ 1774 г. одна женщина, по имени Федосья, въ г. Тотмѣ, обвиненная въ чародѣйствѣ и порчѣ людей, сошлась во всѣхъ взводимыхъ на нее преступленіяхъ; но когда привели ее къ срубѣ на казнь сожженія, она при всемъ народѣ заявила, что поклепала себя напрасно, потому что не въ силахъ была вытерпѣть страшныхъ мученій во время пытокъ, которымъ подвергали ее на слѣдствіи. Другія мнимыя вѣдмы сознавались также въ пыткахъ, что онѣ портили людей, обращались сами въ сорокъ п въ дымъ,—и имъ вѣрили.—Затѣмъ если мы обратимъ вниманіе на переписку извѣтчиковъ по дѣлу Шакловитаго, которые состояли между собою въ пріятельскихъ отношеніяхъ, и на главную роль Циклера, то выведемъ безошибочное заключеніе, что между ними была предварительная стачка, чтобы дѣйствовать сообща противъ друзей Софіи. (*См. въ Прилож. стр. 29—33*) ¹¹⁶).

Отъ этихъ доносовъ, два худородныхъ мужа, Шакловитый и Медвѣдевъ, съ своими близкими, сошли въ могилу съ позоромъ; но не такой однако приговоръ произнесенъ былъ надъ человѣкомъ высшаго происхожденія, приверженцемъ Софіи, надъ княземъ В. В. Голицынымъ, хотя по ходу дѣла онъ является виновнымъ несравненно болѣе Медвѣдева, даже по взгляду самаго правительства. Его осудили въ ссылку за то, что онъ писалъ имя в. государыни Софіи вмѣстѣ съ именами государей и своимъ нерадѣніемъ во время крымскихъ походовъ причинилъ убытокъ государственной казнѣ.

Враги Голицына хватались за каждый новый, хотя бы онъ былъ самый негнѣпный, извѣтъ. Такъ козаки Глистинъ показали на слѣдствіи, будто Голицынъ взялъ съ хана деньги и по этому поворотилъ войска отъ Крыма. (*См. Прилож. стр. 1, 5, 8*). Полякъ Митька Силинъ нагаль на Голицына много негнѣпостей, будто онъ велѣлъ ему смотрѣть на солнце и узнать будущую судьбу царевны и щупать животь у него; царевна хотѣла выйти замужъ за Голицына, а Медвѣдева возвести на патриаршій престолъ. Сапоговъ увѣрялъ, что Оберегатель отступилъ отъ Крыма напрасно, а промыслъ надъ татарами чинить было можно, хотя, конечно, судить объ этомъ не имѣлъ ни малѣйшаго права и основанія. Но для враговъ Софіи достаточно было каждаго ничтожнаго случая, чтобы раздуть искру въ пожаръ. Явился цѣлый рядъ обвиненій, направленныхъ къ тому, чтобы окончательно подвести Голицына подъ топоръ. Изъ переписки его съ Шакловитымъ узнали, что Оберегатель писалъ, чтобы провѣдать о приводѣ двухъ человѣкъ, которые говорили, что царствовать слѣдуетъ одному Петру. Онъ совѣтовалъ подговорить стрѣльцовъ десятокъ - другой, чтобы бѣжали изъ Троицкаго походу, а тогда и царь прибудетъ въ Москву. Обвинили Голицына, будто онъ вѣ-

сказывалъ предположеніе, что хорошо бы зажечь въ с. Преображенскомъ и, въ суматохѣ пожарной, убить царицу Наталью Кириловну; да онъ же говорилъ, „для чего де ее и въ 90 г. не убили; а если бѣ де въ то время уходили, ничего бѣ не было.“ Онъ зналъ, что стрѣльцовъ на 8 авг. собрали въ Кремль съ ружьями; въ то время Шаковитый прѣзжалъ къ нему и пробылъ полчаса; а Голицынъ приказалъ полковнику Нармацкому запираеть ворота, какъ пробьетъ часть ночи, а отпирать за часть до свѣта. Когда Шаковитый водилъ по 10 и больше стрѣльцовъ къ Софіи Алекс., Голицынъ присутствовалъ при этомъ. Онъ получилъ письмо и золотое отъ царевны, присланные въ Еренскъ съ Кропоткинымъ, и самъ отвѣчалъ письмомъ, начертаннымъ крѣками.

Допросные пункты и инструкціи, данные въ руководство слѣдователямъ, до такой степени подробны и такъ легко могли запутать подсудимаго, что на до удивляться только дипломатической ловкости Голицына, какъ онъ не попалъ прямо въ разставленныя сѣти. Непріатели Голицына старались обвинить его въ сношеніяхъ съ различными колдунами; молва эта неизвѣстнаго происхожденія и пущена въ ходъ, вѣроятно, лицами изъ партіи Нарышковыхъ. „Разстрига Сенька Медвѣдевъ въ распросѣ сказалъ и въ письмѣ своею рукою написалъ и съ пытки говорилъ: князь В. Голицынъ велѣлъ въ деревнѣ своей, (въ которой—не показатъ), въ банѣ, мужика сжечь для того, чтобъ проносу (молвы) отъ него не было, что онъ ему въ ѣствахъ дѣлалъ прилюбленія, и тѣ ѣствы отсылалъ онъ къ царевнѣ Софіи, а то де дѣлалъ по повелѣнью князя В. Голицына; а ему Сенькѣ про то сказывалъ иконникъ Васька Владиміровъ. А Васька сказалъ и съ пытки говорилъ, что мужикъ въ банѣ сожженъ, и что онъ сыпалъ въ ѣствы травы, а князь Голицынъ подносилъ ихъ царевнѣ. А слышалъ онъ про то отъ крестьянина Одоевскихъ Васьки Иванова.“ Въ опроверженіе этого нелѣпаго разсказа, В. Голицынъ отвѣчалъ: „ничего того не дѣлывалъ и не мыслилъ, и человекъ въ банѣ не сжигалъ.“

Обвинительные пункты постепенно разрастались, особенно послѣ того, какъ Борисъ Голицынъ отстоялъ двоюроднаго брата отъ смерти; враги настаивали, что В. Голицынъ приказывалъ стрѣльцамъ всѣхъ полковъ, которые были присланы изъ крымскаго похода отъ р. Мерла къ Москвѣ, будто отъ Перекопа отступили для того, что воды не было 12 дней. Да онъ же изъ крымскаго похода писалъ о дѣлѣ, которыя в. государямъ были неизвѣстны; также и въ грамоткахъ своихъ во многихъ говорилъ про патріарха Іоакима непристойныя слова, а иныхъ многихъ людей называлъ ворами и бунтовщиками и своевольниками, а въ иныхъ во многихъ грамоткахъ писалъ крѣками, невѣдомо какими словами, что и прочесть ихъ никто не узнаеть. А въ распросѣ Голицынъ сказалъ: что ни

царевны обще велѣлъ писать по указу государей, а указа о томъ же бывало; чтобъ вѣнчаться ея царскимъ вѣнцемъ и про сборы стрѣльцкіе будто не вѣдалъ; а стрѣльцовъ изъ Троицкаго похода не приговаривалъ и про то не вѣдаетъ; стрѣльцамъ, шедшимъ изъ Крыма, о водѣ говорить не приказывалъ; въ грамоткахъ къ Шакловитому крюками писалъ будто о несогласіи почитать,“ а инія статьи писалъ будто о томъ же, что писано русскимъ нисымомъ, а прочесть ихъ будто безъ азбуки не знаетъ.—Во всѣхъ статьяхъ „вѣдая вину свою, заирался.“ Да и сынъ его князь Алексѣй во всѣхъ статьяхъ заирался... „И за тѣ ихъ вины довелся былъ князь Василій казнить смертью, а сыну его князю Алексѣю учинить наказанье.“ Если принесутъ вины, то не велѣтъ казнить ихъ, а буде въ чемъ заираться учинуть, то обо всемъ написать именю; „а ихъ съ женами и дѣтьми послать изъ Еренска въ Пустозерскій острогъ на вѣчное житье, а живота его, которые по перепискѣ у него въ Еренскѣ явились, отдать имъ по прежнему.“ Для пропитанья имъ учинить жалованья поденнаго корму по 13 алт. по 2 деньги на день и давать изъ Пустозерскихъ доходовъ. Въ приставахъ быть у нихъ Павлу Скрибину, въ провожатыхъ капитанамъ мѣховскимъ стрѣльцовъ Ив. Бордадатову да Авраму Сапогову и стрѣльцамъ 20 человекамъ, а отъ Двины до Пустозерска быть стрѣльцамъ съ прибавкою; околыпчему Ив. Ив. Чаадаеву ѣхать назадъ къ Москвѣ, и полковнику и капитанамъ, которые были у него на караулѣ. „А людямъ его князь Васильевымъ быть съ нимъ дву человекамъ съ женами и съ дѣтьми, жоторые похотятъ,“ а не похотятъ, дать ему его жъ дву человекъ; а остальныхъ людей отпустить къ Москвѣ. (*Собр. грам. IV, № 209, стр. 625—628; II. С. Зак. III, № 1395*).

Возвысившись своими трудами и заслугами, В. В. Голицынъ не могъ предаваться мечтательнымъ планамъ и подзадоривать къ бунту стрѣльцовъ, и никогда не одобрялъ рѣзкихъ мѣръ. Онъ хотѣлъ достигнуть цѣли миролюбиво и дѣйствовалъ въ пользу Софіи дерзновенно и слабо. Голицынъ оправдывался во взводимыхъ на него преступленіяхъ и выражалъ сомнѣніе, чтобы Шакловитый дѣлалъ на него такіа показанія, которыя заявляютъ его враги—слѣдователи: „Милосердые государи, пожалуйте насъ, холопей своихъ невинныхъ, не велите повѣрить воровскимъ словамъ Оедкинымъ. А какъ онъ былъ живъ и пытанъ, и на меня ничего не говорилъ съ пытки. ...А оклеветать я неправедно и разоренъ безъ остатку“ (*Приложен. 19*). Но образцомъ нечестныхъ доносовъ на Голицына былъ извѣтъ монаха Іосифа, который чуть-чуть не погубилъ бывшаго временщика. Правительство однако во-время открыло ложь чернеца; въ приговорѣ 7 марта 1691 г. означено, что бывший чернецъ Іосифъ, разстрига Ивашка, въ воровскомъ извѣтѣ и оболганіи въ застѣвкѣ у пытки на Москвѣ

говорить: „что въ Еренскѣ у князь Василья былъ и слова отъ него такія, чтобъ его Василья бояринъ кн. Борисъ Ал. Голицынъ поберегъ до году, а царю Петру Ал. жить только годъ, слышать.“ Въ Еренскѣ на очной ставкѣ съ Голицынымъ говорилъ: „что онъ у него князь Василья былъ и человекъ его Сержку Бева, который его къ князю Василью привелъ, узнавалъ.“ А послѣ очной ставки у пытки въ Еренскѣ говорилъ, разстрига: „что онъ тѣмъ всѣмъ его, князь Василья, и человекъ его Сержку, котораго онъ узналъ, поклепалъ напрасно.“ Довелось его казнить, но велѣно положить на плаху, и снявъ битъ кнудомъ и послать въ ссылку на Двину въ Сійскій монастырь. (*См. Прилож., стр. 2—3; Собр. грам. IV, № 209, стр. 625; П. С. Зак. III, № 1395*). Такимъ образомъ, оказалось, что схимникъ Иона, или монахъ Іосифъ оклеветалъ Василья Голицына съ единственной цѣлью, чтобы заслужить милость князя Бориса Голицына. Какой степени вѣроятія заслуживаютъ подобные доносы, показываетъ извѣтъ другаго чернеца Іоанникія. Четыре года спустя, послѣ ссылки Голицына, на Бѣлоозерѣ явились подметныя письма: въ нихъ монахи Кирилова Бѣлозерскаго монастыря обвинялись въ преступныхъ сношеніяхъ съ княземъ В. В. Голицынымъ, въ желаніи испортить царя Петра со всѣмъ семействомъ. Въ началѣ 1694 г. открылось, что составителемъ писемъ былъ монахъ Кирилова монастыря Іоанникій, въ мѣрѣ Иларіонъ Семеновичъ Лопухинъ. Онъ повинился, что писать письма, желая освободиться изъ монастыря и разстричься. Его били кнудомъ и сослали въ Соловки. (*Ист. Рос. Соловьева, 39*). Но Голицыну отъ этой ссылки не сдѣлалось легче: онъ проработалъ въ заточеніи до конца жизни за свои громадныя заслуги на пользу отечества и умеръ въ 1713 г.; а сынъ его Алексѣй не выдержалъ тяжести опалы и сдѣлался полупомѣшаннымъ ¹¹⁹).

Когда Голицына отправили въ ссылку, Шакловитаго казнили и расправились съ другими сторонниками правительницы, сила Петра восторжествовала, Софію заключили въ Новодѣвичій монастырь и приставили къ ней стражу для безопасности ¹²⁰).

Въ дѣлѣ о Шакловитомъ, мы встрѣчаемъ разительные факты, какъ охотно расточались въ то время доносы и за ними слѣдовали пытки и казни, какъ разгаралась игра судьбами жизни человѣческой. Старикъ Безобразовъ, который приходился сродни Голицыну, долженъ былъ отправиться воеводою на Терекъ, въ родѣ почетной ссылки. Когда онъ былъ въ Нижнемѣ, бѣжали его два холопа и донесли на него, что онъ былъ въ близкихъ сношеніяхъ съ Шакловитымъ и подкупалъ разныхъ колдуновъ, чтобы они своими чарами приворожили къ нему царя Петра и царицу Наталью Кириловну; онъ хотѣлъ, во что бы то ни стало, остаться на Москвѣ. Затянулось дѣло и запутано было множество колдуновъ и чародѣекъ; двонхъ

сожгли въ срубѣ, инымъ исполосовали спины и сослали въ ссылку. Самъ Безобразовъ, который былъ виноватъ только въ томъ, что выжилъ изъ ума, по розыску обвинялся въ слѣдующихъ преступленіяхъ: 1) людей наговаривалъ къ бунту стрѣльцовъ, 2) будто его послаютъ въ ссылку на Терекъ Кирилъ Полуехтовичъ и Левъ Нарышкины, 3) видѣлся съ Шакловитымъ и говорилъ наединѣ въ чуланѣ, 4) Шакловитой говорилъ ему идти не спѣшно въ ожиданіи бунта, 5) призывалъ стрѣльцовъ подъ Даниловскій монастырь, увѣщевая къ бунту, 6) приказывалъ жецѣ поить стрѣльцовъ, которые къ нему прихаживали, 7) изъ Мурома 6 сент. посылалъ людей провѣдывать на Москвѣ, что дѣлается, 8) ожидать смутнаго времени 6, 8 и 15 авг., а кончая сент. 1; грамотки Шакловитаго, прочитая драгъ; 9) шель медленно, ожидая смутнаго времени; 10) писать къ Шакловитому и памяткицы посылалъ, таясь отъ людей своихъ; 11) посылалъ людей съ неволею искать волхвовъ и ворожей; 12) на Коломпѣ ворожилъ ему Ганка житель, запершись въ чуланѣ; 13) въ Касимовѣ приводили татарку и она ворожила на деньгахъ и гадала про здоровье царя Петра и его матери: долго ль имъ жить, и про смутное время; 14) въ Переславлѣ Резанскомъ люди ходили къ волхвамъ и ворожеямъ и они ворожили, запершись въ чуланѣ; 15) изъ Мурома въ Касимовъ посылалъ къ татаркѣ, какъ взять Шакловитый, и ворожилъ о бунтѣ; 16) въ Нижнемъ призывалъ многихъ волхвовъ, посылая верстѣ за 50 и больши; 17) волхву Дорофейкѣ велѣлъ указать царя Петра, и онъ на него и на мать наговаривалъ; 18) жена Безобразова Агафья велѣла написать на семи лоскуткахъ имя царя Петра и его матери, обертывала вокругъ свѣчъ восковыхъ и посылала по церквамъ; 19) велѣлъ опъ писать памяткицы по церквамъ и монастырямъ съ именами в. государя Петра, Натальи Кириловны, Кирила Полуехтовича, боярыни Анны Леонтьевны и дѣтей ихъ всѣхъ; да ниже писано: „Молять Бога о здравіи вора и измѣнника Федки Шакловитаго.“ 20) ямщиковъ билъ и бросилъ въ воду, наругался; 21) на Кропивнѣ убилъ до смерти кабацкаго голову, да боярскаго сына Ив. Кулка и многихъ крестьянъ побивалъ. (*Дѣло Шакловитаго. Свит. № 10, ст. 255—77*). Сознавшись во многихъ пунктахъ, Безобразовъ обвиненъ былъ какъ злодѣй и посягатель на здоровье царя Петра, за что и отрубили ему голову. Розыскное дѣло о Безобразовѣ показываетъ весьма подробно и отчетливо, до какихъ мелочей доходили слѣдователи и какъ лѣзли изъ себя, стараясь непременно доказать правдивость каждаго доноса.

Грустно поэтамъ и художникамъ разстаться съ прекраснымъ драматическимъ сюжетомъ покушеній на убійства Петра В., — горько поклонникамъ западной цивилизаціи лишиться доказательства въ пользу русскихъ революцій, или борьбы русскаго темнаго невѣжества съ свѣтомъ

блистательнаго иностраннаго образованія. Однако долгъ историка требуетъ разсѣять мечты фантазій и обратить вниманіе на пристрастіе къ Петру и на униженіе Софіи у разныхъ повѣствователей. Опасныхъ заговоровъ и злоумышленій на жизнь юнаго царя не бывало; даже въ тайныхъ бесѣдахъ враждебныхъ его партій лицъ, не видимъ злобныхъ совѣщаній относительно его благоденствія, а о практическихъ попыткахъ съ этою цѣлью, не было и помину.

При усиленіи партій Нарыпкинскихъ, естественно уменьшалась и ограничивалась власть Софіи; а когда она вступила въ открытую борьбу, то судьба царицы была уже рѣшена. Правительство ея потерпѣло крушеніе, какъ и слѣдовало ожидать: по требованію времени, оно поставлено было между двухъ огней — или непремѣнно защищать народъ, чтобы дать силу земскимъ порядкамъ, или довершить развитіе тяжелой централизаціи власти и окружающей ее силы боярской. Но оно не сумѣло отрѣшиться отъ московскихъ государственныхъ преданій и не могло окончательно и смѣло пойти для поддержки требованій народной жизни. Не примкнувъ къ друзьямъ централизаціи, оно не поддержало и русскихъ людей, искренно преданныхъ земству и старинѣ. Оставшись на срединѣ, оно оттолкнуло отъ себя всякую силу, способную поддержать его въ критическую минуту, и должно было уступить свое мѣсто власти болѣе крѣпкой. Борьба за земскіе порядки становилась уже опасной и потому не дружной: попытка Разина для горячихъ людей была заманчива, но для лицъ, болѣе хладнокровныхъ, представляла одинъ печальный исходъ. Поэтому, въ каждой всплывшій частный классъ общества, въ правленіе царицы Софіи, мы видимъ замѣчательное явленіе: обнаруживаются одиночныя требванія, предъявляются права и стремленія; но въ тоже время безсиліе ихъ противъ окрѣпшей государственной власти несомнѣнно. Предшествовавшіе опыты неудачи слишкомъ были поразительны и отбивали всякую охоту вязнаться въ дѣло великое и сильное, въ порядокъ господствующаго управленія. Все это заставляло участниковъ смуть призадумываться, въ виду грозной государственной власти, и между народными силами происходила рознь, которая губила отдѣльныя возстанія и волненія. Въ числѣ земскихъ людей находилось уже много такихъ, которые не хотѣли приставать ни къ какой сторонѣ.

Время правленія Софіи есть ничто иное, какъ проба разныхъ началъ остаться господствующими для русской жизни, движеніе къ осуществленію желаній разныхъ классовъ общества и къ пресѣченію враждебныхъ, напильныхъ, чуждыхъ русской жизни стремленій. И вотъ, мы видимъ во все время борьбу, изъ которой двигатели энергическіе не вышли съ побѣдой, но всѣ пали по недостатку опредѣленнаго плана и со-

знанных стремлений. Чѣмъ менѣе отчетливаго пониманія въ дѣйствіяхъ, тѣмъ скорѣе проигрывалось дѣло какъ партій, такъ и частныхъ лицъ. Раскольники хотѣли возстановить старую вѣру, но не могутъ указать основанія ея, „не знаютъ ни православія, ни кривославія,“ — и должны были пасть при напорѣ силы и вести глухую борьбу. Хованскій, стремясь къ старинѣ, поддерживая стрѣльцовъ и раскольниковъ, стоялъ вовсе не за народъ, а за частные интересы партій; поэтому и гибель его была неминуема. Стремленія козаковъ — создать самостоятельное свободное правительство, не одолѣли силы московскаго государства: по недостатку организаціи административной и при крайнемъ стремленіи къ свободѣ, они не могли дать своему обществу прочнаго устройства и подчинились Москвѣ. Стрѣльцовъ представляютъ отсталыми, врагами просвѣщенія, совершенными янычарами; но надѣлать оказывается не то: стрѣльцы являются съ козацкими стремленіями, прогрессистами, революціонерами въ отношеніи къ правительственному дворянству. Они не хотѣли повторенія смуты боярскихъ, характеризующихъ время малолѣтства Грознаго и Алексѣя Михайловича. Но защищая царя, они не могли увлечься окончательно демократическими интересами; они шли во имя царя, но въ тоже время сдѣлали попытку освободить холоповъ отъ крѣпостной зависимости и хотѣли поддержать раскольниковъ въ ихъ стремленіяхъ къ старинѣ и націи. Взятая ими на себя роль оказалась не по плечу: они не привлекли на свою сторону достаточно низшаго класса народа, можетъ быть потому, что исключительно взялись за ближайшіе интересы и только раздражили противъ себя бояръ, которые оказались сильнѣе ихъ въ борьбѣ. Ихъ замысли увлечь низшее населеніе остались замыслами. И они не повторили широкихъ стремленій ни Разина, ни Пугачова.

Стрѣльцы — приверженцы Софіи, во дни ея силы, держали голову высоко, но въ часы ея несчастья и бѣды всѣ бросились бѣжать отъ нея. Не нашлось людей, готовыхъ положить за нее душу, исключая, можетъ быть, одного Шаковитаго. Дѣйствуя болѣе по преданію въ политикѣ русской, не оставаясь ни на той, ни на другой сторонѣ, правительство Софіи не создало прочной поддержки и неминуемо пало, не имѣя точки опоры. Старинной выработанное направленіе — держаться порядка и соглашенія всѣхъ сторонъ, безъ преобладанія одного какого-либо класса общества, отразилось на печальному исходѣ смуты въ правленіе царевны Софіи. Раскольники выставляютъ свое дѣло на судъ общества; стрѣльцы идутъ открыто за царей и противъ злоупотребленій бояръ. Но эти послѣднія попытки земства выдвинуть свои начала на первый планъ, оказались недружными и безсильными: ему не удалось поставить преграды приливу новыхъ чуждыхъ слугъ государства — иностранцевъ, которые еще

болѣе подкрѣпили его тяжелую силу. Правительство Софіи, усмиряя волненія, обнаружившіяся въ разныхъ слояхъ общественной среды, лишило само себя поддержки.

Смутно, безсознательно поднимаемые политическіе вопросы въ правленіе Софіи, болѣе порывисто и горячо, чѣмъ дѣльно и основательно, должны были кончиться ничѣмъ и уступить мѣсто силѣ, упорной и болѣе сознательной и методической. Религіозныя стремленія раскольниковъ, равно какъ и стремленія стрѣльцовъ, были скорѣе поэтическими вдохновеніями, чѣмъ ясно сознанными стремленіями къ утвержденію началъ, которыхъ они не понимали разсудочно. Борьба бояръ въ Россіи издавна не принимала рѣзкихъ направленій, а вертѣлась на личныхъ симпатіяхъ и раздраженіяхъ болѣе, чѣмъ на стремленіяхъ къ власти.

Шакловитый, возвысившійся изъ мелкихъ подъячихъ, благодаря С. Медвѣдеву, своему собрату по происхожденію и по взглядамъ, занималъ средину между народомъ и боярами и хотѣлъ создать новую силу стрѣлецкую для поддержки односторонняго правительства. Забывая о земской силѣ, онъ съ презрѣніемъ смотрѣлъ и на силу бояръ; отрѣшившись отъ нихъ, онъ однако изображалъ себя рыцаремъ съ трубами и литаврами. Не имѣя прочной опоры, онъ хотѣлъ создать силу искусственную на раздраженіи стрѣльцовъ, и съ этой цѣлью подсылать подъячаго М. Шошина, одѣтаго Львомъ Нарышкинымъ, бить стрѣльцовъ по карауламъ ночью, чтобы озлобить ихъ противъ Нарышкиныхъ. Но эти хитрыя мѣры не привели ни къ чему и стрѣльцы не трогались. Привлекая въ Москву южно-русскихъ ученыхъ и усаживая на мѣстахъ своихъ родственниковъ, Шакловитый и Медвѣдевъ не создали никакой силы и не нашли ни въ комъ искренней поддержки. Либеральничая въ области религіозной, поддерживая идеи римско-католическія, Медвѣдевъ дѣлалъ это съ цѣлью—насолить патріарху и врагамъ своимъ Лихудамъ и обнаружить ихъ невѣжество; но все это кончилось ничѣмъ и онъ едва не былъ высланъ изъ Москвы еще въ правленіе Софіи. Голицынъ—виновникъ уничтоженія мѣстничества, какъ князь и бояринъ, не могъ долго держаться противъ напѣва пришибенныхъ, но не уничтоженныхъ имъ, мѣстническихъ притязаній боярства: онъ не въ силахъ былъ сразу стать на сторону народа и быть защитникомъ интересовъ земства, а полумѣры не повели къ добру. Боярство не терпѣло представительства народа и земской силы, и *Голицынъ въ критическую минуту остался безъ всякой поддержки, брошенный князьями и боярами и даже своимъ сильнымъ двоюроднымъ братомъ, Борисомъ Алексѣевичемъ.*

На какую же силу онъ и Софія могли рассчитывать и опереться? Положимъ, они держали сторону народа; но въ тоже время партія Петра

не давала имъ ходу и если бы они повернули круто,—имъ не одобровать бы и раньше. Еслибы правительство дѣйствовало въ видахъ старой партіи стрѣльцовъ и раскольниковъ,—оно, можетъ быть, и обезпечило бы свою силу на время; но вышло совсѣмъ иначе. Софія и Голицынь, вооруживъ противъ себя дворянство, не имѣли прямого стремленія опереться и на народъ, оттолкнули и стрѣльцовъ, и раскольниковъ, и не сдѣлали ровно ничего въ пользу холоповъ, не сформировали партіи даже искусственной. Такое поведеніе неминуемо грозило надежѣмъ партіи Софіи и привело къ гибели немногихъ ея друзей; иначе и быть не могло. Стрѣльцы, долгие всѣхъ державные ея сторуку, оставили ее въ критическую минуту. Иностранцы, которымъ, по видимому, сочувствовали Софія и Голицынь, а на самомъ дѣлѣ не давали имъ свободы и не позволяли строить церквей католическихъ,—перешли на сторону Петра. Принимая сторону Медвѣдова въ спорѣ его съ патріархомъ о „Маниѣ“, они не терпѣли католицизма. Ясно, что дѣло было личное и принципа вовсе не вынесенн. Въ дѣятельности царевны Софіи и Голицына, мы замѣчаемъ отсутствіе строго выдержанныхъ стремленій и опредѣленнаго направленія. Это—не тѣ дѣятели историческіе, которые попадають въ тоиѣ движенія и симпатіи извѣстныхъ классовъ общества опредѣленнаго времени и преслѣдуютъ свои цѣли до конца. Нѣтъ, это были люди не дозрѣвшіе и которые не могли рѣшиться на крайнія средства: самая среда броженія не представляла имъ сильной опоры. Поэтому, характеристической чертой дѣятелей было—противорѣчивое поведеніе и уклончивость. Берутъ сторону стрѣльцовъ, но видятъ ихъ своеобразныя требованія несогласныя съ своимъ, отличающіяся крайностью, начинаютъ преслѣдовать ихъ. Хотятъ убавить вѣсь дворянства и его силу уничтоженіемъ мѣстничества; но видятъ его крѣпкія притяванія и ненависть къ себѣ, и злобныя выходки, и не имѣють на столько твердости, чтобы идти далѣе и бороться противъ него. Въ религіозномъ отношеніи хотятъ быть либералами, поддерживаютъ южно-русскихъ ученыхъ и католическія идеи; но не имѣють силы противъ патріарха, который садится наставниками академіи враговъ приверженцевъ правительства.

Такимъ образомъ, незначительная партія приверженцевъ Софіи, по видимому, держалась силой земства, но это только такъ кажется съ перваго взгляда; а на самомъ дѣлѣ она, по пословицѣ: „отъ одного берега отстала, а къ другому—не пристала.“ Она стояла въ оборонительномъ положеніи и не имѣла силы достигнуть исполненія своихъ желаній. Вотъ почему ея паденіе совершилось такъ просто и естественно!

Теперь остается только мнѣ показать связь волненій обнаружившихся въ правленіе царицы Софіи, съ смутами конца XVII в., когда наступило неслыханное торжество центральной власти московскаго государства, когда старались уничтожить даже малѣйшія выраженія голоса народнаго.

Послѣ паденія Софіи, одни лица старались тотчасъ примкнуть къ сторонѣ преобладающей силы Петра, другіе имѣли дерзость идти противъ него. Попавшіеся въ расплохъ ставили себя въ комическое положеніе, какъ на примѣръ гетманъ Мазепа. Въѣзжая въ Москву 10-го авг. 1689 г., когда началась борьба между Софіей и Петромъ, о которой не зналъ еще гетманъ,—онъ съ перваго разу постарался выставить заслуги своего покровителя В. В. Голицына. Мазепа говорилъ посланному встрѣчать его, боярину Московскому: „Никогда еще такой побѣды надъ Крымцами и такого страха имъ не бывало, какъ теперь промысломъ ближняго боярина, князя В. В. Голицына. А что за безводными и безкорытными мѣстами и за другими препятствіями, Перекопскаго вала и башень не разорено, такъ сдѣлать это трудно. (Дарій Персидскій, и тотъ не взялъ Крыма, а только потерялъ 80 тысячъ)... А нынѣ царскаго величества ратные люди бились съ татарами подъ Перекопомъ мужественно и поганскихъ труповъ положили множество, а сами отведены въ цѣлости.“ Но когда Софія пала, и Голицынъ опредѣленъ къ ссылке, Мазепа доносилъ, что угрозы Неплюева заставили его давать Голицыну богатые подарки деньгами и вещами и билъ челомъ, чтобы его вознаградили за это изъ имѣнія Голицына. (*Ист. Рос. Соловьева, XIV, 164—165*). Между тѣмъ извѣстно, что Ив. Мазепа за содѣйствіе къ его избранію въ гетманы прислалъ въ благодарность В. Голицыну 10,000 руб. ⁽¹²⁾). Неизвѣстно, взялъ ли ихъ Оберекатель, или отослалъ назадъ; по всей вѣроятности, придержалъ у себя, иначе Мазепа не имѣлъ бы права жаловаться.

Приверженцы прежняго правительства роптали на партію Петра, и если выражали свои мысли открыто, то подобныя явленія считались чуть не бунтомъ. Въ 199 г., по извѣту челоуѣка боярина кн. Андрея Ивановича Голицына и по розыску, что онъ, бояринъ, также и теща его боярыня Акулина Афанасьевна, говорили про царское величество неистовыя слова, и за ту вину его, ему князю Андрею Ивановичу, на Красномъ крыльцѣ сказана сказка: „Князь Андрей Голицынъ! в. государи указали тебѣ сказать, что ты говорилъ про царское величество многія неистовыя слова, и за тѣ неистовыя слова достоинъ ты былъ разоренія и ссылки, и в. государи велѣли у тебя за то отнять боярство, и указали тебя написать въ дѣти боярскіе по послѣднему городу и жить тебѣ въ деревнѣ до указа в. государей.“ А боярыня Акулина Афанасьевна, (по указу в. государей, привезена была передъ стрѣлецкій приказъ, и поставлена на нижнемъ рундукѣ, и

сказана ей сказка: „Вдова Акулина! в. государи указали тебѣ сказать за неистовныя твои слова, которыя ты наговорила про ихъ государское здоровье, достойна ты была смертной казни и великому разоренью, также и наказанью,—и в. государи на милость положили за службу и за радѣнье мужа твоего, боярина Ивана Богдановича Хитрово, вмѣсто смерти, животь дать и сослать тебя на вѣчное житье въ монастырь на Бѣлоозеро.“ Также и братьямъ ея, Степану да Алексѣю Афанасьевымъ дѣтямъ Собакинымъ, сказана тутъ же сказка: „Степанъ да Алексѣй! в. государи указали вамъ связать, что вы говорили неистовныя слова про ихъ царское величество съ кн. Андреемъ Голицынымъ, и съ сестрою своею, со вдовою Акулиною, и за тѣ свои слова достойны были смертной казни и жестокому наказанью, и вѣчному разоренью,—и в. государи на милость положили, указали у васъ отнять стольничество и написать васъ въ дѣти боярскіе по послѣднему городу, и жить вамъ въ деревнѣ до указа в. государей.“ (*Зап. Желѣбужскаго стр. 11—12*). Но эти возгласы недовольныхъ становились рѣже и рѣже, да и придавать имъ слышкомъ серьезное значеніе было бы опрометчиво. Немногія лица старой партіи Милославскихъ, разбитой и униженной, могли волноваться въ тиши злобой и досадою, не обнаруживая своихъ воззрѣній. Самъ царь открыто не благоволилъ къ тѣмъ людямъ, которые имѣли прежде какія либо связи съ сторонниками Софіи; поэтому онъ постоянно ворчалъ на нихъ и не давалъ имъ ходу. Такъ онъ Цыклера называлъ бунтовщикомъ и собесѣдникомъ Милославскаго, у Пушкина грозился домъ разорить и его самого убить (*II. Собр. Зак. III, № 1575*). Въ 1697 г. завязалась борьба между Львомъ Нарышкинымъ и Лопухиными, новой родней царя; но послѣдніе проиграли и находились въ жестокомъ преслѣдованіи. Петра Лопухина обвиняли, будто онъ говорилъ о Петрѣ: „Онъ сынъ еретическій, отъ антихриста зачался, извелъ у насъ боярина князя В. В. Голицына да Леонтія Ром. Неплюева, а теперь изводитъ дядю своего роднаго, боярина Петра Абрам. Лопухина, котораго самъ пыталъ, поливалъ двойнымъ виномъ и зажегъ.“

Правительству Петра дѣянія Софіи расчистили такой широкій путь усмиреніемъ разныхъ волненій, что онъ могъ считать выраженіемъ бунта каждое слово, сказанное съ досадою дома противъ его поведенія и дѣйствій. Такой смыслъ и значеніе имѣетъ громко прославленный бунтъ Цыклера, раздутый приверженцами юнаго монарха до послѣднихъ предѣловъ. Эти приверженцы говорятъ, будто полковникъ участвовалъ въ первомъ стрѣльцкомъ бунтѣ, примыкая къ партіи Софіи; но когда сила царевны оказалась сомнительной, онъ первый явился въ Троицкую лавру съ своимъ доносомъ на дѣйствія сторонниковъ царевны. Потомъ, когда Цыклеръ увидѣлъ свою ошибку въ расчетахъ на милости Петра, что царь вовсе

не расположенъ къ нему и послѣ его услугъ, и посылаетъ его въ Таганрогъ, то началъ злобно говорить о царскихъ дѣйствіяхъ въ кругу своихъ родныхъ и близкихъ. Эти слова приняли очень серьезно и довели Петру, будто кормовой иноземецъ злоумышляетъ на жизнь царя и недоговариваетъ стрѣльцовъ убить его на пожарѣ. Доносчикомъ явился бывший его пріятель, съ которымъ они раздули дѣло Шакловитаго, знакомый намъ извѣтчикъ, пятисотный Ларіонъ Елизарьевъ. Въ 1697 г. 23 февр. онъ донесъ Льву Кириловичу о неистовыхъ словахъ Циклера ¹²²). Съ одной стороны, замѣчательно, что Елизарьевъ, какъ осторожный чел овѣкъ, сдѣлалъ доносъ сначала не самому царю, а Льву Нарышкину; также поступилъ онъ и ранѣе, послалъ извѣстить Петра о заговорѣ Шакловитаго двухъ стрѣльцовъ, а не самъ лично дѣлалъ извѣтъ. Съ другой стороны, надо удивляться Циклеру, какъ онъ позволилъ себѣ откровенно говорить съ извѣстнымъ доносчикомъ. Февраля 29 въ Преображенскомъ онъ извѣщалъ государя словесно: „Ивашко де Циклеръ умышляетъ его государя убить, и призывая къ себѣ въ домъ стрѣльцовъ, о томъ убивствѣ говорилъ,“ а слышалъ про то отъ пятидесятника Григорія Силина, а Силинъ сказалъ, что Ивашко велѣлъ убить государя на пожарѣ, или индѣ гдѣ (*И. С. Зап.* III, № 1575). Доносъ Ларіона Елизарьева, какъ на Шакловитаго, такъ и на Циклера совершенно одинаковъ: приписано намѣреніе убить царя на пожарѣ. Значитъ, средство испытанное ранѣе вѣрно, достигаетъ цѣли; во время бунта Шакловитаго Елизарьеву показалось выгодно, вотъ онъ задумалъ прислужиться царю доносомъ и на Циклера. Очевидно, эта личность старалась воспользоваться каждымъ неосторожнымъ словомъ и придать ему характеръ заговора. Принимая все это во вниманіе и перечитывая вынужденныя пытки показанія Циклера и другихъ осужденныхъ его участниковъ, мы не видимъ серьезныхъ замысловъ. Это просто была домашняя болтовня въ кругу родственниковъ, озлобленныхъ невниманіемъ къ нимъ царя; а бунта совершенно не могло бы осуществиться ¹²³).

Вѣроятно, Циклеръ говорилъ это по своему болтливому, недовольному нраву, а не съ серьезной цѣлью, чтобъ облегчить душу своими злобными разговорами и замыслами. А наконецъ, когда уже смерть грѣшила неминуемо, и не оставалось надежды на помилованіе, онъ началъ наговаривать на Софію ни съ того, ни съ сего, про старья забытыя интриги Милославскихъ и царевны, будто она совѣтовала Циклеру убить Петра: это сказано съ цѣлью, конечно, увернуться отъ топора палача. Не сплетца не вывезла его, а повредила только Софію и возбудила въ Петрѣ ненависть къ Ив. М. Милославскому ¹²⁴).

По сверженіи правительницы, развитіе московской центральной власти достигало страшныхъ размѣровъ и она торжественно завладе

свою мощь въ назиданіе народу, изобрѣтая разнообразія выраженія своей несдерживаемой жестокости. Скупой на слова, свидѣтель казни Циклера, записалъ слѣдующее: „на Красной площади, по указу государя, велѣли строить столбъ каменный. И марта въ 4 день тотъ столбъ каменный додѣлали и на томъ столбу 5 рожновъ желѣзникъ вдѣлани въ камень. И того числа казнены вѣдомне воры и измѣнники, которые умышляли на государское здравіе, въ Преображенскомъ: вѣдомой воръ, бывшій овалыничій Алешка Соковнинъ, бывшій думный дворянинъ Ивашка Циклеръ, да бывшій стольникъ Федька Пушкинъ, стрѣльцы — Васька Филиповъ, да Федька Рожинъ, да дошской козакъ Петрушка Лукьяновъ. И въ то время къ казни изъ могилы выкопашъ мертвой бояринъ Иванъ Михайловичъ Милославской и привезенъ въ Преображенское на свиньяхъ, и гробъ его поставленъ былъ у цѣлахъ измѣнничьихъ, и какъ головы ихъ сѣкли, — и руда точила въ гробъ на него Ивана Милославскаго. А Матвѣй Пушкинъ посланъ въ ссылку въ Сибирь. А Соковнины всѣ разосланы въ ссылку въ Сѣвскъ.“ (*Зап. Желябужс. 51; II. С. Зап. III, № 1577*). Срашное омерзоченіе Петра выразилось здѣсь въ дѣлахъ безчеловѣчнхъ формѣхъ, свойственныхъ азиатскимъ деспотамъ; а вина казенныхъ не заслуживала этого. Если припомнить народную поговорку, что „за глаза и царя ругаютъ“, то можно бы отнестись къ словоохотливымъ преступникамъ болѣе снисходительно. Но Петръ и его сторонники были не таковы: Циклеръ дѣлалъ столбъ, на которомъ означены были убитыхъ бояръ въ первомъ стрѣльцкомъ бунтѣ и между прочимъ А. С. Матвѣева, — и вотъ сынъ его радуется, что „на томъ же мѣстѣ *отмщеніемъ мстимыхъ божиихъ судьбъ*, на высокомъ каменномъ столбѣ тому Циклеру возданіе не укосило“ (*Матвѣевъ 35*).

Такъ расправлялся молодой, теперь уже единодержавный, московскій государь, съ своими недругами, опирался на мовую оилу иностранцевъ и готоваясь въ путешествіе за границу. Но трудно было убѣдить народъ казнями въ чистотѣ намѣреній и благѣ дѣяній царя, когда раздавались голоса, что онъ „живетъ не по церкви“ и сталъ вѣровать въ явцевъ, что его судья безъ мады дѣлать не дѣлаютъ, а правители государства московскаго — похотники и медоимцы, и не имѣютъ страха божія. Очень естественно, что эти толки должны были значительно усилиться по отъѣздѣ царя въ чужія земли, когда правленіе государствомъ попало исключительно въ руки бояръ. Хотя иностранцы и вообще сторонники Петра объясняли волеишія въ отсутствіе царя глупостью и суевѣріями русскихъ, что они „наполнены были развращенными мнѣніями и забобонами;“ но на дѣлѣ оказывается, что народъ правъ, когда возставалъ противъ злоупотребленій боярской власти и боялся, что царь не вернется обратно въ Россію. Г. Соловьевъ

доказываетъ, что въ 1682 г. стрѣльцовъ долго подогрѣвали и потому они взялись за оружіе, а въ 1689 г., не смотря на всѣ подогрѣванія, они не двинулись защищать царевну. Почему же они сразу пошли безъ всякихъ подогрѣваній изъ Путивля въ Москву бунтомъ? Побужденія и причины волненій заключались не во внѣшнихъ подогрѣваніяхъ, а въ самомъ ходѣ обстоятельствъ жизни того времени. Когда еще не со-всѣмъ убиты были земскія начала, стрѣльцы уживались съ правительствомъ въ ладу, не смотря на его стѣсненія ихъ прежней льготной жизни. Но приливъ иноземцевъ при Петрѣ совершенно поглощалъ силу и значеніе доморощеннаго войска, бояре пошли путемъ своеобразнымъ, не русскимъ и не иноземнымъ, не обращая вниманія на народъ, — въ это время явилась послѣдняя и крайняя вспышка земской силы, и открылся бунтъ стрѣльцовъ 1697 г. противъ установившихся злоупотребленій власти въ отсутствіе царя. Какъ въ 1682 г. недовольные злоупотребленіями взялись за оружіе, такъ точно недовольство порядками дѣлъ побудило ихъ идти въ Москву въ концѣ XVII в. Кромѣ тягостныхъ дальнихъ походовъ и заявленій неблаговоленія Петра противъ нихъ и оставленія въ Москвѣ семействъ и промысловъ, были и другія побужденія: царь уѣхалъ за море и утащилъ многую казну, бояре всѣмъ управляютъ, нѣмцы усиливаются, стрѣльцы и всѣ православные угнетены. Къ тому же распространился слухъ, что царь умеръ; а иные утверждали, что иноземцы его плѣнили и онъ сидитъ въ тюрьмѣ въ Стекольномъ царствѣ. Вспоминали стрѣльцы спокойную и довольную жизнь въ правленіе Софіи, частыя награды и вниманіе; а царь уѣхалъ, говорятъ, нѣмцы его удушили, „а бояре хотятъ царевича (*Алексыя Петровича*) удушить, хотятъ удушить бояринъ Тихонъ Никит. Стрешневъ и самъ на Москвѣ властителемъ быть.“ Значитъ, должно наступить господство боярской власти и окончательное порабощеніе народа, по образцу распорядковъ польскаго королевства.

Такая незавидная картина въ будущемъ отуманивала головы стрѣльцовъ, и каждая сплетня имѣла громадный вѣсъ и производила въ народѣ и въ стрѣлецкомъ обществѣ сотни выдумокъ и предположеній. Стрѣльцы, недовольные новыми тягостями, которыми обременялъ ихъ царь Петръ, постоянно роптали на его невниманіе къ ихъ нуждамъ, на придирки начальныхъ людей и на вычеты изъ ихъ жалованья. Къ тому же 4 полка, бывшіе подъ Азовомъ, двинули въ г. Великія Луки, а они ожидали, что пойдутъ въ Москву къ своимъ семействамъ для отдыха. Когда не исполнились ихъ ожиданія, то болѣе полтора ста чело-вѣкъ ушли изъ полка домой, для устройства своихъ дѣлъ, потому что доведены были до крайняго упадку. Причинами своего побѣга изъ полковъ

къ Москвѣ, стрѣльцы выставляли крайнюю бѣдность: они говорили, что въ Азовѣ обременены были городовыми работами, а въ полку Ромадановскаго терпѣли голодъ и холодъ; кормовыхъ денегъ, данныхъ на мѣсяцъ, не хватало и на двѣ недѣли, а кто рѣшался ходить по міру, тѣхъ били батожемъ; идуть они къ Москвѣ, чтобы не умереть напрасно; имъ нужно повидаться съ семействами, а послѣ они рады снова идти на службу. Кесарь Ромадановскій извѣстилъ объ этомъ царя, который писалъ ему съ досадою изъ за границы: „Зѣло мнѣ печально и досадно на тебя, для чего ты сего дѣла въ розыскъ не вступилъ. Богъ тебѣ судить!“ Въмѣсто того, чтобы пособить обѣднѣвшимъ стрѣльцамъ, царь опредѣлилъ подвергнуть ихъ всей строгости разслѣдованія; а власти начали выбивать ихъ силой изъ Москвы.

Между тѣмъ, отсутствіе царя и боярское управленіе возбудило сильныя толки въ Москвѣ: стрѣльчичи разсуждали, что молодой царь не то живъ, не то погибъ за моремъ, старшаго царя бояре хотѣли задумѣть, только спасли его тѣмъ, что надѣли на него другое платье; а царицу они били уже по щекамъ. Эти слухи передавались отъ имени царевнѣ, такъ что въ кругу стрѣльцовъ появилось письмо изъ Новодѣвичья монастыря отъ Софіи, будто она звала стрѣльцовъ, чтобы они шли къ Москвѣ, стали таборомъ подъ Новодѣвичимъ и звали царевну снова на царство. Письмо это принесъ въ стрѣлецкіе полки Васька Тума и разсказалъ о горестномъ настроеніи умовъ въ Москвѣ, по случаю усиленія власти бояръ и иноземцевъ. Когда велѣно было взять бѣгавшихъ стрѣльцовъ въ Москву и сослать въ малороссійскіе города, товарищи ихъ не выдали, сказавъ: „У насъ въ полкахъ воровъ нѣтъ, а ходили въ Москву отъ нужды и безкормицы.“ Столкновеніе приняло серьезный оборотъ, когда передъ четырьмя полками 6 іюня 1697 г. прочитано было письмо отъ царевны слѣдующаго содержания: „Вѣстно мнѣ учинилось, что вашихъ полковъ стрѣльцовъ приходило къ Москвѣ малое число,—и вамъ бы быть къ Москвѣ всѣмъ четыремъ полкамъ, и стать подъ Дѣвичимъ монастыремъ таборомъ, и бить челомъ мнѣ итти къ Москвѣ противъ прежняго на державство; а еслибы солдаты, кои стоятъ у монастыря, къ Москвѣ пускать не стали, и съ ними бы управиться, ихъ побить и къ Москвѣ быть; а кто бъ не сталъ пускать съ людьми своими или съ солдаты, и вамъ бы чинить съ ними бой.“ Очевидно, недовольные стрѣльцы, желавшіе поскорѣе побывать въ Москвѣ, воспользовались популярнымъ именемъ Софіи во время ненавистнаго боярскаго управленія и составили отъ ея имени призывъ. Письмо сильно подѣйствовало и стрѣльцы рѣшились идти въ Москву, разорить и предать огню нѣмецкую слободу и всѣхъ нѣмцевъ побить, потому что отъ нихъ закоснѣло православіе, однихъ бояръ побить, другихъ сослать въ ссылки, чтобы не было изъ нихъ правителей. Они думали, что царь по наученію нѣмцевъ

уѣхать изъ своего государства и умеръ за моремъ; чтобы царство не осталось безъ царя, рѣшили возвести на престолъ Софію, до возраста царицы Алексѣя. Въ случаѣ, еслибы царица отказалась отъ правленія, то хотѣли взять, пока возмужаетъ царевичъ, князя В. В. Голицына, потому что онъ къ стрѣльцамъ былъ всегда милосердъ¹²⁵).

Перезѣнявъ своихъ начальниковъ, они выбрали на мѣсто ихъ новыхъ и двинулись изъ Торопца къ Москвѣ. Печальная исторія столицевенія ихъ надъ Воскресенскимъ монастыремъ съ царскимъ войскомъ известна: стрѣльцы не устояли противъ Шейна и Гордона, были разбиты и переломлены. Послѣ подробнаго описанія схватки войскъ, Желябужскій прибавляетъ: „И послѣ того были роуиски великіе, и пытки имъ стрѣльцамъ жестокія, а по тѣмъ розыскамъ многіе казнены и повѣшены въ ихъ стрѣлцкомъ обозѣ, гдѣ они противность чинили, а иные вѣшаны по дорогѣ. А въ обозѣ ихъ убито и ранено всего 107 человекъ, а казнено—57 человекъ. ...А на Москвѣ въ тѣхъ же числахъ пришли изъ разныхъ государствъ вѣдцы, гусары и инженеры, всего ихъ ширшю 700 человекъ; да съ ними жъ пришелъ изъ Риму отъ папы митрополитъ, просился у нашего патріарха, чтобы его велѣлъ цустить въ соборную апостольскую церковь побивать. И св. патріархъ его въ церковь пускать не велѣлъ.“ (*Запис. Желябужск. 56—57*). Это сопоставленіе, какъ казнили русскихъ и въ то же время привлекали силу иностранцевъ, которымъ раздавали лучшія мѣста, отлично объясняетъ причины бунта стрѣльцовъ 1697 г. Они увидѣли въ нерасположеніи къ нимъ царя Петра и въ попыткахъ завести новую военную дисциплину дорогами, но послушными правительству слугами, свой печальный конецъ, — в злоба закипѣла противъ иностранцевъ, службу которыхъ, вупленную за деньги, предпочитали усердной службѣ русскихъ людей, безкорыстно погибавшихъ за царя и родину.

Но это происшествіе подало поводъ—обвинять Софію, будто она руководила возстаніемъ стрѣльцовъ изъ Новодѣвичья монастыря: тогда какъ она сама узнала только изъ письма сестры своей Марыи о бунтѣ и о томъ, что ее зовутъ снова править государствомъ. Софія и прежде не приходило въ голову свергнуть Петра съ престола, она хотѣла только удержатъ право на правленіе наравнѣ съ Петромъ, и едва ли бы стала присвоивать себѣ власть, если бы брать ея отъ одной матери, Иоаннъ Алексѣевичъ, не былъ „скорбень плавою,“ какъ объ немъ выражаются его современники. Что же касается до обвиненія ея въ разныхъ замыслахъ, то оно составилось очень естественно: для Петра В. Софія служила пугаломъ, а для враговъ его точкой опоры и надежды: дѣло Цыклора показало царю, что стрѣльцы могутъ взять на царство по прежнему царевну съ Голицынскими. (1697 г. марта 4. П. С. Зик. III, № 1575). Вотъ и въ слѣдующемъ году,

когда открылся бунтъ стрѣльцовъ. Петръ тотчасъ заподозрилъ въ проше-
кахъ Софію, и вернувшись изъ-за границы душилъ, вѣшалъ, колесовалъ
цѣлыя тысячи стрѣльцовъ, чтобы вымучить сознание, что бунтъ возбудила
его сестра. Но на всѣ его вопросы никто не могъ отвѣчать удовлетвори-
тельно на счетъ сношеній Софіи съ мятежниками; онъ узналъ только, что
стрѣльцы писали къ ней челобитную и звали на царство. Самъ царь до-
прашивалъ Софію о сношеніяхъ съ стрѣльцами и однако ничего не от-
крылось по слѣдствію; о письмѣ, которое составили стрѣльцы отъ имени
царевны и о челобитной къ ней, бывшая правительница отвѣчала: „Такова
письма, которое къ розыску явилось, отъ ней въ стрѣльцкіе полки не по-
сылывано. А что тѣ стрѣльцы говорятъ, что пришелъ было имъ къ Моск-
вѣ, звать ее царевну по прежнему въ правительство, и то не по письму
отъ нея, а знатно потому, что она со 190 г. была въ правительствѣ“ (125).

Заподозривъ многихъ придворныхъ въ связи съ стрѣльцами, царь
уѣхалъ въ Преображенское, допрашивалъ лично подсудимыхъ, приказывалъ
пытать въ своемъ присутствіи, убѣждалъ сознаться, грозя страхомъ
мучительной смерти и обольщая надеждой на помилованіе и приманкой
награды. Но ничто не помогало. Всѣ роды наказаній пущены были въ обо-
ротъ, какіе могла выдумать человѣческая жестокость; содрогается сердце
при чтеніи повѣствованій объ этихъ отвратительныхъ пыткахъ и казняхъ.
Одни писатели говорятъ, что замучено, порублено и повѣшено въ это
время болѣе 3,000 стрѣльцовъ; а другіе увеличиваютъ это число вдвое.
Однако ни одинъ изъ мятежныхъ стрѣльцовъ не показывалъ, что Софія
принимала участіе въ возмущеніи, хотя ожесточенный Петръ былъ такъ
сильно предубѣжденъ противъ нея, что настраивалъ всѣми возможными
мѣрами вынудить улики въ преступныхъ замыслахъ царевны, не щади даже
женщинъ. „Брали изъ Дѣвничья монастыря бодринь, и дѣвокъ и старицъ
въ Преображенское и тамъ онѣ распрашиваны, а по распросамъ пытаны;
и на вискѣ Жукова дочь дѣвка родила“ (127).

Петръ съ такой злобой и яростью производилъ дѣло о взбунтовав-
шихся стрѣльцахъ, что можно вѣрить показаніямъ Корба, будто онъ од-
нажды рѣшился — было казнить Софію, но потомъ перемѣнилъ свое намѣ-
реніе и велѣлъ постричь ее въ монахини. А чтобы крѣпче напугать ее и
убѣдить народъ въ преступныхъ ея замыслахъ, онъ приказалъ повѣсить
230 стрѣльцовъ недалеко отъ монастыря, а троихъ зачинщиковъ бунта —
противъ оконъ кельи царевны, и имъ вручили челобитныя, написанныя къ
ней, какъ звали они ее на царство. Эта поэтическая выходка Петра родилась
изъ его сильнаго предубѣжденія противъ бывшей правительницы,
которая ни въ чемъ не была виновата.

Если царь не церемонился ни съ своей супругой, ни съ своимъ сы-

номъ, наслѣдникомъ русскаго престола; то и подавно не стать бы щадить сестру свою по матери изъ рода Милославскихъ, которыхъ онъ считалъ своими первыми врагами. Значить, не было вовсе уликъ противъ Софіи, такъ что болтовня изуродованныхъ и изожженныхъ стрѣльцовъ и стрѣльчихъ пытками, всѣ тайныя сметни, выдвинутыя наружу оказались по взгляду даже предубѣжденныхъ современниковъ, недостаточными къ обвиненію Софіи. Корбъ пишетъ, что 11 окт. Петръ созвалъ соборъ изъ всѣхъ чиновъ людей, для изслѣдованія злоумышленія царевны; но кромя подозрѣнія не было никакихъ основаній для ея обвиненія. Петръ велѣлъ ее постричь подъ именемъ Сусанны 21 окт. 1698 г., опредѣлилъ жить ей въ томъ же монастырѣ подъ постоянной стражей изъ сотни солдатъ; сестрамъ царевнамъ дозволилъ навѣщать ее два раза въ годъ, да еще въ случаѣ болѣзни.

Бывшая правительница, инокиня Сусанна, скончалась въ монастырскомъ заточеніи 3-го іюля 1704 г., 46 лѣтъ отъ роду. Сестра ея Марѳа, замѣшанная въ дѣло о мятежѣ стрѣльцовъ, пострижена была въ Успенскомъ монастырѣ Александровской слободы подъ именемъ Маргариты.

Слѣдовательно, не интриги Софіи возбудили мятежный духъ въ стрѣльцкомъ войскѣ 1697 г., а недовѣріе къ боярскому и иноземному московскому правленію, старинное земское желаніе—имѣть долю участія въ дѣлахъ общественныхъ. Но усилившаяся до крайней степени власть государства стерла половину безпокойныхъ стрѣльцовъ съ лица земли, а другихъ разсыла по широкой Россіи; она не терпѣла, чтобы выражалась хоть въ чемъ-либо прежняя могучая сила народная, и старалась сгладить все, носившее ея печать. Разосланные стрѣльцы глухо стонали и роптали, а иные въ соединеніи съ козаками затѣвали подточить силу московскаго государства при посредствѣ иноземцевъ, и тѣмъ отомстить за его невниманіе къ народу. Въ журналѣ Гюйсена отмѣчено подъ 1698 г.: „съ начала сего годуазовской гарнизонъ не много замутился-было... Было тамъ нѣсколько остатку отъ стрѣльцовъ, которые огорчився и осердився за казнь и искорененіе братіи своей, переписывались тайно съ татары, хотя имъ и городъ отдать.“ (*Зап. Туманс. III, 113*).

Нѣкоторые изъ стрѣльцовъ не унимались и старались взволновать другихъ, во имя православной вѣры и старинныхъ вольностей, противъ напыива возрѣвній и обычаевъ иностранцевъ и противъ исключительнаго господства бояръ въ управленіи. Такія стремленія мы видимъ у мятежниковъ во время бунта астраханскаго, въ волненіи Булавиина и въ многочисленныхъ разбояхъ. Но московская государственная власть обладала уже такой крѣпкой внѣшней силой, что могла легко подавлять отдѣльныя заявленія разныхъ классовъ общества и презирать развитіе внутренней жизненной силы народа.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Въ 1682 г. марта 1-го царь Феодоръ писалъ Медвѣдеву: „Пречестнѣйшему отцу Сединвестру. Писаніе твое до мене принесено, и прочеть и разумѣю, яко не туне почіеть на тебѣ даръ, первый апостоломъ данный—духъ премудрости.“ *Исторія Петра В. Устрялова II, стр. 32, пр. 15.*

2) Подробныя свѣдѣнія о похвалахъ и портретѣ царевны см. въ отрывкѣ изъ дѣла о Шапловитомъ. *Москвит. 1843 г. X, 85 и далье. Труды Общ. Ист. VII, 84. Рус. Вѣстн. Полеваго. 1841, III. 695—8. Русское Слово 1859, № 12.*

3) Въ дѣлѣ о Шапловитомъ Медвѣдевъ показалъ: „Была у меня написана книга гѣтописная, начата съ 90 года о правленіи в. государыни, и что было съ того году, а писана та книга съ письма Каріонова (*Истомина*), а чернилъ ту книгу я, а переписывалъ дьячекъ Ивашка.“ Эта книга хранится въ Спб. библиотекѣ Академіи Наукъ подъ заглавіемъ: „Созерцаніе краткое гѣтъ, въ нихъ же что содѣяся въ гражданствѣ.“ Чтò въ этомъ сочиненіи принадлежитъ перу Истомина и Медвѣдева и чтò внесено въ XVIII в., отгадать мудро. Изъ этой книги напечатано 17 актовъ въ *А. Арх. Эксп. IV, подъ №№ 254. 258. 260—274. 281.*

4) Исповѣданіе Медвѣдева на соборѣ. *А. Ист. V, № 194. „Щитъ въры,“ ркн. Рум. Муз. № 471, л. 19. Книга „Остенъ“ издана въ Правосл. Собес. 1865, 1.*

5) Потверженіемъ служить записная книга о 1-мъ стрѣльцомъ бунтѣ, веденная современниками приверженцами Петра. См. прилож. къ XIV т. *Ист. Рос. Соловьева; также Доп. къ А. Ист. X, № 4.*

6) Въ Гамбургѣ 1622 г. это донесеніе было напечатано съ слѣдующимъ заглавіемъ: *Eigentlicher Bericht, wezen des, in der Stadt Moszkau am 15, 16, und 17 May, anno 1682, einstandenen grouchlichen Tumults; und grausahmen Massacke et cet... Церепечатано въ XII т. стр. 441—450 Theatrum Europeum. Франкф. на Майнѣ 1691. Въ Исторіи Петра В. Устряловъ напечаталъ въ VI прилож. къ I тому: „Wahrhaffte Relation der traurigen Tragedie, welche sich in der Stadt Moscau mit Ihr Czaris. Maiest. Leib—Wacht zugetraten den 15, 16 und 17 May anno 1682. Русскій переводъ тамъ же, стр. 330—342. 342—346, прим. 53. Ист. царств. Феодора Ал. *Берха II, 56—63.**

7) Дневникъ Гордона изданъ *Посселятомъ: Tagebuch Gordons, 1849—1852. Собр. запис. Туманскаго, т. VII. Зап. рус. людей Сахарова. Спб. 1841. Письмо Гордона въ Исторіи Петра В. Устрялова I, пр. 95.*

8) *Diarium itineris, ad aulam moscoviticam 1683 г. Кемпфера волягъ не изданъ. Отрывокъ изъ него помѣщенъ Аделунгомъ „Баронъ Мейерберъ“*

1827, стр. 329—370. Путешествіе езуита *Аврилля*, который два раза былъ въ Россіи въ правленіе Софіи, издано въ 1691 г. въ Парижѣ: *Voyage en divers etats d'Europe et d'veau chemin à la Chine*. Изданіе повторилось 1692 и 1693; нѣмецкій переводъ съ примѣчаніями *А. Ф. Фишера* явился въ Гамбургѣ 1705.

9) Въ рукоп. сборн. Спб. Духовной Академіи № 1504, л. 81 статья *Игнатія* носитъ названіе: „Сказаніе истолковано, что есть Софія премудрость Божія.“ Подробное объясненіе образа такого рода: „Что убо съдѣющая на престолѣ знаменуетъ и что имя ей? Не Софія ли? Се бо есть пророчество отъ образа неизреченныя Софіи премудрости Слова Божія, Ангела в. государыни... Софіи Ал. съ братіями своими в. государями... Иоанномъ и Петромъ Ал. Съдѣть на престолѣ отеческомъ царствія своего російскаго... Неизреченныя два крила яко орліи знаменуетъ ея государыни Софіи молитвенное къ Богу восхожденіе благородныхъ и государскихъ тетокъ Анны Михайловны и Татьяны Михайловны, иже, яко крилами, ихъ святыми молитвами помоществуемо російское царство съ братіями своими в. государи сохраняеть. А семь столбовъ утверждающихъ престолъ ея знаменуетъ крѣпкое ея заступленіе семи вселенскихъ св. отецъ соборовъ. Свитокъ въ рудѣ есть поборникъ о благочестіи—Иоакимъ патріархъ, митрополиты, архіепископы, епископы, архимандриты, игумены, священномонахи и весь освященный соборъ, еже бысть въ лѣто 7190 іюля въ 5-й день на новоявльшіеся еретики, на изверженнаго попа, Никиту Пустосвата и поборниковъ его трехъ чернцовъ и двоихъ бѣльцовъ—злыя титинскія шестерицы. Образъ съ предвѣчнымъ младенцемъ знаменуетъ, что Богородица молитъ Сына своего о московскомъ царствіи и о государяхъ, и царицахъ—Наталиѣ Кириловнѣ, Пѣраскевиѣ Феодоровнѣ и Марей Матвѣевнѣ, и царевнахъ Аннѣ и Татьянѣ Михайловнахъ, вспоминая Сыну своему Божественное обитаніе его девятимѣсячное во пречистомъ чревѣ ея, и принося боголюбивую молитву благочестивой государыни Софіи. Иоаннь Креститель на образѣ—тезоименитый ангель царя Иоанна; а камень, на немъ же утверждается образъ Софіи, есть тезоименитый ангель. Петръ, еже есть камень, храбраго в. государя Петра.—На небеси престолъ и 6 ангеловъ, восхождающихъ яко молебно, есть престолъ царства московскаго и благородныхъ шести сестеръ государей—Софіи, Евдокии, Марей, Екатерины, Маріи, Феодосіи и Наталии; понеже онѣ, яко святіи ангелы въ дѣвствѣ пребывающіи, молятъ со дерзновеніемъ Бога о своемъ отеческомъ наслѣдіи—російскомъ царствіи. Облакъ знаменуетъ все ихъ в. государей самодержавное царство; звѣзды же образуютъ царскаго ихъ величества ближнихъ бояръ и весь царскій синклитъ. И якоже глаголетъ апостолъ: *звѣзда звѣзды изобилуетъ во славу*; тако царскаго и пресвѣтлаго величества ратныя достоинства въ полатѣ—князи, бояре, окольничіе и думные и прочіи, и кійждо ихъ достоинствомъ царскою милостію другъ друга превосходитъ во славу.—Сіяніе же во облацѣхъ разсудительства пріимательно о христоролюбивомъ ихъ царскаго пресвѣтлаго величества о всякомъ воинствѣ, иже храбростомъ своимъ защищаетъ ихъ, въ надеждѣ за тое служеніе божія милости и ихъ государей жалованья.—Мы, православніи, врученніи самимъ небеснымъ царемъ в. государямъ, слышаще сія, въ сій день возрадуемъся и возвеселимъся въ оны.

Вашего царскаго пресвѣтлаго величества богомолецъ и всѣхъ меньшій рабъ іеромонахъ Игнатій, вашего государскаго строенія Спасова Новаго монастыря архимандритъ, со всею во Христвѣ братією, предъ вашимъ царскаго величества подножіемъ нижайшее творю поклоненіе.

Ся тетраць Троицкаго Зеленецкаго монастыря іеродіакона ризничкаго Киріана; писана лета 7202, августа."

¹⁴⁾ *Geographia Diarum itineris in Moscoviam, per illustris ac magnifici Domini Ignatii Christophori nobilis domini de Guarient, et Rall. . . ab Imperatore Leopoldo 1 ad Tsarum et Magnum Ducem, Petrum Alexiowicium anno 1698 ablegati extraordinarii.* Вѣна. Русскій переводъ *М. Семейскаго и Женева* Спб. 1868. О появленіи этой книги за границей, 8-го августа 1701 г. П. А. Голицынъ написалъ изъ Вѣны въ Москву, что авторъ смотритъ на русскихъ, какъ на *барбаровъ* и не щадитъ Петра, выругавъ его поганцемъ и сожалея, что русскихъ послѣ изданія книги ставятъ ни во что.

¹⁵⁾ Этотъ діаріушъ хранится въ сиб. Публичной Библіотекѣ, но я имѣлъ его въ нѣмецкомъ переводѣ: *Kurtze und gründliche Relation, wie die vornehmste moscowitische Herren in der Stadt Moscow Anno 1682 jammerlich seyn niedergehauen, und die beyden Petrus zu Zaren erwehlet worden 1686.* *Изданъ неизвѣстно гдѣ.*

¹⁶⁾ Епископъ Андрей Залуескій въ письмѣ 1676 (?) къ папскому нунцію (Erist. historicofamil. Brunsbergae, 1709; I, 600) и казначей божецъ Танверъ, бывшій при польскомъ посольствѣ въ Москвѣ 1678 г. писали объ интригахъ А. С. Матвѣева и царицы Натальи, направленныхъ къ возведенію на престолъ Петра по смерти Алексея Михайловича (*Legatio polonolithuanica in Moscoviam anno 1678 susserpta.* Norimbergae 1689, стр. 126). Тоже повторено въ донесеніи папскому нунцію при польской коронѣ архіепа. Мартелли: *Narratio regum, quae post obitum Alexii Mikalowicz et проч. 1682 г. стр. 9; свѣдѣнія о стрѣльцкомъ бунтѣ идутъ здѣсь съ 12 стр.*

¹⁷⁾ Изданіе *Шлейзинга* въ видѣ разговоровъ: *Anatomia Russiae deformatae* вышло въ Дрезденѣ 1688. Второе изданіе переделано въ видѣ описанія Сибири: *Neuentdecktes Sibirien oder Siewerien* и пр. Лена, 1690. На стр. 11 сдѣланъ такой отзывъ о Софіи: *Ob sie gleich von Gestalt des Leibes nicht gar schön, jedennoch von Hochmüthig—Fürstl. Gemüth—Gaben eine sehr kluge Princessin.* О Шлейзингѣ см. *Отеч. Зап.* 1854, VIII. 135—158.

¹⁸⁾ Подъ именемъ *Бове* издано было въ Лондонѣ 1699 г. сочиненіе: *The present condition of the Moscovite Empire till the year.* Въ собраніи записокъ Туманскаго 1787 г. приведены два письма, приписанныя езуиту Бове (I, 1—107); но онѣ принадлежатъ Крею, который не былъ въ Россіи (*Отеч. Зап.* 1848 г. № 6, библиогр.). Я пользовался записками Туманскаго, не владея англійскимъ языкомъ и не имѣя другаго перевода.

¹⁹⁾ Записки Нѣвила носятъ названіе: *Relation curieuse et nouvelle de Moscovie.* A la Haye, 1699. О личности и замыслахъ Софіи отзывы на стр. 38, 116, 118, 151, 152—155. Русскій переводъ мемуаровъ Нѣвила, хотя съ пропусками, помѣщенъ въ *„Рус. Вѣстн.“* 1841, кн. III—V. Тамъ же есть біографическія свѣдѣнія объ авторѣ, о которомъ см. записки Кокса: *„Reise durch Polen und Russland...“* Цюрихъ, 1785 стр. 289.

²⁰⁾ *Ист. Петра В. Устрялова I, пр. 5.* Не сочиненіе ли Игнатія—„Извѣстіе о рус. царствіи,“ которое находится въ рукописи въ бібліотекѣ московс. Общества исторіи, подало поводъ Крекшину къ толкованіямъ? *Обзоръ Филарета, стр. 254.* А. К. Востоковъ предполагалъ, что „Слово о зачатіи и рожденіи“ первоначально составлено Зотовымъ; а Штелиня рукопись Крекшина относится къ началу XVIII в., будто она писана до 1709 г.

²¹⁾ *Записки Желябужскаго съ изданіи Сахарова, стр. 8. 10—12.*

²²⁾ *Собр. Записокъ Туманскаго III, 108—9. 111—112 и VIII. Похвалы*

Гюйсена и другихъ лицъ Петру В. См. *Наука и литерат. Пекарскаго I 73. 90. 94. 103. 362—3. 365. 371.* Въ 1714 г. самъ Петръ В. приказалъ отдать Гюйсену всѣ журналы военные.

¹⁹⁾ *Ядро рос. исторіи, 1770, предисл. и стр. 369, 372, 374, 378.*

²⁰⁾ *Джона Перри The State of Russia under the present Czar.* Лондонъ. 1716, стр. 143. Французскій переводъ: *Etat present de la grande Russie. A la Haye 1717.* Нѣмецкая компиляція передѣлана съ итальянскаго перевода: *Das gluckselige Russland unter der Regierung der grossen Kayserin Anna.* Дандигъ 1736.

²¹⁾ *Страленберга Das Nord-und östliche Theil von Europa und Asia.* Стокгольмъ 1730.

²²⁾ Страленбергъ между прочимъ говорить: *Was ihre Person betrifft, so war sie von Statur wohl gewachsen, und von Angesicht sehr wohl gestaltet.*

²³⁾ *Вебера Das veränderte Ruszland in welchem die jetzige Verfassung des Geist—und Weltlichen Regiments и проч. Франкфуртъ и Лейпцигъ. 1721.* Изданіе 2-е 1738 — и 3-е — 1740. На французскомъ языкѣ выдержки есть въ *Магазинѣ Бюшинга, IX. 283—380.* О Софіи см. во 2-мъ изданіи *Вебера,* стр. 27, 142—143.

²⁴⁾ Мемуары Матвѣева изданы въ *Собр. Записокъ Туманскаго ч. VII, и у Сахарова „Записки Рус. людей“ Сиб. 1841.*

²⁵⁾ *Рабенера Leben Petri des Ersten und Grossen.* Лейпцигъ, 1725. *Russe Mémoires de regne de Pierre le Grand. A la Haye. 1725.* Изданіе 2-е вышло въ Амстердамъ 1728—30. Въ *Biographie universelle* высказано, что Руссе за свое сочиненіе даже получилъ награду отъ русскаго двора.

²⁶⁾ *Катицфора Vita di Pietre il grande imperador della Russia.* Венеція 1733. Изданіе 2-е на новогреч. языкѣ; 3-е 1748 г.; русскій переводъ сдѣланъ *Писаревымъ* и напечатанъ 1772 и 1787. Я пользовался въ Казани рукописью, доставленною мнѣ *М. П. Петровскимъ* и относящеюся ко времени Елизаветы Петровны; на эту рукопись и указывалъ я въ текстѣ. Въ Лейпцигѣ 1739 г. вышло сочиненіе *Мартина Гассена: Die wahre Staats-Grund-Sätzen, nach einer vorangesetzten Eintheilung und Ordnung vollständig vorgetragen, und insonderheit mit dem ruhmwürdigsten Exempel des Russischen Kayser's Peter des Grossen и проч.* Здѣсь между прочимъ авторъ говорить, что царь Іоаннъ сильно любилъ Петра и всегда защищалъ его передъ Софіей.

²⁷⁾ *Мотлеля The History of the Life of Peter I, Emperor of Russia.* Лондонъ 1749. *Мовильона Histoire de Pierre I, surnommé le Grand.* Амстердамъ 1752.

²⁸⁾ Ист. Рос. *Татищева I, предисл. XIII, XVI.* Побужденіемъ къ написанію исторіи для него было—воздать должное благодареніе вѣчной славы и памяти достойному государю Петру В., за его высокую мнѣ показанную милость. Исторія написана 1739 г.

²⁹⁾ „П. собр. сочин.“ *Ломоносова.* См. похвальныя слова Петру В. и Елисаветѣ 1749, ноября 26 и 1755, апр. 26.

³⁰⁾ Записки *Крекушина* помѣщены въ 1-мъ томѣ у *Туманскаго;* также у *Сахарова „Записки рус. людей.“*

³¹⁾ Записки *А. Гордона* изданы въ Абердинѣ 1755 г.: *The History of Peter the great emperor of Russia.* Нѣмецкій переводъ напечатанъ въ Лейпцигѣ 1765 г.

²²⁾ Originalanekdoten von Peter dem Grossen. *Штетлина*. Лейпцигъ 1785. Русскіе переводы напечатаны 1787, 1793 и 1830 г. Сплетня о ядѣ, даномъ тайно Петру, очень ранняя: *Бассевичъ* уже подтверждалъ это. *Magazin Büschings*, IX, 294.

²³⁾ Отзвѣвъ о царевнѣ *Вольтера* въ *Histoire de l'empire de Russie, sous Pierre le grand*. 1765, I, 109, 117, 118. Подробности о составленіи *Вольтеромъ* исторіи можно читать въ *Магазинѣ Бюшинга III, 195* и въ *Современникѣ, 1854, № 10, статья о Мюллерѣ, стр. 134—5, 145—6*.

²⁴⁾ „П. собр. сочин.“ *Сумарокова, 1787. VI, 172*.

²⁵⁾ *Рос. исторія жизни вѣстьхъ древнихъ государей. Емина. Спб. 1767—69. См. томъ III, стр. XV—XVIII*. См. „Родословіе фамиліи Романовыхъ.“ *Зап. Туманскаго, II, 27—33*.

²⁶⁾ *Стрѣлцѣй бунтъ. П. собр. сочин. Сумарокова, 1787, VI, 172*.

²⁷⁾ *Опытъ трудовъ великаго рос. собранія при Москов. Университ. ч. IV и VI. Собр. записокъ Туманскаго V, 133. 203; VI, 135; VII, 299*. Миллеръ дѣлалъ замѣчанія на Исторію Петра В. *А. Гордона*. См. въ *Магазинѣ Бюшинга* біографію Миллера, т. III. *Sammlung Russischer Geschichte, 9 томовъ, 1762—1764*.

²⁸⁾ *L'Antidote, ou examen du mauvais livre, superbement imprimé, intitulé: „Voyage en Sibérie.“ Амстердамъ. 1771, стр. 186—7*.

²⁹⁾ „Житіе и славная дѣла госуд. императора Петра В.“ *Феодози*. Венеція 1772. Перепечатано съ поправками *Щербатова* и *Тропольскаго*. Спб. 1774. Изъ числа 46 сочиненій, которыми пользовался *Феодози*, онъ указываетъ между прочимъ слѣд: 1, Академіи Спб. Ежемѣсячныя сочиненія, 20 томовъ; 2, *Профес. Миллера* Собраніе разныхъ извѣстій до рос. исторіи принадлежащихъ, 9 томовъ на нѣмецк. языкѣ; 3, *Емина* Новая рос. исторія; 4, *Курасова* Сокращенная универсальная исторія съ російскою; 5, *Бюшингово* Землеописание; 6, *Страленберга* Описание сѣверовост. части Еврошы и Азіи; 7, *Эссиха* Введеніе въ универсал. исторію съ російскою; 8, *Ла-Комбе* Штатскія премѣненія въ рос. государствѣ съ примѣчаніями и продолженіемъ историческаго профессора въ Галлѣ *И. Ф. Иоакима*, 3 тома; 9, *Вольтера* Исторія о рос. госуд. и жизни Петра В.; 10, *Хертельманта* Прагматическая исторія о достопамятн. штатскихъ премѣненіяхъ въ рос. государствѣ; 11, *Инженера Перри* Штатъ російской; 12, *Бюшинговы* извѣстія о Россіи изъ Россіи жъ; 13, *Аббата Катифора* Житіе Петра В.; 14, Путешествіе цесарскаго посла фонъ-Кваріентъ; 15, *Мартина профессора* (Гассена?) Извѣстія о Россіи; 16, *Равенера Юстуса* Житіе Петра I-го и великаго царя рос.; 17, *Вебера* Пережъившаяся Россія; 18, *А. Гордона* Житіе и дѣла Петра В. цесаря рос.; 19, *И. П. фонъ Л.* Житіе и дѣла Петра Ал., царя рос. (*По изданію 1774 г. въ концѣ 2-го тома*). Последнее сочиненіе, вѣроятно, приписываемое *Лозинтейну*: *Des grossen Herrns Czaars und Gross-Fürstens von Moscau, Petri Alexiewiz, des gantzen grossen, kleinen und weissen Russlandes Selbsthalters и проч. Leben und Taten... Франкфуртъ и Лейпцигъ. 1710*.

³⁰⁾ Изложеніе исторіи правленія Софіи, въ изд. *Феодози* 1774 г., на стр. 145—170. Въ 1784 г. въ Прагѣ издано сочиненіе: *Lebensgeschichte Peter des Grossen*, въ которомъ большая путаница происшествій времянь Софіи, но объ участіи царевны въ 1-мъ стрѣлцкомъ бунтѣ не говорится ничего; молва объ убійствѣ царевны Іоанна была неизвѣстнаго происхожденія.

³¹⁾ Замѣчанія *Щербатова* въ Житіи Петра В., *Феодози, 1774, на стр. 146, 148, 150, 151, 159, 160*.

⁴²⁾ Histoire de Russie, par *M. Levesque*, 1783.

⁴³⁾ Записки *Кокса* я нѣгль въ нѣмецкомъ переводѣ: *Reise durch Polen, Russland, Schweden und Danemark. Von Wilh. Cox.* Aus dem Englischen von *I. Pazzl*. Цюрихъ. 1785. О царевнѣ Софіи стр. 289—307. Вмѣстѣ съ *Сумароковымъ*, *Кокс* считаетъ *Милославскаго* главою заговора, будто онъ старался чернить *Нарышкиныхъ* при каждомъ случаѣ и сваливалъ на нихъ вину въ народныхъ тягостяхъ; будто имъ посланы были двое кричать стрѣльцамъ, что *Нарышкины* убили *Юанна*, стр. 290, 295.

⁴⁴⁾ „Примѣч. на исторію *Леклера*“, *Болтина*. Спб. 1788. I, 481—82.

⁴⁵⁾ *Ж. Ж. Руссо* тоже высказывалъ: *Les Russes ne seront jamais rien, puisque Pierre 1, au lieu d'en faire des Russes, a commencé à les former d'après les Hollandois, les Allemands et cet.*

⁴⁶⁾ Наприм. „Исторія о невин. заточеніи *Матвѣева*.“ М. 1786. „Краткое описаніе жизни и славы дѣла *Петра В.*“ Спб. 1788. Здѣсь повторены обычныя мнѣнія: царь *Феодоръ* наименовалъ наследникомъ *Петра*; *Софія* „своими хитростями возбудила престрашный бунтъ“, тотчасъ присвоила себѣ царскій титулъ и верховную власть, подвинула *Шакловитаго* убить *Петра*; бунтъ 1698 г. произошелъ оттого, что царь позволилъ употреблять табакъ и т. под., стр. 5—7, 23, 47. Такого же характера „Зерцало рос. государей“, *Тимофlea Малигина*. Спб. 1794, стр. 502—518; „Новое ядро рос. Исторіи“ *Ив. Нехачина*. М. 1795 ч. 2, стр. 344—51. Послѣдній прибавляетъ послѣ описанія всѣхъ заговоровъ: „Монархъ совершенно бы погибъ, а сестра бы его царствовала, и Россія пребыла бы во тмѣ своего невѣжества, если бы двое изъ стрѣльцевъ не возгнушались осквернить рукъ своихъ въ крови помазанника божіа.“ Но *Биллесъ* говоритъ: „*Софія* была одарена умомъ, которому воплія соответствовала ея блестящая красота;“ Кабинетъ *Петра I.* 1793, Спб. II, 160.

⁴⁷⁾ *Голицковъ* родился 1735, ум. 1801 г. „Дѣянія *Петра В.*“ изд. М. 1788. „Дополненія къ Дѣяніямъ“ М. 1790—97. По словамъ *Голицкова*, для необузданнаго войска стрѣльческаго „не было ничего священнаго“, оно „поставляло всю свою славу въ томъ, чтобы противиться великимъ намѣреніямъ государя своего.“ *Дополн. къ Дѣян. V, 253.* *Голицковъ* вѣрилъ *Щербатову*, будто *В. Голицынъ* держался ереси *Аввакумовой*, *Крекшину*, что царь *Петръ* говорилъ рѣчь на соборѣ противъ раскольниковъ и *Корбу*, что *Петръ* хотѣлъ казнить *Софію*, но ее защитилъ *Лефортъ* и т. под.

⁴⁸⁾ *Leben Peters des grossen von G. A. von Halem.* Лейпцигъ 1803. Русскій переводъ *Е. Ушакова*. Сиб. 1812—1813. Общее убѣжденіе, что жадная до власти царевна, бунтовала стрѣльцовъ противъ *Петра*, высказывается также въ сочиненіи: „*Russische Günstlinge.*“ *Тюбингенъ.* 1809, стр. 3.

⁴⁹⁾ Изданіе 1-е *Схелттемы*: *Peter de Groote, Keiser von Russland in Holland, en te Zaandam in 1697 en 1717.* Амстердамъ. 1814. Изданіе 2-е повнѣе и вышло въ 1817 г. Сокращенный французскій переводъ *Мюиллмана*: „*Anecdotes historiques sur Pierre le grand, et sur ses voyages en Hollande.*“ *Лозанна.* 1842.

⁵⁰⁾ *Бережана* *Peter der Grotze, als Mensch und Regent.* Кенигсбергъ. 1823. Русскій переводъ *Аладына*, „Исторія *Петра В.*“ Спб. 1833. Изд. 2-е 1840.

⁵¹⁾ *Histoire de Russie et de Pierre Grand, par le général comte Ségur.* 1829.

⁵²⁾ Подлинныхъ записокъ *Вилліамса* у меня не было и я пользовался

переводомъ В. Н. Олми: „Зап. о Петрѣ В.“ Спб. 1885, ч. I, стр. 1—21. Между другими промахами, здѣсь встрѣчаются слѣд: раскольники бросили по камню въ лицо патріарха на соборѣ; Хованскій замышлялъ истребить всю царскую фамилію и всѣхъ вельможъ; стрѣльцы грозились сжечь Троицкую лавру; Бакленичъ (*Шакловитый*) взялся погубить Петра и подкупили 600 стрѣльцовъ (стр. 8, 12, 15, 20).

³²⁾ *Пеллца* Geschichte Peters des Grossen. Лейпцигъ. 1848. Вотъ краткій обзоръ этого сочиненія: Царь Алексѣй назначилъ преемникомъ престола Петра, помимо двухъ старшихъ сыновей; прекрасная и умная царевна Софія и Милославскіе возстали противъ этого распоряженія; но нерадѣвнѣю старухи-польки, которая лечила Алексѣя Михайловича, онъ скончался, но явилось подозрѣніе въ отравленіи царя; тогда отравка была въ обычаѣ при дворѣ (стр. 77—78). Петръ въ дѣтствѣ тоже чуть не былъ отравленъ ядомъ, о чемъ свидѣтельствуется въ своихъ мемуарахъ, сестра Фридриха В., маркграфиня von Baireuth, но ядъ не сильно поодѣйствовалъ (стр. 79). По смерти царя Θεодора, возвели на тронъ сначала Иоанна, потомъ Петра; патріархъ выхлопоталъ, чтобы остался на престолѣ одинъ Петръ и регентшей назначена его мать. Милославскіе распустили молву, что Иоанна задушили Нарышкины и возбудили стрѣлецкій бунтъ; пария Наталья вывела Иоанна къ стрѣльцамъ, которые, увидѣвъ его, стали утихать, но Милославскіе заявили, что его хотятъ убить (стр. 84). Тогда началось возмущеніе, и царица провозгласила одного Иоанна, который самъ просилъ въ соправители Петра. Царей снова короновали и правительницей назначили Софію; она хотѣла для своего возвышенія опереться на раскольниковъ. Крымскіе походы Голицына были неудачны (стр. 90). Авторъ хвалитъ правительницу за свѣтлый умъ и полезную дѣятельность, за поощреніе наукъ и искусствъ, но обвиняетъ за то, что она не заботилась объ образованіи Петра (стр. 92). Съ ея дозволенія, сведень былъ съ Петромъ искатель приключеній, Францъ Лефортъ, человекъ весьма распутный и безнравственный (стр. 93). Вѣроятно, Лефортъ открылъ Петру глаза среди игръ и забавъ и обратилъ его вниманіе на тронъ; не смотря на заговоръ Софіи и Шакловитаго, Петръ достигъ цѣли (стр. 95 и далѣе). Подобнаго же содержанія книга, неизвѣстно когда изданная: Histoire de Pierre le Grand. Rouen. *Géline Fallet* См. стр. 33—45.

³¹⁾ Рукопись хранится въ Румянц. Муз., отрывокъ изъ біографіи В. Голицына помѣщенъ въ „Трудахъ Общ. Ист.“ М. 1837, стр. 65—85. См. также „Словарь достопамятн. мужей“, *Бантышъ-Каменскаго* 1836, II. 58. *Терещенко* „Опытъ обозрѣнія жизни сановниковъ, управявшихъ иностранными дѣлами въ Россіи.“

³³⁾ В. И. Олимпъ писалъ въ 1835 г., что причиною майскаго кровопролитія въ Москвѣ 1682 г., было необузданное честолюбіе юной Софіи и ея желаніе владичествовать. Мятажъ сей, по его словамъ, „не былъ ни мгновѣннымъ взрывомъ народнаго суевѣрія или ропота, ни минутнымъ почему—либо ослѣпленіемъ черни, но именно можетъ назваться постыднымъ заговоромъ или потрясеніемъ, вслѣдствіе мѣръ обдуманыхъ и причинъ политическихъ.“ Еще при жизни Θεодора, Софія замышляла тайныя козни противъ Натальи Кириловны, и властолюбивой цѣли достигнуть иначе не могла, какъ только черезъ бунтъ и кровь Нарышкиныхъ (Записки о Петрѣ *Виллѣмса*. Спб. 1885, прим. на стр. 10, 22, 24). Но вѣроятно, подъ влияніемъ взгляда *Берха* на стрѣлецкій бунтъ, Олимпъ противорѣчитъ самъ себѣ: „Нельзя однакожъ умолчать, что первоначальное возмущеніе между стрѣльцами, по смерти Θεодора, не было дѣломъ Софіи;

она въ оноѣ не участвовала, а только воспользовалась имъ, какъ средствомъ, чтобы угодить себѣ путь къ престолу“ (стр. 66—67).

⁵⁶⁾ „Записки рус. людей“, изд. Сахарова. Спб. 1841. Примѣч. 25 къ Запис. Матвѣева, пр. 2 къ Запис. Желябужскаго и пр. 10, 12, 19, 25, 56, къ Зап. Медвѣдева. О послѣднемъ Сахаровъ пишетъ: „Не ко всѣмъ безпристрастный, онъ описываетъ подробно всѣ обстоятельства, говоритъ откровенно о лицахъ, участвовавшихъ въ этомъ заговорѣ, и въ обзорѣни подробно и ясно, представляетъ собой человѣка, приближеннаго ко двору. Въ одноѣ только можно обвинить Медвѣдева: въ пристрастїи къ царевнѣ Софіи Ал. За то остается непонятнымъ его равнодушіе къ Милославскому и къ князю Хованскому. Современникъ его гр. Матвѣевъ раскрываетъ вполне участіе царевны, и въ тоже самое время является пристрастнымъ къ братьямъ Толстымъ, дѣйствовавшимъ въ этомъ собитїи“ (*Предисл. V—VI*).

⁵⁷⁾ Рус. Вѣстн., изд. *Полемымъ* 1841. III, 187—8 и 192. 596—599. Затѣмъ онъ изложилъ свой подробный взглядъ на правленіе царевны Софіи въ сочиненїи: „Обозр. рус. исторїи до единодержавїя Петра В.“ Спб. 1846.

⁵⁸⁾ Стихотвор. *гр. Радоушиной*. Москвит. 1843, V. № 9, стр. 13—14.

⁵⁹⁾ Щебальскїй повторилъ ошибки Матвѣева, Крекшина и Голицова, что на соборѣ раскольничьемъ 5 іюля, были оба царя; а послѣ казни Хованскаго не менѣе 2700 стрѣльцовъ ходили въ Троицкую лавру, надѣвъ петли на шею, съ плахами и топорами (II, 390. 400); онъ считаетъ мнѣніе Матвѣева несомнѣннымъ, что Милославскїй сгубилъ Хованскаго (II, 394); вѣрить также Шлейзингу, будто земское ополченїе Россїи при царевнѣ простиралось до 400 тысячъ ратниковъ (IV, 40).

⁶⁰⁾ Въ „Рус. Словѣ“ 1859 г., XII *М. Ив. Семевскїй* помѣстилъ статью: „Современ. портреты Софіи и В. Голицына.“ Струшировалъ много интересныхъ выписокъ изъ разныхъ сочиненїй, онъ вмѣстѣ съ Нѣвилемъ рисуетъ образъ царевны самими поэтическими красками. Онъ говоритъ: „*Рѣшительность, смѣлость* — главные черты характера Софіи, рѣзко обозначились съ первымъ же ея выступленїемъ на общественное и политическое поприще. Въ ея характерѣ мало было женскаго. Она съ удивительнымъ *равнодушіемъ* слушала стоны и вопли жертвъ, ею обреченныхъ кровавымъ истязанїямъ необузданныхъ злодѣевъ. Она не отступала *ни предъ какими средствами*, и по трупамъ Матвѣева, Долгоруковыхъ, Нарышкиныхъ и другихъ неуклонно шла къ разѣ опредѣленной цѣли... Читая описанїе стрѣлецкихъ бунтовъ 1682 г., невольно удивляешься *ловкости, твердости, изворотливости, изобрѣтательности и гибкости ума* Софіи. Съ искусствомъ опытнаго интриганта и политическаго дѣятеля, она разсѣиваетъ благопрїятныя для ея виды слухи, возбуждаетъ къ мятежу стрѣлечїя полчища, смѣлою рукою направляетъ толпы убійцъ на людей, смерть которыхъ опредѣлена ею, утишаетъ во-время бунта, а по окончанїи его достигаетъ главной цѣли: стрѣльцы просятъ ея принять бразды правленїа!“ (стр. 419). Въ томъ же родѣ написана вся длинная статья.

⁶¹⁾ „Ист. Рос. съ древн. врем.“ т. XIII М., 1863, т. XIV, 1864. *С. М. Соловьевъ* преувеличилъ дѣйствїя Хованскаго и Милославскаго въ первомъ стрѣлечкомъ бунтѣ, основываясь на показанїяхъ гр. Матвѣева (*XIII, 344, 346*). По словамъ почтеннаго профессора выходитъ, что толпой можно распоряжаться по произволу: „Когда вывели Іоанна къ стрѣльцамъ, они обезоруживались.“ Уйдуть съ позоромъ изъ Кремля, и въ другой разъ ихъ уже трудно будетъ привести туда на ту же дочку, а между тѣмъ Матвѣевъ приметъ свои мѣры. Начали поджигать толпу отчаянными средствами (?), кричать, что хотя царевичъ и живъ,

но все же пусть выдадут его недоброхотовъ, Матвѣва и Нарышкиныхъ; кричали, что Иванъ Нарышкинъ прихвирвалъ на себя корону и разныя царскія украшенія. „Матвѣвъ убѣдилъ стрѣльцовъ бросить затѣи. Тщетно Хованской, *какъ говорятъ*, дѣлалъ стрѣльцамъ знаки, чтобъ они бросились на Матвѣва.“ Стрѣльцы были тихи и просили Матвѣва, чтобъ онъ заступился за нихъ предъ царемъ. Онъ возвратился на верхъ къ царицѣ. „Но заговорщики не дремали: вида, что дѣло не ладится передъ дворцемъ, они направили толпу самыхъ отчаянныхъ стрѣльцовъ изъ сѣней Грановитой палаты на Красное крыльцо“ (стр. 347). О дѣлѣ Хованскаго Соловьевъ говорить, „что Софья и Милославскій посредствомъ стрѣльцовъ овладѣли правленіемъ, а Хованскій перешелъ имъ дорогу, овладѣлъ стрѣльцами, привязалъ ихъ къ себѣ и готовъ былъ употребить эту силу противъ Софьи и Милославскаго. Софья и Милославскій по собственному опыту хорошо знали всю полноту искушенія, представляемую положеніемъ Хованскаго: пойдеть ли онъ назадъ, посторонится ли, чтобъ дать мѣсто имъ?“, (XIII, 373—4). Разсказъ о бунтѣ Шакловитаго изложенъ Соловьевымъ близко къ истинѣ (XIV, 117—138).

⁶²⁾ Польскіе писатели разсказываютъ, что по смерти Маріи Ильиничны Милославской, первой супруги царя Алексѣя, оставшіеся два сына и шесть дочерей, много терѣли отъ Артамона Матвѣва, а потомъ подверглись еще большому пресѣдованію, когда ему удалось выдать за царя родственницу свою, дочь Кирила Нарышкина. Не смотря на право наслѣдства старшаго сына Θεодора, Матвѣвъ съ Натальей Кириловной хотѣли посадить Петра на тронъ и подкупили стрѣльцовъ стоять за него. Но Долгорукій избралъ царемъ Θεодора. (См. выше стр. 8—9, прим. 12). Здѣсь, очевидно, обстоятельство дѣла преувеличено, но слухъ имѣеть основаніе; молва приписывала тайную мысль Матвѣву и Натальѣ не даромъ: они могли питать подобныя надежды, но не въ силахъ были поступать настойчиво для ихъ осуществленія, когда всѣ признавали Θεодора наслѣдникомъ. Если мы припомнимъ, какъ провозгласили Петра Нарышкины 27 апрѣля, помимо Іоанна, то можемъ повѣрить этимъ слухамъ.

⁶³⁾ При вѣнчаніи на царство Θεодора, изъ Нарышкиныхъ никто не былъ награжденъ. Матвѣвъ приписываетъ это вліянію А. П. Хитровой; но вѣроятно, объясненіемъ служитъ покушеніе Натальи Кириловны возвести на престолъ Петра. (Ист. царств. Θεодора Берха I, 19). Богданъ Хитрово и племянникъ его Александръ Савостьяновичъ по управленію приказомъ большаго дворца сильно злоупотребляли: „изъ государственныхъ и дворцовыхъ сель и волостей повсеременно вотчины свои всякими изобиліи и заводы строили и наполняли, также и изъ всѣхъ — сѣтнаго, кормоваго и хлѣбнаго дворцовъ—премножественнымъ похищеніемъ всякихъ дворцовыхъ обиходовъ явственно и безстыдно по вся дни корыстовались, великими посулами съ дворцовыхъ подрядчиковъ богатели себя.“ (Ист. о невин. заточ. Матв. 386 стр.).

⁶⁴⁾ Вышшимъ предлогомъ къ удаленію Матвѣва послужила жалоба, датскаго резидента Мопса Гей, что Матвѣвъ не доплатилъ ему 500 руб. за рейнское вино, поставленное ко двору, и что на его требованіе изъ посольскаго приказа выслали фальшивый контравъ на эту поставку. (Ист. Рос. XIII, 236 стр.).

⁶⁵⁾ Польскій авторъ московской смуты лестно отзывается о Грушецкой, говорить, что она много принесла добраго Россіи: по ея вліянію ратнымъ, бѣжавшимъ съ поля битвы, не велѣно носить позорныя женскіе охабни; также начали волосы стричь, бороды брить, сабли и кунтуши польскіе носить, школы основывать: вышло распоряженіе вынести изъ церквей иконы, которымъ важ-

дый самъ молился, а другимъ не позволялъ. Эти поступки хвалила партія Θεодора, а порицали приверженцы Матвѣева и говорили, что царь скоро введетъ яцкую вѣру и, женись на полькѣ, будетъ также вести себя, какъ самозванецъ, послѣ брака на Маринѣ Мнишекѣ (см. *Diariusz Zaboystwa tiranskiego*).

⁶⁶⁾ Лекаръ Давидъ Берловъ, который подалъ доносъ на Матвѣева, обвинилъ также Ивана Нарышкина въ посягательствѣ на жизнь царя Θεодора, будто онъ говорилъ держальнику своему Ивашѣ Орлу про царское величество при лѣкарѣ Давидкѣ: „Ты-де Орель старій, а молодой-де Орель на заводи ходитъ, и ты его убей изъ пищали; а какъ ты убьешь, и ты увидишь въ себѣ отъ царицы Натальи Кир. великую милость, и будешь възсканъ и отъ Бога тѣмъ, чего у тебя и на умѣ нѣтъ.“ И держальникъ Орель говорилъ: „убилъ бы да нельзя, гдѣсь тонокъ, а заборъ высокъ.“ Давидко въ тѣхъ словахъ пытанъ, и огнемъ и клещами сженъ многажды. И передъ государемъ, патриархомъ и передъ боярами, и отцу своему духовному на исповѣди сказывалъ прежнія рѣчи: какъ Нарышкинъ говорилъ Ивашѣ Орлу, чтобы благочестиваго царя убить.“—За такія страшныя вины и воровство бить кнутомъ, огнемъ и клещами жечь и смертію казнить. Но государь жалуетъ, указалъ дать животоу, и сослать въ ссылку въ Ряскій, и быть за приставомъ до смерти живота.“ (*Письмо къ В. В. Голицыну Боева. Чт. общ. № 7*). Братъ царицы Афанасій также сосланъ былъ въ ссылку. (*Ист. Рос. XIII, 242—243*). Апр. 27 „пожаловалъ государь, изъ опалы велѣлъ быть къ Москвѣ: А. С. Матвѣева, Ивана Кирилова, Петра да Кондратія Ѳоминыхъ дѣтей Нарышкиныхъ, думнаго дворянина Ѳедоровой жене Полуехтовича Нарышкина съ сыномъ, и велѣно имъ быть въ Москвѣ не мѣшкать.“ (*Тамъ же XIV, въ прил. 26*). Изъ этого видно, что сослано было много Нарышкиныхъ въ царствованіе Θεодора.

⁶⁷⁾ 1682 Мая 6. Въ Пермь воеводѣ Барятинскому.

„Всѣхъ городовъ и уѣздныхъ всякихъ чиновъ людей,“ собранныхъ по указу Θεодора въ Москву, „для разборовъ и изровненія во всякихъ службахъ и податяхъ, съ посадовъ *въ двойникахъ*, всѣхъ отпустить по домамъ. А имъ, пріѣхавъ въ тѣхъ городѣхъ, и въ пригородѣхъ, и въ уѣздѣхъ во всѣхъ слободахъ, и въ волостяхъ, и въ селѣхъ, съ земскими старосты и со всѣми посадскими и иныхъ чиновъ съ тамошними жилецками людьми, въ таможни и на кружечные двory и къ инымъ сборомъ наше казны, выбрать межъ собою, въ головы и въ ларешные дѣловальники, впредь ко 191—193г., противъ указныхъ статей 189 г., изъ какихъ чиновъ напередъ сего у тѣхъ сборовъ бывали и нынѣ собираютъ, самыхъ добрыхъ и правдивыхъ людей, кому бы въ тѣхъ сборѣхъ мочно было вѣрять.“ Отписки о выборахъ прислать къ 1 іюля.—Насчетъ выборовъ головъ и дѣловальниковъ говорится: „а будетъ кто въ тѣхъ выборѣхъ учинится не послушенъ, и ты бѣ на тѣхъ ослушниковъ давалъ мирскимъ людямъ для розсылки приставовъ и стрѣльцовъ, сколько человекъ пригоже, и въ тѣхъ выборѣхъ всякое имъ вспоможеніе чинить; а ни для чего въ тѣ выборы тебѣ не вступаться и помѣшки имъ не чинить, чтобы тѣ выборы въ сборѣ нашей в. государя казнѣ были въ прибыли.“ (*А. И. V, № 83*). Значить, 1) выборы, по взгляду правительства, были чисто въ экономическихъ расчетахъ; 2) не довѣряли воеводамъ; 3) выборные чинились сильны, 4) воеводы направляли выборы въ своихъ видахъ.

⁶⁸⁾ Матвѣевъ досадовалъ, что Софія выборныхъ стрѣльцовъ „превосходнѣе и вѣрнѣе всего дворянства вела“ и что она дворянство уничтожила. . . „Царица Наталья Кириловна, по его словамъ, дѣломудренная и мужественная,

всемилосердая жена и всѣхъ христіанскихъ добродѣтелей исполненная государыня, которая по всемілостивѣйшимъ своимъ снисхожденіямъ, всѣхъ и старыхъ заслуженныхъ родовъ и палатныхъ особъ свѣтлыхъ „при сторонѣ своей содержала,“ но и вообще все дворянство и народное общество (*У Сахар. 5—6, 34*).

⁶²⁾ Изъ записокъ Медвѣдева, по рукописи кн. Оболенскаго: „Того же 7190 гѣта во время зимнее начала люди зѣло, ради несправдъ и пестернимыхъ обидъ себѣ, стужати и другъ на друга глаголати, яко той несправду дѣять, иний на того, наипаче же на временниковъ и великихъ судей и на начальныхъ людей, яко мздоимательствомъ очи себѣ паслѣнили, якоже пишется: „мзда ослѣпляетъ очи премудрыхъ.“ Тако и тогда всюду не точію въ мужахъ, но и въ женахъ словеса отъ обидъ и въ неполученіи правныхъ дѣлъ всюду происходили. Ини же ближніе предстатели точію вымышляли ими мнимое разумно сами, а немногихъ людей совѣтомъ, и презирая искусныхъ, мудрыхъ и въ старости сущихъ людей, всякія новыя дѣла въ государствѣ и чины въ даяннѣ чести, и суды иначиновны въ гражданствѣ покусившася вводити, иноземскимъ обычаямъ подражающе.“ (*Ист. Петра В. Устрялова, I, 271*). „Въ зимнее время (въ февралѣ?) Богданова полку Пыжова стрѣльцы всѣмъ приказомъ били челомъ съ великимъ прилежаніемъ и со слезами многое время в. государю на него Богдана, что онъ вычиталъ у нихъ по половинѣ денежнаго жалованья, а у иныхъ и больше. И в. государь, видя ихъ многое челобитье, указалъ о томъ розыскать.—И ближній его царскій совѣтникъ, бояринъ Ив. Языковъ, по наговору полковниковъ стрѣleckихъ, ведѣлъ о томъ розыскъ учинить несправедный, и учинить челобитчикамъ—лучшимъ людямъ жестокое наказаніе, дабы впрередъ иныхъ приказовъ стрѣльцы на полковниковъ въ налогахъ своихъ не били челомъ, и были бы всегда полковникамъ отъ того страха въ покореніи тяжкомъ. Но—о, неразумныхъ бѣдственнаго совѣта; яко несправеднымъ народъ паче хочуть удержати страхомъ, нежели праведною любовію! . . . И иныхъ челобитчиковъ, по совѣту Ив. Языкова, по несправедному розыску, лучшихъ людей бивши кнутомъ, разослали въ ссылки,—и тѣмъ всѣхъ полковъ стрѣльцамъ страхъ велий содѣяся. И видѣвши полковники стрѣleckіе, яко по ихъ волѣ надъ стрѣльцами содѣяся, наипаче стрѣльцамъ начаша налоги многіе чинити.“ (*Медв. у Сахар. стр. 1*). Вотъ самое вѣрное объясненіе выраженія той сильной злобы, которая вспыхнула въ стрѣльцахъ противъ начальниковъ во время бунта въ маѣ 1682 г. Соловьевъ сомнѣвается въ истинѣ показанія Медвѣдева, но безъ всякаго основанія. Само правительство созналось въ обидахъ, наносимыхъ стрѣльцамъ: при Петрѣ Нарышкины, а при Софіи Шакловитый, несомнѣвались въ этомъ.

¹⁰⁾ Relation der traurig. Траг. у Устрялова стр. 32—3. Въ 7190 г. апрѣля 23 „стрѣльцы отъ великаго полковниковъ своихъ тяжелоносія били челомъ въ первыхъ на Семена Грибоѣдова и подали о нужномъ, несправедномъ порабощеніи, и о немилостивомъ отъ него мученіи челобитную. И бояринъ Ив. Языковъ, познавъ, яко за несправедныя ихъ въ судахъ дѣла, паче же за безгнѣбную отъ полковниковъ стрѣльцамъ тягость и велие порабощеніе, нача творити: како бы возможно до конечнаго возмущенія народъ не допустить? И того ради, по тому ихъ челобитью, велѣно вскорѣ розыскъ и указъ учинить. И той полковникъ посаженъ былъ въ тюрьму токмо на одинъ день и освобожденъ по прежнему. Стрѣльцы же не точію тою расправою не быша удовольствованы, но наипаче на ярость подвигошася, и начашу себѣ такожде за праведное свое челобитье несправеднаго наказанія и ссылки чаяти, и того ради

во всѣхъ полкахъ тайно начаша мыслити: како бы того бѣдства избѣйти? (Зап. Медвѣдева 1—2). Въ разрядѣ записано: „Того жъ году апрѣля въ 24 били челомъ в. государю приказъ сгрѣльцовъ Семенова приказу Грибоѣдова, что и въ силничей всякой нагажствѣ и въ разоренье, и хотѣли было збунтовать. И в. государь указалъ ево Семена послать на Тотму, и вотчины отнять и изъ полковниковъ отставить. Тогожъ году *генвара* (апрѣля) въ 25 день сказано на Семенова Грибоѣдова мѣсто.“ У Розенбуша означено 25 апрѣля, жалобы происходили, какъ видно, не одинъ день.

¹⁾ По смерти Θεодора, „весь спилить и царедворцы въ великомъ множествѣ въ Кремль съѣхались къ царченію царскому, понеже всѣ уже преклонились ко избранію на престолъ Петра Ал., который и царченъ.“—Слѣдовательно, между царедворцами изъ партіи Нарышкиныхъ было уже заранѣе условлено объ избраніи Петра. Но все таки „о возвышеніи его величества на высокой престолъ тогда жъ люди раздвоились, какъ отъ бояръ и отъ прочихъ свѣтлыхъ фамилій, такъ и отъ дворянства на двѣ партіи, т. е. шайки. Со стороны царской при томъ времени для надлежащаго безопасности, и ради минныхъ (?) противныхъ случаевъ мятежей, изъ многихъ именитыхъ родовъ. . . по вѣрной своей службѣ и горячности къ его высокопомянутому величеству ревниость свою мужественно и великодушно противъ ихъ показали и одѣвса въ цандири, скрытно подъ платьемъ своимъ ихъ имѣли, и хотя бѣ до самой смерти въ томъ стоять, и непоколебимо подвизатися были намѣрены.“ Это—Борисъ Ал. и Иванъ Большой Лобъ *Голыцины*, Яковъ, Лука, Борисъ, Григорій *Долгоруки* „и многіе иныє.“ При избраніи и царченіи на престолъ Петра, „отъ противныхъ стороны нѣкто Максимъ Исаевъ сынъ Сумбуловъ, въ ту же пору будучи въ городѣ Кремль при собраніи общемъ съ своими единомышленниками, гораздо изъ радоваго дворянства продерзливо кричалъ: „что по первенству надлежитъ быть на царствѣ царевичу Иоанну. За что онъ Сумбуловъ награжденъ былъ чиновомъ палатнымъ думнаго дворянства.“ (*Матвѣевъ у Сахар. 4, 5, 6*). Иоаннъ „сперва на царство не выбранъ для того, что очами былъ зѣло не дужень. И изъ всѣхъ народу вышедъ, говорилъ дворяниши старый Максимъ Исаевъ Сумбуловъ, чтобы быть на царствѣ Иоанну Ал. И по его словамъ всѣмъ стало любо. И за то ему Максиму дано думное дворянство.“ (*У Сахар. Зап. Желѣбужскаго 2*). На счетъ избранія Петра факты разногласятъ: одинъ утверждаетъ, что Иоаннъ самъ отказался; другой говоритъ просто, что пожелали избрать Петра всенародно всѣ чины и духовенство. (*См. эти акты, сообщенныя Миллеромъ въ Собр. запис. Туманс. V, 152—163*). Миллеръ совершенно справедливо замѣчаетъ, что избраніе Петра приготовлено было заранѣе патриархомъ и Нарышкиными. Чаятельно, державшіе сторону Иоанна, не могли себѣ представить, чтобы обойденъ и предпочтенъ былъ младшій братъ старшему. (*Акты и свидѣнія объ избраніи Петра, См. Запис. Медвѣдева 2—6. Собр. госуд. грам. IV, 132, II. С. Зак. II, 384. Ист. Петра В. Устрѣлова I, 15 прим. 32*).

²⁾ Апрѣля 27 „указалъ в. государь Петръ большую казну и казенной дворъ и мастерскую в. государя Θεодора запечатать боярину кн. Я. Одоевскому, да печатнику Дементью Мишичу Башмакову, да думному дяку Данилѣ Полянскому.“ Приводитъ къ присягѣ посланы 28 апр. разныя лица, которыя означены въ записной разрядной книгѣ. (*Ист. Рус. Соловьѣва XIV, въ прилож. 27, 28—29. См. также Собр. госуд. грам. IV, №№ 134. 141—144*). Докладная выписка о переѣзѣ печатей 29 апр. въ Собр. грам. IV, № 133.

³⁾ Апрѣля 28 хоронили царя Θεодора; за гробомъ шли царица Марѣя Матвѣевна и царица Софія. „А. в. государь и государыня царица у обѣдни и

на отиѣванъ не были.“ (*Ист. Рос. XIV* въ прил. 27, 28; *Древн. Рос. Вивлѣд. XI, 212*). Подробнѣя причитанья Софін послѣ погребенія царя Феодора сообщены польскими писателями, на которыхъ указано выше.

¹⁾ 27 апрѣля государь пожаловалъ въ спальники: Ив. Кир. Нарышкина, Афанася, Льва, Мартемьяна и Феодора Кириловыхъ Нарышкиныхъ, да Василѣя Феодор. Нарышкина, да ствольниковъ Тим. Борис. Юшкова и Тихон. Ник. Стрѣшнева. 28 апрѣля государь пожаловалъ изъ спальниковъ царя Феодора къ себѣ въ спальники: Ив. Юр. Трубецкаго, Алексѣя Вас., Алекс. Борис. Голицынскихъ, Ивана и Петра Мих. Долгоруковыхъ, Ив. Родіоповича Стрѣшнева. 29 апрѣля Мих. Ив. Куракина. 30 апрѣля Юрья Юрьев. Трубецкаго, Мих., Юрья, Вас. Юрьевыхъ Одоевскихъ, (вновь пожалованные въ спальники.) 1 мая Петра Оом. Нарышкина въ спальники, 5 мая Кирила Алекс. Нарышкина тоже. 7 мая въ бояре и оруженничіе Ив. Кир. Нарышкина, въ бояре Никиту Конст. Стрѣшнева, въ комнату боярина Ив. Бор. Троекурова да окозничаго Мих. Ив. Лыкова. Въ спальники Влад. и Вас. Мих. Долгоруковыхъ, Фед. Ив. Леонтьева. 10 мая въ спальники Ив. Ив. Троекурова. 12 мая А. С. Матѣеву велѣно возвратити имѣнія отданныя и людей распущенныхъ. 12 мая въ спальники Бор. Ив. Куракина, Андрея Арт. Матѣева, Мих. Григор. Нарышкина. 19 мая въ ключники Никиту Фед. Баркова, а Ивана Пѣкина въ дворане.—Мая 1 „сказано боярину Ив. Макс. и сыну его Семену чашнику Языковымъ, да казначею Мих. Тим. и постельничему Алексѣю Тим. Лихачевымъ, ствольникомъ ближнимъ Ив. Андр. Языкову, Ив. Среднему. Вас. Дашкову, чтобъ онѣ во время выходу в. государя не ходили и его очей не видали.“ Мая 5 и 9 Иванъ и Ал. Севастьяновы Хитрово посланы въ Казань на службу. (*Запис. кн. Петра. Ист. Рос. XIV, въ прил. 21, 33, 34*).

²⁾ Въ записной книгѣ отмѣчено: апр. 29. „Тогожь числа били челомъ в. государю въ пасицствахъ и въ налогахъ и во всякихъ разореньяхъ стрѣльцы на полковниковъ и на пятидесятскихъ: Матвѣя *Кравкова*, Никиф. *Колобова*, Влад. *Воробина*, Сем. *Грибоѣдова*, Матв. *Вешнякова*, Ив. *Нелидова*, Ив. *Полтева*, Алексан. *Карандѣва*, Григ. *Титова*, Андрея *Дохтурова*, Павла *Глѣбова*, Родіона *Астафьева*. И в. государь приказалъ у нихъ челобитныя принять и за ними сидѣть св. патриарху съ бояры и полковниковъ спрашивать противъ ихъ челобитья. А къ нимъ въ приказъ указалъ в. государь послать ихъ уговаривать думнаго дьяка посольскаго приказу Ларіона Иванова; ѣ дьякъ ѣздилъ и указъ имъ сказывалъ, и они били челомъ противъ прежнего своего челобитья, чтобъ в. государь пожаловалъ ихъ, велѣлъ ихъ отъ полковниковъ оборонити . . . Апр. 30 указалъ в. государь послать въ тюрьму полковниковъ, на которыхъ били челомъ стрѣльцы, и вотчины у нихъ отнять и противъ челобитья ихъ указалъ на нихъ все доправить и ихъ отъ тѣхъ приказовъ отставить.“ Въ полковникахъ приказалъ быть Феодору *Головленкову*, Вас. *Пущечникову*, на мѣсто *Карандѣва* и *Грибоѣдова*. . . Мая 1 указалъ послать въ тюрьму Ив. *Щепина*, и Конд. *Крома*, Ал. *Карандѣва* и Сем. *Грибоѣдова*—бить кнутомъ; а *Колобова*, *Титова*, *Никиту Борисова*, *Нелидова*, Вас. *Перхулова*, *Дохтурова*, *Воробина*, *Вешнякова*, *Глѣбова*, *Крома*, Алекс. *Таньева*, *Щепина* бить батоги. Государь указалъ быть полковникомъ повымъ на мѣсто битыхъ: Никитѣ Дан. Глѣбову, П. Авр. Лопухину, Анд. Нормадскому. Мая 5 „Тогожь числа стояли на правѣжъ полковники противъ стрѣльцкихъ челобитенъ.“ Мая 11 „указалъ в. государь по челобитью стрѣльцовъ Иванова приказу *Полтева*, его Ивана переимѣнить, а быть у его перваго приказу въ полковника Никитѣ Глѣбову.“ (*Записн. книга Петра у Ооловьева XIV, въ прилож.*

XIV, т. стр. 29—31). У Медвѣдева упоминается въ числѣ битыхъ полковниковъ Ив. *Копищевъ*, и пропущены братья Юреневы. Донесеніе Розенбуша и показаніе Медвѣдева согласны съ этими официальными данными (см. *Устрялова Ист. Петра В. I, стр. 331—2*). Медвѣдевъ между прочимъ говоритъ: по челобитью стрѣльцовъ апр. 30 и мая 4, „вѣлно, государскимъ указомъ и боярскимъ приговоромъ, тѣхъ всѣхъ полковниковъ отъ ихъ приказовъ отставить, и отдать за ихъ неправодѣланіе въ приказы стрѣльцамъ головами въ наказаніе.“ Тогда патріархъ послалъ митрополитовъ и архіепископовъ и архимандритовъ и игуменовъ, „съ прошеніемъ, чтобы тѣхъ полковниковъ въ приказы свои они не имали, а за государственной указъ милостивой, что по ихъ челобитью, отданы въ наказаніе головами, государю били челомъ, и они тако по прошенію св. патріарха сотворили. И тѣмъ полковникамъ, на которыхъ были челобитья, повелѣніемъ царскимъ дано наказаніе, передъ разрядомъ многіе биты батоги, и по ихъ челобитчиковымъ заручнымъ сказкамъ, что полковники съ кого брали, и чѣмъ обиду имъ въ жаловань государскомъ, или въ иномъ въ чемъ учинили, все доправлено и отдано имъ челобитчикамъ. „И тотъ в. государя указъ сказыванъ полковникомъ у площади, у стрѣleckаго приказа, и наказанье имъ чинено при всемъ народѣ; обаче нѣкоторымъ полковникамъ наказанье и не чинено, по челобитью стрѣleckихъ полковъ выборныхъ людей, для того что всѣ полковники равно имъ стрѣльцамъ обиды и налоги творили, и деньги по стрѣleckимъ росписямъ начаша на ихъ полковниковъ править. Обаче и тѣмъ государскимъ праведнымъ указомъ стрѣльцы не удовольствовались и досада полковниковъ не точю къ нимъ тѣмъ не утилась, но отъ того часа, наипаче нача огонь гнѣвный горѣти.“ (*Зап. Медвѣдева 7—10*).

¹⁰) Записки Медвѣдева и донесеніе: *Relation der traurigen Tragedie*, приписываемое Розенбушу, согласно съ разрядной запиской повѣствуютъ о 1-мъ стрѣleckомъ бунтѣ, исключая немногихъ мелкихъ подробностей, которыя иностранцу трудно было отмѣтить точно. Въ донесеніи встрѣчаются ошибки, наприм. слѣдующія: выводила царей къ стрѣльцамъ Софія и Марѳа Матвѣевна; царь Петръ передалъ державу Іоанну по требованію стрѣльцовъ; Докторовъ убили 16 мая и т. п. Но есть въ донесеніи подробности, которыя допояляютъ русскіе источники. У *Устрялова, стр. 334—6*.

¹¹) Самыя вѣрныя свѣдѣнія сообщаетъ Медвѣдевъ, который, вѣроятно, имѣлъ въ рукахъ разрядную книгу. Онъ пишетъ: стрѣльцы пришли къ Грановитой палатѣ, когда бояре сидѣли еще въ приказахъ, — и отъ всѣхъ странъ весь государственной дворъ вкругъ обступили крѣпко, чтобъ ни одинъ, которые люди имъ надобны, не ушелъ. Биша же въ колокола набатные по всему Кремлю и въ барабаны на бой. А съ коньми боярскихъ холопей и съ каретами сбили съ Ивашовской площади всѣхъ, въ городъ Кремль бояръ изъ верховыхъ людей никого же пуцаху.“ Бояре послали за патріархомъ. По требованію стрѣльцовъ, взяли царя Петра и царевича Іоанна и показали имъ.“ И хоташу имъ умирить мысль ихъ, не влѣзъ отъ кого на зло возмущенную, разрушити, пойде къ нимъ на низъ Краснымъ крыльцомъ св. патріархъ; они же видѣвши его къ нимъ идуща, воскричаша всѣмъ множествомъ: „не потребуемъ никакихъ и ни отъ кого совѣтовъ.“ Напередѣ же столция глаголаша: „времи уже, кто надобенъ намъ разбирати,“ — и склонивши напередъ себя кони и со всякимъ оружіемъ, яровидно зѣло, на крыльцо по лѣстницѣ, мимо св. патріарха, пойдоша въ верхъ, — и со всѣхъ странъ по стѣнамъ и по лѣстницамъ, яко звѣри въ государственной домъ потекоша.“ Государи и царица ушли въ палаты. „Бояре же и ближніе и всякаго чина всѣ убоявшеса начаша бѣжати и хоронитися, кто камо возможно. . . Стрѣль-

цы въ первыхъ изымали боярина Артемона Матвѣева, и тамо въ верху убили до смерти.“ По семъ убили Василья, сына думнаго дьяка Ларіона Иванова, отставнаго полковника Гр. Горюшкина, М. Юр. Долгорукова въ верху и Салтыкова вмѣсто Нарышкина; „нознавшѣ же, что не той, отвесоша тѣло на дворъ къ отцу его.“ Въ верху же убили Аванасья Нарышкина и прежняго полковника Андрея Дохтурова, „и кто имъ надобенъ, сами изымавъ убиваху . . . Ходяще въ царскія обитованія всюду безопасно, и никакогого оставили мѣста нигдѣ во всемъ царскомъ домѣ, гдѣ бы не смотрѣли и не искали, и ихъ царскіе одры превращали, отвѣты твоя: „яко ищутъ измѣнниковъ.“ Убившихъ же тамо съ высоты изъ палаты тѣлеса на землю бросали зѣло не милосердо, и на землѣ уже мертвыя тѣла, ободравъ всю одежду, немилостиво сѣкли бердыши и кололи копыями.“ Межъ патриарша двора и Чудова убили Гр. Ромодановскаго, межъ Благовѣщенія и Грановитой—Лар. Иванова. Юрія Долгорукова убили 15 мая часа за два до вечера на дворѣ его, въ конечной страсти, и тѣло его въ мелкія части изсѣкли, *(а по разрядной запискѣ четвертовали)*. Ив. Фом. Нарышкина за Москвою рѣкой близъ двора его убили и его человѣка убили жъ. Въ 1-мъ часу ночи привели на площадь и убили Ив. Макс. Языкова, хоронящагося на нѣкоемъ дворѣ. . . Людей боярскихъ въ той же день у аптекарской лѣстницы 9 человѣкъ убили.“ *(У Матвѣева поименованъ въ числѣ убитыхъ Юренивъ, а у Розенбуша Ив. Филимоновичъ Нарышкинъ, о которыхъ Медвѣдевъ умалчиваетъ; также нѣтъ изъ и въ разрядной запискѣ)*. „Егда же кого убійютъ, бросаютъ съ Краснаго крыльца, возьмъ за ноги и вонзая копыи въ тѣло, и влекутъ по улицѣ въ Спаскіе и Никольскіе ворота на Красную площадь и предъ тѣломъ влекомымъ и копыи бодомымъ текуще злые убійцы, яко честь творяше, вопіяху гласы великими: „се бояринъ А. С. Матвѣевъ! се бояринъ Ромодановскій! се Долгорукій! се думной ѣдетъ! дайте дорогу!“—И повергше на Красной площади предъ Спаскими вороты у Лобнаго мѣста, сѣяху во многіе бердыши мертвое тѣло ругательно, и пресѣкли съ костыми въ малѣйшія частицы, яко отнюдь не возможно знать, что человѣки то были, тако отходящу; не точію же сами они стрѣльцы кричаху въ томъ дѣлѣ, яко согласующе: „любо, любо, любо,“ но инымъ кто идетъ, повелѣвали тоже „любо“ кричати, а кто тако кричати не хотѣлъ, и того измѣнникомъ нарицаху, иныхъ же и били. 16 мая „къ св. патриарху въ той день многими толпами прихождаху въ своею оружіи, и грозя же не токмо ему, домовымъ служителямъ, но и самому копыями и бердыши, чтобъ выдалъ измѣнниковъ, у него во дворѣ хоронящихся, которыхъ ни единаго не было.“

Мая 17 „стрѣльцы всѣ стоящіе предъ Краснымъ крыльцомъ не отступно просятъ, и грозятъ всѣмъ боярамъ и другимъ, не дати хотящимъ *(Нарышкина)* такоюжде смертію, и паки въ верхъ хожденіемъ и многихъ побіеніемъ.“ Красная площадь исполнена была мертвыхъ посѣченныхъ тѣлесъ, и лежаху не малые дни; не смѣяше же никто сродники взяти родителей своихъ тѣлесъ въ преданіе погребенію; вси бо они стрѣльцы, сіявшѣ въ крови дерзновеніемъ, возсвирѣпѣли тако, яко никому же дающе съ собой глаголати“. . . Начали пьянствовать. . . „видѣвши же ихъ стрѣльцовъ такую дерзость, сродники и дѣти побіенныхъ и приказные люди, судьи и подъячіе съ Москвы разбѣгшася, кто отъ пущеннаго гнѣва скрытися можаше; иныхъ же изымаша въ ссылку въ дальнія мѣста отсылали. И пещахуся, безумные и глушые, государствомъ управляти, невѣдуще, яко по словеси любомудрыхъ; „и въ разумъ непостоянныхъ совѣтъ никогда же состоится.“ *(Медвѣдевъ 11—16)*.

Составимъ въ доказательство словъ Медвѣдева официальныя данныя.

Выдержка из разрядныхъ записокъ о смутномъ времени 1682 г. 15—19 мая. Лѣта 7190, мая въ 15 день, была на Москвѣ смута. Приходили въ Кремль солдаты всѣхъ приказовъ съ коньми и съ бердиши и съ ружьемъ, а пушкари съ пушки, и вшедъ въ Кремль, стрѣляли изъ ружья и побили боярскихъ людей и лошадей многихъ, а иныхъ переранили. И пришедъ къ Красному крыльцу, стали во всемъ своемъ ополченіи. И по указу в. государя выходилъ къ нимъ бояринъ князь Иванъ Андреевичъ Хованскій и спрашивалъ ихъ: для чего вашъ такой приходъ? И они боярину всѣ говорили: будто избѣгаютъ в. государю бояре, и чтобы государя царевича и в. князя Иоанна Алексѣевича показали. И бояринъ тѣ ихъ рѣчи в. государю извѣщалъ. И в. государь и государыня царица и государь царевичъ и святѣйшій патріархъ выходили къ нимъ на Красное крыльцо, а къ нимъ впизъ послали уговаривать бояръ: князя Мих. Алегуковича Червасскаго, князя Пв. А. Хованскаго, Петра Вас. Шереметева большаго, князя Вас. Вас. Голицына: И они били челомъ в. государю и боярамъ извѣщали, чтобы в. государь указалъ имъ выдать бояръ: князь Юрья Алекс. Долгоруково, князь Григорья Гр. Ромодановскаго, князь Михаила Юрьевича Долгорукова, Кирила Полухтовича Нарышкина, Артемона Серг. Матвѣева, Ивана Макс. Языкова, да боярина и оружейничаго Ивана Кирил. Нарышкина, постельничаго Алексѣя Тимоф. Лихачева, казначей Тимоф. Лихачева, чапшика Семена Языкова; думныхъ дьяковъ: Ларіона Иванова, Давида Полянскаго, Григорья Богданова, Аверкія Кирилова, снальниковъ: Аванасья, Льва, Мартемьяна, Ѳедора, Васнлья, Петра Нарышкиныхъ.

„И в. государь указалъ имъ сказать, что ихъ у него в. государя никого нѣтъ въ верху. И они пошли всѣ въ верхъ съ ружьемъ въ его в. государя хоромы и къ государынѣ царицѣ и къ государю царевичу и къ государынямъ царевнамъ, и искали въ хоромѣхъ и вездѣ, и взявъ бояръ: Артемона Серг. Матвѣева, кинули его съ Краснаго крыльца на конь; а князь Гр. Ромодановскаго у патріарха убили жъ; а князь М. Ю. Долгоруково съ верху жъ кинули на конья; а Ив. М. Языкова, изловя на Никитцкой и приведши къ Архангелу, изрубили жъ, а князь Юрья Ал. Долгоруково, на его дворѣ, кинувъ съ крыльца большаго, четверговали и положили на площади противъ его двора, а Ларіона Иванова и сына его Василья и полковника Андрея Дохтурова и Григорья Горюшкина изрубили жъ; а Оеонасыя Нарышкина, сыскавъ у Спаса въ верху въ церкви, что у государыни царицы, подъ престоломъ, бивъ, кинули на конь жъ, и тѣла ихъ всѣхъ снесли въ Спаськія ворота на Красную площадь къ Лобному мѣсту, и тамъ надъ ними наругались же, и сшедъ съ верху, судной и холопей приказы разорили, вынесши всякія письма изодрали. Да не зная столаника Ѳедора Петрова сына Салтыкова въ государевыхъ мастерскихъ снѣхъ изрубили жъ, а чаяли его быть его Нзышкинымъ; а Петра Ѳомила сына Нарышкина убили за Москвою рѣкою.—И назавтрея того дни, мая въ 16 день, приходили также на Постельное крыльцо; и выходили къ нимъ говорить государыни царевны, чтобы они, помня крестное цѣлованье, такъ къ нимъ въ домъ ихъ государевъ не приходили съ невѣжествомъ. И они били челомъ противъ прежняго жъ челобитья, да они жъ били челомъ, чтобы имъ выдали дохтуровъ Степана жида да Яна.

„И в. государь указалъ имъ ихъ выдать думнаго дьяка Аверкія Кирилова, дохтура Яна да Степана сына, и они ихъ убили жъ; а тѣхъ всѣхъ, о которыхъ они в. государыни били челомъ, простили; а Ивана Нарышкина и Степана дохтура государыни царевны упросили до утра, а того дни ихъ не сыскали, и они

пошли два приказа въ Нѣмецкую слободу и Степана дохтура смысли въ нищенскомъ образѣ.

И мая въ 17 день приходили на Постелное жъ крыцо. Также и къ нимъ выходили госуд. царевны жъ, и изволили имъ говорить, чтобы они для ихъ государева многолѣтнаго здоровья боярина Кирил. Полуехт. Нарышкина и дохтура Степана простили, а чтобы его постричь; а тѣхъ бы выдали и хотѣли идтить въ верхъ. И в. государь указалъ выдать; и они, взявъ ихъ, дохтура Степана и Ивана Нарышкина повели въ застѣнокъ въ Константиновскую башню и пытали, и послѣ пытки изрубили ихъ въ части и черепъ Ивана Нарышкина на копьѣ взоткнули.

И мая въ 18 день приходили жъ всѣхъ приказовъ выборные люди безъ ружья и били челомъ в. государю и госуд. царевнамъ, чтобы боярина Кир. Полуехт. Нарышкина указалъ в. государь постричь.

И в. государь указалъ его постричь въ Чудовомъ монастырѣ; а на постриганіи указалъ в. государь быть боярину князю Семену Андреевичу Хованскому да околанчому Кирилѣ Осиповичу Хлопову, и постригши его, сослать въ Кирилловъ монастырь, а въ иноцѣхъ имя ему Киприанъ.

А въ тѣ 3 дни, какъ они приходили со всѣмъ ружьемъ, какъ побили бояръ, били въ набатъ и въ барабаны. А которые побитыхъ людей и всякихъ чиновъ грабили ихъ дома, и они ихъ, хватая, казнили жъ и межъ себя положили, — что ничьихъ домовъ не грабить.

И мая въ 19 день били челомъ в. государю о заслуженныхъ деньгахъ солдаты и стрѣльцы и мушкетеры со 154 года и тѣхъ денегъ надобно 240,000 рублевъ.

Да имъ же в. государь пожаловалъ на человѣка по 10 руб.; и в. государь указалъ тѣ деньги собирать со всего государства, и суди серебряные, а изъ тѣхъ судовъ указано дѣлать деньги.

Да они жъ били челомъ в. государю, которые побиты бояре и думные люди и животы ихъ побраны на в. государя, и в. государь указалъ тѣ животы оцѣнить и оцѣня, отдавать имъ же.

И мая въ ... день били челомъ в. государю, чтобы в. государь указалъ сослать въ ссылки: постелничаго Алексѣя Тимоф. Лихачева, да казначея Михайла Тим. Лихачева, околанчича Павла Петр. Языкова, чашника Семена Ивановича Языкова, думнаго дворянина Микиту Иван. Акиноиена, да думныхъ дьявовъ Григорья Богданова, Данила Полянскаго, да спалниковъ, Степана Ловчинова, Лва да Мартемьяна да Федора и иныхъ роду всѣхъ Нарышкиныхъ, Андрея Матвѣева, да столниковъ Петра меншаго Лоухина, Василья Бухвостова, Юрья Лутохина и его постригли, и полковниковъ прежнихъ, на которыхъ били челомъ." (*Доп. къ А. Истор. X, № 4, стр. 23—25. Тамъ же въ Ист. Рос. Соловьева, XIV, въ прилож. 38 и дал.*) Грамота 1682 г. мая 22 въ Кирилловъ монастырь о ссылкѣ К. П. Нарышкина. Доим. къ А. Ист. X, № 5, стр. 25.

¹⁹⁾ См. Разрядн. зач. выше въ прим. 77, Медвѣдева 16, Розенбуша у Устралова I, пр. 53. О назначеніи въ указы разныхъ правителей въ Велик. Желябужскаго з. Подробнѣе о томъ же записано въ Разрядѣ: въ приказѣ *разрядъ*, назначенъ думной дьякъ В. Семеновъ въ *мосольской* приказѣ—кн. В. В. Голицынъ и думной дьякъ Емед. Украинцевъ, въ *стрѣлецкій* приказѣ—кн. А. Ив. Хованскій и В. А. Змѣевъ, въ *иноземный, рейтарскій и пушкарскій*—Ив. М. Милославскій, въ *домьстной*—кн. Ив. Б., Троекуровъ и Б. Ф. Педябинъ, въ *судный*—кн. А. Ив. Хованской и кн. Мих. и Вас. Федорови Жириного-Засѣкина, въ *земской*—М. П. Головинъ, въ *окарной*—В. С. и Ив. Ф. Во-

льскихъ, въ *ямской*—Ив. Θ. Бутурлиня—Сухорукой. Мая 19 въ *кормовой* приказъ ключникомъ—Н. Θ. Боровковъ. Мая 20 въ *большой приходъ и большую казну*—Н. Ив. Одоевскій, В. С. Волынской и А. С. Ржевской. Мая 21 въ *разбойный*—М. С. Пушкинъ. Мая 24 въ *пушкарской*—и. Θ. С. Урусовъ. (Въ *прилож. къ XIV т. Соловьева, 36—38*).— О нареченіи Иоанна на царство, акты разполагаютъ: Матвѣевъ пишетъ, что Иоанна нарекии царемъ стрѣльцы 18 мая, а Розенбушъ говоритъ, что и ранѣе дѣйствовали его именемъ. Официальное нареченіе на царство произошло 26 мая. Акты о совокупномъ востшествіи царей на тронъ и крестоприводныя записи см. *II. Собр. Закон. II, №№ 920, 934, 928, доп. къ А. Ист. X. № 9. Собр. госуд. грам. IV, стр. 444 и №№ 145, 146, 147, 149, А. Истор. V, № 86, А. Эксп. IV, № 257.*

¹⁹⁾ Стрѣльцы сдержали рыцарски свое обѣщаніе — не касаться чужаго имущества и даже вдали въ крайности, убивая лицъ, воспользовавшихся мелкими вещами (*Розенбушъ V Устрялова, прил. IV; Медвѣдевъ 15; разрядная записка у Соловьева стр. 4; см. выше прим. 78*).

²⁰⁾ О разореніи суднаго и холопьяго приказа Желябужскій пишетъ, что оно произошло „безъ остатка и не осталось ни одного дѣла.“ (*У Сахарова, I, Разрядная зап. стр. 40; Медвѣдевъ 14; Матвѣевъ 32—33*).

²¹⁾ По сказанію Матвѣева, выдали стрѣльцамъ холопы А. К. Нарышкина, Ю. Ал. Долгорукаго, Ив. М. Языкова (*У Сахарова 23, 25, 31*). Питомцу Петра В. тягости холоповъ казались легкими, и по его взгляду холопы еще крѣпче стали служить своимъ господамъ. Возмутилъ холопей и служителей домовъ боярскихъ жидовскій Гамаліонъ Милославскій чрезъ новыхъ Сауловъ и словомъ и дѣломъ, т. е. стрѣлецкихъ сообщниковъ, „подъ самымъ глубокимъ пронырствомъ, наговаривая имъ всячески: будто они зѣло тяжкими и нестерпимыми ихъ работами и чрезмѣрною неволею отъ тѣхъ господъ своихъ были утѣснены, недовольствованы и въ конецъ разорены и озлоблены.“ Но слуги не прельстились обѣщаніями свободы отъ стрѣльцовъ. „И то ихъ слугъ боярскихъ израдное и зѣло постоянное дѣло и въ будуще вѣки похвальной памяти достойно будетъ; а они стрѣльцы, съ измѣной безприкладной воровства своего, во весь свѣтъ себѣ и всѣму заочестивому потомству своему вѣчную клятву и поношеніе понесутъ въ роды родовъ и, подобно древнимъ измѣнникамъ Стеньки Разина, имя наслѣдуютъ.“ (*У Сахарова, 32—33*). Въ послѣднихъ словахъ о связи бунтовъ стрѣлецкаго и Разина авторъ не ошибся.—Подобный же взглядъ выраженъ у Крекшина. (*Туманскаго, I, 274—5*). Медвѣдевъ тоже объясняетъ возбужденіе стрѣльцами крѣпостныхъ людей желаніемъ—привлечь на свою сторону, чтобы они не возстали на защиту бояръ (*У Сахарова 14*).

²²⁾ Въ разрядной запискѣ мы находимъ полное объясненіе движенія крѣпостныхъ людей: Мая 26 „били челомъ в. государемъ люди боярскіе розныхъ домовъ о свободѣ, чтобы имъ быть безкабално і воровскіе составные челобитные подносили. И в. государи указали ихъ ловить стрельцамъ і приводить и, привода, ихъ пытать і казнить, а иныхъ бить кнутомъ за ихъ воровское составное челобитье. И велѣно всякихъ чиновъ людей ихъ имать скаски про воровскую составную челобитную і промыслъ и кто про то вѣдаетъ за руками техъ людей. — Июня въ 5 день была тревога во всехъ приказахъ, а вѣзъмали въ то число боярскихъ людей, а въ приводѣ они сказали, будто собрались боярскіи люди въ Марьиньской роцѣ і хотять рубить стрелецкия приказы і въ тою тревогу была стрельба во всю ночь вездѣ изъ всякого ружья, и на утроа ихъ пытавъ, казнили ба ихъ воровство.“ (*У Соловьева XIV, прилож. 41*). Завлеченіе стрѣльцовъ государямъ, что они не имѣютъ охоты поддерживать бояр-

ских людей въ ихъ стремленіяхъ къ свободѣ выражено въ *А. Арх. Экс. IV, № 255, стр. 360; у Медвѣдева 35.*

⁸³⁾ Въ разрядной запискѣ сказано: „Въ 1682 г. мая 19, били челомъ государю объ заслуженныхъ деньгахъ солдаты и стрѣльцы и пушкари со 154 году и тѣхъ денегъ надобно 240,000 руб. Да имъ в. государь пожаловалъ на человѣка по 10 руб. и указалъ тѣ деньги собирать со всего государства и суды серебрянные брать, а изъ тѣхъ судовъ указано дѣлать деньги. Да они жъ били челомъ в. государю, которые побиты бояре и думные люди и животы ихъ побраны на в. государя и чтобъ в. государь указалъ тѣ животы оцѣнить и оцѣня, отдавать имъ же.“ (*Ист. Рос. Соловьева XIV, въ прилож. 40; Медвѣдева, 16—17*). Мая 15 въ 9 часу дня учинилось смятеніе великое Государству. „И дома боярскіе всѣ были разорены, а животы ихъ и остатки опальные цѣнили, и велѣли продавать стрѣльцамъ самую дешевою цѣною; а кромѣ стрѣльцовъ, никому покупать не велѣно. Да имъ же стрѣльцамъ велѣно выдать государево жалованье заслуженное за 20 лѣтъ по 10 руб. (*Жвлябужскаго, стр. 1*). Помято, что здѣсь приписываются государю Петру распоряженія, которыя уже зависѣли отъ правительства Софій.

⁸⁴⁾ Во 190 г. мая 15 „стрѣльцы какое своевольство учинили и безстрашіе показали, о томъ государемъ извѣстно, и всему россійскому и окрестнымъ государствамъ явлено,—и въ то время на Москвѣ было 19 полковъ, людей въ нихъ 14,198 человекъ.“ (*Выписка о стрѣльцахъ 1684 г. дек. 30. Туманскою, VI, 227*).

⁸⁵⁾ Матвѣевъ по обыкновенію преувеличиваетъ всякій случай и старается отыскать въ немъ проявленіе хитрыхъ и злобныхъ цѣлей Софій, онъ пишетъ: передъ первымъ стрѣлецкимъ бунтомъ, „тайною посылкою изъ той же комнаты по всѣмъ тѣмъ стрѣлецкимъ подкамъ чрезъ вдову, постельницу вѣрную иманемъ Федору Семенову дочь, по прозванію Родимица, родомъ же Украинскаго полка козачку, съ многочисленною суммою денегъ къ выборнымъ тѣмъ посланную, всемирно такое свое намѣреніе поставили и великою милостію о награжденіи большимъ числомъ денежнаго прибавочнаго годоваго имъ стрѣльцамъ предъ прежнимъ жалованья, въ чинахъ новышенія и отъ всякаго впредъ во всемъ безопасенія обнадежили. И то дѣло такъ исправно во всемъ она постельница тою пересылкою своею уставила и до того произвела, что уже больше никакого сомнительства быть къ пользѣ желаемой въ сторону противную ни откуда не осталось, и за ту свою службу, она вышепоманутая постельница потомъ времени за подполковника стремяннаго полка того прежде имяновавшаго Озерова со многими богатствомъ съ верху замужъ была выдана.“ (*Зап. Сахарова, 14*).

Здѣсь очевидно, перецутано время, въ которое подослана была постельница. Совсѣмъ другое повѣствуетъ Медвѣдевъ; этотъ отрывокъ изъ его мемуаровъ встрѣчается въ рѣдкихъ спискахъ и потому можно думать, что онъ вставленъ другимъ лицомъ; по тону онъ напоминаетъ разрядныя записки. Я помѣщаю его цѣликомъ, потому что онъ не вошелъ въ изданіе Сахарова. „Маія мѣсяца въ 23 день, собравшіеся всѣ выборные стрѣльцы, пришедши на Красное крыльцо повелѣли боярину князю Ивану Хованскому доложить государынямъ царевнамъ, что во всѣхъ ихъ стрѣлецкихъ полкахъ хотять, и иныхъ чиновъ многіе люди чтобы въ московскомъ государствѣ были 2 царя яко братія единокровныи, царевичъ Иоаннъ Алексѣевичъ яко братъ большій, и царь, да будетъ первый; царь же Петръ Алексѣевичъ братъ меньшій, да будетъ меньшій, да будетъ второй. А если кто не восхоцетъ учинить, паки хотять итти всѣ вооружась во градъ, и отъ того будетъ мятежъ не малый.

И по доношенію о томъ боярина князя Ивана Хованскаго государынямъ царевнамъ, указали онѣ государыни собрать всѣхъ бояръ, окольныхъ, думныхъ и ближнихъ людей; а собравъ выборныхъ людей отъ всѣхъ стрѣльцовъ пришедшихъ извѣтъ объявили, и они тому согласно учинились.

По семъ указали въ ихъ госуд. Грановитой палатѣ сойтися всякихъ чиновъ людемъ, и како тому дѣлу быти возможно; помыслите, чтобы такое великое дѣло постоянно, наипаче же всѣ желаніе имуть, како бы народное колебаніе и мятежъ въ царствующемъ градѣ усмирися.

И абие въ той день въ Грановитой палатѣ всякихъ чиновъ люди сошедшеся, о избраніи на московское государство дву царей говорили много, чтобы тому быти согласились. Посемъ послаша къ велик. господину свят. патриарху, чтобы онъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ, ради великаго государственнаго дѣла, изволил въ Грановитую палату притти искорѣ, яко тамо его пришествіа всякихъ чиновъ множество людей ожидаютъ.

Егда же св. патриархъ со освященнымъ соборомъ съ митрополиты, архіепископы и епископы, со архимандриты и игумены, и иными духовнаго чина людьми тамо въ палату приде, идѣже баху собраны цар. величества бояре, окольничіе, думные и ближніе люди стольники, стряпчіе, жильцы, дворяне московскіе и городовые и рядовые и пушкари и черныхъ слободъ; и абие ему и всему освященному собору о томъ согласное свое намѣреніе объявили. И какъ о томъ многое глаголаніе въ палатѣ о избраніи бысть, ови убо глаголаху, что двумъ царемъ въ единомъ государствѣ быти трудно, ины же глаголаху, что дѣло будетъ полезно государству, яко единокровныи братія два возцарствуютъ, и отеческій свой и прародительный престолъ московскаго государства во всякихъ случаяхъ, аще имуть содержать и удобно управлять, а и въ наступленіи на россійское государство, коего либо непріятеля, всюду готовая будетъ оборона, исправленіе чинное; аще убо единъ царь противу непріятеля изыдетъ, другій въ царствѣ своемъ имать пребывать, и всякое благоразсудство стяжати имать россійское государство во всемъ.

Къ сему же глаголаша, яко и въ древнія лѣта въ государствахъ по два царя бывали, во Египтѣ убо Фараонъ и Иосифъ; въ царствѣ же греческомъ Василей и Константинъ, такожде два брата Онарій и Аркадій дѣти Θεодосія великаго, и чтобы въ россійскомъ государствѣ быти двумъ царемъ всѣ согласились: и сіе избраніе и совѣтъ всего народа вел. государю царю и велик. князю Петру Алексѣевичу, царевичу Иоанну Алексѣевичу и госуд. царевнамъ и благороднымъ царичамъ возвѣстили.

И желая всему государству тишины, чтобы смущенія и мятежа въ народѣ не было, въ той же день благовѣстиша довольно въ великій колоколь, и придоша въ соборную церковь: прежде свят. патриархъ со освященнымъ соборомъ, таже и в. государи цари Иоаннъ Алек. и Петръ Алексѣевичъ всея великия и малыя и бѣлыя росіи самодержцы со всѣмъ царскимъ сиглитомъ, и всякаго чина народа многого. И оставиша ихъ государей въ соборной церкви на царскомъ мѣстѣ равно, во церковь царя Иоанна Алексѣевича, и весь освященный соборъ пѣша благодарственное Господу Богу молебное пѣніе, возглашающе; *много лѣта* благочестивымъ царемъ.

По отпускѣ же того пѣнія св. патриархъ со всѣмъ соборомъ в. государей мирнымъ многолѣтнемъ и спасеннымъ житіемъ поздравлялъ и весь сиглить и всѣ люди чинами своими особъ поздравляли, и желаніе свое усердное имъ государямъ буяно служити объявляли, приглашавше в. государемъ да будетъ *много лѣта*.

Маія въ 24 день вышелъ съ верьху бояринъ князь Иванъ Хованскій, и спрашивалъ московскихъ полковниковъ выборныхъ стрѣльцовъ, все ли у нихъ смирно.

И выборные противу того сказали, что смирно у нихъ все, и спрашивали его о здоровьѣ велик. государя.

И князь Иванъ Хованскій имъ сказалъ, что в. гос. царь и в. князь Петръ Алексѣевичъ всея Вел. и Мал. и Бѣлыя Россіи самодержецъ, и г. царь и вел. князь Іоаннъ Алексѣевичъ всея Вел. и Мал. и Бѣлыя Россіи, и г. царица и г. царевны милостію божіею въ добромъ здоровьѣ.

И послѣ того благородная царевна и вел. княжна Софія Алексѣевна выборныхъ стрѣльцовъ призвала и службу ихъ похвалила; а впредь де за ихъ службу имъ ихъ государская милость будетъ.

И в. гос. и в. князь Петръ Алексѣевичъ всея В. и Мал. и Бѣлыя Россіи самодержецъ изволилъ выборнымъ же сказать свою государственную милость какъ де ихъ жаловали дѣдъ и отецъ и братъ его государевъ, и онъ велик. государь жаловать ихъ будетъ такожде.

И маія въ 25 день московскихъ солдатскихъ полковъ выборные учиня межъ собою совѣтъ, пришли за переграду и велѣли сказать князю Ивану Хованскому, чтобы онъ къ нимъ вышелъ, и князь Иванъ Хованской къ выборнымъ выходилъ.

И выборные ему извѣщали на единѣ: царевны де и велик. княжны Марѣю Алексѣевну постельница Федора Семенова дочь сидя за карауломъ у Николаевскихъ воротъ говорила, что в. гос. царь и в. князь Іоаннъ Алексѣевичъ болѣзнуютъ о своемъ государствѣ, да и государыни царевны о томъ сѣтуютъ; и чтобы онъ князь Иванъ доложилъ государынѣ царевнѣ и вел. княжнѣ Софьѣ Алексѣевнѣ, чтобы имъ выборнымъ видѣти ихъ государскіе очи.

И князь Иванъ Хованской имъ о томъ извѣщаль и они государи указали быть передъ себя въ свои государскія палаты по человѣку съ полку.

И выборные противъ того указа передъ в. гос. царемъ и в. княземъ Іоанномъ Алексѣевичемъ, и передъ г. царевнами были, и онъ государь выборныхъ жаловалъ къ рукѣ.

И г. царевны стрѣлецкую и солдатскую службу милостиво похвалили и о приходѣ выборныхъ спрашивали.

И выборные противъ того о словахъ постельницы Федоры извѣщали, и говорили по чьему наученію она тѣ слова говорила.

И г. царевны противу того имъ сказали, что тоя постельницы онѣ ни съ какими словами никуда не посылали, только де она у нихъ просилася въ Вознесенской монастырь къ Василью блаженному помолитца.

И выборные всѣхъ полковъ г. царевнамъ извѣщали, чтобы въ ихъ государскихъ палатахъ никаковаго смятенія не было.

И чтобы онъ в. гос. царь изволилъ быть въ своемъ государствѣ на отеческомъ престолѣ первенствомъ, и учинилъ честь себѣ государю первымъ царемъ, а брату его государеву, госуд. царю и в. князю Петру Алексѣевичу быти вторымъ царемъ, а они де всѣхъ полковъ стрѣльцы и солдаты и всякихъ чиновъ служилые люди, имъ вел. государемъ служить и всякаго добра хотѣтъ и ярымъ хотятъ въ равенствѣ.

И госуд. царевны тѣ слова слышали радостно, и изволили говорить: дай Боже смиреніе, а тому де быть можно, чтобы царю государю Іоанну Алексѣевичу на своемъ отеческомъ престолѣ быть первымъ царемъ, и тѣхъ выборныхъ за тѣ слова милостиво похвалили; а когда де будутъ изъ нихъ госу-

дарствъ послы, и къ тѣмъ де посламъ выходить в. г. царю Петру Ал. всея В. и М. и Бѣлыя Россіи самодержцу, и противу де непріятелей войною итти можно ему жъ в. государю; а въ московскомъ государствѣ правити государю царю Иоанну Ал. всея В. и М. и Бѣлыя Россіи самодержцу.

И онъ государь противъ тѣхъ словъ изволилъ говорить: „желаніемъ де того, чтобъ быть ему государемъ царемъ первыимъ не желаетъ; но въ томъ буди воля Божія, что Богъ восхоцетъ, то и сотворить.“

И государыни царевны противъ того говорили, въ томъ де воля Божія есть и впредь будетъ, а они де выборные не собою то говорить, но Богомъ они въ томъ наставляемы.

И Мая въ 26 день выборные всѣхъ полковъ, и солдаты, и гости, и гостиной, и суконной и черныхъ сотень и слободъ за перегородкою ожидали государскаго указа.

И тогожъ числа, великій господинъ св. Іоакимъ патріархъ москов. и всея Россіи съ преосв. митрополиты и со всѣмъ освященнымъ соборомъ, и бояре и окольничіе и думные люди пришли въ Грановитую палату, и о томъ чтобъ в. г. царю и в. кн. Иоанну Ал. всея В. и М. и Бѣлыя Россіи самодержцу быть въ московскомъ государствѣ на отеческомъ престолѣ первыимъ царемъ, а брату его в. г. царю и в. кн. Петру Ал. всея В. и М. и Б. Россіи самодержцу—вторымъ царемъ, совѣтовали; и совѣтовавъ стрѣльцкихъ и солдатскихъ полковъ выборныхъ, и гостей, и гостиной сотни, и чернослободцевъ призвали въ Грановитую палату, и ихъ намѣреніе, а свой совѣтъ имъ объявили.

И выборные всякихъ чиновъ люди, слыша про то, радостно сказали, что они имъ, в. государемъ, служить и радѣть и всякаго добра хотѣть и прямить и за домъ Пресвятыя Богородицы, и за ихъ, в. государей, многолѣтнее здравіе, и за православную христіанскую вѣру стоять, и противъ ихъ государскихъ непріятелей головы свои положить рады, такъ же, какъ служили дѣду и отцу, и брату ихъ великихъ государей предки ихъ и они.

И бояре и окольничіе и думные люди, и весь царской сиглить, и выборные всякихъ чиновъ люди въ томъ при св. патріархѣ и при освященномъ соборѣ учинили вѣру и цѣловали крестъ.

И в. государи и цари и в. князи Іоаннъ Ал. и Петръ Ал. всея В. и М. и Б. Россіи самодержцы изъ своихъ государскихъ хоромъ изволили итти въ соборную церковь къ молебному пѣнію, чтобы за помощію всемогънаго Бога и предстательствомъ христіанскія надежды и заступницы Пресвятыя Богородицы и всѣхъ святыхъ молитвами въ російскомъ государствѣ было усмиреніе и всякое благодѣйствіе.

Послѣ молебнаго пѣнія имъ в. государемъ, св. патріархъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ и бояре, и окольничіе, и думные, и ближніе люди поздравляли.

А изъ соборной церкви в. государи въ свои государскія палаты изволили итти шатровою лѣстницею, и въ то время московскихъ стрѣльцовъ и солдатскихъ полковъ выборные и гости, и гостиной сотни, и чернослободцы имъ государемъ поздравляли жъ.

И в. государи московскихъ и солдатскихъ полковъ стрѣльцовъ и солдатъ пожаловали, велѣли ихъ поить и кормить по 2 полка въ день, да имъ же сказано, чтобъ они были готовы къ рукъ по два жъ полка въ день. (*Зан. Туманскаго, V, 203—212*).

⁶⁰) Въ 1682 г. іюня въ 13 день, привели Адышевской земли царевича Матвѣя Дедіонова сына и онъ доводилъ на бояръ: на князь Никиту Ивановича

и сына его князя Якова Никитича, и на боярина и дворецкого князь Василья Федоровича Одоевскихъ, будто они говорили, что стрѣльцовъ вѣшать, казнить и рубить; да съ нимъ посацкой человекъ Ерославецъ. Юня въ 14 день указали в. государи ихъ пытать, и они съ пытки винились, что боярь тѣмъ поклепали, а Ерославецъ говорилъ съ пытки, что будто хотѣлъ и Москву зажигать, и за тотъ ихъ воровской составъ казнили.

Тогожъ числа, пытавъ по челобитью стрѣльцовъ, казнили стольника Степана Янова, да Матвѣя Вешнякова пытали жъ.

Тогожъ числа били челомъ в. государямъ, чтобы на Красной площади сдѣлать имъ столбъ и по ихъ челобитью тотъ столбъ сдѣланъ.“ (*Допол. къ А. Ист. X, № 9, стр. 31*).

⁶⁷⁾ До какой степени правительство боялось и опасалось стрѣльцовъ, какъ ихъ старались задобрить, не тронуть сразу ихъ правъ и положенія, и не нанести вдругъ оскорбленій,—это видно изъ статей 1684 г. дек. 30, писанныхъ, очевидно, Шаковитымъ, бывшимъ уже головою стрѣлецкаго приказа. Онъ старается всѣми силами вытѣснить изъ Москвы подозрительныхъ стрѣльцовъ, шаткихъ людей, даже отставныхъ, изъ которыхъ много воровъ, „и отъ нихъ приходятъ многіе воровскіе затѣйныя слова.“ (*Туманскій, VI, стр. 244*).

⁶⁸⁾ О связи бунта Стеньки Разина съ движеніями стрѣльцовъ и проявленіемъ у нихъ козацкихъ обычаевъ, см. *Ист. Петра В. Устрялова I, пр. 40, А. А. Экс. № 262, стр. 373. Туманскій, VI, 247*). Матвѣевъ совершенно случайно, желая унижить стрѣльцовъ, высказалъ вѣрную въ сущности мысль, что стрѣльцы наследуютъ имя С. Разина, „во весь свѣтъ себѣ, и всему злочебивому потомству своему вѣчную клятву и поношеніе понесутъ въ роды родовъ.“ (*стр. 33*). Цыклеръ въ пылу негодованія хвалился, что онъ съ донскими козаками пойдетъ „для московскаго разоренія и будетъ чинить, что и Стенька Разинъ.“ (*Зап. рус. людей въ прилож. 73—4*).

⁶⁹⁾ О вѣнчаніи царей, см. подробности: *Ист. Рос. Соловьева въ прилож. къ XIV т. XLIV; Собр. Запис. Туманскаго VII, 3—88*. Здѣсь между прочимъ говорится: „Еслибъ Софія пожелала вмѣстѣ съ братьями сама коронованною быть, никто бы, кажется, ей въ томъ тогда не воспрепятствовалъ. Въ слѣдующія времена можно было ей раскаяваться, что того не учинила: ибо оное священное дѣйствіе могло бы утвердить въ рукахъ ея сомодержавную власть, дабы не лишиться оной противъ воли своей.“ Весь чинъ вѣнчанія царей въ *II. Собр. Зак. II, №№ 931, 958*. На *стр. 439* объ угощеніи послѣ коронаціи прибавлено: „А власти были у стола, которые были на царскомъ вѣнчаніи . . . А бояре и окобничіе всѣ у стола были безъ мѣстъ.“ Крестоприводныя записи см. *II. Собр. Зак. II, № 932—936; Доп. къ А. Ист. X, стр. 81. Собр. Грам. IV, 151*.

⁷⁰⁾ О московскомъ соборѣ на раскольниковъ, см. „Предисл. къ Увѣту,“ *стр. 58—71; Медвѣдева Зап. 17—30; Посланія м. Игнатія, въ Правосл. Собес. 1867 г.* О не бывалыхъ рѣчахъ Петра В. на соборѣ раскольниковъ можно читать у Крекшина и Голикова. О дерзостяхъ Никиты Пустосвята на соборѣ см. *А. Эксп. IV, № 262, стр. 374*. Патріархъ Іоакимъ издалъ въ 1684 г. „Слово на сзудальскаго рождественскаго цопа Никиту Пустосвята, соборомъ осужденнаго и изверженнаго, и на Капитоновъ раскольниковъ, съ показаніемъ, что вѣра ихъ неправая.“ *Зап. Сахарова, 58*.

⁷¹⁾ Медвѣдевъ пишетъ, что Хованскій стрѣльцамъ, „зѣло во многихъ дѣлахъ угождая, потакалъ, дѣлалъ по ихъ волѣ, мимо всякія правды.“ Онъ учредилъ у себя почетный караулъ и ѣздилъ въ сопровожденіи стрѣльцовъ по Моск-

вѣ. *Зап. Сахарова, 41.* Матвѣевъ говоритъ, что стрѣльцы называли Хованскаго *батюшкою*, и всегда „за нимъ ходили и бѣгали въ безчисленномъ множествѣ, и куда онъ ни ѣхалъ, во всѣ голоса передъ нимъ и за нимъ кричали: *большой, большой!* . . . Сынъ же его такъ высоко разгордился, что многимъ особамъ знатнымъ публично ими стрѣльцами смертнымъ убійствомъ угрожалъ.“ *Зап. Сахарова, 37—8*

⁹²⁾ „Князь Иванъ Хованской, согласяся съ выборными стрѣльцами, помышляя суетная, яко въ мірскихъ вѣщахъ, тако и въ церковныхъ разнообразная злая вымышляя, и пришедъ къ государыни царевнѣ и ко всѣмъ, якобы охраняя ихъ здравіе, стрѣлецкій совѣтъ тайно имъ повѣдалъ. А то онъ дѣлалъ, хотѣ ихъ государей свирѣпствомъ стрѣльцѣмъ устрашити, и свое злое намѣреніе во всемъ совершити. Царевна же Софія Ал., уразумѣвше князя Иванова лукавство и ложныя его имъ страхованія, повелѣ къ себѣ тайно призвать выборныхъ стрѣльцѣхъ, тѣхъ же, къ нимъ же князь Иванъ малу любовь имѣеть, и милостию ихъ обнадежа, князя Иванова страхи предложила. Они же слышавше, все ей по ряду князя Ивана совѣтъ и его умышленіе повѣдали, что отъ стрѣльцовъ николи же таковая злая совѣтованія ниже въ помышленіи есть. Глаголаше бо князь Иванъ между иныхъ своихъ о тайнѣ стрѣлецкой доношеній: „яко еже съ патриархомъ и со властью куино будутъ, то имъ государямъ съ патриархомъ отъ народа живымъ не быти.“ И иная многая ложная онъ князь Иванъ пелѣная глаголаше.“ *Медвѣдевъ 21.* Что правительница придавала очень серьезное значеніе бунту Хованскаго, это видно изъ ея признательной памяти къ Савво-сторежевскому монастырю. Тамъ Преображенская церковь и съ громадною трапезою построены Софіей и освящены 1693 г. 10 дек. „Ибо сіа царевна наша въ ономъ монастырѣ съ обоими братьями своими Іоанномъ Ал. и Петромъ Ал. первое свое убѣжище, когда въ 1682 г. доносили на князя Хованскаго, что онъ съ стрѣльцами на жизнь обонхъ государей и ея покушался. А изъ сего уже монастыря послѣ она переѣхала въ Троицкій Сергіевъ монастырь.“ (*Ист. Рвс. Тер. II, 553—4.*)

⁹³⁾ О родственныхъ разныхъ помѣстьяхъ указъ 190 г. авг. 7 „отставить для того, тотъ указъ учиненъ былъ по докладу князя Ивана Хованскаго.“ Распоряженіе 27 авг. 1685 г. *II. Собр. Зак. II, 1132.*

⁹⁴⁾ Всѣ эти вины подробно изложены въ смертномъ приговорѣ Хованскому сент. 17: „Князь Иванъ Хованскій! Въ прошломъ во 180 г., по указу в. государей, велѣно тебѣ быти у государевыхъ дѣлъ въ стрѣлцкомъ приказѣ: и ты будучи въ томъ приказѣ, всякія дѣла дѣлалъ по своимъ прихотямъ, не докладывая имъ государямъ, и роздалъ многую ихъ государеву денежную казну безъ указа, кому и недовелось, и дачами тѣми вею ихъ государеву казну истощилъ и выграбилъ, всему же государству тѣмъ учинилъ великое разореніе и людямъ тягость.

„Да ты же, князь Иванъ, въ ближнія ихъ, в. государей палаты попустилъ ходить всякихъ чиновъ людямъ безо всякаго страха и опасенія, съ такимъ наглствомъ и невѣжествомъ, чего и въ простыхъ домѣхъ не повелось, и тѣмъ учинилъ ты имъ в. государямъ безчестіе.

„Да ты же у себя въ приказахъ держишь мучительно за рѣшетками и за многихъ людей напрасно, которые вѣдомы судомъ и расправою въ разныхъ приказахъ, и въ тѣ приказы, по настоящему в. государей указу не отсылаешь. Да ты же на многихъ людей правилъ многія деньги безъ очныхъ ставокъ и безъ всякаго розыска за многіе мимошедшіе годы, чего не доведося; а за иныхъ такихъ людей, которые померли, правилъ такіа деньги на женахъ ихъ и на дѣ-

тѣхъ и на родственникахъ, и въ тѣхъ деньгахъ чинилъ жестокіе правежи; многихъ же знатныхъ людей отдавалъ для правежа челобитчикамъ самимъ, и они надъ тѣми наругалися по своимъ волямъ и были на правежѣ полками, чего не повелоса нигдѣ, и въ томъ многихъ людей обезчестилъ и изувѣчилъ и разорилъ. Паки велѣлъ ты даточнымъ, которые взялъ ты съ монастырей, на страпчихъ ихъ за многіе прошлые годы подможныя многія деньги, сверхъ прежнихъ ихъ дачъ, что имъ даны въ то время, когда они взяты въ даточныя, и тѣ правежи чинилъ ты собою, безо всякаго розысканія и свидѣтельства, безъ указа, и тѣмъ ты св. обителямъ учинилъ великое разореніе.

„Да по твоему жъ велѣнію, подписана челобитная даточнымъ, которые взяты съ дворцовыхъ волостей, чтобы имъ имати на дворцовыхъ крестьянѣхъ подможныя деньги противъ монастырей по 25 рублевъ человѣку, итого будетъ 10,000 руб., и то ты учинилъ безъ ихъ же в. государей указа, самовольствомъ своимъ. И в. государи слушавъ о томъ докладныя выписки, указали и бояре приговорили тѣмъ даточнымъ сказать: что имъ подъемныя деньги по указнымъ статьямъ, каковы статьи, котораго года даточнымъ въ подможныхъ деньгахъ были даны сполна; а что монастырскіе даточныя сверхъ прежнихъ подъемныхъ денегъ имали деньги за правежъ вновь, и о томъ в. государей указа не бывало, и о томъ ихъ государевъ указъ велѣно тѣмъ даточнымъ сказати тебѣ: и ты въ томъ ихъ царское величество преслушалъ и указа имъ государскаго сказывать не пошелъ, а говорилъ затѣйками своими и вмѣшалъ слова злая, будто за то быти великому кровопролитію и многимъ побитымъ.

„Еще ты же, князь Иванъ, съ сыномъ твоимъ Андреемъ при нихъ в. государѣхъ въ палатѣ, при всѣхъ боярѣхъ, вычитали свои службы съ великою гордостію, будто никто такъ не служивалъ; а ваша служба не точію имъ, государямъ, и всему государству вѣдома, что гдѣ вы бывали, вездѣ ихъ государскихъ людей своевольствомъ своимъ и ослушаніемъ ихъ государскихъ указовъ и безумною своею дерзостію напрасно теряли и отдавали неприятелямъ, и тѣмъ государству приносили поношеніе и убытокъ, а ихъ в. государей имени на вѣчную хвалу и всему государству къ прибыли ничего не учинили.

„Ты же вознеистовилъя впервыхъ противу всемогущаго и творящаго по воли своей Бога, въ Его же руцѣ земные концы суть; второе на державу царскаго величества благочестивѣйшихъ нашихъ государей, Іоанна Ал., Петра Ал., самодержцевъ, говорилъ многожды въ палатѣ при нихъ государѣхъ и при боярѣхъ, величаея въ гордости своей, будто все государство стоитъ по твою кончину; а если тебя не будетъ, и въ то время будто не спасется никакая же плоть и будутъ въ Москвѣ ходити въ крови по колѣни.“

„Да ты же, князь Иванъ, съ сыномъ своимъ князь Андреемъ при нихъ, в. государѣхъ, въ палатѣ дѣла всякія отговаривали противно ихъ государскому указу и соборному Уложенію, съ великимъ шумомъ, невѣжествомъ и возношеніемъ, и многихъ господъ своихъ и свою братью боярѣ безчестили и нагло поносили и никого въ свою пору не ставили, и того ради многимъ гражвали смертію и копіями.

„Да ты же, князь Иванъ, со единомышленники твоими, присовокупя къ себѣ проклятыхъ раскольниковъ Никиту Пустосвята съ товарищи, ратовали на св. церковь. И тѣ раскольники, по твоему согласію, надѣясь на тебя, приходили для возмущенія народовъ въ Кремль большимъ собраніемъ, и входили къ нимъ, государямъ, въ Грановитую палату съ великимъ невѣжествомъ и злоб-

ною дерзостію для задора къ кровопролитію; а тотъ воръ, проклятыи раскольники Никитка Пустосвятъ съ такими же ворами, видяща тебе, ему помогающаго, безъ всякаго страха отца ихъ в. государей, блаженной памяти в. государя царя и в. князя Алексѣя Михайловича, всея В. и М. и Б. Россіи самодержца, безчестили многими хульными словесы, такжеже преждебывшихъ святѣйшихъ московскихъ патріарховъ и св. Іоакима, патріарха московскаго и всея Россіи, бранили и всячески поносили; а колмогорскаго Афанасія архіепискона, въ хулительствѣ его Никитку обличивша, въ той палатѣ при в. государыняхъ царицахъ и царевнахъ, ухвати началъ было бити и всякимъ дерзновеніемъ поступалъ, а ты ихъ отъ того не унималъ и унати не велѣлъ. И за такое ихъ раскольниковъ воровство и дерзость служивые добрые люди просили, чтобы тѣхъ злотворцевъ Капитоновъ казнити смертію, и ты тѣхъ воровъ и мятежниковъ черкве святыхъ и всего государства отъ казни оберегалъ и хотѣлъ оныхъ единомысленныхъ твоихъ учинить свободными: и воръ Никитка, по прошенію выборныхъ служивыхъ пѣхоты добрыхъ людей, казненъ; а товарищъ его твоимъ промысломъ, отъ смерти свободился. И изъ нихъ воровъ и раскольниковъ садовникъ Никитка Борисовъ объявился въ Брянскѣ и писалъ къ женѣ своей, велѣлъ ей идти къ тебѣ и битъ челомъ о заступленіи: и ты, покрывая воровство свое, велѣлъ того вора раскольника и товарищей его послати въ ссылку на Терекъ, а смертію ихъ казнити не велѣлъ.

„Да тебѣ жъ, князь Ивану, по государеву указу, велѣно было послати на Низъ, для обороны казанскихъ мѣстъ отъ калмыковъ и измѣнниковъ башкирцевъ, пѣхотные полки: и ты ихъ въ тѣ мѣста по многимъ указамъ не отпустилъ, учинился противенъ; а нынѣ въ тѣхъ мѣстахъ отъ тѣхъ воинскихъ людей чинится разореніе великое.

„Да и нынѣ ты, по многимъ указамъ, въ Кіевъ полковъ не посылаешь же, и вмѣсто поспѣшенія чинилъ въ томъ мѣшкоту; да ты же сказалъ въ Кіевъ на службу стремянному полку, безъ ихъ в. государей указа, да тебѣ жъ князь Ивану, по ихъ в. государей указу, для ангела в. государя велѣно было прислать съ Москвы въ Коломенское стремянный полкъ,—и ты, противностію своею, того полка въ Коломенское не прислалъ; а нынѣ за ними государи въ походѣ велѣлъ было ты бити надворной пѣхотѣ изъ полковъ мимо стремяннаго полка, чего никогда не повелось, и послалъ ты за ними государи въ походѣ Стремянный полкъ, по многимъ къ тебѣ о томъ посылаемъ.

„Да тебѣ жъ указали в. государя сент. 1 числа нынѣшняго 191 г. бити на Москвѣ у дѣйствія Новаго гѣта: и ты у того дѣйства не былъ, и велѣлъ бити товарищу своему окольникову Кирилѣ Осипову Хлопову одному, и тѣмъ своимъ непослушаніемъ и гордостію то дѣйство опорочилъ, св. патріарху досаду учинилъ и ото всѣхъ народовъ привелъ въ зазоръ; а того у дѣйства бывають государи, а по указамъ бывають и не у такихъ дѣйствъ и господа твои.

„Да ты же, князь Иванъ, извѣщалъ въ с. Коломенскомъ царевнѣ Софіи Ал. при боярѣхъ, будто приходили къ тебѣ Новгородцы дворяне и сказывали, что прислали и иныхъ чиновъ служивые люди, чтобы имъ, согласяся съ ними, вмѣстѣ идти сего гѣта къ Москвѣ и битъ челомъ о заслуженномъ жалованьѣ и на Москвѣ съѣзъ всѣхъ безъ выбора и безъ остатка; и государыня царевна Софія Ал. изволила тебѣ говорить: еже бы противу сего твоего извѣта сказати на Москвѣ всякихъ чиновъ людемъ на Постельномъ крыльцѣ для вѣдома; а въ Новгородъ, для подлиннаго о томъ свидѣтельства, послать ихъ в. государей

грамоту. И ты билъ челомъ ей государщицѣ, чтобъ про то на Москвѣ не сказывать и въ Новгородъ не посылать о тойъ, и тѣмъ бы не навести бѣды на тебя, и потому знатно, что ты на нихъ затѣялъ воровствомъ твоимъ для своего умысла, хотя на нихъ навести ихъ государственной гнѣвъ напрасно; а Новгородцы и въ иныхъ городѣхъ дворяне старые и природные, служатъ имъ, государямъ, всегда вѣрно, и такому злomu дѣлу отъ нихъ быть не для чего.

„Да ты же многихъ воеводъ, которымъ по указу велѣно быть въ городѣхъ, отпущать не велѣлъ; а отпущать въ тѣ города на воеводство по своимъ прихотямъ, кто тебѣ подобенъ, безъ государева указа, своимъ самовольствомъ, чего и господа твои творити бояся.

„Да ты же, князь Иванъ, приходя къ нимъ, государямъ, въ разныхъ числѣхъ, облыгалъ надворную пѣхоту, будто отъ нихъ о дѣлѣхъ ихъ челобитье и крики великіе и будто отъ нихъ быти великимъ бѣдамъ, а отъ нихъ въ то время того не бывало; выходя же отъ нихъ государей изъ палаты, надворной пѣхотѣ говаривалъ многія смутныя рѣчи, чего не бывало, — и то ты все лгалъ и затѣявалъ напрасно; а о которыхъ дѣлѣхъ ты къ нимъ государямъ въ докладъ и приходилъ, и то все съ неправдою и лукавствомъ, тая свою злобу и злохитрый умыслъ.

„Да въ нынѣшнемъ во 191 г. септ. 2 въ приходѣ въ селѣ Коломенскомъ, на дворцѣ у переднихъ воротъ на щитѣ воротномъ, явился письмо и то письмо чтено ему все. (См. слѣдующее примѣчаніе).

„И вышеписанные твои князь Ивановы воровскія дѣла и измѣна съ тѣмъ письмомъ сходны, и злохитрый твой вымыслъ на державу ихъ, в. государей и на ихъ государственное здоровье обличился, и противъ того письма, въ тѣхъ дѣлахъ ты означился, и во всемъ измѣна твоя и подѣ государствомъ московскимъ подѣисканіе стало явно.

„Также и сыну его князь Андрею Хованскому чтены многія статьи винъ его; по прочтеніи же винъ, сказано ему сиче:

„И в. государи указали васъ, князь Ивана и князь Андрея Хованскихъ, за такія ваши великія вины и за многія воровства и за измѣну, казнить смертію.“ (Собр. грам. IV, № 152; II. С. Зак. II, № 954).

²³⁾ Вотъ одно изъ подметныхъ писемъ, въ которомъ обвиняется Хованскій въ измѣническихъ замыслахъ, адресованное на имя государей: . . . „Извѣщаютъ московскій стрѣлецъ да два человекъ посадскихъ на воровъ и на измѣнниковъ, на боярина князя Ивана Хованскаго, да на сына его Андрея: на нынѣшнихъ недѣляхъ призывали они насъ къ себѣ въ домъ, человекъ 9 пѣхотнаго чина, да 5 человекъ посадскихъ и говорили, чтобы помогали имъ достигнути царства московскаго, и чтобы мы научили свою братью вашу царской корень известъ, и чтобъ придти большимъ собраніемъ извѣстъ въ городъ, и называть васъ, государей, еретическими дѣтми, и убить васъ обомъ, и царицу Наталью Кириловну, и царевну Софію Алексѣевну, и патриарха и властей; а на одвой бы царевичъ ки. Андрею жениться, а достальныхъ бы царевичъ ностричь и разослать въ дальные монастыри. Да бояръ побить: Одоевскихъ троихъ, Черкасскихъ двоихъ, Голыцкихъ троихъ, Ивана Мих. Милославскаго, Шереметевыхъ двоихъ, и иныхъ многихъ людей изъ бояръ, которые старой вѣры не любятъ, а новую заводятъ. А какъ то злое дѣло учинятъ, послать смущать во все московское государство по городамъ и по деревнямъ, чтобъ въ городахъ посадскіе люди побили воеводъ и приказныхъ людей, а крестьянъ подучать,

чтоб побили бояръ своихъ и людей боярскихъ; а какъ государство замутится, и на московское бы царство выбрали царемъ его, князя Ивана, а патриарха и властей поставить, кого изберуть народомъ, которые бы старья книги любили. И цѣловали намъ на томъ Хованскіе крестъ, и мы имъ въ томъ во всемъ, что то злое дѣло дѣлать намъ вообще, крестъ цѣловали жъ; и дали они намъ всѣмъ по 10 руб. человѣку, и обѣщалися передъ образомъ, что если они того доступятъ, пожаловать насъ въ ближніе люди; а стрѣльцамъ велѣлъ наговаривать: которые будутъ побиты, и тѣхъ животы и вотчины продавать, а деньги отдать имъ стрѣльцамъ на всѣ приказы. И мы з человѣка, убояся Бога, нехота на такое дѣло дерзнуть, извѣщаемъ васъ, государей, чтобы вы свое здоровье оберегли; а мы, холопи ваши, нынѣ живемъ въ похоронкахъ; а какъ ваше государское здравіе сохранится, и все Богъ утишитъ, тогда мы вамъ объявимся. А именъ намъ своихъ написать невозможно, а примѣты у насъ: у одного на правомъ плечѣ бородавка черная, у другаго на правой ногѣ поперегъ бедра рубецъ—посѣчено, а третьяго объявимъ мы, потому что у него примѣтъ никакихъ нѣтъ.”

Подписано: „Вручить государницѣ царевнѣ Софѣѣ Алексѣевнѣ.“ (Медведева. 42—43; Желябужскій, 5—6).

⁹⁰⁾ Изъ разрядной записки видно, что подметное письмо явилось въ с. Коломенскомъ 20 авг., а въ смертномъ приговорѣ сказано, что письмо прибито было на воротахъ дворца Коломенскаго сент. 2. Здѣсь противорѣчія не существуетъ: въ разрядѣ прямо отмѣчено, что 16 сент. въ с. Воздвиженскомъ измѣна Хованскихъ объявилась „черезъ переметныя многія письма.“ Вотъ слова разрядныхъ записокъ: „Авг. въ 20 день 190 г. былъ въ походѣ прилепецъ на воротѣхъ листъ въ Коломенскомъ, а въ томъ листѣ было написано, что измѣнники бояре, князь Иванъ и князь Андрей Хованскіе, промышляютъ надъ в. государи всякое дурно и хотѣли быть на московскомъ государствѣ: да они жъ хотѣли убить святѣйшаго патриарха Іоакима и восхитить на соборную апостольскую церковь; да они жъ хотѣли побить бояръ: князь Никиту Ивановича, Якова Никитича, боярина и дворецкаго князь Василья Федоровича Одоевскихъ, князь Михаила Алегуковича, князь Михаила Яковлевича Черкасскихъ, князь Василья Васильевича, князь Андрея Ивановича, кравчаго князь Бориса Алексѣевича Голицыныхъ; боярина и оружейничаго Петра Васильевича, Бориса Петровича Шереметевыхъ, Ивана Михайловича Милославскаго и иныхъ многихъ бояръ. И 191 г. сент. въ 1 день в. государи къ Москвѣ на дѣйства не ходили, а велѣли быть ему князю Ивану Хованскому, и онъ послушался и на дѣйства не ходилъ.

И сент. въ 3 день, пошли в. государи въ походъ въ Звенигородъ и оттуда къ Троицѣ.

Въ 16 день въ селѣ Воздвиженскомъ измѣна ихъ черезъ переметныя многія письма объявилась и послана по нихъ в. государей грамота.

Въ 17 день посланъ, по указу в. государей, въ село Пушкино, для князь Ивана Хованскаго бояринъ князь Михайло Ивановичъ Лыковъ, а съ нимъ стольники и стряпчие, и дворяне московскіе и жильцы и люди боярскіе, и его князь Ивана изловя подъ Пушкинымъ, а сына его въ деревнѣ противъ Братовщины, князь Андрея привезли къ в. государемъ въ село Воздвиженское; и какъ ихъ привезли, и въ то время сидѣли бояре и окольнічїе и думные люди всѣ на площади противъ церкви, и чель ему князь Ивану и сыну его князь Андрею наказъ и измѣну его думный діакъ Федоръ Шаховитовъ. И за ихъ измѣну указали в. государи казнить смертью, и отведши ихъ, головы отсѣкли и погребать ихъ у церкви не указали.

И послѣ обѣдни, свѣдавъ сынъ его князь Иванъ да племянникъ его князь Федоръ, которые жили у нихъ в. государей въ комнатахъ, измѣну ихъ, побѣжали изъ похода; и князь Федора изловили, а сынъ князь Иванъ ушелъ къ Москвѣ, и прибѣжавъ къ Москвѣ въ часъ ночи, а ихъ казнили до вечера за часть, и прибѣжавъ онъ князь Иванъ въ полки, сказалъ: будто боярину князь Михайло Ивановичъ Языковъ, собравши съ боярскими людьми, изрубилъ безъ указа в. государей отца его и брата, и пришедъ къ Москвѣ, будто хочетъ рубить надворную пѣхоту всѣхъ. И пушки и пороховую казну всю разобрали во всѣ полки и по себѣ, и съ Москвы никого не пропускали, и хотѣли идти къ в. государямъ въ походъ и стоять за нихъ противъ измѣнниковъ; да къ намъ же пристали стрѣляющіе да выборный полки. А которые были на Москвѣ бояре и дворяне и всякихъ чиновъ государева двора и люди боярскіе, и они хотѣли рубить; и къ нимъ въ полки посылаю зъ грамоты в. государей столникъ П. Петровъ сынъ Зиповевъ; они грамотъ учинились непослушны. И в. государи пошли тогожь числа къ Троицѣ и во всѣ города указали послать для ратныхъ людей грамоты.“ (*Допол. къ А. Ист. X, № 9. Ист. Соловьева XIV, въ приложеніи XLI—XLII.*)

⁹¹⁾ По словамъ Крекшина, вмѣстѣ съ Хованскимъ, казнили Бориса Одинова и 37 выборныхъ стрѣльцовъ. У Сахарова 47, 48.

⁹²⁾ Матвѣевъ пишетъ, по обыкновенію желая блеснуть своими познаніями: „Какъ подобно мудраго изъ старыхъ философа Езопы притчѣ, всегда Милославскій, велики хитрымъ своимъ пронырствомъ, во всемъ сходно то учинилъ, и по существу его Езопову примѣру, когда обеляна желала каштана, т. е. нѣкотораго плода съ древесъ, меньше грецкаго орѣха, вкусомъ гороховымъ, испеши, изъ горячихъ углей выбрать и въ снѣдъ свою употребить; тогда доймавъ кошку и взявъ лапы ея въ свои руки, скоро оной плодъ выбравъ, въ желаемую сладость получила и имъ удовольствовалася. Такъ точно съ тѣмъ же дѣйствіемъ, онъ г. Милославскій людей тѣхъ безразсудныхъ Хованскихъ князей, равно какъ обезьяна въ свои лукавыя руки, яко кошке помкнулъ, и сдѣлалъ участниками гнусныхъ своихъ дѣлъ.“ У Сахарова 37, 41; см. также Крекшина у Туманс. I, 283. Щербатовъ замѣчаетъ: „То истинно, что Хованскій поступкомъ своимъ—привлекать къ себѣ дружелюбіе стрѣльцовъ, великую причину подалъ; но чтобъ явнымъ бунтовщикомъ объявился, сего нигдѣ не видно; а напротивъ того, ссора его съ Милославскимъ, и злоба на него царевны Софіи являются вину его уменьшать.“ И потомъ повторяетъ мнѣніе Матвѣева: письмо въ Коломенскомъ „знатно сочиненія хитраго Милославскаго.“ *Ист. Теодозіи 159.*

⁹³⁾ Въ челобитной стрѣльцовъ о дарованіи имъ прощенія 1 окт. написано: Иванъ Хованскій противъ 18 сент. пріѣхалъ изъ с. Воздвиженскаго и сказалъ, „что будто отца его князь Ивана взяли въ с. Пушкинѣ люди боярскіе и связавъ повезли невѣдомо куда, а казнили будто безъ в. государей указа. Да намъ же окольничего Палла Языкова сынъ Григорей сказывалъ въ Васильевѣ полку Лопухина надворной пѣхотѣ, чтобы во всѣ полки дать вѣдомость, будто насъ бояре Одоевскіе и Голицыны хотятъ со многимъ собраніемъ рубить и чтобы мы засѣли въ Москвѣ, а онъ Григорей съ нами жь; а по дорогамъ же стоятъ всякихъ чиновъ люди боярскіе съ ружьемъ и хотятъ идти къ Москвѣ у насъ на вашихъ бояръ и ближнихъ людей никакого злаго умышленія не было и впредъ не будетъ.“ (*А. Эксп. IV, № 264.*)

¹⁰⁰⁾ Сказка отъ имени всѣхъ стрѣльцовъ, поданная выборными съ обѣщаніемъ вѣрности сент. 25. „В. государей казну, пушки и порохъ, свинець и фитиль для опасенія побрали... и та ратная казна нынѣ въ полкѣхъ въ дѣлности;

а котрымъ полкамъ нынѣ велѣно быть на службѣ в. государей в. Киевѣ, и на тою службу готовы.“ (*А. Эксп. IV, 261*). Въ статьяхъ, присланныхъ изъ похода стрѣльцамъ въ началѣ октября, между прочимъ излагается дѣло такъ: 25 сент. писалъ М. П. Головинъ, а 27 сент. патриархъ, что были челобитчики изъ всѣхъ полковъ и говорили, чтобы государи назначили изъ каждаго полку, пожаловали бить челомъ имъ, а сами они идти не смѣютъ. И велѣно быть для челобитья изъ всѣхъ полковъ, пятидесятникамъ, десятникамъ и рядовымъ лучшимъ и правдивымъ по 20 изъ полку. И къ самимъ государямъ приходили челобитчики: а окт. 2 принесли повинную заручную челобитную. А въ челобитной написано: Во 191 г. сент. 20 „взято было у нихъ въ Марьинѣ роцѣ 2 человекъ солдатовъ съ лошадьми, и въ полку де у нихъ учинился страхъ и сумѣнье,“ и они взяли безъ указу 4 пушки, 200 карабиновъ, 18 мушкетовъ голандскихъ, 100 желѣзещь долгихъ, спилъ свинцу, 20 мушкетовъ голандскихъ, 20 гривнъ, 33 пуда зелья; — и того „безъ позволенія ихъ царскаго величества дѣлатъ не годилось.“ Да сент. 24 патриаршій крестьянинъ дер. Марѣиной Петрушка Воронинъ, „прѣхавъ къ нимъ на Бутырки, сказалъ, что будто по Троицкой дорогѣ идутъ боярскіе люди конные и пѣшіе съ ружьемъ и съ пушками великимъ собраніемъ на дворповое сѣло Талинское, и хотять приходить на бутырскую слободу сент. противъ 25 въ ночь, и будто опъ Петрушка слышалъ пушечную стрѣльбу. И отъ тѣхъ де его Петрушкиныхъ словъ и по инымъ многимъ смутнымъ вѣстямъ, многіе ихъ братья отъ великаго страхованія отпустили женъ и дѣтей своихъ къ Москвѣ къ сродичамъ.“ А нынѣ, слыша государей къ себѣ въ винахъ ихъ неизреченную милость, „больше того терпѣть безстрашикомъ никому не хотять, обѣщаемся служить и радѣть вѣрно по прежнему, пришли съ истинною правдою, а не лестію, иначе да будетъ проклятіе вселенскаго собора, а вини свои заслужать головами своими. А впредь де кто изъ нихъ, или кто нибудь на ихъ государское величество, и на бояръ, и на думныхъ и на ближнихъ людей учнетъ, какія непристойныя слова говорить, и тѣхъ людей стануть они имать и приводить въ приказъ надворныхъ пѣхоты, и въ винахъ ихъ вольны они, в. государи.“ Чтобы они, государи, не послали на нихъ праведнаго своего гнѣва, пожаловали для Спаса, Преч. Богородицы и свят. Сергія чудотворца, чтобы на милость ихъ быть имъ надежными. (*Зап. Туманскаго VI, 158, 168*). Въ челобитной стрѣльцы писали, что своимъ поведеніемъ прогнѣвили всемогущаго Бога. „И нынѣ де обдержить ихъ недоумѣніе и неудобство и страхъ неисповѣдимъ, и въ живыхъ себѣ быть въ нынѣшнемъ вѣцѣ не помышляють, а въ будущемъ о вѣчномъ проклятій совѣстію прободаемы воіемъ къ в. государемъ со слезами.“ И государи пожаловали, на милость преклонились и не презрѣли ихъ моленія, „велѣли за ихъ многія службы, за кровь и за раны, и за полонное терпѣніе, и за осадное сидѣніе, вини ихъ отдати.“ *А. Эксп. IV, № 271; Зап. Туманс. VI, 207.*

¹⁰¹⁾ Подробности свѣдѣнія о раздачѣ наградъ 25 окт., см. *Собр. грам. IV, № 155, стр. 466—469; П. С. Зак. II, № 961; Зап. Туманс. VI, 194—198.*

¹⁰²⁾ Въ челобитной стрѣльцовъ 28 окт. означено, что столбъ сдѣланъ на Красной площади, „противу злоумышленнаго челобитья воровъ и раскольщиковъ, Алешки Юдина съ товарищи, по потачкѣ всякому дурну отца ихъ, бывшаго боярипа, внязя Ив. Хованскаго и сына его.“ И нынѣ, видя неправое челобите, что столбъ „учишевъ не къ лицу,“ просимъ, пожалуйста, смягчитеса, веите тотъ столбъ сломати, „чтобы отъ иныхъ государствъ въ царствующемъ градѣ Москвѣ, зазору никакаго не было.“ *А. Эксп. IV, № 270; Зап. Туманс. VI, 176—9.*

По челобитью стрѣльцовъ, 17 дек. велѣно падворную пѣхоту называть по прежнему стрѣльцами, а слободы — полками и т. п. (*П. С. Зак. II, № 975*). О нечиненіи задоровъ стрѣльцамъ, указъ 3 нояб. *П. С. Зак. II, № 962*.

¹⁰²⁾ Въ официальной запискѣ о стрѣльцахъ замѣчено, что начальникомъ приваза 10 дек. назначенъ Ѳ. Л. Шаховитый. „Но вѣдати здѣ подобаетъ, яко же убо презоривы и забитливые быша благодѣяній божиныхъ Израилѣтяне, тако же и нынѣ въ человѣцѣхъ сотворися забвеніе.“ Въ томъ же декабрѣ стрѣльцы Бохина полка учинилися указу преслушны, приходили въ приказъ бить челомъ многолюдствомъ, крикомъ и невѣжествомъ, а полковника своего Павла Бохина слушати не стали. Когда велѣно было взять вора стрѣльца Ивашку Жаренаго, они отказали глаголюще: „хотя-де насъ велятъ и перевѣшать, мы того Ивашку не отдадимъ.“ И два полка съ полковниками А. Даниловымъ да И. Цыклеромъ Ивашку взяли. И 27 дек. „для того ихъ непослушанія и противности в. государемъ и непостоянныя шатости, взято у всего полка Бохина служивыхъ ружье и государева жалованья, и на караулы нигдѣ всему ихъ полку ходити не велѣно.“ А Жерену и Пелецелкину съ товарищи, шести человѣкамъ, отрубили головы за мятежъ. Стрѣльцы Бохова полку опечалились; „и наки въ последній и конечный бѣдѣ себѣ зряще, въ раскаяніе злобы и непокорства своего, и въ противности в. государей указу, придоша, и начаша еще съ великими слезами милости у государей о такомъ ихъ презорствѣ просити, и не единойжды страшнымъ и умильнымъ и погубительнымъ образомъ на смерть сами себя осудя, приходили къ государеву Крыльцу во многіе дни челобѣтъ по 200, возложъ на шею свои петли, плахи же и топоры въ рукахъ держажу, и пришедъ ко крыльцу, вергше плахи на землю, вопзивше въ нихъ топоры, головы положи на плахи, немалое время лежали, вопіяху: „яко не достойны царскаго величества милости, и за вину свою помилованія, и достойны суть смерти.“ — И ради ихъ смиренія и самоосужденія и страшнаго и ужаснаго образа, и всѣмъ человѣкомъ умильнаго и страшливаго зрѣлища, наки ихъ простили, и сказанъ имъ указъ, чтобы они исполняли повелѣнія *безъ всякаго размышленія*, а воровскихъ людей приводили въ стрѣлцкій приказъ.“ (*Зап. Туманс. VI, 214—226*).

¹⁰³⁾ Мая 21, нояб. 6 и 30, дек. 13. Собр. Госуд. Грам. IV, № 160; Дон. къ А. Ист. X, № 55 и 59; А. Эксп. IV. № 272; П. С. Зак. II, № 1002, 1014. „Въ городѣхъ тамошніе жители и прохожіе люди про мимошедшее смутное время говорятъ похвальныя и иныя многія непристойныя слова, на смуту и на страхованье и на соблазнъ людямъ.“ Велѣно кликать биричамъ, чтобы подъ страхомъ смертной казни, затѣйныхъ словъ и дѣлъ не вмѣщати; разспрашивать и разыскивать подлинно, кто для чего то дѣло затѣялъ и собою, или отъ кого слыша,“ откуда взяли письма и для чего держали. За малыя вины бить батогами и кнутомъ, смотря по челобѣту, а за большія присылать въ розрядъ; едонесшимъ про воровскія письма и непристойныя слова быть въ смертной казни.“ *Собр. грам. IV, стр. 477—8*.

¹⁰⁴⁾ О бѣглыхъ и разбойникахъ, см. *Зап. Желябужскаго 53, 58. А. Ист. V, № 108, 113. П. Собр. Зак. II, № 1011, 1169; А. Ист. V, № 167, 280.*

¹⁰⁵⁾ О разбойничьихъ похожденияхъ донскихъ воровскихъ козаковъ, можно подробно читать въ Дон. къ А. Ист. X, № 2, 13, 25, 49, 109.

¹⁰⁶⁾ Августа въ 7 день (1688 г.) къ намъ государямъ вы, атаманы и козаки, съ станичнымъ своимъ атаманомъ, съ Осипомъ Михайловымъ съ това-

рищи (писали), что вы, по нашему указу, послали его Осипа со многими козаки вверху на Дону и по запольнымъ рѣчкамъ, для раскольниковъ попа Досиоея и Пафнутія и Θεодосія и иныхъ такихъ же единомысленниковъ ихъ: и тѣ посльщники ваши привезли ихъ къ вамъ изъ городковъ въ войско сказки станицъ отъ козаковъ, что они намъ обѣщались служить вѣрно и съ вами атаманы и козаки быть въ соединеніи, а раскольщикамъ не мотчать, и въ томъ во всемъ цѣловали крестъ; а пошъ де Досиоей, Пафнутій и Θεодосій, собрався съ своими единомысленниками и совѣтниками, такими жъ ворами и раскольщиками, пошли съ Дону въ степь на рѣку Куму до ихъ Осипова съ товарищи приѣзда и живутъ близко Черкесъ, до котораго ихъ воровскаго мѣста ѣзду будетъ степью отъ Черкасскаго городка двѣ недѣли. А которые воры жили въ городахъ съ Кузькою Косымъ, и тѣ всѣ также, собрався, вышли жить вверху Медвѣдицы рѣки въ дальня мѣста близко Тамбова и Козлова, и живутъ въ большихъ крепостяхъ, и въ нимъ собрались изъ украинскихъ городковъ такіежъ воры многіе люди, и будетъ ихъ всѣхъ больше 500 человекъ: и по посльщѣ вашей изъ войска, тѣ воры отъ раскола не отстали. Осипъ Михайловичъ съ товарищи, собрався съ козаками 1000 человекъ, ходили на тѣхъ воровъ, и тѣ воры сѣли въ осаду и съ вашими посльщниками бились; а которые раскольщики-жъ по Дону были по верховымъ городкамъ и по запольнымъ рѣчкамъ, а тѣ посльщники ваши смиряли и чинили имъ наказанье и отъ такого раскола упимали, а иныхъ непослушныхъ казнили смертью. А Осипъ Михайловичъ съ товарищи въ посольскомъ приказѣ въ роспросѣ сказали: „что онъ около того воровскаго городка, до нашего указа, оставилъ съ атаманомъ, съ Васильемъ Мещеряковымъ, козаковъ 500 человекъ для того, что до зимняго времени промысла воинскаго учинить надъ тѣми ворами невозможно; а цущіе заводчики у тѣхъ воровъ: атаманъ Ивашка Заецъ, Сенька Топилинъ, Сенька Колодинъ, Сенька Роспопа, Сидорко Проваторовъ, Васька Коноваловъ, Максимко Мельникъ и иные; да надежны де живутъ нынѣ за поруками до войсковаго вашего съѣзда ворыжъ и раскольщикижъ: въ Черкаскомъ Плюшка Зерщикъ, въ Цымлю Ивашко Карповъ сынъ Терской, въ Ясауловъ Левка Ешифановской.“ А по вѣдомости де чрезъ перебѣжчика изъ Азова, ты войсковый атаманъ Фролъ Менаевъ, и съ тобою съ 300 человекъ пошли для подлинныхъ вѣстей и языковъ подъ Азовъ, а Иванъ Семеновъ съ козаки жъ пошелъ за азовскимъ солтаномъ и агами, которые пошли изъ Азова войскою подъ украинныя города, и о томъ о всемъ, по отпискѣ вашей и по роспроснымъ рѣчкамъ станичнаго атамана Осипа Михайлова съ товарищи, намъ в. государямъ извѣстно. И мы жалуемъ, милостиво похваляемъ, и указали тѣхъ воровъ и раскольниковъ, которые имѣютъ нынѣ пристанища на Медвѣдицѣ и на Кумѣ рѣкахъ, и въ иныхъ мѣстахъ, переимать тѣ ихъ воровскія пристанища разорить и послать на нихъ изъ войска, или самимъ вамъ идти многимъ собраніемъ, случась съ поданнымъ нашимъ калмыцкимъ Чаганомъ тайшею, чтобъ однолично въ тѣхъ мѣстѣхъ тѣхъ воровъ переимать и пристанища ихъ разорить... А буде въ тѣхъ мѣстѣхъ, гдѣ былъ посланъ нашъ атаманъ, тѣхъ воровъ нынѣшнимъ лѣтнимъ временемъ добыть и жилища ихъ разорить невозможно, и выбъ въ тѣхъ мѣстѣхъ оставили атамана и ясаула и козаковъ, сколько пригоже, и велѣли имъ до зимняго времени стоять и промыслъ надъ ними чинить, сколько возможно, и стеречь того накрѣпко, чтобъ къ тѣмъ ворамиъ ни съ которыхъ стороны хлѣбныхъ и иныхъ харчевыхъ нивакихъ запасовъ не пропустить; а которые воры и раскольщики близъ Тамбова и Козлова, и по нашему указу наши рати для промысла надъ тѣми ворами и раскольщиками, изъ тѣхъ городковъ

послани будутъ же вскорѣ. А которые вышеписанные раскольники даны на руки до съѣзду, и тѣмъ раскольникамъ учинить вамъ казнь и наказанье, а какову казнь и наказанье тѣмъ вораѣмъ и раскольникамъ учините, о томъ бы вамъ писать. (*Собр. Грам. IV, № 192, стр. 585—587; II. С. З. II, № 1310*). Преслѣдованіе раскольниковъ доходило до страшныхъ разбѣговъ, какъ можно выводить изъ исторіи Выговской пустыни Филипова. Въ рукописномъ синодикѣ между прочимъ отмѣчено: Въ Налѣ островѣ скончавшихся 1687 г., марта 24, — инока Игнатія, инока Матвѣя... и иже съ ними 2700; на Березовѣ на Волгѣ скончавшихся въ 1687 г. авг. 9 инока Германа, инова Ефрема, Фотіяни, Евфимія и всѣхъ, иже съ ними скончавшихся 1800. (*Рукоп. В. М. Ундольскаго, № 161, л. 41—44*).

¹⁰⁸⁾ До какой степени были значительны народныя волненія въ московскомъ государствѣ, видно изъ перечня дѣлъ, приложеннаго къ рукописному слѣдственному розыску о Шаковитомъ. Изъ множества дѣлъ я укажу на слѣдующія: 1) Извѣтъ пятидесятника Трофима Луховца на донскаго вождя Проню Лоцилова въ воровскихъ затѣйныхъ и смутныхъ словахъ и распросныя и пыточныя рѣчи. 2) Отписка съ Царицына воеводи Бориса Головина, о сборѣ донскихъ козаковъ на Волгу, а подъ тою отпискою роспись стрѣльца Фёдора Тимофѣева. 3) Письмо, какое поднесъ в. государямъ кн. В. Ал. Голицыня, о переговорахъ на Яикѣ у козаковъ о бѣглыхъ стрѣльцахъ о Тигѣ и о Гогѣ. 4) О поимкѣ на Самарѣ донскихъ козаковъ Стеньки Дмитреева и Филки Орорана. 5) Три совѣтныя грамотки съ Дону московскаго бѣлаго стрѣльца Сежня Терскаго къ матери и къ братьямъ. 6) Память въ разрядѣ о поимкѣ бѣглыхъ людей и о заказѣ впредь принимать бѣглецовъ на Донѣ. 7) На Вороновѣ воеводѣ О. Нармацкому: велѣно распросить на пятѣ ящичка Акифа Орлова въ непристойныхъ словахъ и сослать на Урайлу. 8) О смирѣ бѣлаго стрѣльца Ивана Тигфона по ярославской дорогѣ, распросныя и пыточныя его рѣчи. 9) Письмо стрѣльцовъ А. Стрижова и Е. Романова о налогахъ на Украйнѣ и о похвальныхъ словахъ донскихъ козаковъ. 10) О смирѣ въ елбурскіе города за непристойныя слова посадекаго человѣка г. Коротоина Оавки Михайлова. 11) Дѣло розыскное воровскихъ подметныхъ челобитень, которые подкинуты во 195 г. у собора Казанской Богородицы, у Ниволы Голстунскаго, въ Чудовѣ монастырѣ. 12) Розыскное дѣло ростовскаго у. вотчины изъ Бѣлаозера Кирилова мон. с. Юхнова крестьяня Кипришки Трофимова съ синоиъ Ивашкомъ въ непристойныхъ словахъ. 13) Розыскное дѣло садовника Савви въ воровскихъ затѣйныхъ непристойныхъ словахъ, да на него жъ въ стрѣльцкомъ приазѣ гость Володимеръ Воронинъ явилъ воровское письмо. 14) Дѣло Навлова, человѣка Загряскаго Пашки Матвѣева, въ непристойныхъ словахъ. 15) Дѣло помѣстнаго приказа подъячаго Андреевы жены Протопопова Дашки Григорьевой въ притворѣ на себя клятотной болѣзни и непристойныхъ словахъ. 16) Извѣтъ донской станицы поца Михайла Иванова о раскольникахъ, которые на Дону, про Еремю Хохлуна, Игнашку Бахдырева съ товарищи. 17) Розыскъ о тамбовскомъ подъячемъ Алешкѣ Ивановѣ въ непристойныхъ словахъ стрѣльцовъ Антошки Кирилова и Петрушки Сяга; у Петрушки вынаты воровскія волшебныя письма. 18) Извѣтъ портнаго Петрушки Аврамова: во 197 г. попъ Іосифъ служилъ вечерню въ Корняльевѣ монастырѣ; и тогда сталъ говорить на ективѣ о благодѣтельныхъ государѣхъ и царѣхъ; то игумень закричалъ на него, что онъ вретъ, какіе де благодѣтельные цари! и проч. (*Дѣло Шаковитаго № 5, свитки 289—307*).

¹⁰⁹⁾ Написаны съ городами 1) *по Звенигороду* — изъ стольниковъ кн. Фед. Андреевичъ Хилковъ, Дим. Ивановичъ Годуновъ, кн. Як. Никитичъ Урусовъ; 2) *по Кострому* — Богданъ Ивановичъ Чемодановъ; 3) *по Ярославлю* — изъ стряпчихъ Фед. Алексѣевичъ Волковъ; 4) *по Галичу* — изъ стольниковъ Вас. Смирновъ Свиньинъ, изъ стряпчихъ — Аброс. Игнатьевичъ Шемянниковъ; 5) *по Кашину* — изъ стольниковъ Мих. Степановичъ Свѣчинъ; 6) *по Клину* — изъ стольниковъ Мих. и Фед. Лукины Мартемьяны; 7) *по Тулу* — изъ стольниковъ Сава Давидовичъ Мясновъ, изъ стряпчихъ Сем. Гавриловичъ Мясновъ; 8) *по Коширѣ* — изъ стольниковъ кн. Ив. Федоровичъ Волконскій, Асаян. Михайловичъ Дмитріевъ, кн. Як. Юр. Волконскій, кн. Мих. Антоновичъ Волконскій, кн. Борисъ Степановичъ Засѣкинъ, Ив. Васил. Бѣгичевъ; изъ стряпчихъ: Ив. Степановичъ Колтовскій; 9) *по Алексину* — изъ стольниковъ: Ив. и другой Ив. Большой, Андреевъ и Меньшой Ив. Васильевичъ Клыковы; по Рязани, изъ стольниковъ: Ив. Михайловичъ Вердеревской, Мих. да Тим. Ивановы Чаплыгины, изъ стряпчихъ Ал. Васильевичъ Боркинъ; 10) *по Дихвину* — изъ стольниковъ: Ив. да Мих. Петровы Бунаковы, Ал. Ивановичъ Лодыженской; 11) *по Болхову* — изъ стольниковъ: кн. Гавр. Федоровичъ Хотетовскій; 12) *по Брянску* — изъ стольниковъ: Петръ да Вас. Петровы, да Степ. Никит. Зиновевы; 13) *по Вышнему Новгороду* — изъ стольниковъ: Петръ Васил. Бутурлинъ, Як. Степановичъ Пушкинъ, Ром. Александровичъ Траханиотъ, Дан. Ив. Колычовъ; 14) *по Смоленску* — изъ стольниковъ: Ст. Петровичъ Потемкинъ, Л. Яковлевичъ Кокоскинъ, Ст. Степановичъ Зубовъ, Ст. Кл. Зубовъ; 15) *по Дмитрову* — изъ стряпчихъ: Г. и П. Михайловы Шокуровы; 16) *по Перяславлю* — изъ стряпчихъ: Г. Ивановичъ Дивовъ, А. Антоновичъ Самсоновъ; 17) *по Нижнему* — изъ стряпчихъ: Ив. Ивановичъ Миротворцевъ; 18) *по Арзамасу* — изъ стольниковъ: Ф. Ст. Чириковъ, Я. Люб. Вырпаевъ, изъ стряпчихъ: М. С. Федоровъ, В. Ив. Чихачевъ (*И. С. Зап. II, № 1096*).

¹¹⁰⁾ Во 194 г. февр. 11 цари „указали за вину написать съ городомъ по Звенигороду Як. Ф. Долгорукаго и вотчины отписать на в. государей;“ Луку и Григорія Фед. Долгорукихъ написать по Рузѣ и помѣстья отобрать. Влад. Дмитр. Долгорукаго и сына его Юрія по Тарусѣ съ городомъ, помѣстья отобрать. *Магазинъ Туманскаго I, 331—357. Временникъ № 5.*

¹¹¹⁾ Въ показаніяхъ стрѣльцовъ мы находимъ, что Шаковитый говорилъ: „Семенова полку Калустина Кондрашкѣ Сафонову да Нилкѣ Артемеу, Дмитреву полку Жукова, Афонкѣ Ларіонову съ товарищи, чтобъ во 196 г. на Семень день в. г. благовѣр. царевну и в. кн. Софію Алекс. вѣнчать царскимъ вѣнцомъ. А какъ де московскіе стрѣльцкіе полки всѣ къ тому дѣйству будутъ въ Кремль, и въ то де бы число Кремль запереть и во всѣхъ воротѣхъ поставить стрѣльцовъ, чтобъ изъ Кремля бояръ и гостей никого не вы... написать челобитную, чтобъ премудрой царевнѣ вѣнчаться царскимъ вѣнцомъ.“ Федка говорилъ, что она того не вѣдаетъ, а вы поговорите стрѣльцамъ и напишите челобитную, а я доставлю; а челобитная де у него Федки отъ гостей и гостиной и суковной сотенъ и всѣхъ полковъ была... а подавать ее государямъ на Семень день, а рукъ у той челобитной и...“ (*Дѣло Шаковитаго № 3, свѣт. 652*).

¹¹²⁾ *О царевнѣ Софіи Алекс. выписано изъ статейныхъ книгъ пріѣздовъ греческихъ духовныхъ особъ.* 7200 (1891) ноября въ 15 день въ государевомъ посольскомъ приказѣ думному дьяку Емельяну Игнатьевичу Украинцову съ товарищи, Афонскіе горы Георгіевскаго Павловскаго монастыря архимандритъ Ісаія, которой (по граматѣ в. государей, писанной къ царскому величеству Римскому) освобожденъ изъ неволи, и въ Москву пріѣхалъ ноября 5

и сказалъ: „Какъ въ прошломъ де году 197 (1689) пріѣхалъ по жалованной в. государей грамотѣ изъ монастыря своего бити челомъ о милостивѣ, и тогда при отпускѣ его съ Москвы призвалъ его „князь Василей Голицынъ говорилъ ему, чтобъ онъ бывъ у святѣйшаго патріарха и взявъ благословеніе въ путь свой, пришелъ къ нему князь Василію, для нѣкотораго тайнаго дѣла, о которомъ прикажетъ онъ съ нимъ ко вселенскимъ патріархомъ, и по приказу де князь Васильеву, онъ архимандритъ у св. патріарха Іоакима былъ, потомъ патріарху, что кн. Василей ему говорилъ, извѣстивъ, и патріархъ де ему сказалъ: я де то дѣло знаю, о которомъ кн. Василей хочетъ съ нимъ приказать, и отъ всел. патріарховъ домогается, и говорилъ, чтобъ де святѣйшіе вселенскіе патріархи прислали благословенную грамоту такову, чтобы царевна Софія Алекс. могла носить царскую корону, и вкупѣ съ в. государи во всякомъ правилѣ ей поминаться, и то де ему святѣйшій патріархъ сказалъ, запретилъ судомъ Божиимъ съ клятвою, чтобъ онъ о томъ дѣлѣ не ходатайствовалъ, и въ то не вступался, и того дѣла не чинилъ, и тотъ архимандритъ на тотъ приказъ никакова отвѣту ему дать не могъ, только такъ сказалъ, буде то дѣло по его силѣ и по Бозѣ, долженъ потрудиться и послужить в. государямъ, а патріаршихъ словъ ему кн. Василью онъ не открылъ и поѣхалъ съ Москвы; а какъ пріѣхалъ въ Сѣвскъ, и ево де призывалъ къ себѣ Леонтей Нешюевъ, и разговаривая съ нимъ, о иныхъ дѣлѣхъ, велѣлъ притти поутру, и какъ онъ поутру пришелъ, и онъ де Леонтей ему архимандриту говорилъ, что приказала в. государыни царевна Софія Алекс. и князь Василей Голицынъ ему архимандриту чрезъ Леонтя сказать, чтобъ онъ грамоту исходатайствовалъ святѣйшихъ вселенскихъ патріарховъ, о ней царевнѣ, дабы она могла носить царскую корону, и въ правилахъ церковныхъ поминованіе имѣти вкупѣ съ в. государи, и потому сказавъ приказывалъ имянемъ и указомъ в. государей и в. государыни и приказомъ же князь Васильевымъ, чтобъ конечно то дѣло у святѣйшихъ патріарховъ онъ исправилъ. И онъ де архимандритъ, видя такое великое дѣло и немочь свою, и памятуя св. патріарха московскаго претительное слово, сказалъ ему Леонтью такъ, что по указу в. государей долженъ онъ тѣ слова святѣйшимъ вселенскимъ патріархомъ донести, а чтобъ то дѣло конечно учинить не емется, для того, что де святѣйшіе патріархи о томъ дѣлѣ много будутъ разсуждать и будутъ ли то чинить, или нѣтъ, того не вѣдаетъ, понеже знаетъ онъ архимандритъ, что св. патріархи дали власть патріарху московскому во всякихъ дѣлахъ церковныхъ и царскихъ, и имѣетъ онъ власть вязати и рѣшити, и достоинъ таковаго благословенія просити у него московскаго патріарха и не для чего о такихъ дѣлахъ въ турскія области посылати, котораго дѣла совершенство въ московскомъ государствѣ имѣете. И Леонтей де на то слово такъ ему сказалъ, что мы отъ сего нашего патріарха ни благословенія, ни клятвы не ищемъ (плюнь де на него!). И онъ архимандритъ такому безстрашію и безбожію удивился; и говорилъ ему Леонтей, что дастъ онъ ему человѣка, которой съ нимъ у св. патріарховъ будетъ говорить, и онъ де сказалъ, что человѣка о томъ напрасно трудить не надобно, и самъ онъ о томъ всел. патріархомъ доложить, и буде воля ихъ будетъ, и сами они сіе и безъ человѣка сдѣлаютъ, а то де онъ архимандритъ отговаривалъ, памятуя св. патріарха московскаго слова и разсужденіе; и въ совершенство того дѣла и человѣка съ собою брать для того не хотѣлъ, и тѣмъ отъ Леонтя отговорился. А то де ему св. московскій патріархъ тайно говорилъ и разсуждалъ, о томъ онъ патріархомъ вселенскимъ сказать было хотѣлъ, вѣдая его естли бъ патріархи услышали московскаго патріарха о томъ дѣлѣ неблаговоленіе и неблагословеніе, никонимъ бы образомъ того дѣла совер-

шенно учинити не похотѣли, и поговоря съ нимъ онъ Леонтей отпустилъ его въ дорогу, а челоуѣка никакова съ нимъ не послалъ.“ Сей архимандритъ былъ на Москвѣ съ сентября мѣсяца по февраль, откуда будучи отпущенъ на малороссійскіе города и проѣзжая Польшу и Венгрію, на самомъ порубежномъ городѣ Бряневѣ взятъ былъ подъ караулъ по нѣкоторымъ на него доносамъ; послѣ содержался въ тюрьмѣ годъ и 4 мѣсяца, наконецъ перевезенъ въ Вѣну, гдѣ подѣ строгимъ карауломъ до тѣхъ поръ находился, пока государи не упростили своєю грамотою цесаря Римскаго о освобожденіи его, и объ отпускѣ его пока въ Москву, куда съ гетманскимъ посланцемъ помянутый архимандритъ и прибылъ. (*Собр. Запис. Туманс. VI, 255—259*).

¹¹³⁾ Авг. 14 явился изъ бѣговъ полку Цыклера стрѣлецъ *Ст. Воротниковъ* и въ роспросѣ сказалъ: во 197 г. авг. противъ 11 посланъ былъ въ Троицкій монастырь, чтобъ того полку стрѣльцовъ *Ө. Морковку* и *Ив. Троицкаго* прислать къ Москвѣ, и на дорогѣ проѣхавъ с. Пушкино встрѣтился *Б. Улеовъ*; и говорилъ Цыклеру отпустить тѣхъ стрѣльцовъ, но онъ сказалъ, что до указа не велѣно. И поѣхалъ изъ монастыря къ Москвѣ и проѣхавъ Пушкино, встрѣтились *Ө. Өедоровъ*, *Ө. Кобылинъ*, *П. Семеновъ*—, „ѣдутъ въ коляскѣ“, а сказали въ Троицкой мон. Пріѣхавъ къ Москвѣ, побылъ въ дому небольшое время и поѣхалъ въ с. Измайлово, „для того, что ему приказаны лошади.“ На дорогѣ настигли его *Л. Елизарьевъ* и *М. Капрановъ* — „бѣжать скоро“, сказали, будто *Ө. Леонтьевичъ* „послать въ походъ на скоро, а для чего ему не сказали жъ.“ (*Какъ и прежде встрѣчше*).

Послѣ отъѣзда извѣтчиковъ, стрѣльцы долго медлили и не знали, на что рѣшиться: указы посланы *Шакловитому*, всѣмъ стрѣльцкимъ полковникамъ и въ полкъ солдатскій *Гордона* 14 августа, чтобъ явились къ 18 авг. „И августа по 25 число съ Москвы къ в. государю въ Троицкій *Сергіевъ* монастырь противъ грамотъ стольники и полковники и ихъ полковъ стрѣльцы нието не бѣжалъ.“ (*Дѣло Шакловитаго*).

¹¹⁴⁾ Въ 1699 г. стрѣлецъ *Петрушка Кривой* показывалъ: „послѣ 1682 г. я бывалъ въ домѣ у *Өедьки Шакловитаго*, и вмѣстѣ съ *Өедькою* у кн. *Ивана Васѣянова*, и *Өедька* съ кн. *Иваномъ* при мнѣ между собою говорили: ходитъ онъ (*государь*) на пожары не со многими людьми: „убить бы его стрѣльцамъ.“ (*Дѣло Шакловитаго*). Извѣтъ подобный былъ уже испытанъ, въ 1697 г. *Елизарьевымъ* въ отношеніи къ *Цыклеру*.

¹¹⁵⁾ Вотъ полный текстъ приговора государей о казни *Шакловитаго* и его сообщниковъ: „198 г. сентября въ 11 день в. государи цари... *Іоаннъ Алексѣевичъ*, *Петръ Алексѣевичъ* всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцы, слушавъ розыскаго дѣла и статейнаго списка въ своемъ государскомъ объѣздѣ, въ Троицкомъ *Сергіевѣ* монастырѣ, указали и боаре приговорили: ворами, измѣнникамъ и бунтовщикамъ *Өедькѣ Шакловитому* съ товарищи, за ихъ воровство и за воровскіе умыслы, учинить указъ по своему в. государей указу и по Уложению: вора и измѣнника и бунтовщика *Өедьку Шакловитова* казнить смертію за то, что онъ, забывъ страхъ Божій и ихъ государское крестное цѣлованіе, и умышлялъ его в. государя... *Петра Алексѣевича*... самодержца, и мать его государеву... царицу *Наталью Кириловну* убить, и говорилъ про него в. государя и про мать его, государеву царицу, многія непристойныя слова, вторыхъ не только говорить, но и мыслить недостойно; и приказывалъ товарищамъ своимъ такимъ же ворами *Оброськѣ Петрову* съ товарищи, въ селѣ *Преображенскомъ* нарочно замечъ, чтобъ въ то число ее в. государыню царицу убить, и приѣзжалъ для того нарочно къ нему в. государю въ походъ въ село

Преображенское и имать за собою изъ разныхъ полковъ московскихъ стрѣльцовъ, которые у него вора на такое злоумышленное дѣло были приготовлены, и ставилъ ихъ около государева двора въ лѣсу и въ бояракахъ вскрытъ, и за то давалъ имъ изъ ихъ государевы казны многія деньги, и по многія времена московскимъ стрѣльцамъ, которые у него жъ вора были на такое дѣло приготовлены, приказывалъ по почамъ быть въ Кремлѣ на площади, и въ иныхъ мѣстахъ съ саблями вскрытъ жъ по близку Краснаго жъ крыльца. И августа протѣвъ 8 числа на такое жъ злоумышленное дѣло тайно ночью стрѣльцовъ собиралъ, и велѣлъ имъ быть на Диковѣ дворѣ, и въ иныхъ мѣстахъ вскрытъ жъ, и слушать Снасскаго набату и самъ съ ними той ночи въ городѣ былъ же, и посмалъ по чему в. государя въ другомъ часу ночи къ Преображенскому селу провѣдывать и ожидать, съ тѣми Оброськиними на такое дѣло стрѣльцами отъ тѣхъ своихъ вольничивовъ, вѣдомости; также и на святѣйшаго патріарха и на бояръ и ближнихъ людей смертное убійство умышлялъ же, и говорилъ имъ стрѣльцамъ: „какъ де они ихъ бояръ и ближнихъ людей побьютъ, и что у кого въ домѣхъ ихъ кто возьметъ, и то все предъ нимъ и сына никакого не будетъ.“ И въ тѣхъ своихъ воровскихъ замыслѣхъ съ цытки онъ воръ винался. Потому и указали в. государя и бояре приговорили: его Фодьку казнить смертю: а товарищи Оброська Петровъ, Куземко Черной въ распросѣхъ и съ цытокъ въ томъ во всемъ явились жъ, что онъ Оброська съ нимъ Фодькою такое злое дѣло умышляли, и въ распросѣ и съ цытки онъ Оброська говорилъ: „что ему Оброськѣ въ селѣ Преображенскомъ велѣлъ зажечь онъ Фодька, и про убивство бояръ и ближнихъ людей онъ Фодька ихъ научалъ;“ и Куземка Черной въ томъ зломъ умыслѣ и въ непристойныхъ словахъ, что говорилъ онъ; „хотя де и всѣхъ уходишь, а корени не выведешь, надобно де убить в. государыню царю Наталью Кирилловну, да бояръ и ближнихъ людей,“—и за то ихъ многое воровство и за злое умыслы указали в. государя: ихъ воровъ Фодьку, Оброську и Куземку казнить смертю жъ. Да единомышленниковъ же, вора Фодьки Шаковитова товарищевъ—Сеньку Рязанова за то, что онъ своего полка послалъ съ капитаномъ съ Филипомъ Сапоговымъ 100 человекъ стрѣльцовъ съ ружьемъ и велѣлъ быть въ Кремлѣ на Житномъ дворѣ для злаго воровскаго умысла, а въ распросѣ онъ Сенька сперва въ томъ запырлася, а послѣ по уликамъ въ томъ вину свою в. государямъ принесть: „что ему тѣхъ стрѣльцовъ велѣлъ привести воръ и измѣнникъ Фодька Шаковитой, и на смуту своего полка стрѣльцамъ говорилъ многія непристойныя и къ возмущенію бунту—слова;“ да Ивашку Муромцова, Демку Лаврентьева за то, что онъ Ивашку Муромцовъ, по наговору Фодьки Шаковитова, говорилъ: „чтобъ въ народѣ учинить возмущеніе, святѣйшаго патріарха перемѣнить и во обновленіи Новаго лѣта бояръ побить,“ а Демку Лаврентьева за то, что онъ въ походѣ къ в. государю въ Троицкой Сергіевъ монастырь не воѣхалъ и ворами же Оброськѣ и Алешѣ Стрижову ѣхать не велѣлъ, и стрѣleckимъ бабамъ такія слова, чтобъ мужья ихъ изъ похода изъ Троицкаго Сергіева монастыря сбѣжали, говорилъ, и ихъ воровъ и измѣнниковъ за ихъ многое воровство, и за измѣну, и за многія слова къ возмущенію бунта, что они—Сенька, Ивашку Муромцовъ, и Демка, по наученію вора и измѣнника Ф. Шаковитова, говорили и свою братью возмущали, указали в. государя и бояре приговорили: ихъ воровъ казнить смертю жъ и положить ихъ на плаху, подаявъ сказать имъ ихъ в. государей указа, что они, в. государя пожаловали ихъ: смертю казнить не указали; а указали имъ учинить жестокое наказанье, бить внутромъ и урѣзать явчки и сослать ихъ въ ссылку въ сибирскіе города на вѣчное житье. Да воровъ же Мишку Четеху за то, что онъ, слыша

отъ Ѳ. Шапловитова многія непристойныя и къ смутѣ заводныя слова, и межъ своей братьи возмущалъ и имать у него Ѳедьки денги; а Мишку Евдокимова за то, что онъ для бунта стрѣльцовъ собиралъ, а Егорку Романова за то, что онъ говорилъ многія непристойныя и къ возмущенію бунта слова, и про убивство бояръ говорилъ же; а воровъ и единомышленниковъ, и къ воровству и къ бунту возмутителей, Ваську Тулу, Андреашку Сергѣева, Ивашку Галактионова, Мишку Шапошникова, Сеньку Михайлова, Петрушку Сажина, за ихъ многое воровство учинить имъ жестокое наказанье, бить кнутомъ нещадно и сослать въ ссылку въ сибирскіе города за то, что они отъ Алешки Стрижова слышали воровскія непристойныя и къ смутѣ затѣйныя слова, и про то не извѣстия, учинили понаровку съ подъячимъ Матюшкой Шошинимъ для возмущенія вѣдиди на Москвѣ по Земляному городу, по воротамъ стрѣльцовъ били; а воръ подъячій Матюшка назывался именемъ боярина Льва Кириловича Нарышкина для возмущенія бунта, и въ лѣсахъ, и въ рожахъ многихъ людей пыталъ и языки рѣзалъ, персты рубилъ, а у мовной лѣстницы окно ломалъ, и въ распросѣ во всемъ винился; да воровъ же, которые къ воровству приличились, Филатку Яковлева, Юрку Данилова лѣсника, Куземку Елисѣева, Ваську Стрижова, Ивашку Замошкова, Ивашку Якимова, Архипку Алексѣева, Авоньку Барабашникова, Нивитку Васильева, Исачку Григорьева, Сеньку Далматова, Ивашку Шестакова, Мишку Алексѣева, Алешку Михайлова, Максиму Сергѣева, за ихъ воровство и за непристойныя слова, и что они стояли за воровъ и измѣнниковъ за Алешку Стрижова съ товарищи, и у посельныхъ людей его Алешку отбили, и въ походъ къ в. государю въ Троицкой монастырь взять его не дали, и за то ихъ воровство сослать ихъ въ ссылку жъ въ сибирскіе города на вѣчное житье, а подполковнику Мишкѣ Шеншину за то, что онъ у посельныхъ стрѣльцовъ, которые посланы были изъ Троицкаго монастыря къ Москвѣ, съ ихъ в. государей указы, биялъ и государевы грамоты сильно отнималъ, учинить ему наказанье, вмѣсто кнута бить батоги и честь, стольничесто и подполковничество отнять. И сей в. государей указъ и боярской приговоръ по статейному списку закрѣпить думнымъ дьякамъ. Тотъ подлинный приговоръ подписали думные дьяки: Емельянъ Украинцовъ, Никита Зотовъ, Автамонъ Ивановъ, Гаврило Деревкинъ. *Собр. госуд. грам. IV, № 201, стр. 611—614. № 202, стр. 614—615. П. С. Зак. III, № 1349, 1350, 1371. А. Истор. V, № 189.*

¹¹⁶⁾ О преступленіяхъ и казни Медвѣдева, см. *Зап. Туманс. VI, 261.* Соборное опредѣленіе о разрѣшеніи отъ церковнаго отлученія Симеона Медвѣдева. *А. Ист. V, № 194.* До какой степени, враждебныя Медвѣдеву лица раздвигали его преступенія, можно читать въ ркн. Рум. Музея „Щитъ вѣры“ № 471. Тамъ повѣствуется о новомъ разстригѣ, сатаниномъ органѣ, о злословесіи его, о возмущеніи народа на мятежъ и на убійство патріарха, о вопрошеніи имъ чародѣевъ и т. п. На основаніи словъ св. Писанія, что въ послѣднее время явится драконъ съ 7 вѣнцами и будутъ живіи учителя, иже внесутъ ереси погибели, говорится: „Самъ сатана употребивъ органы Симеона Медвѣдева, прежде бывшаго монаха Сильвестра; нынѣ же монашества лишеннаго за зломѣвіе его, шевелы, возни сатанинскія, поколебанія, за мятежъ и востанія на святую Христову восточную церковь и на искренняя чада ея, якоже и самъ повѣда показався послѣдди сицеваго лъваго ученія, и прелестився отъ книгъ кievскихъ и отъ учителя своего въ вѣрѣ суца уніата Симеона Полочанина, показавшася образомъ благочестиваго, иже написа или готовая сатанинска языка преводе книги „Вѣнецъ вѣры,“ изъ тернія на Западѣ прозвѣсанаго сплетенъ съ живо-

апостольскимъ символомъ, „Объдъ“ тайно наполненъ душевныхъ бѣдъ, „Вечера“, „Псалтырь“ слогу Кохановскаго нѣкоего еретика суща, и слово особое въ видѣ „О стояніи благолѣпномъ въ церкви“, отъ нихъ же и устоглаголаніи его прелестивса Медвѣдѣвъ Симеонъ ученикъ его (съ нимъ во единомодовно живяше), латиниумудрствоваше въ славу и хвалу западныхъ церкве, написавъ и онъ книгу, назва ю „Манна;“ туюжде послѣжди самъ преименова: „Обмана.“ Истинно отравя наполненна душегубнаго яда (чаровница прелестница). „Еще же монаха нарицаемаго Долгова, иже послѣжди покаяснъ запрещеннаго дѣкона Афанасія свойственнаго сатанинскаго слугу и симъ послѣдователи явилса и утаенныя иже повсюду шевелы“ и навѣты на св. церковь разсѣяша. „Между сими и ино орудіе великаго онаго драконта и сатаны многокознственное и многообразное въ Кіевѣ явнса игумень Иннокентій, нарицаемый *Монастырскій*, егоже вѣмы, яко еврейска рода есть“... „И о сичевыхъ сущихъ Феодоръ, нарицаемый Щегловитый, навѣтникъ, и митежникъ сего всего благочестивѣйшаго царства, защищаше хотя всячески неблагодарный и навѣтникъ помрачати два великая свѣтила сего многозвѣднаго небесе—православнѣйшаго царства московскаго: духовную, глаголю, и царскую власть. На оboa вознавѣтовавъ, не вспоминая великаго къ себѣ царскаго благодѣяннн и милости, ими же взыде на сичевый высокій санъ окольничества, его же весьма не бѣ достоинъ, человекъ сый ничтоже, рода поселянска, еже бы аще въ соннн узрѣлъ, не повѣрили бы; наипаче же хѣсто благодаренія возгордѣвся паче жѣры возмнѣ предатель и навѣтникъ, развратити св. Христову церковь и благочестивѣйшее сіе царство, прославляя, величая и защищая единомысленики своя, понуждая сихъ къ совершнной погибели и истребленію духовныя власти и на митежъ и на кровопролитіе царства московскаго... Въ нынѣшня многостѣвованная достигшая концы вѣковъ и плача достойная времена въ царствующемъ великоградѣ Москвѣ, пресвѣтлосіающемъ нъ православіи восточнаго благочестія, коварствомъ левелосѣятеля врага діавола произниче тернъ латинскаго злочестія въ винницѣ Христовѣ великороссійскаго народа, нѣкто монашескимъ св. образомъ извнѣ одѣянный, внутрь же не токмо ничего монашескаго не имѣя, но лжемонахъ сый і еретическому латинскому отъ благочестія отступству послѣдова, именовъ Сильвестръ, прозвание Медвѣдѣвъ, иже мысляше неправду въ сердци, вся своя дни составляше брани и крамолы, изостраше языкъ свой яко зміинъ по псалмопѣвцу: подъ устнами же его ядъ аспидовъ, полнъ горести и лсти, злоковаренъ бо сый отъ юности возраста, и многословенъ и остроглаголивъ, (яко пишетъ св. Епифаній о Аріи еретицѣ): уста имѣя бездверна и гортанъ изрыгающъ ядъ душегубительный лжесловія, и языкъ не премолчно блядущъ, яко всему тѣлу его языку быти, яко повѣствуется о нѣкоей многоблядивой женѣ. *Сильвестръ*—имя латинска языка, еже токуется *лъсныя* или *дикыи*. Лѣпо убо сего Силвестра отъ имени и прозванія его: дивій или лѣшій медвѣдъ, рекше—*неистовный*.“ (*Далѣе сравнивается Медвѣдѣвъ съ юношей, въ которомъ сидѣлъ бѣсъ и всякъ переспоривалъ*)... „Къ сему еще лжемонахъ сей Силвестръ у іезуитскаго ученика Симеона нѣкоего, прозвальемъ Полоцкаго, униата суща римскаго костела и пріучиса мало нѣчто, токмо чести латинскія книги, и отъ такового чтенія и отъ наслы(шки?) устоглагольнаго онаго Симеона Полоцкаго и отъ явнхъ приходящихъ въ царствующій градъ Москву латинниковъ, весь онамо уклониса, отлучиса самоволнѣ безъ всякія вини отъ св.восточныя церкве со иными нѣкіими приставшими къ зломыслию его, сущими священнаго и монашескаго чина. И удалиса отъ архишастыря своего, крайнѣйшаго архіерея, главы всей св. праведнороссійскія церкве, кира Іоакима патріарха. Не восхотѣ бдѣ:

гословенія его и молитвы имѣти лишися, Составлялъ на него многіа крамолы злословія предъ многими, нарицалъ безчестными имени всѣхъ восточныхъ патріарховъ, говорилъ народу всякаго чина, „называя тѣя—*демонархи* и *магитетархи*... Папу же римскаго похваляше надъ вся и главу всѣхъ нарицаше быти“... Онъ Сильвестръ Медвѣдевъ, разврацая отцевъ словеса, написа книгу, полну всякаго злословія и лести и клеветы и назва ю *Манна*, юже послѣди самъ онъ переименовавъ, назва ю *обмана*, паче же отравя судца душегубительная ада смертнаго латинскія лести, прельщающая съ праваго пути души простыхъ человекъ; онъ хвалить западную церковь въ Маннѣ, а ругается надъ восточной о ученіи отцевъ, выражается какъ о преданіяхъ человеческихъ и иже многа, аже не гѣтъ есть нынѣ глаголати. Онъ хотѣлъ убить патріарха. „Имаше бо онъ, Сильвестръ, на таковое невинное кровопролитіе спосишника и помощника, друга своего, и сатанина единомышленника, къ царскому пресвѣтлому величеству измѣнника и клятвопреступника, Феодора Щегловитаго, иже бѣ родомъ изъ уѣзда г. Брянска, отъ села, глаголемаго *Новоселки*, отстояща отъ града Брянска 40 поприщъ. И той ничтожный первѣе получи малый чинъ водъличихъ, глаголемыхъ площадныхъ, потомъ бысть въ приказѣ тайныхъ дѣлъ въ томъ же чинѣ и имени, купно съ Сильвестромъ симъ Медвѣдевымъ, тогда мирскимъ еще сущимъ, Симіономъ зовемъ. Тѣй же по времени, чрезъ нѣкія ухищренія достиже въ чинъ царскаго сиглита, санъ околышчества, въ немъ же санъ ниже сонствія достоинъ бѣ видѣтися. И бысть надъ всѣмъ стрѣльцкимъ воинствомъ начальникъ и правитель. Второга имѣя Сильвестръ спосишника на содѣяніе зла онаго отъ полка стрѣльцаго, нѣкоего человека, злодѣя и пьяницу, и на всякое зло удубно охотника, Никиту именемъ, прозваніемъ Гладкаго. И инаго тому подобнаго, Алексѣя именемъ, прозваніемъ Стрижа, и царскихъ палатъ влирика, діакона Вѣлорусца Іакова, и уставщика Антона Муромца, и иже подобныя онымъ зломыслителе. И на самое пресвѣтлое царское величество, по десница божіа „обрати всякое злое вѣтіе на главы ихъ.“ „И аще не бы Господь сію его ересь и злословіе и лести и мятежъ сократилъ, не бы спаслася всяка плотъ православныхъ.“ Тогда Сильвестръ Медвѣдевъ, съ нѣкими единомысленниками своими, солгавъ церкви православнѣй въ вѣрѣ и царскому пресвѣтлому величеству измѣнивъ, яко прежній жемонахъ растрита, Гришка Отрепьевъ, побѣжа въ польское государство, хотя смущеніе воздвигнуть на православную вѣру. И ятъ бысть близъ уже границы польскія, и связанъ везать возвращенъ, и за свое отъ церкви православной отступство, и за всѣяніе ереси въ православній великороссійскій народъ, и за измѣну къ пресвѣтлому царскому величеству, и за умышеніе невиннаго величайшаго кровопролитія, уже умышлявше съ измѣнникомъ Ф. Щегловитымъ, древнимъ своимъ клеветомъ и единомышленникомъ, лишень св. образа и именованія властію, данною отъ св. Духа, и названъ бысть, яко и прежде монашества, Сенька Медвѣдевъ. Потомъ царскимъ судомъ изгнанъ по гражданскимъ законамъ огнемъ и бичьями до пролитія крови его, и данъ въ твердое хранило на соблюденіе съ его единомысленники до времени, еже пріяти достойную казнь за зломыслие свое, подобноу Феодору оному Щегловитому; той бо по изгнаніи гражданскомъ глава отсѣчена бысть въ гѣто 7198 ж. сент. въ 12 день. И тамо ему Сенькѣ Медвѣдеву пребывающу, и день отъ дня смертнаго скончанія главоотсѣченія ожидающу, св. и блаженнѣйшій архипастырь Христовъ словесныа паствы, миръ Іоаннѣ московскій и всея Россіи и всѣхъ сѣверныхъ странъ патріархъ, не помянувъ его Сеньки Медвѣдева всякіа злобы и злодѣянія, и злословія и досады, и укоризны и ленкорства, паче же противства къ себѣ и ко святѣй церкви, не хотя по-

гибнути ему душею во отступствѣ отъ св. восточныя церкви, и въ ереси латинскаго новозломудрованія, посла къ нему въ юзилице мужи нѣкія священныя, и философы, восточнаго благочестія учителя православныя, на обличеніе ереси его, юже онъ ввождаше и введе во множайшіе православно-россійскаго народа, и съ ними посла книги служебники, древнѣйшія св. мужей и чудотворцевъ россійскихъ, рукописныя...

„Посланіи же отъ св. патріарха, пришедше, много увѣщающе его, да отступить отъ своая ереси, и обратится къ св. матери своей восточнѣй церкви... Видѣвъ онъ Сенька Медвѣдевъ, покорился аще вседушно или притворно, совѣсти его вѣсть, и написа онъ своеручно о семъ исповѣданіе о преждебывшей своей прелести и соблазѣ покаяніе съ величайшими и страшнѣйшими на душу и тѣло свое проклятствы и анаѳематствы, яко показуетъ саморучное его писаніе, отрица и осуждая огнесожженіемъ вся своя преждебывшая злохульная писанія...

И прочеть онъ Сенька Медвѣдевъ то свое писаніе предъ образомъ пресв. Троицы, при свидѣтеляхъ честныхъ мужехъ, имъ же тамо бѣ св. Троицы Сергіева монастыря архимандритъ Викентій, ему же и вручи свое писаніе, еже послати къ св. патріарху. Архимандритъ Викентій, возьмъ у него Сеньки тое саморучное писаніе, абіе посла къ святѣйшему Іоакиму патріарху. Патріархъ возьмъ и прочеть тое, издаде на него синодальный предѣлъ, гдѣ и како пребывать ему въ епитиміи...

И сей Сенька паки по градскому закону огнемъ и бичьми и прочими испытаньи истязанъ, и объявился зломысливъ, съ волхвами и чародѣи содружествовавъ, и совопрошався гадательства о себѣ превеликія... И за многая бо злодѣйственная своя умышленія главоотсѣченъ бысть въ дѣто 7199 февр. въ 11 день.“ (См. также моск. Синод. библ. № 252. *Покаяніе и слово Іоакима на соборъ: тамъ же № 224. Москвит. 1843, № 9).*

¹¹⁷⁾ Въ 1689 окт. 5 сдѣланъ приговоръ: Стремашаго полку пятидесятника Никитку Гладкова, Сеньку Медвѣдева, что былъ старецъ Селиверство, за ихъ воровство и за измѣну, и за возмущеніе къ бунту, казнить смертью—отсѣчь головы: Никитку Гладкова за то, что онъ про царя Петра Алексѣевъ говорилъ многія непристойныя слова, которыхъ не токмо говорить, но и мыслить недостоинно, и что онъ же говорилъ про Іоакима патріарха, и о святой церкви, къ смятенію. что есть у нихъ новые учителя, и чтобъ его убить, и вошедъ въ палаты его, на него закричать и у ризничаго у Акиваія взять денегъ 200 руб., и что онъ же съ Ѳедькою Шаковитымъ и съ Оброською Петровымъ съ товарищи, умышляли бояръ и ближнихъ людей многихъ побить, и дома ихъ и торговыхъ людей лавки грабить и сносить въ чуланъ и дѣлать; и августа противъ 8 числа на такое зломышленное дѣло, тайно ночью, стрѣльцовъ съ ружьемъ въ городъ собиравъ и самъ съ ними былъ, и языкъ къ набату привязавъ, и набату слушать приказывавъ, а инымъ велѣлъ ѣхать по заставамъ для провѣдыванья вѣстей и къ возмущенію же къ бунту говорилъ похвальныя воровскія слова, что его братья стрѣльцы царя и Петра Алексѣевича спальника съ лошади стадили и били оборвавъ, повели въ верхъ; Сеньку Медвѣдева за то, что воръ и измѣнникъ Ѳедька Шаковитой приѣзживавъ къ нему въ Спаской монастырь многажды, и говорилъ съ нимъ тайно, и умышлялъ про государыню Наталью Кириловну, чтобъ ея не было, и чтобъ царевну Софію Алексѣевну короновать царскимъ вѣнцомъ, а святѣйшій патріархъ и за неволю станеть короновать, и что къ нему Сенькѣ прикаживали воры жъ и измѣнники единомышленники Ѳедки жъ Шаковитаго: Оброська Петровъ, Никитка Гладкой, Алешка Стрижевъ съ товарищи, по многія жъ времена, о злыхъ своихъ умыслѣхъ, и

о возмущеніи ночнаго бунта, и о побіеніи бояръ и ближнихъ людей, по росписи его побить, что было у Фёдки Шакловитова ему Сенькѣ сказывали; а онъ слышавъ такіа слова и злой умыслъ; государемъ не извѣщалъ, да и самъ онъ говорилъ про Петра Алексѣевича: „хотя де его государя сторона и повезеть, и много де будетъ дней на десять, а то де опять будетъ сильна рука царевны Софіи Алексѣевны, и что онъ же Сенька про патріарха говорилъ непристойныя слова и стрѣльцамъ для караула отъ него патріарха, у себя, которые присланы къ нему повелѣніемъ Фёдки Шакловитова, быть велѣлъ, и чтобъ его патріарху не отдать, и что онъ же Сенька, вѣдая свое воровство, съ Москвы бѣжалъ, а съ собою взялъ воровъ же и измѣнниковъ, Алешку Стрижева, Алешку Гладкова, и что онъ же измѣннику и вору Фёдѣ Шакловитому о воровскихъ его замыслахъ вѣсть чинилъ и говорилъ, что в. государя рука высока и надобно перетерпѣть, и деньги стрѣльцомъ, по приказу его Фёдкину, какъ онъ Фёдка ѣздилъ къ гетману, давалъ. А бывшаго истошника Стеньку Евдокимова сослать въ ссылку съ женами и дѣтьми на вѣчное житье въ сибирскіе города за то, что онъ воровъ и измѣнниковъ Оброську Петрова съ товарищи въ верхъ привывалъ и августа противъ 8 числа въ ночи у Казанскаго Богородицы стрѣльцамъ, какъ они были въ сборѣ для бунта, деньги съ истошникомъ съ Оською Осимовымъ давалъ, и что онъ Стенька у Мовной лѣсницы указывалъ окно, какъ то окно Фёдки Шакловитой, невѣдомо для какова воровскаго умысла, приказалъ Оброськѣ Петрову съ товарищи выломать, и что онъ де Стенька Евдокимовъ, къ единомышленнику Фёдки Шакловитова, къ Сенькѣ Медвѣдеву, для провѣдыванья вѣстей, хаживалъ и Медвѣдевъ съ нимъ Стенькою къ Фёдѣ привывалъ, что де нымъ высока рука в. государя и надобно де перетерпѣть. А смя его Стенькина Фёдку за то, что онъ авг. противъ 8 числа съ Фёдкою Шакловитымъ ночевалъ на грановитой палатѣ, и къ Никольскимъ воротамъ ходилъ и стрѣльцомъ говорилъ: кого стануть имать изъ походу, и тѣхъ бы людей Фёдка Шакловитой велѣлъ водить вверхъ, мимо дневальнаго полковника, къ себѣ въ Золотую палату; а дѣтей же его Стенькиныхъ, Якушку и Ивашку, за его Стенькино воровство; псаломщика Антошку Муромцова за то, что онъ воровъ и измѣнниковъ, Алешку Стрижева, Андрюшку Кондратьева, для ухоронки заиралъ вверху въ церкви Распятія Господня, и изъ той церкви выпустилъ, пѣвчаго Лаврюшку да брата его Андрюшку Бурмистровыхъ за то, что они отъ Сеньки Медвѣдева къ Фёдѣ Шакловитому хаживали съ иисъмами, и вѣдая то его Сенькино воровство, съ Москвы съ нимъ бѣжали; а старца Арсеня и Мишку Гульскаго за то, что они съ нимъ же Сенькою съ Москвы побѣжали, Житваго двора подьячаго Аганка Петрова за то, что онъ августа противъ 8 числа, какъ были въ сборѣ стрѣльцы съ Фёдкою Шакловитымъ, ночевалъ на Грановитой палатѣ и съ Сенькою Надѣйнымъ хотѣли его Фёдку изъ за караула увезть, и въ томъ онъ Агашъ съ нимъ Сенькою цѣловали крестъ; дякона Якова, что онъ побѣжалъ въ Черкасскіе города и червечское платье на себя надевалъ, и сказывался иноческимъ чиномъ. И написать тѣхъ смысляхъ людей въ сибирскихъ городѣхъ въ службу, въ какую пригодятся, а старца Арсенія отдать на Верхотурье въ монастырь, а Агашку Петрова въ Каргополѣ держать за сторожею, а дякона Якова на Вологдѣ въ Каменномъ монастырѣ подѣ началомъ. И по тому указу и по боярскому приговору сосланы. (II. С. 3. III, № 1352, стр. 40—42).

¹¹⁰⁾ По Уложенью велѣно 1689 г. нояб. 13 казнить смертію—отсѣчь голомъ: подьячихъ приказу большой казны, Матюшку Шошина за то, что онъ съ Фёдкою Шакловитымъ о возмущеніи къ бунту говаривалъ, и ѣздилъ по Земля-

тому городу къ Стретенскимъ и Мясницкимъ воротамъ съ капитанами и со стрѣльцами, а для возмущенія бунта, стрѣльцовъ обухами и плетями били, и назывался онъ Матюшка именемъ Льва Кирилловича Нарышкина, и стрѣльцомъ говорилъ, чтобъ бить ихъ стрѣльцовъ гораздо и не то де имъ будетъ, заплачу де имъ смерть братьевъ своихъ, увидите де вы всё, что вамъ будетъ; да онъ же Матюшка, слыша отъ Оедьки Шахловитова къ возмущенію многія слова, а отомъ государемъ не извѣщаль; Сеньку Надѣина за то, что онъ съ письма руки вора измѣнника Оедьки Шахловитова о возмущеніи въ народѣ къ бунту съ бывшими подъячими Житного двора, съ Агапкою Петровымъ, приказъ большія казни съ Кирюшкою Борисовымъ, писали сказку и росписи, и написавъ, отнесли же нему Оедькѣ, и что онъ Сенька съ Агапкою Петровымъ, да приказу большія казни съ бывшимъ подъячимъ съ Ивашкою Сергѣевымъ, Оедьку Шахловитоваго, какъ онъ сидѣтъ за карауломъ, хотѣли увести и бѣжать съ Москвы и въ томъ съ Агапкою Петровымъ вѣршишь, цѣловали крестъ и лошадей къ дворцовой лѣстницы приводили и ждали его Оедьку ночью многое время, и на загородномъ своемъ дворѣ онъ Сенька коляску, на чемъ было бѣжать ему Оедькѣ, изготавилъ, и о томъ ему Оедькѣ, что лошади и коляски готовы, вѣдомость чинили, — учинить жестокое наказанье, бить на возлѣ кнутомъ нещадно, и сослать съ женами и съ дѣтьми въ Сибирь въ дальніе города на вѣчное житье, Кирюшку Борисова за то, что онъ съ Сенькою Надѣинымъ тоещъ сказку цисма руки Оедьки Шахловитоваго о возмущеніи къ бунту писалъ; Оську Осипова, бывшаго комватнаго истопника за то, что онъ вѣдая про воровъ и измѣнниковъ, про стрѣльцовъ про Алешку Стрижева и про Андрюшку Кондрагеева, гдѣ они были ухоронены и пить имъ подавалъ, а государямъ про нихъ не извѣстилъ; а сказавъ ему Оськѣ о наказаніи ихъ государей указъ, поднявъ на возелъ, наказанье чинить не велѣлъ и слявъ съ возла сказать ему, что государи его Оську пожаловали, кнутомъ бить не указали, а вмѣсто кнута учинить ему наказанье, бить батоги нещадно и по прежнему указу сослать въ ссылку съ женою и дѣтьми. И ноября въ 18 день 1688 г., государи пожаловали Матюшку Шошина, Сеньку Надѣина, смертью ихъ казнить не велѣли, а велѣли имъ учинить наказанье, бить на возлѣ кнутомъ нещадно и сослать въ ссылку въ сибирскіе города съ женами и съ дѣтьми на вѣчное житье, а Кирюшкѣ Борисову и Оськѣ Осипову учиня наказанье, бивъ Кирюшку кнутомъ, а Оську вмѣсто кнута батоги, сослать въ ссылку съ женами и съ дѣтьми — Кирюшку въ Каргополь, Оську на Чарюнду на вѣчное житье. И по тому указу учиня имъ наказанье въ тѣ вышеписанныя мѣста сосланы. (II. Собр. 3. III, № 1359, стр. 47—48).

¹¹⁹⁾ Въ 1689 г. сент. 9 Голицынъ сосланъ былъ въ Каргополь, а 1692 г. марта 5 переведенъ въ Пустозерскій острогъ. Проживъ около 80 лѣтъ, умеръ 1713 г. на Пинегскомъ Волоку, и оттуда перевезенъ и похороненъ въ Красногорскомъ монастырѣ архангельской губерніи на берегу р. Пинеги въ 16 верстахъ отъ Холмогоръ. (Ист. Рос. Іер. 801—2). О лишеніи чести, боярства и имѣній Голицына и Неплюева сент. 19 въ 1689 г. См. II. С. Зак. III, № 1348. Выписка изъ этого дѣла 1716 г. апр. 9 находится въ Собр. Зап. Туманскаго VI, 259—261. Указъ царей объ исключеніи имени Софіи изъ царскаго титула въ государственныхъ дѣлахъ. Собр. Грам. IV, № 200; II. С. Зак. III, № 1347.

¹²⁰⁾ Въ статьѣ о дворцовыхъ расходахъ 1707 г. записано: для варуала въ Новодѣвичъ монастырь подполковнику и капитану на 182 рубли 16 алт. 3 ден.; солдатамъ 100 человекамъ на 518 р. 30 алт. Въ отчетахъ расходовъ на 1700 годъ къ именѣ Сусаннѣ въ Новодѣвичъ монастырь означено: меду,

пива, браги, квасу, уксусу, лимоновъ, яблокъ, патоки, рыбы, икры, съ хлѣбнаго двора пироговъ, масла и прочихъ запасовъ, шло въ годъ на 5144 р. 15 алт. пол - 4 деньги. (*Рос. Магазины Туманскаго, изд. 1792 г., I, 223—9500*).

¹²¹⁾ *Письмо Мазены, вскорѣ послѣ избранія его въ гетманы, къ В. В. Голицыну:* „Посылаю вашей княжой вельможности, милостивому благодѣтелю моему, въ червопныхъ золотыхъ 5800 руб., въ копейкахъ 3000 руб., а въ талерахъ битыхъ 1200 руб., всего 10,000 р. Якое мое привошеніе изволь, ваша княжая вельможность, приняти милостиво и ховати меня въ милостивой отческой и благодѣтельской своей ласкѣ и заступленіи.“ А я обещаюсь быть работникомъ вашей свѣтлости до конца дней (*Исторія Устрялова I, прилож. № VII, стр. 356*).

¹²²⁾ *Февр. 24* въ Преображенскомъ Елизарьевѣ въ извѣтѣ сказалъ: въ 1697 г. дек. 2 былъ онъ въ домѣ Цыклера, и онъ спрашивалъ Ларіона: „Смирно ли у нихъ въ полкахъ?“ И онъ сказалъ — смирно, а кто затѣетъ, и тому на свою голову. Ивашка говорилъ: „внѣ де государь идетъ за море, и какъ де надъ нимъ что сдѣлается, какъ быть, кто у насъ государь будетъ?“ Ларіонъ говорилъ: „дай де Богъ ему, в. государю, здравствовать, а буде какова воля божія надъ нимъ, государемъ, учинится, у насъ есть государь царевичъ. Ивашка сказалъ: „въ то де время, кого Богъ изберетъ, а тѣится де государыня царевна, что въ Дѣвичѣ монастырѣ.“ Ивашка сознался, что говорилъ: государя можно изрѣзать ножей въ пять... Ивашка былъ у Алешки Соковнина для лошадиной покупки, и Алешка говорилъ: „Шениъ де у насъ безроденъ, одинъ у него спятъ, и человекъ онъ доброй.“ Ивашка добавилъ: счастье де Борису Петр. Шереметьеву, и стрѣльцы его любятъ. Алешка совѣтывалъ говорить Ивашкѣ съ стрѣльцами — на пожарѣ царя убить, „и они стрѣльцы къ тебѣ Ивашкѣ добры, и послушаютъ.“ И онъ говорилъ стрѣльцамъ Силину, Филипову, Никитѣ Корсакову. *Ивашко* Алешкѣ звалъ: „Видишь, у стрѣльцовъ малолюдство, чаю де они опасаются потѣпныхъ.“ *Алешка:* чаю де у стрѣльцовъ разсуждено о царевнѣ, для того они чинить не хотятъ. *Ивашко:* „депнешъ де ты на стрѣльцовъ, а самъ того дѣлать не хочешь, чтобъ впредь роду его Алешкину въ поронѣ не быть.“ *Алешка:* „въ поронѣ намъ быть никому не хочется, а стрѣльцамъ де можно сдѣлать, даромъ они пропадають же.“ *Алешка:* князь Петръ Голицынъ „человѣкъ прыткой и шипкой, мы де чаимъ отъ него что все учинится надъ государемъ.“ И онъ князь Петръ сказалъ съ пытки, что Алешка у него въ дому не бывалъ и съ нимъ о томъ немышливалъ и не говаривалъ. А Ивашка научалъ убить государя за то, что называлъ его бунтовщикомъ и собесѣдникомъ Ин. Милославскаго. (*Зап. Туманс. V, 289—298*).

¹²³⁾ 1697 г. марта 4. Ив. Цыклеръ съ пытокъ повинился, что говорилъ стрѣльцамъ, изрѣзать на пожарѣ, или на Москвѣ. Про Алешку Соковнина говорилъ, что онъ его Ивашку спрашивалъ: „каково у стрѣльцовъ? И онъ Ивашка ему сказалъ, что у нихъ не слыхатъ ничего; а къ тѣмъ словамъ Алешка говорилъ: гдѣ они б... ны дѣти, передѣвались? знать де спятъ, вѣдь де они пропали жъ, мочно де его убить, что ѣздитъ государь одинъ, и на пожарѣ бываетъ малолюдствомъ и около посольскаго двора ѣздитъ государь одинъ, и на пожарѣ бываетъ малолюдствомъ и около посольскаго двора ѣздитъ одиночествомъ.“ И въ два пріѣзда опять говорилъ про убивство стрѣльцовъ: „вѣдь де они даромъ погибають, и впредь погибнутъ же.“ Ивашко спросилъ Алешку: „если то учинится, кому быть на царствѣ?“ Онъ сказалъ: „Царство де безъ того не будетъ, чаю де возмутъ они по прежнему царевну, а царевна возьметъ царевича, а какъ она

войдетъ, возьметъ князь В. Голицина, а кн. Василии по прежнему станеть орать.“ Ивашка сказалъ: „въ нихъ де стрѣльцахъ онъ того не чаеть, что возмутъ царевну.“ Алешка молвилъ: „Если то учинится надъ государемъ, мы де и тебя Ивашка на царство выберемъ,“ и потому научалъ стрѣльцовъ къ убійству. Цыклеръ говорилъ: „научалъ де (стрѣльцовъ) государя убить за то, что его Ивашка онъ государь называлъ бунтовщикомъ и собесѣдникомъ Ив. Милославскаго, и его нивогда въ дому не посѣтилъ.“ Еще говорилъ: „Когда онъ будетъ на Дону у городского дѣла Таганрогу, и онъ оставя тое службу, съ Донскими козаками хотѣлъ идти къ Москвѣ для московскаго разоренія и чинить тожь, что и Стенька Разинъ.“ Алешка Соковнинъ у пытки говорилъ на зятя своего Оедьку Пушкина, что онъ сказалъ: „Погубилъ де государь насъ всѣхъ, мочно де его убить, да и для того, что и на отца его государевъ гнѣвъ.“ Оедька Пушкинъ винился сказалъ, „что государь погубилъ ихъ всѣхъ, и за то его и за гнѣвъ государевъ къ отцу его, что за море ихъ посылаетъ, чтобъ его государя убить...“ Наванунъ рождества былъ онъ у Алешки Соковнина, и онъ Алешка говорилъ: „хочетъ де государь на святкахъ отца его Оедькина убить и ругать до смерти, а домъ вашъ разорить.“ Оедька сказалъ: „Если такъ надъ отцомъ учинится, и онъ Оедька его в. государя, съѣхався убьетъ.“ И говорилъ дома стрѣльцу Васекѣ Филипову про убійство государя: „какъ бы ему гдѣ нибудь съ государемъ съѣхаться, и онъ бы съ нимъ не разѣхался, хотя бы ожилъ, или пропалъ.“ А стрѣльцы Васька Филиповъ и Оедька Рожинъ, и Петрушка Лукьяновъ, донской козакъ, не только не извѣстили государя про убивство; а и сами говорили межъ себя о бунтѣ и къ московскому разоренью: „а какъ бы къ тому ихъ воровству и иной кто присталъ, инъ было бъ такой бунтъ и моск. государству разореніе чинить, козанамъ было Москву разорять съ конца, а имъ стрѣльцамъ съ другаго конца.“ Съ пытокъ и съ огня во всемъ винились. Всѣ казнены смертію. (*И. С. Зак. III, № 1575*).

Оеодози пишетъ: „Заключеніе предательскаго ихъ заговора состояло въ томъ, чтобы царя Петра убить, а вину убійства возложить на иностранцевъ, войскъ за то съ женами и дѣтьми смерти предавъ, истребить въ Россіи... Сей заговоръ нигдѣ исполниться 22 янв. 1697 г.“ Но Богъ „обратилъ оный смертоносный заговоръ на самыхъ того заводчиковъ. Нѣкоторые сказываютъ, якобы два стрѣленцкіе капитана, коимъ Цыклеръ надежно поручилъ такое дѣло, обличены будучи въ совѣсти пролить неповинную кровь законнаго своего государя, пошли тогожь самаго вечера, и падеъ къ ногамъ Е. Ц. В. объявили все то, что противъ дражайшія его жизни заговорено. (*Johann Perry, staat v. n Russland. Th. 1, v. 242. Рабенеръ въ житіи Петра I-го и великаго царя Рос. с. 37. Лакомбе въ Истор. о штатскихъ прѣмьненіяхъ Рос. Госуд. с. 115*). Другіе говорятъ (*Ал. Гордонъ въ Ист. Петра В. цесаря Рос. с. 119*), якобы самая жена Пушкина, пошедъ тогожь вечера къ государю, кой тогда у своего любимца Лефорта случился, открыла ему такой заговоръ.“ (*Оеодози I, 192—193*).

¹²¹⁾ Цыклеръ между прочимъ показалъ: „передъ крымскимъ первымъ походомъ, царевна его призывала и говаривала по часту, чтобы онъ съ Оедькою Шакловитымъ надъ государемъ учинилъ убійство. Да и въ Хорошевѣ, въ нижнихъ хоромахъ, призвавъ его къ хоромамъ, царевна въ окно говорила ему про тожь, чтобъ съ Шакловитымъ надъ государемъ убійство учинилъ, а онъ въ томъ ей отказалъ, что того дѣлать не будетъ, и говорилъ ей царевнѣ: если государя не будетъ, и за тобою ходить някто не станеть, можно тебѣ его государя любить; и царевна ему скзала: я бы его любила, да мать не допустить; и онъ

Иванъ ей говорилъ: мать рада, хотя бы и татаринъ его государя любилъ. И за то она на его гнѣбалась: знать ты передался на другую сторону. И въ то время у ней въ хоремахъ была книгиня Анна Лобанова. И за то его Ивана царевна послала въ крымскій походъ; а какъ онъ изъ крымскаго похода пришелъ, и она ему о томъ же говорила и сулила Дмитровскую деревню Ивана Милославскаго, Кузнецово, которая была за Мелетійскимъ (грузинскимъ) царевичемъ, и онъ ей также отказалъ и за то она его и въ другой крымскій походъ послала; а пришелъ изъ крымскаго похода о томъ она ему не говорила. А Иванъ Милославскій къ нему Ивану былъ добръ и женатъ онъ былъ у него Ивана.“ (*Ист. Рос. Соловьева XIV, 248—49.*)

¹²⁵⁾ О причинахъ движенія на Москву стрѣльцы высказали въ слѣдующей челобитной, не оконченной впрочемъ: „Бьютъ челомъ многоскорбные и великими слезами московскіе стрѣлцкіе полки: служили они, и прежде ихъ прародители и дѣды и отцы, великимъ государямъ во всякой обыкновенной христіанской вѣрѣ и общались до кончины жизни ихъ благочестіе хранить, якоже содержатъ св. апостольская церковь. И въ 190 г. стремленіе безчестива, радѣя о благочестіи, удержали, и по в. государей указу въ премѣненіи того времени, ихъ изгнѣнниками и бунтовщиками звать не велѣно, и по обѣщанію, какъ цѣловали крестъ, о благочестіи непремѣнно служить. И въ 203 г. сказано имъ служить въ городахъ погодно; а въ томъ же году, будучи подъ Азовомъ, умышленіемъ еретика иноземца Франца Лефорта, чтобы благочестію великое препятіе учинить, чинъ ихъ московскихъ стрѣльцовъ подвелъ онъ Францо, подъ стѣну безвременно, и ставя въ самыхъ нужныхъ въ крови мѣстахъ побито ихъ множество; его жъ умышленіемъ дѣлая подвохъ подъ ихъ шапцы, и тѣмъ же подвохомъ онъ ихъ же побилъ человекъ съ 300 и больше; его жъ умысломъ на приступѣ подъ Азовомъ посулено по 10 руб. рядовому, а кто послужитъ, тому повышение чести; и на томъ приступѣ, съ которую сторону они были, побито множество лучшихъ; а что они радѣя ему, в. государю и всему христіанству, Азовъ говорили взять приваломъ, и то онъ оставилъ, онъ же не хотя наслѣдія христіанскаго видѣть, самыхъ послѣднихъ изъ нихъ удержалъ подъ Азовомъ октября до 3 числа; а изъ Черкаскаго 14 числа пошелъ стѣною, и чтобы ихъ до конца всѣхъ погубить, и идучи ѣли мертвечину и множество ихъ пропало. И въ 206 г. Азовъ приваломъ взяли и оставили городъ стронъ, и работали дено и ношно во весь годъ пресовершенною трудностью. И изъ Азова сказано имъ идти къ Москвѣ, и мо вѣстия были они въ Змиевѣ, въ Изюмѣ, въ Царевѣ Борисовѣ, на Моекѣ, въ самой послѣдней скудости; и изъ тѣхъ мѣстъ велѣно имъ идти въ полкъ къ боярину и воеводѣ, къ князю М. Г. Ромодановскому въ Пустую Ржеву на зимовье, не займѣя Москвы: и они радѣя ему, в. государю, въ тотъ полкъ шли дено и ношно, въ самую послѣднюю нужду осеннимъ путемъ и пришли чуть живы; и будучи на польскомъ рубежѣ, въ зимнее время, въ лѣсу, въ самыхъ нужныхъ мѣстахъ, мразомъ и всякими нуждами утѣшенны служили, надѣясь на его в. государя милость. И по указу велѣно всѣ полки новгородскаго разряду распустить, а бояринъ и воевода Ромодановскій, выведши ихъ изъ Торопца по полкамъ, велѣлъ рубить, а за что—не вѣдаютъ. Они же слыша, что въ Москвѣ чинится великое страхованіе и отъ того городъ затворяютъ рано, а отворяютъ часу въ другомъ дня или въ третьемъ, и всему народу чинится наглость; имъ слышно же, что ѣдутъ къ Москвѣ вѣдцы, и то знатно послѣдую бродобритію и табаку, вовсе совершенное благочестія испроверженіе“... (*Ист. Рос. Соловьева XIV, 272—274.*)

¹²⁶⁾ *Списокъ о измѣнникахъ казенныхъ стрѣльцахъ 1797 г. сент. 30.*

Стрѣльцовъ 4 полка, „съ полковыми пушками и съ ружьемъ, изъ Тороуца шли къ Москвѣ, по письму изъ Дѣвичья монастыря отъ царевны Софіи Ал., которое письмо къ нимъ принесъ въ полки Чюбарова полку стрѣлецъ Васька Тума.“ Да Чюбарова полку стрѣльцы стали солдатъ потѣшныхъ оговаривать, будто они про то вѣдаютъ; всѣ 73 человекъ, сидѣвшіе у Спаса на Новомъ, заговорились послѣ причастія, „готовясь по злымъ дѣламъ своимъ ко смерти.“ И они сказали: „мы де одни пропадемъ, а потѣшныя де останутся въ радости, пусть же они, враги наши, пропадутъ, лучше де намъ не однимъ умереть.“ Стрѣльцы по письму отъ Софіи, пришедъ въ Москву, хотѣли подѣ Дѣвичинъ монастыремъ стоять на полѣ, „и подавать челобитную царевнѣ Софіи Ал. и звать ее, чтобы она шла изъ того монастыря къ Москвѣ и по прежнему вступила въ правительство,“ а караульныхъ солдатъ у монастыря порубить, возмутить чернь въ Москвѣ, будто царя за моремъ не стало и учинить бунтъ, „бойръ побить, а нѣмецкую слободу Бѣлаго города, а другіе концы тѣхъ бревенъ выпущены были за городъ, и на тѣхъ концахъ вѣшаны стрѣльцы, а иные вѣшаны на дѣвичьемъ полѣ передъ монастыремъ и въ руки воткнуты ихъ челобитныя, а въ тѣхъ челобитныхъ написаны противъ ихъ повинки. Также у ихъ стрѣлецкихъ сѣзжихъ избъ они стрѣльцы вѣшаны человекъ по двадцати, по сороку и по больше; а пущіе изъ нихъ воры и заводчики: у нихъ за ихъ воровство ломаны руки и ноги колесами. И тѣ колеса воткнуты были на Красной площади на колья, и тѣ стрѣльцы за свое воровство ломаны, живые были положены на тѣ колеса, и живы были на тѣхъ колесахъ не много не сутки, и на тѣхъ колесахъ стонали и охали. И по указу в. государей одинъ изъ нихъ застрѣленъ изъ фузез; а застрѣлилъ его преображенскій сержантъ Алекс. Меньшиковъ. А поны, которые съ тѣми стрѣльцами были у нихъ въ полкахъ, одинъ передъ тѣмъ избою повѣшенъ а другому отсѣчена голова и воткнута на колья, а тѣло его положено было на колесо также, что и стрѣльцы.

¹²⁷⁾ „И по розыску тѣ стрѣльцы казнены разными казнями. И по всѣмъ дорогамъ тѣхъ стрѣльцовъ тѣла кладены на колеса были по 10 человекъ, а сквозь колеса въ ступицы проткнуты въ колья ихъ стрѣлецкіе головы. А иные повѣшены были по всему Земляному городу, у всѣхъ воротъ; по обѣмъ жъ сторонамъ сквозь зубцовъ городскихъ стѣнъ просунуты были бревна и концы тѣхъ бревенъ загвозжены были изнутри Бѣлаго города, а другіе концы тѣхъ бревенъ выпущены были за городъ, и на тѣхъ концахъ вѣшаны стрѣльцы, а иные вѣшаны на дѣвичьемъ полѣ передъ монастыремъ и въ руки воткнуты ихъ челобитныя, а въ тѣхъ челобитныхъ написаны противъ ихъ повинки. Также у ихъ стрѣлецкихъ сѣзжихъ избъ они стрѣльцы вѣшаны человекъ по двадцати, по сороку и по больше; а пущіе изъ нихъ воры и заводчики: у нихъ за ихъ воровство ломаны руки и ноги колесами. И тѣ колеса воткнуты были на Красной площади на колья, и тѣ стрѣльцы за свое воровство ломаны, живые были положены на тѣ колеса, и живы были на тѣхъ колесахъ не много не сутки, и на тѣхъ колесахъ стонали и охали. И по указу в. государей одинъ изъ нихъ застрѣленъ изъ фузез; а застрѣлилъ его преображенскій сержантъ Алекс. Меньшиковъ. А поны, которые съ тѣми стрѣльцами были у нихъ въ полкахъ, одинъ передъ тѣмъ избою повѣшенъ а другому отсѣчена голова и воткнута на колья, а тѣло его положено было на колесо также, что и стрѣльцы.

А въ Преображенскомъ у того розыска были и тѣхъ стрѣльцовъ казнили бояре и всѣ палатные люди сами топорами и палашами. А женъ ихъ стрѣлецкихъ всѣхъ распускали, кто куда хочеть, только бъ онѣ на Москвѣ не были. И тѣхъ стрѣльчихъ брали къ себѣ по деревнямъ всякихъ чиновъ люди. А которые стрѣльцы были на службѣ, по разнымъ городамъ, и къ нимъ сосланы жены ихъ съ дѣтьми на вѣчное житье. А дворовое ихъ строенье продавали всякихъ чиновъ людямъ. А тѣ ихъ стрѣлецкіе мѣста дворовыя, раздаваны всякихъ же чиновъ людямъ. Да по оговору жъ и по распису пытанъ верховые пѣвчіе, которые были вверху у царевны въ разныхъ комнатахъ. И послѣ пытокъ тѣ пѣвчіе розданы разнымъ чиновъ людямъ съ росписками. Да въ тожъ время въ Преображенскомъ пытанъ полуполковникъ Василій Ильинъ сынъ Колпаковъ трижды, въ томъ же розыскномъ дѣлѣ, и освобожденъ. (*Зап. Желябужскаго 58—59*).

П Р И Л О Ж Е Н І Е.

ВЫДЕРЖКИ ИЗЪ РОЗЫСКНАГО ДѢЛА

• Ф. Л. Шахловитенъ 1688—1689 года.

(Изъ рукописи, которая хранится въ С.-Пб. Археографич. Коммиссiи, заключаетъ въ себѣ болѣе 4,000 столбцовъ или листовъ съ актами и состоитъ изъ 10 свитковъ)..

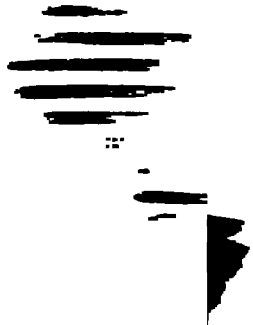
СВИТОКЪ № 2-Й.

Столбцы 1—2. *Показаніе татарина Кармашки Кутлубѣева 1691 г.*
„Кеманъ де мурза приѣхалъ къ нему, князь Василью, въ обозъ въ другой рядъ самъ семъ; а для чего де приѣзжалъ, про то онъ не вѣдаетъ, для того что онъ былъ далеко. А иныхъ де татарскихъ писемъ, онъ къ князь Василью Голицыну не привозилъ. А что—де въ писмахъ татарскихъ, которые ему Кармашку чтены, писано, и тѣ де слова они межъ себя и сверхъ тѣхъ писемъ, какъ съѣзжались и Сулешевъ приѣзжалъ, говорили. А опричь де тѣхъ словъ, что у него сказано выше сего, ничего онъ Кармашку не вѣдаетъ. А какъ де мурза Сулешевъ приѣзжалъ къ князь Василью въ обозъ, и князь Василей де отъ Перекопа съ обозомъ поворотилъ назадъ, и тому де многіе люди дивились, для чего къ нему мурза приѣзжалъ, и для чего онъ, князь Василей, не чиня надъ Перекопью промыслу, поворотились назадъ. А письмо де, которое казалъ ему на копѣй Бигилдей, а тотъ де татаринъ съ тѣмъ писмомъ уѣхалъ въ Перекопъ тогожь часа,—и то письмо отъ великихъ ли государей и что въ томъ писмѣ писано, про то онъ не вѣдаетъ....

3. А генваря въ 30 день Ивашку Тивбаеву съ татаринномъ Кармашкомъ въ писмахъ, про которые въ роспросѣ сказалъ онъ Ивашка, что онъ Кармашка съ нимъ Ивановъ отъ Крымскихъ Татаръ взяли письмо и привезли въ обозъ къ князь В. Голицыну, и то письмо чолъ передъ нимъ, вн. Васильемъ, посольскаго приѣзду перевотчинъ Сулейманъ.... а то де письмо бросилъ къ нимъ тотъ же татаринъ Бигилдѣй.

4—8 (Матюшка Шошинъ въ атласномъ кафтанѣ возилъ письма).

....9—10. А марта въ 7 день донскихъ козаковъ войсковаго атамана Фрола Минаева да казака Мигуля Ив. въ сказкѣ написано: на Дону де у нихъ Асташка Глестинъ да Обрашка Гусенько, да Изотка Тимофѣевъ въ козакахъ были. И въ 197 г. тѣ козаки заворовавъ, проигрався на зерна, измѣнили и побѣжали въ Озовъ, и увели у него Фрола козаковъ лошадей съ 40, и нынѣ де они обусурманились, живутъ въ Озовѣ. А Осташ-

и дворъ его знаетъ. И онъ де Василей говорилъ ему, выславъ людей, которые передъ нимъ 2 человекъ стояли: скажи де ты кн. Борису Алекс., что ему кн. Василью вѣло стало скорбно, что де его хотятъ казнить, и пожитковъ отбылъ, и чтобъ де онъ его, кн. Василья, поберегъ до году, а в. государю Петру Ал. только годъ жить. А почему де онъ знаетъ, того онъ чернецъ, не вѣдаетъ. И онъ де ему сказалъ, что онъ на Москвѣ будетъ, и кн. Борису Ал. тотъ его приказъ скажетъ; и онъ де далъ ему денегъ 40 ал. въ милостыню, и общалъ ему: какъ де я буду на Москвѣ во времени, и я де тебя построю въ келари въ Троицкій монастырь, и отпустилъ его и приказалъ, чтобъ онъ того опречь кн. Бориса Ал. никому не сказывалъ. И онъ де пришедъ къ Москвѣ сталъ въ Новой слободѣ за Тверскими вороты, за землянымъ городомъ тое слободы у теглена у Ив. Григорьева. И генв. де въ 7 числѣ въ часъ ночи пришелъ онъ на дворъ къ боярину ко кн. Б. Ал. Голицыну; и человекъ де его, кн. Бориса Ал., вышедъ къ нему, сказался конюшей, и спросилъ его старца: откуда де ты? И онъ де ему сказалъ, что онъ отъ кн. Василя, и чтобъ онъ объ немъ сказалъ кн. Борису Ал. И тотъ де человекъ привелъ его въ полаты передъ кн. Борисомъ Ал.; и онъ де чернецъ говорилъ ему кн. Васильевы слова, что ему приказывалъ къ нему, кн. Борисъ Ал., чтобъ онъ его кн. Василья поберегъ; а онъ де имъ пригодится: в. государю Петру Ал. только жить годъ. И онъ де кн. Борисъ Ал. спросилъ его: почему де ты то знаешь? И онъ де ему сказалъ, что онъ пришелъ съ тѣмъ отъ князь Василя.

Да у негожъ старца взята трава въ сумужкѣ да 3 писма, да на постояломъ его дворѣ мѣшокъ посконной съ рухледивскою его; а въ томъ жѣши въ дву узолкахъ завязано: въ одномъ 2 куска хлѣба, въ другомъ—песокъ. А по осмотру — одно писмо челобитная черная, а 2 писма писаны въ Григорью Ѳедорову сыну, да къ Ив. Данилову сыну; и про тѣ писма, и про траву и про узолки онъ старецъ сказалъ: челобитная де писана въ чернѣ о церковной потребѣ; а дали де ему тое челобитную Важскаго монастыря строитель; а писма де писаны къ гостямъ къ Григорью Шустову да къ Ив. Панкратьеву о дачѣ на церковное строенье въ Николаевскую Бабаевскую пустыню; а траву де онъ пьетъ отъ грижи, а песокъ де онъ взялъ въ Ярославлѣ въ Спасскомъ мон. отъ гроба чудотворца Трифона для исцѣленія скорбей. А въ другомъ узолкѣ 2 части артуса; а взялъ тѣ части въ Соловецкомъ монастырѣ и возилъ съ собою для причастія, гдѣ случится въ пути смертной часъ; и ему де тѣ части отецъ его духовной того Соловецкаго мон. черной пощъ Иона велѣлъ принимать въ причастіе.

20. А и вышеписанной травы въ бумажкѣ осматривали аптекарскаго приказу аптекари—Крестьянъ Крестьяновъ да Ив. Яковлевъ; а по осмотру сказали, что они тое травы не знаютъ для того, что та трава истерта.“

На негожъ князь Василя и на сына его Алексѣя въ роспросѣ вора и измѣнника Федки Шапковитова и единомышленниковъ его, которые по розыскному дѣлу явились написано:

21. Какъ были полскіе послы въ то время, какъ учинился вѣчной миръ, и в. государыня царевна приказывала ему Федкѣ, что имя еѣ, в. государыни, писать обще съ в. государи, и онъ Федка послѣ того еѣ приказу мешкалъ дни съ три. И изъ посолскаго приказу прислана въ разрядъ память; а въ той памяти написано имя еѣ в. государыни обще съ в. государи; а съ той памяти стали въ города посылать грамоты; и онъ

съ того числа приказалъ площаднымъ подъачимъ въ челобитныхъ и въ приказѣ, еѣ в. г-ню писать же. И какъ послѣ того в. государыня благо-
вѣрная царица была у болшихъ царевенъ, и изволила говорить: „для че-
го учела она, в. государыня, съ в. государи обще писаться? и у насъ де
люди есть, и того дѣла не покинуть.“ Отъ того и почало быть опасеніе.
И изъ походу Троицкаго монастыря писалъ къ нему Федкѣ кн. В. Голи-
цынъ, что Гаврило Ив. Головкинъ привелъ въ верхъ дву человекъ, не-
вѣдомо какихъ людей; а в. государь Петръ Ал. въ то время былъ на
Москвѣ. А вѣдомо де ей в. государынѣ въ Троицкомъ монастырѣ учини-
лось, что тѣ люди говорятъ, чтобъ быть ему в. государю одному, и чтобъ
ему Федкѣ о томъ провѣдать; и оттого она в. государыня была опасна жъ.
А въ которые времена стрѣльцы для такогужъ опасенія были въ сборѣ
въ городѣ, а не для бунтовъ, а про тѣ сборы и про нынѣшней послѣдней
сборъ авг. противъ 8 числа кн. В. Голицынъ вѣдалъ же. А про в. го-
сударя Петра Ал. у него Федки и у кн. В. Голицына умыслу не бывало.
А невѣдомо де чрезъ какіе слова въ верху носилось, что онъ в. государь
недолговѣченъ. А про в. государыню, благовѣрную царицу Наталью Ки-
риловну, начались слова чтобъ еѣ убить съ Куземкиныхъ словъ Чермова,
и чрезъ разговоры они говаривали, чтобъ еѣ убить, и чтобъ въ Преобра-
женскомъ закечь, толко на мѣрѣ не стало. А кн. В. Голицынъ о томъ вѣ-
далъ и говорилъ: для чего де еѣ, в. государыню, и въ 90 году не убили?
Если бы въ то время уходили, ничегабы не было. А чтобъ в. государынѣ
вѣнчаться царскимъ вѣнцомъ, тому дѣлу начатовъ учинился не отъ него
Федки, и не отъ князь В. Голицына, а чаать, что отъ иноземцовъ, а по-
длинно не вѣдаетъ. И ему де Федкѣ о томъ в. государыня говорила,
чтобъ поговорить съ стрѣльцами и онъ съ стрѣльцами говорилъ; и на то
дѣло многіе стрѣльцы и поступили было; толко кн. В. Голицынъ не
вѣдалъ и былъ на службѣ, и чрезъ почту къ нему послано письмо,
и онъ писалъ, что тому дѣлу удивляется и наслу пришелъ въ память,
что то дѣло необычайное. А постельницы Сенюкова и Нелидова къ в. г.
царевнѣ прихаживали по часту и слова принашивали. А совершенно тѣ
сборы были для опасенія, а не для бунта. А въ Коломенской и въ нынѣш-
ней (?) сборы стрѣльцовъ собирать приговаривалъ кн. В. Голицынъ и чтобъ
изъ Троицкаго монастыря изъ походу стрѣльцовъ человекъ десятокъ дру-
гой подговорить, и то приговаривалъ онъ, кн. Василей для того, чтобъ на
то смотря нима бѣжали. А какъ—де они стрѣльцы побѣгутъ, чаать де
и в. государь будетъ къ Москвѣ, и на Москвѣ де сойдутся и межъ со-
бою изволятъ переговорить.

23. На негожъ князь Василья въ роспросѣ Антошка Муромцовъ
сказалъ: бывший де истопникъ Стенка Евдокимовъ стрѣльцовъ Андрюшку
Ковдратьева, Алешку Стрижова, Оброску Петрова съ товарищи взводилъ
въ верхъ на площадку къ Воскресенію къ комнатѣ в. государыни царе-
вны и в. княжны Софія Ал. А бывало де ихъ стрѣльцовъ человекъ по
10 и болши. А при ней де в. государынѣ въ то время бывалъ кн. В. Го-
лицынъ. *(Евдокимовъ подтвердилъ на очной ставкѣ),*

24. (Оброська Петровъ показалъ, что Шавловитый его посылалъ
къ Голицыну, чтобы онъ прѣхалъ къ Казанской Богородицы, гдѣ была
у всеобщей Софія авг. 8; но ему сказали, что Голицынъ *невозмоетъ*; Федь-
ка ѣздилъ самъ къ нему за часъ до свѣта и пробылъ полчаса).

25. (Указъ — допросить Голицыныхъ).

26. И потому великихъ государей указу, они князь Василей и князь Алексѣй роспрашиваны; а въ роспросѣ противъ тѣхъ статей сказали:

1. Какъ де съ полскимъ королемъ учинился вѣчной миръ и отъ великіе де государыни, благовѣрныя царевны, указу ему князь Василю, чтобъ писать еѣ, великую государыню обще, не было. А будетъ де какіе памяти въ приказѣ посланы, и тѣмъ памятамъ въ посолскомъ приказѣ есть отпущки или нѣтъ, того де сказать не упомнить. А въ Кіевъ де великихъ государей грамота послана, чтобъ печатать въ книгахъ имя еѣ великіе государыни обще по ихъ, великихъ государей, указу; а площаднымъ подячимъ писать онъ не приказывалъ, потому что они въ посолскомъ приказѣ не вѣдомы. А будетъ де какіе ихъ, великихъ государей, указы и есть, и то де онъ дѣлалъ по ихъ, великихъ государей, указу, общему, а не собою.

2. Изъ походу де изъ Троицкаго монастыря, въ прошлыхъ годѣхъ къ Федкѣ Шаковитому, что вѣдомо великой государынѣ, благовѣрной царевнѣ учинилось, что Гаврило Ивановичъ Головкинъ привелъ въ верхъ дву человекъ невѣдомо какихъ людей; а тѣ де люди говорятъ, чтобъ бытъ одному великому государю, онъ, князь Василей, не писалъ, и того дѣла не слышалъ.

3. Въ которые времена стрѣльцы, такжѣ и августа противъ 8 числа 198 году были въ сборѣ про то де онъ не вѣдалъ, и августа де противъ 8 числа ночевалъ дома; а слышалъ де, что великая государыня, благовѣрная царевна тое ночи изволила ходить молиться у Казанской Богородицы.

4. Про великаго государя и великаго князя Петра Алексѣевича, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца въ верху черезъ какіе слова носилось, что онъ, великій государь, не долговѣченъ, никола не слыгалъ.

5. Про великую государыню, благовѣрную царицу и великую княгиню Наталію Кирилловну, какъ умышлялъ Федка Шаковитой и чрезъ многіе разговоры говаривалъ съ Куземкою Чернымъ, чтобъ имъ, великую государыню, убить, съ Федкою Шаковитымъ разговоровъ у него не бывало, и Куземки не знаетъ.

Столб. 38. 6. Да Федка Шаковитой умышлялъ—въ Преображенскомъ зачечь, и въ тобъ время великую государыню, благовѣрную царицу и великую княгиню Наталію Кирилловну убить, съ нимъ не говаривалъ, и про то де онъ ничего не вѣдаетъ.

7. Про нее жѣ, великую государыню, для чего де еѣ въ девяностомъ году не убили, и естлибъ де въ то время еѣ уходили, ничего бѣ не было; и онъ де такихъ словъ Федкѣ не говаривалъ же.

8. Какъ де великая государыня, благовѣрная царевна и великая княжна Софія Алексѣевна приказывала Федкѣ Шаковитому, чтобъ еѣ вѣнчатыя царскимъ вѣнцомъ, и что онъ тому дѣлу удивляется, и насилу въ память пришелъ, что то дѣло необычайное; къ нему де о томъ онъ, чрезъ почту Федка не писывалъ; а будетъ есть его, князь Васильево, къ нему Федкѣ, какое письмо, чтобъ великіе государи указали ему то письмо показать какъ въ немъ писано.

9. Въ Коломенскомъ, и августа противъ 8 числа стрѣльцовъ собирать онъ, князь Василей, Федкѣ Шаковитому не приказывалъ, и великихъ государей и великіе государыни указа ему о стрѣльцахъ не бывало.

10. И нынѣшняго де Троицкаго походу, чтобъ стрѣльцовъ человекъкъ десятокъ другой подговорить, и чтобъ, на то смотри, нине бѣжали, — а какъ де стрѣльцы побѣгутъ, чаятъ де и великій государь будетъ къ Москвѣ; а о томъ де онъ Федкѣ не говариваль, и Федкѣ не приказываль.

Столб. 30. *На князь Алексѣя Голицына:* стрѣлецъ Оброська Петровъ сказалъ: какъ де в. государыня Софія Ал. изволила быть въ Дѣвничѣ монастырѣ, и въ 4 часу ночи изволила его Оброску съ товарищи призывать и сама имъ жаловалась на в. государыню Наталью Кириловну: и такъ де бѣда была, да Богъ сохранилъ, а нынѣ де опять бѣду зачинають; — и говорила: „годны ль де мы вамъ? и буде годны, и вы за насъ постоите, а буде негодны, и мы де оставимъ государство.“ И они де ей в. государыниѣ сказали: „повелѣніе твое исполнять готовы, и что велишь дѣлать, то и станемъ.“ И она де в. государыня изволила имъ говорить: „и вы де ждите повѣстки.“ А въ то де время при ней, в. государыниѣ, были кн. Алексѣй Голицынъ да Федка Шакловитой, и тѣ слова они слышали. А въ роспросѣ онъ кн. Алексѣй сказалъ: въ Дѣвничѣ монастырѣ за в. государеню Софьею Ал., онъ кн. Алексѣй былъ и стрѣльцы де тутъ были жъ и в. государыня, что съ ними изволила говорить, того де онъ не вѣдаетъ, потому что изволила его послать по стуль, на чемъ ей государыниѣ сидѣть; а какъ стуль принесъ, изволила немного посидѣть и итти, а словъ де никакихъ не слыхаль.

31. Да ноября въ 5 день 198 г. вѣдомо в. государемъ учинилось, что къ нему кн. Василью, какъ онъ посланъ въ ссылку ѣздилъ на Вологду столбникъ кн. Михайло Кропоткинъ безъ ихъ в. государей указу, и отвозилъ къ нему золотые и писма. И въ роспросѣ онъ кн. Михайло сказалъ, что онъ къ нему, кн. Василью, ѣздилъ и писмо и золотые отъ в. государыни Софіи Ал. отвезъ, да и словесной де приказъ отъ нее къ нему съ нимъ, кн. Михайломъ, былъ. И доѣхаль до его, кн. Василей онъ, кн. Михайло на Вологдѣ, и тѣ золотые и писма ему отдалъ на монастырскомъ Соловецкомъ подворьѣ и отъ него, кн. Василья писма къ ней, в. государыниѣ и в. княжнѣ были жъ; а что де въ тѣхъ писмахъ отъ нее къ нему, кн. Василью, также и отъ него — къ ней было написано, и сколько счотомъ золотыхъ, того онъ не вѣдаетъ, для того что были запечатаны. И тѣ де его писма онъ, кн. Михайло сжегъ въ то число, какъ присланъ былъ по него капитанъ.

32—50—52. (*Слѣдуетъ 55 писемъ Голицына къ Шакловитому. Въ ркн. л. 476 на посл. стр. и 479—80; напечатаны въ I т. Ист. Рос. Устрѣловъ, прилож. № VII, стр. 346—356*).

54. *Продолженіе дѣла о извѣстїи старца Іосифа. На л. 481. въ концѣ столбца 61 написано:* „И онъ де кн. Борисъ Ал. спросилъ его: умѣешь ли ты латини, и не ты ли подмѣтываль подмѣтные писма? И онъ де ему сказалъ, что по латини не умѣеть и писемъ не подмѣтываль и не вѣдаетъ; а русской — де грамотъ онъ не умѣеть же.“

63. (*Дѣло объ—Іосифѣ Іонѣ подробенъ*).

64. 199 г. генв. противъ 27 въ приказѣ розыск. дѣль Тихону Никит. Стрѣшневу подполковникъ Федоръ Айгустовъ сказалъ: стоимъ де онъ на караулѣ и часа за полтора до свѣта говоритъ ему чернецъ, чтобъ видѣть боярина Стрѣшнева, „а есть де за нимъ государево дѣло.“ а блиа тутъ подъячїе и караульные стрѣльцы, которые сказали, чтобъ видѣть ему Стрѣшнева.

65. „И тогожь числа передъ бояриномъ передъ Т. Никитичемъ чернецъ Иосифъ сказалъ: что де онъ въ прежнемъ своемъ извѣтѣ сказалъ на князя Василья Голицына, что бутто онъ чернецъ, у него въ Еренску былъ и слова, которые бутто съ нимъ онъ, кн. Василей къ боярину ко кн. Борису Ал. приказывалъ чтобъ его кн. Василья побережъ, и про в. государя Петра Ал., что ему жить только годъ, — и то де все онъ чернецъ, на него кн. Василья затѣвалъ и сказалъ напрасно; а у него де, кн. Василья, онъ не былъ и словъ никакихъ онъ, Василей съ нимъ старпомъ, къ князю Борису и ни къ кому не приказывалъ, и его — де князь Василья онъ не видалъ.“

(И иже. 29 просилъ старецъ видѣть Петра Ал. что передъ ними онъ скажетъ всю правду; а Т. Н. Стрѣшневъ сказалъ, что онъ все донесетъ в. государямъ, если чернецъ ему скажетъ).

67. „И старецъ сказалъ: былъ де онъ, старецъ, у г. Архангельскаго во 199 г. послѣ Покрова, а къ городу де шелъ онъ изъ Крестнаго монастыря, а у города де шедъ съ гостина двора, стоялъ на мосту у решетки; и пришедъ де къ нему, старцу, невѣдомо какой человекъ, а говорилъ съ нимъ порусски; а по рѣчи де знатно, что онъ иноземецъ. А сказывалъ ему, чтобъ онъ шелъ къ Москвѣ и извѣстилъ бы в. государемъ отъ кн. В. Голицына: на Москвѣ великая смута будетъ и въ хоромехъ де государевыхъ учинится пожаръ; и будетъ де отъ того пожару в. государя Петра Богъ сохранить, и онъ де будетъ жить многіе лѣта. А въ Еренскѣ де былъ онъ мимоходомъ на часъ; а кн. де Голицына онъ не видалъ и на дворѣ у него не былъ. А на улицѣ де невѣдомо какой человекъ лѣтъ въ 20 или болше, борода сѣчена, въ суконномъ синемъ или въ зеленомъ кафтанѣ, сказанъ кн. Васильевъ человекъ Голицына, Ивашкою зовутъ, говорилъ ему, чтобъ онъ на Москвѣ сходилъ къ Борису Голицыну.... А что говорилъ, что былъ у кн. Василья и съ нимъ говорилъ, и то де онъ старецъ на него сказалъ для того, что онъ кн. Василей смысалъ его въ силу дважды за то, что у него дѣло было въ помѣстномъ приказѣ, какъ онъ старецъ былъ въ Дорофѣевѣ пустынѣ.“ *(Феер. 3 розстриа Иваши-ла „съ застымо у пытки съ пристрастіемъ росприцаванъ.“)* Въ разпробѣ показавъ прежнія рѣчи; а онъ сдѣлалъ другое показаніе потому, что приходили къ нему два человека въ тафяхъ и угроживали ему пытками.“ Видно кн. Борисъ Голицынъ, а другой съ нимъ щедровить, а на караулѣ былъ подполковникъ Айгустовъ, который показавъ, что Борисъ Голицынъ приходилъ съ Фед. Юрьев. Ромодановскимъ, „а такихъ де словъ ему не говорилъ.“

71—85. Февр. 7 велѣно допросить Голицыныхъ объ извѣтѣ Иосифа о приѣздѣ Кропоткина и что писано скрытымъ писмомъ, азбуку взять про Кармашку распросить „Да и князь Алексѣя Голицына указали в. государи распросить же: въ грамотѣ своей писалъ онъ къ отцу своему, кн. Василью, въ Крымской походъ, что—де „вѣтры у насъ тихи, дай Богъ впередъ такъ.“ И онъ, кн. Алексѣй въ той грамотѣ своей о какихъ вѣдѣхъ писалъ, и что тѣмъ вѣтрамъ тишина и кто ему такимъ скрытымъ писмомъ писать приказывалъ?

98. Полковникъ Андрей Нармацкой 198 г. сказалъ: „Авг. де въ 8 онъ 198 г. стоялъ онъ на Москѣ на стѣнномъ караулѣ въ Верху съ пол... тогожь де числа кн. В. Голицынъ за часъ до вечера шелъ къ нему Андрею записать указъ въ книгу, чтобъ запи-

рать ворота въ Кремлѣ, въ Китаѣ и въ Бѣломъ городѣ, какъ пробѣть часть ночи; а отпирать за часъ до свѣта. А знатныхъ людей велѣть пропускать по прежнему.“ (*Распростить Голицына*).

103. Въ грамоткахъ Голицына къ Шаковитому написано: „поносные слова на в. господина св. Іоакима патріарха московскаго и на бояръ и на ближнихъ людей; а иные многіе строки и слова приписывалъ невѣдомо какимъ писмомъ своею жъ рукою; а перевести и прочесть того писма никто не умѣеть.“

121. „Да окт. въ 11 числѣ прошлаго 198 г. въ посольскомъ приказѣ явился выходець изъ полуны изъ Озова, донской козакъ Осташка Даниловъ сынъ Глистянъ, и въ посольскомъ приказѣ въ роспросѣ сказалъ: Азовской де бѣи послалъ его, Осташку, съ Татари въ Крымъ для роспросу вѣстей про московскихъ ратныхъ людей. И какъ де онъ былъ въ Перекопи, и ему де Осташкѣ сказывали измѣнники донскіе козаки — Обращка Гусенко да Изотка Тимофѣевъ, что прислано отъ салтана турскаго къ хану крымскому въ Перекопъ, передъ приходомъ подъ Перекопъ царскаго величества ратныхъ людей незадолго, князь В. Голицынъ двѣ большіе куфи золотыхъ червонныхъ для того, чтобъ онъ, не чиня разоренья Крыму, возвратился съ полки назадъ. И ханъ де велѣлъ у 15 бочекъ величиною вѣдръ по 10, снявъ обручи и вынявъ дна, средину наливъ смолоу, и насыпавъ на другіе дна сверху по немногу золотыхъ червонныхъ, вдѣлывали дна по прежнему. И по пересылкамъ де отъ хана для тѣхъ золотыхъ ввечеру поздно, ѣздилъ къ хану Венедихтъ Змеевъ; и взявъ тѣ золоты, той же ночи онъ кн. Василей съ полки поворотилъ назадъ и щиты, которые изготовлены были къ приступу, велѣлъ пожечь. Да онъ же Осташка сказалъ: какъ де его изъ подъ Перекопа привезли въ Озовъ къ бѣю по прежнему назадъ, и при немъ де Озовской бей собрался въ Крымъ, и передъ походомъ своимъ за день на дворѣ своемъ въ чюланѣ съ тремя человекъ агами изготовили 3 бочки же такимъ же подобіемъ, 3 бочки жъ съ смолоу жъ и съ золотыми, величиною ведръ по 5, такимъ же подобіемъ, слово въ слово, какъ и ханъ сдѣлалъ; и говорили они бей и аги межъ себя, что они тѣми бочонками окупать головы свои, а гдѣ — де окупать подъ Крымомъ ли или гдѣ индѣ, о томъ они межъ себя не говаривали. А какъ де тѣ золотые въ бочки съ смолоу за дѣлывали, и онъ де Осташка съ иными невольники малоросійскихъ городовъ съ жители, самъ — четверть, то все видѣли сами; и на другой — де день бей съ войскомъ пошолъ въ Крымъ и тѣ бочки взялъ съ собою; и при немъ Осташкѣ въ Озовъ не бывалъ, и кому де тѣ бочки съ золотыми и съ смолоу отдалъ, того онъ не вѣдаетъ.“

124. *Въ извѣстїи капитана стрѣльщика Сапогова написано:* Во 197 г. „изъ подъ Перекопи кн. В. Голицынъ съ товарищи поворотилъ невѣдомо для чего, а подъ Перекопью де промыслъ чинить ему было мочно; и нужды никакой ратнымъ людямъ съ 1-го дни не было. А послалъ кн. Василей отъ себя изъ полку астраханскаго татарина Кармашка да съ нимъ человекъ своего Ивашка Тинбаева для переговоровъ подъ Перекопью (125). А послѣ де того ѣздилъ околичней Венедихтъ Андреев. Змеевъ да столбники кн. Яковъ да кн. Борисъ князь Федоровы дѣти Долгоруки, и переговаривали съ Крымцы тайно, а что — того никто не вѣдаетъ, и оставили де въ аманатахъ Илью Змеева. А отъ Перекопи приѣхалъ ночью Кеманъ мурза Сулешевъ, и поутру де часу въ другомъ дни они кн. Василей съ товарищи отъ Перекопи отступили и отошедъ версты съ 4, прислалъ Кеманъ Суле-

шевь, гдѣ они, кн. Василей, остановятся, и онъ де сказалъ: станеть де онъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ кормъ будетъ. А послѣ де того Крымцы выходили и разныхъ людей рубили, а славу кн. Василіи такую учинилъ, будто съ Крымцы мирно и договоръ, (126). А какъ де идучи отъ рѣчки Мерла, послалъ онъ къ Москвѣ стрѣльцовъ изъ всѣхъ полковъ, которые были въ большомъ полку, и велѣлъ де имъ сказать, будто онъ отъ Перекопи отступилъ для того, что де 12 дней воды не было; а подъ Перекопью де онъ стоялъ только одну ночь, и водяной нужды никакой не было.“

А человекъ Голицына Ив. Тинбаевъ сказалъ: Во 194 г. подъ Перекопомъ стояли сутки, и его съ Кармашкомъ послалъ Голицынъ да съ переводчиками Петромъ Татариновымъ и толмачомъ Подухтомъ Кучумовымъ; а для чего послалъ, того онъ не сказалъ. И отбѣжали де они отъ табору съ полверсты, и въ томъ де мѣстѣ на бугру стоитъ столникъ кн. Борисъ Долгорукой съ ротою; и увидя его Ивашка призвалъ къ себѣ и говорилъ: „мочно-ль де намъ биться, а кн. Василей де намъ биться велѣлъ.“ Ивашка ему сказалъ: „какъ де ты хочешь,“ а имъ де слышно, что пересылка межъ ими о миру; а вѣдомо де ему о той пересылкѣ потому, какъ де кн. В. Голицынъ пришелъ къ Перекопи и онъ послалъ татарина Кармашку изъ обозу, и какъ де Кармашка пошелъ въ обозъ, и Голицынъ велѣлъ ему Ивашку Кармашка спросить, что де написалъ переводчикъ Сулейманъ, то де письмо онъ привязавъ на стрѣлу, въ полки татарскіе выстрѣлилъ ли? а что де въ томъ писмѣ написано, того онъ не вѣдаетъ. И онъ Кармашка сказалъ, что то письмо выстрѣлилъ, — и тѣ слова Ивашка Голицыну сказалъ. И Голицынъ Кармашка спрашивалъ: что де тебѣ отвѣтъ учинили татары крымскіе? И онъ сказалъ: котораго де часа онъ подъ Перекопью станеть, и онъ бы де тогожъ часа Кармашку къ нимъ прислалъ. А у кн. Г. Долгорукова онъ постоялъ самое малое число и отъ него поѣхалъ къ нимъ, Кармашку съ товарищи, и наѣхалъ его, съѣзжается съ татарами; а татаръ де въ виду было человекъ съ 30 или болши; а чортъ-де и иные были въ скрытѣ по низкимъ мѣстамъ. И съѣхався де съ татарами говорилъ онъ Кармашка, что де Крымской ханъ противъ писма, каково выстрѣлялъ Кармашка, отвѣдъ велѣлъ учинить; и они ему сказали: Ханъ де и Батырь ага, прислали — „на начинающаго де Богъ, почто де послать, буде мочь есть дѣлай.“ И Кармашка де имъ говорилъ: за тѣмъ де дѣло не станеть, будетъ де вы противъ того писма отвѣди не учините, и мы де по воли великаго Бога и по указу в. государей вашу бусурманскую землю въ одинъ день пройдемъ сквозь.“ И они де татарова дали имъ письмо; и они де то письмо у нихъ взяли и привезли къ кн. В. Голицыну, и то письмо чель предъ нимъ посолскаго приказу переводчикъ Сулейманъ. А въ томъ писмѣ написано: „на начинающаго де Богъ; биться, инъ биться, а мириться, инъ мириться.“ А въ тое де время, какъ то письмо чтено, были Левонтей Неплюевъ, окольникъ В. А. Змеевъ, столникъ кн. Я. Долгоруковъ. И кн. В. де Голицынъ тогожъ часа послалъ ихъ, Кармашку да переводчиковъ Петра Татаринова да Полухта Кучумова да его Ивашка Тинбаева, а приказалъ имъ: „поѣзжайте не мешкавъ, и тое де письмо не въ письмо, приехалъ бы де къ нему, кн. Василью отъ хана знатной другой или третьей человекъ для договору, на чемъ миръ положить.“ И они де съ тѣмъ къ татаромъ ѣздили и тѣ слова кн. Васильевы слова сказывали. И они де татарова имъ сказали: за тѣмъ де у хана вхъ не станеть; посовѣтовавъ де съ Батырь агою, тотчасъ къ нему, кн. Василью, пришлетъ кого ханъ изво-

лнть. И они де тѣ ихъ слова ему сказали. И Кармашка кн. Василью говорилъ: „не держите де меня, отпустите. Я де стану посматривать, гдѣ она приѣдутъ.“ И поѣхалъ онъ въ свой полкъ къ Вас. Дмитреву. А то все дѣло дѣлано въ день. И тогожъ числа ввечеру часу въ отдачу или часъ ночи на урѣченное мѣсто, не доѣзжая отъ Перекопа до Кургана, приехалъ изъ Крыму Кеманъ мурза Сулешевъ, и о приѣздѣ его кто Кн. Голицыну сказалъ, про то онъ не вѣдаетъ. И кн. Вас. Голицынъ къ нему Сулешеву на встрѣчу послалъ царедворцевъ, а кого иманы и многоль человекъ, того онъ не упомнить. Только въ томъ числѣ посланъ былъ Андрѣй Бор. Змеевъ, а что имъ приказалъ дѣлать, того онъ не вѣдаетъ же. Только де приѣхавъ отъ него Кемана мурзы А. Змеевъ сказывалъ кн. В. Голицыну, что его Кеманъ подарилъ гнѣздо стрѣлъ и говорилъ князю Андрѣй: „Кеманъ де мурза Сулешевъ говорилъ, чтобъ прислать къ нему кого знатного человека, кому мѣсто его быть въ оманатахъ и чтобъ его изъ товарищевъ его кн. Васильевыхъ кто встрѣтилъ, съ кѣмъ бы было ему въ обозъ приѣхать. И кн. де Василей къ Кеману послалъ на встрѣчу боярина А. С. Шенна, товарища своего, стольника кн. Федора княжѣ Юрьева сына Барятинскаго. И онъ де къ Кеману на встрѣчу ѣздилъ и въ оманатахъ вмѣсто его Кемана оставленъ былъ Илья Змеевъ да астраханскій татаринъ Кармашка; а съ кн. Барятинскимъ ѣздили переводчики Петръ Татариновъ да Полуехтъ Кучюмовъ. И взяли Кемана и привезли въ обозъ къ кн. В. Голицыну. А бояря и воеводы большого и сходныхъ полковъ: А. С. Шеня, Б. П. Шереметевъ, кн. Вл. Д. Долгорукой, Л. Неплюевъ, В. А. Змеевъ и товарищи всѣ да гетманъ И. Ст. Мазепа. И говорилъ онъ кн. В. Голицынъ гетману и бояромъ и воеводамъ и товарищамъ всѣмъ, чтобъ они въ то время какъ придетъ К. м. Сулешевъ не вставали и шапокъ не сымали: а де ихъ обычай знаю, они де и къ Москвѣ приѣзжаютъ, а шапокъ не снимаютъ.“ И какъ де онъ Кеманъ пришелъ, и они де бояря и воеводы дали ему кресла, гдѣ ему сѣсть. И что Сулешевъ говорилъ, того онъ не вѣдаетъ для того, что его выслали. А переводилъ тѣ слова... Сулейманъ, а переводчики Татариновъ и Кучюмовъ были тутъ же. И былъ де онъ у бояръ и воеводъ часа съ 3 и отпустили де по прежнему; а провожали де его кн. Ф. Барятинскій да А. Змеевъ съ товарищи; а съ Л. де Неплюевымъ К. мурза видались и называлъ его Левонтья *Кардашевъ*, а по русски братомъ. А то де все дѣлалось ночью. И по утру де во 2 часу дни поворотились они обозами отъ Перекопа назадъ. (134). И онъ Кеманъ приѣхалъ къ кн. В. Голицыну въ обозъ, а въ оманатахъ вмѣсто его оставленъ былъ Ф. Стремоуховъ. И какъ Кеманъ приѣхалъ, и князь ему говорилъ: „что де ты противъ вчерашнихъ словъ отъ хана вѣстей привезъ? И онъ де Сулешевъ ему сказалъ: „полонянниковъ де назадъ отдать не можно для того, что многіе бусурманились, и тѣмъ де они... бываютъ и подданнымъ де хану пи... невозможно, и впредь де писать не бу... А о дани де, которую прежь сего давали, чтобъ нынѣ давать.“ А князь сказалъ: „коли де ты нынѣ ничего не дѣлалъ и впредь де ты со мною не сѣѣж... и говорилъ ему Сулешевъ: вуды де ѣдешь, аль де ты назадъ поворотился?“ И князь сказалъ: поворотилса де для конскихъ кормовъ. И Кеманъ уѣхалъ.

151—155. Велию околыичему Ив. Иванову и дьяку Автону Ив. въ Еренскѣ сдѣлать допросы и сказать Голицыннымъ: если будутъ запыраться, „васъ спросить съ пристрастіемъ, а людей вашихъ пытать.“

156—193. Допросные пункты подробны: 1, о старцѣ Іосифѣ 2, о писаніи титула Софіи въ 1686 г. 3, о приводѣ Головкинымъ 2 человекъ, на Верхъ 4, о приказѣ созвать стрѣльцовъ. «И изъ Троицкаго походу 197 г., чтобы стрѣльцовъ человекъ десатовъ—другой подговорить и чтобы на то смотря ныне бѣгали; а какъ стрѣльцы побѣгутъ, чаать де и в. государь будетъ къ Москвѣ, о томъ Федѣ Шакловитому говорилъ ли? 5, О недолговѣчности Петра 6, убить Наталью Кириловну, вѣнчаться Софіи царскимъ вѣнцомъ 8, высылалъ ли къ Обросьѣ 8 авг. человекъ и что съ Ѳедкой мыслили 9, о приводѣ стрѣльцовъ на верхъ и для чего? Софія что имъ приказывала? 10, Почему велѣлъ Нармацкому запираить ворота? 11, О приѣздѣ въ Вологду Кропоткина 12, о переговорахъ подъ Перекошью 13, о показаніяхъ Кармашки и Тинбаева 14, о томъ же 15, о Тинбаевѣ 16, о кеманъ-Мурзѣ 17, за чѣмъ ѣздили къ хану Змеевъ и Долгорукие? Змеевъ взялъ ли золотые? людей рубили ль татары? 18, Около Мерла отпустили стрѣльцовъ и что наказывалъ? 19, Ханъ ночью былъ ли? 20, Какіе письма велѣлъ бросать къ татарамъ? Что писалъ Шакловитому скрытымъ письмомъ?» „И ворами, и бунтовщиками и своевольниками кого писалъ?“, и проч. проч.

СВИТОКЪ № 3-й.

Столбцы 1—90. *(Объ отобраниі имущества Голицыныхъ, лишеніи чести и боярства и ссылки въ Каргополь).*

40—46. *Наказъ Скрабину.* Лѣта 7198 сент. въ 15 день в. государя Іоанъ Ал., Петръ Ал. велѣли столнику Павлу Мих. Скрабину ѣхать въ Каргополь и принять ему у столника Ѳедора Бредихина князь Василья и князь Алексѣя Голицыныхъ, а принявъ ему ихъ кн. Василья и кн. Алексѣя оставить съ ними людей ихъ служилыхъ и поваренныхъ, и конюховъ и иныхъ работныхъ людей, всего 15 человекъ съ женами, а болше 15-ти человекъ людей ихъ отнюдь никого у нихъ не оставлять. А достальныхъ людей ихъ к. Васильевыхъ и к. Алексеевыхъ всѣхъ, хотя буде, которые взяты были и изъ крестьянъ, отпустить на волю, а его кн. Василья и сына его кн. Алексѣя осмотрить, и переписать имянно золотыхъ и ефимковъ и денегъ, и камня, и жемчугу и низанья и всякихъ вещей (ст. 41) и платья и судовъ золотыхъ и серебряныхъ, и всякого служилого заводу и конскихъ нарядовъ, и лошадей, и кореты, и рыдваны, и коляски и служилыя телѣги и иные всякіе припасы и поваренную посуду, а осмотра и переписавъ все имянно поровнь по статьямъ, изъ тѣхъ ихъ кн. Васильевыхъ и кн. Алексеевыхъ животовъ дать имъ и женамъ ихъ на пропитаніе изъ золотыхъ, и изъ денегъ, и изъ ефимковъ, и изъ платья и изъ посуды всего на 2000 рублевъ, а болше того никакихъ животовъ и золотыхъ, и денегъ и ефимковъ и иного ничего отнюдь не давать. А достальные ихъ кн. Васильевы и кн. Алексеевы животы и денги и золотые, и ефимки, и низанья и платья, и посуду и инныя всякія вещи, и лошади, все что есть съ ними, и кареты, и рыдваны, и телѣги служилыя и всякую служилую рухлѣдь и ружье все (42), что ни есть отобравъ, и учина всему книги и всякими подлинными вѣдомостями, отдать стол-

нику Ѳедору Бредихину, и съ тѣми со всѣми животами ѣхать ему Ѳедору къ в. государямъ къ Москвѣ, а самому ему Павлу, съ ними кн. Васильемъ и к. Алексѣемъ Голицынными ѣхать въ Пусто-Озеро, и взять к. Василья и кн. Алексѣя на ямскихъ подводахъ, а женъ ихъ въ рыдванахъ безо всякого молчанія; и дорогою нигдѣ не останавливаться и никуда ихъ не отпущать и смотреть за ними на крѣпко, чтобъ они въ дорогѣ и будучи въ Пустѣ-Озерѣ ни къ кому никакихъ писемъ тайно и явно не посылали, а въ дорогѣ, и на станѣхъ, и на дворехъ и въ Пустѣ-Озерѣ на дворехъ же, гдѣ будутъ поставлены, ставить ему караулы крѣпкіе, и приказать имъ съ великимъ подтвержденіемъ, чтобъ отнюдь никого къ нимъ не пропускали, и говорить съ ними никому тайно (43) не велѣли, гдѣ они станутъ ночевать, и съ ними въ тѣхъ избахъ почевать капитаномъ попеременно, а въ городѣхъ ко властямъ и къ воеводамъ и въ монастыри и ни къ кому отнюдь ихъ к. Василья и к. Алексѣя не отпущать, и въ деревни имъ никуда не заѣзжать. А буде въ дорогѣ къ нимъ станутъ приѣзжать съ Москвы или изъ городовъ какіе знакомцы, или люди ихъ, или чьи иные люди, и тѣхъ приѣзжихъ людей къ нимъ отнюдь не припускать, и держадниковъ ихъ Андрѣя Курбатова и иныхъ русскихъ и иноземцевъ, которые съ ними, и впредь къ нимъ никого держадниковъ ихъ не пропускать же также и въ Пустѣ-Озерѣ будучи, никого къ нимъ к. Василью и кн. Алексѣю не припускать же и писемъ никакихъ ни къ кому имъ самимъ писать не велѣтъ, также и къ нимъ писемъ никакихъ не отдавать. А буде къ нимъ кн. Василью и кн. Алексѣю учнутъ (44) присылать какіе письма, и тѣ письма принимать ему Павлу, и распечатавъ осмотра прислать къ в. государямъ къ Москвѣ жъ, а у себя ему оставивать списки. А будучи имъ кн. Василью и к. Алексѣю въ Пустѣ-Озерѣ въ воскресенье и въ Господскіе праздники или въ иные дни, въ то время какъ они учнутъ ходить въ церквѣ Божіи, и ему Павлу съ ними къ церквѣ ходить самому и посылать капитановъ, и смотреть на крѣпко жъ, чтобъ къ нимъ никто не подходилъ же, или чего-бъ съ ними не говорили-жъ. А буде имъ Голицыннымъ о какихъ дѣлахъ доведется бить челомъ в. государямъ и станутъ писать челобитные, и ему Павлу тѣ челобитные у нихъ принимать и осматривая посылать къ в. государемъ. А буде овъ Павелъ ихъ Голицыныхъ и ближе Каргополя въ которыхъ мѣстехъ доѣдетъ, и ему Павлу потому жъ обо всемъ учинить по сему ихъ в. государей указу, (45) и принявъ его ѣхать съ ними въ Пусто-жъ Озеро, а Ѳедору Бредихину съ животами потому ѣхать къ в. государямъ къ Москвѣ. А въ провозатыхъ за ними, кн. Голицынными, съ Ѳедоромъ Бредихинимъ посланъ капитанъ Дмитрей *Реженевъ*? да стрѣльцовъ 20 человекъ да въ прибавку посланъ капитанъ же въ 30 человекъ стрѣльцовъ. А *одноконечно-бъ*? ему Павлу обо всемъ чинить по сему ихъ в. г. указу съ великимъ береженіемъ. А котораго числа ихъ Голицыныхъ у Ѳедора Бредихина приметъ и въ которомъ году и числѣ Ѳедоръ Бредихинъ къ Москвѣ поѣдетъ, и о томъ писать и животомъ ихъ Голицыныхъ книги въ тетратехъ за рукою подать въ разрядъ боярину Тихону Никитичу Стрешнему съ товарищи. (46) А буде овъ Павелъ учнетъ имъ Голицыннымъ чинить въ чемъ какую поваровку, или животы-жъ оставить имъ большаго указнаго числа 2000 рублей, или животы ихъ въ отпискѣ и въ присылкѣ не всѣ будутъ присланы, и зато быть ему отъ в. государей въ смертной казни безъ всякаго пощады. А буде женъ ихъ Голицыныхъ съѣдетъ овъ Павелъ на дорогѣ, и ему Павлу

о осмотръ и о взятъ животовъ ихъ, и о томъ же учинить по сему ихъ в. государей выше писаному указу, а болши тому указаго числа 2000 рублевъ, изъ животовъ имъ отнюдь ничего не давать же (л. 55—4).

47. Наказъ ему же... Стольнику нашему Федору Мартемьяновичу Бредихину. По нашему в. государей указу послать стольникъ нашъ Павелъ Михайловичъ сынъ Скрябинъ, а велено ему у тебя принять Голицыныхъ, а принявъ Голицыныхъ оставить у нихъ людей ихъ, служилыхъ, поваренныхъ, конюховъ, и иныхъ работныхъ людей всего 15 человекъ людей ихъ, отнюдь никого у нихъ не оставивать, а досталныхъ ихъ Голицыныхъ служ. и повар. и конюх. и работныхъ всѣхъ (48), хотя буде которые взяты были и изъ крестьянъ отпустить на волю, а ихъ Голицыныхъ осмотръ и переписать имянно золотыхъ и ефимковъ и денегъ, и камень и жемчугу, и ниванья, и всякихъ вещей, и платье, и судовъ золотыхъ и серебряныхъ и всякого служлага заводу, и конскихъ нарядовъ, и лошадей, и кореты, и рыдваны и коляски, и служилыя телѣги, и шоры иныя всякия припасы и поваренныя посуды, а осмотря и переписавъ все имянно порознь по статьямъ, и изъ тѣхъ ихъ Голицыныхъ животовъ дать имъ и женамъ ихъ на пропитаніе изъ золотыхъ и изъ денегъ и изъ ефимковъ и изъ платья изъ посуды (49) всего на 2000 рублевъ, да женамъ ихъ 2 рыдвана, а болши того никакихъ животовъ, и золотыхъ и денегъ и ефимковъ, и иного отнюдь ничего давать не велѣно. А досталныя ихъ Голицыныхъ животы, денги, золотыя и ефимки, и ниванья и платье и посуду, и иныя всякия вещи, и лошади, все что есть съ ними, и кореты, и рыдваны и телѣги служилыя, и всякую рухлядь, и ружье все что ни есть, отобравъ, и чина всему книги всякою подлинною вѣдомостью, отдать тебѣ и съ тѣми со всѣми животами ѣхать къ намъ, в. государямъ къ Москвѣ, и ему Павлу съ нимъ Голицыными ѣхать въ Пусто-Озеро; а буде онъ, Павелъ ихъ (50) Голицыныхъ и ближе Каргополя въ которыхъ мѣстехъ дойдетъ, и ему Павлу потому жъ обо всемъ велѣно учинить по сему нашему в. государей указу, и принявъ ихъ ѣхать съ ними въ Пусто-Озеро, а тебѣ животами ихъ потому жъ ѣхать къ намъ, в. государямъ къ Москвѣ. А буде женъ ихъ Голицыныхъ съѣдетъ онъ Павелъ на дорогѣ и ему Павлу, о осмотръ его взятъ животовъ ихъ потому жъ велѣно учинить, по сему нашему в. государей вышеписанному указу. И какъ къ тебѣ ся наня в. государей грамота придетъ и тыбъ объ отдачѣ Голицыныхъ съ женами и съ дѣтьми и съ людьми Павлу Скрябину, и оприемъ животовъ ихъ Голицыныхъ и всякой рухляди, что писано *выше?* сего (51) и тѣмъ животомъ переписныя книги, и съ тѣми животами и съ книгами ѣхалъ къ намъ, в. государямъ къ Москвѣ, а приѣхавъ явился, и книги подалъ, и про животы объявилъ въ разрядѣ боярину нашему Тихону Никитичу Стрешневу.... Писанъ въ нашемъ в. Государя объѣздѣ въ Троецкомъ Сергіевѣ монастырѣ лѣта 7198 Сентября въ 15 день.

52. Отъ в. государей Иоанна и Петра отъ Троецкаго Сергіева монастыря, по дорогѣ до Переславля Залѣскаго и до Ерославля и до Вологды и до Пустозерскаго острогу, по ямомъ ямцакомъ, а гдѣ ямовъ нѣтъ, всѣмъ людямъ безъ отиѣны, чей кто нибудъ, чтобъ есте давали стольнику нашему Павлу Михайлову сыну Скрябину и съ прибавочнымъ 12 подводъ; а за тѣ подводы ямали-бъ у него прогоны отъ Троецкаго монастыря до Тотмы, по нашему указу, а отъ Тотмы до Пусто-Озера давали бъ ему подводы

без проносовъ? Писанъ къ нашему в. государя Петра, объздѣ въ Троицкомъ Сергіевѣ монастырѣ, лѣта 7198 сентября въ день.

53. Отъ в. государей Иоанна и Петра. Отъ Ярославля по дорогѣ до Вологды и Пустоозерскаго острогу, по ямомъ ямщикомъ, а гдѣ ямовъ нѣтъ, всѣмъ людямъ безъ смѣны, чей кто нибудь, чтобъ есте давали подѣ кн. князя Василья и подѣ сына его князя Голицынныхъ съ женами съ дѣтми, и подѣ людей ихъ 25 человекъ подводъ, а за тѣ подводы имали-бъ у нихъ прогоны отъ Ярославля до Тотми, по нашему в. государей указу; а отъ Тотми до Пусто-Озера давали-бъ подѣ нихъ подводы безъ прогоновъ. Писанъ въ нашему в. государя объздѣ въ Троицкомъ Сергіевѣ монастырѣ лѣта 7198 Сент. въ 15 день.

82—90... В. государямъ холопъ вашъ Панка Скрабинъ челомъ бьетъ. Въ нынѣшнемъ во 198 году по вашему в. государей указу, и по наказу за приписью дьяка Ивана Лапунова, велѣно мнѣ, холопу вашему, быть въ приставахъ у князя Василья да кн. Алексѣя, а принять ихъ у столника Федора Бредихина въ тѣхъ мѣстехъ, гдѣ я, холопъ вашъ, въ дорогѣ ихъ съѣду, а принявъ, оставить съ ними людей ихъ служилыхъ и поваренныхъ, конюховъ, и иныхъ работныхъ людей, всего 15 человекъ съ женами и съ дѣтми, а достальныхъ ихъ людей отпустить къ Москвѣ, а животовъ ихъ, Голицынныхъ золотые и ефимки, и денги, и камень и жемчугъ и ниванье, и всякія вещи, и платье, и суды золотые, и серебряные и всякой служилой заводъ, и конскіе наряды, и лошади, и кареты, и рыдваны, и коляски и служилыя телѣги, и шоры и иные всякіе припасы, и поваренную посуду осмотреть, а осмотра и переписатьъ изъ тѣхъ ихъ Голицыныхъ животовъ дать (83) имъ и женамъ ихъ, и дѣтямъ ихъ на пропитаніе изъ золотыхъ, изъ ефимовъ и денегъ, и изъ платья, и изъ посуды всего на 2000 рублей, да женамъ ихъ 2 рыдвана, а достальные ихъ всякіе животовы и лошади, и кареты и рыдваны; и телѣги служилыя, и вскую рухледь, и ружье отобразъ, и учиня всему книги со всякими подлинными вѣдомостями, отдать столнику Федору Бредихину, а мнѣ холопу вашему, съ ними Голицынными ѣхать въ Еренской городокъ; и везти ихъ на ямскихъ подводкахъ, а женъ ихъ въ рыдванахъ, а держальниковъ ихъ Андрѣя Курбатова и иныхъ русскихъ и иноземцевъ, которые съ ними роспросить: для чего они безъ вашего в. государей указу съ ними поѣхали, и роспроса о томъ къ вамъ в. государямъ писать, а ихъ отдать за караулъ въ городѣхъ гдѣ пристойно, до вашего в. государей указу. А котораго числа ихъ Голицынныхъ и Федора Бредихина я холопъ вашъ приму, и въ второмъ мѣсцѣ и числѣ оны Федоръ къ вамъ в. государямъ къ Москвѣ поѣдетъ, а кто иманы Голицынныхъ людей съ ними и къ Москвѣ отпушены будутъ, и кто иманы крестьянъ и крестьянскихъ дѣтей, и о томъ писать, и Голицыннымъ животамъ книги въ тетратехъ и человекъ ихъ Куземку Крылова за карауломъ, и крестьянъ и крестьянскихъ дѣтей врслатъ въ розрядъ. И сентября въ 23 день нынѣшняго 198 года (84) по вашему в. государей указу, я холопъ вашъ, Голицыныхъ извѣхалъ въ ярославскомъ уѣздѣ въ вотчинѣ Пречастыя Богородицы Толскаго монастыря въ слободкѣ Гавшиевѣ. И извѣхавъ съ столникомъ съ Федоромъ Бредихинымъ, всякіе ихъ Голицыныхъ животовы, и лошади, и всякіе припасы переписала, а переписавъ, взявъ ярославцовъ посадскихъ людей, велели оцѣнить въ правду, что чего стоитъ и по оцѣнѣ государи, ярославцовъ посадскихъ людей животовы Голицыныхъ, платье и суды серебряные, и поваренную ру-

хледа, да въз лошадей, коней и мериновъ 51 лошада, дали Голицыннѣмъ, да женамъ ихъ 2 кореты, да двои шоры и муштуки, потому въ ване в. государей жалованьевъ указное число въ 2000 руб. животовъ ихъ по опѣнкѣ не достало многого числа, а рыдвановъ ничего нѣтъ. А досталныя возники, и кони и меринны 51 лошада, и кореты, и коляски, и служилыя телѣги и шоры, и муштуки, и что по перепискѣ и по цѣнкѣ животовъ ихъ лошадей, и всякого борошню Голицыннѣмъ дано, (85) и что отпущено и тому учин... книги съ очискою за цѣновщиковыми и за моею, холопа вашего, руками, также и людемъ ихъ которые къ Москвѣ и съ ними отпущены, отдавъ я, холопъ вашъ, столнику Федору Бредихину, и отдавъ принялъ у него Голицыннѣхъ, съ ними поѣхалъ въ Еренской сентабря жъ въ 25 день, а держалниковъ ихъ Андрѣя Курбатова и иныхъ никого, и челоуѣка Куземки Крылова а, холопъ вашъ, у нихъ не заѣхалъ, а крестьянъ и крестьянскихъ дѣтей никого съ ними нѣтъ, а животовъ Голицыннѣхъ, кромѣ того что объявилось въ книгахъ, ничего не сыскано. А велѣлъ государи, Голицыннѣхъ людемъ которые отпущены къ Москвѣ, явиться въ разрядъ боярину Тихону Никитичю Стрешневу съ товарищи. 198 сентабря въ 18 день въ разрядъ изъ (86) приказу болшаго дворца на росходы денегъ 60 рублевъ. И изъ того числа въ расходѣ, дано на прогони: Павлу Скрабину 10 руб., 31 ал. 4 ден., капитану Александру Блудову, которой съ нимъ Павломъ посланъ, 3 руб. 3 ал. Да съ капитаномъ съ Освномъ Михайловнѣмъ послано въ дорогу на жалованье стрѣлкомъ 30 чел. по рублю челоуѣку. И того 30 руб. которые посланы въ провожатыхъ за снѣлочными стрѣлцами женами. Да на прогони жъ дано Иванова полку Цыклера стрѣлкомъ Микитѣ Суворову съ товарищи 20 чел. 10 р. 22 ал. 4 ден. И того 55 р. 7 ал. 4 ден. А за тѣмъ въ остатѣ 4 руб. 20 ал. Павлу Скрабину (87) 100 р. дано изъ дворца, слободныхъ Борису Нете-севу 30 р. дано. Капитану, которой нынѣ посланъ, 5 р. дано, да ему жъ 10 р. дано изъ слободныхъ. Стрѣлкомъ 20 чел. по 3 руб. дано. И того 60 руб. Всего 205 рублевъ. Изъ (88) 200 рублевъ въ расходѣ: Павлу Скрабину 100 р. Александру Самойлову сыну Блудову 10 р. Въ разрядѣ 60 руб. Всего 190 руб. А за тѣмъ въ остаткахъ 10 руб.

89... Отъ Россіи самодержцевъ столнику нашему Павлу Михайловичю Скрабину. Указали мы в. государи, у Голицыннѣхъ взять тебѣ переписныя книги всякимъ ихъ пожиткомъ, платью и ружью, и воинскимъ нарядомъ, и прислать къ намъ, в. государямъ къ Москвѣ въ разрядъ; потому что Андрей Семеновъ Протѣкинъ сказалъ, что ихъ взялъ онъ, кн. Василей. И какъ къ тебѣ са наша грамота придетъ; и ты бѣ у Голицыннѣхъ переписныя книги всякимъ ихъ пожиткамъ, платью и ружью и воинскимъ нарядомъ, и всему что у него было, взялъ, да о томъ къ намъ в. государямъ писалъ, и тѣ книги съ кѣмъ пригоже прислалъ безъ мочанья, а велѣлъ подать въ разрядъ боярину нашему Тихону Никитичю Стрешневу съ товарищи. Писанъ въ нашемъ (90)... Россіи самодержца объздѣ въ Троецкомъ Сергіевѣ монастырѣ, хѣта 7198 сентабря въ 23 день. Такова послана съ московскимъ стремяннова Иванова полку Цыклера стрѣлцемъ съ Пронькою Жижинымъ сентабря въ 27 день. Дано ему 3 подводы, а на прогони денегъ дано ему изъ мастерскіе палаты 3 руб. 17 ал. Дана ему подорожная до Переслава Залеского и до Ярославля, и до Вологды, и гдѣ съѣдетъ онъ его Павла, и навадъ до Москвы (л. 162—3).

93. Окт. 2. »Сказали князь *Василій* да кн. *Алексей Голыцын*: о книгахъ пожитковъ нашихъ, какъ мы по ихъ в. государей указу съ Москвы поѣхали въ Троицкой походъ, и книгу съ собою не взяли да и имать ихъ въ то время не для чего было, потому ихъ государева гнѣва на себя не вѣдали, а записка домашняя рухляди нашей какой есть, осталась у насъ въ домишкѣ нашемъ въ той полатѣ, гдѣ лежала рухлядь наша. А о карлахъ въ грамотѣ в. государей написано, бутло со мною ихъ прислать гетманъ къ в. государемъ, и я у себя задержалъ, И гетманъ со мною ихъ не посылавалъ, а прислалъ по указу в. государей тому другой годъ, и о томъ имъ в. государемъ извѣстно, а ведѣно мнѣ ихъ держать у себя до ихъ же в. государей указа.“

156. 198. Октября въ 7 день в. государямъ писалъ Павелъ Скрибинъ и прислалъ къ розскному дѣлу Голыцыныхъ дву человекъ карлъ, Дениску да Ѳедку Вахрамѣевыхъ, и тѣ карлы роспрашиваны. А въ роспросѣ они сказали: родились де они въ Черниговѣ; а отецъ де ихъ былъ черниговской мещанинъ, Вахрамѣемъ звали; и отецъ де ихъ умре, а мать ихъ живеть въ Батуринѣ у гетмана; и послѣ де отца ихъ, гетманъ Иванъ Степановичъ Мазепа ваялъ ихъ къ себѣ, тому нынѣ 3-й годъ, и прислалъ ихъ Голыцynu. А у гетмана де жили они съ недѣлю. А какъ Голыцынъ поѣхалъ въ походъ въ Троицкой монастырь, и они де въ то время были на Москвѣ на дворѣ Голыцына. А какъ де жена его кн. Васильева побѣжала съ Москвы, и ихъ Дениску и Ѳедку взяла съ собой и привезла къ нему, Василью, а въ которой городъ, того они не знаютъ. И была де они у него кн. Василья дни съ два или съ три; и послалъ ихъ онъ напередъ себя на Вологду съ человекомъ своимъ съ Дмитреемъ Гавриловымъ (Л. 144).

184—189. *Письма Голыцыныхъ*. Великимъ государямъ бьютъ челомъ холопи ваши, Васка да Алешка Голыцыны. По вашему указу допрашивали насъ, стодники Павелъ Скрибинъ да Ѳедоръ Бредихинъ по сказкѣ Ѳетки Шекловитова. Потому мы, холопи ваши, вамъ в. государямъ приносимъ, ади самому Богу въ небѣ, предъ самымъ престоломъ его Спасителевымъ, что никогда Ѳетка Шекловитой мнѣ Васкѣ крайней другъ николи не бывалъ, а знакомство отдавали, какъ обычей и съ иными просто, и о томъ со мною, и я съ нимъ не геваривалъ, и въ мысли злой я съ нимъ не имѣлъ, и никогда въ сердцѣ своемъ никакого зла къ вашему государеву достоинству не стежалъ; но всегда, какъ сродники мои служили вашимъ в. государей предкамъ вѣрно, не щадя головъ своихъ, и помирили за ваше государеву достоинство, и ни въ какихъ злыхъ дѣлахъ не явились, также и отцу вашему государеву блаженныя и вѣчной достойныя памяти; также и брату вашему в. государей блаженныя жъ и вѣчно достойныя памяти, отецъ мой и сродники мой и мы, холопи ваши, служили вѣрно, и вамъ чисто сердечно, нещедя головъ своихъ. А какія приказныя дѣла дѣлали по вашему в. государей указу, и о тѣхъ дѣлахъ вамъ извѣстно, и какая моя, Васки, служба въ государственнымъ посольскомъ приказѣ учинена, къ чести вашему превысокому государеву имени и къ разширенію государствъ вашихъ (185), и о томъ вѣдомо въ томъ посольскомъ приказѣ и въ разрадѣ. И упадая къ пресвѣтлomu вашему государеву престолу и къ стопамъ вашимъ и покладая головы наши подъ пресвѣтлыя ваши государевы ноги, милости просимъ, дабы ся наша челобитная милостиво, аки у самаго Бога у васъ государей принята и выслушана была, на что и повторяя и стократно и многократно упадая къ пресвѣтлымъ вашимъ в. государевымъ по-

гамъ, милостиваго призрѣнія и ресмотрѣнія просимъ. А если несчастныи своими сердци вамъ служили, то-бъ во 2-е страиное хрестово пришествие осуждени были съ Юдою и инимъ тѣмъ подобнимъ. Милосердие государя, пожалуйте насъ, холопей своихъ невинныхъ, не вѣлите повѣрить воровскимъ словамъ Оеткинымъ! А какъ онъ былъ живъ и пытанъ, и на меня ничего не говорилъ съ пытки. Умилосердитесь в. государи надъ нами сиротами и немѣющими ни откуды помощи кромѣ Бога и васъ в. государей припомните наши бѣдныя? служба и крови. В. государи, смилуйтесь надъ нами бѣдными! (в. 184).

195—196. В. государемъ бьютъ челомъ холопи ваши Васка да Алешка. По вашему указу, посланы мы въ ссылку въ Еренскъ и нынѣ въ Еренскѣ живемъ въ заключеніи и помираемъ томною смертію, и вамъ были челомъ и нѣсколко посылали челобитней. А служилъ Васка отцу вашему блаженна и вѣчно достойные помяти в. государю, и милость его носили паче сверстникъ своихъ; также и брату вашему в. государей и милость... и у дѣла на Москвѣ знатныхъ былъ, также и въ приказехъ, которыми дѣла во свидѣтельство въ разрядѣ объ оставкѣ мѣсть, да и съ по.. ми въ Украйнѣ многжды, также и вамъ в. г... самодержцемъ со 190 году и по се время, какъ посолскими таеъ и во.. ними,... гдѣ вашему в. государей име.. вашимъ государствомъ, какъ и въ... свѣт... надъ непріатели креста святаго Притомъ же и москов. приказными дѣлами въ сборѣ стрелецкихъ денегъ, таеъ и иныхъ; нанначе Донское дѣло, какая шатость и противность тамъ явилась святѣй и собор. и апост. церкви. И. вамъ в. государямъ... воровскіе письма были крова.. достоинства и про свят. патріарха; о чемъ вамъ, извѣстно. И поступая на страхъ моиимъ, холопа в. трудами, тѣхъ воровъ и съ Дону отдали и съ писмами, которые и казнены. А прежь всего не токи старшинъ, но и простыхъ казаковъ не отдаывали (196). Притомъ же и въ пушварскомъ приказѣ въ строеніи и гор. Кремля, и въ додѣлкахъ Китая, и въ Пороховой многой казнѣ, и во всахъ дѣлѣхъ работалъ вамъ, какъ Богу, и ничего въ сердцѣ своемъ не имѣлъ, кромѣ того чтобъ за наше г. достоинство и послѣдней кашлю пролить крови моея. А оклеветанъ я, вамъ в. государямъ неправедно и разоренъ безъ остатку: дворнишии пожитки, и вотчинни всѣ взяты на васъ в. государей, а мы бѣдные, невинные и съ малыми червами не имѣемъ у себя ничего, но въ заточеніи пребываемъ и въ зломъ житіи и въ отчаяніи живота своего, помираемъ голодною томною смертію. А которая малая самая рухлядишка у насъ была оставлена и тое розметали за безцѣнокъ; а досталной никто въ Ереневу извести не можетъ, потому что мѣсто самое нужное и худое и безлюдное, и всякими потребами чего и тамашніе биватели терпѣти не могутъ. Милосердие государя! пожалуйте насъ бѣдныхъ и сирыхъ холопей своихъ, не имѣющихъ помощи не откуду, велите изъ Еренска взять насъ къ Москвѣ, чтобъ намъ бѣднымъ не умереть злою томною смертію. Паки и паки стократно и многорратно унадаю ко престолу вашему, и въ вашимъ государевымъ пресвѣтлымъ ногамъ, и подкладая главы наши подъ ваши государевы ноги, просимъ: умилосердитесь надъ нами бѣдными и сирыми, и нашими малыми червами, ради Спасителя Бога... и.. и всѣхъ святыхъ, надейте на васъ бѣдныхъ милость, припомните милостиво наши бѣдные службы и крови, велите государя, насъ изъ ссылки взять. В. государи смилуйтеса, пожалуйте! (Л. 185—6).

203—206. Великимъ государямъ бють челомъ, холопи ваши, бѣдныи и заключении Васка и Алешка и съ малыми дѣтишками. По вашему указу, сосланы мы въ Еренскъ, и живемъ въ заточеніи многое время и помираемъ томною злою смертію. А помощниковъ и заступниковъ, кромѣ самого Господа Бога, не имѣемъ, а пребываемъ въ смертномъ заточеніи и вооскудѣніи всѣхъ потребъ. А нынѣ обрѣли тоужъ помощію Божіею предстателя и заступника къ вамъ, в. государемъ, о которомъ предстатели въ государствахъ вашихъ в. государей, радость неисповѣдимая учинилоса, что милостію въ Троицѣ славимаго Бога, и за предстательствомъ надежды христіянскія Пресвятая Владычица... и всѣхъ святыхъ, тебѣ великому самодержцу подаровалъ Господь Богъ отъ супруги твоей благовѣрныя государыни Евдокѣи Ѳеодоровны сына, государя царевича Алексѣя Петровича, а намъ (204) бѣднымъ премилосердаго государя, какъ и всему народу предстателя и заступника. И васъ премилосердыхъ государей мы бѣдныи и безпомощныи просимъ съ рыданіемъ слезъ тѣмъ же въ Троицѣ сданнымъ Богомъ и всѣми святыми и рождышимся сыномъ твоимъ государевымъ нашимъ превеликимъ государемъ царевичемъ, Алексѣемъ Петровичемъ и матерію его благовѣрною государынею Евдокѣю Ѳеодоровною, припадаемъ ко пресвѣтлымъ ногамъ вашимъ, и подылада главы наши подъ ноги ваши и облія слезами нашими ваши жъ пресвѣтлыи государевы ноги. Милосердые государи, пожалуйте насъ, излейтѣ на насъ бѣдныхъ милость, велите изъ заточенія насъ свободить и взять къ Москвѣ, извести отъ смерти къ животу и отъ тмы къ свѣту. Паки и паки преклонивши главы на землю къ ногамъ же вашимъ государевымъ, моимъ новымъ предстателямъ и свободителемъ, нашимъ царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ, котораго предстателя мы, но радостно и усердно бѣдныи ожидали сего намъ избавителя аки Христа, которой свободилъ людей изъ ада, такъ бы насъ бѣдныхъ симъ рождествомъ вы государи премилосердые наши извели бъ насъ бѣдныхъ изъ смертнаго заключенія, и стократно и многократно (205), милости просимъ у васъ всѣми и вся умилосердитесь надъ нами бѣдными и нашими малыми червями, сотворите милость, какъ вамъ премилосердымъ государямъ въ сердца ваши, многомилостивые Господь Богъ довлеть объ насъ милость, а иного прошенія болше, за недостаткомъ ума и въ заточеніи смертномъ принести не можемъ; но точію вопіемъ. О Господи, Господи и пресвѣт. государи наши премилосердые, пожалуйте насъ бѣдныхъ и умилитесь надъ нами сирыми, сотворите милость ради своего здоровія, и нашего благовѣрнаго царевича Алексѣя Петровича! Кійждо идѣше спасается, тамо и прибѣгаетъ якоже и прежде отъ зачатія предковъ вашихъ в. государей российскихъ въ московскомъ государствѣ, и къ нему подлежащихъ и блаженныи и вѣчно достойныи памяти отца вашего и брата вашего весь народъ, яко болшии и средніи и меншии, вси дѣлшася отъ своихъ бѣдъ, и нуждъ ихъ в. государей радостными рождествомъ (206) и в. государынь царевенъ; такъ и впредь будетъ вашими радостными такими же всякому цѣленія и милость рожденіемъ отъ васъ в. государыни царевны; и къ сему да не оскудѣтъ и наша бѣдныхъ молитва предъ Господомъ Богомъ и предъ вами прошенія и слезы; но претворите и сотворите надъ нами бѣдными холопи своими милость: велите насъ свободить изъ заключенія. В. государи смилуйтеса. (Л. 187—8).

В. государемъ бють челомъ холопи ваши бѣдныи и безпомощныи и сирне не имѣющіе ни откуду помощи Васка да Алешка съ малыми червями

своими. По вашему указу посланы мы въ Еренскъ, а живемъ въ заточеніи многое время, помираемъ томною смертію и пришли во изнищаніе и въ болѣзни отъ смертвѣаго заключенія; толко духъ нашъ въ насъ еле обрѣтается. А нынѣ приаде радостъ велия вамъ в. государямъ и въ государствѣ ваши, что милостію великого Бога тебѣ в. государю родилась дщерь отъ благовѣрной государыни нашеа царидѣ Параскевіа Θεодоровны, благовѣрной государыни царевны Θεодосіа Іоановна, о которой радостъ государствѣ вашихъ яко болши и средни, и менши, и весь народъ радуется и славить Бога; но мы бѣдные и сирые, немущіе помощи ни откуду просимъ, ради распятаго Бога, которой изліалъ пречистую свою кровь на крестѣ за весь міръ, и того искупилъ всѣхъ, имъ же и вы в. государи царствуете и содержите государствѣ свои отъ него Бога данные и надежду возлагаете, и милостъ и помощь отъ него приѣмлете, и всегда воспоминаете пречистые страсти Его, и изливаете на люди своя (209) милостъ. Но тѣмъ просимъ ради того самого премилостиваго Бога и пречистыхъ его страстей, и ради Его Богоматери, которой вы в. государи вѣру имѣете и надежду несумнѣнную. И тою жъ просимъ, припадая къ вашимъ ногамъ, и подкладая главы наши подъ пресвѣтлыя ваши ноги, умилосердитесь надъ нами и бѣдными сирыми, излійте милостъ, и ради радости преславнѣе новорожденные государыни нашей, благовѣрные царевны Θεодосіа Іоановны, призрите на насъ милостиво и паки и повторяя стократно и многократно, просимъ милосердые в. государи пожалуйте насъ бѣдныхъ и сирыхъ, и до конца изнищавныхъ, ради его государева многолѣтняго здравія и благовѣрнаго нашего царевича Алексѣя Петровича, вкупѣ-жъ, и новорожденной благовѣрной царевны Θεодосіа Іоановны, велите, насъ взять къ Москвѣ изъ сего заточенія. В. государи смилуйтесь, пожалуйте! (Л. 188—9).

214. Великамъ государемъ бьютъ челомъ бѣдные и безпомощные холопи ваши Голицыны, и съ малыми дѣтишками. По вашему указу посланы мы въ Пусто-Озеро, и нынѣ въ пути мучимъ животъ свой и скитаемся Христовымъ именемъ, всякою потребою обнищали, и послѣднія рубашки съ себя проѣли, а впрядъ не знаемъ чѣмъ и питаться. А отъ г. Архангелскаго повезли съ дѣташками нашими моремъ и пришли во отчаяніе и въ конечную погибель смертную и отъ таковаго злаго пути будетъ намъ мученіе, а нанпаче дѣтишкамъ нашимъ самымъ малымъ, якобы незнающимъ свѣта. А въ Пустѣ-Озерѣ хлѣбъ зѣло дорогъ и всякая живность, и помереть будетъ и томною и голодною смертію. Милосердые Государи! пожалуйте насъ бѣдныхъ и безпомощныхъ, ради государева многолѣтняго здорovia, велите насъ бѣдныхъ и сирыхъ возвратитъ изъ таково злаго тартара, не дайте намъ томною и мучительною смертію умереть. Призрите на насъ своимъ милосердіемъ, в. государи смилуйтесь, пожалуйте! (Л. 190—1).

СВИТОКЪ № 5-й.

Столбцы 330—358. Показаніе Ѳ. Шакловитѣю. « Во 198 г. сент. 7 Ѳедка Шакловитой передъ бояры сказалъ: во 195 г. въ великій постъ объявилось писмо на Лубянкѣ, принесъ то писмо къ нему пятисотной Ла-

ріонъ Елизарьевъ на полуостровѣ, а въ томъ писмѣ написано, чтобъ всякихъ чиновъ люди народомъ собрався шли къ казанской Богородицѣ и выняли писмо у той церкви на паперти за иконою пресв. Богородицы и учинили бѣ по тому писму, и въ церкви Казанской Богородицы для того писма посылаѣ оныя егѣ Ларіона и оныя Ларіонъ вынявъ изъ-за иконы то писмо, принесть къ нему, а то писмо было въ тетратехъ на 4-хъ листахъ писано полууставомъ, а въ немъ писано про в. государыню Софію Ал. разныя непристойныя слова, отъ чего опасно было еѣ государскому здоровью всякаго дурна; да въ томъ же писмѣ написано было послать бояръ,... къ которымъ она в. государыня, милостива, а въ тожъ время у в. государя Петра учали прибавать потѣшныя конюховъ, и отъ того учало быть опасеніе, и изволила в. государыня приказывать ему Федору, чтобъ для того опасенія стрѣльцы, которыхъ полковъ пристойно, были къ в. государю Іоанну Ал. и ей, в. государынѣ, радѣтельны и вѣрны, и оныя призвавъ пятисотныхъ стремяннаго Еемьева Жукѣва говориль, чтобъ они въ томъ имъ государемъ послужили, есть ли откуды какая будетъ замѣшанина и они бѣ въ то время того не допустили и ихъ государей оберегли и послѣ того приказывали къ нему по многіе времена и говорили, что ихъ потѣшныя конюхи вездѣ и изобилуютъ и побиваютъ и если де съ ними не управитца, и отъ нихъ будетъ всѣмъ худо и имъ говаривали: и васъ де стануть за ноги таскать, и оныя де въ томъ имъ отговаривалъ, и до того ихъ недопускалъ и бунта никакого не заводилъ и на государское здоровье никакого умыслу не было (333). А во 195 г. въ августѣ въ с. Коломенскомъ изволила в. государыня... призвавъ егѣ Федку приказывать: если она, государыня, изволитъ венчаться христіанскимъ венцомъ, чтобъ провѣдать въ стрѣльцахъ, что отъ нихъ въ томъ будетъ какая одповѣдь, и оныя Федка призывалъ стрѣльцовъ разныхъ полковъ человекъ съ 20, чтобъ они въ томъ промыслили и отъ своей братья вѣдомость взяли, и послѣ де того дни съ 3 спустя ты стрѣльцы пришедъ сказали, что они тому дѣлу ради помогать и готовы, чтобъ имъ написать челобитную, какъ къ тому дѣлу прилично, и она съ тою челобитною стануть просить милости у в. государей въ то время какъ оныя, государи, у дѣйства и иныхъ чиновъ людей съ собою къ тому челобитью позовуть, и оныя де о томъ ей, в. государынѣ доносилъ, и она того учинить не позволила для того, чтобъ то не было братьямъ еѣ государскимъ, в. государемъ, во гнѣвъ и въ безчестіе, и оныя де Федка по еѣ государскому указу въ томъ дѣлѣ стрѣльцомъ отказалъ, что то дѣло ей, в. государынѣ, не потребно, и оныя стрѣльцы говорили ему съ печалью, чтобъ имъ отъ того дѣла не войти въ какую бѣду, потому что о томъ многіе люди вѣдаютъ, и послѣ того оныя Федка ничего имъ не говоривалъ, а челобитная де была о томъ изготовлена у него Федки, и тое де челобитную имъ до отъязы того дѣла оныя прочиталъ, а въ той челобитной написано было челобитіе ото всего государства толко объ одномъ объ томъ дѣлѣ, а иного никакого дѣла въ той челобитной было не написано. А во 197 г. авг. въ числѣ былъ оныя Федка боленъ, и по него де были съ верху присылки, чтобъ быть какъ ни есть въ верхъ для нужнаго дѣла, и оныя Федка выбрелъ въ верхъ наслу, и в. де царевна изволила говорить, что она обѣщалася того дни итти въ Донской монастырь пѣшимъ походомъ, чтобъ для того походу изготовить пѣшихъ стрѣльцовъ поболши, для того чтобъ передъ тѣмъ временемъ недѣла за двѣ изволила в. государыня ходить въ Новодѣвичь монастырь пѣшимъ походомъ, и въ то время на дѣвчѣхъ полѣ передъ нею, непо-

далеку невѣдомо какіе люди зарѣзали до смерти отставнаго конюха, и чтобъ для того походу у тѣхъ стрѣльцовъ для опасенія было ружье, и онъ для того походу стрѣльцовъ человекъ со 100 велѣлъ нарядить и послѣ того спустя съ часъ г. царевна изволила ему Федѣ говорить, что объявилося у нихъ государей въ верху писмо, а въ томъ писмѣ написано, что потѣшныя конюхи собрався въ с. Преображенскомъ хотѣли приходить авг. противъ 7-го числа на ихъ государственную домъ въ ночь и ихъ государей побить всѣхъ, а противъ—де 8 числа будутъ для того кончая и чтобъ она государыня брата своего в. государя Іоанна Ал. и сестрѣ своихъ государевныхъ здоровья опасла, и изволила царевна для того опасенія собрать въ городъ стрѣльцовъ ста 3 или болши, чѣмъ бы тотъ приходъ возбранить и для того жъ опасенія по Кремлю всѣ ворота въ тою ночь запереть и впредь запираеть, и онъ Федѣ для того опасенія собралъ въ городъ стрѣльцовъ съ ружьемъ стремянныхъ Еенишева по 100 чел. и велѣлъ имъ быть на Лыковъ дворѣ да съ стѣннаго караулу Андрѣева полку Нармацкого 50 человекъ, у заднихъ дворцовыхъ воротъ, Дм. полку Жукова 50 чел. у дворцовой лѣстницы, Семенова полку Резанова съ капитаномъ Филипомъ Сапоговымъ 100 чел. на животномъ дворѣ, и были тѣ стрѣльцы въ тѣхъ мѣстѣхъ для того опасенія во всю ночь, и какъ ударило за два часа и въ то время в. государыня изволила итти для моленія вмѣсто Донскаго монастыря къ церкви казанской Богородицы, а тѣ стрѣльцы были за нею, государыней, на выходѣ всѣ окромѣ Резанова полку, а Резановы въ то время отпущены по домамъ, а болши того изъ тѣхъ и изъ иныхъ ни изъ какихъ полковъ стрѣльцомъ въ городъ и нигдѣ сбора не было и умыслу никакого въ бунту и въ с. Преображенское къ приходу не бывало, только посланы были стрѣльцы для розвѣдыванья за Красную слободу стремянаго полку на лошадахъ Федѣ Турка, Ив. Троецкой, Мишка Θεоктистовъ съ товарищи, а кого имяны, того не упомянуть и по утру часу въ другомъ дни прїѣхавъ они къ нему Федѣ на дворѣ сказали, что в. государь Петръ изволилъ итти изъ Преображенскаго въ ночи скорымъ походомъ въ с. Алексѣевское, а послѣ того съ часъ спустя пришлоу приставъ Родионова полку Остаѣева и сказалъ, что в. государь изволилъ итти въ Тонинское, а что де въ извѣтѣ капитана Ф. Сапогова о гранатахъ написано, чтобъ ручныя гранаты на пути бросить или въ сани положить какъ изволить в. государь итти въ походъ, и онъ Федѣ такихъ словъ ему Филипу не приказывалъ и непристойныхъ словъ никакихъ не говаривалъ, такъ же и про мать его в. государыню Наталью Кириловну и чтобъ еѣ государыню постричь, никакихъ словъ не говаривалъ и не пристойныхъ же словъ Василья Сапогова, Федѣ Турки, Ивашки Троецкаго не говаривалъ же, а Оброскѣ де Петрову такіе слова говорилъ: что государя въ Троицѣ итти, чады наговорилъ бояривъ Л. К. Нарышкинъ да кравчей кн. Б. А. Голицынъ, и велѣлъ ему послать провѣдать въ Троицкой монастырь о государственномъ пришествіи и что въ монастырѣ чинятца, а такихъ словъ, что имъ дѣлать не говаривалъ, а говорилъ ему Оброскѣ и иныхъ полковъ пятисотнымъ, а приставамъ, чтобъ они въ полкѣхъ своихъ смотрели на крѣпко, чтобъ въ такой в. государя скорой походѣ отъ какихъ людей словами ли или писмами не учинилося какіе шатости и замѣшавины, а что Оброска въ извѣтѣ сказалъ, что будто онъ Федѣ ему говорилъ, что будто авг. противъ 8 числа

изволить быть съ потѣшными в. г. государь, и онъ Оедка такихъ словъ не говариваль, а говорилъ что будутъ къ Москвѣ потѣшныя конюхи.

А на очной ставкѣ *Θ. Сапоговъ* съ нимъ Оедкою говорилъ, что такіе гранаты велѣлъ ему бросить, какъ у него въ извѣтѣ его написано имянно, а Оедка въ томъ во всемъ запырался. Филиппъ же на очной ставкѣ говорилъ, что де онъ Оедка про государское здоровье говорилъ многіе непристойныя слова, а Оедка сказалъ что никакихъ словъ не говариваль. „На очной ставкѣ съ *О. Петровымъ* запырался. А капитанъ *В. Сапоговъ* свазаль про непростойныя слова о царѣ Петрѣ и его матери,“ а говорилъ у него Оедки въ домѣ въ маленькой его комнаткѣ;“ — Не говариваль. Тоже показали *Θ. Турка* и *Ив. Троецкій*; — Не говариваль. „Об. Петровъ на очной ставкѣ сказалъ: Оедка де Шакловитой такіе слова говорилъ, чтобъ въ с. Преображенскомъ зажечь гдѣ нибудь, и въ то бы время убить в. государыню Наталю Кириловну и в. Бориса Алексѣевича и Лва Кириловича съ братьями; а Оедка сказалъ: такихъ онъ словъ никакихъ не говариваль.“ *Кузка Черной* говорилъ про царицу Наталю Кириловну — известъ; не говариваль. *О. Петровъ* говорилъ: какова она въ Смоленску была; — неговариваль. „Да *Θ.* же Сапоговъ на очной ставкѣ, сказалъ: во 196 г. лѣтомъ какъ приходила в. государыня Софія Ал. къ брату в. государю въ с. Преображенское, и въ то де время онъ Оедка ималь съ собой многіхъ стрѣльцовъ разныхъ полковъ, чтобъ убить в. государыню Наталю Кириловну и ближнихъ бояръ и комнатныхъ людей и выходилъ онъ Оедка къ нимъ на кормовой дворець и говорилъ ему Филипу: слушайте де, какъ учинитца въ хоромѣхъ крикъ, и вы де будте готовы всѣ и которые вамъ изъ хоромъ стануть давать, и вы ихъ бейте; а Оедка сказалъ: стрѣльцовъ де въ то время въ с. Преображенскомъ разныхъ полковъ человекъ съ 50 или съ 60 было, а такихъ словъ, что у него Филипа написано въ извѣтѣ, не приказываль. А Мышка Чететка на очной ставкѣ сказалъ: *Θ.* де Шакловитой, такіе слова, что св. патріарха переменить, а взять бы изъ властей, или и простого старца, говорилъ (346), и бояръ отпадшими яблыми деревьями называль, развѣ де до войхъ мѣсть постоить бояринъ в. Василей Голицынъ, и челобитную о переменѣ патріарха на одномъ столпѣ мѣляимъ писмомъ онъ Оедка ему казалъ, а было де ихъ человекъ съ 20; а Оедка сказалъ: челобитную де имъ чолъ о венчаніи в. г. царевны, а о патріаршей переменѣ челобитной у него Оедки не было и имъ такой челобитной не читаль. Да ему жъ очная ставка дана съ *Θ. Сапоговымъ*: такіе де слова, что онъ въ роспросѣ своемъ сказалъ, что онъ Оедка съ старцемъ Селиверсткомъ съ товарищи, св. патріарха убить умышляли, а Оедка де такихъ словъ не говариваль и до Селиверстка де ему дѣла нѣтъ.“ *Ив. Муромцевъ* о переменѣ св. патріарха. — Не говариваль. *О. Петровъ*: “ во 196 г. на Богоявленевъ день о убненіи св. патріарха говорилъ, а *Θ.* Шакловитой сказалъ, что такихъ словъ ему Оброскѣ не говариваль. Оедка жъ свазаль, что де онъ спрошенъ про подъячего, которой говорилъ на боярина на *Ив. М.* Милославскаго, будто на него Оедку, и тотъ подъячей на... Милославскаго что говорилъ, того не упомянуть, а его де Оедку въ то время тотъ подъячей толко въ застѣнкѣ назваль ему боярину собесѣдникомъ, а много ничего на него Оедку не говорилъ, а нынѣ де тотъ подъячей гдѣ того онъ не вѣдаетъ, п. ч. то дѣло толко начался у него, а послѣ было въ разрядѣ, а разскаивали бояря, и сидѣлъ

тотъ подъячей за приставомъ у думнаго дьяка В. Семенова, и писма у того подъячего какіе были-ль и вынаты-ль, того не вѣдаетъ.“

349. „Въ застѣнкѣ у пытки Ѳ. Шапловитой сверхъ прежнихъ своихъ рѣчей сказалъ: про пожаръ де чтобъ зажечь въ с. Преображенскомъ, и такіе де слова помнитца, что онъ говорилъ, а про государственное многолѣтнее здоровье, онъ не умышлявалъ, развѣ де про в. государыню Н. Кирилловну, и то де праставалъ къ ихъ стрѣleckимъ словамъ. Да онъ же Ѳедка сказалъ: на государственное де многолѣтнее здоровье ничего онъ не помышлявалъ, а прихаживали къ г. царевнѣ царицыны постелницы Нелидова да Сенюкова и извѣщали, что про нее государыню въ тамошней комнатѣ, гдѣ они говорятъ многіе непристойныя и бранныя слова и здоровье еѣ государыни не желаютъ, а про Лва Кирилловича и про кн. Бориса Ал. говаривали имянно, и какъ де Софія Ал. печалилася, и онъ де Ѳедка ей, в. государынѣ говорилъ утѣшая еѣ, чѣмъ де ей, не быть, ино де лутче царицу Наталію Кирилловну известъ.“

О. Петровъ подыманъ и говорилъ съ пытки прежніе слова. Куземка Черной въ застѣнкѣ — тоже.

„А Ѳ. Шапловитой съ пытки говорилъ: в. де государыню Наталію Кирилловну, чтобъ ее убить Куземкѣ Черному и Оброскѣ П. говаривать, и что въ роспросѣхъ Куземкинѣ и Оброскинѣ написано, и то все онъ говорилъ же, а опроча де ихъ Оброски съ товарищи пяти человекъ о томъ убіеніи царицы Наталіи не говаривалъ.“

351. А про бутны де онъ говорилъ съ стрѣльцами розговоромъ. А противъ роспросныхъ рѣчей Ивашки Муромцева во всемъ онъ Ѳедка винился, и такіе слова и о в. государѣ и о патриархѣ и о приѣмѣ боярѣ, въ томъ онъ винился. А про в. государыню царицу и по многіе времена съ нимъ Оброскою съ товарищи пятью человекъ умышлялъ убить до смерти и съ ними опрочъ ихъ ни съ кѣмъ не говаривалъ и не помышлялъ, развѣ де они Оброска съ товарищи съ кѣмъ говорили.

352. Онъ же Ѳ. Шапловитой сказалъ, какъ де кн. Ив. Хованскаго казнили, и у него де писемъ никакихъ онъ не вынимывалъ и не видалъ. Да онъ же Ѳедка сказалъ про.... взять де онъ по извѣсту А. Стржева, будто онъ ходитъ по многимъ домамъ и говаривалъ про государственное здоровье, сколько кому жить и какъ умереть.“....

356. „Демка Лауреттеевъ подыманъ и спрашиванъ, а въ роспросѣ говорилъ прежніе рѣчи: а стрѣльцомъ де онъ Демка говорилъ только одному человекъ, чтобъ въ походѣ въ Троецкой монастырь не итти, а стрѣльцкимъ бабамъ говорить такіе слова, чтобъ мужья ихъ сбѣжали изъ походу изъ Троецкаго монастыря, и то де ему велѣлъ имъ стрѣльцкимъ женамъ говорить Ѳ. Шапловитой и далъ ему отъ того денегъ 5 р. и въ Троецкой де монастырь не поѣхалъ онъ за страхомъ, да и для того, что ѣздить ему не велѣлъ Ѳ. Шапловитой.“

355. М. Чететка съ пытки говорилъ прежніе рѣчи, а было ему на пытѣ 5 ударовъ. Егорка Романовъ въ застѣнкѣ говорилъ тоже, „а Лва де Кирилловича съ братьями онъ Ѳ. Шапловитой велѣлъ ему Егоркѣ убить, только онъ на то дѣло не помышлялъ и своей братьѣ не сказывалъ.“

356. „Ѳедка жъ сказалъ, какъ де во 198 г. сент. въ 1 числѣ присланы къ Москвѣ в. государя грамоты изъ Троецкаго объѣзду и въ то де время в. государыня Софія А. указала написать сказку всякихъ чиновъ людямъ на боярина на Лва К. Нарышкина о непочитаніи къ нимъ в. го-

сударемъ и что де въ грамотахъ написано изъ Троецкаго объѣзду про извѣтъ пятидесятника Л. Елизарьева съ товарищи, и въ той сказкѣ написано, что въ тѣхъ грамотахъ тѣ дѣла написаны напрасно и чтобы они тому не вѣрили. И та де сказка написана и поднесена в. государинѣ царевнѣ, а никому та сказка не чтена, для того что намѣрено послать къ в. государю въ Троецкой объѣздъ духовника; да въ той же де сказкѣ написанъ былъ столникъ и полковникъ Иванъ Елисеѣвъ сынъ Цыклеръ, да извѣтчики Л. Елизарьевъ съ товарищи, и написаны они были въ сказкѣ, что они стакався съ ними затѣяли напрасно; а про Лва де Кириловича въ той сказкѣ написано было, что онъ къ нимъ государемъ никогда не являлся и къ рукѣ не хаживалъ, что христіанской вѣнецъ изломалъ Фед. К. Нарышкинъ; а тое сказку писалъ онъ по велѣнью царевны.

358. „Думной дьякъ Любимъ Олферьевъ сынъ Домнинъ сказалъ: Спаскаго де монастыря, что за иконнымъ рядомъ, стронтель Селивестръ ему былъ знакомецъ, для того что онъ съ нимъ Любимомъ родиною одного г. Курска и знакомство давнее, а во 197 г. былъ Селивестръ у него Любима въ великой постъ и послѣ того не бывалъ и никакой келейной рухли у него не ставлявалъ и нимало ничего не даывалъ и о поѣздѣ его никуда не вѣдаетъ же и лошади ему никакой не даывалъ.“

360—2. 198 г. сент. 8. *Ермошка Григорьевъ* сказалъ, что взялъ его братъ Арсенка въ Спаской монастырь и жилъ онъ у стронтеля старца Селиверстка и „училъ его грамотѣ“, а иконного писма учился у московскаго иконника Еёима Ивановича. А куда поѣхалъ братъ его съ Селиверствомъ, того не вѣдаетъ. А оставилъ его братъ Арсеній псалтырь, часословъ да Миръ съ Богомъ, и велѣлъ отвезти въ церковь.

363. Во 188 году сент. 9. Доставили въ Троецкой мон. ссыльнаго стрѣльца *Мишку Шапошникова*, что онъ приходилъ на Москвѣ въ слободу, возмущалъ стрѣлцевыхъ женъ, чтобы мужья ихъ изъ Троецкаго походу збѣжали, и съ пытки говорилъ на него воръ Демка Лаврентьевъ, а какъ его поймали и Мишка у нихъ изъ рукъ отбивался и кричалъ караулъ.

364. 198 г. сент. 11. *М. Шапошникъ* въ роспросѣ сказалъ: во 198 году сент. 2 жилъ онъ на Москвѣ, и какъ де онъ шелъ изъ двора своего въ городъ на Арбацкой ул. и его де стрѣлцы пятидесятникъ Микаф. Анисимовъ да А. Савостьяновъ съ товарищи поймали и поймавъ привезли съ Москвы въ Троецкой Сергіевъ мон. сковавъ, а прежь де сего онъ былъ въ стрѣлцахъ, а во 197 г. сосланъ былъ онъ въ ссылку въ Ярославль съ женою и съ дѣтми за то, что извѣщаль на пятидесятного на В. Бурмистра да на пристава Ек. Васильева съ товарищи въ томъ, что они Василей съ товарищи государево жалованье—стоны и погребы продавали, а что де они за тѣ стоны и погребы брали денегъ, и тѣхъ денегъ ему Мишкѣ и инымъ стрѣлцамъ не давали, а билъ де челомъ на нихъ оный одинъ, а иныхъ никого съ нимъ въ челобитѣ и отвѣтѣ не было. А какъ де онъ про тѣ стоны и погребы сталъ ему Василью говорить у сѣзжей избы, и онъ Мишку билъ и на чепъ сажалъ и руку передломилъ, и онъ де не стерпя побой, сказалъ за собою государево дѣло, а государево де дѣло то за нимъ, что Микифоръ Анисимовъ, Т. Чернавкинъ, А. Мурзенокъ, Е. Мартыновъ кабаки откупаютъ и табакомъ торгуютъ, и то де дѣло было въ стрѣлцескомъ полку, и по тому дѣлу про него Мишку розыскивано, а про нихъ Микифора съ товарищи не розыскивали, а по розыску вины

его никакъ не сказали, а сосланъ же онъ въ Ярославль по челобитью Бурмистра, а онъ Василей билъ челомъ ото всего полку, а полчане де всѣ того не вѣдаютъ, а жилъ же онъ въ Ярославль 6 дней, и безъ него де на Москвѣ в. государыня Софія А. спросила про него и указала послать по него грамоту, и по той грамотѣ къ Москвѣ онъ взятъ и пріѣхалъ авг. 7 и жилъ въ своемъ полку недѣли съ двѣ и Софія Ал. указала ему быть въ Романовѣ полку Еевмьева въ рядовыхъ стрѣлцахъ.

366. А во 197 г. авг. противъ 8 числа въ ночи въ г. Кремль онъ не бывалъ и въ слободахъ непристойныхъ словъ ни съ кѣмъ не говаривалъ и не возмущалъ, и стрѣлцкимъ женамъ, у которыхъ мужья были въ Тр. Сергіевѣ монастырѣ, чтобъ мужья ихъ изъ походу збѣжали къ Москвѣ, не говаривалъ. А у Ѳ. де Шакловитова вздѣлъ онъ денегъ 10 р., а даль де онъ Ѳедка ему тѣ денги у себя въ хоромахъ, а сказалъ, что для его... да при немъ же даль онъ стрѣльцу Демкѣ Лаврентьеву бумагу денегъ, а сколько того не вѣдаетъ и говорилъ Ѳедка Демкѣ: мочноль де тебѣ сдѣлать, отъ стрѣлцкихъ жонъ отписать грамоту къ ихъ мужьямъ въ Троецкой мон., чтобъ они збѣжали къ Москвѣ, то де онъ Миша слышалъ у него Ѳедки; а ему говорилъ Ѳедка провѣдать про достояныхъ стрѣлцовъ Сухарева полку: пошли ль де они въ Троецкой мон. или нѣтъ, и онъ де провѣдавъ сказалъ, что достояные стрѣлцы на Москвѣ. Да тѣхъ же де стрѣлцовъ для провѣдыванья послалъ его и Обро-ска Петровъ; а какъ де его поймать повели въ Троецкой мон. и онъ де на Москвѣ караулъ не кричалъ и отъ нихъ не отбивался.“

367—197 сент. 10. Десятникъ полку Жукова Ѳ. А. *Можестинъ* словесно извѣщалъ, что его послали для поймки А. Стрижева и Ег. Романова, и какъ онъ, Ѳеодоръ съ товарищи поймалъ ихъ воровъ сент. 1, и хотѣлъ посадить у сѣвѣнныя избы за караулъ и увести въ Троецкой монастырь, и стрѣлецъ Ив. Якимовъ съ товарищи, Стрижева и Романова отбили и побѣжали въ городъ; а Ив. Якимовъ говорилъ, что тогда указъ писанъ за Марьяною рошею „да и полковникъ же Дм. Жуковъ съ Москвы съѣхалъ безъ увазу в. государей.“

369—198 Сент. 11. *Екимовъ* въ роспросѣ сказалъ: Стрижева и Романова не отбивалъ, и какъ де в. государей указъ чли на сѣвѣнныя избы, непристойныхъ словъ не говаривалъ, и нынѣ де А. Стрижовъ гдѣ, того онъ не вѣдаетъ.

370. Во 198 г. сент. 11 дьякъ *Кирило Алексеевъ* сказалъ, что грамоту у Ив. Нечаева „принялъ на Красномъ крыльцѣ подъ шатромъ, и не распечатавъ внесъ въ верхъ для того, до той де в. государя грамоты, дни за 2 или за 3, в. государыня Софія Ал. изволила сама имъ сказать ихъ в. государей указъ: буде изъ походу изъ Тр. Сергіева монастыря присланы будутъ отъ в. государя грамоты или иные какіе письма, указала вносить къ себѣ въ верхъ, а въ приказѣхъ распечатывать не указала, а изволила имъ она, Софія Ал., сказать сама, что идетъ къ в. государю Петру Ал. въ Тр. Сергіевъ монастырь и тѣмъ указомъ тое грамоту распечатать не посмѣлъ.“

372. 198 г. сент. 11. Въ мастерской полатѣ полку Ив. Кобылскаго пятидесятникъ *Климъ Ѳедотовъ* извѣщалъ: въ сентябрѣ стрѣлецъ Ив. Як. Слоевъ говорилъ Климу въ домѣ своемъ, „чтобъ выдать дву человекъ стрѣлцовъ, а куды выдать и для чего выдать и кого имянемъ, того не сказалъ, потому что Иванъ въ то время былъ пьянъ. Послывъ

былъ онъ для сыску *Θ. Шакловитаго* съ 10 стрѣльцами изъ Троецкаго походу, и какъ они приѣхали, дано имъ было в. государей жалованье погребъ, и взявъ же съ погребѣ вина крушку домовъ, и то вино пилъ и былъ пьянъ, и что говорилъ Климу, не помнитъ, а прежде ни въ какомъ воровствѣ не бывалъ. *Отдать за караулъ въ полкъ.*

374. Сент. 11 солдатъ *Елисейко Ивановъ* доставилъ въ Троецкій монастырь чернеца, который будто говорилъ про С. Медвѣдева, что знаетъ, гдѣ онъ живетъ и его не сыщутъ. Во всемъ заперся и сказалъ на цѣмавшаго: „прошалъ де у него крушки вина.“

376. Показаніе *Архипки Алексѣева*: Стрижева и Романова не отбивалъ у сѣвѣжей избы; они стали тащить присланныхъ въ стрѣлецкій приказъ: „есть де в. государя Іоанна и царевны Софіи указъ, что имъ въ походъ безъ указу ѣхать не велѣно.“ И пошли въ Москву въ верхъ въ мастерскую полату; а Архипка остался ждать.

378. Тоже запирался Аюника *Ив. Барабанщикъ*, „а въ Кремлѣ авг. противъ 8 числа не бывалъ же, толко де ему Е. Романовъ далъ денегъ рубль въ вечеру въ часъ ночи, а за что, того онъ не сказалъ, и гдѣ онъ Алешка выиѣ, того онъ не вѣдаетъ.“

379. (Тоже сказалъ Дмитріева *Жукова* полку стрѣлецъ, далъ рубль *Никитка Васильевъ*). 380. Стрѣлецъ *Исачка Григорьевъ* сказалъ то же: Романовъ далъ рубль... „и для чего были они собраны на Лыковъ дворѣ, того онъ не вѣдаетъ,“ и проч.

382—3. Капитанъ московскихъ стрѣльцовъ *Андрей Григ. Аносковъ*: вытребовалъ его въ Троецкой монастырь полковникъ Родіонъ Остаѣевъ, который приказалъ ему у рундука ожидать кравчего кн. Б. А. Голицына, и кравчей де вышедъ изволилъ просить у него имени и прозванія и изволилъ говорить: былъ ли де онъ въ Воскресенскомъ монастырѣ? и онъ не бывалъ тамъ. И Лаврентей Сухаревъ приказалъ послать его за караулъ тому 8 день, а воровства за собой не вѣдаетъ.

384—6. Сент. 12. Слободчикъ *Мартышка Олимпковъ* сказалъ: посланъ онъ съ полковникомъ *Ив. Нечаевымъ* для сыску *Θ. Шакловитова* съ товарищи; и какъ грамоту стрѣльцы прочли, сказали: „что де они за воровъ не стоятъ и сыскивать ихъ готовы,“ и 40 чел. пошли искать *Θ. Шакловитова* и старца Селиверста; а онъ остался на Москвѣ для ихъ сыску, для того что они, онъ Мартынка и иныхъ полковъ, стрѣльцы для того сыску посланы за его в. государя жестокимъ указомъ и не сыскавъ ихъ воровъ, въ Тр. Сергіевъ монастырь имъ ѣздить не велѣно.“ А Нечаеву являлся по вся дни.

387. Капитанъ Д. Родичевъ привезъ въ Троецкой м. стремяннаго полку сотеннаго Сенку Долматова, а сказалъ: „привезъ де его по приказу полковника *Ив. Цыклера*, что били челомъ ему полковнику на Сенку сотенные жъ въ побранкѣ.“

388. Сент. десятникъ полка Цыклера *Ив. Суворовъ* сказалъ: во 198 говорилъ своей братѣ 3 сент. на Покровкѣ объ указѣ государя „о присылкѣ воровъ и крестопреступниковъ, *Θ. Шакловитомъ* съ товарищи, и онъ де *Ивашко* говорилъ, что за такихъ воровъ намъ стоять нѣ за что, воля ихъ государская.“ И Семенъ Долматовъ „учалъ говорить, что де вы слышали?“— Богъ далъ здорово.— И Долматовъ съ товарищи учалъ Суворова бранить матери „и вынѣвъ изъ ноженъ ножъ свой оправной серебромъ великой и почалъ въ скамью у лавошника на Покровкѣ тѣмъ своимъ ножемъ колоть и за ними *Ивашкомъ* съ товарищи съ тѣмъ но-

жемъ гонялся и говорилъ: всѣхъ де тѣхъ воровъ перевѣшаютъ, которые въ Тр. Сергіевъ м. ушли Ларіона Елизарьева, Ипата Улеова со всѣми ихъ товарищи, а есть ли бы они попались ему Сенкѣ, и онъ де бы имъ не спустилъ; а имъ де Ивашкѣ съ товарищи говорилъ: а вы де воры такіе-жъ что и Ларко съ товарищи, ждите на себя ночью, что вамъ будетъ. И они де Ивашко съ товарищи того числа въ домахъ своихъ не почевали, а сент. 4 вышли на Лубянку, и имъ де Ив. Суворову съ товарищи пятидесятникъ Артемей Ковришквинъ сталъ говорить, что де на васъ Семенъ Романовъ извѣщалъ въ словахъ въ такихъ, что какъ у него Ивашки написано на него Семена, сказано выше сего, и по тому де его извѣту велѣно по васъ послать,— и онъ де Ивашко съ товарищи не вѣра ему Арт. Ковришквину пошли въ городъ и на встрѣчу де имъ того жъ полку пятисес. Лука Степановъ и сталъ де имъ говорить про извѣтъ С. Доматова и по присылку по нихъ тѣ жъ рѣчи, велѣлъ имъ прикрытца для того де, что присылка скоро будетъ, и они де Ивашко отъ того въ Тр. Сергіевъ мов. уѣхали извѣщать на него Семена.“

289. Сенка Доматовъ показалъ: „съ Ѳ. де Шавловитымъ съ товарищи и ни съ кѣмъ умыслу у него на государское здоровье и къ бунту никакого не бывало и въ Кремлѣ авг. противъ 8 числа не былъ, и денегъ никакихъ ни у кого не бирывалъ и замысловъ никакихъ къ воровству ни у кого не слышалъ, а въ сентябрѣ де мѣсяцѣ тогожъ полку стрѣлцы Ив. Суворовъ, Кирьякъ Семеновъ говорили, что Л. Елизарьевъ съ товарищи и воровство ихъ сказывали, и онъ де Сенка имъ говорилъ, что и всѣхъ де ихъ хвалить нечего, естли бы де въ такіе годы надъ нимъ в. государемъ какое злое дѣло учинилось, и они-бъ де всего государства стрѣлцы пропали...“

454—476. *Письма.* Иванъ Елисеичъ, государь здравствуй на вѣки; прошу г. твоего жалованья, донеси государю моему князю Борису Алексѣевичю, какъ в. государи пойдутъ въ Троецкой монастырь, а мнѣ ѣхать или не ѣхать въ Троец. монастырь, что укажетъ; да еще милости у тебя прошу, умираю съ печали, какъ такое дѣло наложили, что нести не могу, да доложи милостивой мой, какъ государи пойдутъ дворъ Ѳетки Шавловитова печатать или и караулъ къ нему приставлять ли и келью Селиверстову печатать ли, пожалуста.... чтобъ на мнѣ это не легло; да слышалъ я государь гнѣвъ есть государя, что бутто я нерадѣю, а я бѣдной сна себѣ не имѣю и ночь... дворомъ ночью для того, что пріѣзжаютъ ко двору и ночью спрашиваютъ, а про Ѳетку Шавловитова слухъ есть, что въ веру и товарищи его, а Седиверстко ушелъ до нашего пріѣзду. Пожалуй милостивой мой прикажи хотя строчку отписать, лошади и борошняшко въ монастырѣ будутъ мнѣ не долго жить я бы не... бы пріѣхать, а будетъ мнѣ занитца, такъ пожалуй государь прикажи тое... ко мнѣ; да послалъ стрѣлцовъ сотниковъ своего полку отповеди мнѣ никакой и указу про отписки нѣтъ, пожалуй государь отпиши хоша строчку. За семъ Ивашко Нечаевъ челомъ бьетъ....

455: Милостивый государь кн. Борисъ Алексѣевичъ! извѣстно тебѣ буди для которыхъ я воровъ и измѣнниковъ посланъ, чтобъ ихъ переимавъ привезть къ в. государю въ походъ въ Троецкой Сергіевъ монастырь, и мнѣ указано быть предъ царемъ Іоанномъ Алекс. съ конными, а онъ идетъ въ монастырь Живоначальныя Троицы къ брату своему в. государю, а про тѣхъ воровъ, гдѣ они, вѣдомости нѣтъ, а я государь про тѣхъ воровъ

и измѣнниковъ провѣдываль безпрестанно, а царевна Софія Алексѣевна изволила выходить къ стрѣльцамъ, которые присланы по его государеву указу со мною для поимки тѣхъ воровъ и измѣнниковъ, изволила имъ сказать, что идетъ она съ братомъ своимъ я. государемъ Иоанномъ Алекс. и съ государынями царевнами въ монастырь Живоначальныя Троицы къ брату своему, и про тѣхъ воровъ изволила сказать, что привезенъ будетъ государынею, а Ивану Нечаеву указали быть на Москвѣ. О семь напишеть, рабъ твой Ивашка Спиридоновъ челомъ бьетъ.

456. Государямъ нашимъ милостивымъ Ларіону Елизарьевичю, Ипату Григорьевичю, Дмитрею Алексѣевичю, Якову Петровичю, Ѳедору Михайловичю, Михаилу Ѳеохтистовичю, Ивану Ѳедоровичю, искатели милости вашей Киришка Семеновъ, Нестерко Григорьевъ челомъ бьютъ. Подай Господь Богъ вамъ государямъ нашимъ многолѣтвое здравіе, далъ Богъ живы, сент. по 1 число. Да вѣдомо вамъ буди, которыхъ по указу в. государя велѣно съ Москвы взять по наказнымъ памятямъ, и тѣхъ нынѣ не даютъ, приличаютъ ихъ будто напраслины и оговорены не дѣломъ ненавидятъ ихъ, будто они люди добрые и вездѣ послушны и работники, и государыня всѣхъ полковъ пятидесятниковъ и десятниковъ призывала и о томъ изволила говорить, чтобъ тѣхъ людей не выдавать, а естли бы де выдать, и васъ по одному и всѣхъ розберутъ; да пожалуйте государи, не положите насъ въ забвеніи, а мы надѣяся на вашу милость про все писали. Кирышко Семеновъ челомъ бьетъ, Кононко Ивановъ челомъ бьютъ.

457. Государю милостивому Лаврентью Кондратьевичю; твоего полку стрѣльцыпятидесятникъ Самошко Ѳедоровъ съ товарищи рабска челомъ бьютъ. Вѣдомо.... г. Лаврентей Панкратьевичъ буди, царевна Софія Алексѣевна насъ съ Москвы не отпускаетъ, велѣла намъ жить на Москвѣ, и мы ей били челомъ, что изъ насъ отпустить хотя по 1 человекъ съ полку, и она указала съ полку по 1-му человекъ, отпустить въ походъ въ Троицкой Сергіевъ монастырь, и сказала намъ на насъ де не пеняйте, а Дементей Лаврентьевъ у насъ сидитъ за карауломъ и вестъ его боимся для того, что на Лыковъ дворѣ Семеновъ полкъ стоитъ съ копьями и знаменами и съ барабанами, а Ѳ. Шекловитова в. государь не отдастъ, О. Петрова, А. Стрижева отбили ихъ полчани, а О. Петрова отбилъ Я. Аюнасьевъ съ товарищи, а Ѳ. Шекловитой въ дому своемъ сказываютъ не жить, а живетъ въ верху. Пожалуй Лаврентей Панкратьевичъ и Ив. Борисовичъ и Вас. Герасимовичъ (458), отпишите къ намъ, какъ намъ быть, а мы безъ вѣдома вашего Лав. Панкратьевичъ ѣхать одинъ не смѣемъ.

А сентября въ 1 числѣ всѣхъ полковъ пятидесятники и десят. призваны въ верхъ и в. государыня сказала имъ: просать де у насъ Ѳедора Шекловитова съ товарищи и онѣ пятидесятники и десятники сказали: воля ваша, а болше того ничего не сказали и многія наша братья на тѣхъ ропчутъ, которые отъ Троицы прѣехали на тѣхъ, которые отбили Стрижева, Егорка Романова, Обр. Петрова съ товарищи.

459. Государю моему батьку Ларіону Елизарьевичю съ товарищи.... челомъ бьетъ.... въ нынѣшнемъ во 19 году лѣто начатца сент.... присланы в. государя грамоты и по тѣмъ грамотамъ и по указу у насъ въ полку перехватили Андрюшку Семенова.... а болши того никого взять и хватать не велѣла, а что я вамъ сказалъ, что привезеть Ст. Тимоеева, а онъ и на Москвѣ нигдѣ не явился, а что ты Ларіонъ Ели-

зарьевичъ писалъ грамоту къ Лукѣ Степанову, и ему тое грамотки не точно бы у себя держать потому что... принесена.... общался, что вора Накитку.... привести.

Государю милостивому нашему и милосердому Ивану Елисеичу, подай тебѣ государю моему Господь Богъ многолѣтнее здравіе, твоего полку пятидесятникъ Ива. Телкинъ, Кир. Семеновъ челомъ быть: вѣдомо тебѣ буди в. государя нмыѣшей указъ, что присланъ изъ походу у съѣзжей избы предъ всѣмъ полкомъ чтенъ и твоего полку стрѣлцы пятидесятники и десятники и редовные сказали, что рады служить и тѣхъ воровъ и измѣнниковъ сыскивать, и пошли изъ съѣзжей избы по разнымъ дорогамъ сыскивать; а воръ Анд. Сергеевъ изъ за караула съѣзжей избы ушолъ, а на караулѣ у него были десятники Иванъ Голой, Ѳедотъ Туладаевъ, а шолъ въ то число, какъ учинился пожаръ на Москвѣ за Язую ночью въ 7-мъ часу ночи. Да вѣдомо тебѣ буди, бояры и околниче и думные дворяны приговаривали вора Ѳ. Шекловитова и товарищевъ его отдать къ в. государю въ Троецкой, паче и по воротамъ о тѣхъ ворахъ наказано накрѣпко, чтобъ ихъ ловили и отвозили къ Троицѣ, а я Кир. во 2-мъ часу ночи приходилъ къ съѣзжей избѣ и десат. Ѳедотку Толодаева сказалъ, чтобъ того Сергеева берегъ и смотрилъ на крѣпко и Ѳедотъ сказалъ, что буду беречь его накрѣпко. Сентаб. въ 3 день.

461. Столнику и полковн. стремяннаго полку Ив. Елисеичу Цыклерову пятидесятникъ Стен. Воротниковъ, да Ив. Воротниковъ челомъ быть. Здравствуй государь нашъ Иванъ Елисеичъ на множество лѣтъ со всѣми пріятелями..., да вѣдомо тебѣ буди, что изъ походу отъ государя прислана грамота, и ту грамоту чли и то всѣ люди слышали, заговорили, что мы за тѣхъ людей не стоимъ—воля государева, пошли Ан. Сергева взяли, посадили за караулъ, а ходили по Микиту и по Андр. Кондратьева и они домой дѣя съ 4 не ночуютъ, а ночуютъ въ верху, да пріятелю моему Лар. Елизарьеву и Ипату Григорьевичу, Матв. Григорьевичу, Дмит. Алексѣевичу, Мих. Ѳеоктистовичу, Ѳед. Михайловичу, Ив. Ѳедоровичу, Ѳилипу Ѳедоровичу и всѣмъ нашимъ пріятелемъ здравствуйте.... наши пріятеля. Ст. Воротниковъ челомъ быть да Ивашка Воротниковъ челомъ быть; пріятель нашъ Лар. Елизарьевичъ доложи Ив. Елизарьевичу чтобъ побилъ челомъ Иванъ Елисеичъ царю Петру Алексѣевичу объ Малышкинѣ, объ Лепешкинѣ о Полетаѣ, а сидятъ они въ темномъ мѣстѣ, что проходятъ отъ Микола Теплова по розну, чтобъ указъ государевъ прислали, а государыня призвала пятидесятники и десятники и говорила, что я еще съ государемъ грамотами перешлюсь и вы до указу не отдавайте тѣхъ людей, тѣ люди добрыя, этакъ и всѣхъ васъ поберетъ. Лар. Елизарьевичъ пожалуй посмотри грамотки, тако негодитца показать Ив. Елисеичу и ты не кажи, что худо написана неразумно, раздери грамотки раздери....

Государю милостивому и милосердому Ив. Елисеичу, подай тебѣ Господь Богъ многолѣтнее здравіе. Ст. Воротниковъ, Кир. Семеновъ премножественно челомъ быть, а мы на Москвѣ въ суетахъ своихъ и въ печалѣхъ пребываемъ и въ домахъ своихъ не ночуемъ. Вѣдомо тебѣ буди, на Москвѣ на Лыковѣ дворѣ прибылой караулъ и ставятъ полные полку тысячные знамены съ копыи и съ ружьемъ и съ барабаны, да рѣчь носитца и поговариваютъ тутъ, государыня и государь изволятъ итти въ Троецкой походъ вскорѣ, а котораго числа того внодлинно невѣдомо, а по которыхъ в. государей грамоты

были посланы, и тѣ воры въ полкахъ не явятца, знатно, что живутъ въ прикритыѣ, и старца въ томъ монастырѣ, гдѣ онъ живалъ, нѣтъ, а меня Карьюшку, Семенъ Долматовъ хотѣлъ ножомъ зарѣзать, такожъ де и Кюнона Иванова и Ив. Суворова, и ножъ наголо вынималъ и впредь ножомъ рѣзать меня хвалитца и пристращиваетъ ночью порою, а чѣмъ хвалитца ночью, того невѣдомо, и называетъ ворами измѣнниками, и которые доводчики де у Троицы, такіе-жъ де воры и кричить во весь народъ безопасно и съ ножомъ наголо по Покровкѣ ходить, и Степана Асамитова также воровъ называлъ и ножомъ рѣзать кидался на всѣхъ, и набравъ камня хотѣлъ бросать въ насъ, и всякіе непристойныя слова во весь народъ говорилъ, и мы стали его унимать, чтобъ онъ Семенъ отъ дурныхъ словъ унялся и онъ бранилъ, и мы на твою государскую милость надежны: пожалуй объ насъ пособствуй и призри, чтобъ намъ живучи на Москвѣ опасенія не было. Сентаб. 3 день.

463. Государю милостивому и милосердому Ивану Елисеѣвичу! Подаи тебѣ государю Господь Богъ многолѣтнее здравіе. Ст. Воротниковъ, Кар. Семеновъ премножественно челомъ бьютъ, а мы на Москвѣ въ суетахъ своихъ и въ печаляхъ пребываемъ и въ домахъ своихъ не ночуемъ, вѣдомо тебѣ буди: на Москвѣ на Лыковѣ дворѣ поставленъ прибылой караулъ и стоятъ полные полку тысячныя съ знамены съ копы, съ ружьемъ и съ борабанъ, да рѣчь носитца, поговариваютъ, и государь изволятъ ити въ Троецкой походъ въскорѣ, а котораго числа, того внодлинно не вѣдомо, а которыхъ в. государей грамоты были присланы и тѣ воры въ полкахъ не явятца, знатно то, что живутъ въ прикритыѣ и старца въ томъ монастырѣ, гдѣ онъ живалъ, нѣтъ; а меня Семенъ Далматовъ хотѣлъ ножомъ зарѣзать, такожъ де Кюн. Иванова и Ивана Суворова и ножъ наголо вынималъ и впредь ножомъ рѣзать меня хвалитца и пристращиваетъ ночью порою, а чѣмъ хвалитца ночью, того не вѣдомо и называетъ ворами и измѣнники, а которые де доводчики у Троицы, такіе жъ воры и кричить во весь народъ безопасно и съ ножомъ наголо по Покровкѣ ходить и Степ. Асамитова также воровъ называлъ и ножомъ рѣзать кидался на всѣхъ, и набравъ камня, хотѣлъ бросать въ насъ и всякіе непристойныя слова во весь народъ говорилъ, и мы стали унимать, чтобъ онъ Семенъ отъ дурныхъ словъ унялся, и онъ бранилъ и мы на твою государеву милость надежны пожалуй насъ, пособствуй и призри (464), чтобъ намъ живучи на Москвѣ опасенія небыло, а въ верху сидѣнье было, а про что, того невѣдомо, а къ сидѣнью послали по столниковъ и по дворянъ и по боярскихъ страпчихъ, кои постарѣе.

465. Милостивый Государь Илья Ивановичъ, твоего полку пятисотной Исачка Борисовъ челомъ бьетъ. Здравствуй Илья Ивановичъ на многія лѣта, да вѣдомо тебѣ Илья Ивановичъ буди, что которой указъ отъ Троицы Сергеева монастыря присланъ твоего жъ полку съ пятидесятиныи съ Ивановъ Киреевымъ съ товарищыи съ десятка человекъ и тотъ в. государя указъ у съѣзжей избы пятидесятиникамъ и десятникамъ и рядовымъ стрѣльцомъ вслухъ вычтенъ всѣмъ въ слухъ, и пятидесятники и десятники и рядовые стрѣльцы сказали: будь ихъ в. государей воля, что они ни поволятъ, а тѣхъ Илья Ивановичъ пятидесятниковъ, которые съ указомъ пріѣхали, не отпускаятъ и указъ у нихъ пятидесятниковъ въ верхъ взяли, а въ дому Илья Ивановичъ твоёмъ далъ Господь же здорово и въ слободѣ твоего полку, далъ Господь Богъ все смирно, да сотенной, И. Ивановичъ, твоего полку Юдея Ѳедоровъ пришелъ изъ полону къ Москвѣ, а въ полонъ его взяли отъ Переко-

па отошедъ на первомъ стану. Писано сіе писаніе сент. въ 2 день. За снмъ писавнй Исачка Борисовъ челомъ бьетъ.

Милостивнй Государь пріятель Онл. Михайловичъ, пожалуй умилися надо мноу убогимъ, возми за меня ихъ в. государей жалованье сукно, а расписатца въ мое мѣсто, кому пожалуешь ни прикажежь, потому что... надеженъ на милость и любовь твою къ себѣ убогому. Писавнй Ив. Елбузинъ челомъ бьетъ, слезно милости твоей просить.

467. Государь милостивнй Фед. Леонтьевичъ! бьетъ челомъ бѣдная и безпомощная до конца разоренная вдова Стеованида, сама пята съ робятшкками, изволеніемъ Божиємъ погорѣла я бѣдная, и пріютитца бѣдной съ робятшкки не гдѣ, и я бѣдная опродавши...., а иное собравши Христовымъ именемъ, а иное и одолжася взяла избенку и поставила, а печенки сбить не чѣмъ, умилостивися государь милостивнй Фед. Леонтьевичъ, для всемилостиваго Спаса и пречистыя Богородицы для многолѣтняго своего здравія, пожалуй мнѣ бѣдной на печенку чѣмъ сбить, купи душѣ своей спасенья, заставь вѣчно Бога молить Фед. Леонтьевичъ, смилуйся пожалуй.

469. По указу в. государей пойманы воры Лаврентьева полку Сухарева Демка Лаврентьевъ, Семенова полку Краекова Ив. Муромцовъ, Романова полку Еөнмьева, пятидесят. Ильюшка да Васка, которые отбили Об. Петрова, и тѣхъ послалъ въ Троецкой монастырь, а для чего не писалъ опасася, чтобъ на дорогѣ ихъ и писемъ не отбили. А воровъ государевыхъ измѣнниковъ вѣдомость носитца въ Троецкой монаст. посылать не изволятъ.

Сент., въ 4 числѣ взятъ изъ Спаскаго монастыря, что за Иконнымъ рядомъ старца Селверстка Медвѣдева донской козакъ Оомко Савостьяновъ и тотъ козакъ Оомка посланъ со стрѣльцами Еетноіемъ Ламовцомъ Семенова полку Резанова съ товарищи (472) на Троецкой монастырь; того жъ сент. противъ 3-го числа въ 8-и часу ночи съ сѣзжіе избы Иванова полку Цыклера ушли его жъ полку стрѣлецъ Анд. Сергеевъ, а на караулѣ стояли десятички Ив. Голой, Фед. Ивановъ, на часахъ стоялъ Галка Яковлевъ, и тѣ десятички посланы въ Троецкой монастырь.

473. В. государямъ и в. государынямъ цесаревнамъ походу въ Троецкой Сергіевъ монастырь сего числа не чаеть, а вѣдомость есть, что походъ будетъ завтра сент. въ 5 день.

Государю Анд. Ивановичу пятидесятники Панѣилко Карповъ (474) съ товарищи челомъ бьютъ, здравствуй государь на множество лѣтъ, вѣдомо тебѣ буди въ домѣ твоемъ и у Ивана Федоровича, далъ Богъ здорово, да просили милости у в. государей и указъ намъ сказанъ объ измѣнникахъ и ворахъ о Оеткѣ Шакловитомъ и объ Ондрушкѣ Кондратьевѣ съ товарищи (475), которые не сысканы, а онъ О. Шакловитой у нихъ в. государей въ вѣдомѣ и какъ будетъ изъ походу бояринъ кн. Пет. Иван. Прозоровской и онъ Федка будетъ у нихъ въ рукахъ, а изъ стрѣльцовъ (476) Анд. Кондратьева у нихъ въ дому нѣтъ, а велѣно искать, а указъ связывалъ Борисъ Гавриловичъ Юшковъ, и о томъ тебѣ обо всемъ подлинная вѣдомость будетъ. (Л. 871—74).

497. Царю Петру челобиты *Ив. Нечасева*: ..., Какъ былъ я, холопъ вашъ въ дорогѣ, и вѣдомо на Москвѣ учинилось и сестра твоя в. государыня Софія Ал. изволила призвать подполк. Р. Агустова и приказывать, чтобъ ему ѣхать на встрѣчу, взявъ съ собою стрѣльцовъ 200 человекъ, и меня и стрѣльцовъ переминать и твой, в. г., указъ отнять, чтобъ въ полкахъ

тѣхъ указовъ не объявить и для увѣренія приводила ко хресту его Родіона и стрѣльцовъ, чтобъ мнѣ не поноровилъ, и я, холопъ вашъ, объѣхалъ иною дорогою и стрѣльцовъ распустилъ по полкамъ. И какъ стрѣльцы пріѣхали въ слободы свои и указъ прочли, и я пріѣхалъ въ городъ и грамоту въ приказѣ дьякамъ Кирилу Алексѣеву съ товарищи отдалъ, и дьяки не роспечатавъ тою грамоту подали въ верхъ, а меня Данило Полянскоіи рспрашивалъ, „по что де ты пріѣхалъ?“ Велѣно мнѣ взять воровъ. И вышедъ сказалъ: до указу в. государей не уѣзжай. А Айгустовъ искалъ меня и бѣгалъ, и твой указъ взялъ у стрѣльцовъ и отвезъ въ верхъ. И велѣно взять всѣ указы вверху. И какъ пришли стрѣльцы, в. государыня Софія Ал. „изволила вытти и сказать, что де братъ нашъ в. государь Петръ Алексѣевичъ, указалъвамъ взять Ѳедора Шакловитого да Оброску Петрова и иныхъ, и они люди добрые и безвинно нынѣ де возмете ихъ, а въ иное де время и иныхъ такъ де всѣхъ переберутъ. И вы де безъ нашего указу никого не берите и сами съ Москвы не съѣзжайте.“ И они стрѣльцы назавтра приходили, которые присланы отъ тебя, и были челомъ, чтобъ ихъ отпустить хоша по человѣку съ полку; и государыня Софія Алекс. изволила вытти и отпустить не поволела, „и будутъ кто поѣдетъ, и у васъ де жены и дѣти останутца, а вора Ѳ. Шакловитого и жены и дѣтей въ домѣ нѣтъ;“ а носитца рѣчь, что въ верху, и тутъ его взять не возможно, Селиверстка не нашли. (500) Да и въ полкахъ, государь, не согласно: какъ стрѣльцы пріѣхали по полкамъ и въ Романовѣ полку Еөнмьева на съѣзжей избѣ застали О. Петрова, и стрѣлецъ пріѣзжалъ Семенова полку Огвбалова Якишко Ивановъ, чтобъ его Оброску взять, и О. Петровъ почалъ его бить, а были въ то время пятидесятники Илья Аеонасьевъ да Василей Мясникъ и многіе стрѣльцы, и его Оброску отпустили, и А. Стрижева, и Е. Романова также не дали. А стремяннаго полку сказали, что пойманъ де у нихъ Андриюшка Сергѣевъ и сидитъ на съѣзжей избѣ, а въ полку Браекова сидитъ пойманъ Ив. Муромцовъ, а въ полку Сухарева пойманъ Д. Лавренгѣевъ, и о тѣхъ пойманныхъ что ты, в. государь, укажешь? А меня, холопа вашего, хотять поймать тайнко обычаемъ, и я въ домишку своемъ не ночью, сент. противъ 2 числа въ полночь приходили ко мнѣ и спрашиваютъ де меня въ верхъ, а сказался подъячей, и съ нимъ было многолюдно; а я въ то время не ночевалъ дома, а безъ твоего в. государя указу въ Троецкой монастырь ѣхать не смѣю, и о томъ, что ты в. государь укажешь?“

501—504. (Сент. 4 велѣно ѣхать полковнику Сергѣеву помогать Нечаеву и Спиридонову въ поимкѣ воровъ. Письмо Нечаева получено 3 сент. за нерадѣнье и оплошку быть Сергѣеву въ смертной казни безо всякіе пощады, а стрѣльцовъ съ нимъ послано 20 чел.)

516—532. Въ нынѣшнемъ во 197 г. авг. въ разныхъ чѣслѣхъ царю Петру Ал. въ с. Преображенскомъ извѣщали и въ Троецкомъ Сергѣевѣ монастырѣ въ роспросѣхъ порознь сказали: московскихъ стрѣлецкихъ полковъ капитаны и пятисотные и пятидесятники и десятники и рядовые стрѣльцы разныхъ полковъ на Ѳедку Шакловитаго и на единомышленниковъ его воровство и умыслъ какъ они умышляли на его государево здорье и на мать его царицу Наталію Кириловну и на ближнихъ его людей смертное убивство и составляли бунты. . . . Августа противъ 8 числа ночи Никольскія ворота заперты, а приставлены у тѣхъ воротъ для пропуску стрѣльцы, которые безпрестанно у Шакловитаго, а въ Кремлѣ де на

Лыковъ дворъ собрано было стрѣльцовъ съ ружьемъ (517) многое число и того жъ де числа отъ в. государя изъ походу изъ с. Преображенскаго приѣхалъ спалникъ Ѡ. Пещеевъ и караульщики его съ лошади стащили и повели въ верхъ къ Ѡ. Шакловитому, а онъ де Ѡедка тое ночи былъ въ верху и по приказу Ѡедкину Ник. Гладковъ говоритъ у Спаскаго де набату веревка привязана и велѣлъ сбратца стрѣльцамъ съ ружьемъ многимъ людемъ, а какъ учнуть бить въ набатъ и имъ велѣлъ идти въ Кремль, а тое ночи во всѣ часы для того умысла смотрилъ онъ Ѡедка изъ золотой палаты и то они вѣдаютъ подлинно, что онъ Ѡедка тое ночи хотѣлъ учинить тайной бунтъ, а прежде того тому года съ 2, онъ жъ Ѡедка говорилъ про нихъ в. государей и про мать его многіе неистовые слова, которыхъ имъ словъ и говорить невозможно и умышлялъ онъ мать его постричь, а стрѣльцы Мик. Гладкой (518) и Куз. Чернойю съ товарищами говорили: надобно де имъ убить старую царицу Наталію Кириловну, а нынѣ стрѣльцы въ то время говорили вступитца де за нее сынъ ее в. государь Петръ Алексѣевичъ, и стрѣлецъ де Куска Ивановъ говоритъ: чего де и ему спускать, за чѣмъ стало.... да онъ же Ѡ. Шакловитой говоритъ имъ прежде сего тому съ годъ или болши, чтобъ имъ умысломъ своимъ въ то время какъ будетъ ему государю походъ, бросить на пути передъ нимъ ручные гранаты или-бъ какимъ тайнымъ обычаемъ въ походные или въ потѣшные епо сани подъ мѣсто положить бы гранаты жъ, и чтобъ тѣми гранатами его убить, да нынѣ многіе неистовые слова про него государя онъ Ѡедка говорилъ же, которыхъ словъ имъ и говорить невозможно, а въ нынѣшнемъ де во 197 году (519) ѣдучи изъ Коломенскаго онъ Ѡедка говорилъ, в. де государь меня къ ружью не пожаловалъ и Никитка Гладкой говоритъ: кто де тебя не пожаловалъ и кто не допустилъ и тѣхъ онъ бранилъ матерны, и пора де опять за дѣло-принятца, а Ѡедка смѣялся и говорилъ: то де дѣло сдѣлаетца, и августа противъ 8 числа послалъ ихъ Ѡедка въ с. Преображенское провѣдать, тутъ ли де государь и будетъ ли де къ Москвѣ, и государя де они въ Преображенскомъ не застали, а приѣхали за полчаса до свѣту къ Ѡедкѣ на дворъ и сказали ему, что благочестиваго царя изъ Преображенскаго согнали, ушолъ де онъ бось, толко въ одной сорочкѣ, а куды того невѣдомо и онъ Ѡедка молвилъ: волно де ему сбѣжась бѣгать, да во 197 году какъ де приходила в. государыня въ с. Преображенское къ брату своему в. государю и въ то де время (520) онъ Ѡедка ималъ съ собою стрѣльцовъ изъ розныхъ полковъ многихъ людей, чтобъ побить бояръ такъ же бы и убить царицу и выходилъ де Ѡедка въ то время на кормовой дворецъ и говорилъ: слушайте де какъ учинитца въ хоромѣхъ шумъ и будте де вы готовы и которыхъ вамъ изъ хоромъ стануть давать: и вы ихъ бейте, да онъ же Ѡедка умышлялъ со старцемъ Селиверстовомъ и съ Микиткою Гладкимъ съ товарищи, чтобъ убить до смерти св. патріарха и нынѣ де надъ нимъ умышляють тожъ, и во 197 году, въ день св. Богоявленія призывалъ Ѡедка стрѣльцомъ Ал. Стрижову съ товарищи: мочно ли де патріарха какъ онъ пойдетъ на воду убить, и стрѣльцы ему сказали того де учинить ни которыи дѣлы нельзя и онъ Ѡедка имъ сказалъ, хотябъ де его патріарха оборвать и оборвавъ бы припрятать къ мѣсту, да онъ Шакловитой съ единомышленники своими умышлялъ и имъ стрѣльцомъ (521) приказывалъ по многіе времена, чтобъ побить бояръ Кир. Подіехтовича, Лва Кириловича съ братьями и всѣхъ Нарышкиныхъ до одного человѣка и врачаго

кн. Бориса Алексѣевича Голицына да Лопухинныхъ всѣхъ до одного человѣка развѣ де оставитъ одного Василья Аврамовича будетъ онъ не попадетца а буде попадетца.... и его убить да Оправсннхъ всѣхъ 3-хъ да Викулу Ѳедотовича Извольскаго, да Ѳед. Тих. Зыкова, а какъ де ихъ побьютъ и кто что въ домѣхъ ихъ возметъ и то передъ ними, а розыску де о томъ никакого не будетъ. И они де стрѣльцы въ томъ во всемъ ему отказали безъ позволенія де того ничего они дѣлать не будутъ, какъ де в.государь въ нынѣшнемъ году изъ Коломенскаго приходилъ къ Москвѣ въ день ангела царевны Анны Михайловны, нынѣ де Ѳедка имъ стрѣльцомъ велѣлъ быть въ Кремлѣ на площади съ саблями въ скрытѣ, по близко (522) Краснова крыльца и велѣлъ имъ слушать вѣстоваго колокола, которой для вѣсти большаго набату учиненъ у дерки Ризположенія, а какъ де въ большой набѣтъ учнутъ бить, и вы де дѣлайте то, что вамъ велѣлъ. И по ныне по многіе времена Ѳедка изнскивалъ, чтобъ тѣхъ выше писанныхъ бояръ побить, да имъ же де говорилъ Никитка Гладкой нынѣ де терпите, да ужъ де вдругъ дастъ Богъ будетъ ярмонка, станемъ де боярскіе дворы и торговыхъ людей лавки грабить..... а воры и бунтовщики по розыску явились съ Шакловитимъ старецъ Селиверстко Медвѣдевъ да стрѣльцы стрелянного полку Анд. Кондратьевъ, Ник. Гладкой, Анд. Сергѣевъ,—Романова полку Еоньмева, Абр. Петровъ, Дмитреева полку Жукова, Ал. Стрижовъ, Ег. Романовъ, Лаврентьева полку Сухарева—Демка Лаврентьевъ, Борисова полку Дементьева стрѣльцы Куска Черной да слободчикъ Мик. Евдокимовъ да десятникъ Миш. Чечотка.... Да августа въ 31 день въ Троицкомъ Сергіевъ монастырѣ передъ бояры Борисова полку Дементьева (523) стрѣлецъ Кус. Черной, да слободчикъ М. Евдокимовъ да десятникъ Мишка Чечотка въ роспросѣхъ сказали: въ нынѣшн. де во 197 году послѣ святой недѣли Шакловитой призвалъ ихъ къ себѣ въ домъ и говорилъ: многіе де плевели въ мѣрѣ, а межъ государей чвнитца великая ссора что де вы слышите и что у васъ ведетца, и вы де слушайте какіе слова и какіе кто плевели съетъ ко мнѣ де приносите и они ему сказали, будетъ де какіе непристойныя слова услышать къ нему де Ѳедкѣ приносить стануть, да онъ же Ѳедка говорилъ имъ, хотить де ихъ перевести, а его Ѳедку изъ приказу вонъ высадить, а ихъ де, которые къ нему Ѳедкѣ въ домъ вхожи, всѣхъ разослатъ по городамъ, а мутить де всѣмъ царица Наталья Кириловна, и авг. въ 1-хъ числѣхъ ночью приходили къ нимъ ко дворамъ ихъ съ стѣннаго караула стрѣльцы Андрѣева полку Нармацкаго и велѣли приготовить стрѣльцовъ ему Кускѣ человѣкъ 60, а Миш. Евдокимову чедовѣкъ съ 20 и болши, и велѣли имъ (524) дожидатца на дворѣ на 2 или 3 вѣдомости, а безъ вѣдомости имъ и нукуды ходить не велѣли, а съ чѣмъ имъ итти потому имъ будетъ другая вѣдомость, и того де числа вѣдомости имъ небывало и нукуды они не ходили; и поутру, М. Евдокимовъ для подлинной вѣдомости приходилъ къ Ѳедкѣ и ему сказывалъ, что тѣ стрѣльцы приходили по его ль велѣнью и Ѳедка сказалъ: послалъ де ихъ къ нимъ; да К. Черной сказалъ: такіе де слова онъ говорилъ, что ни изъ коего полку людей толко не выйдетъ что и изъ ихъ и въ слободѣ по окнамъ ходилъ и собралъ стрѣльцовъ 20 человѣкъ и царицу Наталью Кириловну медвѣдицею называлъ и чтобъ ее убить говорилъ, а про государя Петра Алекс. такихъ словъ, буде онъ вступитца за мать свою, чтобъ и ему не спускать, не говаривалъ, да М. Чечотка говорилъ (525) прежде того съ годъ или болши: призвалъ Шакловитой ихъ къ себѣ на загородной дворѣ,

да съ нимъ разныхъ стрѣльцовъ Лар. Елизарьева, Ив. Шестакова, пристава Об. Петрова, Ал. Стрижова, Ел. Романова, Семенова полку Капустина, пристава Бандрашку, а иныхъ именъ не упомянуть, было ихъ человекъ съ 20 и при нихъ имъ Ѳедка говорилъ: имъ мочно де патриарха переименовать и взать изъ властей, которые на ихъ руку для того, что отъ него многое преніе бываетъ,—и они де задумались и говорили вѣдаютъ ли де про то в. государя и бояря и Ѳедка имъ сказалъ, вѣдаетъ де одинъ в. государь, а другой въ малыхъ лѣтѣхъ, а про бояръ сказалъ: всѣ де отпадшее заблосе дерево и они де спросили про боярина кн. Василья Васильевича и онъ имъ сказалъ.... и они де ему сказали твоя де воля, а ихъ разуму нѣтъ и того числа вывѣять Ѳедка изъ кармана челобитную, а въ той челобитной имена стрѣльцкихъ и салдацкихъ полковъ и гостей (526) и гостинные сотни, чтобъ в. государя указали св. патриарха переименовать за то, что онъ не ихъ рука и они де ему говорили, кого де на его мѣсто быть и онъ де имъ сказалъ изъ властей, буде изъ властей не похотятъ, мощно де и простого старца и учинять ему такую честь—тотъ же де будетъ патриархъ и про челобитную сказалъ: я де напишу и бѣлую челобитную и велѣлъ домовъ итти и далъ имъ по бумажкѣ денегъ, а по сколько, не упомянуть.

527. Да въ вниѣш. во 198 г. сент. въ 30 день полковникъ С. Резановъ въ распросѣхъ сказалъ: въ прошломъ де во 197 г. авг. противъ 8-го числа въ ноци велѣлъ онъ Семень полку своего сто человекъ стрѣльцовъ привести къ нему и стать имъ у Житного двора, и приставъ де сто человекъ стрѣльцовъ къ нему привелъ и поставилъ у Житного двора, постоявъ онъ же Семень сказалъ: тѣхъ де стрѣльцовъ отъ съѣзжей избы въ Кремль привелъ Ѳил. Сапоговъ, (528) а сколь человекъ привелъ, того онъ не вѣдаетъ, а приказалъ де ему Семень привести явнымъ липемъ, а собраны де тѣ стрѣльцы въ то время для того, шатаются де потѣшные конюхи и чтобъ де чего не учинили, а пришедъ де стрѣльцы къ Семену и сказали ему, что имъ всѣмъ дано по 1 рублю, и говорилъ Семень имъ стрѣльцомъ, есть ли де какая хитрость будетъ, и вы де господа ради поберегите и то де Семень имъ стрѣльцомъ говорилъ же, что Ѳ. Шакловитой ихъ жалуетъ и за ихъ службу предъ лице в. г. ихъ ставить, а постоявъ Семень же сказалъ: тѣхъ де (530) стрѣльцовъ сто человекъ велелъ онъ Ѳил. Сапогову поставить на Житномъ дворѣ, а что де онъ выше сего сказалъ; что велѣлъ поставить у Житного двора, а не на Житномъ и то де онъ сказалъ безпачетствомъ и въ той де его вниѣ волни в. государя. (531) Пятидесятникъ Мик. Ороловъ говорилъ, буде умыслу Шакловитова никакого не вѣдаете и вы де милости у государя попросите чтобъ его пожаловалъ, а Ѳедка сказывалъ: стрѣльцы де его поклепали, будто онъ хочеть извести в. государя Петра Алексѣевича и царицу Наталію Кирилловну и будто де онъ собрався съ стрѣльцами для такого умыслу хотѣлъ итти къ нимъ в. государямъ въ с. Преображенское, тѣ де слова Ѳедка сказывалъ ему Семену въ дому его авг. въ 27 числѣ 197 г., да онъ же Сенка сказалъ и про царской вѣнецъ, велѣлъ для возмущенія сказывать онъ же Ѳедка.

541. (Сент. велѣно поставить караулъ на дворахъ у Резанова и другихъ воровъ, которые явились по розыску).

542. Челомъ бьетъ *С. Сертеевъ*: 5 сент. пріѣхалъ къ Москвѣ и доносилъ брату твоему в. государю Іоанну Ал. чрезъ боярина Ѳед. Петр. Салтыкова, „и по то вышелъ бояринъ Б. Гавр. Юшковъ и сказалъ: воръ

де и измѣнникъ Ѳ. Шакловитой у насъ на вѣдомѣ, а С. де Медвѣдева съ товарищи ссыскайте сами, а о Ѳ. де Шакловитомъ подождите указу сент. до 6 числа, докудова прїѣдетъ бояринъ кн. Ив. Прозоровской изъ походу отъ царя Петра Ал., а что 6-е число явитца, и о томъ тебѣ, в. г. будетъ извѣстно. Да моего жъ полку полковой приставъ Гришка Савельевъ, которой держалъ тайно у себя комнатнаго сторожа Мишку, да ему Гринкѣ въ авг. мѣсяцѣ въ послѣднихъ числахъ воръ и измѣнникъ Ѳ. Шакловитой далъ денегъ 5 р., а про денги мнѣ сказывалъ моего полку пятисотной М. Булоховъ, а нынѣ Мишка въ походѣ за тобою в. государь въ Троицкомъ монастырѣ.“

543. Сент. указъ капитану *Мих. Дамилову* ѣхать въ Донской монастырь и узнать, что бывшій архим. Никонъ отпущенъ въ Сѣвскъ по общаю помолитца и съ нимъ поѣхалъ С. Медвѣдевъ. Если поѣхали калужской дорогой, ѣхать ему въ погоню до Сѣвска наскоро, „и дорогою про нихъ развѣдывать всякими мѣрами, гдѣ кто ихъ видалъ и сколь давно поѣхали“ и „чтобъ ихъ кончае въ даль не упустить“ и послано съ нимъ 10 стрѣлцовъ.

546. „Ему же ѣхать и до Волхова и до Карачева и до Сѣвска,“ а гдѣ ямовъ нѣтъ, всѣмъ людямъ безотмѣны, чей кто ни будь, что есть давали капитану 2 подводы да 10 моск. стрѣлцамъ по 1 подводѣ человѣку верховыхъ, и назадъ давали бы. Сент. 198.

СВИТОКЪ № 6.

Столбцы 1—58. *Показаніе С. Медвѣдева.* „Сентября въ 24 день старецъ Селиверстко Медвѣдевъ передъ бояри распрашиванъ, а въ распросѣ сказалъ: на государское здоровье, и о святой церквѣ о возмущеніи, Федка де Шакловитой о государскомъ здоровѣи и о убивствѣ никакихъ словъ ему не говаривалъ, а сказывалъ ему, Селиверстку, пятисотной Ларіонъ Елизаревъ, и пришедъ къ нему, плакалъ: бѣда де на нихъ пришла великая, не знаютъ де какъ быти, призывалъ де ихъ Федка Шакловитой его, Ларку да Ондрышку Кондратева, Олешку Стрижова, Оброску Петрова, и говорилъ, чтобъ имъ тайно въ ночи послать по боярина Лва Кириловича Нарышкина да кравчего князя Бориса Алексѣевича и иныхъ, а кого, то онъ не знаетъ, и чтобъ ему, Селиверстку, про тѣ ихъ слова ему, Федкѣ, не сказывать. И онъ, Селиверстко имъ, Ларіону съ товарищи, сказалъ: „есть-ли де вы такъ сдѣлаете, пропадете и съ Федоромъ здѣсь и въ вѣчное душами, хотя де вы тѣ его Селиверстковы слова ему, Федкѣ и скажете, онъ де ему и въ лицо тожъ скажетъ. И они де, Ларіонъ съ товарищи ему, Селиверстку, говорили: какъ же имъ быти и отъ того дѣла отговориться, потому что за то непослушаніе боится они смерти. И онъ, Селиверстко, имъ сказалъ: скажите ему, Федкѣ, что вамъ того дѣла учинить однимъ никонни мѣры невозможно, а инимъ говорить они о томъ не смѣютъ, говоряли бы онъ самъ имъ, а есть-ли то дѣло имъ и учинить, и имъ всѣмъ пропасть; а онъ де Федка въ то время отопрется, и ихъ всѣхъ напрасно погубить (3). И онъ Ларіонъ, тѣ слова слыша отъ него, и привелъ къ нему, Селиверстку, товарищевъ своихъ, которые сказаны выше сего. И онъ, Селиверстко, имъ о томъ, чтобъ имъ не дѣлать, запрещалъ-же, и гово-

рилъ имъ: „есть-ли де вы то учините, пропадете.“ И они, Ларіонъ съ товарищи, ему Федкѣ отказали, и того дѣлать не стали. И многожды ему Селиверстку, онъ, Ларіонъ, говаривалъ: „есть-ли-бъ“ де „онъ,“ Селиверстко, ихъ не укрѣпилъ, и имъ де было то сдѣлать. А о здоровѣ де в. государя и матери его государыни Наталіи Кирыловны, онъ Федко, съ нимъ не умышлявалъ. А говорилъ де онъ Федко, дважды ему, Селиверстку, на одинъ тому съ годъ или меньше въ ровныхъ числахъ: „какъ бы де не было царицы Наталіи Кирыловны, такъ-бы де у в. Софіи Алексѣевны съ в. государемъ Петромъ Алексѣевичемъ, было совѣтно. А говорилъ де онъ, Федка, для того, великій де государь ей, сестрѣ своей, во владеніи возбраняетъ и владѣть ей допустить не хочеть. И онъ, Селиверстко, ему Федкѣ сказалъ: „кто кому чего желаетъ, тотъ и самъ отъ Бога то приметъ.“ А о церквѣ онъ Селиверстко, сказалъ: „церкви де святой никакимъ смущеніемъ онъ не смущалъ; а которые де тетратки писалъ дьяконъ Афонасей, что былъ у Спаса на дворцѣ о пресущественіи тѣла и крови Христовы, и ту тетратку принесъ къ нему показать онъ, дьяконъ (5). И онъ, Селиверстко, съ той тетратки списалъ себѣ двѣ тетрати; и нынѣ тѣ тетратки у него, Селиверстка, въ кельѣ. А писали де тѣ тетратки наемные робята, а какъ ихъ зовутъ, того онъ не вѣдаетъ, потому что нанималъ ихъ писать онъ, дьяконъ Афонасей; а писаны де тѣ тетратки на греческую книгу, что писали на Москвѣ Греки, и одну де такую тетратку далъ онъ Микитѣ Гладкому почестъ; и онъ де Микитка ему не отдавалъ. А на святѣйшаго де патриарха въ той тетратѣ ничего не писано, а писано на Греки; а на святѣйшаго де патриарха умыслу никакого у него не бывало, и ни отъ кого, чтобъ его убить, или перемѣнить, не слыхалъ, и роспись, какая отъ Федки Шаковитова, чтобъ его послать была-ль, или нѣтъ, того не слыхалъ. А книгу де онъ „О мянѣ хлѣба животнаго“ написалъ по указу и закрѣпя своего рукою, поднесъ ей, в. государынѣ, тому другой годъ; и та книга послана къ гетману къ Ивану Степановичу, къ кievскимъ властямъ, къ свидѣтельству; и съ нею о томъ же греческая другая книга послана жъ. И въ Кіевѣ отъ всеа кievскіе церкви на обличеніе греческой книги написана обличительная книга греческой неправдѣ, и прислана къ Москвѣ къ великимъ государемъ. А прислалъ де тое книгу князь Василей Голицынъ въ то время, какъ въ 197 году былъ на службѣ. А тое книгу отдалъ ему гетманъ, а святѣйшему патриарху о той книгѣ онъ не докладывалъ, потому что писана по указу в. государыни. А что де въ извѣтѣ Филипа Сапогова написано, будто онъ, Селиверстко съ Федкою Шаковитымъ и соединоумшленники его, умышлялъ убить святѣйшаго патриарха, и такого де умыслу у него Селиверстка не бывало, и ни съ кѣмъ не говаривалъ, и его Филипа, и брата его Василя о такомъ умыслѣ не приказывалъ. А Олешка Стрижовъ къ нему, Селиверстку, хаживалъ по часту и говаривалъ съ нимъ, Селиверсткомъ, о томъ же, о чемъ и Ларка Елизарьевъ говорилъ; а иныхъ де никакихъ тайностей онъ Олешка, съ нимъ Селиверсткомъ, не говаривалъ. А караулъ де у него Селиверстка, былъ отъ велика дни, для того, чтобъ святѣйшій патриархъ тайно его, Селиверстка, не сослалъ. А такіе де слова Олешка Стрижовъ, будетъ де пришлетъ святѣйшій патриархъ, и чтобъ его не дать, а сказать, что до него государево дѣло есть, онъ Олешка, говорилъ-ли, того онъ, Селиверстко, не слыхалъ. (8). И Филипу Сапогову съ Селиверсткомъ Медвѣдевымъ дана очная

ставка; а на очной ставкѣ Филиппъ Сапоговъ говорилъ, что онъ, Селиверстко, съ Федкою Шакловитымъ святѣйшаго патріарха убить умышляли. А какъ де тѣ слова были, и въ то время онъ, Селиверстко, у себя въ кельѣ ему, Филипу, поднесъ двѣ чарки вина и говорилъ: „нѣтъ де друга моего Микитки Глаткова.“ И Селиверстко на очной ставкѣ, въ томъ, что убить святѣйшаго патріарха, заперся жъ, а сказалъ, что такихъ словъ не говаривалъ; а вино де ему, Филипу, подносилъ. Да въ распросѣ жъ онъ же, Селиверстко, сказалъ, что де въ распросѣ Ивашка Галахтіонова написано, чтобъ Олешку Стрижова и Егорка Романова ему, Ивашкѣ Галахтіонову, исвать у него, Селиверстка, въ то время, какъ онъ, Ивашка, провѣдавъ въ Троецкомъ монастырѣ, и пришедъ къ Москвѣ, и въ тѣхъ де числахъ они, Алешка и Юрко къ нему, Селиверстку, прихаживали для того, что опасали его отъ святѣйшаго патріарха, а разговоръ никакихъ съ нимъ, Селиверсткомъ, не бывало (9). А къ Федкѣ Шакловитому онъ, Селиверстка, приѣзживалъ, и въ полаткѣ съ нимъ тайно говаривалъ о рацеехъ, и что печатанъ орелъ на листахъ, и подпис... было именованіе в. государни и семь добродѣтелей и вирши; а знаменали тотъ листъ украинцы, которыхъ присылалъ ахтырской полковникъ Перехрестъ. А ему Федка Шакловитой велѣлъ подписать именованіе и вирши и семь добродѣтелей, также и другіе латинскіе вирши на другомъ листу переводилъ же на словенской языкъ, и иные многіе подобныя тому-жъ. Да онъ-же, Федка, ему-жъ, Селиверстку, сказывалъ у себя въ дому канунъ Семенова дни, тому другой или третьей годъ; „завтра де в. государню короновать; и онъ де Селиверстко, ему Федкѣ, сказалъ: „Святѣйшій де патріархъ того дѣлать не станетъ (10). И онъ, Федка, ему, Селиверстку, сказалъ: „Станетъ де патріархъ короновать и за неволю.“ А стрѣльцы де ей ничего о томъ не говаривали; а стрѣльцы де Демкѣ Лаврентьеву въ то время, какъ в. государь изволилъ быть въ Троецкомъ монастырѣ, такіе слова: „молитесь де Богу, чтобъ Богъ далъ утишеніе,“ говорилъ. А Ондрушка Сергѣевъ у него, Селиверстка бывалъ, и многая, и въ августѣ мѣсяцѣ 197 году былъ же, и такіе слова ему, Ондрушкѣ: „хотя де в. государя Петра Алексѣевича сторона и повезеть, и много де будетъ день на десять, а то де опять сильна будетъ рука в. государни Софіи Алексѣевны,“ онъ, Селиверстко, говорилъ, потому, связывалъ ему, Селиверстку, Федка Шакловитой: „въ великій де постъ, на вербной недѣли приходилъ де къ в. государни царевнѣ изъ Ниловы пустыни юродъ Ивашко, а чей словеть, того ему не сказалъ, а грамотѣ де онъ умѣеть, и такіе де слова, которые онъ, Селиверстко, ему Ондрушкѣ, говорилъ, извѣщалъ, Ивашко, ей в. государинѣ. И онъ де, Ивашко сосланъ въ Нилову пустыню, а за что сосланъ, того онъ не вѣдаетъ. А онъ де Ивашко, у него, Селиверстка, ночевалъ, а присланъ былъ сверху къ нему, Селиверстку, для свидѣтельства юродства. А отъ Федки Шакловитова слышалъ онъ, Селиверстко, будто его прислали съ тѣми словами Нилъ и нехотори чудотворцы. А что де Егорка Романовъ сказалъ, что Микиткѣ Глаткову, онъ Селиверстко, далъ тетратки, и тетратки де ему Микиткѣ, онъ Селиверстко, далъ и о томъ у него сказано выше сего, а челобитной никакой не бывало. А Левонтей Неплюевъ знакомецъ ему давней, а приѣзжалъ къ нему не по часту (12). А какъ были полскіе послы о вѣчномъ миру, и въ то время писалъ къ нему изъ Полотца изъ Богоявленскаго монастыря старецъ,

а какъ его зовутъ, того онъ не упомянуть, только рядовой старецъ: пошли де къ Москвѣ польскіе послы, и буде стануть договариваться о вѣчномъ миру, и ты де о томъ вѣдай, что польскіе послы хотятъ Москву обмануть, городовъ поступиться, и съ крымскимъ ханомъ миръ разорвать и войну учинить, и тою войною государство московское привести въ нищету; и о томъ де ты, кому знаешь, донеси. И какъ де Левонтей Неплюевъ къ нему, Селиверстку, въ Спаской монастырь пришелъ, и онъ де, Селиверстко, то письмо ему объявлялъ; и послѣ того онъ, Левонтей, того письмо приѣзжалъ къ нему, Селиверстку, отъ князь Василя Голицына, и то письмо нмалъ къ нему, князь Василю; а князь Василей то письмо вверху объявлялъ, и прислалъ то письмо къ нему, Селиверстку (15). А промышлялъ де о томъ миру онъ, Левонтей; а ему де, Селиверстку, онъ, Левонтей, сказалъ: князь Василей де за то письмо на него гнѣвался: какое де дѣло старцу письма принимать, а то де письмо и нынѣ у него въ полаткѣ. Да у него жъ де, Селиверстка, бывали разговоры съ нимъ же, Леонтьемъ, о Пашкѣ Негребецкомъ, что онъ, Пашка, вывелъ съ собою изъ Полки письма, тайные разговоры полскаго короля съ сенаторы, съ пяту человекъ и управленіи своего государства, и о храненіи отъ турскова и отъ московскова царства; а тѣ де письма въ посолской приказъ присланы отъ розыдента отъ Василя Тяпкина. А такыя жъ письма Пашка Негребецкой далъ ему, Селиверстку, и тѣ письма и нынѣ у него, Селиверстка, въ полаткѣ; и говорилъ де онъ, Селиверстко, ему, Леонтью: тотъ де вамъ нынѣшней миръ съ Поляки государству московскому будетъ убыточенъ, а полскому королю прибыленъ; потому какъ нынѣ съ Поляками миръ учинится, и съ Крымцы разорвется, и война съ ними учинится, и Крыму и которымъ образомъ ни разорите, а государству московскому податми и иными поборы великое учините разореніе; а когда Поляки увидятъ наше безсиліе, а свою силу, и они миру не додержатъ. И Леонтей Неплюевъ сказалъ: то де все неправда, Крымъ де мы возьмемъ вскорѣ, и миръ нынѣшней будетъ крѣпокъ, и государству московскому прибыленъ. Да онъ же, Селиверстко сказалъ: августа де противъ осмага числа 197 году въ ночи, часу въ другомъ или въ третьемъ пришелъ къ нему Ондришка Кондратевъ и сказалъ: былъ де онъ, Ондришка, въ слободѣ, и приказалъ, чтобъ сто человекъ съ ружемъ шли въ Кремль да изъ Ефимьева де и изъ Жукова полковъ указала в. государыня быть по сту жъ человекъ съ ружемъ. А сказываютъ де, что в. государь Петръ Алексѣевичъ изволилъ быть тое ночи къ Москвѣ и в. государынѣ Софіи Алексѣевнѣ хотеть отъ владѣнія отказать. И онъ де, Селиверстко, ничего имъ не сказалъ. Да въ тое жъ ночи къ нему, Селиверстку, въ монастырь заходили стрѣльцы: Федоръ Турка, Михайло Феклистовъ, и сказали, что Ондришка Кондратевъ смутилъ, сказалъ де онъ будто въ Кремлѣ стрѣльцы съ ружемъ, а въ Кремлѣ де стрѣльцовъ никого нѣтъ; а говорили де для того, что ходили къ нему почасту. А какъ де присланы были грамоты изъ походу, и Олешка де Стрижовъ сказывалъ ему, Селиверстку, что онъ въ походѣ итти хотѣлъ, да не указала де в. государыня имъ ходить, а съ Федкою де Шакловитымъ видѣлся онъ, Селиверстко, сверху у в. г. царевны; а приходилъ де онъ вверхъ по присылкѣ отъ в. государыни; и изволила де в. г. ему объявить, будто онъ писалъ письма на Донъ о возмущеніи, о томъ де приходилъ къ ней и доносилъ святѣйшій патриархъ. И онъ де, Селиверстко, ей в. государынѣ сказалъ—воля де святѣйшаго патриарха, а писемъ де онъ никакыхъ не посылавалъ, а

съ Федкою Шакловитымъ никакихъ словъ онъ, Селиверстко, не говаривалъ. А съ Москвы де онъ, Селиверстко, побѣжалъ августа противъ тридцать перваго числа отъ страха, опосался того, что свят. патриархъ также бы в. государю на него какихъ словъ не принесъ. А какъ де онъ ѣхать собирался съ вечера, и въ то де время пришли къ нему, Селиверстку: Олешка Стрижовъ да Микатка Глаткой, и спросили его Селиверстка: куды де ты собираешься; и онъ, Селиверстко, имъ сказалъ, хочеть де онъ съ Москвы ѣхать, и они де спросили: для чего? и онъ сказалъ: „отъ страха св. патриарха;“ и они де ему сказали: „и мы де поѣдемъ съ тобою.“ И поѣхали съ нимъ оба, Олешка и Микатка, да зять егѣ Михайло Гудской, да пѣвчей Гаврилъ Кузминъ, да братъ его Ондрѣй да два челядника, одинъ его, Селиверстковъ, Ивашко, а другой Ондрѣя, Наумова Олешка; а намѣрение де у нихъ было такое, что было имъ жить въ деревнѣ Новоѣвичя монастыря отъ Москвы семь верстъ. И на Семеновъ де день Олешка Стрижовъ поѣхалъ къ Москвѣ, а сказалъ ему, что поѣхалъ въ строй, ихъ де приказу велѣно быть у дѣйства, и не бывалъ (18). И сентября въ 2 день приѣхалъ къ нему, Селиверстку съ Москвы старецъ Арсений, и сказалъ, что въ монастырѣ зело отъ всѣхъ стало шумно, и въ монастырѣ ему стало жить не можно, и для того онъ приѣхалъ къ нему. И сентября де въ 3 день поѣхали они въ Бизюковъ монастырь, что въ Дорогобужскомъ уѣздѣ, къ игумену Варолаомѣю по знакомству, что онъ прежь того жилъ у него, Селиверстка, въ монастырѣ, и отъ него изъ монастыря и въ игумены взять; и учили въ томъ монастырѣ четыре дни; и изъ Дорогобужа де въ тотъ монастырь приѣхалъ Дорогобужской подячей, и взявъ, привезли его въ Троицкой Сергіевъ монастырь; а до тѣхъ мѣстъ, какъ бы утишилось жить было имъ въ томъ монастырѣ; а въ Можескомъ онъ не заѣзжалъ и ѣхалъ на Вятку прямо изъ Верей; а игумену де онъ въ Дорогобужѣ, что онъ бѣжалъ отъ бѣды, не сказалъ. А прежде того, въ 191 году, до приѣзду кн. Василя Голицына, билъ челомъ онъ, Селиверстко, в. г. царевнѣ, и подносилъ челобитную объ отпускѣ съ Москвы въ который монастырь они вв. гг. укажутъ: въ Соловецкой, или въ Пустоозеро, или въ иной въ которой. И она де, в. государыня, изволила сказать: до тѣхъ де мѣстъ, какъ будетъ кн. Василей съ службы, его не отпустить. А келейникъ де его про тѣ вышеписанные его рѣчи ни про что не вѣдаетъ (20). А комнатной истопникъ Стенка Евдокимовъ, для провѣдываня вѣстей, отъ Федки Шакловитова прихаживалъ, и такіе слова, онъ, Селиверстко, ему, Стенкѣ, что в. государя Петра Алексѣевича рука высока, говорилъ, а того, что де надобно перетерпѣть, говорилъ ли или нѣтъ, того не упомянуть; а говорилъ де онъ тѣ слова потому, что всѣ люди нынѣ преклонились къ в. государю, а прежь сего, за страхомъ еѣ в. государыни, къ нему, в. государю, преклониться не смѣли. Да ему жъ, Селиверстку, чтено писмо, каково писалъ Олешка Стрижовъ и Микатка Глаткой, и онъ, Селиверстко, сказалъ, что такое писмо къ нему, Селиверстку, они, Олешка и Микатка, писали, и того дни у него Селиверстка обѣдали.

21. Пречистый отче Силвестре, желая тебѣ спасенія и здравія, Алешка Стрижовъ, Никатка Глатковъ премного челомъ бьютъ. Вчерашней ноци Федора Леонтьевича проводили часу въ четвертомъ, а отъ него пошли въ пѣтомъ, да у Андрѣя сидѣли, и отъ Андрѣя пошли за два

часа до свѣта и стояли утреннюю у Екаторины мученицы близъ церкви, и розошлись въ довшки за полчаса до свѣта, и въ довшкахъ своихъ мы спали долго и ѣли мало. Пожалуй, государь, накорми насъ, чѣмъ Богъ тебѣ по тому положить: меня, Алешку, хоть крупенею, а желаю и отъ рыбки, а меня, Никитку, рыбкою жъ почему ль какъ Христа ради накорми, а не отказывай. Писалъ де Никитка Гладковъ челомъ бью. Желая противъ сего писаня, Алешка Стрижовъ челомъ бьетъ. (22) Старецъ Арсеней, который привезенъ вмѣстѣ съ старцемъ Селиверсткомъ Медвѣдевымъ, сказалъ: умыслу де онъ, Арсеней, отъ Федки Шакловитова и отъ старца Селиверстка Медвѣдева никакого на государское здорове не слыхалъ, и самъ не умышлялъ; а о церквѣ де Божіи онъ, Селиверстко, говорилъ многожды: напрасно де смутили душу св. патріарха, приѣхавъ, греки „а онъ де святѣйшій человекъ бодрой и доброй; а учился мало и рѣчей богословскихъ не знаетъ. Также де и на св. патріарха умыслу никакого не бывало, и не слыхалъ. А Федка де Шакловитой приѣзжалъ къ нему, Селиверстку, и говаривалъ съ нимъ, Селиверсткомъ, тайно, а что говаривалъ, того онъ не вѣдаетъ. А Ооонасей де дьяконъ тетратки писалъ съ греческіе книги, которую книгу Греки написали; а писалъ онъ тетратокъ съ сорокъ или болше, а на бѣло переписывали гулящіе люди, одного Ивашкомъ зовуть, а другаго имени не паметуеть; а писали у него, Селиверстка, въ трапезной кельѣ; а раздавалъ де тѣ тетратки старецъ Семіонъ, что былъ въ мірѣ попъ Сава; а кому раздавалъ, того онъ не вѣдаетъ. А августа де противъ осмага числа, часу въ другомъ или въ третьемъ ночи, стрѣлки Ларіонъ Елизаревъ и Микитка Глаткой, Федоръ Турка, Михайло Фектистовъ, къ нему, Селиверстку, приходили и говорили: тое де ночи в. государь будетъ изъ села Преображенскаго къ Москвѣ, а имъ де велѣлъ собираться въ городъ, а многимъ ли человекомъ и изъ которыхъ приказовъ, того онъ не вѣдаетъ. А Селиверстко де Медвѣдевъ что имъ говорилъ, того онъ не слыхалъ, только онъ то слышалъ отъ него, Селиверстка: имъ стрѣлцамъ говорилъ: „что де вы дѣлаете? чтобъ ваши души не пропали;“ а съ Селиверсткомъ де Медвѣдевымъ побѣждалъ съ Москвы опасаясь св. патріарха гнѣву, для того что у Селиверстка противность церкви и св. патріарху, а какая, про то онъ вѣдаетъ, онъ, Селиверстко, а онъ, Арсенко, никакой противности не вѣдаетъ; да и для того, онъ, Арсенко съ нимъ, Селиверсткомъ, поѣхалъ опасаясь всенароднаго возмущенія; всѣ де люди съ Москвы поѣхали. А Олешка де Стрижовъ и Мивитка Глаткой съ Москвы въ то жъ время побѣжали съ ними жъ вмѣстѣ; и на Семеновъ день пошелъ онъ къ Москвѣ, и не бывалъ; а они де съ Москвы ѣхали на Верею, а въ Можаскъ не заѣзжали, а Базму проѣхали ввечеру, и ѣдучи де ни съ кѣмъ никакихъ словъ не говаривали. А въ Бизюковѣ монастырѣ были четыре дни, а изъ Бизюкова монастыря хотѣли ѣхать по монастырскимъ деревнямъ и къ смоленской шляхтѣ; и въ Бизюковѣ де монастырѣ игумену они сказали, что пошли съ Москвы, опасаясь св. патріарха; а о иныхъ причинахъ сказывалъ ли ему игумену, Селиверстко, того онъ не вѣдаетъ, а на св. де патріарха у него, Арсенка, умыслу никакого жъ не бывало жъ и не слыхалъ.

26. Стрѣлецъ пятидесятникъ Мивитка Глаткой передъ бояры роспрашиванъ, а въ роспросѣ сказалъ: Федка де Шакловитой призывалъ его, Мивитку Глаткова, да Ларіонку Елизарева, Андрюшку Кондратева,

Оброску Петрова, Егорку Романова, и говорилъ имъ онъ, Федка Шакловитой: в. де государыня приказывала, чтобъ боярина Лва Кириловича Нарышкина и кравчего к. Бориса Алексѣевича Голицына побить, и итти бы имъ для того великимъ собраніемъ къ в. государю въ походъ въ село Преображенское, и въ Преображенскомъ бы ихъ и побить; и говорилъ имъ онъ Федка Шакловитой, чтобъ приготовить стрѣлцовъ сто или двѣсти человекъ, а буде мочно хотя-бы кто и весь полкъ привелъ; для того, какъ де в. государь изволить къ Москвѣ быть, и въ то число побить бояръ, Лва Кириловича съ братьями, кн. Бориса Алексѣевича Голицына, будто они хотятъ известъ в. государыню Софію Алексѣевну: да въ тожь число велѣлъ онъ, Федка, побить Нарышкиныхъ всѣхъ до одного человекъ, и Лопухинныхъ, Оправсинныхъ, Василя Изволскаго, Федора Зыкова. А августа де противъ осмага числа въ ночи, велѣлъ ему, Микиткѣ, приставъ Ондрушка Кондратовъ нарядить сто человекъ стрѣлцовъ; и онъ де, Микитка пришедъ на Лубявку къ Ларионову двору Елизарева съ Ондрушкой Сергѣевымъ и говорилъ ему, Лариону, что приставъ Ондрушка прислалъ, велѣлъ сто человекъ собрать съ ружемъ, итти въ городъ; и онъ де Микитка, наряжалъ и говорилъ: въ городъ де всѣ готовы, а ихъ де приказу никого нѣтъ. И такіе де слова онъ Микитка стрѣлцамъ, что отъ Спаского набату языкъ привязалъ онъ Микитка, говорилъ и велѣлъ имъ слушать набату, а по набату велѣлъ имъ итти, Егору, и изъ полку ихъ кликалъ триста человекъ съ ружемъ, и на Федора де Турка съ товарищи, для чего они въ городъ долго не ѣдутъ кричалъ и говорилъ: для чего де люди не готовы, и въ городъ не ѣдутъ? И Федоръ де Турка ему Микиткѣ сказалъ, что де они его не слушаютъ и Михайла де Капранова для провѣдываня въ городъ посылае. И онъ де Микитка въ Кремлѣ стрѣлцовъ указывалъ, и говорилъ: всѣ де готовы, а вашихъ никого нѣтъ; и такіе слова, что ужъ в. государя Петра Алексѣевича спалника съ лошади стащали было, говорилъ, а комнатнаго истопника Ивана Овдокимова снявъ его приказывалъ имъ: буде кто изъ походу поѣдутъ, и тѣхъ бы людей ловить и приводить въ верхъ. И ѣдучи въ городъ подъ переходы, указывали на патриарши полаты, и съ нимъ, Михайломъ Капрановымъ говорила: тутъ де живетъ ризничей Акинфъ, и имъ будетъ денегъ много; а такихъ де словъ, чтобъ въ полатѣ у св. патриарха закричать, и патриархъ де мѣста не найдетъ, онъ Мишко, не говорилъ. А какъ онъ Мишко былъ за Федкою Шакловитымъ въ Коломенскомъ, для отпуску къ князь Василю Голицыну, такихъ словъ: „кто въ рукѣ не пожаловалъ, и кто не допустилъ,“ и чтобъ бранить матерны, и „пора де опять за дѣло приняться,“ такихъ словъ не говаривалъ; а Федка Шакловитой такіе слова ему, Микитѣ: „мочно ль де на васъ надѣяться? Левъ де Нарышкинъ и к. Борисъ Голицынъ изгоняютъ и чтобъ съ ними управиться, и учинить надъ ними смертное убивство,“ говаривалъ, и многожды. Да ему жъ де, Микиткѣ, да Лариону Елизареву, да Ипату Улфову, да Ондрушкѣ Кондратову, въ августѣ мѣсяцѣ, въ первыхъ числахъ 197 году, в. государыня Софія Алексѣевна, у церкви Ризъ Положенія въ полатѣ изволила говорить: „долго-ль де намъ терпѣть? ужъ де житья нашего не стало де отъ к. Бориса да отъ Лва брата ихъ в. государя Иоанна Алексѣевича, комнату дровами заклали и хотятъ де князь Василя Василевича Голицына голову отрубить, а онъ де добра много сдѣлалъ (31). Полское де перемиріе учинилъ, съ Дону де выдачи не бывало, а его де

промисломъ изъ Дону выдають, да на него-жь де все несутъ: братъ де ему кн. Борисъ несеть де на него, и вы де насъ не покванте, мочно-ль де на васъ надѣята и кн. Борися и Лва взять. И они де ей, в. государный сказали: „воля де въ томъ ваша, государская,“—и велѣла комнатову истопнику Евдокимову дать имъ сто рублевъ денегъ, и тѣ де денги имъ даны. А опричь де Стенки Евдокимова иныхъ никого не было; а съ Федора де Плящѣва саблю сорвали и понесли вверхъ, а на свят. де патриарха, чтобъ его убить, умыслу у него, Микитки, никакого не бывало; а отъ Федки Шакловитова слыхаль онъ, Микитка, поносные слова, а въ ночномъ де бунтѣ съ двору его толко что приставъ посылалъ его для сбору стрѣльцовъ, и на Лыковѣ де дворѣ съ ружемъ тое ночи былъ; а Ондрушкѣ де Сергѣеву такіе слова, чтобъ онъ приготовилъ копье и слушалъ бы, какъ забьютъ въ набатъ, „у насъ де будетъ ярмонка, побіеніе будетъ боарь противъ прежняго смутного времени, и ты де того смотри и его не отставай.“ Такіе слова говорилъ денегъ пять рублевъ далъ. Да онъ же де Микитка говорилъ ему-жь Ондрушкѣ: „в. государя Юанна Алексѣевича, близкіе къ в. государю Петру Алексѣевичу, двери закидали дровами.“ Да онъ же Микитка говорилъ: „царской вѣнецъ изломали, а кому де ломать.... сторону?“ А про в. де государя Петра Алексѣевича не пристойные слова такіе, что „его, в. государя съ ума споили; да и того де смотри, государыня наша непрестанно Бога молить, а у нихъ де толко на органахъ да на скрипцахъ играютъ съ нимъ,“ онъ, Андрушко, говорилъ; а слыхаль де тѣ слова про в. государя отъ в. государыни Софіи Алексѣевны; а отъ старца де Селиверстка такіе де слова: „не бойтесь, хотя де сторона ц. Петра Алексѣевича и повезеть, и много де будетъ, денъ на десять,“ а то де опять будетъ рука силна стороны ц. Софіи Алексѣевны, онъ Микитка, слыхаль. А къ старцу де Селиверстку прихаживалъ на караулъ. А противъ Оброскиныхъ рѣчей у руки онъ, Микитка, не былъ. А первое знакомство учинилось съ нимъ, старцемъ Селиверсткомъ,—прихаживалъ онъ къ нему съ Ларіономъ и пилъ пиво; да и во 197 году, противъ извѣту Егорки Романова, Алешка Стрижовъ обѣдать ихъ призывалъ и чтобъ со Лвомъ Нарышкинымъ и съ князь Борисомъ Гольцинымъ управиться, и мочно-ль на нихъ надѣяться, и свою бы брату призывать, такіе, которые понадежныѣ, такіе слова говорилъ, и та де рѣчь въ то время не совершилась, замаяли иными словами, и своей братѣ онъ не сказывалъ. А такіе де слова, что нынѣ у нихъ новые учителя завелись, и въ слова, какъ поется „аминь“ кланяться не велѣлъ, такіе слова онъ, Микитка, говорилъ, а слыхаль де онъ тѣ слова отъ Селиверстка Медвѣдева, а того чѣмъ уличать, тетрадка есть и про челобитную не говаривалъ, а тетрадку де ему далъ Ларіонъ Елизаревъ. А противъ извѣту Дмитрея Мелнова такіе слова Дмитрею Мелнову и Якову Ладогину: „нынѣ терпите, да ѣште въ долгъ; дастъ Богъ будетъ ярмонка,“ что приказывалъ Федка Шакловитой боарь побивать, и дома грабить, онъ Микитка такіе слова говорилъ; а про лавки и боарина Ивана Василевича гремячіе чеши и про ограду церкви Божіи такихъ словъ не говаривалъ; а Селиверсткова де племянника Ивашко и столника бить онъ его хотѣлъ за то, что онъ его, Микитку, бранилъ, а чтобъ его Иларіона убить, не говаривалъ. (36) Да тому де года съ два, или болше сказывалъ ему того-жь стремяннаго поля стрѣлецъ Матюшка Воротниковъ; „вѣдаешь-ли де ты, на Семеновъ де день в. царевну вѣнчать царскимъ вѣнцомъ, и никому де ты не сказывай.“

вай.“ И за то де далъ ему Ларіонъ Елизаревъ полтора рубли денегъ, да ему-жь, Микитѣ, къ празнику, великому дни, подячей Огалко Петровъ далъ рубль тому другой годъ, да Олешко Стрижовъ ему-жь Микитѣ далъ пять рублевъ, и давалъ и инымъ. А какъ де августа восмаго числа в. государь изволилъ быть въ Троицкомъ Сергіевъ монастырѣ и Федка де Шавловитой призывалъ его, Микитку да Ондрюшку Кондратева, да Олешку Стрижова, и говорилъ тѣ-жь рѣчи. „отъ князя Бориса де и отъ Два жита нѣтъ;“ а болши того не слыхалъ; а о побѣгѣ своемъ онъ Микитка сказалъ: „пришелъ де онъ къ старцу, Селиверстку, и онъ де, Селиверстко, собирается ѣхать въ Бизюковъ монастырь, а сказалъ ему, Микитѣ, ѣдетъ де онъ для того, что изгоняетъ его св. патріархъ. И онъ де, Микитка, ему сказалъ: и онъ де Микитка хочетъ ѣхать въ Троицкой монастырь, и съ Москвы де не отпускають, а свѣдомивъ какъ жить, и онъ де поѣдетъ съ нимъ и пострижется. И онъ де, Селиверстко, его Микитку, взялъ съ собою, и приѣхали въ село Микулино Новодѣвична монастыря, отъ Москвы семь верстъ, а изъ деревни поѣхали и были ли въ Бизюковъ монастырь. Комнатной истопникъ Стенка Еадожимовъ въ роспросѣ сказалъ: прежде сего тому лѣтъ съ семь, былъ онъ, Стенка въ стрѣлцахъ въ полку Ивана Полтева и въ комнатные де истопники взять послѣ смутнаго времени. А о государскомъ здоровѣи и матери его государевны, умыслу у него никакого ни съ кѣмъ не бывало, и ни отъ кого не слыхалъ. Также о св. патріархѣ умыслу никакого не бывало-жь и не слыхалъ. А въ Семеновъ де день приѣжали вверхъ стрѣлцы, Олешка Стрижовъ да Ондрюшка Кондратевъ, и говорили ему Стенкѣ, чтобъ онъ доложилъ в. государынѣ, гдѣ бы имъ укрыться. И онъ де имъ сказалъ: „Микитѣ“ де самому стало до себя, и ихъ де Олешку и Ондрюшку взялъ ризничей Антонъ Муромцевъ, и заперъ ихъ въ церквѣ у креста; и въ церквѣ де они были до вечера, и в. государыня указала ихъ вывести въ нижнюю полату подъ хоромы, и съ тѣхъ де мѣстъ его не пускавали, и ихъ не видалъ. (39) И сентября де въ 21 день, въ воскресенье, Осипко Осиповъ истопникъ говорилъ съ нимъ, Стенкою; въ разговорѣ про старца Селиверстка, сталъ ему, Оскѣ, говорить, что везу старца Селиверстка, и Алешку Стрижова, и Ондрюшку Кондратева, и Микитку Глаткова.“ И онъ де, Оско ему, Стенкѣ, сказалъ: Олешку де Стрижова и Ондрюшку Кондратева знаетъ онъ Оска, гдѣ они сидятъ: послала де его верховая дѣвушка по кулганъ для кислыхъ штей; и онъ де кислыхъ штей взялъ и къ нимъ подалъ. И онъ де, Стенко, ему Оскѣ говорилъ, чтобъ о томъ в. государемъ извѣстить, и звалъ его съ собою въ походъ; и онъ де, Оско, въ походъ не пошолъ. А что де въ извѣтѣ Федора Турки съ товарищи написано, чтобъ имъ на Ивановской площади ночевать, и какъ де приѣхитъ онъ, Стенко, и велитъ дѣлать, и его-бъ слушали во всемъ, и куды посылать ихъ станутъ, повелѣніе его исправляли; и о томъ де Стенкѣ приказу ни отъ кого никакого не бывало. А съ Ивановской де площади для стрѣлцовъ, какъ укажетъ имъ в. царевна быть имъ вверхъ, онъ, Стенка, хаживалъ; а буде его въ которое время не прилучится, хаживалъ истопникъ Оска Осиповъ, и стрѣлцовъ съ Ивановской площади: Ларіона Елизарева и Ипата Улфова вверхъ прихаживалъ къ воскресеню. Да и многажды онъ, Стенка, въ розные времена стрѣлцовъ вверхъ къ в. государынѣ прихаживалъ, а кого иманы, того не упомянуть; да и Осипъ Осиповъ стрѣлцовъ

вверхъ прихаживалъ же; а какіе де слова имъ стрѣльцамъ отъ в. государыни бывали, того онъ не вѣдаетъ, для того, что ихъ отсылали, а подячего Ивашка Попова, Федка Шакловитой къ нему, Стенкѣ, прислалъ, и говорилъ ему, Стенкѣ, что онъ, Федка ѣдетъ къ Москвѣ, чтобъ онъ о томъ извѣстилъ в. г. царевнѣ. И онъ де Стенка о томъ, в. государынѣ черезъ верхнюю дѣвку Федору извѣщалъ. А что онъ, Федко своебоженъ изъ-за караула, то ему онъ, Ивашко, не сказывалъ; а что де въ извѣтѣ Нифонта Чулошникова написано—съ Грановитой полаты бросали де полѣнемъ, и стрѣлецъ, который стоялъ на караулѣ, ему, Стенкѣ, про тѣ полѣня сказывалъ. И онъ де Стенка, тѣхъ полѣневъ до дни собирать не велѣлъ, и чтобъ увидѣли бояре, такихъ рѣчей онъ, Стенка, не говаривалъ, и полѣня не видалъ. И что де въ извѣтѣ-жъ на него, Федку, Григорей Языковъ сказалъ, будто приходилъ онъ, Стенка, къ Мишкѣ Шеншину на дворъ и сказалъ ему, Григорю, государевъ указъ, чтобъ онъ того, жуды воженъ, и чего у него спрашивано, никому не сказывалъ, а есть-ли де скажетъ, и за то каженъ будетъ смертно. (42). И къ нему де, Григорю Языкову, на дворъ, въ приходъ у церквѣ Іоанна Богослова, что за Тверскими вороты, Федка Шакловитой посылалъ, а что ему, Григорю, онъ, Стенка говорилъ, того онъ Стенка, не упомянуть; толко онъ Григорей Языковъ далъ ему сафьянъ, а за что не помнитъ же; а къ *Микиткѣ* Шеншину на дворъ не хаживалъ. А что де на него жъ, Стенку, говорилъ Юрка Лѣсникъ, будто онъ, Стенка, Микиткѣ Глаткому, Олешкѣ Стрижову, Оброскѣ Петрову, о походѣ въ Троецкой монастырь вѣдомости ждаты, и какъ будетъ вѣдомость, и они-бъ по той вѣдомости въ Троецкой монастырь ѣхали,—и такихъ де словъ онъ, Стенка, не говаривалъ; толко онъ, Стенка, говорилъ Юркѣ Левкину, чтобъ онъ ѣхалъ въ Троецкой монастырь и в. государю билъ челомъ виною своею. И августа де противъ осмага числа, какъ в. г. царевна изволила быть у Казанской Богородицы, и онъ де, Стенка, къ церкви Казанскіе Богородицы, по присылкѣ истопника Оски Осипова, пришелъ за полчаса до отдачи ношныхъ часовъ. И истопникъ де Осипъ Осиповъ принесъ три мѣшка денегъ, а взялъ тѣ денги въ хоромехъ у в. г. царевны и раздавалъ тѣ денги околицей Василей Савичъ Нарбѣковъ стрѣльцомъ, съ нимъ, Осипомъ; про то сказывалъ ему онъ, Осипъ. А онъ де, Стенка, толко у Казанской Богородицы съ нимъ, Оскою, отчелъ денегъ три рубли, а кому даны, того онъ не вѣдаетъ, а стрѣльцомъ никому онъ въ то время денегъ не даывалъ. А четвертое де сто рублевъ денегъ онъ же, Оска, вынесъ послѣ, а кому отдалъ, про то самъ онъ, Оска, скажетъ. А что Оброска Петровъ въ роспросѣ сказалъ: какъ де в. государыня изволила притти и Троецкаго монастыря къ Москвѣ, и его де, Оброску, Имошку Аевонасьева, Мишку Обросимова, Васку Тулу призывалъ вверхъ онъ Стенка. А посылала по нихъ в. г. царевна и крестъ вынесла, и ко кресту приводила она сама, в. государыня, и держала крестъ она сама. А изволила имъ говорить: мало де вамъ она довѣриваетъ? и они де сказали: ради де имъ, в. государемъ, служить. А опрѣчь де его Стенки въ то время никого не было. А окно де у мовной лѣсницы Оброскѣ Петрову съ товарищи указалъ онъ, Стенка, а ему, Стенкѣ, то окно велѣлъ указать онъ, Федка Шакловитой; и прежь того окно ему, Стенкѣ, указывалъ онъ, Федка. И онъ Стенка спросилъ его, Федку: для чего де то окно указать? и онъ, Федка, сказалъ: подъ тое де окно приходять жонки и дѣвки, и го-

ворять непристойные слова. А противъ извѣту Кондрашки Софопова и Давилка Артемева о царскомъ вѣнцѣ Стенка заперался, и съ отказомъ не выхаживалъ (45). А сынъ де его, Стенкинъ, стрелѣцаго приказу подячей Федка Степановъ августа противъ всемаго числа къ московскимъ воротамъ приходилъ, и чтобъ никого въ ворота не пропускать говорилъ; а посылалъ де его Федка Шакловитой; а былъ де онъ у ихъ въ то время дневальныхъ подячихъ три человекъ: Агапко Петровъ, Ивашко Истомино; а какъ де Федка Шакловитой былъ у ихъ вверху за карауломъ, и хотѣлъ де утти, а куды, про то вѣдаетъ приказу болшіе казны подячей Семень Надѣинъ; и четыре де лошади къ дворцовой лѣсницѣ приводилъ приказу-жъ болшіе казны подячей Иванъ Сергѣевъ. А онъ де, Федка, сидѣлъ за карауломъ у него, Стенки, въ полатѣ позадь болшихъ хоромъ в. государыни Софіи Алексѣевны, и былъ у него за карауломъ два дни; и о томъ Сенка Надѣинъ ему, Стенкѣ, говорилъ, чтобъ сказалъ Федкѣ Шакловитому, что лошади готовы. И онъ, Стенка, его, Сенку, отсалъ прочь, а ему, Федкѣ, не сказывалъ (46). И послѣ его на караулъ, по его, Федкину, челобитью велѣно быть Оскѣ Осипову, и былъ онъ, Оска, на караулѣ, а много-ль дней, про то онъ самъ скажетъ. И ему де Оскѣ, онъ, Стенка, сказывалъ же, что онъ, Федка, хочетъ утти; и онъ де Оска, его, Федку, о томъ остерегался. А къ старцу де Селиверстку Медвѣдеву посылалъ его, Стенку, провѣдывать вѣстей Федка Шакловитой. И онъ де, Стенка, для провѣдываня вѣстей, къ нему, Селиверстку, хаживалъ, и Селиверстко де Медвѣдевъ къ нему, Федкѣ, съ нимъ, Стенкою, приказывалъ: „нынѣ де высока рука в. государя Петра Алексѣевича, надобно де перетерпѣть.“ А ходилъ онъ, Стенка, къ нему, Селиверстку, до Семенова дни день за пять, и тѣ де слова онъ, Стенка ему Федкѣ пришедъ отъ него, Селиверстка, сказывалъ.

47. Сентября въ 25 день въ Троецкомъ Сергеевѣ монастырѣ пѣвчей Лаврентей Козминъ Бурмистровъ передъ бояры росирашиванъ; а въ роспросѣ сказаль, съ старцемъ де Селиверсткомъ Медвѣдевымъ знакомство у него такое: отецъ его, Лаврентьевъ, отдавалъ ему, Селиверстку, учить лотныи тому лѣтъ съ пять назать, а послѣ того потому знакомству прихаживалъ по часту. А говаривалъ онъ съ нимъ, Селиверсткомъ, отъ книжнаго ученія, а на государское здоровье умыслу у него, Селиверстка, нивакого не вѣдалъ, и самъ не умышлялъ. А къ нему де, Селиверстку, привѣзживали многіе знатные люди и гостинные сотни; а по часту къ нему привѣзживалъ Федка Шакловитой и стрѣлцы многіе прихаживали; а разговоры де у нихъ бывали о словахъ Христовыхъ, и иные многіе слова онъ, Федка, съ нимъ, Селиверсткомъ, разговаривалъ тайно; а что они говаривали, того онъ не вѣдаетъ, для того что его высылали; а Селиверстка де старецъ посылывалъ его къ нему, Федкѣ, съ писмами, а съ какими, того онъ не вѣдаетъ, для того, что тѣ писма посылывалъ запечатаны, а иные де писма посылывалъ не запечатаны; а въ тѣхъ де незапечатанныхъ писмахъ писалъ онъ, Селиверстко къ нему, Федкѣ, о заступѣ челобитчиковъ. А сказывалъ де ему, Лаврушкѣ, дьячекъ Ивашко, который писалъ у него, Селиверстка, книгу: „что де ты ходишь, Селиверстка де спрашиваютъ, да и тѣхъ де, которые къ нему, Селиверстку прихаживали, спрашиваютъ же.“ И онъ де, Лаврушка, испужався того, что онъ къ нему, Селиверстку, былъ вхожъ, побѣжалъ съ Москвы, и его, Селиверстка, съѣхалъ въ монастырской деревнѣ, отъ Москвы семь верстъ, и изъ той деревни побѣжали

версть съ пять съ нимъ вмѣстѣ къ Смоленску, и остановились ночевать въ Бизиковѣ монастырѣ, что въ Дорогобужскомъ уѣздѣ, а изъ того де монастыря никуда они бѣжать не умышляли. А ѣдучи де онъ Селиверство съ ними, говорилъ: бѣжать де онъ для того, вѣдая государскій гнѣвъ, что написанъ съ Федкою Шахловитымъ вмѣстѣ. А августа де противъ осмага числа 197 году, какъ сбраны въ Кремль стрѣлцы, ночевалъ онъ, Лаврушка, дома. А дворъ де его на Лубянкѣ; и услышалъ той ночи, что собираются стрѣлцы, „сподѣ съ своего двора и пришелъ на Лубянку; а на Лубянкѣ де у церкви стоятъ стрѣлцы Ларіонъ Елизарьевъ, да Троицкой, да Турка; и пришедъ де къ нимъ онъ, Лаврушка, спросилъ ихъ, для чего они собираются, и они ему сказали: „вельно де имъ итти въ городъ;“ и онъ де, Лаврушка, болша того съ ними ничего не говорилъ и побѣжалъ въ монастырь къ старцу Селиверстку, сказавъ ему, какая бѣда чинится; а то де слово онъ: „какая бѣда чинится,“ ему, Селиверство, онъ, Лаврушка, сказалъ потому, какъ онъ, Лаврушка, къ нему, Селиверстку, бѣжалъ, и въ то де время, на дорогѣ стрѣлецъ Мишка Фектистовъ ему, Лаврушкѣ, говорилъ: какую де бѣду Микитка Гладкой сдѣлалъ-было, велѣлъ стрѣлцомъ итти въ городъ съ ружемъ; а для чего съ ружемъ имъ, стрѣлцомъ итти въ городъ, того не сказавъ. А знакомство у него съ нимъ, Мишкою, учинилось потому, что онъ, Мишка, прихаживалъ къ нему, Селиверстку, въ монастырь. А какъ де онъ, Лаврушка, къ нему, Селиверстку, въ монастырь прибѣжалъ въ пятомъ часу ночи, и ему, Селиверстку, сказалъ, и онъ де, Селиверство, выбѣжавъ къ нему, Лаврушкѣ, изъ чулана и сказалъ: „вотъ де какая бѣда, что бѣшеной Микитка Гладкой вѣдаетъ.“ А Мишки де Фектистова, для чего имъ въ городъ итти, онъ, Лаврушка, не спрашивалъ (53). И побылъ де онъ у него, Селиверстка, съ четверть часа, пошелъ домой; а на встрѣчу де ему тое жъ ночи, въ сѣняхъ у него, Селиверстка, попалъ Ондрюшка Кондратьевъ, да съ нимъ другой стрѣлецъ, а имени не знаетъ; а для чего приходили къ нему, того онъ не вѣдаетъ. И пришедъ де онъ домой, и былъ до утра, и пошелъ вверхъ; аверху де ему Воскресенскіе пономари сказывали, что в. государыня царевна тое ночи была у церкви Казанскіе Богородицы. А на государское здоровье умнслу и на святѣйшаго патріарха умнслу-жъ никакого онъ, отъ него, Селиверстка, не слыхалъ, а самъ не умышлялъ; а въ разговорахъ онъ, Селиверство, говаривалъ на справщика Евфимія, да на ризничего Акинфа: „они де святую душу патріарха возмущаютъ, и наговариваютъ о поклонехъ въ слова Христова; а нему де, Лаврушкѣ, дьяконъ Аеонасей о словахъ Христовыхъ тетратки давалъ; и посмотри де, онъ отдалъ ему Оеонасю; а братъ де его Ондрюшка ему, Селиверстку, знакомъ по немъ, Лаврушкѣ. А съ Москвы де онъ въ Литву и никуда не бѣживалъ; а въ Троецкой де монастырь онъ не явился для того, испулся отъ того, что его спрашивали, и въ той де его винъ вольны в. государи.

А братъ его, Лаврушкинъ родной, Ондрюшка Бурмастровъ, въ роспросѣ сказалъ: Селиверство де Медвѣдевъ ему знакомецъ потому, какъ онъ, Ондрюшка, прибѣжалъ изъ Польши, жалъ все у него, Селиверстка. А умнслу де онъ на государское здоровье, и умнслу жъ на св. патріарха никакого ни отъ кого не вѣдаетъ, и самъ не умышлялъ, а говаривалъ онъ, Селиверство, что св. патріархъ на него, Селиверстка, гнѣвъ за книгу, что писалъ онъ, Селиверство, о пресущественіи. А стрѣл-

цы де: Микитко Гладкой, Олешка Стрижовъ, Оброска Петровъ, Ондришка Кондратовъ, прихаживали къ нему, Селиверстку, по часту, и съ Селиверсткомъ говаривали тайно, а что, того онъ не вѣдаетъ; а Федка де Шапловитой къ нему приѣзживалъ также, и онъ, Селиверстко, къ нему, Федкѣ, ѣздаль же, а что говаривалъ, того онъ не вѣдаетъ же, для того, что ихъ выслали. А августа де протавъ осмага числа 191 году стрѣлцы въ Кремль были ль, того онъ не вѣдаетъ, потому что не былъ на Москвѣ, а заѣхалъ съ службы въ Кіевъ, а писма отъ него, Селиверстка, къ Федкѣ Шапловитому нашивалъ онъ такіе, буде стрѣлцы, или иной кто о чемъ бьетъ челомъ, и онъ съ тѣмъ къ нему и хаживалъ. (56) А съ Москвы де онъ ни отъ чего не бѣгивалъ, а поѣхалъ для старца Селиверстка до Визюкова монастыря, что въ Дорогубужскомъ уѣздѣ, а изъ того монастыря хотѣли ѣхать къ Москвѣ. Мишка Гулской вноземень въ роспросѣ сказалъ: Селиверстко де Медвѣдевъ ему, Мишкѣ, свой, потому что сестра де его, Селиверсткова, родная за нимъ Мишкою. Федка де Шапловитой и стрѣлцы: Оброска Петровъ, Олешка Стрижовъ, Ондришка Кондратовъ, Микитка Гладкой, къ нему, Селиверстку, прихаживали по часту и говаривали съ нимъ по часту, а что говорили, того онъ не вѣдаетъ, для того что его таились. (57) А умыслу де никакого на государское здореве и на св. патриарха ни отъ кого не слыхалъ, и самъ не умышлялъ, а говаривалъ онъ, Селиверстко, что на него св. патриархъ гнѣвенъ за книгу о пресущественіи, а иного ничего не вѣдаетъ. И съ Москвы де онъ поѣхалъ съ старцомъ Селиверсткомъ въ Визюковъ монастырь по свойству; а Селиверстко де Медвѣдевъ побѣждалъ съ Москвы для того, услыша то, что Федка убирается. А животовъ Селиверстковыхъ и Федки Шапловитова у него никакихъ нѣтъ. (Л. 374—81).

59. Работникъ *Ив. Володимеровъ Иконниковъ* сказалъ: работалъ у М. Гулскаго изъ найму; какъ побѣждалъ С. Медвѣдевъ, и съ нимъ Гулской, Стрижевъ и Гладкой въ полночь; а изъ деревни дѣвничья мон. Стрижевъ поѣхалъ назадъ къ Москвѣ. Проворовскіе замысли не вѣдаютъ. „А работалъ Мишка и держался при немъ для того, что онъ умѣеть готовить ѣсть по полску, а онъ у него тому приучивался, п. ч. онъ Ивашка живалъ у Грека, и ѣсть варить по гречески помалу умѣеть. А Мишка де Селиверстку свой, сестра его за Мишкою, и живалъ онъ у Селиверстка непрестанно.“ А когда говорили, его не пускали. (60) Работникъ *Алешка Гр. Полтавецъ* выѣхалъ года съ 3 къ Москвѣ съ Черкасами, потому что у него въ пушкьяхъ дядя родной *Петръ Ивановъ*; а жилъ по найму у А. Бурмистрова съ годъ; воровскихъ словъ не слыхалъ.

61. Сент. 26. Псаломщика *Онтошку Алексеева Муромца* велѣлъ поймать полковникъ Бутурлинъ. Стрѣлцы сказали, что его „дядя родной Серешка Ивановъ слободчикъ приходилъ къ матери Ивашки Чернова и возмущалъ: сыну де твоему струбъ и плаха готовы.“ А Антошка бывалъ у него по часту, и дорогой на вопросъ стрѣлцовъ, что будто пятисотному Мик. Фролову, приставу Ондрѣю Павлову да пятидесятнику Гавр. Давыдову дано по 10 р., какъ государь уѣхалъ въ Троицкой мон., Антошка сказалъ: имъ дано и инымъ, человекѣу десятку по 10 р. дано... дано де имъ „отъ него Антошки, а за что, того не сказалъ.“ Онъ заперъ въ церковь Стрижева и Кондратьева, и ключъ отдалъ Ст. Евдокимову.

64. А псаломщикъ *Онтошъ Муромцовъ* передъ бояры въ распросѣ сказалъ: воровства де онъ и умыслу за Федкою Шакловитымъ никакого онъ не вѣдаетъ, для того что онъ Федка былъ къ нему не добръ, а на государское здорове онъ, Федка, умышлялъ ли, того онъ не вѣдаетъ же, и самъ не умышлялъ. А какъ де присланы в. государя грамоты изъ Троецкаго Сергіева монастыря, велѣно Федку Шакловитова съ товарищи прислать въ Троецкой Сергіевъ монастырь. И въ то де число Олешку Стрижова, да Ондрюшку Кондратева невѣдомо кто привелъ ихъ вверхъ лѣсницею, что отъ Рязьположенія межъ церквѣ Воскресенія и Иоанна Предтечи. И отъ комнатныхъ дверей в. государыни царевны Софіи Алексѣевны пришелъ комнатной истопникъ Стенка Овдокимовъ, и велѣлъ ему, Онтошкѣ, тѣхъ людей скоронить въ церковь Распятія Господа Бога; а сказалъ онъ, Стенка, ему, Онтошкѣ, что ихъ, Олешку и Ондрюшку, въ тое церковь указала скоронить госуд. царевна; а тое церкви ключъ въ то время былъ въ Воскресенской церквѣ. И онъ, Онтошка, въ той Воскресенской церквѣ взялъ ключъ, и по тому указу тое церковь отомкнулъ, и тѣхъ стрѣльцовъ Олешку и Ондрюшку въ тое церковь ихъ пустилъ, и церковь заперъ, а ключъ тое церкви отдалъ ему, Стенкѣ Овдокимову, и сказалъ ему, Стенкѣ, что онъ ихъ Олешку и Ондрюшку въ той церквѣ заперъ, а ключъ отдалъ для того, вида то, что они люди надобные, и какъ о поимкѣ ихъ изъ походу приславо. И были они въ той церквѣ день, и Стенка де Овдокимовъ говорилъ ему, Онтошкѣ, чтобъ тѣхъ людей выпустить; и онъ, Онтошка, ему, Стенкѣ, сказалъ „ключъ де тое церкви у него Стенки.“ 66. И онъ де, Стенка, ключъ взялъ у сторожа и отдалъ ему, Онтошкѣ; и онъ де ихъ, Олешку и Ондрюшку, изъ церквѣ выпустилъ; а взялъ ихъ онъ, Стенка Овдокимовъ, а гдѣ ихъ дѣлъ, того онъ не вѣдаетъ. А Стенка де Овдокимовъ съ Федкою Шакловитымъ единомышленникъ, потому что онъ, Федка Шакловитый, по многие времена приводилъ стрѣльцовъ вверхъ, а съ нимъ тѣхъ стрѣльцовъ—Ондрюшку Кондратева, Олешку Стрижова, Оброску Петрова съ товарищи взводилъ вверхъ на площадку къ Воскресеню къ комнатѣ в. государыни Софіи Алексѣевны. А бывало де стрѣльцовъ человекъ по десятку и болши; а видалъ де онъ ихъ черезъ недѣлю, а иное недѣли въ три и въ четыре; и изъ комнатъ де отъ в. государыни выхаживали околничіе Алексѣй Ивановичъ Ржевской, и Василей Савичъ Нарбѣковъ, и Семень Федоровичъ Толочановъ; а то прилучится время и у комнатныхъ сѣней станвали и отсылывали, а Федка де ихъ бивалъ и въ шею; а при ней в. государынѣ въ то время бывалъ кн. Василей Голицынъ да Федка Шакловитой. А онъ, Онтошка, сматривалъ изъ церкви, какъ пойдутъ; и они де идучи изъ хоромъ, говаривали: дай Боже, в. государемъ здравствовать, и перекрестяся противъ церкви сверху пойдутъ, и какая имъ была дача, или приказъ какой, того онъ не вѣдаетъ. Онъ же, Онтошка, ходилъ, какъ кн. Василей Голицынъ посыланъ на службу въ прошломъ во 197 году; и в. де, государыня царевна изволила ходить по всея ночи въ соборы и въ монастыри и по церквамъ пѣшимъ походомъ. И въ то время съ священникомъ съ Иваномъ Поборскимъ за нею, в. государынею, хаживалъ для молебнаго пѣнія и чтенія псалмовъ; а за нею, в. государынею бывалъ Федка Шакловитой съ стрѣльцами разныхъ полковъ съ стѣнного караулу, да въ прибавку Алешка Стрижовъ съ стрѣльцами человекъ по дватцати. И околничей Василей Савичъ Нар-

бѣковъ посылывалъ къ Алексѣю Ржевскому подячихъ мастерскіе полаты, которые прилучатся; и денги отъ Алексѣя принашивали подячіе, а по сколку, того не вѣдаетъ, толко видалъ, въ бумажки расчиталъ Василей Нарбѣковъ съ подячими и съ источникамъ; а давалъ тѣ денги по деревамъ священникомъ и стрѣльцамъ Василей Нарбѣковъ; а прибланнымъ стрѣльцамъ тайно Федка Шаковитой приказывалъ Василю давать стрѣльцомъ в. государыни во всѣ походы, а къ матери де и къ дядѣ къ Серешкѣ Муромцову въ Борисовъ полкъ Батурина, что бывалъ Сенка Резанова, явно и тайно года съ два не прихаживалъ и не приѣзживалъ; а дядя де его Серешка Ивановъ слободчикъ, и мать Ивашки Чернова приходили, и какіе слова ей говаривалъ-ли, того онъ не вѣдаетъ, для того что онъ пьяница. А противъ роспросныхъ рѣчей стрѣльцевыхъ, которые его везли, о дачѣ денегъ стрѣльцомъ и камокъ, и онъ сказалъ: такихъ де денегъ онъ, Антошка, стрѣльцамъ не даивалъ, а слышалъ онъ отъ стрѣльцовъ, Борисова полку Батурина, отъ Мишки Оксенова, отъ Банки Давидова, какъ у него были, Антошка, въ дому и говорили: „дай Господь в. государемъ здравствовать.“ И дано де имъ денегъ по 10 р. и сказали имъ, чтобъ они служили вѣрно. А дано де стрѣльцомъ десяти челобѣковъ, а кто имъ денги роздавалъ и приказывалъ о вѣрной службѣ, того онъ не вѣдаетъ. А какъ де в. государь изволил итти изъ села Преображенскаго скорымъ походомъ, и той ночи Лаврентьева полку Сухарева пятидесятникъ Алексей Савостьяновъ въ слободѣ ночевали, и по утру въ той слободѣ почели кликать остаточныхъ и спусковыхъ стрѣльцовъ, чтобъ шли, въ походъ. И онъ де Алексѣй посылалъ провѣдывать сына своего, названнаго Степана Алексѣева на съѣзжую избу, для чего „включить стрѣльцовъ въ походъ, и десятникъ ему, Стенкѣ, сказалъ: для того де кличуть, что в. государю походъ въ Троицкой монастырь, да тихонко ему сказалъ, что де в. государь изволил на Преображенское итти скорымъ походомъ въ одной сорочкѣ.“ И онъ, Стенка, пришедъ, ему, Алексѣю, сказалъ, что де в. государю походъ въ Троицкой монастырь, а того ему не сказалъ, что скорымъ обычаемъ походъ учинился. (70) Онъ сказалъ послѣ бабкѣ своей, и та бабка, вышедъ въ городъ, сказала своимъ сестрамъ, и отъ нихъ де услышалъ погребщикъ, а какъ его зовутъ в. какого чину, того онъ не вѣдаетъ. И погребщикъ де извѣщалъ въ стрѣльцкомъ приказѣ Федкѣ Шаковитому; и Федка де тое бабу, и его Стенку, взявъ въ стрѣльцкой приказъ, и десятника, который ему Стенкѣ сказывалъ, взялъ и спрашивалъ. А къ нему Антошкѣ пришли изъ Сухарева полку и сказали, что по посылкѣ Федки Шаковитова, та баба и стрѣльцы взяты, и хотеть де имъ, вывести на площадь, головы отсѣчь. И онъ Антошка пришедъ вверхъ, Федкѣ Шаковитому говорилъ, чтобъ онъ надъ ними показалъ милость для того, что походъ в. государей учинился явенъ всему государству. И онъ де, Федка, ему сказалъ: „и тебѣ де тутъ же доведется голову отсѣчь.“ И послѣ того билъ челомъ онъ царевнѣ, и послѣ де челобиты тѣ вышесказанные люди изъ приказа свободены, и никакого наказанья имъ не учинено. А какъ августа противъ 8 числа изволила въ ночи царевна быть въ соборѣ Пресвятые Богородицы Казанскіе и той ночи за часъ до свѣту приѣхалъ къ Николаевскимъ воротамъ и стрѣльцы де его спрашивали: „куды де ѣдешь;“ и онъ де, Антошка, сказалъ имъ, что ѣдетъ въ верхъ къ заутренѣ. И они де ему съ лошади слѣзть велѣли и сказали, что царевна у Казанскіе Богородицы.

И онъ Антошка пришедъ въ паперть помолясь, в. государинѣ поклонился; а въ то время протопопъ читалъ молитву по акаенствѣ. И в. государыня изволила его послать вверхъ и приказала: „поди де къ заутрени вверхъ, и вели де начинать полунощницу;“ а къ заутрени велѣла ожидать себя. И онъ вверхъ пришедъ, приказалъ начинать полунощницу. А какъ онъ шелъ вверхъ и въ Кремль де никакихъ стрѣльцовъ не видалъ, толко де видѣлъ стрѣльцовъ у Казанскіе Богородицы, и изъ нихъ де Семенова полку Резанова пятидесятникъ Устинко Самсоновъ, подшедъ къ нему, сказалъ: мы де молимся здѣсь у всенощной, и в. де государыня пожаловала насъ по рублю. А за государыней де были: Василей Нарбѣвовъ, Федка Шакловитой, а иныхъ никого не видалъ, а ему Антошкѣ, съ стрѣльцами, которые привезли его въ Троицкой монастырь, дана очная ставка, а на очной ставкѣ тѣ стрѣльцы говорили прежніе свои рѣчи, что онъ, Антошка, въ слободѣ къ нимъ, къ матери и къ дядѣ, приѣзживалъ въ прошломъ во 197 году передъ Троицкимъ походомъ; а Антошка сказалъ прежніе свои рѣчи, что онъ въ той слободѣ не бывалъ тому года съ два; а про деньги стрѣльцы сказали прежніе жъ свои рѣчи, а онъ Антошка сказалъ прежніе-жъ свои рѣчи; да съ нимъ же, Антошкою дана очная ставка съ истопникомъ съ Стенкою Евдокимовымъ. А на очной ставкѣ Стенка противъ роспросныхъ его, Антошкиныхъ, рѣчей запирался, стрѣльцовъ де Алешки Стрижева и Алешки Кондратева ему, Антошкѣ, въ церковь запирать не велѣвалъ, и указу в. государыни царевны, что ихъ запирать, не сказывалъ, и ключа онъ, Антошко, ему Стенкѣ, не даывалъ, а заперъ де ихъ въ церкви онъ, Антошка; а изъ церкви де ихъ Алешку и Андриюшку вывелъ и отдалъ ему онъ Антошка, а Антошка сказалъ прежніе свои рѣчи. Да на очной же ставкѣ Стенка Евдокимовъ сказалъ, что де въ роспросѣ Антошки Муромцова написано: какъ де стрѣльцы прихаживали къ Воскресеню на площадку ночью, и онъ де Стенка и товарищи его истопники и сгорожи комнатные въ то время были, а стрѣльцы де прихаживали ночью человекъ по десяти, и по дватцати и по тритцати разныхъ полковъ: Инатъ Удфовъ Алешка Стрижевъ, Андриюшка Кондратьевъ, Оброска Петровъ съ товарищи. А бывали де въ тѣ времена, кн. Василей Голицынъ, Федка Шакловитой, Василей Нарбѣвовъ, а Семенъ де Толочановъ и Алексѣй Ржевской бывали-ль, того онъ не упомнить. Да Алешкѣ жъ Стрижеву сонзволила в. государыня пожаловать въ прошломъ во 197 году въ августѣ лѣтомъ, какъ его спрашивали въ Преображенской походъ, денегъ пятьдесятъ рублей. А былъ онъ у него, Стенки, за карауломъ въ ихъ, истопникѣ избушкѣ, чтобъ его не увезли въ походъ. (74) Да стрѣльцамъ же дано Андрѣева полку Нормалкаго по пол.... да пятисотнаго Нифонта Чулошниковца съ товарищи посылалъ онъ, Федка, его Стенку, на Колымажине ворота въ башню, и взявъ ихъ, человекъ съ пять, привелъ къ хоромамъ въ сѣни; и в. де государыня изволила взять ихъ передъ себя; и какъ они пошли изъ хоромъ и по указу де государыни царевны, онъ Стенка, далъ имъ пол.... денегъ сто рублей, и за что тѣ деньги имъ даны, того онъ не вѣдаетъ. Да въ прошломъ же де году лѣтомъ, приведены были по приязу Федки Шакловитова, Семенова полку Резанова бывшей пятисотной, Микитка съ товарищи человекъ съ пять, и были въ тѣхъ же хоромехъ. И по указу де царевны далъ онъ Стенка имъ, Микиткѣ съ товарищи, денегъ въ мѣшечкѣ, а сколько счетомъ, того не вѣдаетъ. Да

Иванова полку Цыклера стрѣльцу Лучкѣ Степанову съ товарищи двумъ человѣкомъ изволила государыня царевна пожаловать денегъ въ мѣсечекъ, а сколько счетомъ, того не вѣдаетъ же. Да Алешка де Стрижевъ, какъ его спрашивали въ Преображенское, былъ за карауломъ у комнатнаго истопника, у Дмитрея Иванова, и былъ у него на дворѣ день съ пять; да и Мишка жъ де Евдокимовъ съ товарищи прихаживали и были въ хоромехъ, и дача денежная бывала; да Ефимьева полку стрѣльцы Стенка Татарченко съ товарищи, четыре человѣка въ хоромы прихаживали, и дача денежная имъ была.

76. *Допросъ Медвѣдева.* Въ застѣвкѣ Сенка Медвѣдевъ по 1-ой *стать* сказалъ: о томъ де онъ стрѣльцамъ говорилъ для того, чтобъ тому дѣлу не быть, и чтобъ то дѣло разорить. По 2-ой *стать*: сказалъ свои прежніе рѣчи, а умыслу де никакого не бывало. По 3-й *стать*: сказалъ прежніе свои рѣчи. А въ тѣхъ де тетратѣхъ противности церкви никакой нѣтъ; писана противъ греческой книги. По 4-й *стать*: о убіеніи и премѣненіи св. патріарха умыслу никакого не бывало. По 5-й: у Федки Шакловитова роспись была-ли, того онъ не вѣдаетъ; а Ларіонъ Елизаревъ сказывалъ, что у него, Федки, роспись, кого послать, была и хотѣлъ имъ дать. По 6-й: сказалъ прежніе-жъ свои рѣчи, и съ стрѣльцами де зѣакомства, до того числа, какъ учили стоять на караулѣ, не бывало. По 7-й: сказалъ прежніе свои рѣчи. А съ Федкою де Шакловитымъ говаривалъ, и была у нихъ написана книга лѣтописная, начата съ девяностого году, съ правленія в. государыни, и что было съ того году; и та де книга у него, Сенки, въ полатѣ; а писана та книга съ писма Каріонова, а чернилъ тое книгу онъ, {Сенка, а переписывалъ для чисту Иванко.

78. По 8-й: говорилъ прежніе свои рѣчи; а не извѣщалъ в. государемъ за страхомъ. По 9-й: сказалъ прежніе жъ свои рѣчи. А Ондрюшкѣ говорилъ онъ разговоромъ для того, что онъ, Ондрюшко, говорилъ ему, что будетъ послѣ Семенова дни бунтъ. И онъ Сенка ему говорилъ. Федка де Шакловитой сказывалъ ему, Сенкѣ, тѣ вышеписанные слова, которые онъ сказалъ въ роспросѣ къ пророчеству государева имени, а самъ не гадалъ. А юродъ былъ прямой-ли, того онъ не знаетъ; а Федка де Шакловитой сказывалъ, что онъ юродъ отъ роду таковъ. По 10-й: сказалъ прежніе жъ свои рѣчи, что и въ роспросѣ сказалъ. (79) По 11-й: прежніе жъ свои рѣчи, а на Донъ писемъ никакихъ не посылалъ. По 12-й: сказалъ прежніе жъ свои рѣчи. А гдѣ Ондрюшка Кондратевъ и Олешка Стрижевъ, того онъ не вѣдаетъ. По 13-й: сказалъ прежніе жъ свои рѣчи, что и въ роспросѣ сказалъ. А перетерла де, oprичъ худа имъ, которые были на сторожѣ в. государыни царевны, ждать нечего. А говорилъ онъ, стрѣльцомъ, которые при ней бывають. По 14-й: Такіе слова про св. патріарха, что учился мало и отъ богословскихъ рѣчей не знаетъ, онъ, Сенка, говорилъ. Про книгу отъ таинствъ онъ сказалъ, что такой книги у него Сенки не бывало. А на пыткѣ было ему 15 ударовъ.

81. А къ св. патріарху онъ не прихаживалъ и какъ патріархъ былъ въ ходахъ, онъ не выхаживалъ, боясь его. А Федка де Шакловитой ему, Сенкѣ, говаривалъ: „не бойся де, царевна Софія Алексѣевна тебя не выдастъ.“ (82) А какъ де онъ вверху бывалъ, и въ то время при в. государынѣ царевнѣ былъ кн. Василей и Алексѣй Голицыны.

83. *Допросъ Гладкаго.* Микитка Гладкой въ застѣнѣ съ пытки говорилъ: *По 1-й стать,* прежніе свои рѣчи, что и въ роспросѣ сказалъ; а на государское здоровье онъ не мыслилъ. *По 2-й,* такіе слова говорилъ съ Миткою Каирановымъ разговоромъ про св. патріарха и про взятые у ризничего денегъ, и чтобъ у св. патріарха въ полатѣ закричать, „онъ де и мѣста не найдетъ,“— говорилъ съ пьяна. (84) *По 3-й,* Федка Шакловитый въ то время, какъ онъ Федка, ѣхалъ изъ Коломенского, такіе слова: „кто къ рукѣ его не пожаловалъ и кто не допустилъ,“ говорилъ и матерны бранилъ. А въ роспросѣ де онъ того не сказалъ безпамятствомъ; и чтобъ „за дѣло приниматься“ — говорилъ, а дѣлу де опричь бунта быть нечего. *По 4-й,* о убіеніи и о премѣненіи св. патріарха записался. *По 5-й,* такіе слова, что „у в. государя двери дровами забросали,“ говорилъ, и въ роспросѣ — де онъ про то сказалъ имянно. А о непристойныхъ словахъ сказалъ, прежніе жъ свои рѣчи, да и Федка Шакловитой такіе непристойныи слова говорилъ же. (85) *По 6-й стать,* а постоявъ, онъ же, Микитка сказалъ, про св. патріарха говорилъ такими словами: что доберется де онъ до пестрой ризы, говорилъ; а умыслу не бывало. Да онъ же, Микитка сказалъ, Селиверстко де Медвѣдевъ ему, Микиткѣ, далъ денегъ 5 р., Ларіону Елизареву 10 р., Федору Туркѣ, Михайлу Фектисову, Ивану Троицкому, далъ по пяти рублевъ. А Сенка Медвѣдевъ на очной ставкѣ, въ застѣнѣ съ Микиткою Гладкимъ сказалъ: такіе де деньги стрѣльцомъ онъ давалъ; а велѣлъ де ему роздать Федка Шакловитой въ то время, какъ поѣхалъ къ гетману, для того что стрѣлцы погорѣли. *По 6-й,* про грабежъ винился. *По 7-й,* сказалъ прежніе жъ свои рѣчи. *По 8-й,* къ устюжскому архіепископу прихаживалъ, а не подговаривалъ и словъ къ бунту не говаривалъ, и ничѣмъ не грозилъ. *По 9-й,* къ Болмогорскому не прихаживалъ и не..... *А на пытки было ему 10 ударовъ.* (87). Да онъ же, Микитко, на пытѣ кричалъ: „то де все Богъ възметъ на в. государинѣ царевнѣ, отъ нее — де кровь проливается: то велѣла имъ дѣлать она, в. государыня.

88. *Стенка Овдохимовъ* въ роспросѣ въ застѣнѣ и съ пытки: *По 1-й,* во всемъ запирался, что умыслу на государское здоровье не бывало, и ни отъ кого не слышалъ. *По 2-й,* запирался, говорилъ прежніе свои рѣчи, что и въ роспросѣ сказалъ. *По 3-й,* прежніе-жъ свои рѣчи. *По 4-й,* запирался жъ и сказалъ прежніе свои рѣчи, что и въ роспросѣ. *По 5-й,* сказалъ прежніе жъ свои рѣчи. *По 6-й,* сказалъ прежніе свои рѣчи; а свойства де съ Федкою Шакловитымъ никакого не бывало. (89) А воръ де Олешка Стрижевъ и нынѣ вверху. А на пытѣ было ему 15 ударовъ.

90—94. (Сент. 30 патріархъ представилъ листы, на которыхъ изображена была царевна Софія, къ слѣдственному дѣлу. См. *Москвит.* 1843 года, N. 10).

95. „Онъ же *Сенка (Медвѣдевъ)* сказалъ: стрѣльцовъ-де в. государыня царевна призвала въ верхъ во 197 г. съ полгода... и говорила, чтобъ за нее постояли, измѣны (?) не вѣдали, и давала имъ денги по 25 р. челоуѣку, а инымъ и менши; а сказывалъ де ему про то Ларіонъ Елизарьевъ; а что стрѣлцы въ призывѣ были, то вѣдаетъ онъ же, Ларіонъ,— и Лва бы Кириловича, и кн. Бориса Ал., и иныхъ ближнихъ людей побилъ.“

96. Подъячей *Антонъ Петровъ* въ приказѣ стрѣльцомъ находится съ 187 по 195 г., а во 195 г. велѣлъ ему быть во дворѣ Ѡ. Шаклови-

той и писать грамотки боярамъ, а Голицыну писать въ походъ своею рукою и особымъ писмомъ. Во 197 г. отецъ Агапки биялъ челомъ, чтобы ему почты не держать, вегда пошли во 2-й крымскій походъ, и Ѡ. Шакловитый „отца его бранилъ и хотѣлъ съ Москвы сослать невѣдомо куды и на дворъ къ себѣ ходить ему не велѣлъ.“ И онъ не ходилъ. А Голицыну писалъ писма два или три, только гдѣ царевна Софія Ал. бывала въ монастырехъ или у церкви для моленія, а инаго кромѣ того ничего не писалъ.“ Какъ Голицынъ пріѣхалъ со службы, Шакловитой записные тетради взялъ къ себѣ. Во 196 и 197 г., по его приказу, Агапка раздавалъ пятисотнымъ и приставамъ р. по 2 и по 1 р. къ праздникамъ рождества и пасхи; „а сказывалъ Ф. Шакловитой, что бываютъ они у дѣла,“ а деньги бралъ изъ стрѣлцаго приказу, а иныя давалъ съ двора. Да во 197 г. авг. 7 приходилъ Агапка къ Шакловитому въ день и онъ не велѣлъ ему уходить съ двора. „И часу де въ другомъ ночи поѣхалъ Ф. Шакловитой въ верхъ, а съ собою взялъ его Агапку, да подъячихъ же Ф. Степанова, Ив. Истомина. И какъ де пришли они за нимъ вверху и онъ позвалъ ихъ всѣхъ и велѣлъ имъ спать въ Грановитой полатѣ, и самъ онъ спалъ на Грановитой же полатѣ, да съ нимъ спалъ полковникъ А. Нормоцкій. И часа за 2 до свѣту Фед. Шакловитой взбудилъ ихъ, велѣлъ итти къ государыню къ церкви Казанскіе Богородицы; и какъ начали пѣть молебень, Агапка взошедъ въ монастырь, легъ спать; и какъ де почали молебень отпѣвать, и его де невѣдомо кто разбудилъ. И онъ де вставъ съ монастыря пошелъ съ пятисотнымъ съ Л. Елизарьевымъ за монастырь и сядѣлъ на скамьѣ. А у той де церкви было стрѣлцовъ человекъ со сто или болши. И онъ де Агапка говорилъ Л. Елизарьеву, что стрѣлцовъ многолюдно, и Ларіонъ де ему сказалъ, что развѣ де велѣно столько нарядить? а напередъ де сего такъ не бывало. (97). Да въ августѣ жъ м. Ф. Шакловитой у себя на дворѣ въ полатяхъ далъ ему въ бумагѣ денегъ и велѣлъ отдать капитану Ф. Сапогову 19 р., а для чего, того не вѣдаетъ. Да въ августѣ же м., увидя у себя на дворѣ стрѣльца Ив. Чернаго, далъ ему Агапку денегъ въ бумагѣ и велѣлъ отдать Черному, и онъ отдалъ на крылцѣ, а сколько, того не вѣдаетъ. И послѣ того Агапка не ходилъ къ Ѡ. Шакловитому на дворъ съ недѣлю; и онъ его ругалъ и говорилъ, что съ Москвы его захлеть невѣдомо куды.“ Авг. 15 отъ всеошной Ѡ. Шакловитой послалъ его въ стрѣлцкой приказъ; тамъ въ казенкѣ Петръ Ивановъ спрашивалъ человекъ К. Пол. Нарышкина, а Агапка переписывалъ на бѣло; и той же ночи Ѡ. Шакловитой спрашивалъ того человекъ самъ. Да авг. въ 30 пришелъ Агапка къ подъячему приказу большой казны къ Сенкѣ Надѣвну, Ф. Шакловитаго къ стовоитвеннику,—и у него сядѣлъ П. Лапина человекъ Мпшка и обѣдалъ, и послѣ обѣда Надѣвинъ пошелъ изъ двора невѣдомо куды, и пришелъ къ себѣ велѣлъ Агапку сходить къ старцу Селиверстку и сказать, чтобы онъ изъ монастыря сошелъ. И онъ тѣ слова старцу сказалъ, и у Надѣвина ночевалъ. И авг. 31 былъ.. Сенки на дворъ. И сент. противъ 1 въ ночи позвалъ его С. Надѣвинъ съ собою въ городъ; и онъ де съ нимъ пошелъ и пришелъ въ верхъ и къ нимъ де вышелъ комватный истопникъ С. Евдокимовъ, и Надѣвинъ, стоя на деревянномъ крылцѣ, говорилъ съ истопникомъ невѣдомо что, и истопникъ пошелъ въ верхъ; а Агапку на крылцѣ говорилъ Надѣвинъ, чтобы онъ поѣхалъ съ нимъ съ Москвы. И онъ сказывалъ, что ѣхать съ нимъ

не для чего. И С. де Надѣинъ говорилъ, что пришло имъ жить худо; и Агапка сказалъ, что съ нимъ поѣдетъ. И Сенка де Надѣинъ, вынявъ крестъ, велѣлъ ему цѣловать, что ему съ нимъ ѣхать, а не солгать, и онъ крестъ цѣловалъ, стоя на томъ же крыльцѣ. И Надѣинъ сказалъ ему, чтобъ имъ увести съ Москвы Ф. Шаковитаго, а его де сверху къ нимъ сведуть, и чтобъ подождать съ нимъ въ верху; и онъ съ Сенкою былъ у мастерской полаты часу до 4-го ночи, и С. Евдокимовъ вышедъ сказалъ, что того дѣла учинять не мочно. А говорилъ Надѣинъ, что имъ ѣхать съ Москвы только 8 верстъ въ дер. П. Липина.. И поутру приходилъ съ верху невѣдомо кто къ С. Надѣину и велѣлъ имъ ѣхать въ верхъ, и они пришли, и С. Евдокимовъ вынесъ къ нимъ письмо и велѣлъ имъ переписать; и пришли на дворъ къ Надѣину и вмѣстѣ съ подъячимъ большой казны К. Борисовымъ, то письмо писали вмѣстѣ. А то де письмо было руки Ф. Шаковитаго, и писана разныхъ чиновъ людямъ сказка, а что подлинно, сказать не упомянуть, и тое де сказку Надѣинъ отнесъ вверхъ, а сказывалъ, что отдалъ истопнику С. Евдокимову. И тогожъ числа часу въ 4-мъ дни взялъ Агапку, подячихъ С. Михайлова, К. Борисова, Надѣинъ, и въ приказѣ большой казны переписывали, кто въ какомъ дѣлѣ колодники въ стрѣл. приказѣ сидятъ, и тоѣ де росписъ подъяла подѣлъ свазку, что писали они, сказывалъ, что С. Надѣинъ отдалъ истопнику С. Евдокимову а онъ гдѣ дѣвалъ, того не вѣдаеть. И ночевалъ Агапка у Надѣина. Поутру пошли они на загородной дворъ Надѣина подѣ Новодѣвичь монастыремъ да съ ними Липина человекъ Мишка, и на дворѣ де стояла у него коляска черкаска; и С. де Надѣинъ написалъ письмо, что будто лошади стоятъ у дворцовой лѣстницы, а коляска подѣ Новодѣвичемъ монаст., и отдалъ кому невѣдаеть. И подѣ вечеръ сталъ ему Агапко говорить, что они затѣяли дурно и ѣхать съ нимъ не хочеть,“ и ушелъ въ Москву, сидѣлъ на Житномъ дворѣ; а въ Троицкой ѣхать боялся, чтобъ на дорогѣ не ухватили и не привезли къ Москвѣ и не учинили какого дурна. И былъ челомъ въ стрѣлецкомъ приказѣ Ив. Б. Троекурову, чтобъ его послали въ Троецкой монастырь.“ А М. де Фрелову 10 р. онъ не давалъ, а М. Гладкому рубль далъ Агапко развѣ въ то время, какъ давалъ пятисотнымъ и приставамъ къ празднику воскресенія.“

99. Сент. 26 явился въ Троицкой смоленскій шляхтичъ Ф. *Ив. Маневской*, для своего челобитья, „чтобъ ему быть въ смоленскомъ у. въ с. Зверон прикащикомъ.“ Былъ у царя Іоанна во псаломщикахъ, а въ походъ крымской на службѣ былъ. „Се письмо подалъ къ розньскому дѣлу полковникъ Ив. Цыклеръ.“

100. ...Окт. 2. *Ө. Степановъ* сказалъ: „къ Ф. де Шаковитому почать приходить со 194 г., и приходя пѣвалъ у приходской церкви, гдѣ онъ Федва приходъ и у него у крестовъ. И авг. 7 пошелъ онъ на дворъ отца своего Ст. Евдокимова и на встрѣчу ему попался *Ө. Шаковитой* и велѣлъ идти за собою, былъ онъ у него во дворѣ часа полтора и на послѣдней четверти 1-го поѣхалъ въ верхъ и велѣлъ почевать; „а какъ де онъ ѣхалъ въ городъ, и Предтеченскіе ворота караульнымъ стрѣлцамъ велѣлъ запереть.“ Потомъ послалъ его на Лыковъ дворъ сказать *О. Петрову*: „буде кто изъ походу приѣдетъ, и ихъ велѣлъ стрѣлцамъ имать и приводить на Грановитую полату къ себѣ мимо полковника“—и велѣлъ ему идти спать, а на другой день, какъ ударили въ колоколъ къ зау-

трени, Нармацкой разбудилъ ихъ съ Агапкой и Истоминонъ и они провозжали царевну къ Казанской церкви.

106—108. А *Явка Степановъ* и *Иваика Степановъ* сказали, что воровства за Θ . Шавловитымъ не вѣдаютъ. А по розыскному дѣлу воровства за ними не объявлено.

109—112. Сент. 30. Спасскаго монастыря архим. Игнатій въ Троицкомъ мон. разспрашивалъ Воскресенс. собора въ верху *дьякона Якова Семенова*, который показалъ, что 7 сент. поѣхалъ съ Москвы къ матери своей вдовѣ въ г. Опшной; въ черкаскіе городы; а поѣхалъ не бѣгомъ,— в. г. царевна на челобитѣе объ отпускѣ изволила сказать: „какъ де хочешь, намъ де вынѣ самимъ до себя.“ И я поѣхалъ съ племянникомъ и 3-мя челядинами и архим. Никонъ поѣхалъ съ нимъ. А лошади 2 были свои, а 2 государевы, даны ему во 192 г. Стрѣлцы взяли ихъ у Жыздринскаго мон., оборвали платье, взяли перстенъ золотъ съ яшмовой печатью, гребень слоновой прорѣзной, 40 р. да 16 золотыхъ, а ему отдали 5 р., „а достальные раздѣлили они по себѣ. Про воровство не слышалъ. Патриархъ ко 190 г. не велѣлъ ему дьяконствовать, и онъ стоялъ съ пѣвчими, а жалованье получалъ дьяконское; а поѣхавъ жену и сына оставилъ на Москвѣ.

122. Окт. 3. *С. Медведевъ* сказалъ, что А. Стрижевъ поставилъ свои животы въ Спасскомъ монастырѣ въ амбарѣ, спросясь у него, въ то время, какъ во 197 году загорѣлось въ Никицкомъ мон., и поставилъ въ полатѣ иконостасъ и „образы окладные для береженія отъ пожара“ и не окладные да шапку женскую, по его велѣнью; а знакомство съ нимъ Алешкою „съ того числа, какъ почали стоять у него на караулѣ.“ А про замыслы его не слышалъ.

123. Извѣты въ августѣ на Микитку Глаткова. „Стремяннаго полку пятисотной Л. Елизарьевъ: Ф. де Шавловитой призывалъ М. Глаткова, да его Ларіона, да пристава А. Кондратьева, Е. Романова, и говорилъ имъ, чтобъ приготовить стрѣлцовъ 100 или 200 чел., а буде мочно, хотябы кто и весь полкъ привелъ для того, какъ в. государь Петръ...самодержецъ изволить къ Москвѣ быть, и въ то число побить бояръ Лва К. Нарышкина съ братьями да врачаго кн. Б. А. Голицына, бутто они хотятъ извести в. государыню Софію Ал. Да въ тожъ число велѣлъ онъ, Федка, побить Нарышкиныхъ всѣхъ до одного человѣка, и Лопухинныхъ, да Апраксинныхъ всѣхъ троехъ, Вакулу Изволскаго, Федора Зыкова.“

125. О *Н. Гладкомъ*. Да у него-жъ де, Ларіона Елизарева, были въ дому того жъ стремяннаго полку десятники, Федоръ Турка, Михайло Феофистовъ, Иванъ Троицкой, Яковъ Ладогинъ. И въ то де число приѣхалъ на Лубянку къ сѣзжей избѣ онъ же, Микитка Гладкой, да Андрюшко Сергѣевъ; и отъ сѣзжей избы прислали по него, Ларіона, его, Андрюшку Сергѣева, чтобъ онъ, Ларіонъ, шелъ къ сѣзжей избѣ. И онъ де Ларіонъ и вышеписанные десятники, которые были у него въ дому, пошли съ нимъ, и пришли на Лубянку, и у святыхъ воротъ онъ Микитка Гладкой говорилъ имъ, чтобъ стрѣлцы взяли сто—другое съ ружемъ шли въ городъ, всѣ де готовы, а ихъ де приказу никого нѣтъ. Да онъ же де, Микитка, въ то время про себя говорилъ: у Спасскаго де набату языкъ онъ привязалъ; а людей де присылайте въ городъ, а сами де слушайте набату; и велѣлъ изъ полку ихъ онъ, Микитка, кливать 300 человѣкъ

стрѣльцовъ въ городъ съ ружьемъ. На него жъ, Никитку, въ извѣтѣ Федоръ Турка съ товарищи сказалъ: онъ же де, Микитка, прибѣжалъ на Лубянку, и на нихъ, Федора Турку съ товарищи, кричалъ: „для чего де вы по се время не ѣдете, а Кремль де заперли,“ и велѣлъ на сѣзжей избѣ караулнымъ пятидесятникомъ кликать въ строевыхъ кафтанахъ съ ружьемъ 300 человекъ, и приказывалъ строевымъ, собравси, итти по набату въ городъ, не мѣшкая, а имъ де, Федору Туркѣ съ товарищи ѣхать по заставамъ для вѣстей. И Микитка де Гладкой учалъ на нихъ кричать, для чего не поѣхали, и для чего люди не готовы и въ городъ не идутъ. И онъ де, Турка съ товарищи, говорилъ ему, Микиткѣ: „по какому де указу имъ итти въ городъ? а люди де у нихъ готовы.“

127. И послали де съ нимъ, Микиткою, Михайла Капранова, что въ Кремлѣ дѣлается? и какъ де дошли въ Кремль, и онъ де, Микитка, указывалъ на люди и на кони, и говорилъ: „уже де царя Петра Алексѣевича спадника съ лошади стащили, и били, и идучи де подъ переходы мимо патриаршихъ палатъ, указывалъ онъ, Микитка, ему, Михайлу, гдѣ живетъ ризничей Авинфей. „Тутъ де намъ будетъ двѣсти рублей.“

128. И Михайло де ему говорилъ: „какъ де къ нему пойдешь, испужаешь св. патриарха.“ И онъ де, Микитка, говорилъ: „какъ де я пойду къ патриарху въ полату и закричу, и онъ де у меня отъ страха мѣста не найдеть. Въ извѣтѣ на него жъ, Микитку, Федора Турки, Михайла Капранова, Ивана Троицкого написано: какъ онъ, Микитка, былъ за Федкою Шакловитымъ въ Коломенскомъ для отпуска на встрѣчу кн. Василья Голицына, и онъ де, Федка, идучи съ дворца и дорогою говорилъ имъ, что его, Федку, в. государь къ рукъ не пожаловалъ. И онъ, Микитка, говорилъ: кто де тебя не пожаловалъ, и кто не допустилъ, тѣхъ бранилъ матерно, и пора де опять за дѣло приниматься.

129. На него жъ, Микитку, *Ипатъ Улфовъ* въ извѣтѣ сказалъ: Говорилъ де ему, Ипату, да Ларіону Елизарьеву, да Андрюшкѣ Кондратьеву и Микиткѣ Гладкому, Федка Шакловитой: „мочно-ль на васъ надѣяться? Голицына съ товарищи изгоняють и поругають, и вѣнецъ царской изломали. Мочно-ль де вамъ ихъ взять, и учинить надъ нами смертное убийство?“ И въ то де время далъ онъ, Федка, имъ четвернымъ: ему, Ипату, и Ларіону и Андрюшкѣ, и Микиткѣ Гладкому, государева жалованя 100 рублей, по 25 рублей человекъ, для того, чтобъ ои на такое дурно были готовы.

Онъ же де, Микитка, имъ говорилъ: перваго де человекъ спадника Плещѣва въ руки имъ Богъ далъ въ Кремлѣ у Никольскихъ воротъ, ухвата оборвали, и саблю его имъ казалъ; а его де оборвавъ, послали въ верхъ.

На него жъ, Микитку, капитанъ Василей, да Филипъ Сапоговъ въ извѣтѣ сказали: онъ де, Микитка, съ Федкою Шакловитымъ, да съ старцомъ Селиверстовомъ и съ стрѣльцами, съ Аброскою Петровымъ съ товарищи, умышляли убить св. патриарха. А въ ночномъ бунтѣ заводчики были: онъ же, Микитка Гладкой съ товарищи. И какъ де спадника Федора Плещѣва съ лошади сорвали, и въ то де время человекъ его, да дву потѣшныхъ конюховъ взяли и посадили за караулъ на Лыковъ дворѣ.

Въ извѣтѣ-жъ Филка Федоровъ, Федка Кобылинъ, Грнша Сидинъ, Петрушка Секетовъ, на него-жъ, Микитку, сказали: августа де противъ 8 числа 197 году въ ночи, у сѣзжей избы услышали они отъ своей

братья, что в. государь въз с. Преображенскаго невременно пошелъ въ Троицкой монастырь; и Микитка де Гладкой велѣлъ кликать 300 человекъ съ ружемъ.

Въ роспросныхъ рѣчахъ *Юрки Лесника* на него-жъ, Микитку, написано: По приказу пятидесятника Оброски Петрова, нарежень онъ, Юрка, августа противъ 8 числа въ ночи, и иные того-жъ полку стрѣлцы съ ружемъ, человекъ со 100 выборомъ, а иттить имъ велѣли въ Кремль.

131. И по тому его, Оброскину приказу, они собрався съ ружемъ, въ Кремль пришли, и поставилъ ихъ онъ, Оброска, на Лыковъ дворъ, да съ ними стреминного полку Микитка Гладкой съ товарищи.

На него-жъ, Микитку, въ извѣтѣ *Андрюшка Сергѣевъ* сказалъ: въ прошломъ де, во 197 году, въ розныхъ мѣсяцахъ и числахъ призывалъ его, Андрюшку, онъ Микитка Гладкой и говорилъ ему, чтобъ онъ готовилъ копье, и былъ готовъ, какъ онъ, Микитка, спросить и слушалъ бы, какъ забьютъ въ набатъ. А у насъ де будетъ армонка, побіеніе будетъ на боирь на многихъ людей противъ прежнего смутнаго времени. И ты де того смотри, и отъ меня не отставай; и далъ ему денегъ пять рублевъ. Да онъ же, Микитка, ему Андрюшкѣ говорилъ, что де в. государя Иоанна Ал. отъ в. государя Петра Ал. двера дровами и полѣны закидали. Да онъ же, Микитка, говорилъ: царскій вѣнецъ взломали; а кому де ломать? только въ ту сторону.

132. Да онъ же, Микитка, говорилъ про в. государя Петра Алексѣевича непростойныя слова такіе: (что его в. государя съ ума спонил, да и того де ты смотри: государыня наша непрестанно Бога молить, а тамъ де только на органехъ да на скрипичехъ играютъ).

Да Андрюшка жъ Сергѣевъ въ извѣтѣ сказалъ: въ вышнемъ де во 198 году былъ онъ, Андрюшка, съ Микиткою Гладкимъ у старца Селиверстка; и онъ де, Селиверстко, гонорилъ: „не бойтесь де хотя ц. Петра Алексѣевича сторона и повезеть, и много де будетъ день на десять, а то де опять будетъ рука сильна стороны царевны Софіи Алексѣевны.“

133. На него-жъ, Микитку, *Оброска Петровъ* говорилъ: Федка де Шакловитой по многіе дни говорилъ ему: „какъ де в. государь изволилъ въз с. Преображенскаго итти скорымъ походомъ въ Троицкой Сергѣевъ монастырь, а все де его подбили кравчей кн. Борисъ Алексѣевичъ да боирецъ Левъ Кириловичъ. И говорилъ ему онъ Федка: „какъ де намъ быть, и что намъ дѣлать?“ (154) А въ то де время было ихъ стрѣльцовъ, изо всѣхъ полковъ пятисотные и приставы, да стреминного Жукова Резанова Ефимьева полковъ были выборомъ изъ редовыхъ и изъ пятидесятниковъ и десятниковъ человекъ по десяти стреминного полку онъ, Микитка Гладкой съ товарищи. А какъ де изволила в. государыня итти въ Троицкой монастырь августа въ 29 день, и на выходѣ въ то время былъ онъ, Оброска и Микитка Гладкой и Алешка Стрижовъ, и за землянымъ городомъ ихъ, Оброску и Микитку, и Олешку, жаловала.

На него-жъ, Микитку, въ роспросѣ *Иваша Замошниковъ* говорилъ: къ старцу де Селиверстку прихаживала стрѣлцы, Микитка Гладкой съ товарищи.

155. На него-жъ, Микитку, *Егорка Романова* говорилъ: Во 195 году Алешка Стрижовъ его, Егорку, да Микитку Гладково съ товарищи призывалъ къ себѣ обѣдать; а послѣ обѣда думали, что де то дѣло, что Федка Шакловитой намъ говорилъ, чтобъ со Львомъ Кириловичемъ

съ братеми и съ кн. Борисомъ Алексѣвичемъ управиться; и имъ де на загородномъ дворѣ говорилъ же: „мочно-ль де на всѣхъ надѣяться? и своей братьѣ, которые поразумнѣй сказывайте.“ Онъ же Егорка у Микитки Гладкова съ товарищи слышалъ не по одно время: „новые де у насъ учителя завелись;“ „ужъ де въ слова какъ поется: *аминь*, влнаться не велятъ; есть де у меня, Микитки, чѣмъ удичать; намъ де даль тетратки Селиверстъ строитель, и челобитная де у насъ будетъ изготвлена.

136. На него-жъ, Микитку, въ извѣтѣ *Дмитрея Мелнова, Якова Ладонина*, написано: говорилъ де онъ Микитка ему, Дмитрею и Якову: „нигдѣ де терпитѣ да ѣдете въ домъ; дастъ де Богъ будетъ ярмонка, станемъ де барскіе дворы и торговыхъ людей лавки грабить и сносить въ дуванъ. А онъ де, Микитка, вѣдаетъ, близъ своего двора на Резанскомъ подвори, у боярина Ивана Василевича Бутурдина, гремачихъ серебрянныхъ шездесять чепей; и то де раздѣлимъ, а иные отгадимъ на ограду къ церкви и на церковные главы.

137. На негожъ Микитку подачей *Ивашка Истомино* въ роспросѣ сказалъ: Прихаживалъ де онъ Микитка, за Федкою Шакловитнымъ къ дядѣ его къ Селиверску Медвѣдеву по часту и вмѣстѣ де съ нимъ, Селиверсткомъ, онъ Федка и Микитка и иные стрѣлцы говаривали межъ собою тайно, выславъ всѣхъ; а что де они межъ себя говаривали тайно, того онъ, Ивашко, не вѣдаетъ. И Микитка де Гладкой и Оброска Петровъ, и Алешка Стрижевъ и иные къ нему, Селиверску, прихаживали и говаривали, а что говаривали, того онъ Ивашко не вѣдаетъ же, и въ келью де его, Ивашку въ то число не пускали, для того, что онъ слова ихъ вывѣдывалъ у келейника его Селиверсткова, которой у него жилъ, Стенкою звали, и справщику Каріону сказывалъ, и хотѣлъ де онъ, Микитка Гладкой, его Ивашку и старца Каріона убить (Листы 393—95).

138. *О Медвѣдеѣ*. На старца Селиверстка Медвѣдева, въ извѣтѣ *Филиппа Сапогова* написано: Умышлялъ онъ Селиверстко, съ Федкою Шакловитнымъ, да съ стрѣлцами съ Микиткою Гладкимъ, съ Аброскою Петровымъ съ Андришкою Кондратьевымъ, съ Алешкою Стрижевымъ, св. патріарха убить; и нынѣ подъ нимъ умышляютъ же; и его Филиппа и брата его къ тому дѣлу призывали.

Въ роспросѣ *Ивашко Замощиковъ* говорилъ: къ нему де, Селиверстку, Алешка Стрижевъ хаживалъ, и его Ивашку съ собою имывалъ, и одинъ де на одинъ съ нимъ Селиверсткомъ говаривалъ, а о чемъ совѣтывалъ, того онъ не знаетъ. И у него де Селиверстка въ кельѣ на караулѣ, онъ Алешка, своего полку стрѣлцовъ попережъвно ставили, толко де приказывали караулить, какъ де придуть отъ св. патріарха; и его Селиверстка отдавать не велѣлъ, а велѣлъ сказывать, что за нимъ, Селиверсткомъ, есть государево дѣло. (140) А ставилъ де онъ на караулъ у него, Селиверстка, у келья человекъ по 5 и по 10, и на караулѣ-де ихъ нарежалъ, выбравъ изъ полку человекъ съ 30 и болши, и посылалъ ихъ къ нему, Селиверстку, втай; а въ полку де ихъ стрѣлцы про тотъ караулъ не знали, и сказывать не велѣлъ.

На негожъ, Селиверстка, въ роспросѣ *Куземка Елисейевъ* говорилъ: къ нему де старцу, Селиверстку, онъ Куземка на караулъ хаживалъ, а посылалъ его Алешка Стрижевъ.

141. На него-жь, Селиверстку, въ роспросѣ *Ивашка Голозтионовъ* говорилъ: августа де въ 30 числѣ посылалъ его Ивашку, въ Троецкой монастырь того жь полку приставъ Алешку Стрижевъ да пятидесятникъ Егорка Романовъ для провѣдываня вѣстей. Да они жь прибазывали: будетъ де стануть спрашивать про Федку Шаковитова или про нихъ, Алешку съ товарищи, и ему де велѣли вѣдомости чинить въскорѣ; а будетъ де ихъ, Алешки и Егорки, въ домехъ не застанешь, и они велѣли ему себя искать у старца Селиверстки, что въ Спаскомъ монастырѣ за иконнымъ рядомъ.

На него жь Селиверстка подполковникъ *Мишка Шетинъ* въ роспросѣ говорилъ, что онъ Селиверстка, по многіе времена къ Федкѣ Шаковитому прибазывалъ, и въ полатѣ съ нимъ онъ, Федка, говаривалъ тайно, а что—того онъ не вѣдаетъ. На него-жь, Селиверстка, Демка Лаврентьевъ въ роспросѣ говорилъ, что онъ его, Селиверстка, видѣлъ до взята въ Троицкой монастырь съ недѣлю; а вѣхалъ Селиверстка верхомъ въ ветошномъ ряду и говорилъ ему, Демкѣ: „молитесь Богу, чтобъ далъ Богъ утешеніе.“

143. Да въ сказкѣ *Андрюшки Сертеева*, на него-жь Селиверстка написано: въ нынѣшнемъ де, во 198 году былъ онъ, Андрюшка, съ Микиткою Гладкимъ у старца Селиверстка, и говорилъ онъ, Селиверстка, „не бойтесь де хотя царя Петра Алексѣевича сторона и повезеть, и много де будетъ день на десять, а то де опять будетъ рука силна съ стороны в. государыни Софіи Алексѣевны.“ На него-жь, Селиверстка, въ роспросѣ Егорка Романовъ говорилъ: слышалъ де онъ, Егорко, у Микитки Гладкова съ товарищи не по одно время: „новые де у насъ учителя завелись; ужь де въ слова, какъ поется *аминь*, кланяться не велеть; есть де у меня, Микитки, чѣмъ уличать, намъ де далъ тетратки Селиверстъ строитель, и челобитная у насъ будетъ приготовлена.“

144. На него-жь, Селиверстка, въ роспросѣ стрѣльцаго приказу подачей *Ивашка Истомино* говорилъ: Онъ, Селиверстка, былъ ему Ивашкѣ, дядя родной по матерѣ, и къ нему Селиверстку прихаживалъ онъ по часту; а напередъ сего у него и живалъ. И Федка де Шаковитой къ нему Селиверстку прибазывалъ по часту одинъ, и вмѣстѣ съ Микиткою Гладкимъ и съ иными стрѣльцами, и говоривали межъ собою тайно, выславъ всѣхъ; а что они межъ себя тайно говаривали, того онъ Ивашка не вѣдаетъ. И Микитка де Гладкой, Оброска Петровъ, Алешка Стрижевъ и иные къ нему, Селиверстку, прихаживали и говаривали, а что говаривали, того онъ Ивашка не вѣдаетъ же, и въ велью де его Ивашка, въ то число не пускавали для того, будто онъ слова ихъ вывѣдывалъ у велейника его Селиверсткова, которой у него жилъ, Стенкою звали, и справнику Каріону сказывалъ; а Каріонъ де тѣ слова будто доносилъ къ св. патріарху, и отъ св. патріарха гнѣвъ былъ на Селиверстка отъ него, Каріона, и хотѣлъ его Ивашку онъ Микитка Гладкой, и старца Каріона убить. И онъ де въ то число какъ прибазывалъ къ нему Федка Шаковитой, и какъ прихаживали стрѣльцы, для того къ нему Селиверстку не хаживалъ (Л. 395—6).

146. *О С. Евдокимовъ*. На Стенку Евдокимова въ извѣтѣ стремянного полку стрѣльцовъ *Федора Турки, Михайла Капранова, Ивана Троецкова*, написано: Федка де Шаковитой по многіе ночи велѣлъ имъ ночевать на Ивановской площади, и приказывалъ имъ: какъ де къ нимъ прибѣ-

жить истопникъ Стенко Евдокимовъ, и что ставеть имъ приказывать, и они бѣ де его слушали; и куды учнетъ посылать, туды бѣ ходили, и повелѣнью его исправляли.

Да онъ же де, Федка, какъ ѣхалъ изъ Измайлова въ день ангела в. г. царицы Евдокии Федоровны, и не доѣхавъ Покровского, послалъ къ нему, Стенкѣ, съ дороги Ивана Троецкаго, да подячего мастерскіе полаты Ивана попова сына, которой поплъ служить у него, Федки. (147) И приказалъ имъ, чтобъ онъ, Стенка, извѣстилъ в. г. царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ о томъ, что онъ, Федка, въ Измайловѣ изъ за караулу свободженъ, и ѣдетъ въ добромъ здоровѣ. Въ извѣтѣ жъ Нифонта Чулошанкова написано: какъ де полѣнемъ бросалъ сверху съ Грановитне полаты, я про-то бросанье сказалъ караульной стрѣлецъ, которой стоялъ на Грановитой волатѣ, а въ которомъ числѣ, и кто караульной стрѣлецъ, того не упомянуть; а истопникъ, Стенко Евдокимовъ, тѣхъ полѣнъ собирать не велѣлъ до дня „пускай де поѣдутъ бояре и увидать.”

148. На негожъ, Стенку, въ извѣтѣ *Григоря Языкова* написано: По нападку де Федки Шакловитова сидѣлъ онъ за карауломъ у подполковника у Мишки Шеншина, и приѣхавъ къ нему, онъ, Стенко Евдокимовъ, и сказалъ ему, будто государской указъ, чтобъ онъ, Григорей, того всего, куды воженъ, и чего у него спрошивано, никому не сказывалъ; а есть-ли де скажетъ, и за то казнень будетъ смертью, а велѣлъ ему сказывать, что былъ въ деревнѣ, и отвезъ его онъ, Стенко, къ брату его, Григореву, къ Ивану Языкову на дворъ и поставилъ у него четырехъ человекъ стрѣлцовъ и съ двора его, Григоря, спускать не велѣлъ; и тѣ де стрѣлцы у него, Григоря, жили недѣлю.

149. На него жъ, Стенку, *Юрка Лѣсникъ* въ роспросѣ сказалъ: Стенка де Евдокимовъ Микитѣ Гладкому, Алешкѣ Стрижеву, Оброскѣ Петрову велѣлъ вѣдомости ждать отъ себя: „какъ де вамъ будетъ вѣдомость, и вы де въ то время поѣзжайте въ Троицкой Сергіевъ монастырь.“ На него жъ, Стенку, *Еюрка Романовъ* сказалъ: Какъ де изволила в. государыня Софія Алексѣевна быти у Казанской Богородицы, и въ то де время было ихъ, стрѣлцовъ, на Лыковѣ дворѣ полку ихъ человекъ съ 60 съ саблями и иныхъ розныхъ полковъ да Дементѣева и Резанскаго полку съ вои. И околичей де Василей Савичъ Нарбѣковъ, призвавъ его Егорку къ церкви Пресвятые Богородицы Казанскіе на рундукъ, велѣлъ ему иныхъ полковъ дать росписи, сколько котораго полку въ Кремлѣ въ сборѣ стрѣлцовъ. (150) И онъ де Егорка взялъ на сорокъ человекъ по рублю; а съ тремя иного полку Андрюшка Кондратьевъ на 60 человекъ, Ефимьева полку Родионъ Боровковъ на 100 человекъ; а на иные полки, на сколько человекъ взято, того онъ не вѣдаетъ; а денги де раздавалъ истопникъ Стенка Евдокимовъ.

151. На него жъ, Стенку, въ роспросѣ *Оброска Петровъ* сказалъ: Какъ де в. государыня изволила притти изъ Троицкаго Сергіева монастыря къ Москвѣ, и ихъ де Оброску и пятидесятниковъ Имошку Афонасева, Мишку Обросимова, Васку Тулу комнатной истопникъ, Стенка Евдокимовъ, призвалъ къ ней, царевнѣ въ сѣни; и в. де государыня изволила къ нимъ вытти и вынесла изъ хоромъ животворящей крестъ, и приводила ихъ ко кресту. Онъ же Оброска сказалъ: у мовной де лѣсницы окно велѣлъ ему, Оброскѣ, выломать Федка Шакловитой, а указалъ ему то окно комнатной истопникъ Стенка Евдокимовъ. И онъ де, Оброска, да съ нимъ

Васка Тула, да Ивашка Вологда, да Трофимъ Холуховецъ то окно выломали ночью; а для чего Федка Шакловитой то окно велѣлъ имъ выломать, того онъ, Оброска, не вѣдаетъ.

На него-жь, Стенку, *Кондрашка Сафоновъ* да *Датиска Артемьевъ* въ роспросѣ сказали: (152) Федка де Шакловитой на загородномъ дворѣ, что подъ Дѣвичимъ монастыремъ, далъ имъ денегъ по пяти рублевъ, и говорилъ имъ, что во 197 году на Семень день, в. г. царевну вѣнчать царскимъ вѣнцомъ. И въ томъ же году на Семень же день, онъ же, Федка Шакловитой, ссылалъ къ нимъ, Кондрашкѣ Сафонову съ товарища и ко всѣмъ розныхъ полковъ стрѣльцамъ, истопника Стенку Евдокимова, и велѣлъ имъ сказать, что имъ въ то время того дѣла не учинить.

Да въ сказкѣ *Андрѣя Нармацкой* написано: Какъ де онъ, Андрѣй, стоялъ на Москвѣ на стѣнномъ караулѣ, и пришелъ де къ нему, Андрѣю, приставъ Андрюшка Кондратьевъ и сказалъ: привели де отъ Никольскихъ воротъ стремянного ихъ полку стрѣлца спалника Федора Шленгьева для того, приходилъ де къ нимъ сверху комнатного истопника Стенки Евдокимова сынъ, а какъ его зовутъ, того онъ не вѣдаетъ, и приказалъ имъ, чтобъ въ Кремль никого не пропускать (Л. 396—7).

153. Извѣтъ В. Сапогова на *Ганку Петрова*: въ ночи на 8 авг. давалъ онъ стрѣльцамъ по рублю, а другимъ послѣ рублей по 10. Изъ Черной сказалъ, что черезъ недѣлю послѣ 8-го авг. Агапка далъ ему 5 руб., когда онъ „пришелъ поклониться“ на дворъ къ Шакловитому, а за что далъ, не вѣдаетъ. А М. Фролову и инымъ дано по 10 руб. М. Глаткой сказалъ, что къ великому дню Агапка далъ ему рубль.

154—5. Мелновъ и Ладогинъ въ извѣтѣ написали на *Ф. Отсманова* подъячаго; говорилъ на 8 авг.: „кого де станутъ имать въ Никольскихъ воротехъ, которые пойдутъ въ походъ, и тѣхъ де людей Ѡ. Шакловитой велѣлъ водить во дворецъ на каменную лѣстницу мимо дневального полковника къ себѣ въ золотую полату;“ тоже показалъ Глаткой и А. Нармацкой.

156. На Сенку Надѣина *Ст. Евдокимовъ* сказалъ „какъ де *Ф. Шакловитой* былъ у нихъ въ верху за карауломъ, и хотѣлъ уйти,“ и Стенкѣ говорилъ, что лошади готовы, и онъ Федкѣ не сказывалъ. „И Сенка Надѣинъ не сыскавъ, а взявъ челоуѣкъ его Митка Кожуховъ и роспрашивавъ.“

244. *Отѣтши Медвѣдева*. И сентября въ 30 день, по указу в. государей Иоанна Петра Ал., Сенка Медвѣдевъ, что былъ старецъ Селиверстко, и Микитка Гладкой, и Стенка Евдокимовъ, про которые стати противъ извѣтовъ, въ роспросехъ своихъ запирались, а про яные сказали не имяно, передъ бояры и пытка распрашивавны-жь и пытаны, а въ роспросѣ и съ пытка говорили: На здравіе де в. государя Петра, и на матеръ его, в. государыню Наталію Кирилловну, умыслу и на в. господина св. киръ Іоакима московскаго и всѣхъ сѣверныхъ странъ патріарха, чтобъ его убить или перемѣнить, не было. А какъ де ему говорилъ Федка Шакловитой на одинѣ дважды: какъ бы де не было в. государыни Наталіи Кирилловны и боярина Лва Кириловича, такъ бы де у царевны Софіи Ал. съ царемъ Петромъ было совѣтно; и онъ де, Сенка, о томъ, что ей, в. государыни, не быть съ нимъ, Федкою, не мнслилъ. А у Федки де Шакловитаго росписъ кого побить была-ль, того онъ не вѣдаетъ; а Ларіонъ де Елизарьевъ сказывалъ, что у него, Федки, росписъ, кого побить была, и хотѣлъ имъ дать.

А что де онъ, Сенка, Лариону Елизареву съ товарищи, какъ имъ, говорилъ Федка Шакловитой о любіеніи боярина Лва Кириловича и иныхъ, говорилъ, что имъ того дѣла учинить не возможно; и то де онъ, Сенка, говорилъ для того, чтобъ тому дѣлу не быть и чтобъ то дѣло разорилось.

А въ тетратехъ де, которые писалъ дьяконъ Леонасей на святую церковь, противности и росколю, и на св. де патриарха ничего нѣтъ; писана противъ греческой книги.

А съ стрѣльцами де съ Микиткою Гладкимъ, съ Алешкою Стрижевымъ, съ Андрюшкою Кондратовымъ, знакомства у него, Сенки, до того числа, какъ учили у него стоять на караулѣ, не бывало. А что де онъ съ Федкою Шакловитымъ у себя въ кельѣ и у него говаривалъ тайно, и то де онъ съ нимъ, Федкою, говаривалъ о рацѣхъ. (246) И была де у него написана книга лѣтописная, начета съ девяностого году, о правленіи в. государыни, и что было съ того году, и та де книга у него, Сенки, въ полатѣ, а писана та книга съ писма Кирионова, а чернилъ тое книгу онъ, Сенка, а переписывалъ дьячокъ Ивашка.

А какъ де ему, Сенкѣ, говорилъ Федка Шакловитой, что короновать благовѣрную царевну, и что св. патриархъ станетъ короновать и за неволю, о томъ онъ, Сенка, слышалъ отъ него, Федки. В. государемъ не извѣщаль за страхомъ.

А что де онъ же, Сенка, Андрюшкѣ Сергѣеву говорилъ: „хотя де царя Петра сторуна и повезеть, и много де будетъ денъ на десять, а то де опять силна будетъ рука в. государыни Софіи Ал.“ А сказывалъ де ему про то Федка Шакловитой; а онъ де, Федка, слышалъ отъ юрода, которой былъ изъ Ниловой пустыни. И того де юрода онъ, Федка, присылалъ къ нему, Селиверству, для свидѣтельства юродства. А про то про все онъ, Сенка, сказалъ тѣмъ же свои прежніе жъ рѣчи; и про то де говорилъ онъ Андрюшкѣ Сергѣеву разговоромъ, для того, что онъ, Андрюшка, говорилъ ему, что будетъ послѣ Семенова дни бунтъ. И онъ, Сенка, ему говорилъ: Федка де Шакловитой сказывалъ ему, Сенкѣ, тѣ вышесказанные слова, которые онъ сказалъ въ роспросѣ къ пророчеству государева няни, а самъ не гадалъ. А юродъ былъ прямой-ли, того онъ не знаетъ; а Федка Шакловитой сказывалъ, что онъ юродъ отъ роду таковъ.

А какъ де августа противъ 8 числа, во 2-мъ часу ночи приходилъ къ нему Андрюшка Кондратовъ и сказывалъ ему, что онъ, Андрюшка, былъ въ слободѣ и приказалъ, чтобъ сто человекъ стрѣльцовъ съ ружьемъ въ Кремль; а послѣ того, въ тѣхъ же часехъ приходили къ нему, Сенкѣ, Федоръ Турка, Михайло Феоктистовъ и сказали, что Андрюшка смутилъ, а въ Кремлѣ де стрѣльцовъ нѣтъ. И про то про все сказалъ онъ прежніе-жъ свои рѣчи, что и въ роспросѣ сказалъ.

А о присмахъ на Донъ къ казакомъ о возмущеніи, сказалъ прежніе-жъ свои рѣчи, что никакихъ писемъ на Донъ не посылалъ.

А какъ онъ, Сенка, съ Москвы побѣжалъ, и въ то де число взялъ онъ съ собою Алешку Стрижова и Микитку Гладкова, а въ роспросѣ онъ про нихъ сказалъ... де онъ, Сенка, съ Москвы ѣхать собирался, и въ то де время пришла къ нему, Сенкѣ, они, Алешка Стрижевъ и Микитка Гладкой, и спросили его: „куда де ты собираешься?“ и онъ де, Сенка, имъ сказалъ, что хочеть ѣхать съ Москвы, и они де спросили: „для чего?“ и онъ де имъ сказалъ: „отъ страха св. патриарха.“ И они де ему сказали: „и мы де поѣдемъ съ тобою;“ и съ нимъ поѣхали оба. И на Се-

меловъ де день Алешка Стрижовъ поѣхалъ въ строй, ихъ де приказу велѣно быть у дѣйства. И про то про все сказалъ онъ дражніе-жъ свои рѣчи. А гдѣ де Андрюшка Кондратевъ и Алешка Стрижовъ, того онъ не вѣдаетъ.

А что де онъ же, Сенка, въ роспросѣ говорилъ, что къ нему, Селиверстку, отъ Федки Шакловитова прихаживалъ Стенка Евдокимовъ для провѣдываня вѣстей, и онъ де, Сенко, ему, Стенкѣ, говорилъ, что царя Петра Ал. рука высока, и что де надобно перетерпѣть, онъ, Сенко, говорилъ съ пытки прежніе жъ свои рѣчи, что и въ роспросѣ сказалъ; (249) да сверхъ роспросныхъ рѣчей связалъ: „а перетерпя де, опричь худа, имъ, которые были на сторонѣ царевны, ждатель нечего; а говорилъ онъ стрѣльцомъ, которые при ней, в. государынѣ бывають.

А что де про него, Сенку, старецъ Арсеней сказалъ, что онъ, Сенка, говорилъ про св. патриарха, что онъ учился мало, и рѣчей богословскихъ не знаетъ, онъ, Сенка, говорилъ.

А про книгу отъ тайныхъ дѣлъ сказалъ, что такой книги у него, Стенки, не бывало. А на пыткѣ было ему 15 ударовъ.

На него жъ, Сенку, Микитка Гладкой съ пытки говорилъ: Сенка де Медвѣдевъ далъ ему, Микиткѣ, пять рублевъ денегъ, да Ларіону Елизареву десять рублевъ, Федору Туркѣ, Михайлу Феоктистову, Ивану Троицкому по пяти рублевъ человѣку.

А Сенка Медвѣдевъ на очной ставкѣ въ застѣнкѣ съ Микиткою Гладкимъ сказалъ: такіе де денги имъ, стрѣльцамъ, онъ давалъ, а велѣлъ де ему роздать Федка Шакловитой въ то время, какъ поѣхалъ къ гетману, для того, что они погорѣли.

250. А къ св. патриарху онъ не прихаживалъ. И какъ св. патриархъ бывалъ въ ходахъ, онъ не выхаживалъ, боясь его. А Федка де Шакловитой ему, Сенкѣ, говорилъ: „не бойся де, царевна Софія Ал. тебя не выдастъ.“ А какъ де онъ въ верху бывалъ, и въ то время при великой государынѣ бывали, кн. Василей и кн. Алексѣй Голицыни (Л 402—3).

251—254. *Отъ Н. Гладкаго.* На здорове де великого государя... Петра Ал.... и матери его, государыни благовѣрные царицы Наталья Кирилловны онъ Микитка не мыслилъ. А что у в. государя Іоанна Ал. двери дровами забросали, и царскій вѣнецъ изломали, и въ непристойныхъ словахъ про государя Петра Ал. противъ своихъ роспросныхъ рѣчей виновился. А что онъ же, Микитка, противъ извѣту въ роспросѣ запырался, кто въ Коломенскомъ Федку Шакловитова къ рукъ не пожаловалъ, и кто не допустилъ, и тѣхъ бранилъ матерно; и „пора де опять за дѣло приниматься,“ и такіе де слова онъ Микитка „кто къ рукъ Федку не пожаловалъ, и кто не допустилъ, говорилъ, и матерны бранилъ. А въ роспросѣ де того онъ не сказалъ безпаметствомъ, и чтобъ „за дѣло приниматься,“ говорилъ, а дѣло де опричь бунта, быть нечего.

252. А что де въ извѣтѣ Федора Турки на него Микитку написано, что идучи подъ переходы, мимо патриаршихъ палатъ онъ, Микитка, Михайлу Капранову указывалъ, гдѣ живетъ ризничей Акинфей, тутъ де и будетъ двѣсти рублевъ. И какъ де онъ, Микитка, пойдетъ къ патриарху въ полату и закричитъ, и онъ де, у него отъ страха мѣста не найдетъ. А въ роспросѣ, онъ, въ томъ указыванѣ на полату, и въ денгахъ, не запырался, а что въ податѣ у святѣйшаго патриарха закричатъ и патриархъ

де мѣста не найдеть, запырался. И тѣ де всѣ слова онъ, Микитка, говорилъ съ Михайломъ Капрановымъ разговоромъ съ пьяна.

А о убиеніи святѣйшаго патріарха, съ пытки, онъ Микитка, запырался-жь. А постоявъ, сказалъ, про святѣйшаго де патріарха говорилъ такіе слова, что „доберется де онъ до пестрой ризы,“ а умыслу де не бывало.

Онъ же Микитка, въ роспросныхъ своихъ рѣчахъ про грабежъ боярскихъ дворовъ винился, а про грабежъ же лавокъ торговыхъ людей и чепей боярина Ивана Василевича, запырался, а съ пытки въ томъ во всемъ винился жь. А о убивствѣ подячего Ивашка Истомина и старца Каріона, противъ прежнихъ роспросныхъ рѣчей, запырался жь.

253. Въ подговорѣ у устюжского архіепископа подява, и съ тѣмъ подякомъ въ блудномъ дѣлѣ и въ словахъ, что де онъ, архіепископъ, на него бьетъ челомъ в. государынѣ Софіи А. и Федкѣ Шавловитому, а его де голова первая де на площади будетъ волитца, съ пытки запырался. А къ колмогорскому де архіепископу онъ не прихаживалъ же, и къ возмущенію словъ не говаривалъ.

254. Да онъ же, Микитка, на пыткѣ кричалъ: „то де все Богъ взыщеть на великой государынѣ благовѣрной царевнѣ; отъ нее „де кровь проливается; то велѣла имъ дѣлать она, великая государыня.“ *Было ему десять ударовъ* (Л. 403—4).

255. *Отвѣтъ Стенки Евдокимова.* Въ роспросѣ и съ пытки сказалъ, что де умыслу у него на государское здоровье, и матери его царицы, такъ же и на св. патріарха, никакого ни съ кѣмъ не бывало, и ни отъ кого не слышалъ.

А что де въ извѣтѣ на него, Стенку, Федора Турки съ товарищи написано, что де имъ Федка Шавловитой по многіе ночи велѣлъ ночевать (256) на Ивановской площади, и приказывалъ имъ, какъ приближить къ нимъ онъ, Стенка, и что велить дѣлать, и они бь его слушали во всемъ; и куды онъ посылать ихъ станеть, повелѣніе его исправляли. И что въ извѣтѣ жь Григорья Языкова о приходѣ его, Стенкинѣ, къ Мишкѣ Шеншину на дворъ, а о сказкѣ ему Григорью государева указу, чтобъ онъ того, куда вожень, и чего у него спрашивано, никому не сказывалъ; а есть-ли де, скажетъ, и за то казненъ будетъ смертью; и что говорилъ на него Юрка Лесникъ, что де онъ, Стенка, Микитеѣ Глаткому, Алешкѣ Стрижову, Оброскѣ Петрову, о походѣ въ Троицкой монастырь ѣхали и что на него жь говорилъ псаломщикъ Антошка Муромцевъ, въ роспросѣ сказалъ: въ запорѣ въ церковь Алешки Стрижова и Андрюшки Кондратова, и про то про все онъ Стенка, въ роспросѣ и съ пытки запырался, и сказалъ прежніе жь свои рѣчи. (257) А что на него жь, Стенку, въ роспросѣ Сенка Медвѣдевъ сказалъ, что онъ Стенка отъ Федки Шавловитова, для провѣдыванія вѣстей, къ нему Сенкѣ, прихаживалъ, и онъ де Сенка ему Стенкѣ говорилъ, что „в. де государя Петра Алексѣевича, рука высока,“ а того что де „надобно перетерпѣть“, говорилъ ли или нѣтъ того онъ Сенка не упомянуть. А говорилъ де онъ тѣ слова потому, что всѣ нынѣ люди приклонились къ нему, великому государю, а прежде сего за страхомъ еѣ, великіе государыни, приклониться не смѣли. И въ томъ онъ, Стенка, противъ прежнихъ своихъ роспросныхъ рѣчей винился жь. А ходилъ де онъ, Стенка, къ нему, Сенкѣ, до Семенова дни день за пять, и тѣ де слова онъ Стенка ему Федкѣ, приходѣ отъ него Сенки, сказывалъ.

258. А воръ де Алешка Стрижовъ и нынѣ въ верху. А на нынѣ ему было 15 ударовъ (Л. 404).

259—262. Сент. 13 явился въ Троицкомъ С. монастырѣ собою С. Медвѣдева родной племянникъ по матери, стрѣльцоваго приказу подъячей *Ив. Истомина*, и въ роспросѣ сказалъ: жилъ у вотчина своего иноземца М. Гулскаго, „а къ дядѣ своему прихаживалъ по часту, а напередъ сего у него живалъ, какъ былъ въ малыхъ лѣтахъ; и Ѳ. де Шакловитой къ нему Сенкѣ приѣзживалъ по часту жъ одинъ и вмѣстѣ съ М. Гладкимъ и съ иными стрѣльцами и говаривали промежъ собою тайно, выславъ всѣхъ“... Ѳ. Петровъ, А. Стрижевъ и иные къ нему прихаживали и говаривали; и въ келью де его, Ивашка, въ то число не пускавали, для того бутто, онъ слова ихъ вывѣдывалъ у келейника его Сенки, которой у него жилъ, Стенкою звали, а справщику Каріону связывалъ; а Каріонъ де тѣ слова бутто доносилъ св. патриарху, и отъ св. патриарха гнѣвъ былъ на С. Медвѣдева отъ него Каріона, и хотѣлъ его М. Гладкой и старца Каріона убить. И онъ де въ то число, какъ приѣзживалъ къ нему Ф. Шакловитому и какъ прихаживали стрѣльцы, для того къ Сенкѣ и не хаживалъ; къ Ф. Шакловитому прихаживалъ по часту „для того, что онъ Федка посадилъ его въ стрѣль. приказъ въ подячіе.“ А Гулской уѣхалъ въ тотъ день, какъ и С. Медвѣдевъ. А у Медвѣдева и Шакловитого Гулской бывалъ же по часту. А съ послѣднихъ чиселъ августа жилъ въ Ивановскомъ монастырѣ у бабки своей старицы Ел. Истомина. И Ивашка спрашивался съ Каріономъ — ѣхать ли ему въ Троицкой монастырь „чтобъ впредъ за нихъ Сенку и за вотчина своего не понести какого государственнаго гнѣву.“ И Каріонъ велѣлъ ему ѣхать и 12 сент. поѣхалъ, а Каріонъ ему дядя родной.

279—80. Приказу большой казны подъячего С. Надѣина человекъ *Митка Кожуховъ* въ роспросѣ сказалъ: служить онъ по кабальному холодству лѣтъ съ 5; и въ сентябрѣ, тому 4-я недѣля, приѣхалъ въ Троицкій С. монастырь съ *Ив. Надѣйнымъ*, а связывалъ Ивашка, „что приѣхалъ для моленія.“ И Митку взялъ *Гр. Ив. Байсаровъ* съ постоялаго двора за караулъ; *Ив. Надѣинъ* ушелъ пѣшъ, а С. Надѣинъ былъ дома, и про лошади, куда сбѣжать Ѳ. Шакловитому, того онъ не вѣдаетъ.

283. Сент. 27 привезли стрѣльцы дьякона Воскрес. собору *Якова Семенова*.

284. „Сказывали про него дьякона: ѣхалъ онъ, надѣвъ на себя иноческое платье, и сказывалъ себѣ иноческое имя — *Юсифъ* и у литоринъ въ Тихоновѣ пустынѣ стоялъ въ иноческомъ платьѣ.“ „*Жиздринскаго* монастыря намѣстникъ учалъ кричать: *разбой!* для того что они про того старца Селиверстка у монастыря спрашивали и государственной указъ показывали. И онъ де того государственнаго указу не смотрилъ. А на гостинѣ де дворѣ бывшей Донскаго монастыря архимандритъ и дьяконъ *Іаковъ* ихъ *Мишку* съ товарищи (стрѣльцовъ) противъ того монастыря били и изъ пистолей стрѣляли и кричали: *разбой!*“ Архимандрита они оставили въ Тихвинѣ пустыни до указа, а дьякона привезли.

286. Сент. 30 архимандритъ Новаго Спас. монастыря *Игнатей* разспрашивалъ дьякона *Якова* (см. выше столб. 109—112). Тутъ добавлено: родился *Іаковъ* въ Каменцѣ Подольскомъ, отецъ его былъ шляхтичъ *Семень Яблонской*, и переселился на сю сторону *Днѣпра*, женился въ Смоленскѣ и посвященъ въ дьякона смоленскимъ митропол. *Семіономъ*. Вызванъ въ Москву по

указу царя Ѳедора Ал., тому лѣтъ съ 12. На св. патриарха умыслу никакого не было и съ Шакловитымъ не было знакомства и на дворѣ не бывалъ, „для того что была у него съ нимъ ссора,“ а съ Москвы сошелъ съ Никономъ, „для того что де въ народѣ говорятъ о возмущеніи въ бунту.“ А денегъ взялъ съ собой, какъ поѣхалъ, 140 р. да въ карманѣ 16 золотыхъ и изъ нихъ далъ 100 р. на постриганіе племянника Леонтыя Игнатъева на вкладъ въ Киевопечерскій монастырь; а черное платье надѣвалъ дорогой по наученію архим. Никона. А дворъ купилъ за р. Москвою въ набережныхъ Садовникахъ у стряпчего Ив. Колоба за 2,000 р., а денги далъ свои 1500 р. и въ прибавку ему дано изъ казны по указу царя Іоанна и царевны Софіи 500 р.

304—5. Письмо Ив. Троекурова Стрѣшневу 18 сент. при послѣдкѣ разспросовъ и извѣстій о Москвѣ, что тамъ все тихо. „А прибылой караулъ съ Лыкова двора по указу в. государя свелъ.“

322—332. О поимкѣ Медвѣдева и много подорожныхъ. (333) Въ августѣ 29 сент. сискалъ въ Курскѣ братъ родной Сильвестра, Борисъ Медвѣдевъ и въ роспросѣ сказалъ, о Сильвестрѣ не знаетъ ничего; а Бориска живеть дворяшкомъ въ ниществѣ (340). Ноябрь. 11 велѣно изъ-за караула освободить.

341. *Челобитыя Каріона Истомина*: Отдалъ во 192 г. Медвѣдеву для береженья 75 р. „которые денги даваны были мнѣ за трудъ мой и работу на печатаномъ дѣлѣ, ваше государское жалованье,“ и мнѣ ихъ не отдалъ, и гдѣ онъ ихъ дѣлѣ, не вѣдомо. А нынѣ онъ въ Троицкомъ монастырѣ за карауломъ, и спросить у него безъ вашего государскаго указа не возможно, а вещи его, книги и келейная рухледь и все—въ Спаскомъ монастырѣ осталось. А тѣ мои денги были въ мешечку, и на мое имя мѣшечикъ той подписанъ былъ,— и взять ихъ не гдѣ, пропадаютъ напрасно.“ Милосердые государи... Петръ и Іоаннъ, „ради вашей государскія премногія милости,“ велите у него взять сказку, чтобы мои денги „напрасно не пропали.“ В. г. смилуйтесь.

342—3. Взять сказку у старца Седиверста за рукою насчетъ денегъ „печатнаго книжнаго двора справщика іеродиакона Каріона.“ Въ ноябрѣ.

345. Ноября 22 сказка Медвѣдева: „Тому лѣтъ съ 6 и болши, положилъ у меня, Сенки, Каріонъ на сбережѣ 75 р. и тѣ денги лежали у меня въ земли въ погребѣ съ монми денгами въ Спаскомъ монастырѣ, и мешки всѣ погнили, и Каріоновъ мешокъ сгнилъ же... И я тѣ денги пересыпалъ въ новыи мешки и положилъ въ тувезокъ (?) и поставилъ въ томъ же погребѣ, въ землю. А было моихъ Сенкиныхъ денегъ, кромѣ Каріоновыхъ 75 р., болши 800 р., а гдѣ тѣ денги, тутъ ли нынѣ стоятъ или кто взялъ, того не вѣдаю. *Къ сей сказкѣ Сенка Медвѣдевъ, что былъ монахъ Селивестръ, руку приложилъ.*“

389—91. Сент. 14 во 2 часу ночи пришли стрѣльцы Рагозинъ, Бурнашевъ, Дороѣевъ, были въ с. Красномъ въ гостяхъ съ стрѣльцомъ Ѳ. Аванасъевымъ у посадскаго Ив. Микифорова и къ Басманной слободѣ ѣхалъ воръ М. Глаткой, и они стали его лозить, и онъ на лошади уѣхалъ. „И невѣдомо де какаго чину человекъ, ѣдучи за тѣмъ Микиткою, говорилъ Рагозину и товарищемъ его: для чего де они Микитку ловятъ? а онъ де человекъ доброй, — и учалъ его невѣдомо за что рубать по рубкѣ.“ И они поймали его и привели въ Басманную слободу, а онъ за-

кричалъ ясакомъ: *басманъ*; и выскочили многіе люди и у нихъ его отбили и ихъ били, и Аванасевъ живъ ли, того не вѣдаютъ.

397. Ноябрь. 18. Допросъ *Н. Глаткову* и его повозанія: „во 198 г. сент. 14 онъ Никитка отъ Краснаго села къ Басманной слободѣ верхомъ не ѣзживалъ и никто де за нимъ не хаживалъ; а побѣжалъ онъ съ С. Медвѣдевымъ съ Москвы авг. 30 и пойманы въ Вязюковѣ монастырѣ, подѣ Дорогобужемъ, сент. 13 и посажены въ Дорогобужѣ въ тюрьму сент. 14, а на Москвѣ онъ не былъ.“

405. Окт. 30. Допросъ *юрода Ивашки*: „родился онъ Осташковецъ посадскаго человѣка Гришкяна сынъ серебряника, Ивашкомъ зовутъ; отецъ де его и доняиъ живеть въ Осташковѣ, а мать де его потонула; и онъ де, Ивашко, послѣ смерти матери своей, съ кручины ходилъ нагъ съ полгода, и пришелъ въ Нилову пустыню тому лѣтъ съ 7, и живеть съ того времени въ пустынѣ въ хлѣбнѣ. А во 197 году въ в. постъ былъ въ Москвѣ по обѣщанію моск. чудотворцамъ. И на Москвѣ де часу въ другомъ ночи встрѣтился съ нимъ противъ Чюдова монастыря у церкви, невѣдомо какой человѣкъ съ фонаремъ; и онъ Ивашко тому человѣку говорилъ, чтобъ онъ извѣстилъ в. государемъ и в. г. царевнѣ: видѣлъ де онъ, Ивашко, видѣніе во снѣ, человѣка стояща съ мечемъ круглымъ, образомъ млада, зѣло прекрасенъ. И тотъ де человѣкъ велѣлъ ему: извѣсти де в. государемъ, не убойся; большой-де, которой въ полку будетъ, измѣнить!—И его-де Ивашка тотъ же человѣкъ съ фонаремъ привелъ въ полату, которая у Ивановскіе колоколни, и тутъ де его и допрашивали. И онъ де Ивашко ничего тутъ не сказалъ. И изъ той де полатки повели его невѣдомо къ какому человѣку на дворъ, а на дворѣ де у того человѣка каменные полаты; и приведчи де его, о томъ допрашивали жъ, и онъ-де о томъ не сказалъ же. И послѣ де того водили его въ Спаской монастырь къ чернцу, къ С. Медвѣдеву, и тотъ де чернецъ о томъ его спрашивалъ же, и онъ де ему о томъ не сказалъ же, а сказалъ имъ всѣмъ, что де онъ о томъ скажетъ в. государинѣ царевнѣ. И его де, Ивашка, взвели на верхъ, и передъ нею в. государынею говорилъ, что въ полкѣхъ большой измѣнить, и отъ того будетъ худо; не попустить де его Богъ, что онъ за св. церковь не станеть.—И такіе де слова: „хотя де царя Петра сторона повезеть, и много-де того будетъ—день на 10, а то де опять будетъ сторона сильна руки царевны Софія Ад.“,—онъ Ивашка говорилъ же.—А болши того и что его прислали къ Москвѣ, о томъ имъ извѣстятъ Нилъ и некоторіи чюдотворцы, не говоривалъ. А сверху де его отвели въ Новомѣщанскую слободу, послали съ стрѣльцами въ Ниловъ монастырь и съ того времени жилъ въ Ниловѣ монастырѣ.“

408—415. (С. Медвѣдева ссылка на слова Шакловитаго, который говорилъ ему о словахъ юродиваго).—Былъ на вербной недѣли и жилъ въ Москвѣ недѣли 2, „кормился черною своею работою, а по нине дни наймовался болшого Успенскаго собору у звонарей на Ивановской колоколнѣ благовѣстять и звонить. А стоялъ де онъ въ Китафъ г. на дворѣ, Барварскаго попа у наемщика у Ф. Спиридонова изъ постоялаго.“

416. Дек. 3. Супоневъ прислалъ сказку игумена Пахомія съ братією: „по иноческому обѣщанію юродъ Ивашка учалъ у нихъ жить со 191 г., а падучей болѣзни на немъ они не видали, а бываетъ онъ во иступленіи ума по часту; ходитъ безъ ума недѣли по 2 и болши.“

417. Дек. 10 во 198 г. указъ: „Ивашѣ Григорьеву, которой присланъ въ Ниловы пустыни за его воровство, что онъ во 197 г. будучи на Москвѣ, говорилъ непристойныя слова, учинить наказане, и послать его подъ началъ въ Нилову пустыню по прежнему, и держать тамъ подъ крѣпкимъ началомъ, и отпускать его нивкуды не в(слѣтъ); и для той ссмысли послать его въ приказъ большаго дворца съ памятью.“ *Бытъ батою того жъ числа и отосланъ.*

429. О Гладкомъ. А въ непристойныхъ словахъ, что онъ говорилъ про в. государя, въ селѣ Коломенскомъ съ Федкою Шакловитымъ и о приходѣ въ полаты къ святѣйшему патриарху, и чтобы на него закричать, и о грабежѣ торговыхъ людей лавокъ, и о вѣдомости, и о взятѣ чепей боярина Ивана Василевича Бутурлина, и про тетратки, какъ поется „аминь,“ о поклонехъ, чѣмъ уличать въ роспросѣ—онъ, Микитка, запирался, а съ пытки, въ томъ во всемъ вивился. А о приходѣ де къ святѣйшему патриарху въ полаты, и чтобы на него закричать, говорилъ онъ съ Михаиломъ Капрановымъ разговоромъ съ-пьяна. А что де онъ же въ роспросѣ не сказалъ, кто Федку къ рукъ не пожаловалъ, а кто не допустилъ, и матерны бранилъ, и того де онъ не сказалъ безпамятствомъ; и чтобы за дѣло приниматься, говорилъ же; а дѣло де опречь бунту ничего. А о убіеніи святѣйшаго патриарха, въ роспросѣ и съ пытки запирался жъ. А постоявъ, сказалъ: про святѣйшаго патриарха говорилъ такіе слова, что „доберется де онъ до пестрой ризы,“ а умыслу де не было.

430. А о побіеніи боярина Лва Кириловича съ братьями и князя Бориса Алексѣевича, и Лопухинныхъ, и Опраксинныхъ, Вакулу Изволскаго, Федора Зыкова, и августа противъ 8 числа о возмущеніи къ бунту и о собраніи стрѣльцовъ съ ружемъ въ городъ, и о привязывани у Спаскаго набата язика, и о поимки и о бою столника Семена Плешѣва, и о указываніи на патриарши полаты, гдѣ живеть ризничей Акинѣей, и о денгахъ, что тутъ будетъ имъ денегъ много, и о заметываніи великаго государя царя и великаго князя Іоанна Алексѣевича, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца, комнатныхъ дверей дровами, и о царскомъ вѣнцѣ, что изломали съ ту сторону, и о убіеніи-жъ бояръ противъ прежняго смутнаго времени, и о дачѣ Андрюшкѣ Сергѣеву денегъ, пяти рублевъ, и о приходѣ къ старцу Селиверсты Медвѣдеву, и въ словахъ, которые они говорили у Алешки Стрижова, о возмущеніи бунта, и о учителяхъ, что во время литургіи поется „аминь,“ кланяться не велеть, въ роспросѣ и съ пытки онъ, Микитка, во всемъ вивился. А о убіеніи подячего Ивашки Истомина и... Каріона, и въ подговорѣ, и въ блудномъ дѣлѣ съ подякомъ устюжскаго архіепископа, и о приходѣ ко колмогорскому архіепископу, и о возмущенныхъ бунту словъ, въ роспросѣ и съ пытки запирался.

431. 198 г. октября въ 5 день, великіе государи, слушавъ сею списку, указали, бояре приговорили: стрѣльца Микитку Глаткова, за многой ею умисль и воровство, казнить смертию. (Л. 436).

433—443. О Медведевѣ. На Сеню Медвѣдева, что былъ старецъ Селиверстка, въ извѣтѣ написано: умышлялъ де онъ, Сенка, съ Федкою Шакловитымъ да съ стрѣльцами: съ Никиткою Гладкимъ съ товарищи великаго господина святѣйшаго киръ Іоакима московскаго и всеа Россіи и всѣхъ сѣверныхъ странъ патриарха убить или перемѣнить. Да къ не-

му-жь де, Сенкѣ, прихаживали А. Стрижовъ съ товарищи и говаривали тайно, и на караулъ де у него онъ, Ал... къ кельѣ его ставилъ стрѣльцовъ въ тайнѣ и связывалъ имъ: какъ придуть отъ святѣйшаго патріарха по него, Сенку, чтобъ его не отда..., и сказать, что за нимъ есть государево дѣло. Да какъ де Алешка Стрижевъ, да Егорка Романовъ послали въ Троецкой монастырь Ивашка Галахтіонова для провѣдыванія вѣстей, и приказывали ему, Ивашку: будутъ де стануть спрашивать про Федку Шакловитова и про нихъ, и чтобъ онъ Ивашка, о томъ чинилъ вѣдомость; а буде онъ ихъ долго не застанеть, и онъ бы вскалъ ихъ у него, Сенки, въ Спаскомъ монастырѣ.

Да къ нему жъ, Сенкѣ, прихаживалъ Федка Шакловитой съ стрѣльцами съ Микиткою Гладкимъ, съ Алешкою Стрижевымъ, и съ иными по многіе времена, и онъ де Сенка къ нему, Федкѣ, прихаживалъ и говаривалъ тайно, а что говаривалъ, того не вѣдаеть. А въ роспросѣ онъ, Сенка, противъ вышечисанныхъ извѣстовъ сказалъ: на здорове де великого государя царя и великого князя Петра Алексѣевича, всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца и на матеръ его, государеву, великую государыню благовѣрную царицу и в. княгиню Наталію Кириловну умыслу, и на в. господина святѣйшаго киръ Іоакима московского и всеа Росіи и всѣхъ сѣверныхъ странъ патріарха, чтобъ его убить, или перемѣнить, не было. И Федка де Шакловитой о государскомъ здоровѣ и о убивствѣ, ему никакыхъ словъ не говаривалъ; а съ пытки онъ, Сенка, и на очной ставкѣ съ Филипомъ Сапоговымъ въ томъ запырался жъ. А что про него, Сенку, старецъ Арсеній сказалъ, что онъ, Сенка, говорилъ про св. патріарха, что онъ учился мало, и рѣчей богословскихъ не знаетъ, и такіе де слова про святѣйшаго патріарха, что „учился мало и богословскихъ рѣчей не знаетъ,“ онъ, Сенка, говорилъ. А какъ де ему Федка Шакловитой говорилъ дважды на одинъ, тому съ годъ или меньше, въ разныхъ числахъ: „какъ бы де не было благовѣрные государыни царицы и великой княгини Наталіи Кириловны и боярина Лва Кириловича, такъ-бы де у великой государыни Софіи Ал. съ в. государемъ Петромъ Ал. было совѣтно.“ А говорилъ де онъ, Федка, для того, что де великій государь ей, сестрѣ своей, во владѣннѣ възбраняеть, и владѣтъ ей допустить не хочетъ. (434) А онъ, Сенка, ему, Федкѣ, сказалъ: „кто кому чего желаетъ, то де самъ отъ Бога приметъ.“ А съ пытки онъ, Сенка, про то про все говорилъ, а о томъ де, что ей великой государынѣ.... онъ Сенка, съ нимъ, Федкою, не мыслилъ.

А какъ де приходилъ къ нему Ларіонъ Елизаревъ, и сказывалъ ему, что его, Ларіона, да Андрюшку Фондратова, да Алешку Стрижева, да Оброску Петрова призывалъ Федка Шакловитой, и говорилъ чтобъ имъ тайно въ ночи побить бояръ Лва Кириловича Нарышкина да кравчего князя Бориса Алексѣевича и иныхъ. И онъ де, Сенка, имъ о томъ, чтобъ имъ того не дѣлать, запрещалъ, и Ларіонъ ему, Сенкѣ, говорилъ многжды: есть ли бы де онъ, Сенка, ихъ не укрѣпилъ, и имъ де было то сдѣлать. А съ пытки, про то про все говорилъ тѣжъ рѣчи. А что де онъ-же, Сенка, Ларіону Елизареву съ товарищи говорилъ, чтобъ они сказали Федкѣ Шакловитому, что имъ того дѣла учинить никонми мѣры невозможно, и то де онъ, Сенка, говорилъ, для того, чтобы тому дѣлу не быть, и чтобъ то дѣло разорилось.

А у Федки Шаковитова роспись, кого побить бояръ была ль, того онъ не вѣдаетъ. А съ пытки сказалъ, что де Ларіонъ Елизаревъ сказывалъ, что у него, Федки, роспись кого побить была и хотѣлъ имъ дать.

А тетради де, которые онъ далъ Микитѣ Гладкому, и тѣ де тетради писалъ дявонъ Аеонасей, что былъ у Спаса на дворцѣ, о пресущественіи тѣла и крови Христовы; и ту де тетрадку принесъ къ нему показать онъ, дявонъ. И онъ, Сенка, списалъ себѣ съ той тетрадки двѣ тетрадки, (435) и нынѣ де тѣ тетрадки съ книгами у него, Сенки, въ кельѣ; а писаны тѣ тетради на греческую книгу, что писали на Москвѣ греки, и одну де такую тетрадку далъ онъ Микитѣ Гладкому почестъ, и де, Микитка, ему не отдавалъ; а на святѣйшаго де патріарха въ той тетрацѣ ничего не написано. А съ пытки онъ, Сенка, про тѣ тетрадки сказалъ прежніе жъ свои рѣчи; а въ тѣхъ де тетратехъ на святую церковь противности и росколю нѣтъ. Да онъ же де, Сенка, писалъ книгу: „О маниѣ хлѣба животнаго,“ по указу великой государыни, благовѣрной царевны и великіе княжны (436), Софіи Алексѣевны, и доскрѣп... своею рукою, поднесъ ей, великой государынѣ, тому другой годъ; и та де книга послана была къ гетману къ Ивану Степановичу, къ кіевскимъ властемъ къ свидѣтельству; а святѣйшему патріарху о той книгѣ онъ не докладывалъ...

СВИТОКЪ № 7-й.

Столбцы 16—33. *Показаніе М. Пошина 1690 г.* Окт. въ 21 день приказу болшіе казны подъячей Матюшка Пошинъ, въ роспросѣ сказалъ: Ѳ. де Шаковитой Матюшкѣ знакомецъ, потому что онъ съ нимъ уроженецъ одного города Брянска, и потому знакомству прихаживалъ къ нему въ домъ, а о тайностахъ учалъ онъ, Ѳедка, съ нимъ говорить со 195 г., о тайныхъ прошлѣхъ годѣхъ. Тому года съ 2 или болши посылалъ его, Матюшку, Ѳедка по Земляному городу къ стретенскимъ и къ месницкимъ воротамъ, гдѣ стоятъ стрѣлцы на караулехъ, да съ нимъ же посылалъ капитановъ московскихъ стрѣлцовъ Василя да Ѳилипа Сапоговыхъ, да стрѣлцовъ Васку Тулу да Ивашку, того жъ Еоимьева полку, а чей сынъ и слыветъ, того онъ не вѣдаетъ. А велѣлъ имъ Ѳедка бить стрѣлцовъ на караулехъ и называться Матюшкѣ именемъ боярина Лва Кириловича Нарышкина (17); а имъ капитаномъ и стрѣлцамъ приказалъ Матюшку называть именемъ его жъ боярина Нарышкина. И Матюшка съ ними капитанами и съ стрѣлцами на тѣхъ караулехъ стрѣлцовъ били плетми; а стрѣлцы, которые съ нимъ были посланы, тѣхъ караулныхъ стрѣлцовъ били обухами. А какъ де они тѣхъ караулныхъ стрѣлцовъ били, и въ то де время капитаны В. и Ѳ. Сапоговы и стрѣлцы, которые съ нимъ посланы, называли его по приказу Шаковитова именемъ боярина Лва Нарышкина. А били они тѣхъ стрѣлцовъ, вызвавъ изъ караулныхъ избъ за земной валъ. А какъ де они ихъ стрѣлцовъ, изъ караулныхъ избъ вызывали за земной валъ, и они де имъ говорили, что знаютъ ихъ бояринъ Левъ Кириловичъ. (18) И какъ они вышли, и они стали у тѣхъ стрѣлцовъ спрашивать часовъ, которой часъ ночи, и спрошавъ почали ихъ бить, и бьючи приговаривали Сапоговы: „Л. Кириловичъ полно де

нимъ и того." И Матюшка, вмѣ капитанамъ и стрѣльцамъ, которые съ нимъ были, говорилъ: „бейте де гораздо, не то де имъ будетъ, заплачу де смерть братьевъ своихъ; увидите де вы всѣ, что вамъ будетъ.“ А ѣздилъ де онъ на тѣ караулы, и дѣлалъ все по его Ѳедкиному велѣнью, въ его отласномъ или въ тафтаномъ кафтанѣ; а лошади де подъ Матюшкою и подъ капитанами были свои, а подъ стрѣльцами чьи лошади были, того не вѣдаеть. А послѣ де того слышалъ онъ отъ капитана В. Сапогова, что тѣ стрѣльцы въ стрѣлцекомъ приказу приваживаны, и бои и раны занисываны, а... тѣхъ битыхъ стрѣльцовъ, велѣлъ-ли или вѣтъ, того не вѣдаеть. А посылалъ Матюшку и капитановъ В. Ѳ. Сапоговыхъ и стрѣльцовъ (19) на тѣ караулы Ѳедка, знатно что для возмущенія. Да и послѣ де того Ѳедка у себя въ домѣ, во время утренняго пѣнія во 197 г., а въ которомъ мѣсяцѣ и числѣ, того не упомянуть, говорилъ Матюшкѣ: „нынѣ де у насъ не тѣ диковинки чинять.“ Левъ де Кириловичъ приходилъ къ комнатѣ в. г.... Іоанна Алексѣевича и лонился въ двери: знатно надъ нимъ, в. государемъ, хотѣлъ учинить дурно. „И говорилъ Ѳедка ни что де имъ кеймется, братья де ихъ побиты, а они де того не наматуютъ. А нынѣ де у Ѳедки ссора за здоровье его в. государя за то, что онъ приходилъ къ хоромамъ его в. государя. Да Матюшку Ѳедка посылывалъ въ оба крымскіе походы къ кн. В. Голицыну (20) съ грамотами и съ своими писмами, а съ какими писмами, того онъ не вѣдаеть. А ѣздилъ де онъ черезъ почту во 195 г. трижды, а во 197 г. дважды. А словесного приказа никакого съ Матюшкою не бывало. А писма де, которые съ нимъ посланы къ В. Голицыну во всѣ послани, писывали подъячіе Сенка Надѣявъ, Ал. Петровъ. И въ первую де крымскую послыку 195 г., Шапловитой посылалъ съ Матюшкою Голицыну 1000 золотыхъ за государскою печатью, а печаталъ тою государскою печатью и Матюшкѣ тѣ золотые отдавалъ у себя на дворѣ. А въ другую послыку того-жъ году къ Василю ничего не посылывали. А въ 3-ю послыку посланы-жъ съ Матюшкою золотые на дачю ратнымъ людямъ; а прималя де онъ тѣ золотые на денежномъ дворѣ приказу бошіе казны у подъячего у Тим. Севостьянова. (21) А въ прошломъ де во 197 г. въ первую послыку посылалъ съ Матюшкою Шапловитой, къ кн. Василю 2000 золотыхъ да 2 сорока соболей, запечатавъ въ чемаданѣ тою же печатью. А печаталъ де тѣ золотые и соболи у него жъ на дворѣ подъячіи Ал. Петровъ при Ѳедкѣ. И тѣ золотые и соболи привезъ къ кн. Василю въ Сумы, и принялъ тѣ золотые и соболи у Матюшки Василей самъ. А нынѣхъ никого въ то время не былъ. А кн. Голицынъ изъ полковъ къ Москвѣ съ Матюшкою писма посылывалъ, запечатавъ сургучомъ въ мѣшкѣ и въ переметныхъ сумкахъ своею печатью; а на Москвѣ велѣлъ тѣ писма отдавать Шапловитому на отпускахъ де, и по приѣздѣ изъ полковъ къ Москвѣ, (22) бывалъ онъ у руки... Софіи Алексѣевны, бывалъ на площади въ верху у церкви Воскресенія Христова; а ставилъ де его къ руцѣ Алексѣи Голицына. А какъ де во 197 г. мая 4 числа посланъ Матюшка къ кн. В. Голицыну въ полки съ денщикомъ стремяннаго полку съ стрѣльцомъ съ Пафомкомъ; а съ ними Ф. Шапловитой носилъ три сумки переметные; а сказалъ Ѳедка, что въ тѣхъ сумкахъ государевы грамоты и иные писма грамотны. И на Самару де приѣхалъ онъ въ 8-й день, а съ Самары стодникъ и воевода В. Вердеревскій отпустилъ его съ почтаремъ съ стрѣльцомъ Гришкою, съ писаремъ да съ провожа-

тѣми съ рейтары съ Гарасимомъ Кузмищевымъ съ товарищи съ 4-мя человекѣмъ; да козаковъ было ахтырского полку 4 человекѣмъ. И съ Самары де онъ приближалъ въ Запороже къ Каменскому затону, гдѣ оставлены были государевы хлѣбные запасы. И въ Каменскомъ де затонѣ начальной человекѣмъ иноземецъ; а какъ зовуть, того не помнитъ, сказалъ ему: *бо-жрстимъ де шляхомъ* ѣхать тебѣ опасно, для того что Осламъ и иные городки, которые по сю сторону Перекопи, кн. В. Голицынъ съ ратными людьми прошель, не чиня надъ ними никакого промыслу. И въ Каменскомъ де затонѣ съ провожатыми стоялъ онъ 3 дни для проводывана изъ полковъ и вѣдомости никакой ему не учинилось. И онъ де, Матюшка, нанавъ вожа, запорожскаго козака Мишкишу Матвѣева, и съ нимъ пошоль въ полки мимо кн. Василева шляху, и тѣхъ крымскихъ городковъ лѣвою стороною, и ночью—де не узнавъ полковъ, приѣхали близъ Перекопи къ Гнилому морю въ ночи майя противъ 2-го числа, и стояли въ долинѣ. И какъ де почало разсвѣтать, и они де поѣхали искать боярскаго шляху, и увидѣли дымъ и огонь большой въ Перекопи у городка, и они де чаяли то, что государевы ратные люди взяли Перекопъ, и поѣхали къ Перекопи прямо. И на встрѣчу де, приближавъ отъ Перекопи верстахъ въ трехъ, татаръ человекѣмъ съ 10, а изъ нихъ говорилъ одинъ по руски, и сказали про себя, будто они, государевы люди—калмыки, а поставлены де они отъ кн. В. Голицына для опасенія полковъ. А про кн. В. Голицына сказали, что онъ вступилъ въ Перекопъ и городокъ взялъ. И съ тѣми де татары поѣхали они къ Перекопи, и отѣхали они съ полверсты, и къ нимъ де приближали татарова многие люди а его Матюшку ранили по головѣ, по рукамъ саблею, да застрѣлили изъ лука въ правой бокъ подлѣ пояса,—и взяли ихъ въ полонъ, и привели его въ Перекопъ. А крымской де ханъ стоялъ въ Перекопи. А въ то де число въ Перекопи горѣли посады. И привели его, Матюшку, передъ крымскаго хана, и передъ нимъ роспрашивавъ онъ чрезъ толмача, кто въ полкѣхъ бояръ и воеводъ и сколько ратныхъ людей; и онъ де бояръ и воеводъ сказалъ по иманамъ, а ратныхъ людей и нарядовъ сказалъ безчисленное множество. И они де говорили ему для чего де в. государи съ ними миръ разорвали, и съ королемъ полскимъ для чего помирились?—и онъ, Матюшка, сказалъ имъ: то—де учинено за ихъ многое неостоянство, для того что за перемиремъ на украинные города многая приходи... А съ полскимъ королемъ де помирились для того, что они одной вѣры, и по его королевскому многому прошенію, и для того, что король полской уступилъ в. государемъ Кіевъ и Смоленскъ съ надлежащими городами. (26) И они де его, Матюшку, бранили и говорили: тѣми городами—Кіевымъ и Смоленскимъ и иными—давно владѣютъ в. государи, и уступать де было полскому королю не для чего; и колѣи де у васъ бояре и ближніе люди не смыслятъ, и у васъ есть ученые люди, старцы и попы, и для чего де они в. государемъ не говорили, что учинили неправду и миръ розорвали. А про полскаго де короля говорили: знайте де ихъ постоянство, какъ де во 197 г. государевы ратные люди пошли на Крымъ, и полскій де король присядалъ къ нимъ, чтобъ они поляковъ не боялись и чинили бѣ отъ московскихъ силъ отпоръ. Да и нынѣ де у нихъ есть полской посолъ; и просятъ де они поляки у нихъ перемирья, чтобъ имъ соединясь, итти на государевы украинскіе города подъ Кіевъ и подъ иные.—А послѣ тѣхъ словъ, заставили его Матюш-

ку честь государевыхъ грамотъ, которые съ нимъ посланы были съ Москвы, а въ тѣхъ грамотахъ писано къ кн. Василю съ милостивнымъ словомъ противъ разныхъ отписокъ и о воинскомъ промыслѣ. А тѣхъ де грамотъ послано съ нимъ было изъ розряду 3, да изъ посолскаго одна; да съ тѣми жъ грамотами въ сумѣ запечатано было письмо столбцовъ съ 5 или болше, писано особымъ невѣдомо какимъ писмомъ. И тѣ грамоты и писма и нынѣ у нихъ. И то письмо заставляли его честь, и онъ де сказалъ имъ, что того писма честь не знаетъ,—и они де за то его били; и послѣ де того велѣли его сковать въ кандалы; и сидѣлъ въ тюрьмѣ двѣ недѣли. А какъ де кн. В. Голицынъ стоялъ подъ Перекопью, а онъ, Матюшка, его человекъ, сидѣлъ скованъ въ тюрьмѣ. А слышалъ де онъ, Матюшка, отъ татаръ, которые прихаживали къ тюрьмѣ, и говорили, что о перемирѣ съ кн. Васильемъ есть присылка. А отъ невольниковъ де слышалъ онъ: въ ту де ночь, въ которую стоялъ подъ Перекопью кн. В. Голицынъ, ходилъ къ нему кн. Василю, самъ ханъ крымской; а говаривали, что пошелъ просить перемира. А стоялъ де онъ, кн. Василей, подъ Перекопью одни сутки; а промыслу де отъ него никакого не было, а въ Крыму де про него, кн. Василя, какъ онъ отъ Перекопи отступилъ, повосили словами и смѣялись, и говорили, что будто онъ побѣжалъ. А какъ де ханъ съ дороги отъ государевыхъ полковъ поворотился, и его де, Матюшку, изъ Перекопи привели къ нему въ степь на кошь, а съ кошь послалъ его съ везиремъ своимъ съ Датырѣ-агою къ турецкому салтану; да съ нимъ же де послалъ полоняниковъ дву человекъ боярскихъ людей, да трехъ человекъ козаковъ. (29) А турецкой де салтанъ въ то время выступилъ войною противъ цесаря римского и стоялъ въ своихъ мѣстахъ у города Софїи. А грамоты, которые съ нимъ взяты, посланы были съ тѣмъ везиремъ къ турецкому салтану; и у турецкаго салтана тѣ грамоты передъ везиремъ его, салтанскимъ, онъ Матюшка челъ же, и переводили греки на ихъ турецкой языкъ. И былъ де онъ у турецкаго салтана дней съ 10; и повезъ его тотъ же везирь въ Крымъ; и не доходя до Крыма, сталъ въ Бѣлогородской ордѣ на полѣ выше Бѣлгорода, близъ воложскаго городка Тегни; а говорилъ съ нимъ Матюшкою: что де Голицыну вашему будетъ?—И онъ де Матюшка ему сказалъ, что де отъ в. государей будетъ ему казнь. (30) А послѣ де того почасту онъ же крымской везирь Матюшкѣ поносными словами говаривалъ: кн. Василей де Голицынъ, не ходя къ Москвѣ, побѣжалъ въ Кіевъ и хочетъ постричца для того, в. де государи за нынѣшнюю его службу хотятъ его казнить. И въ тожъ время на кошу писарь ввзиревъ, татаринъ Амырка, говорилъ Матюшкѣ: сказываешься де ты человекъ малой, а ты де человекъ знатной; и кн. Василей де Голицынъ, какъ видѣлся съ ханомъ, прошалъ де тебя самъ у хана; и ханъ де ему сказалъ, что за ранами Матюшки отпустить нельзя.— А тѣ де слова были при товарищѣ его, которой съ нимъ вышелъ, при Петровѣ человекѣ Воейкова, Авдюшкѣ Груздовцовѣ. И ожидалъ де тотъ везирь хана изъ Крыму, въ бѣлогородскую орду; а при Матюшкѣ къ везиру собраны бѣлогородской орды человекъ съ 500; а собрався съ бѣлогородскою ордою, хотѣли идти на Мултаны и на Венгоры, которые подъ державою цесаря римского. А ихъ де Матюшку на томъ кошу, съ тѣмъ человекомъ, которой съ нимъ вышелъ на ночь *(провожатимъ?)*, ковали ихъ въ желѣза. И авг. де противъ 9 числа въ ночь съ того коша они, Матюшка и Авдюшка, разломавъ желѣза, ушли, и шли степью 17 дней

и ночей съ великими нуждами черезъ рѣки и болота, ѣли траву и полевой горохъ, и пришли къ Переяславлю авг. въ 24 день, и въ Переяславлѣ лежали болны 8 дней. А какъ обмоглись, и думной де дворянинъ и воевода, распросивъ ихъ и давъ отписку, отпустилъ ихъ. И они де по обѣщанію зашли въ Брянскъ въ Свинской монастырь и жили съ недѣлю. А и то имъ было слышно жъ, что Ф. Шаковитой казненъ. А какъ Матюшка былъ въ Крыму, и въ то де время, какъ государевы люди приходили къ Перекопи и крымцы де zelo желали съ в. государи помириться, и такого повелѣнія в. государей у Матюшки спрашивали по многажды, чтобъ съ ними помириться. И какъ де государевы ратные люди отъ Перекопи отступили, и они де въ то время учили говорить всякіе поносные слова. А умыслу де у него на государское здоровье и матери его... царицы Наталіи Кириловны не бывало и съ Ф. Шаковитымъ не мыслялъ, и ни отъ кого не слышалъ. А про св. де патриарха въ дому своемъ поносные слова почасту и при многихъ людехъ говаривалъ. А что де онъ, Матюшка, по посылкѣ его, Федкинъ, съ капитаны и съ стрѣльцами по карауламъ ѣздили и стрѣльцовъ били, и о томъ в. государемъ не извѣщали, и въ той де его винѣ волны в. государи; и извѣщать де было имъ за страхомъ невозможно для того, что онъ Федка грозилъ имъ смертною казнью. И чтобъ в. государи пожаловали его для своего государскаго многолѣтнаго здоровья, и за его, Матюшкино полное терпѣнье и за раны, велѣли ту его *страдничью* вину отъдать. Къ сему допросу Матюшка Шошинъ руку приложилъ.“ (Л. 498—500).

34. Окт. 16 комнатной истопникъ *Оска Осиповъ* въ роспросѣ сказалъ: авг. противъ 8 какъ изволила быть царевна у Казанской Богородицѣ, и ему указала быть за собою. А пошла она на 1 часу дни, и посылалъ онъ сторожа по околичнаго В. С. Нарбѣкова, и онъ пришелъ и сказалъ, что Боровицкіе ворота заперты. „И Федка де Шаковитой послалъ его съ стрѣльцомъ, и велѣлъ его пропустить.“ Нарбѣковъ пріѣхалъ къ Казанской церкви. „И отъ церкви — де Ф. Шаковитой посылалъ его въ верхъ и велѣлъ ему взять въ хоромѣхъ въ передней у в. г. царевны денегъ 300 р., онъ взялъ и отдалъ денги В. С. Нарбѣкову, а взявъ 200 р. В. Савичъ отдалъ стрѣльцу, а 100 р. отдалъ держать ему, Оскѣ и велѣлъ вычестъ 20 р. а 80 отъдать тому же стрѣльцу; а изъ 20 р. 3 р. отдалъ капитану; того де часа В. Савичъ сказалъ стрѣльцомъ, что в. государыня жалуетъ ихъ по рублю человѣку, „а досталины 7 р. Оска вынесъ въ верхъ.“ А какъ де отъ церкви пришла, и отъ Ф. Шаковитова прибѣжалъ къ нему, Оскѣ, Филиппъ Сапоговъ, и велѣлъ ему дать четвертое 100 р. и онъ де Оска, доложивъ... царевны, взялъ въ хоромѣхъ еѣ 100 р. денегъ и отдалъ Сапогову.“ Оска взвѣшивалъ къ царевнѣ стрѣльцовъ во 195 г. а во 196 г. передъ походомъ царевна жаловала къ рукѣ стрѣльцовъ 200, во 2-мъ или 3-мъ часу ночи, и отпускала ихъ на службу. Авг. послѣ 19, Ст. Евдокимовъ ходилъ ночью и часу въ 8 пришелъ въ верхъ и въ сѣнахъ говорилъ, чтобъ Оска сходилъ по стрѣльцовъ, которые стоятъ на козляжнихъ воротахъ, и онъ привелъ въ верхъ 5 человѣкъ. Верховая дѣвка Федора Калужкина по указу царевны велѣла отнести кислые шти А. Стрижеву и Кондратьеву,“ а они де сидятъ въ мылнѣ... царевны подъ большою комнатою, гдѣ живутъ боярыни,“ а многоль дней сидѣли, не вѣдаетъ, а сидѣли за замкомъ. А Ф. Шаковитой сидѣлъ въ комнатѣ за карауломъ 3 дни въ комнатѣ

крайней отъ париды Маренъ Мать.; посылалъ Оску по Сенку Надѣина и онъ не пошелъ, опасался, какъ бы онъ Федка не уполъ.

41—49. „Окт. 24 *Сенка Надѣина* объявился въ розрядѣ соборъ,“ въ роспросѣ сказалъ: Ф. Шахловитой былъ ему братъ двоюродной, жилъ своимъ домою на Знаменкѣ, къ Федкѣ прихаживалъ я умыслу ни на кого съ нимъ не имѣлъ. Федкѣ по свойству писывалъ грамотныя словесные въ полки разныхъ чиновъ людямъ, а къ Голицыну не писалъ, а писывалъ подъячій Агапка Петровъ. Сумки печатывалъ онъ Сенка, когда въ 1-й и 2-й крымскіи походы посылали Шошина. Авг. 195 г. послано съ Шошинымъ къ Голицыну сорока съ два соболей, а въ инныя посланки оббитыя въ полотнѣ, иныя въ сукнахъ, знатно — камка или обляря; а золотые на жалованье ратнымъ людямъ. Авг. 30 былъ Сенка съ Агапкою на дворѣ Шахловитого, „и съ того де двора сослали ихъ его, Федкины люди,“ и онъ Агапку взялъ къ себѣ на дворъ;“ и того де дни прислалъ къ нему Шахловитой съ верху сторожа велѣлъ ему быть въ верхъ и Евдокимовъ послалъ его сказать Медвѣдеву, чтобъ онъ ушмылся, и онъ послалъ съ двора своего Агапку. И хотѣлъ онъ Федка жить въ деревнѣ у Ляпина, „покажѣсть обѣ—немъ упрасать у в. государей сестры ихъ,“ хотѣлъ тамъ поставить келью; а Мишка человекъ Ляпина сказалъ что тамъ лѣсу мало, а прожить мочно. И онъ сказалъ Федкѣ чрезъ Евдокимова, а Федка велѣлъ купить червасскую лошадь и повозку; авг. 31 сказалъ ему Ив. Сергѣевъ, и сент. 1 рано приходилъ отъ него съ верху человекъ и велѣлъ ему быть съ Агапкою въ верхъ и Евдокимовъ снесъ имъ сказку Федкиной руки „на трехъ столбцахъ,“ какъ было сказать всякихъ чиновъ людямъ о непочитаніи и изгонѣ в. г. . . . Иоанна самодержца и сестры его в. г. царевны Софін Ал. отъ боярина отъ Лва К. съ братьями и собесѣдники, будто они къ в. государю къ рукѣ не хаживали, и в. государя у комнатъ двери полънѣемъ забросали.“ Сказку переписали Сенка, Агапка и Воржсовъ и внесли въ верхъ, и за тѣмъ велѣно было наклеить росписъ, кто иманы и на кого извѣщали о непристойныхъ словахъ и изломаніи церковнаго вѣнца. (*Во всемъ вознался, что показалъ на него Агапка*). У дворцовой гѣстиницы стоялъ съ осѣдланной лошадыю Ив. Сергѣевъ, ждалъ. А какъ почали Федку называть немѣнникомъ, онъ жилъ въ хоромахъ своихъ на загородномъ дворцѣ и у Агапки, а съ женою не выдался бо 2 сент.

51—52. Извѣтъ капитана Ф. Сапогова на Шошина: „Ф. де Шахловитой посылалъ его Василя и брата его Филипа по Земляному городу по карауломъ, гдѣ стоятъ стрѣлцы, и велѣлъ ихъ бить; чтобъ учинить возмущеніе, будто бьеть ихъ бояринъ Л. К. Нарынкинъ. А въ тѣ де времена бывали съ ними стрѣлцы Ефимьева полку Виска Тула, Ив. Володинъ, а вмѣсто боярина Лва Кирилловича учиненъ большой казни подячей М. Шошинъ, а чинилъ де онъ для того, чтобъ на него, боярина Лва Кир. съ братьями отъ нихъ, стрѣлцовъ, было возмущеніе, и по карауламъ стрѣлцовъ били, а приговаривая: заплачу девамъ смерть братьевъ своихъ, увидите де вы всѣ, что вамъ будетъ. И тѣ де стрѣлцы въ стрѣлцвомъ приказѣ записаны, и онъ де Федка ихъ смотрилъ, и многимъ людямъ являлъ, и о томъ докладывалъ в. государей, и велѣлъ лечить въ аптекѣ. А стрѣлцы де, которыхъ били полку Сухарева, а иманъ ихъ не упоминать.“

Томъ показанъ пятидесятникъ Ефимьева полку Виска Тула (Л. 504—5).

136—140. Ноября 11 во 198 г. приговора; а ноября 13 измѣненъ: *М. Шошина* и *С. Надина* смертью казнить не велѣли, битъ на казнь кнутомъ нещадно и сослать съ женами и дѣтми въ Сибирь на вѣчное житье. А *К. Борисову* и *О. Осипову*, учиня наказанье, битъ Кирюшку кнутомъ, а Оску — батоги, сослать Кирюшку въ Каргополь, Оску — въ Чаровду на вѣчное житье.

177. Декабря 9. *Анаткя Петрову* и *Борисову* битъ въ Каргополѣ въ приказной избѣ въ приставахъ.

СВИТОКЪ № 8.

Столбцы 57—58. *Допросъ Нарбикова*. А въ распросѣ Василей Савичъ сказалъ: какъ де авг. противъ 8-го числа 197 г. въ ночи в. государыня Софія Ал. изволила битъ у церкви Казанскіе Богородицы, и онъ де въ то время за нею былъ, и стрѣлцовъ сколько ихъ человекъ у церкви спрашивалъ, и денегъ истощнику Осипу Осипову тѣмъ стрѣлцамъ по 1 руб., человекъ дати велѣлъ, и капитану жъ 3 руб. дано жъ, да и прежде жъ того, мая съ 3 числа, какъ изволила в. государыня ходить по монастыремъ и по церквамъ авг. 8 числа и послѣ 8 числа, онъ Василей за государынею Софіею Ал. бывалъ же и денги изъ двора, и изъ привязу большіе казны по 1 руб. и по полтинѣ человекъ давать велѣлъ, и стрѣлцовъ де онъ въ верху, кромѣ святой и сырной недѣли, ни въ которое время не видалъ; только де видалъ онъ, Ѳ. Шаковитой приваживалъ стрѣлцовъ къ рукѣ человекъ по 5 и большіе, а сказывалъ про нихъ, что изъ послыжи, а иные челобатчики или... Да онъ же де далъ стрѣлцомъ денегъ 280 руб., а кому имен... о росписи (58) де имъ стрѣлцомъ не спрашивалъ и стрѣла Ег. Романова онъ не знаетъ, равнѣ въ лицо, и денегъ оирочъ того, что велѣлъ роздать у церкви Казанской Богородицы 280 руб. или 260 руб., не давалъ, и такихъ словъ, что за тотъ ихъ сборъ в. государыня жалуетъ ихъ по рублю не говаривалъ, а по денги де онъ къ окольникову къ Ал. Иван. Ржевскому и къ Сем. Ѳ. Толочанову, какъ бывали выходы, посылавалъ, — и денги раздавалъ попомъ и церковникомъ и стрѣлцомъ, никому денегъ самъ не даывалъ, а приказывалъ давать тѣмъ людямъ, кто изъ приказу денегъ принесетъ. А сент. 1-го де нынѣшн. 198 г. дьякъ Г. Сандыревъ, чтобъ стрѣлцы шли въ городъ, приказывалъ для того, что того числа битъ было выходу на Лобное мѣсто. А что де Ан. Муромцовъ сказалъ: какъ С. Евдокимовъ, стрѣлцовъ А. Стрижева и Ан. Кондратьева приваживали вверхъ, и будто де изъ комнаты в. государыни, я, выхаживалъ, кн. Голицынъ, и онъ де ихъ Алешку и Андрюшку не знаетъ и изъ комнаты къ нимъ не выхаживалъ. А такихъ де словъ, что поѣхалъ въ Тушину В. Савичъ, думному дворянину Ѳодору Тихоновичу Зыкову и иныхъ, къ поношенію ихъ государскаго имени не говаривалъ. И при немъ, думномъ дворяникѣ Ѳ. Тихоновичѣ въ тѣхъ словахъ онъ Василей... (Л. 64—5).

69—75. *Допросъ Кропоткина*. Стольникъ кн. *М. Кропоткинъ* въ распросѣ сказалъ: въ сент. де мѣсяцѣ нынѣшн. 198 г. а въ которомъ числѣ того не упомянуть, былъ челомъ в. государемъ, чтобъ его отпустить въ

дальнюю его деревню на 6 недѣль, и государь Іоаннъ Ал. пожаловалъ, велѣлъ его въ деревню на 6 недѣль отпустить; и у руки у него в. государя на отпускѣ былъ, потомъ де извѣстно боярину кн. П. Ив. Прозоровскому. И того жъ числа сестра его (70) князь Мих. Александра жена Зюзина Парасковья, говорила ему, что спрашиваетъ его в. государыня Софія Ал. И по тѣмъ де словамъ онъ кн. Михайло къ Воскресенской церкви къ дверямъ пришелъ, а она изволила въ то время быть у обѣдни, и изволила де она въ церковныхъ дверехъ его кн. Михайло спросить: ѣдешь ты въ деревню, и гдѣ у него дальняя деревня? И Михайло ей извѣстилъ, что у него деревни въ 2-хъ городѣхъ: на Вологдѣ да на Резани. И она изволила ему сказать: поѣзжай де ты въ Вологодскую дер.; а ѣдучи будетъ мочно, посмотри какъ везуть В. Голицына; а вѣдомо де ей в. государыни учинилось, что везуть его скована въ телѣгѣ, и сказываютъ де, которая у него была ружедь, и то де взято на в. государя. И изволила ему говорить: отнеси де ему милостыню. (71) И онъ кн. Михайло ей в. государыни былъ челомъ, чтобъ его отъ того свободить: опасенъ де онъ ихъ государскаго гнѣву. И она де изволила ему сказать: „если де ты непослушанъ учинишься, и за Сибирью де мѣста не сыщешь; ты де въ комнат... у брата нашего в. государя Іоанна Ал., и братъ де нашъ съ нами во всякомъ согласіи—воля наша, и о чемъ мы станемъ бить ему челомъ, и онъ де слушаетъ. Какъ де тебѣ насъ не послушать.“ — И онъ Михайло опасался ея црвныи гнѣву и всякой себѣ напасти; потому что и напередъ того многажды же отъ в. государыни всякое бѣдство терпѣлъ и изъ комнаты былъ отставленъ, и велѣно было наказанье учинить безвинно; сказалъ ей: „воля де твоя, в. государыня, и былъ челомъ ей, чтобъ ему какого бѣдства не было.“ И она де изволила ему сказать: не опасайся де, ничего не будетъ и переговорить—де о томъ она съ братомъ своимъ Іоанномъ Ал. . . И изволила она въ мѣшкѣ отдать ему кн. Михайлу золотыхъ, а много-ль—того не вѣдаетъ. А по смѣтѣ золотыхъ, ста съ два или 3 въ сотномъ мѣшкѣ меньше половины мѣшка запечатать. И изволила ему Михайлу приказать тѣ золотые отдать въ милостыню В. Голицыну. И скажи ему, чтобъ онъ не оскорблялся. Какъ она изволила видѣтса съ братомъ своимъ. . . Петромъ Ал., и она де станеть ему челомъ бить, чтобъ онъ надъ нимъ милость показалъ. И онъ кн. Михайло взявъ тѣ золотые, съ Москвы, поѣхалъ сент. 15 или 16, и его де кн. Василья доѣхалъ на Вологдѣ. (73) Стоять на соловецкомъ монаст. подворьѣ. И не доходя де его Васильева двора, на дорогѣ попался Михайлу кн. Васильева человекъ, а сказался Митрею или Микишкою, того не упомянуть. И тотъ де человекъ спросилъ его Михайла въ отдачу дневныхъ часовъ: кто де ѣдетъ? И онъ сказался именемъ своимъ и спросилъ его: къ кн. Василью можно-ль ему дойти? И онъ ему сказалъ, что къ кн. Василью ходятъ многіе люди, и Михайла къ Василью проводилъ черезъ огородъ и черезъ дворъ къ палатамъ; а пристава, капитановъ и стрѣльцовъ онъ не видалъ. А какъ де его проводилъ тотъ человекъ къ палатамъ, Василей Голицынъ вошелъ къ нему Михайлу на крыльцо и тѣ золотые у него принялъ. (74) И что Михайлу изволила в. государыня приказать, чтобъ онъ не печалился, и что станеть объ немъ брату своему бить челомъ ему, Василью сказалъ. И Василей Михайлу говорилъ, чтобъ она в. государыня съ сестрами своими, съ братомъ своимъ. . . Іоанномъ Ал. объ немъ Васильѣ у брата своего милости упросила, чтобъ его пожаловалъ, велѣлъ взять

или остановить на Вологдѣ или на Устюгѣ, а Еренескъ — де городъ бeзлюдный, съ голоду — де умереть; и отпустилъ его. И онъ Михайло поѣхалъ въ вологоцкую деревню и жилъ недѣлю и приѣхалъ къ Москвѣ собою. А какъ де онъ ѣхалъ къ Москвѣ и за Угличемъ на большой дорогѣ встрѣтилъ капитана Степанова, и сказалъ ему государевъ указъ, что велѣно его осмотрять. И осматривалъ и писемъ у него никакихъ не было, и сказалъ ему капитанъ указъ, чтобъ онъ ѣхалъ къ Москвѣ. И кн. Михайла приѣхалъ къ Москвѣ и явился къ Прозоровскому и онъ былъ у в. государя Іоанна Алекс. у руки. (75) А бояринъ кн. И. Б. Троекуровъ, по приѣздѣ его, ни о чемъ не спрашивалъ. А у в. государыни Софьи Ал. не бывалъ, и о приѣздѣ его ей кто извѣстилъ, того онъ не вѣдаетъ. Только какъ была въ Дѣвичь монастырѣ у ней сестра ея в. государыни Марія Ал., а за нею была сестра его Порасковья Зюзина, и она де в. государыня приказывала съ нею Порасковою: слышала де а, что приѣхалъ кн. Михайло, и чтобъ онъ побывалъ у ней. И онъ де Михайло отказалъ: воля де ея и такъ за то ея повелѣніе бѣдствовать. И у ней не бывалъ. А писемъ съ Москвы Голицыну и отъ Голицына къ Москвѣ съ Михайломъ никакихъ не было. (76) Да ноября въ 7 день онъ же Михайло сверхъ прежнихъ своихъ распросныхъ рѣчей въ распросѣ связалъ: съ Москвы де къ кн. В. Голицыну никакихъ писемъ ни отъ кого не послано, а въ мѣшкѣ съ золотыми были ль писма или нѣтъ, того онъ не вѣдаетъ, для того что мѣшокъ былъ запечатанъ. А отъ В. Голицына письмо съ нимъ было послано, а писалъ онъ Василей то писмо крюками, а что писалъ того онъ не вѣдаетъ. А того де писма столбецъ. А какъ де то писмо кн. Василей писалъ онъ Михайло въ то время сидѣлъ съ женою и свохою его Васильевою въ особомъ чужанѣ; только то письмо печаталъ онъ сургучемъ, при немъ Михайлѣ, а подписано было то письмо крюками жъ. А велѣлъ кн. Василей то писмо поднести в. государынѣ Софьѣ Ал., и приказывалъ словами, чтобъ пристава перемѣнить, для того что къ нему не добръ. (77) И тѣ де письма на дорогѣ, по сю сторону Вологды, не доѣзжая Углича, кн. Михайло бросилъ въ огонь для того, везть къ Москвѣ опасался. А видѣлъ де то писмо, какъ бросилъ его въ огонь, стряпчій Ив. Якимовъ, который живетъ у него. А то де письмо сжегъ онъ въ томъ селѣ, гдѣ его встрѣтилъ капитанъ и осматривалъ, а въ то время, какъ его капитанъ осматривалъ, то писмо лежало у него на постояломъ дворѣ, за подголовкомъ; а капитанъ де осматривалъ у него писемъ въ подголовкѣ, а того письма за подголовкомъ не осматривалъ; и отпустя де капитана, то письмо тогожъ числа сросилъ онъ въ огонь. А что де онъ въ прежнемъ распросѣ про то посланное письмо не сказалъ, и въ томъ де онъ предъ в. государи виноватъ: то де онъ учинилъ безпамятствомъ (Л. 65—67).

123—126. *Мишка Шапошниковъ* въ распросѣ сказалъ: сосланъ — де былъ онъ въ ссылку съ женою и съ дѣтьми въ Ерославль за то, что онъ извѣщалъ того жъ полку на пятисотнаго на Василья бурмистра, да на пристава Ак. Васильева съ товарищи въ томъ, что онъ Василей съ товарищи государево жалованье, когда бываетъ имъ столы и погребы, продавали. А денегъ де ему Мишкѣ и инымъ стрѣльцомъ не давали. (124) А какъ де онъ про тѣ столы и погребы сталъ ему Василью говорить у сѣзжей избы и онъ его Мишку билъ и на чепъ сажалъ и руку выломилъ; и онъ де не стерпя тѣхъ побой, сказалъ за собой государево дѣло; а дѣло то за

вишь—М. Анисимовъ, И. Петровъ, В. Мурзенокъ, А. Мартыновъ кабаки открываютъ и табакомъ торгуютъ. И то де дѣло было въ стрѣлцкомъ приказѣ и по тому дѣлу про него, Мишку, розыскивано, а по розыску про него Мишку вины не сказали. А сосланъ де онъ въ Ерославль по Васильеву челобитью бурмистра и в. г. Софія указала ему быть въ Романовѣ полку Еенимова въ рядовыхъ стрѣлцахъ. И августа де противъ 8 числа въ ночи въ Кремлѣ не бывалъ и непристойныхъ словъ ни съ кѣмъ никакихъ не говаривалъ, и не возмущалъ, и стрѣлцкимъ женамъ, у которыхъ мужья были въ Троецкомъ монастырѣ, чтобъ ихъ мужья изъ походу сбѣжали къ Москвѣ, не говаривалъ. (125) А у Ѳедки де Шакловитова взялъ онъ денегъ 10 руб., а даль-де онъ Ѳедка тѣ денги у себя въ хоромѣхъ, а сказалъ что для его разоренья. Да при немъ же де Мишкѣ даль онъ Ѳедка стрѣлцу Д. Лаврентьеву бумагу денегъ, а сколько—того не вѣдано, и говорилъ Ѳедка Демкѣ: мочно ли тебѣ сдѣлать отъ стрѣлцкихъ женъ отписать грамотка къ мужьямъ въ Троицкой монастырь чтобъ они сбѣжали къ Москвѣ, то де онъ Мишка слышалъ отъ него Ѳедки, а его де Мишка Ѳ. Шакловитой послалъ по достальныхъ стрѣлцовъ Сухарева полку, пошли ли де въ Троецкой монастырь. И онъ де провѣдавъ ему Ѳедкѣ сказалъ, что тѣ достальные стрѣлцы на Москвѣ, да для тѣхъ же стрѣлцовъ, для провѣдыванья послалъ его и Оброска Петровъ. А какъ де его поймавъ, повезли въ Троецкой монастырь, и онъ де на понимѣ караулъ не кричалъ и не отбивался. *Сослать съ жестокимъ наказаньемъ*

126. Дмитріева полку Жукова стрѣлецъ *Аеонка Ларионовъ* въ Троицкомъ монастырѣ явился собою. А въ извѣтѣ пятисотнаго Лариона Елнгарьева на него Аеонку написано: во 195 г. авг. въ 18 числѣ призывалъ его Аеонку Шакловитой на загородной дворъ, да Боряску Дмитріева съ товарищи, и говорилъ, чтобъ имъ сент. де 1-го числа 197 г. какъ изволятъ в. государи въ возобновленіе новаго лѣта выдти къ дѣйствию изъ тѣхъ полковъ приготовить стрѣлцовъ человекъ по 50 и по 60, и побрать де боярина Лва Кириловича съ братьями и посадить за караулъ; а сухаревскимъ стрѣлцомъ приказалъ, чтобъ въ то время для того дѣла Кремль они заперли, а прежь сего за день Ѳедка его призывалъ и сказалъ ему государеву милость и службу ихъ похвалилъ. И дано-де имъ было за то денегъ по 5 руб., а денги давалъ Ѳедка и въ тѣхъ де полкѣхъ, которые къ тому были призваны, своей братьѣ велѣлъ сказывать и давали имъ по 2 руб. человекъ (Л. 74—6).

СВИТОКЪ № 9-й.

Столбцы 9—10. *Челобитые Неплюева*. В. государемъ Иоанну Алексѣевичу и Петру Алекс.. бьетъ челомъ холопко вашъ Левка Неплюевъ. Служилъ, холопъ вашъ, отцу вашему блаженной памяти... Алексію Мих... и Ѳедору Ал... и вамъ в. государемъ со 162 г. въ редовыхъ и въ городѣхъ, въ осадѣхъ и съ полками въ воеводахъ ваши, в. государей, многіе службы чистою моею душою и незазорною совѣстью всеусердно. И въ тѣ вышепомянутые годы моею, холопа вашего, службою въ полковыхъ и въ осадныхъ, и въ посолскихъ дѣлахъ, и съ гетманами вашему... имая къ повышенію, и вашей державѣ къ приращенію и къ расширенію мно-

гіе учинилъ дѣла, и малороссійскаго народу все духовенство царствующаго града Москвы ко благословенію св. патріарха прилучилъ. А во 190 г., когда ты в. государь, Петръ Алексѣевичъ... по пресѣленіи брата своего блаженной памяти Феодора Алексѣевича воспріялъ московск. царствія скипетръ, и въ то время будучи де въ Сѣвску, по подлиннымъ вѣдомостямъ къ гетману писалъ, чтобы они старшина и полковникъ съ московскими стрѣльцы, тебѣ в. государю цѣловали крестъ немедленно, потому что на Москвѣ почалось смѣтеніе. И по моемъ, холопа вашего, писму, гетманъ и старшина, и столникъ и полковникъ Максимъ Лупандицъ съ пятидесятники, къ тебѣ в. государю... Петру Алексѣевичу... крестъ цѣловали, и о томъ писано въ приказѣ Малыя Россіи. Да во 191 г., по общему совѣту съ гетманомъ, будучи я на Москвѣ, вамъ в. государемъ и сестрѣ вашей доносилъ, которые во 190 г. разграблены и посланы въ ссылки и паки во царствующій градъ Москву возвращены-бъ и пожитки ихъ отданы-бъ были; да къ тому жъ и излишнюю вашу государскою милостію наградились, потому что то разграбленіе изъ ссылки воспріяли безвинно, и послѣ того изъ ссылки многіе взяты къ Москвѣ. А со 190 г. въ Сѣвску и на вашихъ в. государя службахъ и на Москвѣ, будучи вамъ и всему вашему государскому дому, служилъ съ великимъ моимъ усердіемъ, безо всякого и въ мыслѣ моей подозрѣнія и преткнанія; и въ малороссійскихъ городѣхъ, гетмановъ и старшину отъ плевелосѣятельныхъ словъ отводилъ и подъ вашу в. государей самодержавную руку передъ прежнимъ покорныхъ и послушливыхъ, и подобострастныхъ привелъ. И сент. въ 9 день нынѣшняго 198 г. по вашему... указу, отнята у меня честь и посланъ въ Пусты-озерской острогъ; а деревни и выслуга отца Романа Ив. и мои помѣстные и вотчинные указано отписать на васъ, в. государей, а за то, что будто я, будучи на вашей службѣ, въ Сѣвску, обиды и налоги чинилъ; и въ Сѣвску будучи въ полковыхъ и въ грацкихъ дѣлахъ, многіе учинилъ прибыли и вновь построилъ посадъ; да при мнѣ жъ въ Сѣвскомъ уѣздѣ прибыли передъ прежнимъ близко тысячи дворовъ. И хлѣбомъ, и лошадми, и скотиною сѣвскіе и уѣздные жители при моемъ бытіи передъ прежнимъ изобилство имѣютъ премногое; а обиды и налогъ я, холопъ вашъ, тамъ отнюдь никому не чинилъ.—Милосердые в. государи... пожалуйте меня для своего в. государей, и для всего своего государскаго дому, многолѣтнаго здравія за мои сиротскіе премногія службы, не ведите дворнишка моего и пожитковъ, и деревнишекъ у меня отписывать, и ведите женишекъ моей Манвѣ жить на моемъ московск. дворѣ, и уважите выслуженными отца моего Романа Ив. и моими деревнями ей бѣдной владѣть, а меня въ тотъ самой дальній и всякою скудостію и голодомъ и немѣрною стужою преумноженной городъ, не ведите посылать и ведите мнѣ быть, гдѣ вы уважете въ иномъ городѣ, чтобы мнѣ въ подошлые мои лѣта къ старости и на вашихъ службахъ, отъ усердія моего утружденному, въ той дальней и всякими недостатками презобилной сторонѣ, невинну безгодною смертію не умереть, а женишекъ моей бѣдной паче всякіе вдовы горко осиротѣлой, и при ней будучи съ людishками моими, голодною и вужною и бездомною не умереть смертію! Или ведите в. государи... послать меня на вашу службу въ тѣ мѣста, въ которыхъ мнѣ, холопу вашему, за Божіе и за ваше государское достоинство, взять мою кровь и положить мою голову. В. государи, смилюйтеся, пожалуйте! (Л. 745—6).

80—86. В. государемъ... Иоанну и Петру Алекс.... бьетъ челомъ холопъ вашъ бѣдной и сирой, беззаступной и безплеманной Л. Неплюевъ. Служилъ я отцу вашему.... и брату вашему.. 37 дѣтъ, былъ на вашихъ службахъ въ дву литовскихъ да въ нѣмецкомъ походѣ; а со 195 г., въ Сѣвску, въ Переяславлѣ, въ Киевѣ, и въ иныхъ многихъ малороссійскихъ и бѣлогородцкаго полку, въ городѣхъ воеводоку; въ осадахъ и въ полкахъ служилъ ваши многіе службы, чистою моею душою и незазорною совѣстію, преспѣвая сверстникѣхъ моихъ, излично и всеусердно. И въ тѣ вышешюманутые годы моею службою изъ подѣ Турка взаты городъ Ржищевъ съ осмью городами, и Заднебръская сторона безъ остатку (81) запустошено, для котораго запустошенія въ малороссійскомъ краю и воднесь имѣется тишина; да и въ иныхъ многихъ полковыхъ и въ осадныхъ и посольскихъ дѣлахъ, и съ гетманы на сѣздѣхъ вашему в. государя имени къ повышенію, и в. государемъ державѣ къ приращенію, и къ разширенію прибыльные многіе учинилъ дѣла, и малороссійскаго краю все духовенство, гетмана и старшину, и посполство многочисленный народъ отлученныхъ съ 460 лѣтъ царствующаго града Москвы, св. патриарха подѣ благословеніе прилучилъ его 190 г. когда ты, в. государь... Петръ Ал...: по преселеніи брата своего... воспріалъ московск. царствія скипетръ. И то время, будучи на службѣ въ Сѣвску по подлинной вѣдомости, о воспріятіи твоего царства въ Батуринѣ къ гетману писалъ, чтобъ онъ старшина и полковникъ съ московскими стрѣльцами, тебѣ цѣловали крестъ немедленно, потому что на Москвѣ почалось смѣтеніе, и по моему писму, гетманъ и старшина, и столникъ, и полковникъ М. Лупандинъ, и стрѣльцы тебѣ в. государю... крестъ цѣловали, о томъ писано въ приказѣ Малая Россія. Да во 191 г., по общему совѣту съ гетманомъ, будучи я холопъ вашъ на Москвѣ, вамъ и сестрѣ вашей доносилъ: которые во 190 г. розграблены и посланы въ ссылку, и паки во царствующій градъ Москву возвращены пожитки ихъ отданы; да къ тому жъ и излишнюю вашу милостію награжены-бъ были, потому что розграбленіе и ссылка имали безвинно, и послѣ того многіе къ Москвѣ взяты. А со 190 г., въ Сѣвску и на службахъ и на Москвѣ будучи, я вамъ и всему вашему государскому, святому и высокому и преночтенному дому служилъ, съ великимъ моимъ тщаніемъ безо всякаго ни во снѣ, въ мыслѣ моей подозрѣнія и претыванія; и въ малороссійскихъ городахъ, гетмановъ и старшину, отъ плевелосѣятельныхъ словъ самую истинною увѣщавая,—отводилъ; и подѣ вашу самодержавную руку передѣ прежнихъ покорныхъ и послушавшихъ, и подобострастныхъ привелъ, и въ Сѣвску, въ полковыхъ и градскихъ дѣлахъ, и въ отпускахъ хлѣбныхъ и денежныхъ зборѣхъ, и въ полковыхъ припасѣхъ многотысечныя учинилъ прибыли; и вновь построилъ посадь. Да при мнѣ жъ въ сѣвскомъ уѣздѣ предѣ прежнимъ прибыло близьо 1000 дворовъ, и хлѣбомъ, и лошадами, и скотною, сѣвскія и уѣздныя жители, и всякими домовыми пожитками передѣ прежнимъ имѣютъ изобилство премногое. Да во 195 г., на в. государей... службѣ въ крымскомъ походѣ, отъ Крыму въ ближнихъ мѣstechъ, съ солтаны крымскими имѣлъ два боя, на которыхъ тѣ бусорманскія силы збиты, и съ убыткомъ срамнымъ поворотились во свои жилища. Да въ томъ же походѣ запорожцевъ и городовыхъ отъ смѣтенія унялъ, и старшину съ рядовыми, которые вамъ служили, отъ убойства бунтувскаго охранялъ, и весь малороссійской край успокоилъ. Да во

196 г. по вашему указу, близво вратъ крмскихъ постронъ я гор. Но-
вобородицкой. И сент. въ 9 день 198 г. отвята у меня честь и по-
славъ въ Пустозерской острогъ; а деревни и выслуга отца моего Ром-
Ивановича, и мои поимъстные и вотчинные указано отписать на васъ в
государей за то, что бутто я въ Сѣвску тамошнимъ жителямъ обиды
и налоги чинилъ. Да сентабря-жъ въ 25 день прислана ваша грамота къ
столнику Б. Д. Петесову. А по той вашей грамотѣ велѣво меня ему
Борису въ ссылку дуть въ Колу, а рухлядишку мою, которая со мною, от-
писать на насъ в. государей. И по вашему указу на Вологдѣ рухля-
дшка вся, которая была со мною, на васъ отписано, а мнѣ, бѣдному и
всякою нищяго худѣйшему, по вашей в. государей... милости, на проши-
таніе толко дано изъ той моей рухляди по немалой цѣнѣ 300 рублей.
И нояб. въ 13 день привезевъ, да со мною людшекъ моихъ 5 чело-
вѣкъ, въ Колу и отдавъ за караулъ, умарая голодною и всякою нуж-
ною въ горести думы моей нищетою; потому которая мнѣ, холопу ва-
шему, дана рухлядишка продать и заложить въ томъ городѣ, ни самую
малую цѣною—некому, а Христовымъ имянемъ въ такомъ далномъ и
безхлѣбномъ мѣстѣ пропитаться не возможно. Милосердые, в. государи...
пожалуйте меня, холопа своего, для своего и всего государскаго пре-
высокого дому, многолѣтнаго здравія и за мои сиротскія и многотруд-
ныя, и вашей державѣ прибыточныя службы, велите быть женишкѣ моей
Манкѣ на Москвѣ, и жить на моемъ дворишкѣ, и выслуженными отца
моего Романа Ивановича, и моими деревнями ей бѣдной съ людшками
для прокормленія владѣть; а меня изъ столь дального и всякою скудо-
достію, преумноженного города взять и перевезть ближе ко царствующе-
му граду Москвѣ въ иной городъ, чтобъ мнѣ въ подошле мои лѣта къ
старости, и на службахъ утружденному, и не малыя болѣзни имѣюще-
му, въ той далней и всякими недостатками прензболной сторонѣ нуж-
ною и голодною, паче всего отъ вашего государскаго лнца отдаленному,
безгодною и напрасною не умереть смертью; (86) а женишкѣ моей бѣд-
ной, паче всякіе вдовы горко осиротѣлой, и при ней съ будущими лю-
дшками голодною и нужною и бездомною не умереть смертію-жъ; или
укажите, в. государи, меня послать на свою службу не токмо начал-
нымъ и въ самомъ низкомъ чинѣ, въ тѣ мѣста, въ которыхъ за имя Бо-
жіе и за ваше государское достоинство, излить кровь и положить голо-
ву. А я, холопъ вашъ, кромѣ самого Бога, къ вамъ помощника не имѣю.
В. государи, смилуйтеся! (Л. 770—72).

Столбцы переимѣнаемые. Листы 87—92. Великимъ государемъ
царемъ и в. княземъ Іоанну Ал., Петру Ал. самодержцемъ, холопи ваши
Иванки Чаадаевъ съ товарищи челомъ бьютъ. Въ вышнемъ, государи,
въ 199 году февраля въ 8-й день, по вашему в. государей указу, и по
наказу изъ приказу розыскныхъ дѣлъ, велѣво намъ, холопомъ вашимъ,
въ Еренску князя Василья Голицына противъ распросныхъ рѣчей черн-
ца Іосифа, что нынѣ растрига Иваша, и противъ извѣтъ капитана мос-
ковскихъ стрѣльцовъ Василья Сапогова, и по писму вора и измѣнника
Федки Шакловитова, и по распроснымъ же рѣчамъ единомышленниковъ его
Федкиныхъ, Оброски Петрова съ товарищи, и иныхъ разныхъ чиновъ
людей, которые говорили на него князь Василья о измѣняныхъ дѣлахъ
многіе стати, сказавъ ему, по наказу, вашъ в. государей указъ по всѣмъ ста-
тямъ, каковы написаны въ наказѣ, и про грамотки его князь Василье-

вы, каковы онъ писалъ изъ крымскаго походу къ Оедкѣ Шакловитому, также и сына его князь Васильева, князь Алексѣя, противъ писма, какво писалъ онъ къ нему отцу своему, князь Василью, и скрытно распросить, а животы ихъ для вѣдома переписать. А буде они вѣда въ томъ вину свою, учнуть заpiresя, и той вины своей къ вамъ великимъ государемъ не принесуть, и по вашему великихъ государей указу велѣно ихъ и растригу Ивашку распросить съ пристрастиемъ, а людей ихъ, которые по тому дѣлу приличатся, и пытать, также и Павла Скрабина и капитановъ и караульщиковъ, у которыхъ онъ князь Василей за сторожею, распросить же, да о томъ къ вамъ в. государемъ писать, и тому всему учиня статеинной списокъ со всякою подлинною вѣдомостію, за дьячьею подписью, прислать къ вамъ в. государемъ къ Москвѣ; и потому вашему в. государей самодержцевъ указу, въ Еренской, мы холопи ваши, приѣхали февраля въ 12, и того жъ часа, котораго мы, холопи ваши, приѣхали, князь Василья и сына его князь Алексѣя Голицыныхъ, взявъ ихъ въ приказную избу къ сказкѣ и къ распросу, и къ розыску. И въ то время, какъ они взяты въ приказную избу, животы ихъ и письма пересмотрели и переписали, а ихъ, князь Василья и князь Алексѣя, сказавъ имъ вашъ в. государей указъ, и Павла Скрабина, и капитановъ, и караульщиковъ, которые въ то время у нихъ, князь Василья и князь Алексѣя, стояли на караулѣ, спрашивали порознь и очныя ставки давали и разыскивали всякими розыски, и тѣ распросныя рѣчи и очныя ставки за ихъ руками, и изъ нихъ выписку и животамъ роспись въ тетратехъ послали мы холопи ваши, къ вамъ в. государемъ... самодержцемъ, столника и полковника Семенова полку Кровкова съ пятисотнымъ съ Мишкой Петровымъ февраля въ 26, и велѣли подать въ приказѣ розыскныхъ дѣлъ боярину Тихону Никитичу Стрешневу съ товарищи.

199 году февраля въ 23 день, по указу вел. государей самодержцевъ, и по наказу изъ приказу розыскныхъ дѣлъ въ Еренску въ приказной избѣ передъ околичимъ Ив. Ив. Чаадаевымъ, передъ думнымъ дьякомъ Автономомъ Ив. Ивановымъ, да передъ дьякомъ Григоріемъ Молчановымъ, князь Василей и сынъ его князь Алексѣй Голицыны спрашиваны по статьямъ, каковы статьи написаны въ наказѣ порознь; а въ распросѣ сказали: князь Василей сказалъ. Старецъ де Юсифъ, что ниѣ растрига Ивашку, у него князь Василья въ Еренску въ прошломъ во 198 и въ нынешнемъ во 199 году не былъ, и не тольво чтобы у него былъ, и имени его на Москвѣ не слыхалъ, и такихъ словъ, которые на него онъ Ивашка въ распросѣ сказалъ, не говаривалъ, и ни кому не приказывалъ, и въ мысль де его такова дѣла не вмѣщалось, и на передъ сего, онъ князь Василей ни кого ни съ чѣмъ съ письмами и словеснымъ приказомъ изъ Еренска ни къ кому не посылавалъ. И растригъ Ивашкѣ съ княземъ Васильемъ, дана очная ставка. А на очной ставкѣ растрига говорилъ ему князь Василью въ лицо прежнія рѣчи, что и въ распросѣ сказалъ, что онъ у него, князь Василья, въ Еренску былъ передъ Покровомъ; и такія де слова онъ князь Василей съ нимъ Ивашкомъ къ боярину ко князю Борису Алексѣевичу Голицыну, чтобъ его князь Василья поберегъ съ годъ, и что в. государю царю Петру Алексѣевичу жать годъ, приказывалъ, и денегъ ему Ивашку, онъ князь, Василей сорокъ алтынъ далъ. А привелъ де его растригу, къ нему князь Василью, чело-

вѣтъ его, сказался Ивашка; а шпелся де съ нимъ у церкви; и того человека, который его приводилъ къ нему, князь Василью, и дву человекъ, которыхъ онъ князь Василей изъ избы передъ себя выслать, онъ растрига въ лицо узнаеть, и дворъ, на которомъ онъ въ Еренску ночеваль, и хозяина въ лицо жъ узнаеть; а имена де того хозяина не помнитъ. А къ церкви де пришель онъ къ вечерни въ холодную. А князь Василей на очной ставкѣ говорилъ прежнія свои рѣчи, что тотъ старецъ у него князь Василья въ Еренску не бываль, и человекъ своего по него не посылаль, и призывать къ себѣ не велѣль, и словъ съ нимъ къ Москвѣ ни къ кому никакыхъ не приказываль, и денегъ ему не даваль.

И билъ челомъ в. государемъ, онъ князь Василей, чтобы в. государи пожаловали его, велѣли о томъ милостиво розыскать еренскими городскими жителя и священниками и церковники, которые въ то число въ той церкви у вечерни были и хозяиномъ, у котораго онъ свазаль ночеваль, и велѣли бѣ его старца распросить, откуда онъ въ Еренской пришель, и которою дорогою; и у Соли-Вычегоцкой онъ былъ ли, и у кого онъ у той Соли ночеваль, и отъ Соли какимъ путемъ, сухимъ ли или водою шель, и кто въ томъ пути его видѣль. А растрига сказаль: къ Соли де Вычегоцкой пришель онъ съ Устюгу Великаго, а у Соли онъ не ночеваль, и ни къ кому дорогою идучи до Еренска не приставаль, и въ Еренской де шель онъ сухимъ путемъ деревнями и лѣсомъ, а на Устюгъ де онъ пришель изъ Кевролскаго уѣзду отъ Ортемія Верколскаго чудотворца и хотѣль идти къ Соли Камской. И околичій Иванъ Ивановичъ съ товарищи его растригу спрашивали въ Еренску двory, гдѣ онъ стояль и хозяина, и на который дворъ сказаль, приводилъ его къ князь Василью, узнаеть ли. И онъ растрига сказаль, что тѣ двory, на которыхъ онъ стояль и хозяина, и на который дворъ приводили къ князь Василью узнаеть. И для узнаванья тѣхъ дворовъ, онъ растрига посланъ съ столникомъ и полковникомъ съ Семеномъ Кровковымъ, да съ подъячимъ съ Аристархомъ Кузминимъ, да полку его Семенова съ стрѣльцами съ Петрушкою Андрѣевимъ, съ Васкою Микитинимъ, съ Васкою Михайловимъ, съ Ивашкою Тихоновимъ. И полковникъ, и подъячей, и стрѣльцы, пришедъ, къ околичему Ивану Ивановичу съ товарищи свазали: что тотъ растрига указаль дворъ воеводскій, гдѣ стоятъ Павелъ Скрыбинъ, а не тотъ, гдѣ стоитъ князь Василей Голицынъ; а что сказаль хозяйскій дворъ, и на томъ дворѣ стоятъ капитаны съ караульщиками, а хозяина не указаль. А полковникъ сказаль ему, что на томъ дворѣ караульные капитаны Смирной, Апушкинъ да Лазарь Восалтановъ, и караульщики сказали, что де тотъ дворъ караульный, и стоятъ на томъ дворѣ они съ того времени, какъ привезенъ князь Василей Голицынъ безперемѣнно, а хозяина де на томъ дворѣ нѣтъ, толко живеть одна баба слѣпая издавна, и стояльщики никто не ставятся. И та баба съ того двора взята въ приказную избу, а въ распросѣ сказала: вдова Марѣнца Дѣвская, жена Григорьева, а мужъ де ея умре тому лѣтъ съ шесть, а иного де хозяина на томъ дворѣ не было, а чернецъ де на томъ дворѣ у нее не бываль и не ночеваль, а стоятъ де на томъ дворѣ капитаны и караульщики тому другой годъ.

И околичей Иванъ Ивановичъ съ товарищи того растригу спрашивали. Сказаль онъ въ распросѣ своемъ, что онъ у князь Василья былъ, и дворъ его знаеть, также и стояльнй дворъ, гдѣ онъ растрига стояль,

хозяина узнаеть и тѣ дворы указать. А указалъ онъ дворъ воеводскій, и хозяйскій дворъ, гдѣ стоятъ капитаны и караульщики. И растрига Ивашка сказалъ: двора де онъ князь Васильева не узналъ, а воеводскій дворъ указалъ, для того, что былъ у князь Василья поздно, а про хозяйскій дворъ сказалъ, что онъ совершенно на томъ дворѣ ночевалъ, и хозяинъ де на томъ дворѣ съ женою и съ дѣтьми былъ самъ третей, а посто-явъ сказалъ: сказалъ де онъ про то безпамятно, для того что онъ рас-трига иступаетъ ума. И былъ челомъ в. государемъ князь Василей Голи-цынъ, чтобъ государи пожаловали, не велѣли тому растригѣ воровскому составу повѣрять, потому что его ватѣйка стала знатна. Сказалъ де онъ растрига, что на дворѣ у него былъ, и дворъ знаетъ, а привелъ къ вое-водскому двору, а воеводскій де дворъ отъ его князь Васильева постоя-лаго двора въ не маломъ разстояніи на берегу рѣки Кижмы, и стоитъ де онъ на томъ дворѣ съ приѣзду безперерменно. Также и хозяйскаго дво-ра не узналъ и привелъ гдѣ, стоялцы не ставятся, а стоятъ караулъ. И съ бабою Марѣпцею дана ему очная ставка. А на очной ставкѣ баба его уличала, что онъ, старецъ, у ней не бывалъ, и хозяина на томъ дво-рѣ много не бывало, и вѣдаютъ де про то всѣмъ городомъ, что тотъ дворъ ея, а мужа ея не стало шесть лѣтъ; а стоять де на томъ дворѣ ка-раульщики другой годъ. А растрига говорилъ свои прежнія рѣчи, что онъ былъ на томъ дворѣ, и хозяинъ у ней былъ. Да растригѣ же Иваш-кѣ князь Васильевы люди Голицына, которые съ нимъ въ Еренску сыска-ны, всѣ до одного человѣка, и предъ растригою, для опознаванія тѣхъ людей, которые его привели и которые передъ нимъ стояли ставлены, и онъ растрига, смотря на тѣхъ людей много, указалъ изъ нихъ на одно-го человѣка, и сказалъ, что де на дорогѣ стрѣтился съ нимъ и въ князь Василью Голицыну привелъ его тотъ человѣкъ, котораго онъ указалъ, а дву человѣкъ, которые стояли передъ князь Васильемъ и всламы вонъ, смотря на людей сказалъ, что онъ тѣхъ двухъ человѣкъ узнать не мо-жетъ. И тотъ человѣкъ, на котораго тотъ старецъ указалъ, принять и спрашивать, и въ вопросахъ сказался Серешкою зовуть, Евтѣевъ сынъ онъ Боевъ, и Ивашки де растриги, который на него указалъ, онъ не знаетъ, и старца никакого онъ передъ Покровомъ и послѣ Покрова не ви-далъ и къ князь Василью не прихаживалъ, и отъ князь Василья де ему такого приказу, чтобъ къ нему кого приводить, не бывало. И тому чело-вѣку съ растригою дана очная ставка; а на очной ставкѣ растрига того человѣка уличалъ, что де съ нимъ растригою за церковью на площади стрѣтился и къ князь Василью звалъ тотъ человѣкъ; а сказалъ де ему Ивашкою зовуть. А человѣкъ Серешка сказалъ прежнія свои рѣчи, что онъ такого старца въ Еренску не видалъ и не встрѣчался, и къ князь Ва-силью его не приводилъ. И растрига Ивашка, и князь Васильевъ чело-вѣкъ Серешка, отданы полковнику Семену Кровкову, и велѣно ихъ дер-жать за карауломъ порознь.

Да того жъ числа воевода Павелъ Скрибинъ и капитаны и карауль-щики спрашиваны порознь, а въ распросѣ сказали:

Павелъ Скрибинъ: по указу де вел. государей велѣно ему быть у князь Василья въ приставѣхъ, и къ князь Василью де никакихъ лю-дей пропускать не велѣно, и онъ де Павелъ по наказу капитаномъ мос-ковскихъ стрѣльцовъ, Смирному, Апушкину, да Лазарю Босолтанову и караульщикомъ приказывалъ, чтобы они къ нему, князь Василью, ни-

кого не пропускали, а вторые де люди для продажи съѣстныхъ запасовъ къ нему князь Василью прихаживали, и тѣхъ де людей приказывалъ онъ пропускать и расплату чинить при капитанахъ и при караульщикахъ, а безъ капитановъ и караульщиковъ никого пропускать не велѣлъ, да и самъ де онъ Павелъ надъ ними подсматривалъ по часту. Да и по рѣкѣ по Вычегдѣ поставлены у него отхожіе караулы въ четьрехъ мѣстахъ, чтобъ безъ вѣдома его никого не пропускать, и въ лѣтнее время, опрчь водянаго пути, сухимъ путемъ никто не ѣздить и не ходить и такого сухаго пути ни откуды къ Еренску вѣтъ, и отъ Соли-Вычегодской къ Соли-Камской черезъ Еренскъ прохожимъ людямъ не дорога, потому де, кому лучится идти изъ Еренска къ Соли-Камской, и они ходять черезъ Вычегодскую же Соль и черезъ Каѣ городокъ и такого прохожева чернца до Покрова и послѣ Покрова 199 году и николи онъ Павелъ не видалъ, а естлибъ онъ явился и мірскому какому прохожему человѣку, и онъ бы де въ Еренску ему Павлу явился, или бы того прохожаго поймавъ, его къ нему привели, для того что поставлены караулы, и утаяться де прихожему человѣку и пройти къ князь Василью Голицыну за тѣми кароуды ни которыми дѣлами невозможно.

Капитаны Смирной и Апушенинъ сказали: того де чернца они въ Еренску не видали и къ князь Василью не пропускавали, а отъ Павла де Скрябина такой приказъ, чтобъ никакихъ людей къ князь Василью не пропускать—былъ, а съѣстной всякій запасъ велѣно покупать при нихъ, а не объявляя на караулѣ, ни съ какимъ харчемъ не пропускавали. А Лазарь Болсотановъ сказалъ тѣжъ рѣчи, что такого чернца онъ въ Еренску не видалъ, и къ князь Василью не пропускалъ, и приказъ ему отъ Павла Скрябина, чтобъ никого къ князь Василью безъ ихъ вѣдома не пропускать—былъ.

А кароульщики: Томилю Лукьяновъ, Ивашко Андрѣевъ, Оомка Коршунновъ, Левка Дементьевъ, Кондрашико Петровъ, Нестерка Аваньянъ, Ивашка Максимовъ, Емелка Григорьевъ, Сенка Петровъ, Ивашко Петровъ, Ивашка Власовъ, Еленишка Анцѣоровъ, Петрушка Павловъ, Оска Лукьянъ, Пашка Комаровъ, Ивашка Сергѣевъ, Васка Костинъ, Мишка Гурьевъ, Пашка Емельяновъ, Левка Андрѣевъ, Оска Осиповъ, Гришка Бабьевъ, Ивашка Осиповъ, всего двадцать три человѣка, которые стоятъ на караулѣ сентября съ 1-го числа нынѣшняго 199 году, распрашиваны порознь, а въ распросѣ сказали: стоять де они на караулѣ у князь Василья Голицына сентября съ 1 числа нынѣшняго 199 году, и по приказу де Павла Скрябина, къ нему князь Василью пропускать имъ никакихъ людей не велѣно, а прихожева де чернца они до Покрова и послѣ Покрова нынѣшняго 199 году и николи не видали, и къ нему князь Василью не пропускали и растригъ Ивашкѣ съ Павломъ Скрябинимъ и съ капитаны и съ вышешисанными кароульщиками даны очныя ставки. А на очныхъ ставкахъ растрига Ивашка говорилъ, что де онъ у князь Василья былъ, а капитановъ и кароульщиковъ не видалъ, а провелъ де его тотъ человѣкъ, котораго онъ опозналъ, а Павелъ Скрябинъ, и капитаны и кароульщики сказали, что они того чернца въ Еренску николи не видали и къ князь Василью не пропускали, и на дворѣ де, гдѣ онъ растрига сказалъ-ночевалъ, стоять они капитаны и кароульщики другой годъ дено и ночью, а на томъ де дворѣ одна баба, а хозяина нѣтъ, и быть де

было ему въ томъ дворѣ и ночевать не возможно, потому что стоять въ немъ они капитаны и караульщики.

И февраля въ 24 день по указу в. государей и по приказу околничаго Ив. Ив. Чаадаева съ товарищи, того растригу Ивашку и князь Васильева четовѣка Голицына Серешку, на котораго растрига указалъ, велено для распросу привести въ застѣнокъ, и какъ ихъ въ застѣнокъ повели, и полковникъ Семень Кравковъ, пришелъ въ приказную избу, околничему Ивану Ивановичу съ товарищи сказалъ, какъ де того растригу велѣ къ застѣнку, и онъ говорилъ ему Семену: гдѣ де околничей Иванъ Ивановичъ да думный дьякъ Автамонъ Ивановичъ? и онъ де Семень у него Ивашки растриги спросилъ, для чего ты ихъ спрашиваешь, и онъ де ему сказалъ: „извѣсти де имъ, что вину свою в. государемъ онъ растрига приносить; въ Еренску де онъ не былъ и князь Василья не видалъ.” А тѣ де слова говорилъ онъ растрига ему полковнику при капитанехъ и стрѣльцахъ. А капитанъ Иванъ Бордодатой и стрѣльцы: пятисотной Михайло Петровъ, Исайка Карповъ, Васка Михайловъ, Ивашка Гарасимовъ, Петрушка Ивановъ, сказали, что растрига Ивашка вину свою в. государемъ приносилъ и къ околничему къ Ивану Ивановичу съ товарищи, что онъ растрига въ Еренску не былъ и князь Василья Голицына не видалъ, съ полковникомъ съ Семеномъ Кравковымъ, приказывалъ при нихъ, и по тѣмъ ихъ сказкамъ онъ Ивашка взять въ приказную избу и распрашивать, а въ распросѣ сказалъ: „Виновать де онъ предъ в. государи, что де онъ на Москвѣ въ распросѣ и передъ бояры въ застѣнкѣ у пытки и въ Еренску на очныхъ ставкахъ сказалъ, что будто онъ въ Еренску у князь Василья Голицына былъ, и будто князь Василей послалъ его къ князь Борису Алексѣевичу, и велѣлъ ему сказать, чтобъ онъ его поберегъ съ годъ, а в. государю Петру Алексѣевичу самодержцу только годъ жить. И то де всѣ и слова сказалъ онъ боярину князь Борису Алексѣевичу на него князь Василья, затѣявъ отъ безумства своего, а что онъ на опознаваемыхъ людей князь Васильевыхъ указалъ, на челоуѣка его Серешку, и то де онъ на него сказалъ напрасно жъ, потому что онъ въ Еренску не бывалъ и князь Василья Голицына не видалъ и словъ отъ него никакихъ не слышалъ и денегъ у него не имывалъ. А жилъ онъ растрига въ каргополскомъ уѣздѣ въ Крестномъ монастырѣ лѣтъ при архимандритѣ Юсифѣ, и въ прошломъ де въ 198 году, въ Филиповъ постъ, архимандритъ Юсифъ для монастырскихъ дѣлъ поѣхалъ къ Москвѣ, а въ томъ де монастырѣ остались келарь Памва да казначей черной попъ Пароеней. И онъ растрига съ ихъ келарскаго и казначейскаго вѣдома, въ прошломъ въ 198 году въ августѣ до Успенья Пресвятыя Богородицы за два дни изъ того монастыря пошолъ къ городу Архангельскому возлѣ моря, и у Архангельскаго города жилъ на Кириловскомъ подворь; а дворникъ на томъ подворь бѣлецъ, лѣтъ въ 50, а какъ его зовутъ, того не упомянуть. А отъ Архангельскаго де города пошолъ проходомъ колмогорскаго жъ уѣзду въ Онтоньевъ Сійской монастырь; и того де монастыря игуменъ Варооломей велѣлъ ему быть въ кельѣ у уставшика Тихона; а изъ того де монастыря пошолъ онъ того жъ монастыря съ старцемъ Саватиємъ въ кавролской уѣздъ къ Ортемию Верхолскому чудотворцу; а изъ того монастыря пошли съ тѣмъ старцемъ къ Устюгу Великому, и не дошедъ до Устога версты за 10, тотъ старецъ Саватій отъ него отсталъ, а сказалъ, что пошолъ въ новгородскіе предѣлы, а онъ де Ивашка пошолъ къ Устюгу, а на

Устюгъ де онъ ни у кого не останавливался и не дневалъ, шоль проходомъ. А съ Устюга де пошелъ онъ въ важской уѣздъ, въ монастырь препод. отца Варламія, отъ Шенкурскаго верстъ съ 8, и бывъ въ томъ монастырѣ у игумена въ кельѣ, а помнится де, что того игумена Іоною зовуть. А изъ того монастыря пошолъ черезъ Шенкурской же къ Вологдѣ, и на Вологдѣ нанявъ подводу пріѣхалъ въ Ярославль, и въ томъ городѣ стоялъ на постояломъ дворѣ у посадскаго человѣка у Ивана Зилантѣева, и въ праздникъ де Рождества Христова въ Ярославлѣ въ Спаскомъ монастырѣ у архимандрита Гаврила взялъ хлѣба и рыбы, и нанявъ подводу поѣхалъ къ Москвѣ, и пріѣхалъ канунъ Богоявленіева дни и пришелъ къ боярину ко князю Борису Алексѣевичу Голицыну на дворъ, и сказывалъ ему, князь Борису Алексѣевичу, выщеписанные слова, что онъ въ Еренску былъ и князь Василья Голицына видѣлъ, ему князь Борису Алексѣевичу сказывалъ затѣвъ.—И растрига Ивашка спрашиванъ, въ первомъ своемъ распросѣ и на очныхъ ставкахъ въ Еренску говорилъ, что онъ въ Еренску не былъ и князь Василья не видалъ, и тѣ свои рѣчи для чего онъ перемѣнилъ, не по подсылкѣ-ль отъ кого и не по наученью-ль чьему, и чтобъ онъ про то подлинно сказалъ, какъ было. И растрига сказалъ: „вину де свою къ Богу и къ нимъ вел. государемъ приносить, памятуя Бога и смертний часъ, что онъ въ Еренску не бывалъ, и на князь Василья Голицына затѣялъ напрасно, а подсылки де къ нему ни отъ кого и наученія ничего не было.“ И привоженъ онъ роспои къ пыткѣ и въ застѣнѣхъ у пытки спрашиванъ съ пристрастіемъ; а въ распросѣ сказалъ, что въ Еренску не бывалъ и на князь Василья затѣялъ напрасно, а что де онъ и на Москвѣ въ застѣнѣхъ передъ бояры говорилъ, что будто въ Еренску былъ и князь Василья видѣлъ, и то де онъ клепалъ напрасно-жъ, и въ той де его винѣ волны великіе государи. И послѣ распросу подманъ и на вискѣ спрашиванъ же впрямь, не было-ль къ нему отъ кого какой подсылки и наученія, что онъ тѣ свои рѣчи перемѣнилъ. И онъ Ивашка на вискѣ говорилъ, что де подсылки и наученія къ нему ни отъ кого не было, а приносить де онъ вину свою къ вел. государемъ, помня смертний часъ, что онъ въ Еренску не бывалъ и князь Василья не видалъ, а къ боярину, ко князю Борису Алексѣевичу, на Москвѣ онъ приходилъ, и такіе слова ему сказывалъ, затѣявъ собою, чтобъ онъ былъ къ нему добръ. А и человѣка де его, князь Васильева, котораго онъ указалъ, поклепалъ напрасно-жъ. А не пытали его растриги для того, что онъ худъ; и въ наказѣ написано-распросить его съ пристрастіемъ, а пытать не указано. И отданъ онъ, до указу вел. государей за караулъ.

97.—98. *В. О Голицынь.* Въ прошломъ во 197 году, какъ онъ былъ на ихъ в. государей службѣ въ крымскомъ походѣ подъ Перекопомъ и у него съ крымскимъ ханомъ и съ его ближними людьми пересылка была такая: отъ нихъ Крымцовъ въ его князь Васильевъ полкъ перестрѣлено было писмо татарское, чтобъ кроворазлитіе унять на обѣ стороны и говорить бы о миру. И по тому писму мыслилъ онъ, князь Василей, со всѣми товарищи и съ гетманомъ, и написавъ писмо-послала съ толмочами и велѣли къ нимъ перестрѣлить, чтобъ для договору прислали отъ себя къ нему князь Василью въ обозъ; и они прислали Кеманъ-мурзу Сулешева. И въ то время, какъ Кеманъ говорилъ о миру, были бояря, и воеводы и генералы, и ротмистры, и столники, и полковники, и многихъ

чиновъ люди; и о томъ де писано въ отпискахъ его князь Васильевыхъ А околичаго де Венедихта Андрѣевича Змѣева никуда не для чего онъ не посылалъ, и посылать было не для чего. А воинскаго промысла подъ Перекопомъ не чинилъ онъ для того, какъ пошли отъ самой Копрки и шли по самнй Колончагъ 4 дни безъ воды, и отъ того люди отъ безводицы, также и лошади, истошались. И отъ Колончава до Перекопа шли два дни безъ воды жъ; но я болши людемъ и лошадямъ тягость учинилась. А у Перекопу стояли у самага Чернаго и у Гнлаго моря и воды прѣсной никакой не было; и отъ того безводья люди и лошади многіе померли; а колодезей нѣтъ, а и въ Перекопи, по распросомъ татарскимъ, толко одинъ колодезь. Такое во всѣхъ полкѣхъ у конныхъ и у пѣхоты и у рейтаръ и у солдатъ хлѣба оскуднѣе и ходили по міру, а подъемныя лошади подъ нарядами и подъ полковными припасы многія повалились и люди обезсилѣли. И о томъ всѣ бояря и воеводы совѣтовали и призывали всѣхъ полковъ ротмистровъ и генераловъ и полковниковъ и иныхъ чиновъ, и рейтаръ также и пѣхотныхъ солдатскихъ и стрѣльцкихъ урядниковъ и пятидесятниковъ, и ту мысль свою имъ объявляли и про безводицу съ ними говорили и о промыслу надъ Перекопомъ и о приступѣ, для чего и туры и мѣшки съ землею были готовы, и тѣ вышеписанные чины всѣ единогласно говорили, что имъ великимъ государемъ служить и крови свои проливать готовы, а отъ безводья и отъ безхлѣбья изнурились и промыслять надъ Перекопью нельзя и отступить бы прочь; и если де намъ со всѣми полками перестоять у Перекопи два дни, также бы учинилось надъ нами, какъ и надъ бодриномъ Васильемъ Борисовичемъ Шереметевымъ съ товарищи, и наряду бы и всякихъ полковыхъ припасовъ везти было не на чемъ, а отходъ дальней и которые припасы отъ упалыхъ лошадей остались, и тѣ везли столники и страпчѣе и рейтары на своихъ лошадяхъ.... Перекопу шли до Богородицкаго четыре недѣли и четыре дни, и жары пришли великія и травы Татарова кругомъ обоза почали ожигать, для того и отступили, и о томъ писано въ отпискахъ ихъ; а въ отходѣ бои были непрестанные, да и подъ самою Самарою у Богородицкаго города былъ бой съ ними. Татаръ которыхъ милостию Божіею и счастиемъ в. государей побили и языки и знамена многіе побрали, а Кармашка Татарина и Ивашка Тинбаева и переводчиковъ и толмачей съ писмомъ, онъ князь Василей, послалъ и велѣлъ къ нимъ то писмо перестрѣлить противъ ихъ писма, о которомъ писано выше сего. А въ томъ писмѣ написано было, чтобъ они противъ своего писма прислали къ нимъ въ обозъ кого для договору, а человекъ своего Ивашка Тинбаева послалъ онъ съ Татаринномъ Кармашкомъ для того, что онъ умѣетъ татарскаго языка; а иныхъ писемъ къ хану и инымъ никому ни о чемъ не писывалъ и отъ нихъ никакихъ писемъ опречь тѣхъ не о чемъ не прислано жъ; а тѣ де писма, которыя перестрѣлены отъ Крымцовъ въ дѣлахъ, или у толмачей, того не упомянуть, а умыслу его князь Васильева никакого не было, кромѣ того какъ въ душѣ его и въ сердцѣ, какъ самому Богу, такъ и имъ вел. государемъ служить и крови свои разливать всегда былъ готовъ, какъ и служилъ во всѣхъ дѣлахъ воинскихъ и въ посолскихъ и въ иныхъ всякихъ и въ приказныхъ, на что явное свидѣтельство въ разрядѣ и въ посолскомъ и въ малороссійскомъ и въ иноземномъ и въ пушкарскомъ приказахъ, а наипаче имъ, вел. государемъ самимъ извѣстно. И припадая къ ихъ государскимъ ногамъ, прося милостини, дабы его

привзрили милостиво на него беспомощнаго, какъ имъ в. государемъ, все-милосердный Богъ вліяеть въ сердце ихъ государское объ немъ, князь Васильѣ.

Столбецъ 47. Ответы Голицина о письмахъ (напечат. въ Ист. Устрялова I пр. № VII. „Письмо писалъ и съ писмомъ посылаю. Донеси.“

Ответъ. То де письмо онъ писалъ къ в. государинѣ для того, какъ онъ князь Василей пошолъ на службу, велѣно гетману, также и съ духовными кievскими говорить и черезъ Левонтія Неплюева, чтобъ выписать изъ книгъ о святой евхаристіи, какъ достойно быть совершенно и тѣ письма бралъ у гетмана и черезъ Левонтія Неплюева и у духовныхъ, посылалъ къ в. государинѣ, и что въ иныхъ грамотахъ явилось, что письма посылалъ, и то посылалъ въ тѣхъ грамотахъ о томъ же письма розные.

2. „Чтобъ изъ памяти твоей дѣла тѣ не выходили, а кто въ сидѣньи радостенъ былъ, и тому не дивись, ежели не дано было свыше, то бѣ такъ и дѣлать не дерзалъ. Письмо посылаю; изволь донести.“

Ответъ. То де онъ писалъ о служивыхъ дѣлехъ, а кто де въ сидѣньи радостенъ былъ, и то де писалъ къ нему Федка Шакловитой о бояринѣ князь Михайлѣ Алегуковичѣ Черкаскомъ; для того что онъ князь Михайло Алегуковичъ дѣла его порочилъ, а у него была съ нимъ ссора.

48. 3. „Отпиши, нѣтъ ли какихъ дьявольскихъ пренонъ отъ тѣхъ.“

Ответъ. То де онъ писалъ опасаясь непріятелей; а друзей и недрузей у него было много.

4. „А что ты писалъ ко мнѣ о Плохомъ. . . и я о томъ писалъ причиною, и что станетъ чиниться, отпиши, а о Башевѣ какъ приѣду, даромъ того не поквну.“

Ответъ. То де онъ писалъ о непослушаніи, которые въ полку были непослушны, а о Башевѣ писалъ для того, что на Москвѣ его кн. Василья повосилъ.

6. „Что мой пріятель о мнѣ глаголетъ, нѣтъ-ли чего посторонняго.“

Ответъ. Писалъ де онъ о тѣхъ, съ которыми у него въ то время была ссора.

7. О Иванѣ Дуниковѣи о Скобелцинѣ, время послать одного на струги кievскіе, а другаго въ Запороги къ лодочному дѣлу, а нынѣ они въ Сумахъ вездѣ ходя бунтуютъ Ч. держалика и Борятинскаго К. Θ. Да отпиши, поѣхалъ-ли куда бо. К. Θ. на Москвѣ его не держите.“ А въ концѣ той грамоты написано: „азбуку привялъ и учиться буду.“

Ответъ. То де писалъ онъ о держаликахъ боярина князь Михайла Алегуковича Черкасакаго и о князь Федорѣ Борятинскомъ, а о азбукѣ де у него связано выше сего.

8. „Цыдулки твои чель. Удураковъ нечего хотѣть, кромѣ дурости. Естли бѣ воли было не дано и того бѣ не было. Чтобъ сказки были крѣпки, которыя состоялись. Надежда въ Возѣ, что поговора и поквнуть.“

Ответъ. То де онъ писалъ о ротмистрахъ. А чтобъ сказки были крѣпки, и то писано о ратныхъ людехъ, которымъ велѣно быть по наряду на службѣ, чтобъ ихъ не отставляли.

9. „Для Бога, о Черкаскомъ какъ тебя Богъ наставитъ, старайся, а мнитса мнѣ Θ. Зн. онъ такъ отходить, то также и Полибну, чтобъ

крѣпилъ Родіона; и отпиши, тако-ль при помощи Божіей Г. въ добромъ здоровьѣ. Да при томъ же объявляю, былъ у насъ столникъ съ намязомъ, и я обрадовался милости государской, его звалъ къ себѣ, и полчанъ ѣдо 8 человекъ слишкомъ, и всѣ ради пили про государское здоровье. А послѣ обѣда чаша была государева, и я говорилъ о здоровьи государыни цса... и собишлѣ имя ея вмѣстѣ съ государя. И ты не приѣздѣ его столника провѣдай, что будетъ о томъ и объ иномъ словъ и отпиши.“

Отвѣтъ. Написано де въ той грамоткѣ имянно, а *Омта* и *Зм* про околичаго Ѳедора Тихоновича Зыкова; а мнѣніе де его было, что онъ его ссорилъ съ бояриномъ со княземъ М. А. Черкасскимъ; а къ Подлибину, и то де онъ писалъ къ околичаему къ Богдану Ѳедоровичу, чтобы къ нему князь Василью пріятствовалъ бояринъ Родіонъ Матвѣевичъ Стрѣшнева. А что написано глаголь и то де про в. государей, тако-ль при помощи Божіей они в. государи въ добромъ здоровьѣ; а долгъ де всѣхъ нашъ, что всегда просать у Господа Бога и вѣдать о ихъ государскомъ здоровьѣ. А что въ поданіи чаши о собшеніи имя ея великіе государыни, и то де онъ писалъ опасаясь в. государей гнѣву, чтобы на него чего не нанесли, естлибъ не сообщить ей в. государыни.

10 „Что ты писалъ объ Волконскомъ держалникѣ, и то зѣло добро. Мню, что про все они вѣдаютъ, и про подметные писма.“

Отвѣтъ. То де онъ писалъ околичаго князь Ѳедора Волконскаго о держалникѣ, что онъ дѣлалъ Черкасомъ разореніе и налоги великіе, а про подметные писма, о тѣхъ, которые явились на Левонтыя Неплюева отъ Камырицкихъ солдатъ.

11. „Вздорные бъ и воровскіе писма кончились, гдѣ не сумнѣваюсь, что за помазанцовъ Божіихъ тѣмъ ворагъ мѣста не будетъ, и Богъ ихъ обезглавить.“

51. *Отвѣтъ.* То де писалъ онъ, желая имъ в. государямъ здоровья и счастья; для того писалъ къ нему Ѳедва Шаковитой про подметные писма, а про какіе, про то сказать не упомянуть. А извѣстно о тѣхъ писмахъ имъ в. государемъ самимъ.

12. Для Бога поступаи, какъ тебѣ прежъ сего говорилъ, и ко мнѣ пиши. Для Бога смотри недреманнымъ окомъ, Ч. и чтобы его въ то не допустить, хотя бъ патриархомъ или цам. или цтм отбивать.

Отвѣтъ. „То де онъ писалъ къ нему о подковныхъ дѣлехъ, что для Бога поступаи, какъ онъ ему прежъ сего говорилъ. А „смотри недреманнымъ окомъ“ и написанъ червь, и чтобы его въ то не допускать, хотя бъ в. государынями болшими царевнами и патриархомъ, и то де онъ писалъ о бояринѣ о кн. Михайлѣ Алегуювичѣ Черкасскомъ, въ то время, какъ у него съ нимъ бояриномъ была ссора. А носидесь въ то время, что бытъ было ему боярина на Родіоново мѣсто Матвѣевича Стрѣшнева.

13. „О патриаршей дурости подивляюсь, отпиши, что порокъ на тѣ ризы и какимъ подобіемъ: то де дѣласть все воля. Какъ бы менши имѣлъ входъ, тогда бъ лучше было.“

52. *Отвѣтъ.* Писалъ де онъ для того, что патриархъ побралъ изъ Барашей ризы и кафтаны и служатъ въ нихъ не велѣлъ, а тѣ де ризы церковному чину не противны.

14. „О патриархѣ выразишь,“ и отъ того писца писано крѣками строки съ двѣ.

Отвѣтъ. Что писано крѣками и то де онъ писалъ съ азбуки, а безъ азбуки прочесть не возможно, потому что на той азбукѣ надъ всякимъ словомъ подписано было словенскимъ писмомъ. А и въ посолскомъ приказѣ пишутъ и переводятъ съ азбуки, подвясной русскимъ писмомъ. А писать де онъ кн. Василей ннѣ такихъ словъ, и. веревсть безъ азбуки не умѣеть, а память де ему, князь Василью по той грамотѣ, что то писмо о явленіи Пресвятой Богородицы Донскія, какъ она явилась того жъ монастыря архимандриту.

15. „Нѣтъ ли какого воровства отъ бунтовщиковъ?“

Отвѣтъ. То де онъ писалъ о тѣхъ бунтовщикахъ, которые остались со 190 году изъ стрѣльцовъ противными.

16. „Написано 10 словъ крѣками, а послѣ того, то ни отъ чего учинилось, толко отъ того приѣхали изъ Бѣлагограда ѣдоки до Москвы, кн. Юрья Щербатаго человекъ; слышали де тамъ тотъ на Москвѣ бунтъ,—то такъ на Москвѣ сказано.“

Отвѣтъ. Которые слова писаны по азбукѣ, и тѣхъ словъ ему безъ азбуки написать и прочесть не возможно; а мнится ему, что писано тожъ что и русскимъ писмомъ въ той-же грамотѣ писано учинилось вѣдомо, что приѣхали изъ Бѣлагограда и съ Москвы, что на Москвѣ шатость.

17. „О всемъ выразишь изъ отписки моея, чтобъ тое отписку изволила в. государыня слушать не со всѣми бояры, но съ самыми вѣрными.“

Отвѣтъ. То де онъ писалъ о шатости малороссійскаго краю.

18. Написано крѣками 17 строкъ, да ниже того, въ трехъ мѣстахъ писано крѣками же.

Отвѣтъ. Которыя де строки писаны крѣками, и тѣхъ де словъ перевести и прочесть ему безъ азбуки не возможно; а писано де то о гетманской шатости.

19. „Черезъ почту отъ милости твоея писмо принялъ, изъ котораго увѣдомился, что милость твоя къ намъ ѣдетъ, за что Богу благодарствую, и тебѣ челомъ бью. А при томъ о дву статяхъ zelo печалію болѣваю: первое, что съ твоимъ писмомъ нѣтъ писемъ изъ хоромъ; а для чего нѣтъ, и то въ писмѣ твоемъ не написано, а другое, что ты ѣдешь, а вѣдаешь самъ, что тамъ остался, и на кого въ чемъ положиться, а къ тебѣ о томъ и писалъ, чтобъ ты самъ не ѣздишь. Велика Богу будетъ слава, что тамъ безъ тебя чего отъ воровъ не учинится.“

Отвѣтъ. То де онъ писалъ для того, что онъ Федка садѣлъ въ стрѣлцкомъ приказѣ, чтобъ шатости не учинилось отъ воровъ, тѣхъ которые подъ его властью.

20. „Научите меня, что съ тѣми дѣлать, которые имена у тебя въ памятцѣ написаны, какъ будутъ поступать.“

Отвѣтъ. То де онъ писалъ о полчанехъ своихъ, которые ево поносили, и товарищей его бояръ и воеводъ, чрезъ грамотки свои на Москвѣ.

21. „Пуньты бѣ государыня изволила прочесть у себя, а въ полатѣ бѣ де меня не честь.“

Отвѣтъ. Для того не честь, что тѣ пункты писаны передъ прежними къ ихъ государской волѣ, и къ прибытку, а не къ ихъ малороссійскихъ городовъ самоволству.

22. „А о гетманѣ какъ учинилось, и о томъ писать я въ отпускахъ своихъ и въ грамоткахъ, изъ которыхъ о всемъ можешь выразумѣть; а пристойнѣе того и болши учинить не возможно; а что про него розыскивать, и такого образца николи не бывало. Изволте посмотреть въ старыхъ дѣлахъ, каковы они были противъ нынѣшнихъ поступокъ, и каково съ нынѣшнимъ нашимъ дѣломъ. А что отъ котораго лица какое злословіе, и то Богу вручаю, онъ то можетъ разсудить, какая въ томъ наша правда. Мы чаяли, что тѣ лица воздадутъ хвалу господу Богу и намъ милость, какъ то учинилось безо всякія помѣшки и кровопролитія и замѣшанія, коли ужъ то разсудить не могутъ. И они бѣ взяли себѣ въ примѣръ турецкого салтана, который то учинилъ назадъ тому 2 года: однимъ лѣтомъ переимѣнилъ двухъ хановъ, по татарскому челобитію, не розыскивая, только тому радъ былъ, что они у него въ послушаніи, и бунта каковаго не учинили. Не мудро-бъ и намъ не переимѣнить, только бѣ посмотрели, что изъ того родилось.“

Отвѣтъ. „То де писалъ онъ по его Оедкяну писму, что многіе о томъ не хотя его видѣть у нихъ в. государей въ милости, говорили: напрасно де стараго гетмана свяли, а новаго наставили.

23. Писано крѣками 4 строки.

Отвѣтъ. То де писано о полчанехъ, а о комъ—не упомянуть; а безъ азбуки прочесть не возможно.

24. „А объ Агѣѣ и о Борисовѣ дивлюся, кто врагъ то слово вмѣстѣ.“

Отвѣтъ. То де писано объ Агѣѣ Шепелевѣ, и о Микятеѣ Борисовѣ, о томъ что затѣяно на него, бутто онъ Агѣя драгъ за бороду, а Микятку былъ.

25. „Отповѣди не могу тебѣ учинить, и ума на то собрать; гдѣ добро, тутъ зло, гдѣ невинно, тутъ винно; и многому подивляюся, что не могутъ лучшаго изыскать.“

Отвѣтъ. То де онъ писалъ по писму Оедки Шакловитова къ тѣмъ людямъ, которые службу его порочать.

26. Написано 8 словъ крѣками, а послѣ того: „всегда безстрашіе являетъ дерзость, отъ чего происходитъ и воровство.“ А подъ тѣмъ написано шесть строкъ крѣками, а по краю столбца 15 строчекъ.

Отвѣтъ. Писалъ о томъ же, что службу порочать, а крѣками что писано, про то сказать не упомянуть, а чаеть что писано о томъ же, что службу порочать, а безъ азбуки прочесть неумѣть.

27. О писмѣ, какое перестрѣляли Крымцы на бою, и то писмо такое: „лишетъ нѣкакой человекъ безымянный, къ малороссійскимъ жителямъ, чтобъ пребывали съ ними въ миру. А Москва вамъ не вѣрить и большаго вашего хотять убить.“

Отвѣтъ. То де писмо писано на имя гетманское и на всѣхъ старшинъ и воеводство о соединеніи съ ними Крымцы, Черкесомъ и обще бы воевать государскія рати. А то де писмо въ приказѣ Малія Россіи.

28. „Для Бога, донеси государинѣ, чтобъ не печалился, изволила-бъ положить разсужденіе; а я о томъ доносилъ чрезъ писмо.“

Отвѣтъ. То де писмо писано по его жъ Ѳедкину писму, что вѣдомо в. государямъ учинилось по отпускамъ околичного кн. Ѳедора Ивановича Шаховскаго и думнаго дворянина Василья Даниловича Мясного, что во всѣхъ черкасскихъ городѣхъ будто учинилось сматеніе, чего не бывало.

29. „Симъ писмомъ изволь донести, и что увѣдомилъ меня о вѣдностяхъ московскихъ, о которыхъ ни отъ кого по се писмо не увѣдомился.“

Отвѣтъ. Писмо де верховое было о животахъ гетманскихъ, чтобъ половина взять на в. государей, а другая отдать Черкасомъ. И то уволено, и онъ писалъ о томъ же.

30. „Писмо принялъ и посылаю писмо жъ, изволь донести. Изъ писма твоего выразишь zelo. Изволилъ ты вымыслить то добре, толко бы то приложить въ сказкѣ, что для подлиннаго увѣдомленія посланы тѣ послыные стрѣльцы, о чемъ подлинно они видѣли и свидѣлствуютъ, что такъ то учинилось, и имъ то надобно приказать, чтобъ они тожь сказали согласно.“

Отвѣтъ. То де писано объ ожженіи стеной, и о томъ, которые стрѣльцы приславы въ полки; и то де они видѣли, и чтобъ они о томъ сказали согласно, что то такъ учинилось.

Да кн. Алексѣя Голицына велѣно распросить.

Столбецъ 61. Въ грамоткѣ своей къ отцу своему князь Василью въ крымскомъ походѣ, что де „ветры у насъ тихи, дай Богъ и въпредъ такъ, онъ князь Алексѣй писать приказывалъ и для чего, и почему онъ о тѣхъ вѣтрехъ дознавался, и какимъ гаданіемъ и съ котораго числа по которое число такіе тихіе ветры были, и что въ тѣхъ вѣтрехъ какихъ причинъ было.

Отвѣтъ. Такую де грамотку онъ къ отцу своему писалъ-ли ли нѣтъ, того онъ не упомнить. И то писмо ему казано; а смотря того писма сказалъ, что де то писмо не его руки. А возъ буде такое писмо онъ къ отцу своему написать и велѣлъ въ то время, какъ отецъ его былъ въ крымскомъ походѣ, для того, что въ то время, поносныхъ словъ ни отъ кого про отца его не было, а хитрости онъ никакие не знаетъ и гадательства не умѣетъ. А по осмотру то писмо съ писмами его кн. Алексѣеви рукъ не сходно.

Листы 112—114. *О Миткѣ Силинѣ.* Воръ и измѣнникъ Алешка Стрижевъ на товарища своего на вора жъ и богоотступника и волхва *Васку Иконника* говорилъ: какъ де онъ Алешка съ товарищемъ своимъ Андрушкою Кондратьевымъ были въ хоромѣхъ подъ Поводѣвичьемъ монастыремъ у распои у Гришки Павлова, и къ нимъ де тотъ Васка, приходя похвалялся, что онъ богоотступникъ и самимъ сатаною владѣетъ; есть ли де государыня царевна дастъ ему пять тысячъ рублей, и онъ сдѣлаетъ по прежнему; а хотя и не дастъ, и онъ де учинитъ для Сенки Медвѣдева, что имъ учинитъ то, какъ у ихъ обѣщано, что Сенкѣ быть въ московскомъ государствѣ царемъ, а царевнѣ за нимъ Сенкою быть неволею, а государя оба въ одну недѣлю умрутъ порчею. Да онъ же де Васка свазывалъ, что у Сенки Медвѣдева призванъ былъ изъ Польши волхвъ, будто лечитъ очи вел. государю царю и вел. князю Іоанну Алексѣевичу всея Россіи самодержцу, и жилъ у Сенки Медвѣдева. А распопа Гришка сказалъ: Сенка де Медвѣдевъ свазывалъ,

что у него былъ полской породы человекъ и сматривалъ на солнце, и видѣлъ въ немъ, отъ Бога назначено великое дѣло надъ московскимъ государствомъ, великое разореніе и смущеніе приближается на царствѣ, великіе де государи недолговѣчны, перво де одинъ къ Богу отъ идетъ, а послѣ его и другой; а послѣ ихъ будетъ великое смущеніе, какое еще на московское государство прежде сего и не бывало, другъ друга стануть убивать, всякъ захочетъ большой быть, и такъ де смятеніемъ бояръ и думныхъ и до послѣднихъ подъячихъ всѣхъ переберуть, такъ что и хватиться будетъ не за кого, и тогда встануть народомъ и выберуть себѣ царя изъ народа. Тогда де будетъ благоденствіе велие. А сказываетъ де тотъ мужикъ, что царемъ выберуть его Сенку, а Сенка Медвѣдевъ сказалъ, что у него иноземець полякъ изъ-за полскаго рубежа былъ, Миткою зовутъ Силнѣ, и такіе слова ему, что государыня царевна послѣ великихъ государей будетъ владѣтельница и червеческое платье съ него сниметь и поидеть за него Сенку, говорилъ.

И тотъ Митка, по послышѣ изъ стрѣлцаго приказу изъ за полскаго рубежа вызванъ на Луки Великія заводомъ, а съ Лукъ Великихъ привезенъ къ Москвѣ въ стрѣлцкой приказъ и распрашиванъ, и въ распросѣ межъ иными дѣлами сказалъ: тому шесть лѣтъ призванъ былъ изъ-за рубежа на Луки Великія и привезенъ къ Москвѣ въ Спасской монастырь, что за иконнымъ радомъ, къ бывшему строителю къ Сенкѣ Медвѣдеву, и жилъ у него въ кельѣ три года; и въ разговорѣ де онъ Митка ему Сенкѣ говорилъ, что къ нему Миткѣ приѣзживали изъ Смоленска, изъ Полоцка, изъ Витебска многіе люди для того, что онъ Митка узнаваетъ въ животѣ болѣзнь, отъ кого какая болѣзнь прилучится. И онъ де животь у многихъ щупалъ; да и въ солнце де онъ смотритъ и узнаваетъ въ солнцѣ, кому что будетъ. Да онъ же Митка у младенцовъ уговариваетъ грыжи, и отъ ускопу, или будетъ межъ мужа и жены совѣта не будетъ, пособляетъ. И Сенка де Медвѣдевъ велѣлъ ему Миткѣ посмотреть въ солнце, каковъ де будетъ князь Василей Голицынъ, и будетъ ли онъ на Москвѣ царемъ, также и Ѳедка Шакловитой какимъ чиномъ будетъ, и будетъ ли онъ великимъ княземъ, а онъ Сенка патріархомъ. А князь Василей де Голицынъ и Ѳедка Шакловитой ему Сенкѣ говорятъ: у нихъ де мыслено то, что въ московскомъ государствѣ учинятъ бунтъ, великаго государя, царя и вел. князя Петра Алексѣевича всея Россіи самодержца и государыню царицу и вел. княгиню Наталю Кириловну и весь родъ ихъ изгубить, а царь и вел. князь Іоаннъ Алексѣевичъ имъ и даромъ, а царевна де Софія Алексѣевна за князь Василья хотѣла идтить за мужъ; а Ѳедкѣ бѣ быть подъ царемъ первымъ княземъ, а патріархомъ бы быть ему Сенкѣ, а патріарха бѣ Іоакима сослать въ ссылку. А онъ де Сенка смотрилъ по звѣздамъ, и звѣзды де значать, что бытъ на Москвѣ кровопролитію великому. Бояря де за вел. государей не стоятъ, а сложились они съ князь Васильемъ за одно, а стрѣлцы де стоятъ за вел. государей. И онъ де Митка по тѣмъ Сенкинымъ словамъ ходилъ на Ивановскую колокольню великого съ чернцемъ Арсењемъ, а въ третье съ Андрюшкою Бурмистровымъ, и въ солнце сматривалъ: и въ солнцѣ де онъ видѣлъ на вел. государехъ вѣнцы по обыкновенію на главахъ, а у князь Василья де Голицына вѣнецъ мотался около грудей и назади и съ сторонъ; а онъ стоялъ темень и ходилъ колесомъ, а царевна де Софія Алексѣевна была печална и смутна, Сенка

де Медвѣдевъ темень, а Ѳедка де Шакловитой стоялъ повѣся голову; и значило ему, что будетъ ему скорая смерть прежь и Голицына. И смотря въ солнце, пришедъ къ Сенкѣ Медвѣдеву, сказывалъ, что по ихъ замыслу не станется, чтобъ они спасались. И онъ де ему говорилъ, что бредить. И для того де замыслу, у Сенки Медвѣдева князь Василей былъ дважды, а Ѳедка Шакловитой бывалъ не много не по всякую ночь, а отъ Сенки де ѣзживалъ передъ утромъ; и о томъ о всемъ мыслили, и межъ себя о томъ зломъ умыслѣ говаривали; то онъ Митка слыхалъ; а сиживалъ въ то время у Сенки въ кельѣ межъ чулана и печи, и про государское здоровье какъ говаривали, о убійствѣ слышалъ же.

Сенка де Медвѣдевъ съ Андришкою Бурмистровымъ посылалъ его къ князь Василью Голицыну, будто смотреть въ животъ болѣзни. И онъ де къ князь Василью пришелъ, и князь Василей де спрашивалъ: будетъ ли де онъ на Москвѣ великимъ человекомъ, и онъ де Митка ему сказалъ: „что ни затѣялъ и тому не сбыться, болши де того ничего не будетъ.“ И князь Василей де, пожався, покачалъ головою и сказалъ ему, „что де ты дѣдъ бредишь.“ И смотря и говоря тѣ слова отъ него пошелъ прочь. И живучи де у Сенки Медвѣдева у князь Василья въ домѣ онъ Митка былъ дважды, смотрѣлъ у него въ животъ болѣзни, щупалъ и сказалъ, что у него въ животѣ болѣзни никакой нѣтъ, а любить де онъ князь Василей чужбину, а своей жены не любить. И онъ де ему сказалъ: „правда де, дѣдушко, будешь де ты за то пожалованъ.“ Какъ въ первой крымской походѣ князь Василей пошелъ, и Сенка де Медвѣдевъ велѣлъ ему Миткѣ посмотреть въ солнце и гадать: въ томъ походѣ князь Василью будетъ-ли счастье или нѣтъ. И онъ де Митка въ солнце смотритъ съ молитвою, а въ той молитвѣ говорилъ: „Боже мой и премилостивый, Мати Божія Богородица и Троица Живоначальная и Михайло архангелъ и вся сили небесныя, явите мнѣ, что я задумалъ, надъ князь Васильемъ Голицынымъ что будетъ, будетъ ли ему какое добро, или нѣтъ, и въ дѣлѣ его будетъ ли какое счастье или нѣтъ.“ И въ солнцѣ значило, что князь Василью въ томъ счастья никакого не будетъ, только что онъ государскую казну истратитъ и людей изомнетъ. Про то де онъ Сенкѣ Медвѣдеву сказывалъ же. А князь Василей Голицынъ и Ѳедка Шакловитой и Сенка Медвѣдевъ всѣ троя хотѣли московскимъ государствомъ завладѣть, и того желали.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

стр.

Предисловіе I.

I. Обзоръ сочиненій, касающихся правленія царевны Софін

Алексѣевны 1—56.

Медвѣдевъ 2. Розенбушъ и П. Гордонъ 4. Корбъ 7. Польскіе писатели 8. Шлейзингъ и Кразь 10. Нѣвилъ 12. Желябужскій 16. Гюйсенъ и Манкиевъ 17. Драма „Стефанотокосъ“ 18. Перри 19. Страленбергъ и Веберъ 20. О. Прокоповичъ и Шафировъ 21. А. А. Матвѣевъ 22. Рабевъ, Руссе и Катифоръ 26. Мовильонъ 29. Татищевъ 29. Ломоносовъ 30. Крекшинъ 31. Ал. Гордонъ и Штелинъ 33. Вольтеръ 34. Сумароковъ 35. Еминъ 36. Миллеръ 37. Θεодози 40. Щербатовъ 40. Левекъ и Коксъ 41. Болтинъ 41. „Мысли о Россіи“ 1792 г. 44. Карамзинъ 44. Голиковъ 45. Галемъ, Схельтма, Бергманъ, Сегюръ, Вилліамъ и Пельцъ 47. Берхъ и „Исторія соцагствія въ Россіи“ 48. Долгоруковъ и Сахаровъ 49. Н. Полевой 50. П. Щебальскій 51. Н. Устряловъ 53. С. Соловьевъ 55.

II. Московскія смуты въ правленіе царевны Софін 57—70.

Волненія въ XVII в. и связь ихъ съ смутами времени правленія Софін 58. Придворныя партіи 59. Уничтоженіе мѣстничества 60. Злоупотребленія правителей 61. Состояніе разныхъ классовъ общества въ царствованіе Θεодора Ал. 64. Избраніе Петра на царство 66. Торжество Нарышкиныхъ 67. Недовольство стрѣльцовъ на своихъ полковниковъ 67. Молва о правительствѣ Нарышкиныхъ 69.

III. Стрѣлецкій бунтъ 1682 г. 71—86.

Убійства въ Кремлѣ 15 мая 73. Проншествія 16 и 17 мая 74. Новые государственные правители 77. Причины возмущенія стрѣльцовъ 78. Попытка стрѣльцовъ освободить холоповъ 80. Награды стрѣльцамъ 81. Мнѣнія о проискахъ Софін 82. Положеніе стрѣльцовъ послѣ бунта 84.

IV. Волненія раскольниковъ 87—96.

Московская власть свѣтская и духовная XVII в. 87. Общественное положеніе раскольниковъ 89. Коропованіе царей 91. Союзъ стрѣльцовъ съ раскольниками 92. Споры въ Грановитой палатѣ между раскольниками и православными 93. Казнь расколуучителей и значеніе мятежа раскольниковъ 95.

V. Ив. А. Хованскій и бунтъ стрѣльцовъ, послѣ его казни. 97—116.

Подозрительныя дѣйствія Хованскаго 97. Смутное настроеніе и боязнь народа въ Москвѣ 99. Отъѣздъ царскаго семейства изъ Москвы 100. Улики Хованскаго въ измѣнѣ и смертный приговоръ 101. Казнь Хованскаго съ сыномъ 102. Волненія стрѣльцовъ 103. Уничтоженія льготъ, данныхъ стрѣльцамъ 104. Преслѣдованіе прелѣстныхъ и смутныхъ словъ 108. Волненія на Украинѣ и на Донѣ 109. Преслѣдованіе бѣглыхъ, разбойниковъ и раскольниковъ 112.

VI. Заговоръ Шакловитаго и паденіе Софіи. 117—149.

Борьба партій въ правленіе царевны 118. Неудовольствія противъ ея сторонниковъ 119. Смутныя вѣсти и мѣры противъ нихъ 120. Усиленіе боярѣ, враждебныхъ правительницѣ 122. Положеніе духовенства во враждѣ двухъ партій 125. Поводы къ столкновенію Петра и Софіи 126. Бѣгство Петра въ Троицкую лавру 127. Замыслы Шакловитаго 129. Взглядъ Софіи на ссору ея съ Петромъ 132. Участіе Медвѣдева въ бунтѣ 137. Положеніе В. В. Голицына 141. Дѣло Безобразова 144. Значеніе бунта Шакловитаго 147.

VII. Неудовольствія противъ царя Петра. 150—158.

Связь волненій въ правленіе Софіи съ послѣдующими смутами 150. Отношенія приверженцевъ царевны къ партіи Нарышкиныхъ 150. Заговоръ Цыклера 151. Движенія стрѣльцовъ въ 1698 г. 153. Участіе царевны въ этомъ движеніи 155.

VIII. Примѣчанія. I—XLVII.

IX. Приложение 1—99.

О П Е Ч А Т Ь И:

<i>страни.</i>	<i>строка.</i>	<i>напечатано.</i>	<i>слѣдуетъ читать.</i>
2.	38.	не пускаетъ	не упускаетъ
4.	7.	бы	бо
9.	10.	<i>Марья</i>	<i>Мароа</i>
16.	20.	1698 г.	1697 г.
26.	12.	матеріалы	матеріалы
27.	17.	престрой	преострой
53.	14.	Шлецзинга	Шлейзинга
78.	8.	Богородицы	Богородицы
95.	11.	никакого	нижеако
100.	25.	того	того
104.	22.	дѣйствовать	дѣйствовать
106.	25.	бунта;	бунта онъ
109.	3.	въ янче	и въ янче
112.	5.	стерень	стереть
114.	16.	треоги	тревоги
114.	30.	хотятъ	ходятъ
116.	8.	ихъ силу	его силу
117.	18.	заждется	зиждется
123.	<i>снизу</i> 1.	ѣчно	вѣчно
126.	11.	лицами	лицами
132.	32.	<i>заводчиками</i>	<i>заводчикомъ</i>
136.	20.	. Царь	царь
141.	3.	въ 1774	въ 1674
154.	<i>снизу</i> 1.	крайнаго	крайнаго
<i>Въ примѣч. IV.</i>	30.	<i>Гассена</i>	<i>Гассена</i>
XVI.	39.	Нзыршкнянмъ	Нарышкиннмъ
XVIII.	1.	Волынскихъ	Волынскіе
XXIII.	42.	1867 г.	1367 г.
XXIV.	32.	1132.	№ 1132.
XXVI.	39.	а того у дѣйства	а у того дѣйства

СЛОВА	ПРИМ.	ИЗЪЯТИЕ	СЛОВА СЪ ВЪЗМ.
ПЕЧЬ	21.	ПЕЧЕВНИ	ПЕЧЕВНИ
К	22.	КЕВНИ	КЕВНИ
КА	23.	КАВНИ	КАВНИ
КАМ	24.	КАМЕНИ	КАМЕНИ
КАМ	25.	КАМЕНЬ	КАМЕНЬ
Въ прим. ж. 24.	26.	КАМНИ	КАМНИ
27.	27.	КА	КА
28.	28.	КАМНИ	КАМНИ
29.	29.	КАМЕНЬ	КАМЕНЬ
30.	30.	КАМЕНИ	КАМЕНИ
31.	31.	КАМНИ	КАМНИ
32.	32.	КАМЕНЬ	КАМЕНЬ
33.	33.	КАМНИ	КАМНИ
34.	34.	КАМНИ	КАМНИ
35.	35.	КАМНИ	КАМНИ
36.	36.	КАМНИ	КАМНИ
37.	37.	КАМНИ	КАМНИ
38.	38.	КАМНИ	КАМНИ
39.	39.	КАМНИ	КАМНИ
40.	40.	КАМНИ	КАМНИ
41.	41.	КАМНИ	КАМНИ
42.	42.	КАМНИ	КАМНИ
43.	43.	КАМНИ	КАМНИ
44.	44.	КАМНИ	КАМНИ
45.	45.	КАМНИ	КАМНИ
46.	46.	КАМНИ	КАМНИ
47.	47.	КАМНИ	КАМНИ
48.	48.	КАМНИ	КАМНИ
49.	49.	КАМНИ	КАМНИ
50.	50.	КАМНИ	КАМНИ
51.	51.	КАМНИ	КАМНИ
52.	52.	КАМНИ	КАМНИ
53.	53.	КАМНИ	КАМНИ
54.	54.	КАМНИ	КАМНИ
55.	55.	КАМНИ	КАМНИ
56.	56.	КАМНИ	КАМНИ
57.	57.	КАМНИ	КАМНИ
58.	58.	КАМНИ	КАМНИ
59.	59.	КАМНИ	КАМНИ
60.	60.	КАМНИ	КАМНИ
61.	61.	КАМНИ	КАМНИ
62.	62.	КАМНИ	КАМНИ
63.	63.	КАМНИ	КАМНИ
64.	64.	КАМНИ	КАМНИ
65.	65.	КАМНИ	КАМНИ
66.	66.	КАМНИ	КАМНИ
67.	67.	КАМНИ	КАМНИ
68.	68.	КАМНИ	КАМНИ
69.	69.	КАМНИ	КАМНИ
70.	70.	КАМНИ	КАМНИ
71.	71.	КАМНИ	КАМНИ
72.	72.	КАМНИ	КАМНИ
73.	73.	КАМНИ	КАМНИ
74.	74.	КАМНИ	КАМНИ
75.	75.	КАМНИ	КАМНИ
76.	76.	КАМНИ	КАМНИ
77.	77.	КАМНИ	КАМНИ
78.	78.	КАМНИ	КАМНИ
79.	79.	КАМНИ	КАМНИ
80.	80.	КАМНИ	КАМНИ
81.	81.	КАМНИ	КАМНИ
82.	82.	КАМНИ	КАМНИ
83.	83.	КАМНИ	КАМНИ
84.	84.	КАМНИ	КАМНИ
85.	85.	КАМНИ	КАМНИ
86.	86.	КАМНИ	КАМНИ
87.	87.	КАМНИ	КАМНИ
88.	88.	КАМНИ	КАМНИ
89.	89.	КАМНИ	КАМНИ
90.	90.	КАМНИ	КАМНИ
91.	91.	КАМНИ	КАМНИ
92.	92.	КАМНИ	КАМНИ
93.	93.	КАМНИ	КАМНИ
94.	94.	КАМНИ	КАМНИ
95.	95.	КАМНИ	КАМНИ
96.	96.	КАМНИ	КАМНИ
97.	97.	КАМНИ	КАМНИ
98.	98.	КАМНИ	КАМНИ
99.	99.	КАМНИ	КАМНИ
100.	100.	КАМНИ	КАМНИ

DK 125 .A7
Moskovskia smuty v pravlenie
Stanford University Libraries

3 6105 041 472 502

DK
125
A7

Stanford University Libraries
Stanford, California

Return this book on or before date due.

JAN 04 1993